

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

БЕЛАЯ
ЭМИГРАЦИЯ
В КИТАЕ
И МОНГОЛИИ

**БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В КИТАЕ
И МОНГОЛИИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

ББК 63.3(2)-8
Б43

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Б43   **Белая эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 431 с.**

ISBN 5-9524-1616-0

Настоящая, 25-я, книга подсерии «Белое движение» посвящена описанию белых воинских частей, которые после завершения боевых действий на территории исторической России были вынуждены отступить в Монголию и Китай. Большое внимание уделено трагическим судьбам таких героев Белого движения, как генералы А.С. Бакич, А.И. Дутов, Р.Ф. Унгерн-Штернберг и Б.В. Анненков. Подробно описана почти 20-летняя история Шанхайского русского полка и его офицерского состава.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот ранее неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. Книга входит в выпускаемое издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, 2005
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-1616-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать пятый том серии «Белое движение в России» посвящен пребыванию остатков белых армий Восточного фронта в Монголии и Китае.

Положение русских беженцев на Дальнем Востоке во многом отличалось от положения их собратьев по несчастью в Европе. Если в Европе, перейдя границу, чины белых армий могли чувствовать себя, по крайней мере, в безопасности, то в Монголию и Китайский Туркестан красные отряды вторгались совершенно свободно. Судьбы чинов белых армий складывались в зависимости от принадлежности к основным группам, попавшим на эти территории.

Оренбургский отряд (бывшая Оренбургская армия) во главе с генералом А.С. Бакичем — свыше 10 тысяч бойцов, не считая беженцев (или до 12 тысяч), перешел китайскую границу 27 марта 1920 г. у г. Чугучак. Из лагеря на реке Эмиль к июню вернулось в Россию около 6 тысяч, а часть получила разрешение выехать в сторону Дальнего Востока. По соседним заимкам располагались несколько сот прибывших осенью повстанцев войскового старшины Шишкина. В апреле 1921 г. присоединилась отошедшая из Сибири повстанческая Народная дивизия хорунжего Токарева (до 1200 бойцов). 24 мая ввиду вторжения красных войск Бакич двинулся на восток. Этот поход, получивший название «Голодный поход Оренбургской армии», протекал в неимоверно тяжелых условиях жары, без пищи и воды. У реки Кобук почти безоружный отряд (из 8000 человек боеспособных было не более 600, из которых только треть вооружена) прорвался сквозь красный заслон и дошел до Шарасумэ в Монголии, потеряв более 1000 человек. В начале сентября свыше 3 тысяч сдались здесь красным, а остальные ушли в Монгольский Алтай, где от

отряда отделились 1-й Оренбургский казачий дивизион полковника Д.В. Кочнева и Оренбургская дивизия генерала Шеметова. После боев в конце октября остатки корпуса Бакича (несколько сот человек) сдались под Уланкомом. Большинство их было убито или умерло по дороге, а Бакич, его помощник генерал Степанов и еще 15 офицеров в январе 1922 г. расстреляны в Кяхте. Лишь 350 человек скрылись в степях Монголии и вышли с полковником Кочневым к Гучену, откуда до лета 1923 г. расплылись по Китаю.

Чуть позже перешел в Китай и расположился в лагере на реке Бартале, а потом в Суйдине отряд Оренбургского атамана А.И. Дутова (исполнявшего обязанности генерал-губернатора Семиречья) — 600 человек; с учетом присоединившихся позже (в т. ч. 500 перешедших от Анненкова) к 1921 г. насчитывалось 1600 человек. После убийства Дутова командование им принял полковник Гербов. Этот отряд, получив денежную помощь от атамана Семенова, постепенно расплылся и к 1922 г. прекратил существование. Большинство офицеров ушло в Приморье, остальные осели в городах Китайского Туркестана.

Отряд генерала Б.В. Анненкова (начальник штаба полковник Н.А. Денисов) после четырехмесячного пребывания в горах Алатау, где погибло от болезней несколько сот человек, а свыше 1,5 тысячи вернулось, перешел границу у Кульджи 26 мая 1920 г. В нем оставалось около 600 человек (лейб-атаманцы, кирасирский полк, артиллеристы и конвой). В середине августа отряд стал передвигаться в Урумчи, а осенью — далее на восток, в Гучен, откуда четырьмя эшелонами рассеялся по Китаю. Сам Анненков и генерал Денисов были в 1925 г. арестованы китайцами и выданы большевикам.

Белые войска Алтая под командой капитана Д.В. Сатунина, потом капитана 1-го ранга Б.М. Елачича, а затем есаула А.П. Кайгородова держались в горах Алтая до весны 1921 г., а в апреле те, кто не был отрезан красными (около 1000 человек, из которых большинство вернулось), вышли в Монголию в районе Кошагача. Этот отряд (около 400 человек) вместе с подошедшим корпусом Бакича (2 тысячи) в сентябре сражался с красными у озера Тулба и на русской территории Алтая. Потерпев поражение, Кайгородов с частью отряда остался партизанить на Алтае, а основная часть отряда с полковником Сокольниковым вернулась в Кобдо. 28 октября отряд вместе с ушедшими от Бакича оренбуржцами (670 человек, в т. ч. 488 бойцов) покинул город. В конце декабря, после тяжелого похода и стычек с монголами, он расположился лагерем на реке Булугун, в Китайском Туркестане, где 26 ноября 1922 г. был ликвидирован как боевая часть, а его чины

к концу февраля 1923 г. расплылись, осев в Пекине, Мукдене, Тяньцзине и других городах Северного Китая.

Азиатская конная дивизия барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга при отступлении войск Семенова из Забайкалья покинула свою базу на ст. Даурия и в середине октября 1920 г. двинулась в Монголию, где вела бои против китайских и красных войск. Барону Унгерну подчинялись и другие русские отряды в Монголии: полковника Н.Н. Казагранди, атамана Енисейского казачьего войска И.Г. Казанцева и есаула А.П. Кайгородова. Дивизия освободила от китайцев монгольскую столицу Ургу и дважды пыталась прорваться в Забайкалье, но несла тяжелые потери. При отступлении, возмущенные жестоким обращением начальника, офицеры изгнали Унгерна, и дивизия двинулась в Маньчжурию, где осенью была разоружена, а остатки ее перевезены в Приморье или рассеялись в Маньчжурии.

В Китае положение эмигрантов существенно отличалось от Европы. Там беженцы первоначально селились в основном в полосе отчуждения КВЖД, где сохранялась старая русская администрация, и основной костяк эмигрантов сложился еще после занятия большевиками Сибири в 1920 г. Всего в полосе отчуждения проживало до 300 тысяч человек, крупнейшим центром русской эмиграции был Харбин. Воинские чины оказались, однако, еще в худшем положении, чем в Европе, поскольку на Дальнем Востоке после эвакуации Приморья армии как целостного организма не существовало. Чтобы не умереть с голода, офицерам приходилось объединяться в артели грузчиков, носильщиков, работать чернорабочими, заменив в этом качестве китайцев.

Эвакуация Приморья началась с 21 октября 1922 г. Из Владивостока смогли выехать практически все желающие. На судах Сибирской флотилии в Посыет эвакуировалось до 7000 человек, в Ново-Киевске для перехода границы собралось до 9000, в т. ч. до 700 женщин, 500 детей и 4000 больных и раненых. 2 ноября эвакуация завершилась: одновременно с переходом границы Сибирская флотилия прибыла в Гензан (совр. Вонсан). Перешедшие сухопутную границу прибыли в Хунчун, где на середину ноября насчитывали 8649 человек (7535 мужчин, 653 женщины и 461 ребенок). В Гензане, за исключением тех, кто прибыл туда и затем уехал самостоятельно, собралось около 5500 человек, в т. ч. 2500 военнослужащих, около 2000 членов их семей и 1000 гражданских лиц. В середине декабря хунчунская группа стала переводиться в Гирин, где в феврале 1923 г. размещена в лагерях. Группа войск генерала И.С. Смолина в 3000 человек отступила в район ст. Пограничная. Ее офицеры были интернированы в лаге-

ре в Цицикаре. Из Гензана флотилия 21 ноября перешла в Пусан, затем в Шанхай, откуда 4 января 1923 г. вышла на Филиппины (туда прибыло около 800 человек), а 1 июля прибыла в Сан-Франциско. Через полгода в Шанхай из Гензана прибыли еще четыре корабля с войсками генерала Ф.Л. Глебова. Когда в конце 1922 г. хлынул последний поток беженцев из Приморья, китайцы не пустили их в полосу отчуждения, а направляли в концентрационные лагеря, где были созданы тяжелейшие условия и помимо голода и болезней эмигранты подвергались издевательствам китайских жандармов.

В числе чинов белых армий в Китае насчитывалось не менее 5000 офицеров, и хотя многие сразу же уехали в Японию, США и Канаду, а некоторые и в Европу, большинство оставалось в Китае. Несколько больший процент, чем на Западе, эвакуировался вместе с семьями, т. к. среди офицеров Сибирской армии абсолютно преобладали местные уроженцы, но имущества большинства никакого не имело. Некоторую заботу о них проявляли высшие военные круги, обладавшие на Дальнем Востоке кое-какими средствами, поступали таковые и от руководства КВЖД. Имелись Общество взаимопомощи офицеров и другие организации взаимной поддержки. С декабря 1934 г. русская эмиграция находилась в ведении Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (к началу 30-х гг. там насчитывалось около 110 тысяч русских, в т. ч. около 60 тысяч эмигрантов), в 1938—1945 гг. в армии Маньчжоу-Го имелись российские воинские отряды, комплектовавшиеся из молодежи во главе с русскими офицерами.

В Синцзяне к 1926 г. насчитывалось до 6000 русских. Во время мусульманского восстания 1931—1933 гг. из них был набран конный отряд в 180 человек и была взята на службу бывшая батарея войск Анненкова. Когда эти части показали себя, китайцами была объявлена мобилизация белых русских в Илийском крае (под угрозой высылки в Совдепию), и командование над отрядом (до 1000 человек) принял сподвижник Дутова полковник Папенгут. Однако эти войска, сыгравшие главную роль в подавлении восстания, при изменении политической обстановки в результате борьбы среди китайских властей были раздроблены на мелкие части, затем обезоружены и распущены, а некоторые командиры (в т. ч. Папенгут) — казнены.

Немало русских эмигрантов находилось на службе в китайской армии, полиции, служило инструкторами и участвовало в гражданской войне в Китае на стороне правителя Маньчжурии Чжан Цзолина. 1-я русская смешанная бригада воевала в войсках маршала Лу Юн-

сяна, причем самый факт ее существования доставлял беспокойство советскому правительству, которое в 1925 г. заявляло официальный протест по этому поводу. Сформированная генерал-лейтенантом К.П. Нечаевым (начальник штаба полковник Д.Ф. Карлов) по просьбе командующего фронтом Чжан Зунчана русская группа войск включала пехотную (104-й и 105-й полки) и кавалерийскую бригады двухполкового состава, отдельные инженерные роты, дивизион из шести бронепоездов и воздушную эскадрилью (кроме того, охрана генерала Чжан Зунчана — 120 шашек при 5 офицерах и 107-й, 108-й и 109-й полки с русским кадром). В марте 1925 г. при штабе 65-й дивизии была создана русская комендантская команда, преобразованная в июне в Юнкерскую роту в 87 человек (осенью 1926 г. ее юнкера были произведены в подпоручики). В Шаньдуне в 1927—1928 гг. в китайской армии существовало русское военное училище, выпускники которого (русские) были признаны РОВСом в присвоенных им чинах подпоручиков русской службы. Через него прошло около 300 человек. В 1928 г., при начале краха северного китайского правительства, полк и училище во главе с полковником И.В. Кобылкиным были выведены в Маньчжурию и спасены, но русская группа войск понесла огромные потери (только в Цзинанфу, главной базе русских войск, похоронено около 2000 убитых — половина всех добровольцев). К началу 30-х гг. русские формирования были в основном распущены, и офицеры постепенно устраивались на гражданскую службу или покидали Китай.

Одним из важных центров сосредоточения русского офицерства был Шанхай, где существовало русское офицерское собрание, созданное в 1926 г. и на 1941 г. насчитывавшее в общей сложности 216 членов и 32 постоянных гостя. Там же 16 января 1927 г. в составе Шанхайского волонтерского корпуса был сформирован русский отряд из 250 человек, затем развернутый в полк (существовавший 20 лет), охранявший европейское население, где до 50% составляли офицеры, а также русская полицейская рота во французской концессии.

В настоящем издании собраны материалы о судьбах остатков белых армий на территории Монголии и Китая. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Содержание тома разбито на три раздела. В первом собраны материалы, относящиеся к частям белых армий, отошедших в 1920 г. в Синцзян, во втором — посвященные эпопее Азиатской конной дивизии, в третьем — о положении русских военных в основных эмигрантских центрах Китая — Харбине и Шанхае. В России эти воспоминания, за небольшим исключением, никогда не публиковались.

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ И МОНГОЛИИ

В большинстве случаев публикации приводятся полностью, в ряде случаев сделаны небольшие сокращения. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

**БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В КИТАЕ
И МОНГОЛИИ**

Раздел 1

А. Загорский¹

К ИСТОРИИ АТАМАНА А.И. ДУТОВА²

23 апреля по старому стилю, в День святого Георгия Победоносца, оренбургские казаки отмечают свой войсковой праздник.

Мне всегда, когда речь идет об оренбуржцах, вспоминается светлая, героическая личность выборного Войскового атамана Александра Ильича Дутова³, как выдающегося вождя, одним из первых поднявшего знамя борьбы за честь, свободу и величие нашей Родины.

С именем Александра Ильича я впервые познакомился летом 1917 г. по газетным отчетам об Общеказачьем съезде, состоявшемся в объёме пламенем революции Петрограде. Там полковник Генерального штаба Дутов первый возвысил свой голос на защиту русской государственности, призывал казачество не поддаваться вражеской пропаганде и оставаться верными заветам своих славных предков.

Большой войсковой круг Оренбургского войска вскоре после этого избрал Александра Ильича своим Войсковым атаманом.

К началу 1918 г. почти вся Россия оказалась под властью красных узурпаторов. Многомиллионная Русская армия развалилась. Многие генералы и значительная часть офицерского состава поплыли по течению или совсем отказались от борьбы с ленинскими последователями. Но атаман Дутов не склонил своей головы перед новым Чингисханом, он смело вступил в неравную борьбу с красными вандалами. Его «Набат» загредел на всю Россию. Дутовские партизанские отряды громят красных не только в Оренбургской губернии, но и выходят далеко за ее пределы. Будучи отрезан от баз военного снабжения и не имея денежных средств, атаман Дутов вплоть до чешского восстания вынужден был вести только партизанскую войну. Но когда чехи захватили западную часть Самаро-Златоустовской ж. д., когда в руки белых пе-

решло Среднее Поволжье с имевшимися там запасами военного снабжения, партизанские отряды А.И. Дутова быстро сливаются в одно целое, и к осени того же года его армия достигает до 100 тысяч бойцов. Имя атамана Дутова стает близким сердцу каждого русского патриота.

После вступления адмирала А.В. Колчака⁴ на пост Верховного правителя атаман Дутов получает назначение на высокий пост атамана всех казачьих войск и инспектора кавалерии. Его Оренбургская армия⁵ переходит под командование генерала Белова⁶, а он отправляется в столицу освобожденной части России, в г. Омск.

С Александром Ильичом я познакомился лично в мае 1919 г. в Омске и встречался там с ним много раз. Последний раз в этом городе я виделся с ним при его отъезде в Читу для примирения атамана Г.М. Семенова⁷ с Верховным правителем. Минут тридцать в его поезде мы беседовали о положении на Уральском фронте, и я видел, как не уверен уже был Александр Ильич в благоприятном для нас исходе борьбы.

Второй звонок заставил меня выйти из салон-вагона атамана. На площадке Александр Ильич, прощаясь со мною, как бы шутливо сказал: «До свидания, надеюсь, мы еще увидимся с Вами в Кульдже»...

С 1918-го по 1920 г. я состоял секретарем императорского российского консульства в Кульдже (Илийский край, в Западном Китае) и в мае месяце 1919 г. прибыл, по поручению консульства и с согласия российского посланника в Китае князя Кудашева, в Омск для исхода-тайствования у правительства средств на оказание материальной помощи 65 тысячам беженцев-таранчей, перешедших русско-китайскую границу в мае 1918 г. и ожидавших в Китае освобождения их аулов Белой армией.

В сентябре месяце я возвратился из Омска в Кульджу. Там уже были получены сведения о приближении красных к Иртышу. Позже мы каждый день получали все печальнее и печальнее сообщения о положении на фронте.

После занятия красными Западной Сибири Оренбургская армия, во главе которой опять стал атаман Дутов, была отрезана от главных военных сил Верховного правителя, и о ней мы в Кульдже долго не имели никаких сведений.

В январе 1920 г. мы получили от атамана Б.В. Анненкова⁸ сообщение, что в расположение его дивизии, в Семиреченскую область, пришел атаман Дутов с остатками своей армии, в которой насчитывалось еще до 30 тысяч человек, половина которых были больны тифом, раненые и обмороженные.

Позже мы узнали, что в конце 1919 г., после выхода красных в Западную Сибирь, Оренбургская армия была разрезана противником на две части, одна из которых под командованием генерала Акулинина⁹ пробилась к границам Персии¹⁰, а другая, под командованием А.И. Дутова, ушла в Семиречье.

Атаман Анненков, по соображениям надлежащего питания частей армии А.И. Дутова, расквартировал одну из них во главе с Александром Ильичом в районе селения Ужь-Арал, а другую, корпус генерала Бакича¹¹, — в районе станицы Урджар и с. Бахты.

Не долго пришлось отдохнуть оренбуржцам на новых местах. В марте месяце 1920 г. красные двинули на Семипалатинскую и Семиреченскую области громадные силы, и Семиреченский фронт пал. Атаман Анненков с остатками своей дивизии¹² ушел в граничившие с Китаем горы и засел в так называемом «Орлином Гнезде», возле урочища Сельке, откуда в мае перешел в Китай и интернировался.

В марте же А.И. Дутов объявил своим соратникам о невозможности дальше продолжать борьбу и о своем решении уйти в Китай. При этом он предупредил их, что в чужой стране их ждет далеко не радостная жизнь, и сказал, что он не будет препятствовать тем, кто решит остаться в России. Многие из его людей остались в Семиречье, а с ним добровольно пошли в Китай около 2000 казаков.

В то же время корпус генерала Бакича в количестве 12—15 тысяч человек перешел китайскую границу в районе селения Бахты и был интернирован вблизи г. Чугучак, в Тарбагатае.

Атаман Дутов со своим отрядом перешел покрытый льдами и глубоким снегом перевал Кара-Сайрык, высотой в 14 футов, и в половине марта вышел в населенную кочевниками монголами долину реки Боротолы, где пришлось сдать оружие китайским войскам.

В марте же месяце 1920 г. российское консульство в Кульдже было, по распоряжению пекинского правительства, закрыто и интернированные в Китай остатки белых армий оказались без всякой государственной защиты. К нашему счастью, синцзянским генерал-губернатором, в состав провинции которого входили долина реки Боротолы, район г. Кульджа (Илийский край) и г. Чугучак (Тарбагатай), был друг белых русских и враг большевиков, семидесятилетний генерал Ян. Он отнесся к интернированным русским весьма сердечно и приказал местным властям выдавать им по два паунда муки на человека в день и по столько же каменного угля для варки пищи. В мае месяце он разрешил отряду атамана Дутова перейти на стоянку в г. Суйдун, расположенный на главном пути из России в Кульджу, в 45 верстах от русской границы, где имелись наши казармы для консульского конвоя

человек на двести. Вследствие же того, что в отряде было до тысячи человек, большая часть отряда разместились в суйдунских казармах и вырытых казаками во дворе казарм землянках, а Первый Оренбургский имени атамана Дутова полк расположился верстах в 25 от Суйдуна, в селении Душегур.

На новых стоянках чины отряда получали от китайских властей вышеуказанный паек муки и угля, и только. Питались люди весьма скудно, но и для этого им пришлось продавать своих лошадей, седла и другое скромное имущество. Атаман продавал собственные вещи и выручку отдавал на содержание казаков.

В конце мая Александр Ильич приехал в Кульджу (50 верст от Суйдуна) и остановился у заведовавшего консульскими зданиями бывшего драгомана консульства г. Стефановича. Я в это время жил уже на частной квартире, вне консульства, и, узнав о приезде атамана, пошел в консульство. Александр Ильич гулял по аллеям консульского сада. Увидев меня, он пошел ко мне навстречу и еще на расстоянии шагов пятидесяти сказал: «Помните, я говорил Вам в Омске, что мы встретимся в Кульдже». Его слова в поезде, в Омске, я тогда принял за шутку, но они оказались пророческими.

В Кульдже русских людей со средствами было очень мало. Богатая же и многочисленная колония русских купцов, татар и сартов, после падения фронтов, старалась держаться в стороне от нас, опасаясь в будущем репрессий со стороны красных, агенты которых, хотя еще и не официально, уже шныряли по городам Синцзянской провинции.

С атаманом Дутовым вышел в Китай главный священник его армии, игумен отец Иона, ставший впоследствии епископом Ханькваским¹³ и Маньчжурским. Он вывез с армией Табынскую чудотворную икону Божьей Матери.

Игумен Иона был близким другом Александра Ильича, по его поручению жил в Кульдже и там собирал среди русских людей некоторые денежные пожертвования в пользу отряда. Он часто бывал у меня и моего зятя, директора местного отделения Русско-Азиатского банка, С.В. Дуковича. В октябре месяце отец Иона принес мне письмо от Александра Ильича, в котором тот просил меня приехать к нему в Суйдун «по весьма важному делу». На следующий день я выехал в Суйдун. На постоялом дворе, где я остановился (в Суйдуне никаких гостиниц нет), меня встретил племянник атамана сотник Н.В. Дутов и проводил меня в квартиру Александра Ильича. Это была небольшая, в две маленьких комнаты, разделенных сенями, глинобитная сартовская сакля, но с деревянными полами и с самой примитивной туземной обстановкой. Одна комната была спальней и столовой атамана, а

во второй помещалась его канцелярия, и там же спал Н.В. Дутов. В весьма небольшом дворе находилась еще однокомнатная сакля, в которой помещались два фельдъегеря атамана и его вестовые. Рядом стоял навес, под которым находились две лошади Александра Ильича.

Атаман принял меня в своей канцелярии и сообщил, что в недалеком будущем он намерен со своим отрядом выступить в пределы России. Я был весьма удивлен таким решением атамана и, зная, что в отряде нет никакого оружия, а лошади частью распроданы, частью пали от истощения, а также и то, что в отряде находилось всего 15—20 человек офицеров, большинство которых произведены из вахмистров и урядников, спросил Александра Ильича: с кем же и с чем вы выступите?

Здесь Александр Ильич сообщил мне, что он связался с некоторыми антикоммунистическими кругами на советской территории, что там его ждут и присоединятся очень многие даже из Красной гвардии, что они же снабдят его оружием и что его очень часто навещает, по поручению антикоммунистических организаций, начальник милиции города Джаркента (Джаркент находится в 33 верстах от китайской границы, т. е. в 78 верстах от Суйдуна), некто Касымхан Чанышев.

При нашем разговоре присутствовал капитан Д.К. Шелестюк, бывший командир одного из пехотных полков Отдельной бригады, оперировавшей некоторое время в конце 1919 г. в Джаркентском уезде, Семиреченской области, остатки которой рассеялись по Илийскому краю.

При упоминании атаманом имени Чанышева я невольно вздрогнул. Касымхана Чанышева я, как бывший председатель Джаркентской городской думы и управляющий Джаркентским уездом, знал очень хорошо. Это был молодой, лет 25, местный татарин, во время войны призванный в армию и служивший в г. Скобелеве денщиком у доктора квартировавшего там артиллерийского дивизиона. В конце 1917 г. он дезертировал из дивизиона, прибыл в г. Джаркент, где жили его мать и брат, и стал усердным сторонником коммунизма.

В первых числах марта 1918 г. квартировавший в Джаркенте 6-й Оренбургский полк ушел в Оренбург, Джаркент и весь уезд остались без всякой защиты. Касымхан Чанышев и писарь местного управления воинского начальника Шалин секретно организовали из всяких бродяг и преступников отряд в 78 человек, захватили никем не охранявшиеся военные склады с имевшимся там оружием и казармы и объявили себя местным отрядом Красной гвардии.

В моем распоряжении, как начальника уезда и председателя думы, было всего 35 милиционеров, которые немедленно разбежались, и город попал в руки этих бандитов. 14 марта я и целый ряд местных чиновни-

ков, находившихся в городе, прибывших с фронта офицеров и общественных деятелей были ими арестованы и заключены в тюрьму.

Все это я рассказал А.И. Дутову, умоляя его прекратить всякие сношения с Чанышевым, как с подосланным к нему советчиками провокатором.

Александр Ильич, улыбаясь, ответил мне:

— То, что было тогда, теперь совершенно изменилось, Чанышев — верный мне человек и уже доставил мне 32 винтовки с патронами, а в ближайшие дни доставит даже несколько пулеметов. Он и его группа дали мне обязательство сдать мне Джаркент без боя и вступить в мой отряд...

Как я ни старался убедить атамана не верить Чанышеву, он оставался при своем мнении. Тогда я просил Александра Ильича для его личной безопасности переселиться в казармы, чтобы быть постоянно под охраной отряда. На это Александр Ильич мне ответил, что, живя в казармах, он будет слишком стеснять своим присутствием офицеров и казаков в их повседневной, и без того весьма неприглядной, жизни и он на это пойти не может.

Наконец, я просил его принять более строгие меры к его охране в его резиденции и рекомендовал, чтобы дежурный офицер обязательно обыскивал каждого посетителя, прежде чем допустить его к атаману. «Бог с вами, Анастасий Прокопиевич, как я могу подвергать такому унижению людей, идущих ко мне с чистым сердцем», — возразил мне Александр Ильич. Мои просьбы ни к чему не привели.

Капитан Шелестюк во время нашего разговора с атаманом молчал, но они часто переглядывались, и мои доводы вызывали у обоих одинаковые улыбки. Из этого я видел, что капитан Шелестюк посвящен во все решения атамана и вполне согласен с ними.

Атаман не сказал мне, кто его и как познакомил с Чанышевым, но позже мне говорили близкие к Александру Ильичу, что это знакомство произошло через игумена Иону. Сам отец Иона мне никогда ничего об этом не говорил.

Александр Ильич пригласил нас в столовую позавтракать. Я и там, в присутствии его супруги, пытался еще уговорить атамана быть сугубо осторожным с посетителями, подобными Чанышеву, но он безапелляционно ответил мне:

— Я никого и ничего не боюсь, мне еще в Оренбурге одна весьма известная гадалка предсказала все то, что произошло со мною за последующее время, и даже то, что я попаду в Китай, где буду случайно ранен, но поправлюсь и вернусь в Россию с большой славой. Я верю в ее предсказания...

После завтрака он пригласил меня поехать с ним в казармы и посмотреть, в каких условиях живут его соратники.

Мы поехали в его экипаже. От его квартиры до казарм нужно было проехать версты две по дороге, идущей пустырями вокруг городской стены. Я обратил на это внимание атамана и сказал:

— Если Вы часто здесь ездите, то большевики могут Вас убить без всякого для них риска одним выстрелом или даже камнем.

— Какой же Вы трус, Анастасий Прокопиевич, — смеясь, ответил атаман, — я каждый день один верхом езжу подышать свежим воздухом верст за десять от Суйдуна в сторону России и ничего не боюсь. Я верю в предсказания моей гадалки...

В казармах Александр Ильич познакомил меня со всеми офицерами отряда. Побывали мы с ним в нескольких землянках-квартирах семейных офицеров, и я пришел в ужас при мысли, как эти несчастные люди будут жить в таких условиях зимой, т. к. морозы в этом районе доходят до 20 и ниже градусов по Реомюру.

С тяжелыми мыслями об атамане и его отряде я возвратился в тот же день домой и вечером рассказал С.В. Дуковичу о нужде отряда. Мы тут же решили устроить в банковском помещении благотворительный в пользу отряда бал. В ноябре месяце такой бал был проведен и дал свыше тысячи серебряных долларов чистого дохода, что по местным условиям превзошло все наши ожидания. Кроме того, мы собрали некоторое количество медикаментов и оконного стекла, что было очень важно, т. к. и в том и в другом в отряде была большая нужда. Переданные нами выручка от бала и другие пожертвования значительно скрасили жизнь отряда.

Вскоре после этого Александр Ильич приехал в Кульджу и провел несколько дней в нашей среде. На устроенном нами в банковском доме в честь его большом ужине играл любительский эмигрантский оркестр, Александр Ильич и бывшие с ним здесь офицеры были в восторге от оказанного им кульджинцами приема и все веселились почти до утра.

На Рождество Христово атаман устроил в отряде елку, на которую пригласил нас и некоторых других беженцев. Елка прошла при общем веселье как гостей, так и милых хозяев. Расставаясь после этого с Александром Ильичом, никто не мог предполагать, что это была наша последняя с ним встреча. В ночь на 26 января в Кульджу прискакал из отряда гонец и привез нам печальную весть, что накануне вечером, в 7 часов, атаман опасно ранен большевиками. Я и некоторые другие кульджинцы с двумя докторами немедленно поехали в Суйдун. Прибыли мы туда около 9 часов утра. Мы нашли Александра Ильича уже

мертвым. Он скончался рано утром от внутреннего кровоизлияния, вызванного ранением печени.

На следующий день гроб с телом Александра Ильича был опущен в могилу, приготовленную среди землянок, во дворе казарм отряда. Горько плакал отпевавший почившего отец Иона, навзрыд плакали осиротевшие чины отряда, плакали и все присутствовавшие.

Вот что рассказал нам свидетель покушения на атамана его фельдшер прaporщик Санков: «Касымхан Чанышев и киргиз, тоже Касымхан, часто бывали у атамана, и он подолгу с ними разговаривал один на один в своей канцелярии. Мы хорошо знали в лицо этих посетителей, и атаман приказал нам беспрепятственно пропускать их к нему. Около 7 часов вечера в роковой день, как только начало темнеть, мы заперли ворота в наш двор на засов. Часовые с винтовками в руках заняли свои посты: мой сын стоял у ворот, а казак Маслов в сенях квартиры атамана. Я и один вестовой сидели в нашей комнате. Кто-то постучал снаружи в ворота. Мой сын спросил, кто там. Ему ответил: «Касымхан Чанышев по спешному делу к атаману».

Сын отворил ворота, я в окно увидел вошедшим во двор киргиза Касымхана, а за воротами три верховые лошади и возле них Касымхана Чанышева и еще одного мусульманина. Так как эти визитеры посещали атамана очень часто, то я отнесся к этому спокойно, а только смотрел в окно и наблюдал за приехавшими. Я слышал, как Маслов доложил атаману о приезде Касымхана. Касымхан вошел в сени, прихрамывая. Атаман вышел к нему из своей спальни, поздоровался с ним и спросил, отчего тот хромает. Касымхан сказал, что он случайно по дороге ушиб ногу. Он вынул и передал атаману какой-то пакет. Маслов стоял рядом с Касымханом.

Как только атаман стал вскрывать пакет, Касымхан выхватил из своего кармана револьвер и в упор выстрелил в него, быстро повернулся к Маслову и вторую пулю выпустил в того. Атаман бросился к двери своей спальни, но убийца еще раз выстрелил в него и быстро выскочил за ворота. В момент стрельбы Касымхана в атамана и Маслова Касымхан Чанышев выстрелил и убил наповал моего сына. Я и бывший со мной вестовой бросились в дом атамана и увидели, что Маслов уже мертвый, пуля попала ему в шею. Атаман сидел на своей кровати, прижимая рукою на боку сильно кровоточившую рану. Другая рука у него тоже была ранена. Мы немедленно вызвали из отряда фельдшера Евдокимова, послали гонца в Кульджу к отцу Ионе и просили поскорее прислать доктора. Евдокимов делал все, что мог, но к утру атаман скончался. Убийцы, совершив свое каиново дело, быстро вскочили на лошадей и скрылись».

Так за свое чрезмерное доверие к людям поплатился жизнью один из наиболее выдающихся вождей Белого движения. Пуля подлого провокатора и кремлевского наемника отняла от нас признанного народного героя и борца за свободу русского народа и за нашу Родину. Он даже в изгнании был страшен кремлевским ворам, и они его убили.

Мы, почитатели погибшего за общее дело Александра Ильича Дутова, не можем его забыть, и его кровь нами должна быть отмщена палачам. Долгожданные сроки приближаются.

Руководитель убийства Касымхан Чанышев был вызван в Москву, принят Лениным и получил в награду золотые часы с бриллиантами, тоже, конечно, добытые путем убийства их бывшего владельца.

Через два года после смерти атамана казармы отряда были переданы китайскими властями Советам. Казаки, с дружеского разрешения католического духовенства, перенесли останки Александра Ильича на католическое кладбище в Суйдуне и на его могиле сложили пирамиду из крупного бульжника.

Покидая в сентябре месяце 1927 г. Илийский край, проездом через Суйдун, я посетил могилу Александра Ильича, вспомнил его рассказ о предсказаниях гадалки, и невольная слеза из моих глаз скатилась на могильный камень.

*С. Рождественский*¹⁴

ГИБЕЛЬ АТАМАНА ДУТОВА¹⁵

В конце 1920 г. в г. Джаркенте чекисты получили особо важное задание из Москвы от ВЧК: любой ценой и как можно скорее похитить или убить атамана Дутова, проживавшего тогда со своим штабом и казаками в китайском городе Суйдун. Как известно, атаман Дутов один из первых поднял восстание оренбургских казаков против большевиков сразу же после захвата ими власти в Москве.

Первая попытка чекистов проникнуть к Дутову окончилась неудачей. В городке Суйдун, лежащем в 50 километрах от границы и 100 километрах от Джаркента, сразу за китайским кладбищем стояла обнесенная высокими стенами с вышками на углах старинная крепость. За крепостной стеной — дом, в котором находился штаб Дутова и где он жил с женой. Дальше — казармы, в которых был расквартирован китайский гарнизон крепости. В нескольких пустовавших казармах разместились дутовцы и семиреченские казаки полковника Сидорова. Дутов из крепости не выходил, и его охраняли особенно преданные оренбург-

ские казаки. Чекисты-всадники, прибывшие из Джаркента, вернулись ни с чем — пробраться в крепость они не смогли.

Второй рейд тоже не увенчался успехом. Чекисты и разведчики вторично не смогли попасть в крепость. За день до их приезда в Суйдун в китайско-маньчжурском полку вспыхнули какие-то беспорядки и до-ступ в крепость был прекращен.

Третья операция была разработана и подготовлена в Москве самим Дзержинским и его помощником Яковом Петерсом. Как известно, Петерс сыграл видную роль в раскрытии заговора Локкарта—Рейли, и это он жестоко подавил мятеж левых эсеров. О нем сказал Ленин: «Петерс — работник крупный и преданный». Следует добавить: и жестокий палач-чекист, на совести которого многие тысячи убитых и замученных. В конце 1920 г. Петерс, по приказу Дзержинского, выехал в Среднюю Азию, чтобы возглавить борьбу с басмачами, крестьянскими повстанцами, ликвидировать белых атаманов и остатки их войск, эвакуировавшихся в Китай, а главное — уничтожить атамана Дутова.

Дзержинский и Петерс понимали, что налетом на штаб Дутова в Суйдуне ничего не добиться, а следовательно, было решено применить излюбленное оружие ЧК — засылка провокаторов и взрыв изнутри. Этот план был утвержден Москвой и постепенно стал проводиться в жизнь.

Нужно было найти предателей и провокаторов, но таких, которым мог бы доверять атаман Дутов. И предатель был найден... Однажды заведующий регистрационным пунктом Туркестанского фронта в Джаркенте Василий Давыдов и начальник милиции, бывший князь Касымхан Чанышев уехали на охоту. Через несколько дней они вернулись с богатыми охотничьими трофеями. Кроме председателя Джаркентской ЧК Суворова, никто, даже самые близкие люди, не знали о том, что Давыдов и князь Чанышев ездили в Ташкент. Там они встретились и совещались с Яковом Петерсом. Петерс на свидании сразу же показал прибывшим «охотникам» письмо атамана Дутова, перехваченное чекистами.

— Вот что он пишет полковнику Бойко, — сказал им главный чекист. — Бойко — это бывший командир казачьего полка, а теперь он инспектор Семиреченского облвоенкомата. На работе он скромный служащий, а вообще личность для нас очень опасная. Но вся его подпольная организация, а она довольно разветвленная, взята чекистами под контроль... Вот почему мы и не трогаем Бойко...

Ясно, что в эту организацию полковника Бойко чекисты внедрили своих агентов.

В письме к Бойко атаман Дутов, готовя восстание и новый поход, просил Бойко подготовить продовольствие в Барухад-зиле, Джаркенте. «Нужен и клевер, овес, также мясо, такой же запас в Чилике... И хлеб по расчету на 1000 человек на три дня... Сообщите точное число войск на границе», — писал Дутов.

— А вот и второе письмо, — показал Петерс плотный листок. — Это письмо главарю ферганских басмачей Иргашбаю. Обратите внимание: чтобы польстить ему, Дутов даже называет его командующим армией в Фергане!

«...Еще летом 1918 года, — писал Дутов, — от вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением связаться и действовать вместе против большевиков. Я послал с ним вам письмо и подарки: серебряную шашку и бархатный халат, в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до вас не дошел. Ваше предложение работать вместе со мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило вас в оренбургские казаки и пожаловало вас чином есаула. В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который и передал ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею вам вновь письмо, халат с есаульскими погонами, серебряное оружие и мою фотографию. Но и эта миссия, по слухам, до вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с вами. Ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента, в Суйдуне. Со мной отряды, всего до 6000 человек. В силу обстоятельств, оружие мое сдано китайскому правительству. Теперь я жду только случая вновь его получить и ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с вами и общность действий. Буду ждать вашего любезного ответа»...

— Теперь для вас ясно, — заметил Петерс, — что замышляет Дутов! И наше положение становится весьма опасным, оно будет еще тяжелее, если Дутову удастся связаться с басмачами... Нужно действовать, и как можно скорее!..

На этом совещании было решено войти в доверие к атаману Дутову, усыпить его бдительность, а затем похитить атамана, чтобы ликвидировать его, предав суду революционного трибунала. Вся надежда возлагалась на Чанышева: он — местный аристократ, князь, уроженец здешних мест. К тому же у него были родственники на китайской стороне, в Кульдже.

Дутов и его окружение могли поверить князю Касымхану Чанышеву. Он пострадал от большевиков: у его отца советская власть конфисковала всю землю и сады, раскинувшиеся на сотни десятин. Его отец

сидел в советской тюрьме. Та же участь ожидала и молодого Касым-хана Чанышева, если бы он не согласился работать на большевиков и стать агентом ЧК...

Как он согласился и как его «обработали» чекисты, Альтов¹⁶, конечно, не пишет. Вероятно, и угрозами, и подарками; кнутом и пряником. Зная, что молодой князь Чанышев любил кутнуть и хорошо пожить, соблазнить его чекистам было легко. Ему сохранили жизнь и даже давали возможность кутить. Конечно, до поры до времени.

Петерс назначил руководителем операции по ликвидации атамана Дутова Василия Давыдова. Чекисты все же до конца не могли верить бывшему князю Чанышеву! Но ему было поручено набрать и возглавить группу исполнителей для проведения операции.

Под диктовку Давыдова князь Чанышев сразу же после возвращения с «охоты» написал письмо атаману Дутову. В письме Чанышев выражал недовольство советской властью, в частности, подробно описал все то, что большевики конфисковали у его отца. Он предложил в нужный момент перейти на сторону атамана Дутова вместе со своими милиционерками. В конце письма он просил позволить ему лично явиться к Дутову в Суйдун и подробно рассказать о готовящемся в Джаркенте восстании против советской власти. Это письмо Чанышев послал атаману Дутову с верным человеком, бывшим белым офицером.

Но шли дни, а ответа от атамана не было. Чанышев волновался теперь уже и за свою дальнейшую судьбу. Его начальник Давыдов стал как-то подозрительно поглядывать на бывшего князя. Тем временем положение в Джаркенте становилось все тревожнее и тревожнее. В архиве штаба Туркестанского фронта сохранилась телеграмма, посланная в Ташкент полномочному представителю ВЧК Петерсу: «Из Джаркента. Военная. Срочно. Секретно. В районе Чугучака корпус генерала Бакича и дивизия Степанова насчитывают, по последним данным, около 5000 человек. В районе Кульджи размещены остатки сил атамана Дутова и Анненкова — три тысячи бойцов. Дутов рассчитывает опереться на семиреченское казачество и на баев-мусульман. После перехода границы думает соединиться с басмачами Ферганы и Бухары». Эта телеграмма была подписана уполномоченным ЧК Василием Давыдовым.

Из Ташкента пришел приказ — немедленно приступить к операции по ликвидации атамана Дутова. Разговор Давыдова с Чанышевым был довольно бурным, но коротким. Он должен был начать операцию и попытаться прорваться к Дутову или же... «Вы сами знаете, что будет с вами! ЧК не любит шутить», — пригрозил чекист.

Морозной январской ночью Чанышев поехал за кордон, в Кульджу, где у него жили родственники. Утром он уже прогуливался по

шумному и многолюдному, как все восточные рынки, кульджинскому базару. И здесь совершенно неожиданно — удача: он встретил Миловского. Бывший городской голова Джаркента, ярый враг советской власти. Он бежал за границу в Кульджу, узнав, что ему грозит революционный суд.

Они поздоровались, как старые знакомые, но у Миловского забегали глаза. Он знал, что князь Чанышев служил у большевиков...

— Приехал искать поддержки у его превосходительства атамана Дутова! — доверительно шепотом сообщил князь Чанышев Миловскому.

В чайной он поведал растерявшемуся Миловскому, как трудно ему, князю, работать у большевиков. Рассказал ему и о том, что многие милиционеры готовы выступить против большевиков.

— Если вспыхнет восстание или войска атамана Дутова начнут наступление на Джаркент, — заверял князь, — многие и ответственные работники присоединятся и будут бить большевиков. Уверяю вас, все они готовы выступить против Советов. Теперь понимаете, как мне необходимо повидать атамана Дутова!..

Миловский поверил. В этот же день он отвел Чанышева к священнику Ионе, духовнику атамана Дутова. Отец Иона пользовался особым доверием атамана. Они долго беседовали, изучая и стараясь распознать друг друга. Отец Иона внимательно слушал князя. Вначале с недоверием, но потом, после того, как Чанышев, зная от чекистов обстановку, рассказывал некоторые детали, священник стал более благожелательно прислушиваться к Чанышеву. В конце концов, прощаясь с князем, он сказал:

— Вы — наш человек! И вам необходимо познакомиться с атаманом. Он человек хороший, и если вы будете помогать ему, то он вас никогда не забудет!

Князю Касымхану Чанышеву везло на знакомых. На другой день в Кульдже он встретил другого знакомого — полковника Аблайханова. Чанышев пригласил его на обед. Полковник Аблайханов хорошо знал князей Чанышевых, поверил в легенду предателя. Так как Аблайханов служил переводчиком при штабе Дутова, то он без особых затруднений организовал Чанышеву первую встречу с атаманом.

На приеме у атамана Дутова Чанышев объяснил атаману, почему он принял должность начальника милиции у большевиков в Джаркенте. Он разыграл разгневанного сына, сказав атаману, что его отца снова арестовали большевики. (И в самом деле, Чанышев знал, что отца его вторично арестован, в целях операции, чтобы заставить Дутова и его окружение поверить Чанышеву.)

— Я жду не дождусь, когда мне можно будет отомстить им за все это! — кричал, как настоящий актер, Чанышев.

Однако атаман Дутов держался настороженно. Чанышев понял, что так легко его не провести и одним словам он не поверит. Убедился князь и в том, что от отца Ионы и полковника Аблайханова атаман Дутов узнал многое из жизни его, Чанышева.

Когда князь Чанышев начал рассказывать о готовящемся восстании в Джаркенте, о других городах, готовых присоединиться к контрреволюционерам, о силах, которыми располагают заговорщики, разговор пошел оживленнее. Атаман Дутов рассказал князю Чанышеву, как трудно пришлось его отряду, когда измученные тяжелым переходом через перевал Кара-Сарык оренбургские казаки спустились в долину реки Бортолы. Без продовольствия, оружия и боеприпасов (все пришлось сдать на границе китайским властям, оставив лишь несколько винтовок для конвоя).

Только с приходом сотен Первого Оренбургского полка полковника Завершинского¹⁷ жизнь в Суйдуне пошла лучше. Удалось создать штаб во главе с полковником бароном Попенгутом¹⁸. Объявился на востоке Китая и член Оренбургского войскового правительствва Анисимов¹⁹. Присланные им денежные суммы дали возможность поправить дела, закупить оружие, экипировать казаков.

Атаман приказал Чанышеву соблюдать строжайшую осторожность на посту начальника милиции Джаркента. Он рассказал ему, как чекисты разгромили подпольную организацию полковника Бойко только из-за того, что его соратники не соблюдали элементарных правил конспирации. Чанышев, конечно, лучше Дутова знал об этой акции чекистов, проведенной семиреченскими чекистами во главе с Эйхмансом. Тогда в одну декабрьскую ночь в разных пунктах было арестовано несколько сот заговорщиков, захвачены подпольные склады оружия и боеприпасов. В операции участвовали и джаркентские чекисты и милиционеры, арестовавшие агентов полковника Бойко в самом городе и в селах уезда.

Чанышев молча слушал атамана.

— О тебе, князь, знаю все! — сказал Дутов, поднимаясь и давая понять, что аудиенция окончена. — И ты знай: все могу простить, кроме измены! Если ты предашь — на дне моря достану и поставлю к стенке! Для связи я пришлю к тебе в милицию своего человека. Устрой надежно и смотри, чтобы с его головы волосок не упал бы! Понятно?

Чанышев благополучно вернулся в Джаркент.

Через несколько дней в управление джаркентской милиции был принят на работу новый делопроизводитель — Дмитрий Нехорошко,

присланный для наблюдения самим атаманом Дутовым. Он должен был помочь «мятежным милиционерам» подготовить выступление и арест джаркентских большевиков. Но, в свою очередь, Нехорошко был немедленно взят на заметку чекистами. На службу его приняли, чтобы успокоить Дутова.

Вместе с князем Чанышевым Нехорошко составлял донесения атаману Дутову — предварительно продуманные и одобренные чекистами во главе с Суворовым и Давыдовым. Через князя Чанышева подобрали и своих связных — несколько человек чекистов во главе с Махмутом Ходжамьяровым, Газисом Ушурбакиевым. Эти «верные посыльные» доставляли почту в Суйдун и обратно. Они получили задание от чекистов — ближе познакомиться с охраной атамана Дутова и сделаться там, в штабе Дутова, своими людьми.

Дмитрий Нехорошко, считая, что он посылает «тайное письмо» Дутову (в действительности, конечно, известное чекистам), писал о Чанышеве: «Князь Чанышев действительно отдается целиком нашему делу. Что от него зависит, он все делает. Его работа деятельная, но очень остры шипы у советской власти. С нетерпением ожидаем Вашего прихода и начала действий!» Еще в свой первый визит предатель Чанышев, по приказу чекистов, должен был начертить план штаба и дома атамана Дутова. Уточнить этот план помог позже Махмут Ходжамьяров, трижды возивший донесения Чанышева к атаману Дутову.

Переписка с атаманом развивалась успешно. Отвечая на очередное письмо Чанышева, Дутов писал: «Письмо Ваше получил. Сообщаю новости. Анненков уехал в Хами. Все находящиеся теперь в Китае силы мною объединены. С Врангелем имею связь. Наши дела идут отлично. Сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Иргаш-баем?» Вместе с этим письмом нарочный привез от Дутова несколько пачек воззваний к населению Семиречья от белых, к моменту восстания. Привез их нарочный — чекист Махмут.

Атаман Дутов в письмах к Чанышеву ставил такие требования, которые было очень трудно и рискованно выполнять. Однажды он потребовал, чтобы Чанышев из милиции отправил дутовскому резиденту полковнику Янчису²⁰ несколько винтовок. И пришлось самому Чанышеву лично отправиться к полковнику Янчису и передать ему оружие. Выполнение этого приказа еще более укрепило в штабе Дутова доверие к князю Чанышеву.

Однако положение в Джаркенте становилось тревожным. И чекист Давыдов, сообщив в Ташкент о возможности выступления белых, попросил разрешения Петерса как можно скорее «ликвидировать атамана». Разрешение было дано: «Если нельзя захватить, то убейте его».

Чекисты в Джаркенте начали действовать. В конце января 1920 г. весь Джаркент всполошила весть об аресте «белых заговорщиков» во главе с молодым князем Чанышевым. Многие видели, как утром конвоиры вели в ЧК Чанышева со связанными за спиной руками. По той же дороге провели Дмитрия Нехорошко и еще несколько человек. Эта акция была проведена по следующим причинам: нужно было обезвредить настоящих белых дутовцев, как Дмитрий Нехорошко, выданных Чанышевым, во-вторых, еще раз создать видимость ареста Чанышева, следовательно, показать, что и он — участник дутовского подготовляющегося восстания, и тем самым еще раз убедить дутовцев в том, что князь Чанышев — «свой человек» и «белый патриот»...

А через день границу перескакала оперативная группа чекистов во главе с князем Касымханом Чанышевым. Вместе с ним отправились «связные» Махмут Хаджамьяров и еще четверо. Все шестеро — уйгуры, ничем особенно не отличающиеся от местных жителей. Все шестеро — кавалеристы, меткие стрелки и жестокие исполнители чекистских приказов.

В Джаркенте тем временем поговаривали, что Чанышева, как особо опасного, отправили в Ташкент. И только в ЧК знали, где находится оперативная группа Чанышева. Знали и тревожились. Уже вторую неделю от них не было никаких вестей. Не попались ли они дутовским контрразведчикам? Суворов с Давыдовым решили послать в Суйдун Насыра Ушурбакиева. Ему было приказано пробраться в Суйдун на явочную квартиру, где должен был находиться Чанышев. Если они погибли, разузнать, как это произошло, и немедленно возвращаться в Джаркент. Если все идет нормально, включиться в состав группы и участвовать в операции. В чем суть операции — об этом скажет князь Чанышев...

Поздно ночью Насыр Ушурбакиев вброд переехал пограничную реку Каргос. К утру он въехал в пустынные улицы Суйдуна и быстро нашел дом явки. Через несколько минут он встретил там и брата, и Чанышева. Оказывается, все эти дни Чанышев с товарищами изучали подступы к крепости, интересовались, когда и как сменяются караулы, как вооружены патрули, познакомились кое с кем из часовых. Для этой цели они использовали опий и флаги со спиртом. Они выяснили, что в Суйдуне находится сравнительно небольшой казачий отряд. Но в крепость каждый день приезжали офицеры из Кульджи, Чугучака, Урумчи, Саньтая, Мазара и других мест, где расквартировались интернированные остатки Белой армии. Атаман Дутов сколачивал новую армию. С каждым днем он становился для советской власти в Семиречье все опаснее. Операция была назначена на 6 февраля 1921 г., на 10 часов вечера, когда городская жизнь замирает и улицы становятся пустынными. Позднее

нельзя — атаман Дутов ляжет спать, тогда удвоят караулы на ночь и крепостные ворота будут закрыты.

Вот что пишет Владимир Альтов о дальнейшем: «Распределили обязанности. В штаб к Дутову идет Махмут Хаджамьяров — человек большой физической силы, меткий стрелок и лихой наездник... Касымхан Чанышев подробно ознакомил его с расположением постов. Получили подробные задания и другие участники. Старший из братьев Байсмаковых — Куудук, знакомый с часовыми, должен все время находиться как можно ближе к Махмуту, быть, как сказал Касымхан, его тенью. Сам Чанышев и Газиз Ушурбакиев будут прохаживаться у ворот крепости, готовые в любую секунду броситься на помощь Махмуту и Куудуку. Насыру Ушурбакиеву, Юсупу Кадырову и Мукаю Байсмакову поручалось прикрыть огнем отход главных участников операции в случае, если вспыхнет перестрелка.

Вечером 6-го февраля, как было намечено, группа Чанышева подошла к крепости.

— Пакет для его превосходительства, — сказал Махмут, показывая конверт с сургучными печатями.

— Жди здесь, позову дежурного, примет! — ответил часовой.

— Велено вручить лично в руки, видишь? — показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными чертами слова: «Совершенно секретно» и «Вручить лично».

И не дожидаясь, пока казак будет раздумывать, отодвинул его плечом и спокойно, как будто каждый день ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора, почти у самой крепостной стены. Разговор с охранником у дома был примерно таким же. Только тот доверительно добавил: «Кажись, их превосходительство уже почивают...»

Атаман Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Кроме этого, Махмут успел заметить только поблескивающие в свете лампы иконы. Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его и подал атаману. Дутов стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать... Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела... И вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Тот стоял, как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не смог приехать лично...»

— А где Чанышев? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он ушиб ногу и сам приехать не может, — спокойно ответил Махмут. — Он ждет вашу милость у себя в доме!

— Это что еще за новости? — выкрикнул атаман.

Это были его последние слова. Махмут понял, что вариант похищения атамана Дутова отпадает. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и адъютант свалился к ногам Махмута. Махмут выстрелил еще раз в Дутова, свалившегося с тахты. И тут же бросился бежать.

Услышав выстрелы, часовые бросились на выручку. Но их остановили пули Байсмакова, Чанышева, Ушурбакиева. Секунды тянулись мучительно. Но вот из дома появился прихрамывающий Махмут: выбегая, он оступился, повредив ногу. Друзья посадили его на коня. Пока дутовцы, перепуганные стрельбой в крепости, приходили в себя, быстрые гиссарские кони уносили чекистов по разным дорогам. Чанышев и Газиз ускакали на Кульджу, Махмут и другие — к границе, Насыр Ушурбакиев — на хутор Дагра, место явки. Ему нужно было переждать и получить подтверждение, что операция завершена.

Утром хозяин хутора Дагра отправился в Суйдун. Вернувшись, он рассказал о том, что атаман Дутов и его адъютант убиты. По улицам города носились всадники, задерживая всех подозрительных. На воротах крепости висела бумага, в которой сказано, что каждый, кто доставит в штаб хотя бы одного из террористов, получит за живого 5000 золотых рублей, за мертвого 3000 рублей...

Участники операции вернулись в Джаркент и немедленно сообщили в Ташкент Петерсу и в Москву Дзержинскому об убийстве атамана Дутова, добавив, что «все наши благополучно вернулись»... Приказом по Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Давыдов, Чанышев и Ходжамьяров за акт, «имеющий общереспубликанское значение», получили золотые часы. Остальные участники получили другие «высокие награды». Главный участник и предатель — князь Касымхан Чанышев получил и удостоверение, подписанное полномочным представителем ЧК Петерсом: «Дано сие тов. Чанышеву в том, что он за непосредственное руководство операцией убийства атамана Дутова награжден золотыми часами и цепью от ВЧК за № 14365, что и удостоверяется подписью с приложением печати ВЧК»... Это и была цена предательства князя Чанышева.

В этом описании советского журналиста, мы, конечно, не знаем, где правда, а где пропагандная ложь. Однако факт убийства атамана Дутова советскими чекистами достоверен. Тогда он для них представлял большую опасность, в связи с общей обстановкой в стране. В те дни советская граница в Семиречье была приведена в боевую готовность. В Джаркенте и в других пограничных городах был введен комендантский час и особое положение. Советские комиссары серьезно опасались нападения белых из-за границы. Боялись, что дутовцы и другие

белые начнут мстить за убийство атамана Дутова. Но этого не случилось — некому было заменить атамана Дутова.

Спустя несколько месяцев части Красной армии перешли границу Китая, разгромили интернированные и обезоруженные полки корпуса генерала Бакича и тем самым ликвидировали опасность вторжения белых в Семиречье. Военное положение было отменено, но агенты ЧК усилили свою работу по «ликвидации врагов» советской власти. Расстреливали беспощадно и без суда, по решению комиссии ВЧК. Чекисты ловили тогда бежавших белых и в приграничных городах Китая, не считаясь ни с какими международными законами...

В октябре 1971 г. в газете «Новое русское слово» было помещено письмо в редакцию г-на Ю. Маркова о судьбе убийцы атамана Дутова, которое приводится ниже.

«Не так давно в «Новом русском слове» была напечатана статья о гибели атамана Дутова в Кульдже. Предателем и убийцей назван некий князь Чанышев, тогда начальник милиции в г. Джаркенте (теперь город Панфилов). Оснований сомневаться у меня нет, и думаю, что могу осветить дальнейшую карьеру предателя. В середине тридцатых годов командиром 3-й горно-стрелковой дивизии в г. Термезе был тоже Чанышев²¹, бывший царский офицер; говорили, что он бывший князь. Это был рослый, красивый, атлетически сложенный татарин. Лично знаком я с ним не был, но близко видел несколько раз. Летом 1937 года, как заслуженного партийца, — его, конечно, сгребли. Вновь я встретил его в январе 1940 года у подъезда 1-го дома обороны в Москве. Вид его не оставлял сомнений о месте, откуда он только что вышел. Очевидно, переодеться ему было негде. С началом войны он попал на активную службу и к концу ее стал генерал-лейтенантом, комкором. В советском Военно Историческом Журнале (кажется, за 1961 год) видел его на снимке с реабилитированным комкором Тодорским, просидевшим 16 лет, и маршалом авиации Новиковым. Отдельный и очень хороший снимок Чанышева помещен в воспоминаниях маршала Рокоссовского «Солдатский долг». Искрение уважающий Ю. Марков».

Д. Кочнев²²

ШАНХАЙ, БУЛУГУН—ЭМИЛЬ, КРАСНОГОРСК И ОРЕНБУРГ²³

Приближающийся день войскового праздника, День святого великомученика и Победоносца Георгия, невольно будит в душе воспоминания о таковых же днях, проведенных в прошлом. И как ни странно,

но дни, отстоящие значительно далеко, запечатлелись в памяти сильнее и рельефнее. Десятки лет в Шанхае, и все войсковые дни слились в один. Трудно сказать, чем отличался праздник 33-го года от 32-го или 30-го, 40-го от 43-го и т. д. Прошли, слились в одну шаблонную картину жизни серенькой обыденщины, не оставив в душе четкого следа. А чем дальше по времени, тем ярче.

Вот ясно, четко до мельчайших подробностей вижу стоянку казаков на реке Булугун в Монголии. Солнечный день. Церковь из тола, под ногами прошлогодняя ветошь, среди которой пробивается ярко-зеленая свежая травка. Кусты карганы и облепиха, покрытая желтым цветом. Полянка и небольшие бугры, на которых разбросаны землянки 1-й и 2-й сотни и дырявые прокопченные хотхуры 4-й сотни.

Коней у нас уже нет. Часть продали или сменяли на муку, толкан, на табак и на люшки с китайской жаной, а большей частью раскрадены монголами и киргизами. Но все это нисколько не портит праздничного настроения. После молебна парад. Парад принимает старший оренбуржец генерал-майор Карнаухов²⁴ и почетный гость начальник отряда полковник Сокольников²⁵. По окончании официальной части начинаются игры. Открывает занавес из долимбы тоже тыловый театр. Хор, песни, танцы и на душе весна и праздник. Все бодрит какое-то чувство лучшего будущего. Все чего-то ждут и на что-то надеются.

Вот еще дальше лагерь на реке Эмиль 1920 г. День хотя и солнечный, но ветреный и холодный. Чистое поле. С одного края громадная брезентовая палатка, а в ней китайский генерал — чучучакский Фу-ду-тун, почетный гость на нашем конном празднике. Вокруг намеченного живой цепочкой круга толпятся тысячи казаков и солдат, среди которых время от времени мелькают китайские «чирики» — так называли китайских солдат, одетых в синие куртки с нашитыми на груди и на спине красными кругами, а в них какие-то китайские иероглифы. Кое-где виднеются черномазые и скуластые, с длинными косами «солоньы» — родные братья наших калмыков — и, наконец, в большом числе милые нашему сердцу малахаи местных киргизов, вид которых заставляет на некоторое время забыть, что мы в Китае, а не у себя в зауральской степи.

На старте Бакич на своем рыжем англо-арабе, полковник Сергей Глебов²⁶, полковник Разумник, Степанов, войсковой старшина Малагин, полковник Могилев на своем киргизе, на котором он в дни своей партизанщины пересекал под Ак-Булаком и Мартуком, и много других все милых и дорогих по совместной работе лиц.

Конечно, первым пришел Бакич. Помимо хороших качеств коня вообще, это был лишь один из многих тысяч коней отряда, питавшийся

хлебом, т. е. овсом или ячменем. Тогда как кони чинов отряда были только на подножном корму, равняясь по своим хозяевам, которые в это время все сидели на пище. «святого Антония».

Начавшаяся вслед за этим заездом казачья джигитовка сразу же завоевывает симпатии всей многотысячной аудитории, заставляя забыть победу Бакича. Особенным успехом у азиатской части зрителей пользовались номера с умыканием невесты и увоз раненого казака, сопровождавшиеся стрельбой холостыми патронами.

За Эмильским праздником выплывает в памяти «Красногор» 1918 г. Картина совершенно другая. Родной и милый казачьему сердцу вид. Станичная площадь, окруженная со всех сторон порядком добротных казачьих домов.

В центре церковь. Напротив ее школа, служившая в то время казармой для партизанского отряда. Перед церковными дверями выстроился только что сформировавшийся после мартовского набега на Оренбург партизанский отряд под командой есаула Жукова. Состав его как возрастной, так и по форме разношерстный.

На правом фланге стоит душа отряда, редкостный пример бойца-фанатика, верящего свято в правоту своего дела и в его конечный успех, — это 70-летний богатырь с серебряной бородой по пояс, войсковой старшина в отставке Михаил Илларионович Алеманов, фигура по своим духовным качествам, как и по внешности, чрезвычайно выдающаяся и требует того, чтобы на ней остановиться подробнее, что и будет сделано мною особо. На левом фланге стоит знаменитое в то время красногорское орудие — на фургонном передке за именем артиллерийского зарядного передка, и около него лихой артиллерийский взвод сотника Туркова: два-три казака-артиллериста, два гимназиста, один кадет, один чиновник губернской контрольной палаты Булгаков, артист хора Плотников, подьесаул П.С. Морев и еще несколько партизан.

Парад принимает атаман Красногорской станицы подхорунжий Афанасий Яковлевич Арапов и военная комиссия, отвечающая за все. Оренбург и Орск в руках большевиков. Станицы вверх и вниз по Уралу от Красногора держат нейтралитет. Станицы по Саккюр вдоль линии ж. д. также.

Фактически Красногор стоит как одинокий утес, окруженный большевиками, но в сердцах и душах нет ни страха, ни тени сомнения, что мы в конце концов победим. На душе светло и спокойно. Вся станица радостно отмечает день войскового праздника. Казачата громко расппевают: «Красногорская станица, всем станицам голова. Комиссаров не боится и орудье не сдала».

Урал в полном весеннем разливе. На левом киргизском берегу показался конный разъезд шесть-семь коней. Кричат и машут руками. За дальностью ничего разобрать нельзя. Послали лодку. Возвращаются с сияющими лицами. Пришел разъезд для связи от линейных станиц под командой прапорщика П.А. Федорова. Все станицы по Илеку восстали. Праздник вдвойне.

А вот и еще дальше День святого Георгия в Оренбурге до революции и до германской войны. Весна в это время в разгаре. Акация, сирень и липа в цвету. Я мальчик-кадет Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В составе корпуса стою на Неплюевской улице против здания войскового хозяйственного правления. Левее нас 2-й Оренбургский кадетский корпус, дальше гимназия, реальное училище и другие учебные заведения, затем войска, принимающие участие в параде. Правее нас, непосредственно против войскового штаба, юнкера Оренбургского казачьего училища, льготные и господа офицеры и атаманы станиц, собравшиеся в Оренбург на войсковой праздник. И крайний справа войсковой хор трубачей. Незабываемый момент. Под знамя, «Слушай. На кра-ул!» оркестр играет «Коль Славен», и из подъезда войскового штаба начинают выносить войсковые знамена, значки, бунчуки, грамоты и другие войсковые регалии. После чего вся колонна участников парада торжественно движется через Войсковую площадь, отделявшую город от Оренбургской станицы (в просторечии — форштадт) к Войсковому Георгиевскому собору, с колокольни которого, по преданию, Емельян Пугачев обстреливал г. Оренбург из пушки.

После торжественной литургии, совершаемой всем сонмом духовенства города, все участвующие в параде так же торжественно возвращаются на Войсковую площадь, где после краткой литии и молебна у часовни, расположенной на краю Казачьего сада, Войсковой атаман в присутствии многих десятков тысяч собравшихся к этому времени зрителей принимает парад. После артиллерийского салюта льготной батареи и здравниц за Государя Императора и за Августейшего Атамана всех казачьих войск — Наследника Цесаревича мы с гордо поднятыми головами проходим церемониальным маршем перед Войсковым атаманом вдоль фронта войсковых знамен, регалий и множества заслуженной войсковой старшины, лица и груди которых украшены почетными рубцами ранений и множеством орденов, крестов и медалей за ряд походов и сражений. Особенно четко врезались в память колоритная фигура и лицо войскового старшины Черенжалова и могучая, богатырская фигура одного из атаманов станиц с серебряной бородой по пояс, атаманской насекой в руке, в длин-

ном, старого образца чекмене с голубым кушаком и большой серебряной медалью на шее, помимо крестов и медалей от плеча до плеча.

Вспоминая эту картину, я вновь переживаю то чувство войсковой казачьей гордости, наполнившее тогда маленькое еще сердце кадета. «Я тоже оренбургский казак и буду всегда носить голубой лампас». По окончании парада запыленные входили, отряхиваясь, в войсковое хозяйственное правление, где уже ожидали нас накрытые столы с угощением.

Празднично шумел в тот вечер Оренбург. Казаки справляли свой войсковой день. И долго, долго в ту ночь казачки поджидали, а иногда и собирали своих подгулявших атаманов.

Раздел 2

*А. Макеев*²⁷

БОГ ВОЙНЫ БАРОН УНГЕРН²⁸

Настоящая книга моих воспоминаний абсолютно не является каким-либо выпадом против Белого движения, что может заключить непродуманная мысль поверхностного читателя, это есть фотографический снимок того, в каких иногда формах проявлялось Белое движение на этапах бело-красной борьбы.

Прошли годы, и ныне вы не найдете ни одного унгерновца, который бы не сохранил теплую память о своем жестоком и иногда бешено свирепом начальнике.

Барон Унгерн²⁹ являлся исключительным человеком, не знавшим в своей жизни никаких компромиссов, человеком кристальной честности и безумной храбрости.

Он искренне болел душою за поработаемую красным зверем Россию, болезненно чутко воспринимал все, что таило в себе красную муть, и жестоко расправлялся с заподозренными.

Будучи сам идеальным офицером, барон Унгерн с особой щепетильностью относился к офицерскому составу, который не миновала общая разруха и который, в некотором своем числе, проявлял инстинкты, совершенно не соответствующие офицерскому званию. Этим людей барон карал с неумолимой строгостью, тогда как солдатской массы его рука касалась очень редко.

Будучи сам абсолютным бессребреником, барон Унгерн ставил в основу своих походов полную защиту мирного населения, и последнее, ближе ознакомившись с унгерновцами, ценило это.

Создав первоклассную по дисциплине и боеспособности Азиатскую конную дивизию³⁰, барон Унгерн всегда говорил, что или все они сложат головы, или доведут борьбу с красными до победного конца. Ни

то ни другое не осуществилось, барон трагически погиб, и причиной этого был он сам.

Отдавшись стихийным порывам жестокой борьбы с красными, он постепенно превратился в маньяка и сделал то, что боготворившая его дивизия принуждена была поднять против него бунт.

На фоне жестокой гражданской борьбы барон Унгерн невольно переступил черту дозволенного даже и в этой красно-белой свистопляске и погиб. Так должно было быть, и так об этом говорила та Карма, о которой часто упоминал сам начальник Азиатской конной дивизии.

Многое в его гибели и в гибели первоклассной боевой дивизии сыграли и некоторые окружающие, которые по какому-то таинственному закону всегда окружали тех идейных вождей, которые появлялись на фоне гражданской войны за Белую идею.

И эти обреченные вожди прекрасно учитывали гнусную роль своих преступных помощников, но опять-таки, каким-то роком, не могли отбросить их от себя, как моральную пададь, заражающую воздух.

Прошли года, и голоса тех унгерновцев, которые на себе испытали жестокие удары бароновского ташура, тепло говорят о своем погибшем начальнике.

А это указывает на то, что барон Унгерн-Штернберг был исключительный по идее и водительству человек и, если бы не неумолимая судьба, он сыграл бы со своими азиатскими всадниками крупную роль в борьбе с красными за Русь Православную.

* * *

Было начало августа 1920 г. По приказу барона Унгерна полки Азиатской конной дивизии — Анненковский и 1-й Татарский — выступили в 1-й Забайкальский отдел для борьбы с красными. Анненковским полком командовал войсковой старшина Циркулинский и Татарским — генерал-майор Борис Петрович Резухин³¹.

В Даурии — цитадели барона остались китайская сотня под командованием подпоручика Гущина, японская сотня капитана Судзуки и обоз. Над всем этим резервом начальствовать стал знаменитый человек-зверь подполковник Леонид Сипайлов. Человек, в котором совместилось все темное, что окутывает человека: садизм и ложь, зверство и клевета, человеконенавистничество и лесть, вопиющая подлость и хитрость, кровожадность и трусость. Сгорбленная маленькая фигурка, издающая ехидное хихиканье, наводила ужас на окружающих.

После ухода полков и занятия ими красной Акши барон улетел на аэроплане туда же. Сипайлову было приказано забрать все снаряды, винтовки, патроны и с охраной идти на Акшу.

В конце августа выступили. Обоз был огромный. На 89 подводах везли снаряды, на 100 арбах муку, и шли еще подводы с другим имуществом. Подрядчиком всего этого передвижения был татарин Акчурин.

В транспорте шла знаменитая «черная телега». Это была кибитка, в которой было уложено 300 тысяч золота и масса драгоценнейших подарков для монгольских князей. Там были вазы, трубки, статуи, все чрезвычайно ценное как по качеству, так и по исторической древности. Каждые десять подвод сопровождал один баргут, а кроме того, в числе обозников было 25 русских солдат, прибежавших перед отходом из Маньчжурской дивизии. Китайская сотня шла впереди, японская же позади.

Транспорт тронулся и в течение семи дней шел спокойно и благополучно. Бивуак седьмого походного дня расположился как и раньше. Китайская сотня впереди, за горой, верстах в четырех, и японская при транспорте. Так было лучше, ибо верность китайцев была шаткая. Но приехал командир китайской сотни подпоручик Гушин и испортил все настроение.

В спокойном эпическом тоне он доложил Сипайлову, что у него в сотне что-то неладное. «Мой вестовой достал сведения, что китайцы хотят поднять восстание, нас, офицеров, перебить, потом напасть на транспорт и захватить «черную телегу», — говорил он. Невероятного здесь ничего не было, от китайцев ожидать этого было можно, а потому приступили к контрмерам.

Всех русских обозников и баргутов вооружили и стали ждать, что будет. Предупредили японского командира, но последний отнесся к такому известию с большой иронией, указав, что китайцев бояться более чем смешно. Гушину предложили с офицерами на ночь переехать в транспорт, но он категорически отказался, заявив, что «может быть, ничего и не будет, а кроме того, офицерам уходить с поста — непозволительно».

Больше его не уговаривали, и он уехал к своим китайцам. Легли спать, а в 3 часа ночи поднялась тревога.

Со стороны китайского бивуака слышалась стрельба. Восстание началось, нужно было ждать нападения и нужно было спасти «черную телегу». Трем офицерам и одному солдату, конвоировавшим ее, было приказано немедленно же уезжать в степь, остановиться на первой заимке и ждать там приказаний. «Черная телега» умчалась. Русские и

баргуты заняли позицию, и не прошло десяти минут после этого, как через табор промчались конные. Это были китайцы. По ним открыли огонь, и они скрылись в ночной темноте. А ночь была темной — глаз выколи, почему стали ждать рассвета и только тогда вести наступление на китайский бивуак. Рассвело. С громким «ура» бросились в китайскую ложину, и тут же с правого фланга понеслось «банзай». Это пошли в атаку японцы. Со стороны бивуака зажужжали пули, а вскоре в сторону степи помчались пять всадников. Впоследствии оказалось, что это были казаки с ближайшей заимки, которые, услышав стрельбу, прискакали на помощь русским, а в утреннем тумане приняли нас за врага.

Китайский бивуак представлял хаотичную картину, и офицерская палатка была свалена. Подошли к ней и в ужасе остановились. Гушин лежал мертвым с вытянутыми руками, а рядом с ним, уткнувшись лицом в землю, лежал его субалтерн — прапорщик Кадышевский. Этот был ужасен. В него в упор всадили несколько пуль, и внутренности несчастного расплзлись по земле во все стороны. Тут лежали зверски убитые четыре русских солдата и один бурят. Два солдата успели спастись, и один из них, Р., раненный в мошонку, рассказывал, что все заснули, часовой тоже задремал и не видел, как поднялись китайцы. Здесь же, на заимке, был убит пулей в сердце бурят. Он сидел около печки на скамейке, когда вошли в помещение, казался жив, но на вопросы не отвечал. Когда же его похлопали по плечу, бурят повалился. Моментальная смерть. В погребке заимки нашли еще раненого солдата.

Печальное было утро. Убитых привели в порядок, вырыли братскую могилу, прочли над ними молитву и похоронили. И стали искать знаменитую «черную телегу». Где она? Что с нею, когда ночью в степи были слышны разрывы гранат? Нашли случайно. Подъехали к заимке Токмакова, наглухо закупоренной, и там нашли «черную телегу» офицеры-конвоиры, которые решили на заимке отбиваться, если подойдут хунхузы. Транспорт двинулся в Кыру, где был Унгерн. О восстании он знал уже от бурят и щедро наградил всех за спасение «черной телеги».

* * *

Муку к барону Унгерну в Кыру привезли с большими трудностями и громадными расходами. Перевозка пуда муки обошлась 2.50 золотых рубля, почему этот продукт в отряде ценился на вес золота. Из Кыры обоз с мукою был отправлен в Алтан. Обоз вел один чиновник,

и мука погубила его. Переправлялись через какую-то речку и всю муку подмочили. Барон озверел. Орал на свой штаб, избил ташуром вестового Бурдуковского, а потом приказал: «За подмоченную муку чиновника пороть, а потом утопить в этой же речке». Несчастливого выпороли и утопили.

Унгерновский кошмар начинался в новой обстановке. Дивизия должна была идти в станицу Мензу, где сосредоточились красные, но, так как прямой путь туда был возможен лишь только одиночным всадникам и пешеходам, барон решил идти через Монголию. Вышли в поход и вскоре пришли в Алтан, где и расположились на дневку. Здесь была окончена судьба алтанского священника. По докладу казаков, этот священник очень критически относился к белым, что для барона было достаточно. Правда, он отнесся к священнику на допросе деликатно и лишь приказал ему немедленно покинуть поселок, но о дальнейшем умолчал. Несчастный деревенский попик быстро выехал из поселка, а вслед ему поскакал ротмистр Забиякин с особым приказом Унгерна. Он нагнал священника и застрелил его в телеге.

Вышли на Мензу, пошли по Монголии. Барон отдал приказ по дивизии: «Чинам отряда усиленное довольствие, но спиртные напитки запрещаются под страхом жестокого наказания». Унгерновский приказ — больше чем приказ, но русская натура тоже штука крупная!

На втором переходе дивизия остановилась около большой и глубокой речки. Развели костры, стали жарить баранину и отдыхать. Японцы шли на особом положении, и им разрешалось выпивать в походе китайскую водку — хану, чем не преминули воспользоваться и наши. Интендант дивизии капитан С.Д. Россианов, сотник К.И. Парыгин и хорунжий Пинигин раздобыли каким-то образом «ханушки» и загуляли. Слышит барон из своей палатки, что очень весело на бивуаке, и доволен — у людей настроение хорошее, пока урядник Терехов не донес ему, что господа офицеры хану пьют.

— Сотника Парыгина, капитана Россианова и хорунжего Пинигина!! — разнеслось вечером по лагерю, и у многих на сердце похолодело. Такие приглашения никогда не сулили хорошего.

В широченных шароварах подошли к нему сотник Парыгин и хорунжий Пинигин. Россианова найти пока не могли. Он спал где-то под кустом. Диалог начался с полутонов. «Вы водку пили?» — сумрачно спросил Унгерн. Молчат. «Для лысого черта я отдаю приказ или для вас? Офицеры сами нарушают дисциплину! Безобразие! Преступление!.. Расстреляю как собак бешеных!» — уже орал барон. Провинившиеся молчали, и лишь дрожали пальцы их у козырька фуражек. «Марш за речку, марш!» — заорал Унгерн. А был сентябрь месяц, вода в речке

была холодна, да и вечер был прохладный. «Ваше превосходительство, простите!» — пытались умолять жертвы. «Марш или сейчас на месте пристрелю!» Офицеры медленно пошли к речке. Они оглядывались, но, видя лишь размахивание ташура, шли дальше. Весь лагерь смотрел на эту дикую невиданную картину.

Подошли к речке, еще раз оглянулись. Сотник Парыгин первый вошел в воду. Вот несчастливые по пояс, вот по горло в воде, вот уже попали на другую сторону, и в лучах заходящего солнца лишь отблескивали на плечах серебряные погоны.

Но картина продолжалась. Около Унгерна стоял несчастный капитан Россианов. Он дрожал как в лихорадке, и последний запах ханы уже давно испарился из его головы. «Ты, с. с. интендант. Мошеник! Ты водку вздумал пить. Приказ нарушать, я ж у тебя все алкоголистические соки вытяну. Я из тебя сделаю трезвенника, алкогольная шкура... Я тебя приведу в христианский вид» — «Ваше превосходительство! Ей-богу, больше ни рюмочки не выпью... Вот крест святой», — уныло защищался интендант.

— Бурдуковский, — уже ревел Унгерн и, когда этот забайкальский «квазимодо», чудовище лицом и душою, явился, приказал ему: — Свя-зать!

С довольным видом «квазимодо» бросился за веревками и стал связывать руки капитана.

— Балда, как вяжешь!.. Под мышки вяжи, — гремел барон. — А то эта интендантская пьяная крыса плавать не умеет... И тащи его в речку.. Ну, марш в речку!..

Интенданта потащили в речку, а он все время не переставал молить и утверждать, что «ни рюмочки больше не выпьет».

Сволокли капитана в воду, и он осторожно пошел к середине речки. Потихоньку чертыхался, а когда вода стала ему по горло, представление приняло трагикомический характер. Вся дивизия во главе с Унгерном стояла на берегу, а барон продолжал отдавать приказания: «Нырй, пьянчужка!» Интендант нырлял. «Еще нырй!» Опять нырнул. «Еще нырй!» Интендант нырнул еще, и на поверхности воды показались пузыри. «Бурдуковский, вытаскивай его, а то еще утонет интендантская крыса!»

Бурдуковский потащил за веревку и вытащил из глубины, как рыбу, несчастного капитана.

— Ну, марш к приятелям за речку! — кричал барон, и Россианов с большим трудом доплыл до берега и присоединился к компании.

Со всех ручьями текла вода, а наступала ночь, и холод становился острым и пронизывающим. «Зажгите костер, пьяницы!» — кричал им

барон. «Ваше превосходительство, здесь нет ни сучочка!» — неслось оттуда. «Послать им туда топлива. Чтобы эта пьяная компания не сдохла, дежурному офицеру делать им переключку через каждые десять минут»; — отдал он приказ, круто повернулся и ушел в палатку. Наступила темная ночь. Лагерь спал, а над его сонным затишьем через каждые десять минут громко неслось:

— Капитан Россианов?

— Я!

— Сотник Парыгин?

— Я!

— Хорунжий Пинигин?

— Я!

Так прошла ночь. Наутро провинившимся офицерам подали лошадей и дивизия выступила дальше. Нарушать приказ барона больше никому не хотелось.

* * *

Азиатская дивизия барона Унгерна шла форсированным маршем по Монголии, направляясь в станицу Мензинскую.

Долгое время шли лесом, который горел страшным лесным пожаром, и только узкая полоска — дорога оставалась пощаженной языками пламени. По сторонам дороги, тут и там, валялись обуглившиеся трупы лошадей — погибшие монгольские стада, палил жар, было душно, и поход казался адом. Не доходя двух переездов до стыка — поворота на Ургу и Мензу, в дивизию прискакали два монгола. Они доложили барону, что в ургинской тюрьме китайцы, по соглашению с красными, держат в кошмарных условиях сто русских офицеров, женщин и детей. Барон загорелся. Дивизия остановилась, а через полчаса в сторону Урги поскакали полковник Хатакиама и полковник Лихачев. Но что произошло с ними в дороге — знал только барон, они вернулись, и вместо них в Ургу к китайскому губернатору, знаменитому Го Сунлину, помчались монголы с приказом от Унгерна: немедленно же освободить арестованных. Дивизия направилась на стык. Там ждали ответа пять дней, но китайский генерал не отвечал, и Унгерн отдал приказ: «На Ургу! Освободить переметные сумы. Обозы остаться на месте. Поход переменным аллюром».

Быстро подскочили к Урге, заняли ургинские высоты и два раза вели наступление 24 и 26 сентября. Наступления окончились неудачно, так как при колоссальном превосходстве противника в числе, оружии, при морозе и при спешном наступлении унгерновцы цели не достигли.

Погибли люди, много было раненых и обмороженных. В лобовой атаке был ранен в грудь командир Анненковского полка войсковой старшина Циркулинский, а комендант дивизии подполковник Лауренц в руку. Дивизия после неудачи отошла на 60 верст в сторону Хайлара — на восток. Командиром Анненковского полка был назначен поручик Царьгородцев, в офицерскую сотню которого был отправлен есаул М. (автор настоящих воспоминаний) за то, что отправил письмо Унгерну с просьбой откомандировать его из обоза. Полк принял есаула М. как чина унгерновского штаба, с большим неудовольствием и подозрением. Офицеры полка что-то замышляли и обращались с новоприбывшим с осторожностью. Дивизия же переживала тяжелые дни. В течение 20 дней ни у Унгерна, ни у простого всадника не было ни соли, ни муки. Барон ходил свирепый, а интендантские чиновники прятались от него, как мыши от жестокого кота. Но барон и здесь вышел из положения. Он отправил сотню хорунжего Хоботова на тракт Урга—Калган с приказом все караваны задерживать и отправлять в дивизию. И скоро в дивизии появилось все, начиная от шелка и кончая монгольскими ножами, жареными курицами и шампанским.

В эти дни в дивизию пришли тибетцы. Сотня под командованием хорунжего Тубанова. Командир их был бурят, окончивший в Верхнеудинске четыре класса средне-учебного заведения, а остальные — самые настоящие тибетцы, воинственные и свирепые люди на прекрасных лошадях и хорошо вооруженные. Интересный народ были эти тибетцы, и русские ходили смотреть, как они пьют и едят из особой посуды: из человеческих черепов, края которых были заделаны в золото и серебро.

Барон сумрачно молчал, а дивизия тревожно ждала, пока не разразилось новое несчастье.

В Анненковском полку офицеры таинственно между собой шушукались, и вид был у них очень подозрительный. Барон в это время уехал в обоз, и за него остался генерал Резухин. Есаул М. пошел к нему и говорит: «Слушай, Ваше превосходительство, а у нас в полку что-то неладное. Ты смотри, прими это к сведению, а то как бы плохо не было...» — «А, иди ты к чертовой бабушке! Надоели вы мне все. Вечно что-нибудь выдумают», — пробурчал Резухин и отвернулся.

Наступила ночь, приехал барон, и все как будто успокоилось. Но утро было зловещим.

Офицеры Анненковского полка во главе с командиром поручиком Царьгородцевым поседлали лошадей и бежали. Остались одни солдаты да часть офицерской сотни, которая была в заставе.

Есаул М. влетел в палатку к Унгерну. Последний сидел вместе с Резухиным и о чем-то беседовал. «Ты чего влетел как сумасшедший?

Тебя кто просил?» — обратился он к М. «Ваше превосходительство, офицеры Анненковского полка бежали!» — резко доложил тот. «Что-о? Бежали?! А ты что смотрел? Ты где был?» — заревел барон. «Ваше превосходительство, я докладывал генералу Резухину, но он не стал слушать», — оправдывался М. «Так. Что же ты, старая калоша, мне ничего не доложил?» — обернулся барон к генералу. «Прости, Ваше превосходительство, забыл». Унгерн заметался по палатке. Гроза надвигалась, и страшно стало М. и Резухину. «Ну, ты проворонил, ты и исправляй. Что будешь делать?» — резко крикнул барон Резухину. Тот опустил голову и молчал. «Послать немедленно тибетцев в погоню и приказать, чтобы они живыми или мертвыми всех мерзавцев привезли. А ты, М., прими временно полк. Ну, марш из палатки оба», — мрачно и резко сказал Унгерн и сел на походную кровать. Бежавших всех перебили, а пять захваченных живыми выпороли и повесили. После этого полк уже не представлял прежней цельной единицы. Через несколько дней командиром был назначен полковник Лихачев, а офицерский состав был пополнен из Татарского полка.

Рок же несчастья уже висел над дивизией, и черные новости выплывали одна за другой.

Унгерновский адъютант поручик Ружанский по подложному документу получил в интендантстве 15 тысяч золотых рублей и бежал, но был пойман и расстрелян вместе с женой. Унгерн смотрел на всех зверем, и люди боялись попадаться ему на глаза. Унгерновский террор входил в силу. Стоял тихий вечер. Шел крупными и тяжелыми хлопьями снег, когда по лагерю разнеслось: «Есаула М. к начальнику дивизии!». Фигура в бараньей шубе, шерстью наружу, страшная и встревоженная, прокатилась к палатке Унгерна.

— Честь имею явиться, Ваше превосходительство!

— Ты грамотный?

— Так точно, грамотный!

— Ну так книгами ведать будешь. Понял! Адъютантство, значит, примешь. Ружанский убежал, так ты вместо него. Да смотри, канцелярию у меня не разводите. Ну, вались. Палатка рядом.

* * *

Дивизия выступила на Керулен. Керулен — глубокая речка, впадающая в озеро Долай-нор. Здесь остановились на зимовку и построили зимний бивуак. Быстро монголы навезли юрты, обоз пополнился из калганских караванов, которые часто пригоняли на бивуак, построили сотенные помещения из леса, построили прекрасную баню, провели

по лагерю идеально чистые дорожки и начали варить мыло, в котором дивизия имела недостаток. До обеда вели занятия.

В один из холодных дней, рано утром, барон приказал оседлать лошадь и один, даже без вестового, уехал. Никто не знал, куда он потерялся, но Унгерна не было десять дней. Дивизия начала волноваться. Без «дедушки», как его звали, та обстановка, в которой находилась дивизия, вызывала тревогу. Штаб предполагал, что барон уехал в Хайлар, но это были только догадки. Среди всадников начались лишние разговоры; старший командный состав был озабочен, пока, как всегда было у Унгерна, последний так же незаметно появился, как и уехал.

Вечером около его палатки послышался звук копыт и тяжелый сап лошади. Барон соскочил с коня и резко спросил есаула М.:

— Что нового?

— Ничего, Ваше превосходительство, кроме того, что волновались все. Вас потеряли.

— Ну, пойдем, пройдемся. Посмотрю, все ли в порядке.

Везде было чисто. Дежурные на местах. Лошади на пастбище, а быки в загоне. Кроме одного. Проклятый вышел на заднюю площадку, разлегся там и хвостом попал в то место, где оставил свою визитную карточку. Барон подошел к волу. Задумчиво толкнул его ногою, вол хотел встать, но не мог. Хвост у него примерз к карточке. Барон недовольно буркнул, ушел к себе и приказал адъютанту есаулу М. жалованья за очередной месяц не платить.

— Плохо за быками смотрел.

Вскоре после приезда Унгерна к нему съехались монгольские князья. На съезде решили выступить против китайцев и спасти Богдо — «живого бога», находившегося у них в почетном плену. Князья объявили мобилизацию «цзириков» — солдат, а один из князей, имевший типографию, разослал по всей Монголии воззвание князей.

Дело начиналось, а с ним шли и новости.

* * *

Унгерн решил взять Ургу и отдал приказ о выступлении с Керулена. К моменту нового похода в Азиатскую дивизию влилась прибывшая сотня войскового старшины П.Н. Архипова, бежавшего от китайцев и по дороге сформировавшего из казаков сотню в 90 человек. С этой сотней прибыл к Унгерну и доктор А.Ф. Клингерберг. Перед выступлением Унгерн отдал строгий приказ о полном запрещении употреблять спиртные напитки, что заставило полковника Лихачева с частью офицеров справиться поминки по алкоголю и напиться до положения риз. А в этот мо-

мент приказано было седлать, строиться и выступать. Лихачева с трудом разбудили, но хмель еще не вышел из его головы, когда он подбегал к выстроенному полку, скомандовал: «Полк, за мной марш!» — и помчался как уторелый. Полк поскакал за ним, потерял всякий строй и такой конной кучей наскочил на Унгерна. «Стой, мерзавцы!» — заорал тот, и этот оклик привел в себя всю массу скачущих неизвестно куда всадников. «Слезай!» — раздалась бароновская команда. «Командир полка и все офицеры пешим порядком марш!» Дивизия выступила, а позади ее шли командир Анненковского полка и офицеры. Дорога была сплошной каменный щебень, по которому они шли два перехода. В конце последнего Лихачев подошел к генералу Резухину и доложил:

— Ваше превосходительство, я больше не могу, и, если мне прикажут еще идти дальше пешком, — я застрелюсь.

Барон отправил Лихачева в обоз, а полк здесь же расформировал, влив его в Татарский полк. Дивизия двигалась, и в это время в нее прискакал хорунжий Немчинов. Из Урги он прямо явился к барону и доложил ему:

— Ваше превосходительство, я приехал, чтобы убить вас. Меня послали для этой цели китайцы. Делайте со мной что хотите, но вот вам цианистый калий и деньги — две тысячи, которые дали мне китайцы как задаток.

Барон остался спокоен. Взял цианистый калий, деньги вернул Немчинову и приказал ему оставаться при нем. Унгерн задал ряд вопросов прибежавшему о положении в Урге, и последний рассказал ему, что этот красный город, в отношении русских, управляется красной управой, во главе которой стоят коммунисты: священник Парников, как председатель, и его заместитель еврей Шейнеман. Русские офицеры, их жены и дети, по ходатайству и сношениям с китайской военной властью, все заключены в тюрьму и находятся в ужасных условиях. Тюрьма не только не отапливается, но стоит вся с выбитыми окнами, и те лохмотья, которые имеют арестанты, служат им даже не подстилкой или покрывалом, а для затыкания окон от мороза и ледяного ветра. Особенно страдают женщины и ни в чем не повинные дети, а когда один из них застыл от стужи и голода, тюремная администрация выбросила его трупик за тюрьму, и мертвого ребенка съели собаки. Кроме этого, китайские заставы ловят бегущих из Урянхайского края офицеров — одиночек и семейных — и передают их в Ургу. О задержанных запрашивается красная управа, которая, узнав, что это офицеры или офицерские семьи, уведомляет китайские власти, что лучшее место для этих людей — китайская тюрьма. Китайцы бросают несчастных туда, куда рекомендуют русские коммунисты. Когда барон вы-

слушал этот рассказ, он весь побелел от гнева и резко сказал присутствующим старшим офицерам:

— Я не делю людей по национальностям. Все — люди, но здесь я поступаю по-другому. Если еврей жестоко и трусливо, как подлая гиена, издевается над беззащитными русскими офицерами, их женами и детьми, я приказываю: при взятии Урги все евреи должны быть уничтожены — вырезаны. Это им заслуженная месть за то, что не скрутили рук своей гадине. Кровь за кровь!

Подходили к Урге. Азиатская дивизия шла в составе тысячи человек, включая сюда обозных, интендантских и прочих мертвых бойцов. Барон окружил Ургу мелкими частями со всех сторон, для чего разослал сотни, а при себе, в главных силах, оставил: бурятский дивизион, татарскую сотню, русскую сотню, два орудия и несколько пулеметов. Этими силами повели наступление на Ургу со стороны Калганского тракта. Наступали весело и быстро. В одно мгновение сбили китайцев с первых позиций и двинулись на верхний и нижний Мадачан. Здесь китайцы жестоко сопротивлялись два часа, но были разбиты и бежали, оставив массу винтовок и маузеров. У унгерновцев были раненые. Наступление не прерывалось, и 1 февраля 1921 г. все командные высоты над Ургой были взяты. Отряд расположился на священной горе Богодо-Ул. Верстах в четырех была Урга. Барон смотрел на этот знаменитый город, который он решил взять.

В этот момент на взмыленном коне подскакал тибетец и передал Унгерну донесение от хорунжего Тубанова. Тот коротко писал: «Я выкрал Богодо-Гыгена из дворца и увез на Богодо-Ул». Барон загорелся от радости и крикнул:

— Теперь Урга наша!

Оказывается, что тибетцы открыто подошли ко дворцу Богодо, находящемуся у подножия священной горы, лихим налетом, с дикими криками напали на тысячную китайскую охрану и, пока китайцы в панике метались по дворцу, дикие всадники ворвались в последний, нашли там «живого бога», вытащили его наружу, положили через седло и ускакали. Налет был лихой, а то обстоятельство, что «живой бог» был спасен из китайского плена и находился при дивизии, имело громадное значение. Скоро весть об освобождении Богодо-Гыгена обошла все части, и на священной горе послышались раскаты русского могучего «Ура».

Наступил новый день. Барон вызвал поручика Тастухина и приказал ему зажечь в створе Богодо-Ула и радиостанции два громадных костра. Вечером же было приказано всему отряду разжечь костры на горе из расчета один на трех. Этим обманывали китайцев. А в 12 часов ночи

весь отряд, держа направление по огненному створу, пошел в сторону радиостанции на горе Мафуска, обошел ее справа, спешил и быстро двинулся в наступление на гору и на китайские казармы.

Первые китайские части были моментально сбиты. Через высокую стену казарм перелезли два всадника, отогнали караул, открыли ворота, и унгерновцы с бешеным «Ура» ворвались в китайский гарнизон. Там стояло восемь рот, которые попытались было сопротивляться, но от неожиданности и растерянности не выдержали и бросились в сторону Маймачена. На рассвете унгерновцы повели наступление на Маймачен, но были встречены адским огнем и отошли. Барон стал проводить другой план. Две сотни он отправил в лоб, а остальные в конном строю бросились во главе с генералом Резухиным к южным маймаченским воротам, ворвались в город и здесь, пройдя сажень двести, изо всех домов, с крыш и из переулков были осыпаны градом пуль и заброшены ручными гранатами. Генерал Резухин спешил и начал уличный бой. Бой самый жестокий и самый упорный. Засевших в кумирнях и домах китайцев забрасывали гранатами или поджигали, так как дрались китайцы ожесточенно. Сам знаменитый Го Суналин успел бежать на автомобиле и прорвался в Калган. Штаб его остался, засел в доме и в течение нескольких часов засыпал пулями смежные улицы. Наконец дом подожгли, а китайский штаб полностью перестреляли.

Пока в Маймачене шел уличный бой, сотни Архипова и Хоботова ворвались в Ургу и освободили тюрьму — главная цель похода на этот город. Освобожденные были найдены в жутком положении. Тюрьма не отапливалась, окна в ней были выбиты, и русские женщины, дети и офицеры были найдены в полузамерзшем состоянии. Они были на грани смерти и, когда узнали о свободе, плакали, смеялись и целовали Хоботову ноги.

Китайский гарнизон Маймачена и Урги состоял из восьми тысяч, войска были прекрасно вооружены.

К вечеру 3 февраля 1921 г. Маймачен и Урга были совершенно очищены от китайцев. Урга была взята.

* * *

Приказ барона Унгерна был строг и точен: «За мародерство, за насилие над жителями — смертная казнь». В отношении же коммунистов и евреев барон приказал их вешать, а имущество, оставляя себе, треть сдавать в казну.

Коммунисты были уничтожены все, но несколько евреев барон помиловал. В их числе был некий Вульфович, монгольский перевод-

чик Унгерна, которому при поимке разрубили руку, но он остался жив, а двух всадников, его ловивших, выпороли.

Более жестоко было поступлено с бурятом-урядником. Он в одной из китайских лавок взял кусок синей далимбы ценностью в 80 центов. Барону донесли об этом, и он приказал его повесить. Труп бурята долгое время висел на воротах главной кумирни Маймачена, покачивался, и его страшное лицо и кусок взятой далимбы под мышкой долго наводили на всех жуткий страх, зато мародерство было сразу же прекращено.

Прошло дня три, и барон отдал приказ всем русским явиться для регистрации в комендантское управление. Явилось очень мало, тогда Унгерн нервно покрутил свой ус, и на следующий день по всему городу были расклеены объявления: «Всем мужчинам явиться на городскую площадь 8-го февраля в 12 часов дня. Не исполнившие этого будут повешены. *Барон Унгерн*».

Коротко и более чем ясно. Явилось более 150 русских, которые немедленно были распределены по частям. Генералам же Комаровскому и Никитину, оказавшимся в Урге, барон приказал немедленно выехать из города. «Это совершенно бесполезные и ни к чему не пригодные люди», — сказал он.

После того как китайцы наглядно убедились, что с приходом унгерновцев не только порядок был не нарушен, а восстановлен ими до идеальной высоты и что тяжелые налоги китайской власти частью совершенно уничтожены и частью снижены наполовину, а городская жизнь потекла по нормальному мирному руслу, китайское коммерческое общество решило отблагодарить барона Унгерна пышным банкетом. Но барон никогда не бывал на банкетах и других торжествах, связанных с его именем, а потому отказался и от этого китайского чествования. На банкете китайцы говорили благодарственные речи и называли барона Унгерна своим спасителем и защитником от произвола китайских властей.

После проведения мобилизации Унгерн получил сведения, что из Калгана движается в Ургу большой караван верблюдов с подарками к новому китайскому году для ургинского китайского гарнизона. Караван идет под охраной отряда в 300 человек. Барон взял с собой небольшую часть и немедленно поехал навстречу. Караван был уже в 20 верстах от города. Китайцы вступили в бой и дрались свирепо. Барон наблюдал за разыгрывающимся боем и приказала есаулу М. ехать целиной к бурятской части и приказать ей идти в атаку. Посланный завяз в глубоком снегу и только через два часа добрался до бурят, которые уже, без приказа, атаковали китайцев. Есаул отдыхал у коново-

дов, когда к нему подъехал генерал Резухин, сказал, что уезжает в Ургу, и шажком поехал в указанном направлении. М. ничего не понял, а через полчаса к нему подъехал артиллерийский офицер, который объяснил, что Резухин ранен и отрядом командует подьесаул Парыгин. А через десять минут туда же прискакал барон, крикнул:

— Где Резухин? — и, получив ответ, что ранен, спросил: — Куда ранен?

— Не могу знать, Ваше превосходительство.

— Ты вечно ничего не знаешь! — заорал барон и со всего размаха ударил своего адъютанта ташуром по голове.

Тот упал и долго лежал без чувств, а когда пришел в сознание, то слышит, что барон возится с ним и бормочет:

— Черт, неужели я убил его?

Адъютант встал и, покачиваясь, пошел с бароном на позицию.

— Ты куда? — заорал барон. — Хочешь, чтобы тебя убили? Марш назад!

Вот и разберись. Только что сам едва не убил, а теперь тревожится, чтобы не убили.

Караван попал в руки унгерновцев. С грузом до шампанского и шелка включительно.

Унгерн спешно усиливал свою Азиатскую конную дивизию. Было сформировано четыре полка, командирами которых были назначены произведенные в есаулы: 1-м Татарским — Парыгин, 2-м Хоботов, 3-м чирювник Яньков и 4-м Монгольским войсковой старшина Архипов.

Урга уже начинала жить в нормальной и спокойной обстановке. Жителям барон шел навстречу; магазины, лавки торговали бойко, из Монголии шли непрерывной цепью торговые караваны, и ургинские базары шумели. Панические настроения Унгерн ликвидировал вначале, когда расстрелял подполковника Дроздова, распространявшего тревожные слухи. Больше никто не решался сомневаться в устойчивости ургинской жизни.

Штаб начал подыскивать для Унгерна помещение, и скоро есаул М. и корнет Смиренский нашли роскошно обставленный дом богатого еврея. Барон пришел посмотреть. Остался доволен, но, когда узнал, что квартира еврейская, пришел в бешенство и в соседнем дворе приказал поставить себе юрту. А вечером посадил адъютанта за машинку и продиктовал приказ: «Глупее людей, сидящих в моем штабе, нет. Не давать им продуктов в течение трех дней».

Жизнь в Урге восстанавливалась. Полицмейстером и комендантом Урги был назначен знаменитый подполковник Л. Сипайлов, о деятель-

ности которого будет разговор впереди. Комендантом Маймачена был назначен прапорщик Степаненко, бывший жандармский унтер-офицер. Есаул М. был назначен в помощь Сипайлову.

Дивизия отдыхала, а интендантство в специально устроенных мастерских спешно шило для всех из синей чесучи тырмыки, унты, офицерам сапоги, всем кожаное обмундирование. Барон был тих, доволен, и дивизия стала понемногу забывать о страшных днях порок и других жестоких наказаниях. Но дивизия была составлена из людей, прошедших «огонь, воду, медные трубы и волчьи зубы», и без наказаний жить не могла. Барон провинившихся офицеров и солдат садил на крыши домов. Любопытную картину представляла в то время Урга. В районах расположения воинских частей, тут и там, по крышам разгуливали, сидели и стояли офицеры. Некоторые просидели на крышах по месяцу, а знаменитый хорунжий Тубанов, командир Тибетской сотни, после своего подвига окончательно распоясавшийся, влез на крышу, просидел там неделю и... снова стал человеком.

В это время Унгерн вел переговоры с монгольскими князьями. Вскоре он выпустил политический приказ № 15. В нем точно говорилось: «С моей Азиатской конной дивизией иду на жестокую и беспощадную борьбу с красными под знаменем: За Царя Михаила Александровича». В этом духе он готовил дивизию к выступлению, но свое интендантство, которое органически не терпел, не забывал, и в приказе было сказано: «Стыдно офицерам сидеть в обозах, нестроевых и комендантских командах, в интендантстве и пр. подобных учреждениях, а потому, чтобы отличить доблестных воинов от этих людей, всем тыловым чинам приказываю надеть погоны поперек плеча».

Этот знаменательный приказ произвел бурю. Многие интендантские чины немедленно же подали рапорта об откомандировании в строй, и отдельным из них Унгерн наложил резолюцию: «Разрешаю погоны носить продольные».

Добрался Унгерн и до Ургинской управы, которая была большевистского толка и которую освобожденные из тюрьмы офицеры и их семьи считали прямым виновником их мук и страданий.

Произведя расследование, барон приказал весь состав городской управы расстрелять, успел бежать только товарищу председателя управы еврей Шейнеман, председатель же управы священник Парников не избег общей участи. На допросе священнику был задан вопрос: «Как вы, служитель Бога, работаете с безбожниками и преступниками?» На это арестованный коротко, но твердо ответил: «Я был служитель культа, который сейчас уже умер, а потому и работал с большевиками». Расстрел был произведен за городом.

* * *

Урга пышно и торжественно готовилась ко дню коронации Богдо-Гыгена, освобожденного от китайцев. Для монгол это событие имело значение не меньшее, чем для русских коронация Императора. В Ургу съехались все монгольские князья; город наполнила многоликая и красочная монгольская масса, прискакавшая на своих степняках даже из далеких и глухих углов Монголии. Коронация была назначена в конце февраля месяца. Накануне ее Азиатской конной дивизии был дан приказ: «В 3 часа ночи поседлаться, надеть новую форму, быть при оружии, при оркестре музыки и выступить из Маймачена в Ургу, где построиться шпалерами от дворца Богдо до главной кумирни».

По левой стороне улицы выстроились части дивизии, по правой — монгольские и бурятские войска. Простояли в томительном ожидании три часа и до 10 часов утра были распушены. Монгольские ламы решили, что в эти часы коронация состояться не может, так как боги против этого и Богдо за ослушание грозит несчастье. Ламы сидели во дворце и ворожили, и только в 10 часов утра из дворца показались конные вестники. Одетые в парчовые красочные костюмы, с трубами, из которых раздавались резкие звуки, вестники давали знать, что Богдо скоро будет. Войска замерли, а тысячи народа превратились в каменные изваяния. За вестниками показалась пышная по яркости красок процессия, за которой храпящие лошади везли колесницу-треугольник из огромных бревен. В середине колесницы стояла высокая мачта с колоссальным по размерам монгольским флагом, отблескивающим своими золотыми нитками. Над замершей площадью раздалась громкая команда: «Азиатская дивизия, смирно, равнение направо, господа офицеры!»

В золотой коляске ехал на коронацию Богдо. Он был в золотой парче с темными очками на глазах. Музыка заиграла «встречу», монгольские дудки подхватили, плача, рыдая, злясь и торжествуя. Они отгоняли от Богдо злых духов. Вокруг золотой коляски скакали монгольские князья в пышных восточных одеждах, с конусообразными шапочками, украшенными перьями на головах, конусы шапочек были из драгоценных камней — по рангу владельцев. Барон и генерал Резухин присоединились к свите Богдо и уехали в кумирню на коронацию. Религиозная церемония в храме шла четыре часа; генерал Резухин вскоре вернулся и на эти часы распустил дивизию. Он был возведен в сан «гуна» — монгольского князя.

Офицеры разошлись по знакомым, и часть из них здорово хлебнула зелена вина по случаю торжественного дня. Генерал Резухин, недовольный тем, что Архипов и есаул М. не пригласили его в знакомый им дом,

простоял на площади, а когда те вернулись и М. попросил у генерала не становиться в строй, так как сильно пьян, Резухин с усмешкой отказал.

Скоро раздалась команда — ехал Унгерн. Вид его был необычен. Барон был одет в монгольское княжеское платье, в шапочке с пером и сидел на прекрасном степняке, поводья у которого были желтые — знак высокого княжеского чина — всадника. Фигура Унгерна, так близко знакомая всем, всегда одетая в простую форму, сейчас напоминала разноцветного попугая и невольно вызвала у всех улыбку. Барон и сам был смущен непривычным нарядом, но старался не показывать виду. Он скакал прямо к правому флангу, где был есаул М. Барону донесли, что есаул пьян. Подъехав к флангу, Унгерн спокойно соскочил с лошади, взял у командира полка толстый ташур и подошел к своему адъютанту. Дивизия замерла, ожидая расправы. Барон резко спросил: «Ты пьян?» — «Никак нет, ваше превосходительство, только рюмочку перед обедом выпил!» — с побелевшими губами ответил адъютант. «Ну, то-то», — задумчиво произнес барон и пошел вдоль фронта. Бедный есаул, ожидавший крутой расправы, был настолько ошеломлен необычно ласковым обращением барона, что у него от умиления за бароновскую доброту на глазах показались слезы.

Прошло полчаса, и послышалась громкая бароновская команда: «По местам смирно. Слушай на кра-ул!» Снова заиграла музыка, и между шпалерами войск и тысяч народа проехал Богдо-Гыген, коронованный в неограниченные повелители Монголии. Все монголы и буряты встали на правое колено, русские взяли «на караул», и громкое «Ура!» покрыло своим гулом городскую площадь и окрестности. Во дворце начался пышный праздник.

Все офицеры Азиатской дивизии были возведены за взятие Урги в ранги монгольских чиновников от 1-го до 6-го класса. Празднование коронации продолжалось несколько дней. Монголы торжествовали — они имели теперь своего Императора.

* * *

В один ясный и солнечный майский день во всех полках Азиатской дивизии нежно запели военные трубы: «Всадники, друзья, в поход собирайся...»

Барон Унгерн решил кончить мирное жительство в Урге и начать боевую жизнь — сломить красных или сломить голову себе. Ко дню выступления все чины дивизии были заново прекрасно обмундированы, снаряжение пригнано, кони выкормлены и выстояны, артиллерия подобрана, обоз отобран и рассчитан на дальний путь, калечь оставлена и

всадники вымуштрованы. Утром вся дивизия выстроилась на площади; священник отслужил напутственный молебен. Раздалась команда: «По коням!» Азиатская дивизия выступила на Троицкосавск, справа рядами. Она представляла красочное и нигде не виданное зрелище. Все всадники и офицеры были одеты в шелковые темно-синие монгольские тырлыки, в шелковых фуражках, при шашках, винтовках и ташурах. Ташуры — особые бамбуковые палки, каждый упирал одним концом в стремя, а на другом конце лежала рука. На плечах ярко выделялись погоны, украшенные трафаретами из чистого серебра: двуглавый орел, а под ним номер полка. За плечами развевались шелковые разноцветные башлыки: зеленый у татарской сотни, желтый у забайкальской, ярко-алый у бароновского штаба и др. Дивизия потянулась по городским улицам и вышла за город на Троицкосавскую дорогу. Гремел прекрасный оркестр под управлением капельмейстера И.Д. Чиждова, игравший марши, а когда музыка умолкала, лилась подголосная, заунывная, как степь, казачья песня, то лихая, то остро-печальная. На улицы высыпали все горожане, которые уже свыклись с унгерновцами, а у ворот домов грудились женщины и девушки, махали платочками и многие, многие плакали. Не один всадник смахивал стыдливую слезу со щеки, ибо жизнь брала свое, и за время стоянки много драм, романов и трагедий произошло в сердцах унгерновцев и ургинок. Уходили в неизвестную даль, шли на неведомое, и мало кто надеялся вернуться из унгерновского похода.

Барон сиял. Он был весел и, сопровождаемый штабом, сам красочно по-азиатски одетый, громко бросил горожанам: «Не поминайте, господа, лихом, прощайте!» Широким наметом он проскакал вдоль медленно плывущей и покачивающейся дивизии, коротко бросая: «Здорово Татарский, здорово Забайкальцы, здорово Монгольский...» — «Здравия желаем, Ваше превосходительство!!!» — неслось дружное в ответ.

В Урге остался лишь Сипайлов со своей опричиной, чины комендантской команды и полковник Лихачев с монгольским военным училищем.

Шли до 4 часов. В это время дивизию на автомобиле нагнал сотник А.К. Еремеев — старый адъютант барона, оставшийся еще в Даурии и теперь неизвестно откуда появившийся. Он вошел в раскрытую палатку Унгерна и больше часа, не отрывая руку от козырька, о чем-то докладывал начальнику дивизии. Дивизия переговаривалась: «Зачем приехал Еремеев, долго ли пробудет? Что с ним сделает барон?» Еремеев много зла причинил унгерновцам еще в Даурии и в Хайларе, и они его ненавидели. Наконец Еремеев вышел из палатки и покатил обратно. За ним посыпалась густая брань и далекие пожелания унгерновцев. Они с ним прощались навсегда.

Дивизия шла, но связь с Ургой все еще не хотела порываться. На следующий день дивизию нагнал на автомобиле Сипайлов с несколькими своими приближенными. Черная тень «Макарки-душегуба» все еще не хотела расставаться с дивизией, и у многих тяжело стало на душе. Сипайлов пробыл с полчаса. О чем-то доложил барону и умчался назад. «Макаркин» след скоро отыскался. В дивизии от сипайловского шофера уже узнали, что накануне он задушил полковника Лихачева за то, что последний якобы напился пьян и зарубил шашкой собаку. Это была официальная причина — для Унгерна, а действительная — Сипайлов свел с Лихачевым старые счеты. Узнали и дальше, что «Макарка-душегуб» приезжал с докладом, что он обнаружил преступление Архипова. Якобы Архипов скрыл золото и серебро: серебра 1 пуд 15 фунтов, а золота 1 пуд и оставил их в Урге у приятеля. Сипайлов этим свел счет за сестру Архипова. В это время Архипов был помощником командира 1-го конного полка у войскового старшины Парыгина. Несчастный не знал о своем близком и страшном конце и спокойно ехал с полком. Дивизия стала на ночевку. Архипов прислал к есаулу М. записку: «Приходи. Есть хорошая закуска и хороший коньяк». Архипов помещался вместе с Парыгиным, и когда М. вошел в палатку, то нашел там полный кавардак. Все было перевернуто вверх дном, закуски лежали на земле; Архипова не было. Предчувствуя недоброе, М. бросился искать его, и скоро ближайшие казаки рассказали ему, что в палатку вскочили Бурдуковский с помощником, связали Архипова и увели в ближайший лесок. Есаул М. бросился туда... Лес зловеще шумел. О чем-то негодуяще торопливо говорили его листья, а на одной высокой осине, густо озаренной багровыми лучами солнца, медленно качался труп войскового старшины Архипова. На плечах его тускло поблескивали серебряные погоны... Глаза его были страшно выкачены наружу, и чернел далеко высунутый язык... Жуткое зрелище! М. схватился за голову и бросился бежать от страшного места. Через час вся дивизия уже знала о страшной кончине Архипова и глухо негодовала. Войсковой старшина Архипов считался одним из лучших офицеров, которого казаки считали старшим братом. Сипайлов был уже далеко.

* * *

Дивизия шла на Троицкосавск, куда 4 июля должен был с левой стороны Селенги подойти с бригадой генерал Резухин, чтобы общими силами сбить красных с этого крупного стратегического пункта. Резухин вышел из Урги ранее дивизии на несколько дней. Дивизия шла переменным аллюром, а в авангарде шел монгольский дивизион Най-

дин-гуна. Этот молодой монгольский начальник принес первое несчастье. Он, без приказа Унгерна, решил молодецким налетом сбить красных и захватить Троицкосавск, бросился в атаку, потерял массу убитых и раненых и был отброшен с троицкосавских сопок.

Была ночь темная, дождливая и ветреная. Дивизия не могла разжечь костров, мокла и дрожала от холода. Барон уже получил вести о поражении монгол и ходил по лагерю злой, как потревоженный сатана. В лагерь прискакали раненые монголы, и один из них случайно попался на глаза Унгерну.

— Ты чего? — спросил барон.

— Та ваше превосходительство, та я это ранен.

— Ну, так иди к доктору.

— Та это он не хочет меня перевязку делать.

— Что?!! — заорал барон. — Доктора Клингберга ко мне! — пустил он по лагерю.

Прекрасный хирург и дивный администратор доктор Клингберг, создавший в Урге образцовый госпиталь, доктор, у которого за это время не было ни одной смерти, доктор, относившийся к своим обязанностям идеально честно, подошел к барону.

— Ты, мерзавец, почему не лечишь раненых?! — закричал Унгерн и, не прослушав объяснений, ударил ташуром по голове бедного доктора.

Доктор упал. Тогда барон стал бить его ногами и ташуром, пока несчастный не впал в бессознательное состояние. Унгерн быстро ушел в палатку, а Клингберга унесли на перевязочный пункт. Дивизия мрачно молчала, но о состоянии доктора в эту ночь никто не говорил. Только наутро к Унгерну пришла сестра милосердия и сказала:

— Разрешите эвакуировать доктора?

— Почему? — резко спросил барон.

— Вы ему вчера переломили ногу, и его положение очень серьезно, — со страхом объяснила сестра.

— Хорошо. Отправьте его в Ургу и сами поезжайте с ним, — коротко бросил Унгерн.

И вот, вследствие бессмысленной лжи монгола и полного нежелания начальника дивизии разобраться в том, что он ему сболтнул, унгерновцы остались совершенно без медицинской помощи. А впереди надвигались крупные события.

* * *

Шел непрерывно дождь, дул страшной силы ветер, дорога превратилась в жидкое и вязкое месиво, и дивизия не успела подойти к Троицкосавску к назначенному сроку — 4 июня. Барон подошел к городу

только 6 июня, но генерал Резухин выполнил приказ. Он подошел в срок, повел атаку, но, так как имел слишком небольшие силы, успеха не имел и отошел.

Азиатская дивизия подошла к Троицкосавску и сразу же начала бой. Красные укрепились вокруг города на сопках и встретили унгерновцев бешеным огнем. Но унгерновцы шли и шли, а впереди их, там и тут, показывался барон Унгерн с ташуром. При его появлении бешеное «Ура» неслось с предгорий, сотни Азиатской дивизии быстро поднимались на горные хребты и гнали красных, как стадо, в лощину. К одиннадцати вечера все сопки были в руках унгерновцев, но огонь не прекращался. Там и тут красные пытались переходить в контратаку, но успеха не имели.

Внизу горел огнями заманчивый Троицкосавск. Дивизия, оставив на сопках заставы, отошла в лощину. И отдыхала ровно сутки. Поздним вечером красные повели снова наступление и сбили унгерновское сторожевое охранение с одной из сопек. Нужно было восстанавливать положение, и барон приказал всем спешиться, оставить лошадей, артиллерию и обозы в лощине, построил дивизию, встал впереди ее с ташуром и пошел в контратаку. Зачмокали пули, затрещали красные пулеметы, но унгерновцы, во главе с бароном, с бешеным «Ура» быстро достигли вершины и сбили красных. Те побежали, но не в направлении города, а в сторону от него.

Было 4 часа ночи. В туманной мгле лощины, где лежал Троицкосавск, кое-где изредка вспыхивали огоньки, и все ждали, что Унгерн прикажет продолжать наступление на город и освободит тамошнее население от красного ига. Нервы у всех были приподняты, в душе каждого ликовала буйная радость, и никто не чувствовал усталости. Но барон в первый раз пожалел своих соратников и приказал сойти с сопек, вернуться в исходное положение, в лощину, в узкую щель, и ложиться спать. На горах был оставлен с китайским дивизионом Парыгин. Это погубило все, это привело к жестокому разгрому Азиатской дивизии.

Было 5 часов утра 8 июня 1921 г. Большая часть унгерновцев уже спала, некоторые укладывались на землю, остальные сидели, курили и делились впечатлениями боевого дня. Часть красных, бросившаяся от города в сторону, наткнулась на китайцев, крикнула «Ура!», и китайцы в панике побежали с гор. В один момент красные были уже на вершине, поставили пулеметы и открыли ураганный огонь по узкому ущелью. Пули сыпались как дождь, рыли землю, с жалобным визгом рикошетировали от камней, и их злое завывание дополняли разрывы гранат. Гранатами красные забрасывали ущелье. Унгерновцы не ожидали нападения. Они лежали на земле вповалку, кто где и как

повалился спать, части были не собраны, огонь был внезапный, и среди них началась паника. Люди, которые видели многое, прошли огненное горнило германской и Гражданской войн, окончательно растерялись и стали бросаться из стороны в сторону. Паника становилась стихийной. Везде сыпался свинцовый град, яростно и жалостно ржали лошади, свистели осколки, и в предутренней мгле место узкого горного ущелья казалось адом. Все бежали, не отдавая себе отчета куда, и, когда есаул М. проскакивал мимо палатки Унгерна, он мельком успел заметить, что в ней на земле лежали груды серебра. Барон собирался передать наградные деньги приехавшим из Монголии князьям. Барона в палатке не было.

Выход из ущелья, яростно посыпаемый ружейным огнем, представлял собой кашу людей, дико вздымающихся на дыбы лошадей, перевернутых орудий, повозок, разбросанных лопат и дико орущих верблюдов... Унгерновцы проскакали проход и уходили в сторону Урги. Вместо ожидаемой победы и занятия Троицкосавска полный разгром, полный крах начатого наступления. Все бежали и только после, через несколько верст, военным или степным инстинктом, сгруппировались в три беспорядочные кучи и... начали отступать. С одной группой шел Унгерн, с другой Парыгин, с третьей Марков — командир 4-го полка. Каждая группа ничего не знала о существовании остальных и шла по воле стихии, руководствуясь не определенным направлением, а темным инстинктом людей, потерпевших крушение. Шли как бы в направлении на Ургу. Красные быстро учли свою победу и еще быстрее заходили в тыл, резали дорогу отступавшим. В каждой деревушке, из каждого леса унгерновцев встречали оружейные залпы и пулеметный огонь. Отступавшие как безумные кидались врассыпную, потом как-то прорывались, снова сходились в группу и снова быстро уходили от места неожиданной бойни. Шли без всякого строя и без определенных начальников, как говорится, «справа по кучам». К марковскому отряду неведомыми путями присоединилась повозка с малым денежным ящиком, и все злились на эту обузу, которую боялись бросить и которую нужно было везти с собою. В горном ущелье дивизия оставила четыре орудия, весь обоз, всех верблюдов и дивизионную икону, которую возили в экипаже тройкой лошадей. Разгром был полный; впереди была неизвестность.

* * *

Отступавшая группа войскового старшины Маркова к часу ночи взобралась на «дабан» — хребет и остановилась пораженной. Внизу, в лощине, горели костры. Это был лагерь. Лагерь, конечно, красных, так

как о том, что это были свои, никто не думал, предполагая, что марковская группа отходит быстрее остальных. Усталость брала свое, и решили, не разводя огня, ночевать на хребте.

Несмотря на предполагаемую близость врага, все погрузилось в сон, как камни в воду.

На рассвете есаул М. с несколькими всадниками поехал в разведку и спустился в лощину. Вчерашнего лагеря уже не было. Он ночью снялся и ушел. На месте остались обрывки шелковых халатов, предметы унгерновского обмундирования, и вдалеке шел след орудия. Это были унгерновцы. Марковская группа бросилась нагонять их, но те шли быстро, в свою очередь предполагая, что их нагоняют красные. Марков с отрядом нагнал передовую группу только на реке Хорогол.

Здесь был барон Унгерн. Он был зол и ни с кем не говорил. Он лишь отрывисто бросил:

— Сколько людей? Где Парыгин? — и тотчас же отправил разведку искать парыгинскую группу.

Она ушла на запад, и только через пять дней отряд Парыгина присоединился к барону. Дивизия была собрана. Она осталась без обоза, пообщипанная, но людской состав был цел. Зато Унгерн был ранен в заднюю часть тела пулей. У него было слепое ранение, одна из мучительных ран, но он не слезал с лошади и ни стоном, ни ругательством не выдавал адской боли.

Красные не дремали и накапливались около унгерновского лагеря. Но Унгерн уже пришел в себя и, несмотря на то что дивизия технически не представляла прежней силы, решил «набить морду» красным. Откуда-то появившийся простенький автомобиль он приказал обшить картоном, размалевать под цвет броневика, каждую ночь обстреливал красных из пулемета и возвращался обратно. Наконец, барон решил разбить скопившиеся массы красных. «Надоели», — ругнулся он и приказал в вечерние сумерки быть готовыми к бою. Красные занимали все окружные возвышенности, выжидая и готовясь к атаке.

Унгерновцы начали наступление в 4 часа дня и к вечеру, в сумерки, сбили со всех сопкок противника. Наступила темная, непроглядная ночь.

Сотни, спустившиеся за отступающими красными в долину, потеряли между собой связь и разбрелись в разных направлениях. Красные отступали в панике, но унгерновцы потеряли их в темноте. Стрельба шла во всех направлениях, и точно выяснить, где сейчас красные и где свои, не представлялось возможным. Барон вызвал есаула М. и приказал ему: «Поедешь и найдешь третью сотню и прикажешь ей выставить сторожевое охранение». М. поехал на выстрелы, но последние залпами и ред-

кой перестрелкой слышались повсюду. Есаул ехал по ложине, пока не наткнулся на какую-то часть, медленно едущую по предгорью.

— Какая сотня? — крикнул М.

— Третий эскадрон, — слышался ответ.

«Что за черт, почему эскадрон», — подумал есаул и подскочил к хвосту колонны. Приблизившись вплотную к первому всаднику, он с трудом разобрал, что у него на голове шлем. «Красные», — пронизала его голову мысль, и он, не подавая виду, рысью поехал вдоль колонны. «Но что за черт, как будто бы другие едут», — подумал, присмотревшись, есаул и снова приблизился к рядам. «Эти в фуражках».

— Какая сотня? — тихо спросил он.

— Третья сотня, — слышался ответ.

— А где командир?

— В голове.

Есаул М. поскакал туда и подъехал к передовому всаднику.

— Это кто едет? — спросил он.

— Ротмистр Забиякин, — громко ответил спрашиваемый.

Это была разыскиваемая сотня М. быстро рассказал Забиякину о том, что к его сотенному хвосту присоединились, по ошибке, красные, и тот быстро передал по сотне приказание, в одно мгновение повернул всадников и открыл огонь в упор по красным кавалеристам. Некоторые из них повалились с лошадей, а остальные вихрем метнулись в сторону и исчезли в ночной темноте. Бой кончился этим эпизодом. Красные были разбиты и согнаны с сопок. Унгерновцы, утомленные многочасовым боем, заснули как убитые. Барон простоял здесь еще несколько дней и решил идти на соединение с генералом Резухиным.

* * *

Барон Унгерн решил выступить на соединение с генералом Резухиным, находящимся в районе реки Селенги.

К моменту выхода дивизии с места стоянки, с реки Хорогол, были получены печальные новости. Урга была занята красными, и унгерновцы теряли не только свою базу, но и тыл. В бушующем красном море они оставались одни, как ладья среди морских волн.

Дивизия переменным аллюром пошла к Селенге. За один переход до этой реки вперед выехали квартиреры и с ними комендант бригады есаул М. Ехали быстро, погода была чудесная, из ложин тянуло живительной прохладой, и офицеры вели разговор о том, что теперь будет делать барон. Как наказывать провинившихся?

В Урге он сажал на крыши, в Забайкалье на лед, в пустыне Гоби ставил виновных на тысячу шагов от лагеря, гауптвахты нет... Офицеры смеялись и говорили, что в нынешней обстановке Унгерн ничего не выдумает. Но он выдумал.

Квартиреры прибыли на бивак, разбили его и стали ждать дивизию. На другой стороне был виден лагерь Резукина, который уже перекинул через реку пешеходный мостик. Настроение было у квартиреров чудесное, пахло сосной, ароматом цветов, но после разбивки лагеря с предгорий потянул легкий ветерок, и по всему биваку распространился тяжелый запах. Что-то гнило, где-то была падаля. Начались поиски, и скоро нашли на участке 4-го полка павшую корову. Лопат не было, и стали ждать прихода с дивизией обоза. Дивизия подошла, обменялись с резукинским лагерем радостным встречным «Ура!», а барон ушел к генералу Резукину. Корову же спешно зарывали. Мрачный и злой возвращался Унгерн с противоположного берега и в таком угрюмом состоянии подбехал к району 4-го полка. Есаул М. сидел в палатке, босой, и с тревогой наблюдал за бароном. Тот поднял голову, понюхал воздух, еще раз понюхал и заорал:

— Дежурного офицера!

Беда начиналась, и у М. защемило сердце. Офицер подскочил к Унгерну.

— Вонь!!! — снова заорал барон.

Офицер молчал.

— Бурятов ко мне! — закричал тот.

Явились буряты.

— Выпороть! Двадцать пять! — приказал Унгерн, и не успел бедный дежурный опомниться, как ему уже всыпали 25 ташуров. И только когда он встал, то сказал барону:

— Ваше превосходительство, я не виноват. Старшим был комендант бригады.

— Есаула М. к начальнику дивизии!!! — понеслось над лагерем.

У есаула замерла душа. Он быстро надел мокрые сапоги и пошел к Унгерну.

— Вонь!!! — сказал грозно барон.

— Так точно, вонь, ваше превосходительство, — ответил есаул.

— Заразу разводите!.. Понятия о санитарии не имеешь!! Пакость разводите!! — уже кричал барон.

— Ваше превосходительство, корова павшая. Ее зарывают...

— Молчать! — заорал на весь лагерь Унгерн и ударил М. по руке.

— Ваше превосходительство, не смеете драться! — крикнул М. и побледнел.

— А не смейте... Я тебе покажу... Я тебе устрою именины...

И барон закидался, не зная, как наказать дерзкого. И вдруг крикнул:

— Марш на куст!

Около палатки барона, шагах в десяти, стояло дерево, ветви которого были от земли не менее чем сажени на полторы. М. бросился к нему, стал быстро взбираться на дерево, скользил обратно, падал и снова начинал взбираться.

— Если ты сейчас же не залезешь, я пристрелю тебя, как котенка, — спокойно-грозно сказал барон, и есаул во мгновение ока уже сидел на первом суку.

— Выше! — приказывал Унгерн.

М. лез выше и наконец забрался почти на самую вершину, где ветви были тонкие и гнулись под ним.

У барона сердце еще не отошло. Он пристально обозрел позицию коменданта, отошел к палатке и заорал:

— Адьютанта ко мне!

Штабс-ротмистр Павильев появился перед Унгерном.

— Ты чего тут у меня канцелярию развел? Это тебе министерство, что ли?.. Марш на куст!!

Адьютант залез на соседний куст.

— Начальника штаба ко мне!! — снова разнеслось по биваку.

Войсковой старшина Львов предстал перед бароном.

— Непорядки кругом... Никакого наблюдения. Никакой осмысленной работы. Марш на куст!

Начальник штаба взобрался на следующее дерево.

— Безродного ко мне! — опять понеслось по лагерю.

Скачками подлетел штабс-капитан Безродный и, получив приказание: «Марш на куст!», быстро очутился на дереве, рядом с другими. «Бурдуковский», — орал Унгерн, и, когда тот прибежал на его зов, барон уже бесновался. «Ты почему до сих пор донесение не представил?» — «Да, ваше п-во, я же писать не умею», — жалобно отвечал тот. «А, ты писать не умеешь, ну, так я тебя образую...» И, схватив ташур, начал сам вспать своему верному личарде-палачу.

Офицеры сидели на кустах, как воробьи на ветках. Сидеть было тяжело. В мягкую часть впились сучки, ветер покачивал ветви, а перед глазами был шумный лагерь, откуда кучки людей с большим любопытством наблюдали новую позицию, занятую штабом дивизии.

Прошел час, два, наступил вечер. В лагере сыграли «зорю», отвели поверку, и бивак постепенно стал затихать. Штаб же продолжал сидеть на кустах и ждать освобождения с неудобной позиции.

Барон разделся, голым сходил на реку, выкупался и вернулся обратно в палатку. Он зажег свечку, взял книжку, лег и стал читать. Офицеры сидели на ветках.

Прошел еще час. Барон потушил свечу и лег спать. Положение становилось все более печальным. Сидеть было мучительно, и есаул М. стал стонать. Он громко охал, стонал, шумел ветками и изредка бросал сучки в унгерновскую палатку. Барону это мешало спать, он ворочался на походной кровати, но М. продолжал жаловаться на судьбу и бросал в палатку сучки и ветки.

Наконец Унгерн не выдержал, встал, вышел из палатки, голым пошел к дереву и тихо сказал:

— Makeев!

— Я, ваше превосходительство! — донеслось в ответ с куста.

— Слезай и иди спать.

Есаул сорвался с дерева и упал.

— Ты ушибся? — спросил барон.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, — мрачно ответил тот и быстро пошел от дерева.

Остальные же просидели до обеда следующего дня.

* * *

Десять дней стояли на реке Селенге. Подошли обозы, пригнали монгольский скот, и жила Азиатская дивизия в полном достатке. Был июнь месяц, таинственно шумел лес, с гор тянуло прохладой; струи Селенги были чистые и холодные. Купание шло целыми днями. Настроение у всех было хорошее, и только Унгерн ходил злой и молчал. На нем сильно отразился разгром под Троицкосавском и нелады с генералом Резухиным.

Среди реки находился небольшой островок, и однажды казаки увидели, что в тальнике этого острова появился маленький козленок. Он жалобно блеял, потеряв мать, и третья сотня шумной ватагой поплыла к островку, поймали бедного козленка и притащили его через реку. Казаки решили подарить гураненка барону, и вахмистр с двумя казаками повел козленка к палатке Унгерна. Барон собирался куда-то ехать и стоял около посаженной лошади.

— Ваше превосходительство, от третьей сотни гураненка, — сказал, вытянувшись, вахмистр.

— Для чего? — резко спросил Унгерн.

Казаки смешались и наконец враз заговорили:

— Ваше превосходительство, вы его прикажите зарезать, и у вас славное жаркое будет...

— Болваны, разве беззащитных бить можно? Людей нужно бить, а не животных. Отпустите козу, — гневно бросил барон.

Ошеломленные казаки отпустили козу; она вихрем взметнулась над лагерем, бросилась в реку и поплыла вдоль нее. Барон долго смотрел вслед отпущенной козе, потом вздохнул, опустил голову и ушел в палатку. До утра он не выходил из нее.

Вся дивизия была поражена этим случаем и горячо обсуждала слова Унгерна. Душу его понять никто не мог.

Дивизия продолжала стоять, пока над ней не стали кружиться аэропланы и бросать бомбы. Во время бомбардировки один казак был ранен в голову.

Аэропланы стали появляться каждый день, и, так как на крыльях последних виднелись красные круги, Унгерн решил, что аппараты японские. Он приказал готовиться к походу на Верхнеудинск. И несмотря на то что в дивизии осталось две пушки, мало снарядов и вообще дивизия технически уже не представляла прежней силы, а на Гусином озере, недалеко от Верхнеудинска, стояли крупные части красных, барон решил разбить их и занять Верхнеудинск.

Поход начался сопровождаемый аэропланами, которые все еще считали японскими. Пока в один из походных дней, в степи, на взмахи белыми простынями аэропланы снизились, покружились над дивизией, потом быстро взметнулись ввысь и начали ураганную бомбардировку унгерновцев. Аэропланы были красные.

После этого дивизия приняла походный порядок — «справа рядами на дистанцию двух лошадей» и этим спасалась от бомбардировки.

Степь кончилась, снова втянулись в лес и здесь уткнулись в бездонное болото — трясины. Для обхода требовались десятки верст, и Унгерн решительно приказал: «Шашки вон! Рубить лес, делать гать».

Заговорил неистовым шумом лес, падали деревья, скреплялись, и быстро воздвигалась гать. И по этой опасной, колышавшейся гати перевезли пушки, обозы, перевели лошадей. Это стоило большого труда, мучений и опасностей, но трясины шириной в 600 шагов была пройдена.

Пошли вверх по реке Селенге, пока не попали в скалы и обрывы, где дороги уже не было, а вилась узкая тропинка для пешехода и одной лошади. Разведка дороги донесла Унгерну, что пройти здесь невозможно, но барон, обозвав разведчиков дураками, приказал артиллеристам двигаться по узкой тропе, а обозам идти в обход. Артиллерия проходила горную щель необычным способом. Одно колесо орудия и зарядных ящиков шло по тропинке, а второе веревками и баграми люди держали на весу. Было более чем рискованно и опас-

но, но пушки проскочили щель, и дивизия переменным аллюром двинулась к Гусиному озеру. Наступила ночь. Горели на небесном своде сибирские звезды, пахло кедром, сосною, воздух был мягок и освежающе, как глоток воды из холодного горного источника. До Гусиного озера оставался переход. Дивизия остановилась на ночевку. Завтра будет сильный бой, и многие уже не увидят мерцающих звезд и не будут дышать чистым таежным воздухом.

Завтра бой.

* * *

Бой под Гусиным озером для красных был первым ударом, который дал им барон Унгерн, расплачиваясь за свой разгром под Троицкосавском. Азиатская дивизия подходила к нему ночью, проводя переход так, чтобы к утру атаковать сильные части красных, сосредоточенные в этом месте.

Ночь была темной и безоблачной. Сотни шли друг от друга на дистанции в 600 шагов, связываясь маяками. Но головная сотня забыла про последние, и 2-я татарская сотня в кромешной темноте свернула на другую дорогу и ушла в сторону. Барон остановил дивизию, еще больше помрачнел от такого скверного предзнаменования и послал монгол искать пропавшую сотню. Долго стояли, пока потерявшиеся татары не примкнули к дивизии. Быстро пошли дальше, и, когда ночной сумрак стал прорезываться первыми робкими белесоватыми полосками, впереди слышались выстрелы. Унгерновская разведка подошла к дацану-монастырю у Гусиного озера и была обстреляна красной заставой. Барон вихрем метнулся вперед, быстро обскакал окрестность, вернулся и бросил сотни в разных направлениях, указав им один срок времени для начала конной атаки. Часовая стрелка указала роковую минуту, и сотни бросились с громким «Ура» в атаку. Они были встречены свинцовым ливнем, замешались, бросились обратно, потом быстро привели себя в порядок и снова кинулись на красные позиции. Но красные сосредоточили такой ружейный, пулеметный и орудийный огонь по атакующим, что снова лобовая атака не удалась. Барон приказал спешиться и приготовиться к атаке в пешем строю. Две унгерновские пушчонки, как цепные и до свирепости обозлившиеся собаки, нащупав красную батарею со второго снаряда и скоро сбив одно из ее орудий, продолжали клевать батарею противника своими снарядами. В этот момент Унгерн бросил три сотни в конном строю на левофланговую сопку, которую занимала красная пехота. С бешеным «Ура» понеслись унгерновцы на сопку, и не прошло нескольких минут, как их конные фигуры уже показались на

ее гребне и в лучах восходящего солнца стали блеснуть обнаженные клинки, которыми, как капусту, рубили красных пехотинцев азиатские всадники. И в это же время заклинилось одно красное орудие, сбиты с позиции были остальные, а спешенные унгерновцы уже появились перед позицией красных. Красные не выдержали и бросились бежать, но в тылу у них показался с сотнями командир 3-го полка. Клинки унгерновцев засвистели в воздухе.

Красные бросились к Гусиному озеру, часть их кинулась в него, часть уже стояла на коленях с поднятыми руками, и только некоторые образовали редкие кучки и отстреливались до последнего патрона.

В плен не брали и настолько опьянели от гула выстрелов, что удерживать всадников от поголовного истребления красных не представлялось возможным.

В озере тут и там показывались головы, около их булькали пули, и они навеки скрывались под водой. И кто не был убит, тот утонул в этом сибирском озере, на высоком берегу которого задумчиво смотрел в озерную гладь монгольский дацан, где люди ищут Бога, где славят мир и любовь среди людей и всего существующего.

Бой кончился. Красные были уничтожены, и в руки Унгерна попала богатая военная добыча: пять горных пушек образца 1915 г., много пулеметов, винтовок, патронов и пр. В плен были взяты лишь раненый красный фельдшер и сестра милосердия. Их хотели помиловать, но они оказались яркими коммунистами, ругались, не отвечали на вопросы, а особенно вызывающе держала себя красная сестра, которая тоже была ранена в ногу. О них доложили барону. Он выслушал и приказал зарубить.

Настроение унгерновцев было приподнятое. Старая обида за Троцкосавск, укор военной душе, была смыта, и дивизия ликовала. Крупная часть 5-й советской армии знаменитого Блюхера была полностью уничтожена.

Быстро прошел остаток дня, и вечером лагерь представлял красочную картину. Везде горели костры, их пламя отражалось на задумчивой зеркальной глади озера, тут и там гремели песни, наигрывала гармошка, слышался раскатистый смех, тишину вечера прорезывали возгласы, и с торжеством и смаком поедалась уха из наловленной в озере разнообразной рыбы.

Наутро Азиатская дивизия с песнями выступила по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. На Гусином озере снова застыла тишина и покой, и только несколько братских могил с крестами говорили о том, что накануне здесь был бой и унгерновцы оставили в земле своих боевых товарищей.

Генерал-лейтенант А.И. Дутов

Генерал-лейтенант барон
Р.Ф. Унгерн-Штернберг

Генерал-лейтенант И.С. Смолин

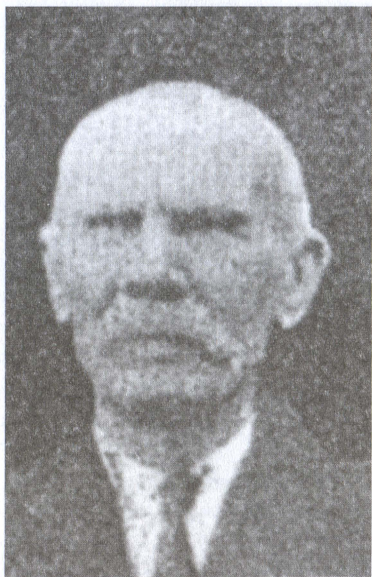
Контр-адмирал Г.К. Старк

Генерал-лейтенант Ф.Л. Глебов

Контр-адмирал В.В. Безуар

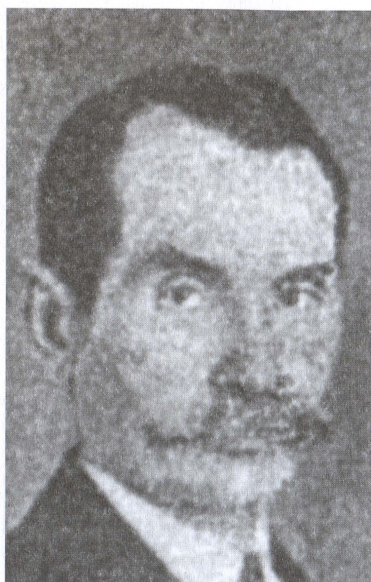
Генерал-лейтенант Г.П. Жуков

Генерал-лейтенант
Р.-К. Ф. Вальтер

Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват

Генерал от артиллерии
М.В. Ханжин

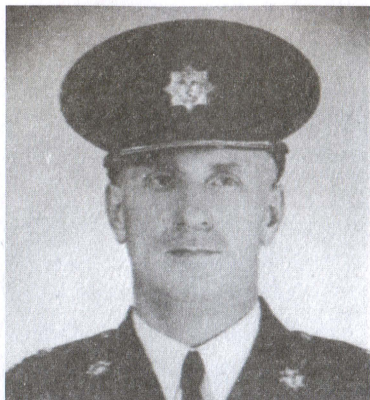
Полковник В.И. Шайдицкий

Генерал-майор В.В. Зимин

Полковник Г.Г. Тиме

Полковник С.Д. Иванов

Полковник П.А. Веденяпин

Генерал-майор Л.А. Гаффнер

Полковник Н.Г. Дронников

Сотник Е.М. Красноусов

Полковник К.П. Савелов

Ротмистр В.Э. Арнгольд

Штабс-капитан Н.Н. Шредерс

Мичман М.К. Делимарский

Знамя Шаньдунского офицерского инструкторского отряда

В.И.Шайдицкий и Д.М. Михайлов в форме китайской армии

Офицерский состав Шаньдунского офицерского инструкторского отряда

Виды формы юнкеров Шаньдунского офицерского инструкторского отряда

Юнкера 1-го выпуска Шаньдунского офицерского инструкторского отряда

Полковник В.И. Шайдицкий среди выпускников Шаньдунского офицерского инструкторского отряда производства 1928 г.

Офицеры Шанхайского русского полка

После второго перехода от Гусиного озера Азиатская дивизия остановилась на дневку. Барон приказал дать большой отдых лошадям, людям, подтянуть обозы, привести в порядок оружие и оставаться на месте пять дней.

За это время унгерновцы впервые прошли по советским деревням. Крестьяне жались от страха, а некоторые деревни были сплошь оставлены, и дома в них наглухо заколочены. Красные усиленно агитировали, что унгерновцы звери в образе людей, всех убивают, насилюют и чуть ли не едят человечину. Но этот страх продолжался недолго. Первая же деревня по известному деревенскому «радио» опровергла «ужась» унгерновцев, так как последние за все платили русским серебром, никого не обижали и в деревнях, чтобы не нарушать порядка жизни населения, не останавливались. В деревнях оставался лишь унгерновский комендант, который и следил за тем, чтобы никто из крестьян обижен не был. Это повлияло на дальнейшее и в последующих походах, на околицу деревень обязательно выходили бабы с ведрами молока, с сибирскими шаньгами, жареной утятинной, лакомствами. Они радушно угощали унгерновцев и от денег отказывались, но барон приказывал платить, и тогда комендант за все отсыпал серебром старосте. Барон к обидчикам жителей относился свирепо, и горе было тому, кто попытался бы взять что-либо у сибирского крестьянина без разрешения или денег.

Итак, дивизия остановилась на отдых, но отдыхать не пришлось. Барон получил донесения, что навстречу ему спешно послан особый коммунистический отряд, «Ком-ячейка 106», с приказом уничтожить унгерновцев. «Ком-ячейка» была технически прекрасно обставлена, и люди в ней были испытанные бойцы. В момент донесения коммунистический отряд находился в 120 верстах от унгерновского лагеря.

Барон вспылал:

— Эта коммунистическая рвань хочет меня уничтожить?! Ну я покажу этим красноротым! Трубач, играй поход!

И над утомленным лагерем весело запела серебристую мелодию труба: «Всадники други в поход собирайся...»

Наутро, в 5 часов, дивизия выступила переменным аллюром и двинулась навстречу красным. Поход был тяжелый. Много коней не выдерживало, их тут же на рыси и намете меняли, и всадники перескакивали на заводных из монгольского табуна. На рассвете подошли к заветной деревне, где остановилась «ком-ячейка». Разъезд, врезавший-

ся на деревенскую окраину, захватил здесь в плен трех красных телефонистов. Они вели линию. Телефонисты точно указали барону, что весь коммунистический отряд в 600 человек находится на противоположной окраине этой деревни и спит. Унгерн приказал спешиться и несколькими колоннами через спящую деревню и по кустарнику повел наступление. Подошли. Красные спали вповалку на траве, а вдалеке белела палатка комсостава. Винтовки были в козлах, и около них сонно маячили два дневальных. Унгерновцы дали залп по красному лагерю и с громким «Ура» бросились туда. Коммунары заметались. Часть из них бросилась к винтовкам, но там уже стояли унгерновцы и били в лоб меткой пулей. Некоторые красные становились на колени, некоторые пытались убежать, но, видя, что плотное кольцо уже сомкнулось, испуганно сдавались. Однако из палатки штаб ушел. Барон не предусмотрел этого, спешив всех своих людей. Комсостав в одних портах бросился к конюшням и на неоседланных лошадях ускакал в тайгу. Пока была сформирована погоня, от убежавших и след простыл. Красных убитых было мало. Все были взяты в плен, и Унгерн приказал коменданту 3-го полка штабс-ротмистру Хребтову всех построить, выбрать из них коммунистов и евреев, последних приказано было повесить. Хребтов приказание исполнил и доложил об этом барону.

— Я сам еще посмотрю, — сказал тот.

Солнце уже высоко взошло, когда красный отряд снова был построен, а кругом его стояли унгерновцы и с интересом наблюдали за редким зрелищем. Красные тянулись. Вдали показался Унгерн.

— Смирно, равнение на-лево! — заорал комендант.

Барон медленно подошел, зорко окинул замерших красных и резко бросил:

— Здорово, коммунисты!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — дико, но дружно ответили те.

Осмотр произвел на Унгерна хорошее впечатление, и он обратился к красным:

— Хотите у меня служить?

— Так точно, ваше превосходительство! — дружно гаркнули те в ответ.

— Ну, мне вас всех не нужно, а вот тридцать человек я сам выберу, — сказал угрюмо Унгерн и, отобрав тридцать человек, приказал есаулу М. сделать из них образцовых солдат.

Остальным выдали на три дня продуктов и оставили на месте. Они не хотели оставаться, эти красные, и долго еще бежали около унгерновского коня, хватались за стремя и просили барона взять их

в отряд. Ругали коммунистов и говорили, что их они все равно кончат. Но барон своего решения не изменил. Красные остались и попуриив головы, уныло смотрели вслед уходящей грозной дивизии.

* * *

После одного перехода Азиатская дивизия остановилась на отдых. Пленный коммунистический отряд вел усиленные занятия. Старшим у них был назначен бравый солдат, бывший старший унтер-офицер царской службы. Едва всходило солнце, как над лагерем уже неслись его зычные и отрывистые команды:

— По порядку рассчитайсь!.. Чего брюхо вылупил, как беременная баба? Чего голову опустил, чи ты старая кобыла што ли?..

Коммунисты маршировали, шеренгой проходили с отдаванием чести; и коммунистический унтер обращал на это особое внимание.

— Во фронт, ты, красная калека, как становишься?.. Это тебе Совдепия, што ли? Смотри, как старые солдаты ходили и во фронт ставали... Видал миндал, Михрют Советеевич? — И унтер демонстрировал свое искусство. А потом переходил, как он определяет, к «здоровканию». — Отвечать как сотенному командиру! — орал он и немедленно басил: — Здорово, орлы!

— Здравия желаем, господин есаул! — несло в ответ.

— Отвечать как начальнику дивизии! — опять заводил он. — Здорово, братцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — гудели коммунисты, но в их дружный ответ вплетались инициативные возгласы: «господин генерал», «гражданин генерал», «гражданин начальник дивизии», и унтер входил в раж.

— Коммунистическая сволота, политтрамоту выучили, а здоровкаться не умеете!.. Какой вам генерал господин, когда они ваше превосходительство... Какой тебе, советская сопля, гражданин начальник, когда у генерала превосходительный чин есть...

Так шли занятия, и скоро бойкий унтер наострил так своих коммунистов, что и старому солдату было любо на них смотреть. Конец же занятий с красными протекал в словесности и в наставлении «уму-разуму» своих подчиненных. Он говорил им внушительно:

— Никогда не забудь, робя, что у каждой организации есть свои порядки, и ты не моги их сокрушать, потому военно-полевая служба, военно-полевой закон — чик и нету человека...

Хорошо занимались пленные коммунары и через несколько дней уже были в приятельских отношениях с унтерновцами, но изредка прошлое

вырисовывается и повелевает. Есаул М., разбираясь в документах штаба полоненного коммунистического отряда, случайно наткнулся на партбилет бравого унтера. Есаул был ошеломлен, убит и испуган ответственностью перед Унгерном. Есаул вызвал к себе красного взводного, и тот рассказал ему, что его призвали на службу коммунисты, назначили его, как старого унтер-офицера, взводным, а потом предложили записаться в партию. Отказ грозил смертью и лишениями семье. Он стал партийцем. Так это было или нет, но есаулу было жаль бравого солдата, да и самому ему грозила опасность от барона. Он побежал к генералу Резухину, и, когда с трудом доказал ему лихость и ценность красного командира, тот вместе с ним пошел к Унгерну. Барон был мрачен. Он сидел на корточках у печки и ковырял в золе трубкай (ганзой).

— Слушай, барон! Вон у есаула красными партией командует, а ты ничего не знаешь, — сказал Резухин.

Унгерн было вскипятился, но, когда ему подробно рассказали, что из себя представляет красный унтер и как ведет занятия, он расхохотался, отошел и приказал позвать красного взводного.

— Ну, брат, теперь твоя жизнь у тебя в руках, — говорил ему есаул М.

Унтер побледнел, но быстро взял себя в руки, смазал голову салом, начистил сапоги, надел фуражку набекрень и отправился... за жизнью или смертью.

— Разрешите войти, ваше превосходительство, — громко сказал он и, получив короткое «войди!», откинул полы палатки, лихо стукнул каблуками и отчетливо стал рапортовать: — Ваше превосходительство, старший унтер-офицер такого-то полка по вашему приказанию прибыл.

Барон долго с ним беседовал, тон его допроса был сух и строг, но, когда он получил спокойный ответ о числе ран у унтера на германской войне, коротко спросил:

— Ты старший унтер-офицер Императорской службы?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Ну, так теперь будешь младшим урядником, а хорошо служить станешь, произведу в вахмистра, — сказал барон.

— Рад стараться, — загремел военнопленный, лихо повернулся и весело вышел из палатки.

Через пять минут было видно, как он рвал чистые портянки и делал себе на погоны нашивки-лычки. Среди красных это произвело громадное впечатление, и они в будущем оправдали то доверие, которое оказал им барон. Бесстрашно дрались они с красными, и после, когда все кончилось крахом, ни один из них не остался в окоммунаренной стране. Все они ушли с унтерновцами.

* * *

После ликвидации коммунистического отряда «Ком-ячейки 106» Азиатская конная дивизия не оставалась на отдыхе, еще несколько раз сталкивалась с красными и вела с ними жестокие бои. Унгерн действовал маневром и, держа путь на Верхнеудинск, где он, согласно общему плану, должен был разорвать красный тыл и, заняв город, связаться с семеновскими частями из Читы, бил красных везде наголову. И продвигался дальше, пока на одной из стоянок ему крестьяне не донесли, что против дивизии посланы многочисленные и отборные части 5-й краснознаменной советской армии.

Барон решил не ждать нападения, а самому перейти в последнее, а потому вышел со своей дивизией красным навстречу, оставив на стоянке, в резерве, 4-й полк. Красные во много раз превосходили числом, артиллерией и пулеметами бароновцев, и конные атаки последних давали лишь потери, но сломить врага не могли.

Бой шел целый день не прекращаясь ни на минуту, и Унгерн носился среди своих разбросанных сотен, как демон ада и мести. Красные цепи не доходили до унгерновских позиций, они немедленно сметались, а барон уже вырывал с позиций одну или две сотни, вел ее в обход и с тыла или фланга, в конном строю обрушивался на красных. Те отходили на свои линии, барон бросался снова в атаку, но сил было мало, и снова начинался маневренный бой. 4-й полк все еще оставался в резерве.

Офицеры полка сошлись в одну из палаток и занимались спиритизмом. На опрокинутом ящике по бумаге двигалось спиритическое блюдечко и открывало тайны. Руководил всем сеансом медиум, а офицеры задавали вопросы.

Они спрашивали: «Как идет бой?» Блюдечко отвечало: «Много потерь, много убито офицеров, но успешно». — «Барон Унгерн убит или нет?» — задавался вопрос. «Нет», — был ответ. «В июле месяце он будет убит?» — «Нет», — снова выводило буквы блюдечко. И добавило: «От дивизии он уйдет». — «А вызовет сейчас нас барон или нет?» — спросил один из офицеров. «Вызовет», — был категорический ответ. «А ну его к черту, это блюдце, все врет», — с раздражением сказал один из офицеров и стал раздвигать полы палатки, чтобы выйти. В это время в ночной тишине послышался конский топот, который все приближался и скоро замер у палатки.

— Где командир полка? — послышался голос. — Приказание от барона Унгерна.

И это был приказ полку срочно выступить на помощь дивизии.

Было 12 часов ночи. Блюдечко было право. Полк крупной рысью скрылся в ночной темноте и скоро вошел в гущу боя.

Стало немного отзаривать, и барон снова бросил на красные позиции свои сотни в конную атаку. Бароновцы снова были встречены свинцовым ливнем и ударами на картечь. Они отхлынули. А красные бросились с криками в контратаку и снова легли у унгерновских позиций.

Начался день: бой продолжался непрерывно. Накалялись орудия, жгли руки винтовки, взмыленные лошади тяжело и с шумом поводили втянутыми боками. Конные атаки производились на сопки, в лощины, лошади скакали по кочкам, взбирались на кручи, и некоторые сотни не слезали с коней. К красным же все время подходили новые подкрепления, и силы их превосходили унгерновцев уже в десяток раз.

Вечером барон заявил:

— Плевать, морду красным мы расшибли, но драться больше не будем. Не для чего, нам нужно идти спешно на Верхнеудинск, — и приказал развести по всему фронту костры на десять человек один.

С треском запылали листовничные головешки, заревом осветилось все темное пространство, и унгерновской позиции, казалось, не было конца.

А в это время Азиатская дивизия уже переменным аллюром шла по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. А в одной из зеленых, пахучих дикими травами и цветами лощин, верстах в полутора от красной позиции, была вырыта братская могила, где были навеки зарыты 30 боевых соратников. Из них было 18 офицеров. Над могилой чернел крест. Сотни проходили мимо нового кладбища, и ночную тишь резала команда:

— Смирно, равнение направо, господа офицеры!

Дивизия отдавала почившим навеки боевым товарищам военный долг: честь и печаль. Раненых было более 80 человек: тяжелых — с ранами в живот, грудь, в лицо — и легких. Дивизия не имела тыла, кругом были красные, но везти за собой раненых она не могла. Их положили на монгольские арбы, запряженные быками, и отправили в направлении Ван-Курена без охраны, так как бойцы были все на счету. В числе тяжело раненных везли младшего урядника Глеба Лушников из Троицкосавска, георгиевского кавалера японской войны, который, несмотря на преклонный возраст и богатство, поступил в дивизию добровольцем. Он был ранен в живот. Раненые не доехали до Ван-Курена. По дороге на них напали красные и всех до одного человека перерубили.

Унгерн спешно шел к Верхнеудинску. К вечеру дивизия спешила к верстовому столбу, на котором было отмечено, что до заветного го-

рода оставалось всего 60 верст. И в этот момент к барону подскакало несколько крестьян из ближайших деревень, сопровождаемых разведчиками-бурятами. Унгерн отошел с ними в сторону, и крестьяне поведали ему горькую правду: все Забайкалье находится в руках красных и об атамане Семенове ни слуху ни духу.

Унгерн был поражен и взбешен. План его общей операции с атаманом Семеновым рухнул. Свистел ташур в бароновских руках, когда он подходил к дивизии и бил им себя по сапогу.

— По коням! — резко бросил он, круто свернул с дороги на Верхнеудинск и рысью повел утомленную дивизию на разбитых лошадях на юго-запад — в Урянхайский край.

* * *

Настроение у Унгерна резко изменилось. Он стал зол, как лютый чербер, смотрел на всех зверем, и говорить с ним было опасно. Каждую минуту вместо ответа можно было получить в голову ташур или быть тут же выпоротым.

Экзекуции над офицерами стали эпидемическим явлением, шла ежедневная порка, избиения, и страх обуял всю дивизию. Никто не был уверен за свой следующий час, а барона офицеры стали бояться как чумы, черной оспы, как сатаны. На него боялись смотреть, и, когда он приказал одному из обозных чиновников приехать и дать справку, последний настолько был перепуган таким свиданием, что заседал коня и убежал в тайгу... и пропал.

Обстановка становилась невыносимой, и уже стали поговаривать, что барон потому зверствует, что хочет перейти к красным. Дивизию одолевали мрачные фантазии, и с таким моральным фундаментом поход в неведомый Урянхайский край никому не улыбался. А Унгерн продолжал бесноваться, надеясь на то, что Монгольским полком командует его ординарец Ачаиров, а неграмотный бурят Галданов «заворачивает» дивизионом, и потому он гарантирован от каких-либо выступлений со стороны офицеров. Его отношение к последним было хуже, чем к врагам, и барон сменил бурят «пастухов у табуна» скота и вместо них поставил пастухами офицеров, например провинившихся за то, что у одного верблюд ноздрю порвал, у другого уздечка была не в порядке и т. п. С длинными бичами гнали офицеры скот, и это была такая неприятная для всех картина, что смеялись лишь «квазимодо» Бурдуковский, их начальник, да палачи Перлин и др. Бурдуковский же грубо издевался над подчиненными офицерами, лично наказывал их, несмотря на то что среди последних был ко-

мандир конно-горной батареи царского времени, заслуженные капитаны и поручики. Но такова уже подлая человеческая натура, а потому и здесь нашелся среди офицеров доносчик, штабс-капитан Мысяков, бывший студент Казанского университета, за свою шпионскую работу назначенный помощником... Бурдуковского. Дивизия глухо роптала, у забытых террором людей стало просачиваться наружу возмущение, и настроение всех представляло пороховую бочку, у которой фитиль еще не подожежен. Едва поднималось солнце, как дивизия уже выступала в поход, а барон продолжал еще час-другой спать и уже после нагонял части. Коменданты же должны были ехать в версте от хвоста дивизии и наблюдать за отстающими.

Однажды вечером барон приказал отправить в разведку двух бурят и забыл об этом, а когда утром нагонял дивизию, то встретил этих бурят позади колонны. В этот момент дивизия остановилась и поджидала барона. Комендант есаул М. сидел вместе с группой офицеров и вел наболевший разговор об озверении начальника дивизии.

К офицерской группе подскакал казак и доложил М.:

— Г-н есаул, вас начальник дивизии требует.

Это было уже опасно, это грозило поркой или расстрелом. Есаул встал, поставил револьвер на боевой взвод и сказал громко:

— Если барон меня сейчас ударит — застрелю!

Офицеры сумрачно молчали.

Есаул М. посккал навстречу барону. Верстах в четырех от дивизии, на дороге, стоял барон и с ним дежурный офицер подполковник Титов. Увидя скачущего М., барон демонстративно засучил рукав. Есаул увидел эти жуткие приготовления, круто осадил лошадь, вынул из буры револьвер, заложил его за пояс и легкой рысью стал подъезжать к Унгерну.

— Слезай с коня! — крикнул барон и вырвал у есаула повод.

М. слез.

— Ложись! — приказал Унгерн.

Есаул побледнел, задрожал и пронзительным голосом сказал:

— Ваше превосходительство, довольно! Я не позволю себя бить... Довольно издеваться... Я офицер царской армии, а не ваш холоуй... Я не позволю! — И есаул взялся за ручку револьвера.

Барон пристально посмотрел на офицера, кинул ему повод и бросил возглас:

— Ишь разжалобил! — поставил коня на дыбы, начал бить его ташуром... и помчался.

За ним бросился дежурный офицер. М. остался один. В голове его бродила мысль: «Ну теперь все равно кончит, а куда ехать... кругом

красные...» И он шажком поехал к дивизии. Версты через полторы он нагнал Унгерна. Барон махал ему рукой и кричал:

— М., иди сюда!

Есаул подъехал и взял под козырек.

— Что же ты ничего не смотришь. Непорядки!.. Опять два бурята отстали... — говорил он спокойно.

— Ваше превосходительство, так ведь этих бурят вы сами же послали в разведку, вот они и нагоняли дивизию, — угрюмо ответил М.

— Разве? Зря бы я тебя выпорол.

Есаул промолчал.

— Ну, как у нас в дивизии? — спросил барон.

— Плохо, ваше превосходительство, в Урянхай никто идти не хочет... Да пошли бы, но вы же каждый день избиваете так офицеров, что даже солдаты и те возмущены... Что им приятно видеть своего командира полка или сотни всего вами избитого... С синяками или выпоротого... — резко ответил М.

— Гмм... А чего они на востоке делать будут? Локти кусать? А Урянхай богат, там можно обосноваться и оттуда начать налеты на красных... — крикливо заговорил Унгерн и добавил: — А офицеров пороть больше не буду... Буду прямо посылать с пленными красноармейцами к красным...

Дивизия тронулась дальше, к озеру Косогол, где сгруппировались крупные советские части.

* * *

Тревожное время переживала Азиатская конная дивизия барона Унгерна. Люди ее замолкли, стали угрюмы, и над вечерним лагерем уже не неслись бодрые хоровые песни, не видно было барахтающихся на зеленой мураве казаков, не сыпалась солдатская брань, и лишь вечерняя поверка еще говорила, что дух воинской части не пропал. Когда вся дивизия выстраивалась на поляне и после команды: «На молитву... шапки долой!» в поднебесную высь неслись разноязычные молитвы, чувствовалась мощь и духовная близость. В одном углу торжественно и стройно пели «Спаси Господи люди Твоя», в другом конце заунывно тянули татары «Иль Алла...», рядом пели молитву, отдающую стариною и тоской степи, буряты, в голос бормотали китайцы, и громко пели японцы свой национальный гимн... Эта картина мольбы к Богу на всех языках, в глухой тайге или на берегу степной реки была величественна, исключительно своеобразна и незабываема. А потом лагерь угрюмо замирал и лишь изредка брякали шашки и винтовки проходящих на смену застав и ка-

раулов сторожевых частей. Дивизия жила последние дни, и это инстинктом чувствовал самый последний из диких монгол. А барон продолжал зверствовать, и его палач Бурдуковский ходил ошалелый от ежедневной кровавой работы... Но ему, этому «забайкальскому квазимодо», все было мало, и он докладывал Унгерну в открытой палатке:

— Ваше превосходительство, чего с этими офицерами-пастухами возиться будем... Скотишка мало осталось, а эту пададь надо кончить, ваше превосходительство!

— Так ты тогданими с них сапоги, отбери все офицерские вещи и, когда дивизия выйдет, кончи их... Ну, иди! — слышался спокойный голос барона.

— Слушаю, ваше превосходительство! — прохрипел Бурдуковский и с самодовольной рожей вышел из бароновской палатки...

Комендант дивизии есаул М. тихонько отошел от палатки и в раздумье пошел по лагерю. Было ясно, что участь несчастных 28 офицеров-пастухов была решена. Бурдуковский со своими палачами свяжет, задушит или зарубит их. М. пошел в конец лагеря, где разместились офицеры-пастухи. С них уже Бурдуковский снимал сапоги, и лица у офицеров были серые. Они понимали, что это значит. Как подстегнутый, есаул бросился к командиру 4-го полка, войсковому старшине Маркову, и только хотел с ним поговорить о том, что он слышал, как в командирскую палатку принесли офицерские сапоги и вещи. М. молчал. Марков вызвал вахмистров и приказал им раздать по сотням вещи. Те забрали и ушли, но через полчаса вернулись и доложили:

— Господин полковник, всадники отказались брать офицерские вещи. Говорят, что с убитого красного они возьмут, но со своего офицера никогда... И разговоры идут очень плохие.

— Слушай, иди и доложи об этом барону. Быть может, он опомнится, — сказал есаул Маркову.

Но тот наотрез отказался, и М. пошел к начальнику пулеметных команд подполковнику Евфаритскому, а по дороге снова заглянул на обреченных офицеров. Картина была потрясающая. Все они были босы, в одних рубашках, порванных штанах, сидели кружком, молча и мрачно резали сырую коровью кожу на четырехугольники, углы которых связывали кожаными полосками. Они шили себе ошучи, надеясь, что, быть может, еще какое-нибудь чудо спасет их от неминуемой смерти и они переход останутся живыми. Кошмар непередаваемый, картина полная тоски.

— Слушай, Евфаритский, больше терпеть нельзя! — заикаясь, говорил М. — Надо кончать с произволом барона, иначе он нас всех передушит...

И есаул рассказал, что он видел. Евфаритский созвал секретное совещание, на которое пришли поручик В. Виноградов, доктор Рябухин, войсковой старшина Львов, поручик Озеров, штабс-ротмистр Частухин и др. Решили сделать переворот, арестовать барона, выгнать его из дивизии, командование передать генералу Резухину и двигаться на соединение с войсками атамана Семенова, на восток. Во главе заговора встал Евфаритский — популярный и уважаемый в дивизии офицер. В эти дни генерал Резухин стоял с бригадой в 20 верстах, так как крупно поссорился с Унгерном и шел отдельно. Заговорщики уже знали, что 3-я и 4-я сотни собирались бежать самостоятельно на восток, а потому их предупредили, а так как вся разведка была в руках у есаула М., то скрыть на день или на два заговор можно было безопасно. Опасаться нужно было лишь Монгольского полка, который считал барона Унгерна своим «Богом Войны», да бурятского дивизиона. А потому, чтобы гарантировать себя от монгол, было решено, что на другой день после совета поручик Виноградов в 12 часов ночи откроет огонь из орудий по монгольскому расположению. Монголы, конечно, бросятся в бегство, а чтобы прервать связь Унгерна с Резухиным, от верных сотен было выставлено сторожевое охранение. Так и было сделано. Барон не получал от Резухина донесений, а Резухин от барона, и такое положение продолжалось сутки. В это время Евфаритский спешно заканчивал подготовку к перевороту, как вдруг со стороны резухинской бригады прискакал казак и передал на заставе, что генерал Резухин и несколько его офицеров убиты.

В резухинской бригаде был сделан переворот и один из популярных и любимых вождей Азиатской дивизии, боевой генерал, верный для всех унгерновцев боевой товарищ и всегдашний заступник перед бароном, был застрелен несколькими офицерами.

Заговорщики растерялись, это спутало все их планы.

* * *

Бригада генерала Резухина шла от Унгерна отдельно, в 20 верстах позади, что произошло после крупного разговора, закончившегося полуразрывом. Но о чем говорили бригадный и начальник дивизии, никто не знал, и лишь делали предположения, что Резухин не выдержал зверской психопатии Унгерна и встал на защиту офицеров. Факт же был налицо — дивизия шла двумя колоннами, причем на таком расстоянии, чтобы в случае нажима со стороны красных действовать сообща.

Когда генерал Резухин брал себе бригаду, Унгерн предложил ему любые полки, и он выбрал полки — Татарский Парыгина и 2-й Хоботова. Парыгин и Хоботов были произведены бароном в полковники из младших обер-офицерских чинов. В боевом отношении они были хороши, но как командиры полков совершенно не отвечали своему назначению. Да барон и не требовал этого, так как в походах и боях лично управлял не только полками, но и сотнями. Унгерновцев не удивляла резкая метаморфоза, когда в командиры полков Унгерном назначались его ординарцы. Все они были лишь полковые представители, но не полковые командиры в прямом и лучшем смысле этого слова. Но выдвижение Парыгина и Хоботова на высшие командные должности и производство их в полковники прошло по особому ходатайству бригадного командира, что впоследствии этими начальниками было забыто.

Генерал Резухин, как мы уже говорили, пользовался огромной популярностью среди унгерновцев, непререкаемым военным авторитетом и, главное, любовью, которая у нижних чинов, да и у многих офицеров доходила до институтского обожания.

Итак, Резухин шел позади и во время последней остановки расположился лагерем в 20 верстах от Унгерна. В штабе у него находился штабс-капитан Безродный, догнавший дивизию после своего жуткого преступления. Настроение в бригаде также было подавленное. Поход на Верхнеудинск не удался, кольцо красных сжималось, в продуктах уже был недостаток, шелковые таралыки превратились в лохмотья, приближалась зима, и идти в неведомый Урянхайский край, где около озера Косогол поджидали унгерновцев крупные советские части, многим не улыбалось. Настроение большинства было — повернуть назад на восток, к атаману Семенову, который являлся спасительным маяком, несмотря на то что о нем не поступало никаких вестей.

Это настроение особенно господствовало среди офицерского состава, который барон методически убивал и запарывал. И в резухинской бригаде всплыл офицерский заговор, во главе которого были Хоботов, войсковой старшина Слюс, полковник Кастерин и др. В заговор был посвящен и Парыгин, но некоторые детали переворота ему переданы не были, так как этот командир полка считался большим личным другом генерала Резухина, а потому мог, по приятельскому чувству и долгу боевого товарища, предупредить последнего. Этого, конечно, не могло случиться, так как Парыгин не принадлежал к категории офицеров-рыцарей и собственную шкуру и честолюбие ставил выше дружбы и товарищеского долга, и даже намеком не предупредил Резухина — друга и коман-

дира — о грозящей ему опасности. Он поступил так же, как с приятелем Архиповым, о казни которого знал заранее. Парыгин умыл руки и стал ждать, сам в активное число заговорщиков не вступая. Наконец, разговор созрел и был приведен в исполнение.

В палатку генерала Резухина ввалилась толпа предателей-офицеров во главе с Хоботовым, Слюсом, Кастериным и др. Они резко заявили, что бригада дальше не пойдет, а возвращается на восток и ему предлагают присоединиться к общему решению и вести бригаду.

Генерал Резухин спокойно выслушал истеричные выкрики и потом хладнокровно ответил, что на это он не согласен, что он считает позором бросать даже Унгерна в нынешней обстановке — когда враг все более и более сжимает кольцо и когда всем нужно напрячь силы, чтобы пробиться и выйти, хотя бы и в Урянхайский край... Бросить же боевого товарища, первую бригаду, он считает нечестным и отказывается от предложения... Генерал добавил о том, что прекрасно понимает нынешнюю обстановку и общее настроение, боится за всех душою, но изменить воинскому долгу, чувству святого товарищества не может.

Так ответил Резухин и получил за это пулю в грудь. Момент был жуткий. Генерал покачнулся, но гордо встал, прижал руку к простреленному месту, выбежал из палатки и заскочил в палатку к младшим офицерам, веря, что там найдет спасение. Он глубоко ошибся, и, когда пошел к этим офицерам, прапорщик-оренбуржец выхватил из кобуры револьвер и несколькими выстрелами в упор убил боевого и любимого всеми генерала.

Бригада «перевернулась», как говорили казаки. Начались убийства негодных, и следующего после генерала Резухина застрелили штабс-капитана Безродного. Труп его выбросили в речку. Командование бригадой принял Хоботов и немедленно приказал собрать все ташуры, которые под громкое «Ура!» сжег, как наследие Унгерна. Потом он вызвал Парыгина и предложил ему подчиниться, на что последний поспешно согласился.

Взбунтовавшаяся бригада выступила на восток, но не прошло и нескольких дней, как среди ее командного состава начались интриги за власть, и два полка рассыпались по тайге и степям. Часть из них была перебита красными, часть сама перешла к последним, а остальные, группами в пять, десять и двадцать человек, сумели выйти на станцию Маньчжурия и на Хайлар.

Позднее некоторые добрались до Гродекова, а остальные осели в полосе отчуждения. Так закончила свою эпопею половина Азиатской конной дивизии.

* * *

В гористой местности, у холодного ручья, на широкой зеленой долине, доживала последние часы знаменитая Азиатская конная дивизия барона Унгерна. Многие она пережила и переиспытала, но чаша ее изумительного по долготе терпения наконец переполнилась, возмущение, страх, гнев и боязнь широкой волной вылились из нее, и она, покончив с Унгерном, покончила и с собой. Убийство и самоубийство слилось в одно целое и нераздельное.

После обстрела из орудия Монгольского полка заговорщики решили идти в составе Евфаритского, есаула М. и еще нескольких офицеров к Унгерну и потребовать от него ухода из дивизии, а в случае бароновского несогласия застрелить его. И после убить Бурдуковско-го, штабс-ротмистра Белова, Перлина и бароновского ординарца Бушмакина и тем самым очистить дивизию от унгерновского кошмара.

Переворот был назначен на 17 июля 1921 г., но утром Евфаритский передал есаулу М., что выполнение заговора отсрочивается, так как близко красные. М. поверил, ушел к себе в палатку и погрузился в тревожную дрему, от которой его разбудили два орудийных выстрела и редкая ружейная стрельба. Есаул выскочил из палатки, сел на лошадь и поехал по лагерю. «Майхана», согласно плану заговорщиков, во всей дивизии уже были сняты и люди готовы к походу. Но никто не знал, почему стрельба, и предполагали, что выстрелы были направлены по появившейся где-нибудь группе красных. Весь унгерновский лагерь, по неведомому приказанию, снялся и направился на восток. Навстречу М. быстро ехал Евфаритский с револьвером за поясом.

— В чем дело? — бросился к нему М.

— Да вот, переворот устроили.

— А где барон?

— Черт его знает где! Подошли мы к его палатке и открыли огонь, да в темноте ошиблись и обстреляли майхан восточей. Барон выскочил и орет: «Вы чего тут, сволочи, делаете? Что за стрельба?..» Ну, кто-то из наших не выдержал и выстрелил по нему... А барон сразу же бросился в чащу и исчез... Ранен он или просто где-нибудь скрывается, ни черта не известно... — рассказывал возбужденный Евфаритский.

— Ну а кто же принял командование?

— Да пока никто, — отвечал главарь заговора.

— Маркову нужно принять. Он командир полка.

Поехали к Маркову, который с полком тянулся в одной дивизионной колонне. Марков сначала наотрез отказался принять командова-

ние, но, когда ему заговорщики рассказали картину бегства барона и намекнули на его арест, он согласился.

В это время к группе офицеров подъехал доктор Рябухин, которому было предложено убить Бурдуковского. Доктор изъявил на это горячее желание, стрелой поспешил к Бурдуковскому... любезно поговорил с ним и отъехал в сторону. У доктора не хватило духа.

Дивизия же продолжала двигаться, не зная куда и зачем, но чувствовалось всеми что-то большое, а потому люди ехали молча и мрачно. Дивизия переживала жуткий момент.

Есаул М. подъехал к Бурдуковскому и спросил его:

— Куда мы идем?

— Не могу знать. Все едут, и я тоже, — растерянно ответил тот.

— А где начальник дивизии?

— Я тоже не знаю. Я вот с быками еду, — объяснял, разводя руками, забайкальский «квазимодо».

Дивизия вышла на открытое место, где не было ни одного дерева и которое молодая луна смутно освещала потоком своих слабых лучей. Колонна остановилась. Полки оказались в голове и в хвосте, посредине обоз, артиллерия и пулеметные команды. Часть Монгольского полка с Ачаириным также оказалась в дивизионной колонне. Остальные же монголы бежали. Сумрачен был командир батареи Дмитриев — офицер из солдат, малограмотный и бароновский наушник. Человек, из-за которого погибло немало людей. Он смотрел волком, но молчал и ехал со всеми.

Прошло полчаса. Дивизия стояла и не знала, кто ею командует и что будет дальше. Переворотные 3-я и 4-я сотни вышли на бутор и там рассыпались цепочкой, как бы заняв позицию против красных и... против барона Унгерна.

Заговорщики пока решили произвести чистку. Они группой приехали в красную сотню, которой командовал штабс-капитан Белов, арестовали его и Перлина, связали им руки и бросили в одну из арб. Сотню штабс-капитана Белова принял доблестный и примерный офицер, хорунжий Псиол, который был в этой сотне на должности младшего офицера. Нужно было покончить с главными палачами — Бурдуковским и Бушмакиным, которых решили поручить пулеметчикам с военным чиновником, амурцем Павлом Федоровым. Последнему приказали, что, как только к пулеметчикам подойдет Бурдуковский, — «Руби».

Пулеметчики вышли на бутор и остановились там, напоминая своим смутным очертанием группу начальников, осматривающих позицию. В это время есаул М. крикнул по колонне: «Бурдуковский»

— Я! — ответил последний и подошел к есаулу.

- Иди, тебя зовет начальник штаба.
- А где он? — спросил «квазимодо».
- Да вон, видишь, на бугре стоит?
- Ну, так я сейчас на коне...

— Да не надо коня. Иди скорее так, — решительно говорил ему М. Бурдуковский, спеша и задыхаясь, побегал на бугор. М. ехал позади его, держа наготове револьвер. Бурдуковский подбежал к пулеметчикам, увидев, как блеснул над его головой клинок Федорова, крикнул: «Меня-то!» и повалился на землю. Федоров снес полчерепа унгерновскому палачу. Очередь оставалась за Бушмакиным. Есаул М. поехал разыскивать его и нашел этого второго палача в обозе, при бароновских вещах.

- Бушмакин! — крикнул ему М.
- Ну чего там, — ответил тот и лениво подошел к М., держа руку на рукоятке маузера.
- Бушмакин, ты арестован, — резко сказал ему есаул.
- Меня только «дедушка» может арестовать, — запальчиво бросил тот и стал вытягивать из кобуры револьвер.

Видя это, есаул ударил его по руке, вырвал маузер и яростно крикнул: — Иди, сволочь кровавая! — и, выхватив клинок, снес ему череп. Есаул был взбудоражен, с ненавистью смотрел, как лилась кровь из головы убитого, и вытирал о траву шашку... Вдруг весь лагерь вздрогнул и замер.

Зычный баронский голос потряс тишину летней ночи.

— Бурдуковский, Ачаиров, Марков!!! — гремело по долине и гулким эхом отдавалось в горах.

И жуткий страх овладел всей дивизией, и самые храбрые из бойцов задрожали и растерялись. Некоторые, во главе с начальником штаба полковником Островским, залезли под телеги, многие уткнулись лицом в траву, и гробовая тишина наступила в предгорной долине, даже лошади перестали фыркать и заострили свои уши.

Барон вихрем промчался на лошади, и его громкий голос продолжал бить в барабанные перепонки перепуганных людей... Есаул М. также растерялся, с трудом поймал лошадь и тихо поехал разыскивать Евфаритского. Он подъехал к пулеметной команде... Барон же продолжал скакать вдоль колонны и кричать:

— Бурдуковский! Бурдуковский! — пока в ответ не прорезал ночную тишину иронический голос:

— Бурдуковский пошел к начальнику штаба!

Люди постепенно приходили в себя, и, когда Унгерн кричал: «Сволочи, куда идете? Что делать будете на востоке?..» — в колонне уже кое-кто невнятно бормотал ругательства.

А барон все еще кричал:

— Бурдуковский, Ачаиров, Марков!!!

Он ездил вдоль колонны, пока не наткнулся на командира батареи Дмитриева.

— А, и ты тоже! — заорал он. — Старый дурак, куда поехал?..

— Не могу знать, ваше превосходительство... Все идут, и я тоже, — растерянно прохрипел Дмитриев.

— Поворачивай обратно, старый черт, — приказал ему барон и поскакал к полку.

— Садись! — подал команду артиллеристам Дмитриев.

Батарея начала заворачивать.

Есаул М. подскочил к нему.

— Не смей! Остаться на месте! — крикнул он.

— Мне начальник дивизии приказал, — угрюмо прохрипел Дмитриев и продолжал отдавать приказания.

— Остаться на месте, я вам приказываю! Я начальник дивизии! — резко бросил ему М. и, видя, что батарея уже уходит, приказал пулеметчикам навести на нее пулемет.

— Ленту заложить, господин есаул? — спокойно спросил урядник.

— Заложи и, если батарея не займет старого места в колонне, открывай огонь!

— Слушаюсь! — сказал пулеметчик, вложил ленту и навел пулемет на батарею.

Артиллеристы остановились и соскочили с лошадей.

Есаул М. поехал разыскивать офицеров, и в этот момент перед ним выросла конная фигура барона Унгерна. Луна вышла из облаков и на мгновение осветила его лицо. Оно было страшно. Безумные глаза светились, блестели, один ус был опущен вниз, другой поднялся вверх... Барон сидел в седле без подушки; лошадь его била копытом землю. Есаул М. осадил коня, а барон уже кричал:

— А ты что здесь делаешь, слепая курица? Ташура захотел?

— Ваше превосходительство, — забормотал тот в ответ, потом приподнялся на седле, выхватил револьвер, направил его на Унгерна и спустил курок.

Осечка! Барон увидел это. Он моментально поднял на дыбы кобылу, повернул ее на задних ногах и скакнул в темноту. Вслед ему прогремел есаульский выстрел... Потом другой, третий, четвертый, пятый... Барон Унгерн уже скрылся, а по нему защелкали ружейные выстрелы и несколько раз стукнул пулемет.

Барон Унгерн исчез в темноте ночи.

* * *

Там, где совершался последний акт трагедии Азиатской дивизии, была гористая пересеченная местность, где лесные рощи сменялись небольшими лугами, где журчали горные ручьи и были овраги, заросшие густым кустарником.

В начале бунта дивизии, как уже сказано, одно из орудий заговорщиков обстреляло Монгольский полк, и большая часть монгол метнулась в ночную мглу и исчезла в складках местности. Барон Унгерн, преследуемый пулями своих подчиненных, ускакал в том же направлении, куда бежали монголы. Гордый, властный человек, вероятно, переживал душевную бурю... Его предали. Его дивизия открыла по нему, ее начальнику, огонь. Его подчиненные выгнали его, как ненужную и опасную собаку, как бешеного волка... Его, жестоко боровшегося с красными, оставили одного в красном кольце, под угрозой винтовок своих и мучительной смерти от советских... Барон Унгерн метался на этом роковом монгольском участке, как дикий затравленный зверь... Его знаменитая серая кобыла Машка пулей перелетала овраги, врезалась в лесную чащу, вихрем неслась по лощинам, и пена ключьями летела с ее боков.

Барон метался до рассвета. И когда первые солнечные лучи брызнули на землю, он заметил на одной из опушек леса большую конную группу. Были ли это свои, чужие ли, — он не знал, но, доведенный душевным состоянием до полного безразличия, чередующегося с припадками бессильного бешенства, он помчался на опушку... Там были убежавшие монголы. Их степные глаза, не уступающие по зоркости кабарге или степному орлу, быстро различили, что к ним скачет гроза и смерть азиатских всадников — сам барон. Монголы заматались, загорготали на своем диком наречии, в панике схватились за винтовки и открыли по приближавшемуся Унгерну беспорядочную стрельбу. Пули тоскливо выли около него, рвали землю, но барон не обращал на это внимания и бешеным наметом приближался к монголам. Монгол обуял страх. Монгольская легенда, что барона Унгерна не берут пули, что он — «Бог войны», бросилась в их первобытный мозг, и картина резко изменилась. Монголы соскочили с лошадей, пали на землю, и утренний рассвет огласился их жалобными мольбами: простить и помирить их, поднявших руку на «Бога войны».

Барон остановил лошадь, медленно слез с нее, пристально и долго смотрел на лежащих и стоящих на коленях монгол и резко бросил им:

— Дикае собаки, я прощаю вас, но горе вам будет, если вы не исправитесь!

Монголы в страхе забормотали клятву, бились лбами о землю, но Унгерн круто повернулся, отошел в сторону, сел на кочку и приказал позвать к нему старшего из монгол. И когда тот, подобострастно кланясь, приблизился, барон приказал принести ему воды и «майгало» — монгольскую водку. Он осушил целый жбан воды, выпил «майгало» и приказал поставить себе «майхан» — палатку. Отдав приказание о том, чтобы все отдыхали, барон вошел в палатку, бросился на кошму и уснул мертвым сном.

Это был его последний сон среди своих азиатских всадников. Монголы учли момент, учли то, что барон принесет им в дальнейшем гибель, и начали совет. Группа старших монгол, сидя на корточках под громадным дубом, шепотом решала, как спастись. Убить Унгерна нельзя — он «Бог войны», и смерть его не берет, но освободиться от него нужно. Монголы выработали план... К палатке барона змейками поползло несколько самых отважных храбрецов, бесшумно вползли в палатку, накиннули на голову Унгерна «тарлык» (монгольская верхняя одежда), в одно мгновение скрутили ему веревками руки и ноги и, отдавая поверженному «богу» поклоны, бесшумно исчезли.

Монгольская конница села на коней и умчалась в сторону Монголии.

Барон лежал без движения, он временами впадал в тяжкое забытие, и снова жуткая действительность вползала змеей-медянкой в его голову.

Шумел лес, весело пели птички, стрекотали кузнечики, и большой черный жук с любопытством ползал по Унгерну, недоумевая, что это за колышущаяся гора.

Солнце перевалило за полдень, и издалека слышались звончатые звуки копыт... Кто это? Свои враги или чужие враги? Это был красный разъезд 5-й краснознаменной советской армии. Разъезд осторожно подъехал к палатке, три человека спешили и с винтовками на изготовку открыли полу палатки. Внутри ее лежал связанный человек, голова которого была закутана старым монгольским тарлыком. Красные вошли, сорвали тарлык и отшатнулись...

На них смотрело помятое красное лицо с рыжими усами и небритым подбородком. Взгляд человека был темный, как жуткая ночь, и страшен, как взор помешанного. На плечах виднелись старые помятые генеральские погоны, а на груди поблескивал белый Георгиевский крестик.

— Эй, товарищ, ты кто? — крикнул ему старший разъезда.

— Я начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг, — громко и отчетливо ответил связанный человек.

Красные обидели. Им привалило неслыханное счастье. Разъезд за-волновался, памятуя слова советского приказа: «В случае взятия в плен начальника Азиатской конной дивизии барона Унгерна надлежит обра-щать с ним бережно, охранять его, как драгоценную вещь, и не-медленно доставить в штаб армии».

Красные развязали Унгерна, обыскали его, но у него, как всегда, ничего не было — ни оружия, ни денег, ни документов. Барон встал, шумно вздохнул, потянулся, пристально посмотрел на красных и по-шел к лошади. Красные смотрели на него с ужасом и с каким-то про-никнутым уважением. Они окружили его и медленно двинулись, со-блюдая все меры предосторожности, в сторону озера Косогол. А на пятой версте разъезд переходил быстрюю речку и барон, умышленно или нечаянно, сорвался с лошади и упал в глубокий водный поток. Красные с трудом выловили его из воды и доставили в штаб Красной армии. Все они были строго наказаны за то, что плохо охраняли и берегли пленного барона Унгерна, едва не утонувшего в горной речке.

* * *

Итак, 1-я бригада Азиатской конной дивизии со своим начальни-ком бароном Унгерном разделалась. Под свист пуль он бежал в лес-ную чащу, а три офицера-«пастуха» бросились за ним в преследова-ние... и не вернулись. Их судьба неизвестна до сих пор.

В первые моменты после изгнания барона фактически бригадой управлял есаул М. Он немедленно же назначил командиром 4-го пол-ка, вместо бежавшего войскового старшины Маркова, ротмистра За-биякина и командиром одной из батарей боевого офицера капитана О., переменял командный состав в полках и остановился на вопросе, кто же займет место барона Унгерна. Вопрос был чрезвычайно слож-ный и опасный.

Дивизия громко разговаривала, вспоминая детали промелькнувше-го, как в сказке, события, и среди возбужденных голосов особенной залихватой трелью слышался говорок доктора Рябухина, восклицав-шего:

— Ну, если бы я увидел его, от моей пули он не ушел бы...

А у самого весь тарлык был в траве и грязи. Доктор, кажется, от-сиживался под арбой, как и многие другие. М. ездил по лагерю и кричал:

— Где начальник штаба?!

— Я здесь! — наконец послышался голос полковника Островского, и его голова испуганно показалась из-под телеги.

— Господин полковник, барон Унгерн бежал. Марков, Львов и другие скрылись, подполковник Евфаритский также бежал, а потому принимайте бригаду. Вы старший...

Островский еще более испугался, занервничал и стал отказываться.

— Я не знаю, могу ли... Да и как я приму?.. — говорил он.

— Да так принимайте, и больше никаких. Вы начальник штаба.

Островский нехотя согласился, но спросил:

— Что же я должен делать?

— Вести бригаду на восток, а если догоним резухинскую, то ее расхлестать за убийство генерала Резухина, — был резкий ответ.

Через полчаса унгерновцы двинулись на восток и после маленькой остановки продолжали свой быстрый восточный отход, пока не подошли к реке Селенге. Шли с мерами охранения, и, когда стали подходить к реке, в арьергарде уже послышалась стрельба. Унгерновцев настигали красные. Река была непроходима, брода не было, и это осложняло обстановку. Экстренно был созван совет, на котором было решено по дну переправить орудия, стоя на лошадях и держа носилки в руках — раненых, обоз и все лишнее. Оставить все 20 пулеметов, бойцов, занять высоты и ждать красных, памятуя, что, если им сейчас не дать отпор, их преследование будет бесконечно. Так и было сделано. Местность представляла полукольцовую горную расщелину, поднимающуюся лугом к перевалу и круто спускающуюся оттуда к реке. Сотни заняли позиции, на особых местах установили пулеметы и стали ждать свистка-приказа: огонь всеми! Стали ждать.

Солнце ясно освещало лощину и темневшую вдали опушку леса, из которой тянулась змеею дорога. Вот показался наш арьергард, прошли последние дозоры, и снова стало тихо и мертво. Прошло полчаса, час. На опушку леса выскочил всадник, метнулся шагов на десять кругом, зорко огляделся и пулей умчался в лес. Минут через десять из опушки выкатился и весь головной разъезд. Долго стоял он на лесной окраине, потом отправил в тыл одного всадника, а сам медленно двинулся в глубь лощины, к перевалу. За ним из леса вытянулась конная группа, которая так же медленно и осторожно, уступами, стала подвигаться по горной долине. И скоро из лесной опушки показалась бесконечная колонна пехоты. Весь отряд красного штабс-капитана Щетинкина вполз в лощину и поднимался на перевал. Красные видели отдельную группу унгерновского штаба, но их глаза не различали притаившихся за скалами и серыми камнями остальных унгерновцев, не видали закрытые травой смертоносные дула пулеметов... Конные красные махали шапками, фуражками и шашками унгерновской группе, последняя оживленно отмахивалась, а есаул М. ожесточенно крутил над

головой свой красный штабной башлык. Красные недоумевали: в чем дело? сдаются или идут на переговоры? Наконец их конники не выдержали, из их группы выскакало несколько человек, промчались сажен пятьдесят, вздыбили лошадей и закричали:

— Товарищи комиссары, вперед на переговоры!

И в ответ на это с горы, из унгерновской группы, раздался острый и длинный свисток... и затарахтели свинцовым разговором унгерновские пулеметы и винтовки. Начался не бой, а расстрел белыми красных. Отдельных звуков слышно не было — все слилось в один сплошной и мощный гул-стрекот, а в долине уже начался ад. Вздымались на дыбы лошади и падали, кричали люди и тоже падали, все смешалось в одну массу, в один живой мечущийся клубок; кони с храпом носились по зеленой долине, а отдельные люди бежали, падали, вставали, оставались на месте и ползли к опушке леса... А лесная чаща уже стонала и похрустывала от ломаемых пулями веток, и жалостно трепетали листьями деревья.

Отряд Щетинкина был уничтожен почти полностью. Из отряда спаслись лишь единицы. Разгром красных был закончен в десять минут, и полукольцевое горное ущелье огласилось ликующим «Ура!» унгерновцев. Через час бригада спокойно переправилась вплавь через реку и на противоположном берегу устроилась на продолжительный отдых.

* * *

После жестокого разгрома большевистского отряда Щетинкина под рекой Селенгой унгерновская бригада перешла через реку и остановилась на отдых на несколько дней. Стоял жаркий и обильный жизнью природы июль месяц, душистые травы дополняли воздух своим бесконечным ароматом, река была чистой, светлая, вода в ней была холодная, и унгерновцы отдыхали душой и телом. От вечного страха перед Унгерном, от его ташура, от мыслей о расстреле, о разгромленных наголову красных и жили думами о Востоке и о том, что впереди ждет отдых и короткий мирный перерыв. Песни, смех и веселый разговор нарушали круглые дни селенгинскую окрестность, набирались силами всадники и лошади, и думки о том, что произошло и как избавились от жестокого барона, уже уплывали в дымке других походных интересов.

Командование бригадой принял начальник штаба барона Унгерна полковник Островский, человек вялый, малорешительный и далекий от инициативы. Он принял бригаду по старшинству, так как военная субординация еще крепко жила в офицерских мозгах. Впоследствии этот полковник перешел на службу к красным, но вряд ли они в его лице приобрели ценную личность.

Отдых закончился, и бригада в стройном порядке выступила на восток. А с выступлением начались неурядки. Унгерновцы, привыкшие к тяжелому ташуру барона и к мысли, что за всякий беспорядок, за нарушения воинской дисциплины он без особых разговоров повесит на первой осине, решили распоясаться, тем более, новый начальник авторитетом и уважением не пользовался. По пути тут и там маячили монгольские юрты, ходил скот, и более ретивые пытались «грабануть». Монголы, хорошо не учитывающие, кто идет, красные или белые, грабители или настоящие солдаты, при приближении колонны бросали свои юрты и спасались бегством. Этим начали пользоваться отдельные всадники, а среди них первенствовали артиллеристы Дмитриева, который сам был не лишен желания бесплатно поест то, чего не было в обозе. Положение становилось серьезным, и бригаду ждал полный развал и дезорганизация. Полковник Островский растерялся, но на выручку пришел есаул М. Он решительно взял в руки эмблему бароновской власти ташур и начал действовать. Как только из колонны вылетела группа мародеров и мчалась к монгольской юрте, ее догонял есаул, и жестокие удары по головам и лицам сыпались на «молодцов». Некоторые пытались протестовать, но ташур делал свое дело, и мародерство через несколько дней прекратилось.

Шли унгерновцы в буквальном смысле слова раздетыми. Шелковые тарляки превратились в одни лохмотья, ноги вылезли из ичиг, а июльские ночи в Монголии были холодные и пронизывающие. Остро чувствовалась и недостача в продуктах. Нужно было находить выход: или грабить монгол, или достать все необходимое другим путем. Положение спасали монгольские монастыри. Они попадались по дороге, и некоторые из них были не только безмерно богаты, но и велики, как крепости. В монастырях-крепостях, окруженных высокими стенами, жило по пятьсот и по тысяче монгольских лам, и этот монгольский священный класс помог унгерновцам. Монахи плохо знали, что из себя представляют унгерновцы, и наглухо затворялись в своих крепостях, но, когда специально командируемые офицеры с небольшим нарядом казаков приезжали к ним и почтительно просили за деньги снабдить их бригаду одеждой и продуктами, ламы, удостоверившись, что это не красные и не степные бандиты, охотно шли навстречу. Скоро бригада не только приоделась, но и частенько смаковала особое монгольское лакомство «урму» — молочную пенку, несколько раз сложенную и высушенную на солнце.

Так шли дни. Бригада шла по ночам, храня силы лошадей, и постепенно продвигалась к заветному пункту, к Хайлару. Поход был тяжелый, степь казалась необъятной, и лишь далекие горы немного освежали и немного украшали общий унылый ландшафт.

В один из походных дней, на стоянке, к полковнику Островскому пришел командир остатков Монгольского полка полковник Ачаиров и доложил:

— Хосподин полковника! Я хочу вас просить... можно мы монголы куда пойдем к русским. Чиво мы там делать будем... Уж вы лутче нас опустите, может мы чиво и сделаем с красными...

Монголы уже не представляли боевой ценности, причины их просьбы были основательны, и командир бригады разрешил им остаться. Монголы радовались, а когда к вечеру бригада села на коней и стала вытягиваться в походную колонну, по обе стороны ее стояли монголы и сердечно провожали боевых соратников. Некоторые из монголов в знак почтения становились на одно колено, другие совершенно плашмя ложились на землю. Ачаиров стоял вытянувшись в струнку и держал руку под козырек до тех пор, пока мимо него не прошла вся колонна. Прощание было грустное, и ручеек печали еще долго оставался в душе унгерновцев. С монголами было пережито не мало.

Ночь в Монголии наступает быстро, сразу. Все светло — и вдруг темное покрывало окутывает степь, и всадник видит лишь смутный силуэт впереди едущего. В ночной темноте тихо. Лишь похрапывают лошади, да издали, изредка, раздается уныло-тоскливый вой степного волка и где-то далеко, спросонья, заблеет овца. Далекие звездочки холодным светом блестят в опрокинутой черной небесной чаше, холодноватый ветерок зашевелит травой и обдаст людей; изредка ночную тишь прорежет резкий голос всадника, обиженного на свою споткнувшуюся лошадь: «Но, ты, зараза!»

Колонна длинной змеею ползет по степи, и оживляют ее лишь редкие всадники, с громким звуком подков и тяжелыми лошадиными вздохами подскакивающие к голове колонны с донесением из разъездов и дозоров.

Тишина. В голове мелькают, как россыпь белого песка, далекие воспоминания о родных, о встречных лицах: всадник изредка клюет носом, подбодрится, и снова его мозг работает в том направлении, где была юность, маячило счастье и была радость. О будущем думать не хотелось. Оно было неизвестно, и думы о нем отгонялись, как бродячие собаки, от богатого стада теплых мыслей.

* * *

Тускло шли дни, в походах проходили ночи. Отсутствие прежнего начальника барона Унгерна давало себя знать, и время от времени дивизия проявляла себя в том, о чем не подумала бы при Унгерне.

Волновались татары, которых было много, и особенно злобно по отношению к русским держали себя татары-артиллеристы. Шли какие-то таинственные разговоры, назревал заговор, и скоро сотенные разведчики донесли, что во главе заговора стал командир Татарской сотни прапорщик Валишин. Заговорщики решили перебить русских офицеров и идти на восток более свободно, подразумевая под этим грабеж окрестного монгольского населения. Бунт назначен был на одну из последних июльских ночей, кажется, в ночь на 28-е.

Русские офицеры знали о заговоре, и у командира бригады состоялось экстренное совещание. На привалах были приняты особые меры охранения, и русские ждали, когда выступят татары, но кровавой бойне помешал случай. Не было бы счастья, да несчастье помогло! В ночь на ожидаемое восстание, часов около девяти вечера, с окружающих сопок затрещали ружейные выстрелы и по унгерновцам посыпались свинцовые шмели. Красный монгольский отряд произвел внезапный налет, но унгерновцы не растерялись, в одно мгновение были на лошадях, и сотни, по собственному почину, бросились в контратаку. Красные монголы бежали, как зайцы, как перепуганные шакалы.

Прошло несколько часов, и последняя разведывательная сотня вернулась из разъездов и донесла: монголы ускакали.

Бригада осталась на дневку, и, так как на татар и остальных произвело впечатление внезапное появление общего врага, лишний раз подчеркнув, что только в плотной спайке и единении унгерновцы успешно закончат тяжелый поход, командный состав решил немедленно разрешить вопрос с татарами. Это сложное и опасное дело было поручено коменданту есаулу М. Он взял в руки ташур, заткнул за пояс на боевом взводе маузер и вызвал к себе в палатку прапорщика Валишина. Тот быстро пришел и, чувствуя недоброе, был бледен, а рука его, держащая под козырек, дрожала.

Есаул, демонстративно помахивая ташуром, резко сказал:

— Ну-с, прапорщик Валишин, время подошло, и, если у вас есть мужество, начинайте ваше черное дело. Начинайте стрелять и рубить русских офицеров.

— Никак нет, господин есаул! Это недоразумение, и вам неправильно донесли на меня и моих татар.

— Тогда я вам скажу, что это очень правильно и, если бы не вчерашний красный налет, вы попытались бы сделать то, что задумали. Я все знаю и знаю даже, как распределены роли, как то, что первый татарский взвод должен был перебить офицеров забиякинского полка, второй... Э, да что говорить, когда все известно. Ну, начинайте, прапорщик, а мы попробуем дать ответ. Начинайте!

Валишин утрюмо молчал, а около палатки уже сгрудилась группа татар с несколькими своими урядниками. Они тревожно прислушивались и о чем-то шептались.

М. громко продолжал:

— Стыд и позор! В такое чрезвычайное время, когда каждый должен думать одно: друг за друга, — вы идете на предательство. Позор, и лучше вы собирайте сейчас же всех ваших предателей и убирайтесь от нас к чертовой матери! Сволочи нам не нужно, мы и одни дойдем, а вот как вы дойдете и как вас, грабителей, встретят на Востоке, — мы посмотрим... — И крикнул: — Вахмистры и урядники татарской сотни ко мне!

Те подошли, отдали честь и выстроились в одну шеренгу.

— Честно и прямо вас спрошу: почему вы хотели перебить русских офицеров? Какая вам от этого польза? Ну, ограбите вы мирных монгол, а потом что? Куда с награбленным пойдете?

Татары заволновались, и скоро официальный разговор перешел в дружественную форму. И татары, устыдившись своих темных замыслов, чистосердечно рассказали, что их будировали дмитриевские артиллеристы, сыграли на их темных инстинктах, но теперь они каются и дают слово солдата забыть о прежнем и дружно разделить со всеми общую участь.

Прапорщик Валишин от сердца попросил прощения, есаул в ответ сказал горячую речь о цели похода, пожал руку прапорщику, и татарский заговор растворился в чувстве дружбы и взаимопомощи. Но в дивизии было не все благополучно. Вызывал сомнение командир бурятского дивизиона Галданов и его буряты. У них шла какая-то тайная работа, а потому есаул М., подбодренный успешной ликвидацией татарского заговора, вызвал к себе Галданова. И прямо задал ему такой вопрос:

— Правда, Галданов, буряты хотят бежать в свои хошуны?

— Никак нет, хосподин есаул! Циво так, мы буряты идем все к атаману Семенову... И куда мы без него, потому народ мы темный, а где уж нам одним без него жить, — горячо говорил бурят.

Есаул поверил ему, но на всякий случай два бурятских офицера были переведены в русские сотни.

В ночь на 2 августа бригада шагом резала ночную темноту, и было в ней тысяча всадников. Тревога за бурят и татар отпала, и унгерновцы ехали спокойно, охраняясь лишь тыловым и головным дозорами. Бурятский дивизион шел в середине колонны, и была кругом мертвая тишина степной монгольской ночи, которая лишь изредка нарушалась звоном копыта о камень и редким похрапыванием лошадей. И снова

мерцали звезды, и снова люди думали не о настоящем, как вдруг ночную тишь прорезал резкий и гортанный крик-команда:

— Ияба... Ияба (За мной! — в вольном переводе с бурятского).

И стук сотен подков разрезал, как ножом, ночное спокойствие, и бурятские сотни бешеным наметом исчезли в ночной непроглядной мгле. Ошеломленная дивизия без команды остановилась и замерла. Так прошло минуты три, четыре, пока не раздался окрик командира бригады:

— Орудие на позицию! Огонь по изменникам!

Вслед бежавшим ухнуло несколько орудийных выстрелов, умчались снаряды в далекую степь, бросилась туда же дежурная сотня, и снова все затихло. Дивизия спешила и приготовилась к отпору, но никого не было, и ничего в степи не было слышно. Через полтора часа разведывательная сотня вернулась. Она не нашла бежавших бурят. Они сгинули в степи.

* * *

После измены бурят и их позорного бегства Азиатская дивизия, в которой теперь осталось 600 всадников, 21 пулемет, 5 орудий, много верблюдов и табун заводных лошадей, прошла переход и остановилась. От бежавших бурят в залоге осталось трое: один прапорщик и два урядника. Буряты посерели на лицо и дрожали, когда их привели к М. Они хорошо помнили беспощадный суд барона Унгерна и считали, что так же, по-бароновски, будет поступлено с ними.

Начался допрос, который лишний раз подтвердил, что заложники имели слишком большое отношение к измене, в чем они в конце концов и сознались, потом бросились на колени и стали просить о пощаде.

Августовский день был солнечен и жарок. Степь горела и дымилась на солнце, и в далеком мареве ее виднелись очертания гор и четкой линией на горизонте вырисовывался длинный горный хребет.

Есаул говорил:

— Вы, буряты, были для нас братьями. Между нами все делилось пополам, и не было в Азиатской дивизии разницы между русскими, монголами, татарами и бурятами. Но вы, буряты, совершили подлую измену, и вы, трое, принимали в ней участие. Что делать с вами? Что вы заслужили по законам войны?

Буряты валялись на земле и плакали. Есаул продолжал:

— Ваше счастье, что грозная рука барона уже не может протянуться над вами. Ваше счастье, что мы идем к миру, а не на войну. Мы

даруем вам жизнь, но без наказания вы остаться не можете. Раздевайтесь! — грозно приказал он.

Буряты завывали, как степные собаки у трупа покойника. Они думали: «смерть», но разделись догола и выстроились в одну шеренгу.

— Справа по одному, рысью к сопкам марш! — резко скомандовал офицер.

И буряты понеслись. В бегстве они бросались из стороны в сторону, считая, что сейчас в затылок им вопьются злые свинцовые пули. Они бежали и скоро стали точками в степи, а потом исчезли из поля зрения. Когда они скрылись, дивизия забыла о них, как о чужих покойниках. Но буряты добрались до хошунов, и прапорщик в 1925 г. был начальником советского пропускного пункта на 86-м разъезде.

Ночью Азиатская дивизия подходила к Калганскому тракту. Была темная ночь. Тракт таинственно и злоеюще говорил о многом. О том, что красные сторожат проход через него унгерновцев и силы их справа и слева огромны. Головная сотня под командой ротмистра Исака бесшумно срезала на тракте телеграфные столбы, и гулко процокали копытами унгерновские кони через окремневшую дорожную полосу. Силуэты черных всадников потонули на восточной стороне Калганской дороги, и ни один выстрел не разбудил сновидений монгольской степи. Дивизия пошла форсированным маршем и через два дня, когда придорожные калганские горы исчезли в синеве неба, остановилась на трехсуточную дневку. Последний вражеский Рубикон был пройден. Впереди были китайцы и смутное в представлении монгольское лицо атамана Семенова — унгерновская надежда, вера и спасение.

На дневке подкормились, подчинились, дали отдых лошадям, и снова команда: «По коням!» И снова замаячила в монгольской степи змеевидная колонна всадников. Дивизия шла на Далай-нор, а по дороге сделала привал у быстрой, как зеркало, речушки.

Неведомая Монголия! Влекущая купчиха, богачка гордая и таинственная! Сколько несметных богатств скрывают твои недра, какие узоры возможностей заплетены в твоих необъятных степях, горах, реках и озерах. Чем порадуешь ты мир через полустолетие, большим или меньшим, чем сейчас твоя миниатюрная речушка унгерновских казаков?! А они стояли по берегам этой монгольской речки с обнаженными шашками, страстно и пристально вглядывались в изумрудную глубину ее и резкими взмахами клинков резали водные струи. Там гуляли и резвились двух- и треххаршинные рыбины — ленки, шуки и мелочь хариусы. Целых два часа шла битва людей с увертливыми рыбами, а потом, как опалы и рубины, заблестели около речушки казачьи костры. Казаки варили уху. Гостеприимная монгольская речка оставила у себя в гостях унгерновцев

на целые сутки, и только на следующую ночь дивизия вытянулась двухшереножной ниткой и направилась к озеру Далай-нор. К нему подошли на рассвете. Завывал по степи ветер, и пугливо прыдали ушами лошади, когда в яростный ветреный порыв вметалось заунывное завывание, а всадники завернули башлыками свои глаза и уши от песка и мелкого камня пустыни. Чуть забрезжили на востоке первые световые полоски, дивизия подошла к озеру. Далай-нор бушевал. Гневался, и его свирепые волны, как горы, наваливались одна на другую и с яростным шумом обрушивались на песчаный берег. Кружился в воздухе песок, желтые облака его падали в озеро, но не могли насытить его гнев, и он продолжал поднимать брызги и пену на своей водной поверхности.

Дивизия спешилась, расседлалась, а когда взошло солнце, озеро сменило гнев на милость, улыбнулось неведомым пришельцам и успокоилось. Степной тайфун умчался дальше.

Здесь дневали сутки. На военном совете было решено на китайской земле оружия китайцам не сдавать. Если же силы китайцев будут большими и если будет невозможно силою оружия пробиться на восток к атаману Семенову, то только тогда пойти на уступки.

А уступки — продать оружие и выговорить право свободного и бесплатного проезда в Приморье. И здесь же было решено вступить в командование остатками дивизии войсковому старшине Андрею Костромину. Он близко знаком с командующим китайскими войсками генералом Чжан Кую, который был названный брат барона Унгерна-Штернберга. Андрей же Костромин был у Чжана офицером для связи от атамана Семенова.

* * *

Азиатская конная дивизия остановилась. Впереди, недалеко, уже видалась китайская граница, а по ней стояли китайские заставы. Унгерновцы решили есаула М. отправить в Хайлар парламентарем к генералу Чжан Кую. Договориться с ним или о полном беспрепятственном пропуске в Приморье, к атаману Семенову, или о сдаче китайцам, по особой расценке, оружия, лошадей, верблюдов и обоза и, в представленных китайцами эшелонах, по железной дороге проехать туда же. Поручение было щекотливое и опасное. Истинной обстановки никто не знал, где русская Белая армия — было неизвестно, да и существовала ли она в действительности, никто об этом не ведал.

Есаул М. снял с себя вооружение, сел на лошадь и один скрылся в степях. Ехать было опасно, но задача была боевая, и выполнить ее было нужно. Этого ждало шестьсот человек.

Есаул ехал переменным аллюром и скоро выскочил на китайскую заставу, которая переполошилась и долго не могла успокоиться. И только когда офицер, показал, что у него нет оружия, и с трудом объяснил, что он от русского войска едет на переговоры с Чжан Кую, на лицах китайцев показались довольные улыбки и начальник заставы отправил сопровождать есаула двух конных.

В вечерние сумерки въехали в Хайлар. Заливисто брехали из подворотен собаки, редкие тени прохожих бороздили улицы, и унылые фигуры полицейских еще более оттеняли тоскливый городской ландшафт. О М. доложили Чжан Кую и через десять минут его ввели в губернаторский кабинет.

Старик сухо принял парламентаря, и, когда офицер объяснил ему, что унгерновцы направляются к атаману Семенову и в этом просят содействия, Чжан Кую холодно сказал:

— Сдайте все оружие, и тогда будем говорить о дальнейшем.

— Этого сделать мы не можем. Мы воинская часть армии атамана Семенова и должны прибыть к нему с оружием, — заявил есаул.

— Все части Семенова сдавали нам оружие, и вы должны это сделать, — лаконично ответил старик.

— Нам не известно, было ли это так, но, если вы настаиваете, мы можем вам оружие продать, а кроме этого, вы дадите нам эшелоны и бесплатно отправите до Пограничной, — говорил М.

— Если мне будет нужно ваше оружие, я его от вас отберу, — отрезал Чжан Кую, крикнул стражу и приказал ей отвести есаула в комнату, обыскать и держать под домашним арестом.

Обстановка становилась более серьезной, чем предполагал оптимистически настроенный унгерновский офицер, но китайцы к неофициально арестованному относились благодушно, накормили его и даже принесли ханшины — китайской водки. Есаул выпил ханы, немного подбодрился и стал думать, что дело выходит скверное и он поступал неправильно. Нужно было разрешаемый вопрос поставить в ультимативной форме и не просить, а требовать. Но было уже поздно.

На следующий день, в восемь утра, к М. вошел губернаторский адъютант, капитан, прекрасно говорящий по-русски. М. сразу же обратился к нему и заявил:

— Капитан, передайте генералу, что я не простой офицер, а парламентар от Азиатской конной дивизии и требую к себе подобающего отношения. Наши силы не маленькие, и, если наши требования не будут выполнены, мы свое право достанем силой оружия.

Адъютант выслушал, переспросил и быстро вышел.

Через час есаула повели к губернатору. Тот был вежлив и предложил садиться.

Он тихим голосом сказал офицеру:

— Пропустить с оружием мы вас не можем. Этого не позволяют наши законы. Что же вы хотите?

— Мы уважаем ваши законы, но тогда купите у нас все оружие и отправьте нас бесплатно по железной дороге в Пограничную, — спокойно ответил М.

— Сам я этого сделать не могу. Вы подождите, а я переговорю по прямому проводу с Чжан Цзобином, — сказал Чжан Кую и встал.

— Хорошо, генерал, но должен вас предупредить, что через 48 часов кончается ультиматум и по истечении этого срока Азиатская дивизия двинется на Хайлар. И я прошу вас, чтобы не было недоразумений, поторопитесь, — в свою очередь объяснил есаул, поклонился и вышел из комнаты.

Через полчаса М. в сопровождении адъютанта уже был в городе. Он покупал себе белье, а потом пригласил китайского офицера вместе пообедать. В ресторане они засиделись. Китаец отказывался пить, но есаул твердо разъяснил ему:

— Капитан, если вы хотите меня оскорбить, вы не будете пить. Если же вы считаете меня как друга, выпейте со мной.

А через два часа они уже весело возвращались в штаб. Есаул посвистывал, а китайский офицер шел впереди, производил ногами узоры, творил загогулины и громко пел какую-то песню.

Несколько раз прислонясь к забору, он кричал:

— Капитан, твоя, моя — игоян братка... Моя тебе песни пой!

— Девяти девушка надин я, куда девушка туды я...

Бодро и весело вернулись в штаб, а через некоторое время есаул, приведший себя в порядок, снова сидел у генерала в кабинете и вел горячий торг. На вопрос пять тысяч за орудие, по тысяче за пулемет и пр. Чжан Кую ответил, что они только дадут пособие, т. е. офицеру по сто долларов и казаку по пятьдесят.

Бесплатно отправят до Пограничной по железной дороге, а до посадки представят бесплатный русский стол.

— Арестов производить не буду и во внутренний распорядок унтерновцев не вмешаясь.

Условия были подходящи, — могло быть хуже, и есаул согласился.

После этого началась дружеская беседа. Когда генерал узнал о трагической участи барона Унгерна, по его старческим щекам потекли слезы и он сказал:

— Извините меня, но мне так больно слышать об этом. Барон Унгерн был прекрасный человек и мой большой друг.

На следующий день навстречу Азиатской дивизии выехало несколько автомобилей. В первом ехал Чжан Кую с есаулом М., во втором штабные офицеры, и в остальных везли подарки унгерновцам: колбасы, ветчину, хлеб, водку, пиво, сигареты.

Дивизия уже форсированным маршем шла по китайской земле. Унгерновцы, заметив автомобили, решили, что сложный вопрос разрешен благоприятно, и войсковой старшина Костромин подал громовую команду:

— Азиатская дивизия, смирно! Господа офицеры!

Чжан Кую сошел с автомобиля и церемонными поклонами встречал проходящие части.

Дивизия прошла и остановилась на бивак.

Чжан Кую пошел в палатку к офицерам, поднял бокал шампанского за дружбу и счастье, поздравил казаков с окончанием тяжелого похода и уехал.

* * *

Унгерновцы, довольные успехом переговоров и близким окончанием похода, на радостях гуляли три дня. Привезенных Чжан Кую подарков, в виде водки, не хватило, и автомобили несколько раз мчались в Хайлар и обратно, подвозя подкрепления. Дивизия гуляла, и пьяными ходили не только унгерновцы, но и окрестные китайские заставы.

Картинки трехдневной стоянки были любопытны и красочны. Казаки шатались в обнимку с китайцами и разговаривали об обаявших их чувствах.

— Друга! У меня восемь коней в табуне бегунцами были, а ты, идолово хайло, разве чувствуешь это!.. Эх ты, образина! Давай поцелуемся, — горячо говорил пьяный казак китайскому солдату, еще более пьяному, и лез целоваться.

Татары заунывно пели свои песни, а то быстро вскидывались и схватывались за шашки...

Более добродушные из них лежали вповалку с китайцами и усердно угощали друг друга разведенным на 80 градусов спиртом. Китайцы ухмылялись, краснели от выпитого спирта до красноты спелого помидора и только покрикивали:

— Русские люди, шанго!

И были довольны так, как, наверно, никогда в жизни. Пир шел на зеленой мураве на всю монгольскую степь, и только лошади не уча-

ствовали в этом празднике крепкого русского вина и настроения русской души, бесстрастно наблюдая и выслушивая лишь страстные уверения в любви их хозяев, лежащих у них под ногами и орущих:

— Серко! Ты слышишь? Ты слышишь, зараза, что ты у меня один на свете остался... Один, а ты пойми! Пойми, потому ты да я — сироты злосчастные!

И хозяин начинал всхлипывать, а то и просто реветь, как ребенок, у которого отняли конфетку.

В командном составе водка также наделала хлопот и недоразумений, и, продолжай она литься еще один-два дня, много бы греха на землю прибавилось.

Освирепевший от едучей влаги войсковой старшина Костромин зло задел полковника Островского, и тот не выдержал. Началась бурная сценка, и Костромин крикнул:

— Эй, казаки! Расстрелять полковника Островского!

Полковник, учитывая общий разгул, понимая, чем это кончится, бросился в палатку офицеров 3-й сотни. Он считал ее своею. Командир сотни немедленно же вызвал сотню и рассыпал ее цепью около палатки. Татарская сотня с казаками рассыпались также в цепь, и еще одно мгновение — и началась бы страшная резня. Но помогли командиры сотен. Они повели «дипломатические» переговоры, пока «послы» ходили от одного к другому, пьяный хмель окончательно окутал головы подчиненных, и цепи заснули. А наутро уже не думали о расстрелах, ни об уязвленных самолюбиях. Дивизия строилась и вытягивалась на Хайлар.

И долгожданная мечта первого и последнего унгерновца — Хайлар — осуществилась. Для остатков Азиатской дивизии китайцы на окраине отвели помещение, кормили их и не вмешивались в распорядок внутренней жизни частей до момента отправки. Унгерновцы прожили в этом городе 12 дней и спешно были отправлены после случая с М. По доносу он был арестован китайцами, и весть об этом в одно мгновение дошла и до унгерновцев.

Они уже были безоружны, но, несмотря на это, быстро собрались и подошли к штабу. Войсковой старшина Костромин и доктор Рябухин вошли в штаб и категорически заявили Чжан Кую, что, если М. немедленно не будет освобожден, унгерновцы сейчас же обезоружат китайцев и сами наведут нужные порядки. Через десять минут М. был освобожден, и унгерновцы вернулись в казармы. А на другой день для них был подан эшелон, приехали китайцы и выдали деньги: по 50 долларов офицерам и по 45 казакам.

Китайцы оставались китайцами и сумели нажать на офицерском пособии по 50 и на солдатском по 5 долларов. Унгерновцы решили

согласиться, вернее, плюнуть на это, не начинать скандала и ехать в Приморье. Унгерновский эшелон тронулся.

По условию, которое до Харбина китайцы точно выполнили, ни на одной из станций к эшелону не подходили китайские солдаты, да последние предпочли даже на станциях и не показываться во время прохода унгерновской части. Эшелон-поезд шел со скоростью курьерского.

* * *

Поезд с унгерновцами, как сорвавшийся с привязи дикий конь, помчался в Харбин, зацепился за станцию Харбин-Старый и остановился. За время железнодорожного пробега это была первая в несколько часов остановка, и унгерновцы решили достать еды — продуктов, хлеба, чаю — и поесть. Нужно было и выпить, для чего от станции немедленно же потянулись фигуры посыльных. Большинство офицеров, вместе с войсковым старшиной Костроминым, уехало в город.

Через час-полтора над Старым Харбином уже плыли заунывные казачьи песни, в районе станции захлебывалась от восторга гармошка и ножные выкрутасы выделявали несколько танцоров. Около эшелона стояла толпа харбинцев, с большим интересом наблюдая за редким зрелищем; некоторые из них прикладывались к бутылочным горлышкам и оживленно беседовали. Вблизи не было видно ни одного китайского солдата.

Так прошло несколько часов, и некоторые, наиболее усердные к бушующей влаге, уже громко храпели у себя в вагонах, приняв живописные позы группами и в одиночку. Наиболее стойкие в «битве с алкоголем» продолжали сражаться с бутылками; дорожка от станции к первой гастрономической лавочке заметно утаптывалась и расширялась. За начальника отряда оставался есаул М. Он сидел у себя в вагоне и наблюдал, чтобы веселье не вышло из границ дозволенного. Бежали часы. Харбин окутывали уже сумерки, и в этот момент с громкими возбужденными и возмущенными криками прибежали к эшелону несколько казаков.

— Китайцы окружают эшелон! Китайские цепи идут! — слышались громкие голоса, и в одно мгновение эшелон поднялся на ноги. Даже мертвецки пьяных что-то стихийное подняло на ноги, и не успел есаул М. что-либо сообразить, как унгерновцы построились и с бешеным «Ура», держа в руках вместо оружия бутылки и палки, бросились к поселку. Шагах в ста от эшелона протянулась цепь китайских войск. В мгновение ока она была смята, и унгерновцы отнимали

от китайских солдат винтовки, а остальные мчались за убежавшими. Атака была короткая, и через десять минут к есаулу принесли 60 винтовок. Унгерновцы вооружились ими, выставили впереди вагонов охранение. Через сорок минут на автомобиле примчался с офицерами войсковой старшина Костромин. Его в городе нашли китайцы, потребовали в штаб войск и передали, что унгерновцы напали на китайские войска, а потому он должен принять меры или будет крупное столкновение. Костромин волновался. Китайские же власти были испуганы тем, что произошло в Старом Харбине, и через полчаса к эшелону подошел паровоз, свирепо гукнул, подцепил состав и помчал его дальше на восток.

Унгерновцы приехали на станцию Пограничная. Здесь их встретили военные представители генерала Глебова³², как начальника гарнизона семеновской группы в Гродекове, и представители меркуловского правительства³³. Те и другие приглашали унгерновцев влиться в их части. Приемщики работали хорошо и не скупились на обещания. Меркуловцы давали слово, что унгерновская часть не будет расформирована, глебовцы упирали на то, что унгерновцы принадлежат к коренным семеновским войскам. Унгерновцы решили присоединиться к семеновским частям и для этого командировали ротмистра Исака и есаула М. в Гродеково к генералу Глебову. Офицеры выехали. Глебов принял их радушно и обещал не расформировывать. В Пограничную была подана телефонограмма, и скоро унгерновский эшелон подошел к Гродекову.

Семеновцы встретили унгерновцев с восторгом, а командный состав дал прибывшим офицерам банкет. Торжественная встреча прошла, и наступили будни. Прошло пять-шесть дней, а приказаний о дальнейшей судьбе унгерновцев не поступало, и начальника над ними не назначалось.

На седьмой день унгерновцам приказали построиться для смотра. Смотр производил генерал Провохонский. Он обошел фронт и начал разбивку. По 20 и по 30 человек назначались в различные гродековские части. Генерал Глебов не выполнил своего обещания — оставить унгерновцев отдельной войсковой частью.

Боевые соратники боевой Азиатской конной дивизии принуждены были расстаться и расплыться среди приморских частей. Таким образом, легендарная Азиатская конная дивизия генерал-лейтенанта Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга перестала существовать. Но чины ее, в рассеянии сущие, помнят заветы своего строгого начальника и по первому зову Матушки-Руси встанут в ряды Российской армии, чтобы продолжать борьбу со слугами 3-го Интернационала.

Легенды о бароне Унгерне

Шумит и гудит красный Ново-Николаевск. Толпами валит в ревтрибунал народ. Почему же так взволнован город? Что случилось? А случилось нечто важное. Сюда доставлен плененный гроза Монголии — генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг. Сегодня над ним суд. Сегодня революционный трибунал, руководствуясь своей «совестью», вынесет приговор этому страшному человеку.

Долго коммунисты уговаривали барона принять должность коменданта г. Петрограда. Но гордый начальник непобедимой Азиатской конной дивизии с презрением отклонил все предложения слуг 3-го Интернационала.

Красным сукном затянута передняя стена зала. Как-то неуклюже болтается портрет сифилитика Ленина, смотрящего на строгих судей с горбатыми носами и с акцентом, который указывает на определенное происхождение этих вершителей судеб своих политических врагов, попавших в их цепкие руки. Зал полон. Больше никого не пропускают. Несмолкаемые разговоры и сплошной гул стоит в помещении. Но вот все вдруг стихло. Можно было слышать, как пролетит муха. Это ввели Унгерна... На нем монгольский тарлык, на плечах генеральские погоны с графаретом «А.С.», на груди скромно белеет Георгиевский крестик, полученный им еще при Государе Императоре за лихую разведку в тылу неприятеля во время Великой войны. Из уважения к его храбрости большевики не содрали с плеч погон и не сорвали с груди беленький крестик. Начинается допрос.

— Ваше имя, отчество и фамилия, — задает вопрос судья.

— Я начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг, — был громкий ответ. Высокая стройная фигура, большой открытый лоб, гордо поднятая голова, как всегда, один ус опущен, другой торчит кверху, волосы взлохмачены. Во время всего допроса держится с достоинством.

— Признаете ли вы советскую власть?

— Нет.

— Почему?

— Потому что благодаря тактике и действиям коммунистической партии систематически уничтожается моя Родина. Потому что Закон и Порядок исчезли с лица Русской Земли.

— Ваши политические убеждения.

— Монархист.

— Почему вы пороли своих подчиненных?

— Это иногда помогает.

— Раскаиваетесь ли вы в своих действиях против РСФСР?

— Нет.

Был задан еще ряд незначительных вопросов, после чего трибунал уходит на совещание.

Прошло томительных 15—20 минут, и с торжественным видом выходит ревтрибунал и занимает свои места. Секретарь громко, но несколько волнуясь читает постановление трибунала: «Бывший генерал Р.Ф. Унгерн-Штернберг за то, что выступал против правительства РСФСР с оружием в руках, командуя Азиатской конной дивизией, и тем наносил вред и ущерб РСФСР, приговаривается к высшей мере наказания — к смертной казни через расстрел». По залу пронесся гул не то недоумения, не то возмущения.

Ни один мускул не дрогнул на лице «Бога войны», ни одним движением он не выдал своего волнения при чтении приговора.

— Гражданин Унгерн, довольны ли вы приговором ревтрибунала? — задает последний графаретный вопрос председатель.

Воцарилось молчание. Присутствующая публика боялась громко вздохнуть. И эту тишину прорезал громкий и отчетливый голос барона:

— Да.

Окруженный чекистами, бывший повелитель Монголии с гордо поднятой головой, твердым шагом отправился в свою одиночку ждать приведения в исполнение приговора палачей русского народа. Зал дрогнул от аплодисментов, но было только непонятно, кому аплодируют: «судьям» или так стойко и гордо держащемуся начальнику Азиатской конной дивизии.

Рассвет. Приговоренному к смертной казни барону Унгерну не спится. Он ждет своих палачей. Проходит много томительных минут, пока, гремя винтовками, не вваливаются вооруженные с ног до головы чекисты. Унгерн перекрестился и вышел из камеры.

Моросил мелкий осенний дождь. Унгерн, окруженный толпой чекистов, садится в грузовой автомобиль. Унгерн связан. Резкий гудок автомобиля прорезал тишину спящего города, и грузовик тронулся. Какая-то старушка осенила себя крестным знаменем и ускорила шаги от этого страшного места.

Спустя полчаса за городом послышался залп, а немного позже этот же грузовик, но без Унгерна, вернулся обратно.

* * *

Монотонный гул идет по монгольскому дацану, то монахи просят небо, чтобы боги спасли их страну от нашествия красного дьявола. Много горя видел монгольский народ во время нашествия красного

зверя, много горя он испытал и во время владычества китайцев. Но появился всадник на белом коне, высокий, стройный и могучий, и спас монгольский народ от владычества ненавистных китайцев, и посадил этот всадник на трон законного повелителя монгольского народа, живого бога — Богдо-Гыгена.

Этот таинственный всадник имел небольшое, но сильное и непобедимое войско. И назвали этого всадника монголы Джиджин-Найон — Бог войны.

Прошло много лет, расплылись воины белого всадника по земле Русской, и только он, Джиджин-Найон, ушел в монастырь, присоединился к монгольским ламам и молится вместе с ними о спасении всего человечества от нашествия красного кровожадного зверя.

*В. Шайдунский*³⁴

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ БАРОН РОМАН ФЕДОРОВИЧ УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ ФОН ПИЛЬКАУ³⁵

По окончании Павловского военного училища в 1908 г. вышел в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. В 1910 г. после дуэли перевелся в 1-й Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк. В 1913 г. военное министерство командировало группу кавалерийских офицеров инструкторами в Монголию. В число их стремился попасть барон Унгерн, но ему было отказано, вследствие чего он вышел в запас и самостоятельно отправился в Монголию. Около года он пробыл во Внешней и Внутренней Монголии, завязал крепкие сношения с ламами и самими монголами, изучил их язык и, пройдя степями и через хребты гор, неожиданно появился в начале лета 1914 г. в г. Благовещенске.

С объявлением войны в 1914 г. барон самостоятельно поехал на театр военных действий и там поступил в 54-й Донской казачий полк. Когда Уссурийская конная дивизия прибыла на фронт, барон перешел на службу в 1-й Нерчинский Е.И.В. Наследника Цесаревича полк Забайкальского казачьего войска и был назначен начальником партизанского отряда. В первые же месяцы войны, почти одновременно с сотником Семеновым, будущим атаманом, оба были награждены за боевые отличия орденом Св. Георгия. Характерно, что барон исчезал из полка, когда его часть уходила в тыл, и вновь появлялся в своем полку, когда он возвращался на позиции.

К концу войны барон и Семенов были переведены в 3-й Верхнеудинский полк своего войска на Кавказский фронт.

После революции оба пробрались на территорию своего войска и вместе приступили в формированию Особого Маньчжурского отряда, во главе которого стал есаул Семенов, на территории Маньчжурии. При продвижении отряда на Читу барон остановился на ст. Даурия, около которой в мирное время стоял большой гарнизон, и укрепился. Впоследствии его отряд развернулся в Отдельную Азиатскую конную дивизию, начальником которой он и стал.

Даурия стала опорным пунктом между Читой и Китаем, и дивизия несла охрану длинного участка железной дороги от ст. Оловянная включительно до ст. Маньчжурия включительно.

В Монголии барон почитался «Земным Богом», в армии и у населения — свирепым или сумасшедшим, а за Забайкальем — легендарным Бароном. В своей дивизии слово «барон» произносилось каким-то таинственным полупшепотом, но в среде офицеров он имел прозвище Дедушка — объяснения этому имени я так и не добился, ибо по возрасту он не подходил под это определение.

В казарме, занимаемой штабом дивизии с его личной квартирой, была одна комната, в которой находились все отобранные им от проезжавших через Даурию разных лиц, драпавших за границу, всевозможные драгоценности, а также со складов, в которых было спрятано множество различного имущества, незаконно присвоенного, например меха, сахар, табак и пр.

В эту комнату однажды я был позван бароном по поводу поданного мною рапорта о разрешении вступить в первый законный брак. Я подал этот рапорт, когда был еще помощником командира. Результат нашей беседы, вернее моего рассказа о себе и о невесте, который он заставил меня изложить, превзошел самые смелые надежды: оставив меня одного после моего доклада, он вышел и вернулся с пачкой денег — «подарок на кольца», как он выразился, добавив, что дает мне свой салон-вагон с паровозом для поездки на ст. Маньчжурия и письмо священнику храма «с приказанием» обвенчать нас: была пятница третьей недели Великого поста 1920 г.

В Маньчжурии стоял наш бронепоезд «Казак», к командиру которого, полковнику Москаленко, я обратился со странной, но необходимой просьбой: сделать наряд двух шаферов. На поезде жили жена командира и ее подруга — жена штаб-офицера штаба атамана, и они организовали нам пышную свадьбу на поезде. Барон, всегда отстоящий далеко от дамского общества и избегавший его, в данном случае был тем же дикарем; он только подавал мне советы — то отправить жену в Маньчжу-

рию, где имелась комната для нее, ввиду приближения красных банд к Даурии, или, когда было в округности все спокойно, привезти ее.

До сих пор я не могу найти ту исключительно добрую причину, которая побудила его отправить меня в тыл под видом командировки к атаману в то время, когда он так нуждался в офицерах, о чем часто мне говорил. По воле Божьей я был освобожден бароном от того кошмара в Монголии, который он несомненно предчувствовал и от которого, остается предположить, он хотел меня избавить, — за что я глубочайше ему благодарен. Мир праху его и вечная память!

В феврале 1921 г. барон выступил на столицу Монголии Ургу с целью с боем взять ее у китайцев для устройства в ней своей постоянной базы для действий в Монголии и для вылазок на Русскую землю. В китайский новый год, в феврале, к звукам хлопучек и к вспышкам фейерверков в честь наступающего нового года, щедро расточаемых китайцами с целью испугать небесного дракона и отогнать его от луны, которую он готов вот-вот пожрать, примешалась пулеметная стрельба и артиллерийский огонь Азиатской конной дивизии. Китайский гарнизон капитулировал, барон вступил в столицу и объявил ее своей базой.

В непрерывных походах по Монголии для очищения ее как от китайских войск, так и от просочившихся красных банд, собирая и всасывая в свою дивизию все белые отряды, отрядики и отдельные белые партии, выскакивавшие из Сибири от преследования большевиков, барон исколесил Монголию и объединил все находившееся на ее территории белое русское воинство. Двумя колоннами (одна под его командованием, другая — генерала Резухина) он повел наступление на Русскую землю в направлении г. Троицкосавска с целью отрезать Забайкалье от остальной Сибири. Потерпев крупное поражение, барон отступил внутрь Монголии.

Эта первая его неудача поколебала веру в него, вызвав разочарование в целях похода, а главное, до дивизии дошли сведения, что Дальневосточная армия прекратила борьбу на Русской земле и интернировалась в Китай. Переживая очень остро эти события, барон начал проявлять жестокость и разделяться с чинами дивизии хотя и по заслугам, но чрезвычайно свирепо. Расстрелы, сжигание на кострах, сидение в морозы голым на крыше, порка — все это вызвало озлобление, и среди офицеров стал назревать заговор об убийстве своего начальника.

Участилось дезертирство, доходившее до ухода целыми группами, но всех их кончали в степи буряты или монголы, имевшие на этот счет приказ барона — своего живого Будды. Об этом приказе никто из

убегавших не знал, и посему, удирая из дивизии, обрекали себя на смертную казнь.

Наконец, «офицерский» заговор назрел: генерал Резухин был убит офицерами единственно за то, что он был доялен по отношению к барону и являлся его заместителем. Несколько прямых покушений на барона не удалось, пока, наконец, его поймали и, связав по рукам и ногам, оставили на дороге, в виду приближавшейся колонны красных. Оставшаяся группа разделилась на две части, которые под командой своих старших начальников вышли в Маньчжурию: одна в Хайлар, другая на линию Южно-Маньчжурской железной дороги. Часть чинов этих групп осталась в Харбине, другая пробралась в Приморье, где еще продолжалась борьба с красными.

Завладев таким ценным призом, как генерал барон Унгерн, красные посадили его в клетку, поставили на железнодорожную платформу и возили напоказ по Забайкалью и Сибири, в генеральской форме и с Георгием на груди. В это время полковник Ким снарядил из Харбина корейцев на разведку о судьбе барона в Сибирь. Вернувшись, они рассказали, что в Новониколаевске в театре был устроен публичный суд над генералом. На суде, на котором в публике были эти корейцы, барон издевался над судьями и большевистской властью до тех пор, пока один из комиссаров подошел к генералу сзади и выстрелил ему в затылок.

В. Шайдунский

ОТДЕЛЬНАЯ АЗИАТСКАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ³⁶

После очень спокойного перехода в 40 суток Марсель—Шанхай мы вышли из Шанхая при приближающемся тайфуне, всегда зарождающемся около острова Гуам. Он принадлежит Соед. Штатам Сев. Америки, на нем большая военная база, и находится к юго-востоку от конечных южных островов Филиппинской группы, количество которых 7000. Тайфун движется в направлении Гонконга, где меняет свое дальнейшее движение: или идет на территорию Китая и там рассеивается, или на север, левым крылом задевая Шанхай, а правым Японию, и далее по морю, где-то там, далеко на севере, теряет свою силу.

Мы попали в тайфун второго направления и четверо суток до Владивостока исчерпали до конца все, что преподносит такой тайфун: представляли собой то подводную лодку, то дельфина с крутящимся винтом в воздухе, ложились на 43 градуса на борт, лазили на четве-

реньках по коридорам, испытывали на себе падение чемоданов и улавливали на столах в столовой блюда с едой, несмотря на наличие «скрипок» на столе. Но это все испытали только семь человек, в том числе и я, остальные представляли собой трупы, изредка падающие с коек на пол, переваливаясь от качки через пороги кают в коридоры. «Пенза», нацелившись на узкий проход, соединяющий море с гаванью Золотой Рог во Владивостоке, сильно качаясь на волнах, прошла его, и мы очутились в нашем Отечестве.

Поступили мы в распоряжение командующего войсками Приамурского военного округа Ген. шт. генерал-лейтенанта Розанова³⁷. Для офицеров была отведена гостиница, полностью освобожденная от прежних постояльцев, а нижним чинам — помещение в казармах. По приказу из Омска наша заграничная группа, по представлению генерал-лейтенанта Лохвицкого³⁸ (начальника 1-й Особой дивизии во Франции, ныне команд. 2-й Сибирской армией), направлялась в Омск для формирования Особой воинской части. Постепенно, по несколько офицеров и нижних чинов, мы стали разъезжаться, исключительно конвоируя поезд с особо важными грузами, направлявшиеся в Омск. Одним из таких поездов с вагоном 3-го класса для конвоя выехал и я, в составе: полковник Рытов, я и поручик-летчик со своей командой около 8—10 унтер-офицеров.

14 ноября, в день падения Омска, наш поезд прибыл на ст. Иннокентьевская — в 3 верстах западнее Иркутска — и дальше не пошел. В Иркутске был лишь пассажирский вокзал, так как местность, сжатая горами и рекой Ангарой, не позволяла устройства дополнительных служб. Через некоторое время мы получили предписание занять комнаты в управлении воинского начальника, куда постепенно стеклись и остальные чины нашей группы, находившейся в пути. К середине декабря собралось около 15 офицеров и приблизительно столько же подпрапорщиков. Мы стали ждать «у моря погоды». Неожиданно для нас вспыхнуло восстание эсеров в самом городе, никем не подавляемое. Ввиду того что полковник Рытов, попав в свой город, в нем растворился, старшим стал капитан Арцыбашев (Сербского фронта, георгиевский кавалер, кадровый офицер 104-го пехотного Устюжского полка, окончивший Чугуевское военное училище в 1910-м или в 1911 г.).

В Иркутске я обнаружил отсутствие ст. унтер-офицера Науменко. По наведенным справкам у унтер-офицеров, находившихся с нами, выяснилось, что на ст. Иннокентьевская он, почувствовав себя плохо, пошел в железнодорожную больницу, откуда не вернулся. В эти дни свирепствовала холера, и, встревожившись за его участь, я отправился на эту станцию, отыскал больницу, переполненную холер-

ными, лежащими не только на койках, но и вповалку на полу в холодных коридорах.

Отыскивая среди лежащих своего солдата, я услышал слабый призывный голос: «Ваше Высокоблагородие! Ваше Высокоблагородие!» Ни по голосу, ни по внешности я не мог узнать Науменко и только по его отрывочным словам я наконец убедился, что это он. Наняв розвальни и взвалив его на себя, перенес в сани, и мы поехали в Иркутск. Приехав в управление воинского начальника, я решительно потребовал поместить его в госпиталь.

Науменко стал быстро поправляться, но к нашему «бегству» из города он был еще слаб и не мог присоединиться к нам. Мы простились, и он обещал, что по выздоровлении найдет меня где-то... на Востоке. Живя уже в Харбине, он вдруг явился ко мне — встреча была обоюдно радостной. С тремя солдатами он устроился на работу на концессию на западной линии КВЖД, в районе Хингана. Однажды ночью хунхузы напали на них и всех вырезали. Царствие Небесное верному солдату Императорской армии и честному русскому человеку!

В эти тревожные дни из Читы подошел к Иркутску Отряд генерала Скипетрова³⁹ (выпуска 1904 г. из Виленского воен. училища, кавалер ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, 170 пех. Молодечненского полка), высланный генералом атаманом Семеновым для спасения Верховного правителя. В этот-то отряд мы решили «драпать» из города и впервые принять участие в огне на родной земле. Ночью, вооружившись всем, чем только могли, из одного беспризорного склада оружия, вопреки приказанию коменданта города генерал-майора Сычева⁴⁰ (амурского казака, перешедшего в Китае на службу к большевикам) никому не выходить из города, наш маленький «французский» отряд со случайно присоединившимися к нам несколькими офицерами разных частей прорвали оцепление Оренбургского военного училища и к полудню следующего дня свободно добрались до села Лиственичного (у выхода реки Ангары из озера Байкал на ее правом берегу). Со станции Байкал нам подали ледокол, и мы вступили в отряд. Все, что было в Иркутске, осталось во власти большевиков, быстро сменивших эсеров.

При подходе головных частей с броневыми поездами отряда генерала Скипетрова к Иркутску находившийся на станции генерал Жанен объявил этот район нейтральным, с угрозой открытия военных действий чешскими частями. Генерал Скипетров оттянул свои четыре бронепоезда под командой ротмистра Арчегова⁴¹ (14 драг. Малороссийского полка) на ст. Мысовая к востоку от всех туннелей и приступил к исполнению секретного приказа адмирала Колчака —

взрыву туннелей, дабы остановить бегство чешских эшелонов. Ровно в полдень чехи неожиданно напали на эшелоны отряда, вытянувшегося по разъездам железной дороги в районе туннелей, разоружили его и, заперев в тех же вагонах, приставили охрану из вооруженных рабочих Черемховских угольных копей и Иркутского железнодорожного депо. После 13 суток все чины отряда, под охраной японских солдат, в этих же составах были привезены в Читу.

По прибытии в Читу мы — офицеры — стали обивать пороги всевозможных штабов, прося, как нищие, милости, о приеме нас, кадровых и боевых офицеров, на службу. Не достигнув результатов, мы стали действовать поодиночке и каждый «по способности». Однажды я вошел в штаб Походного атамана (с отчаяния — к казакам) и подпер стенку в коридоре, рассматривая окружающее и соображая, в какую дверь постучаться.

На меня наконец обратил внимание проходивший генерал-майор и спросил: «Капитан, что Вы здесь делаете?» Я ответил: «Пришел наниматься, Ваше Превосходительство!» Он что-то удивленно промычал, пригласил в свой кабинет и стал расспрашивать обо мне. Когда он, видимо, удовлетворился полученными сведениями обо мне и мысленно составил аттестацию, сказал: «Я — генерал Акцинов⁴², представитель барона Унгерна при атамане, хотите к нему?» — «Хочу». — «А Вы что-нибудь уже слышали о нем?» — «Слышал и думаю, что как раз мне, как кадровому офицеру, и подобает быть у него». — «Приходите завтра получить предписание. К барону также едет подполковник князь Вяземский, получивший назначение помощником командира по строевой части 1-го конного полка». — «Покорно благодарю, Ваше Превосходительство, но должен напомнить, что я пехотный офицер». — «Ничего, важно Ваше желание служить у барона».

Много в этот день я услышал о бароне, когда стал специально собирать о нем сведения у офицеров и заснул с большой тревогой на сердце: «Что день грядущий мне готовит?» — в обстановке гражданской войны, в далекой холодной Сибири, в каком-то карикатурном внешнем обличии всех и всего, моей будущей службе в кавалерии (я знал только, что команды подаются не отрывисто, как в пехоте, а протяжно, дабы дошли до ума лошади, через сидящего на ней всадника), и все это покрывалось с «гаком» — личностью барона. Господи, благослови! И Господь услышал меня, благословил и направил.

Приехал я в Даурию в начале февраля 1920 г., явился в штаб дивизии, с некоторым трепетом вошел в кабинет барона и рапортовал ему о прибытии. Я встретился с пронизавшим меня до пят взглядом сильных глаз, который я выдержал, и сам упорно смотрел ему в глаза —

этот долгий и молчаливый поединок решил на все будущее время мою судьбу. Я приобрел полное доверие у барона, не один раз доказавшего это на деле, особенно в одном, весьма тяжелом боевом положении на границе Монголии. Он приказал мне принять учебную сотню формируемого конного отряда, впоследствии переименованного в Конный полк.

Даурия стала опорным пунктом между Читой и Китаем, и дивизия несла охрану длинного участка железной дороги от ст. Оловянная включительно до ст. Маньчжурия включительно. Состав дивизии: Комендантский эскадрон в 120 шашек, 3 конных полка, Бурятский конный полк, 2 конные батареи и Корейский пеший батальон. Дивизия была весьма дисциплинированная, одета и обута строго по форме (защитные рубахи и синие шаровары), офицеры, всадники и конский состав довольствовались в изобилии, жалованье получали в российской золотой монете, выплачиваемое аккуратно. Всем служащим и рабочим линии железной дороги Оловянная—Маньчжурия жалованье, также золотом, выплачивалось бароном. Ежедневно выдавалось по одной пачке русских папирос и спичек. Если попадался пьяный, расстреливался немедленно, не дожидаясь вытрезвления. А кто подавал рапорт или докладную о разрешении вступить в законный брак, отправлялся на гауптвахту до получения просьбы о возвращении рапорта. Питался барон бараниной, пил самый лучший китайский чай и ничего другого не пил и не курил. Женат был на китайской принцессе, европейски образованной (оба владели английским языком), из рода Чжанкуй, родственник которой, генерал, был командиром китайских войск западного участка КВЖД от Забайкалья до Хингана, в силу чего дивизия всегда базировалась на Маньчжурию. Он свободно говорил также на монгольском и бурятском языках.

Родные однокашники! — вышедшие в артиллерию, в саперы, в понтонеры или те, кто потом перевелся в конную пограничную стражу, — вспоминаете, как вам приходилось тяжеленько? Ну а мне еще тяжелее: состав офицеров — разношерстный, кадровый я один, всадники совсем не те солдаты, которых я знал в мирное время и в Великую войну, условия службы весьма тяжелые и над всем этим — барон, к которому все питают лишь одно чувство — страх, ибо он пользуется неограниченной властью над жизнями своих подчиненных и всех тех, кто появляется на подвластной ему территории. Пришлось мне взяться за изучение кавалерийской службы, в чем очень помог младший офицер одной из сотен, в прошлом подпрапорщик 3-го драгунского Новороссийского полка.

Через месяц барон назначил меня помощником командира по строевой части — стало легче, но пришлось взяться за офицерский состав. Из Даурии, имея сеть разведок по всему округу, барон производил

налеты на красные станицы и поселки, улавливая партизанские красные банды среди сопок Забайкалья. 1-й полк дивизии стоял в буддийском монастыре у ст. Оловянная, охраняя большой железнодорожный мост через реку Онон и оседывая разветвление дорог. Однажды ночью красные партизаны напали на монастырь и застали полк врасплох, который понес большие потери. Поездами (составы всегда были готовыми к отходу на путях станции) были переброшены две сотни из моего полка и комендантский эскадрон. Красных мы нагнали и имели успешный бой, после чего вернулись на ст. Оловянная и с 1-м полком погрузились в эшелоны для следования в Даурию, оставив на охране бронепоезд.

На путях стоял длинный эшелон из вагонов 1-го класса и международного общества, задержанный бароном до отправки своих частей. Наблюдая за жизнью в вагонах, из которых никто не выходил, зная, что барон поблизости, я стоял на перроне. Ко мне подошел барон и спросил: «Шайдицкий, стрихнин есть?» (Всех офицеров он называл исключительно по фамилии, никогда не присоединяя чина.) — «Никак нет, Ваше Превосходительство!» — «Жаль, надо всех их отравить». В эшелоне ехали высокие чины разных ведомств с семьями из Омска прямо за границу.

По возвращении в Даурию барон назначил меня командиром полка (март месяц), а прежний уехал в Маньчжурию. Военный городок Даурия у самой станции представлял большое количество прекрасных трехэтажных кирпичных казарм, здания офицерских квартир, церковь, конюшни и пр. и пр. Во время Великой войны здесь помещались военнопленные турки, частично оставшиеся еще при мне, и я имел вестовым симпатичного турка, варившего мне кофе. Наша дивизия занимала весь городок, только в артиллерийских мастерских шла интенсивная работа для всей артиллерии. Остальные казармы были заколочены. Четыре казармы на углах были превращены в форты, все окна и двери замурованы, а в верхнем этаже и на крыше установлены пулеметы, большое количество гранат, патронов, одна пушка и прожектор на форт. Гарнизон не покидал своего форта, сообщение с землей было по лестнице, спускаемой с крыши. Одновременно с назначением командиром полка барон назначил меня еще и начальником обороны Даурии. На таких ответственных должностях, имея единственным начальником над собой барона, принимая участие также и в налетах на красных партизан, если в экспедицию уходил мой полк полностью, я непрерывно был в общении с моими всадниками и гарнизоном фортов. Часто по ночам, как всегда я делал в мирное время в Ярославском полку, навещал казармы, беседовал с неспавшими солда-

тами и этим устанавливал искренние и доверчивые отношения между мной и ими, что на деле и будет доказано в критическую ночь на фронте. Ежедневно я обходил форты и развлекался с солдатами улавливанием в сферу света прожектора тарбаганов, кои лучом света прожектора загнипотизировывались, поворачиваясь мордой к источнику света, и замирали.

Как-то, съездив в Читу, чтобы встретиться с моими «французами», осевшими там, по возвращении моем при представлении барону он спросил, что видно и слышно в столице. Без задней мысли я сказал: «Моя правая рука до сих пор болит от отдания чести множеству капеллевским штаб-офицерам». (За переход через Байкал участников Ледяного похода произвели в большинстве случаев, дав два чина.) При моем уходе барон приказал мне тотчас же самому написать представление в чин подполковника и сдать в канцелярию дивизии. Представление на самого себя я быстро составил, так как все приказы и даты еще сохранились в памяти. Имея большое старшинство за ранения в чине капитана по Высочайшему приказу, я применил все приказы по военному ведомству о льготных производствах за пребывание на фронте, что имел в запасе для производства в подполковники, также со значительным старшинством в этом чине. Как оказалось позже, барон прибавил: «С зачислением по армейской кавалерии» и представил меня в чин полковника за отличие по службе и по занимаемой должности. Но не так быстро я все это получил и продолжал командовать полком в чине капитана, имея в своем полку помощниками по строевой и хозяйственной части подполковников.

Отдельная Азиатская конная дивизия, строго говоря, не имела штаба дивизии, ибо нельзя же называть штабом сумму следующих должностных чинов: барон, казначей — прапорщик, комендант станции — поручик, интендант — полковник со своим большим управлением, его два ординарца — офицеры и генерал-майор императорского производства, окончивший Военно-юридическую академию, представлявший из себя военно-судебную часть штаба дивизии в единственном числе и существующий специально для оформления расстрелов всех уличенных в симпатии к большевикам, лиц, увозящих казенное имущество и казенные суммы денег под видом своей собственности, драпающих дезертиров, всякого толка «сицилистов» — все они от той массы, которой удалось благополучно проскочить через Даурию, — навещающую ужас уже от Омска на всех тех, кто мыслями и сердцем не воспринимал чистоту Белой идеи. Расстрелы производились исключительно всадниками комендантского эскадрона под командой офицеров эскадрона по приказанию командира этого эскадрона — подполковника Лауренса

(кадрового офицера Приморского драгунского полка), который, в свою очередь, получал на это личное приказание барона.

Однажды вошел ко мне лихой всадник комендантского управления и доложил: «Ваше Высокоблагородие, так что барон требует». Явившись к нему, я услышал нечто необычное, впервые ввергшее меня в волнение: «Уничтожить поезд и всех, кто в нем» — это смысл приказа барона, который всегда отдавал очень коротко, предоставляя подчиненным начальникам понять приказ и проявить инициативу в действиях, и не терпел, если спрашивали разъяснений, но на этот раз, отдав меня своим острым взглядом, дал и объяснение: «Завтра из Читы будет проходить поезд генерала Жанена в Маньчжурию», а также и детали: «Форт у восточного семафора снабдить максимумом оружия и патронов, от меня две сотни пешими, цепью разместить по выемке железнодорожного полотна, а одну мою сотню в конном строю держать укрыто. Мне быть на форту». Полотно железной дороги у восточного семафора, выходя из выемки, делает крутой поворот влево на насыпь, и в этом месте должны были быть вынуты все гайки из стыков рельс. Выйдя из штаба дивизии, я направился к месту завтрашнего «действия», подробно осмотрел местность, наметил расположение цепей и конного резерва, а главное, избрал район «месива» и соответственно с ним высоту прицела и точку прицеливания. Не знаю, получили ли приказы о сем другие начальники частей дивизии, или так никто из них никогда не узнал о полученном мною приказании — в нашей дивизии языком не болтали. На следующий день, перед тем как я собирался вызвать к себе командиров сотен, начальник дивизии впервые отменил свой приказ — атаман Семенов по прямому проводу умолил барона не совершать этого акта мести. Вскоре барон отомстил за это атаману при моем невольном участии.

В июне Дальневосточная армия с Азиатской дивизией широким фронтом повела наступление против красных частей и партизан, прижимая их к «Стрелке» на северо-восток, в угол, образуемый рекой Амуром и китайской границей. Наступление не удалось — красные прорвались обратно, и армия вернулась в исходное положение.

Азиатская конная дивизия в полном составе, оставив в Даурии лишь неспособных к походу для охраны имущества, была переброшена на ст. Борзя, откуда в составе всей армии приняла участие в генеральном наступлении. Сразу же дивизия вступила в упорный бой с красными частями. Корейский пеший батальон, ведя стремительное наступление под командой своего доблестного командира подполковника Ник. Фед. Кима (кадровый офицер Сибирского стрелкового полка, православный, окончил Иркутское военное училище в 1912 г.), захватил станицу, но был в

ней окружен. Конными частями дивизии красные были отброшены и остатки батальона освобождены, но дальнейшее свое существование, из-за громадных потерь, батальон прекратил, и оставшиеся чины его отпущены по домам. Подполковник Ким, оставшись невредимым, получил назначение от барона в Харбин. Сбив первое препятствие, дивизия продолжала уже без боев поход, имея лишь мелкие стычки в своих разъездах.

Однажды на походе меня вызвал барон и приказал с полком форсированным маршем отправиться в Даурию и, собрав там все остатки дивизии, защищать военный городок от попытки взятия его каппелевцами, причем показал мне письмо атамана Семенова, только что им полученное, в котором он приказывает не допускать никого в Даурию. Я доложил, что моя 1-я сотня — лучшая из сотен, вся из европейских солдат и с прекрасным офицерским составом — находится в дальних разъездах. Он приказал выступать без нее и бросил: «Действуйте энергично». — «Слушаюсь!» И с тяжелым сердцем с тремя сотнями я выступил в Даурию.

Прибыл вовремя, когда только что подошел эшелон с 8-м Камским адмирала Колчака полком и двумя бронепоездами: один из них с экипажем из каппелевцев — «Всадник», другой старый атамановский — «Забайкалец», на котором начальниками пулеметного и артиллерийского вагонов были мои друзья по Франции, — немного отлегло. Я послал своего адъютанта передать командиру полка, что в Даурии есть начальник гарнизона — я, назначенный бароном. О приказе атамана барону я, естественно, не имел права никому объявлять. Явился ко мне командир полка и на основании приказа командующего армией предложил мне сдать ему Даурию и войти в подчинение — я отказал, ссылаясь на устные инструкции начальника дивизии.

Начали бесплодные переговоры между нами: он из эшелона, я из своего штаба, предупредив его, что запрещаю выход из эшелонов даже отдельным людям. Из бронепоезда «Забайкалец» пришли мои друзья, предупредившие, что их бронепоезд будет нейтральным, а в случае необходимости станет на мою сторону. Мобилизовав на месте все, что можно, подкрепив форты, я в конном строю и с песнями прошел на виду камцев. Создалось весьма тревожное настроение, и запахло возможностью открытия военных действий. Неожиданно меня — по моей фамилии — вызвали к прямому проводу штаба армии. От командующего армией генерала Лохвицкого ротмистр Жадвойн⁴³, офицер штаба (мы хорошо были знакомы во Франции), передал мне приказ сдать Даурию командиру Камского полка, — я отказал, ссылаясь на приказ моего непосредственного начальника, к которому предложил обратиться с данным приказом.

Так продолжалось дня два. Как-то ночью от меня перебежал в эшелон капитан Смирнов, начальник части пулеметной команды, бывшей со мной; я потребовал от камцев выдать мне дезертира, в чем получил отказ. По прямому проводу из штаба армии мне сообщили, что отдан приказ командиру Камского полка взять Даурию огнем, крыв боевые действия в такой-то час, а неофициально просьба генерала Лохвицкого ко мне, как к своему в прошлом офицеру и знакомому по дому во Франции, подчиниться приказу. Зная хорошо барона, я не мог нарушить его приказа, и в особенности исполнить другой приказ, противоречивший данному им. После долгого раздумья я обещал генералу Лохвицкому через двое суток (кажется, так) уйти из Даурии, и чтобы камцы до моего ухода не выходили из вагонов. Мое условие было принято.

За эти дни я беспрерывно посылал донесения барону, которые доставляли верхами буряты, и я ожидал от него распоряжений. Вызвав от нашего коменданта ст. Маньчжурия генерал-майора Казачихина⁴⁴ железнодорожные составы, я погрузил свой отряд, забрал обмундирование и обувь из складов, снаряды для пушек, сахар, табак, чай из нашего интендантства, попросил коменданта ст. Маньчжурия о высылке на ст. Мациевская (1-я от китайской границы на русской земле) перевозочных средств, уехал из Даурии и выгрузился на Мациевской. Перед своим отъездом я написал подробный рапорт главнокомандующему, атаману Семенову, и командировал жену одного из офицеров с моим вестовым для вручения пакета лично атаману, что ею и было исполнено.

Первую дневку я сделал в ст. Абагайтуй, где гарнизоном стояла японская рота. Завязав дружбу с японским самураем, я оставил ему на попечение весь свой груз, а сам с отрядом налегке отправился на присоединение к дивизии. На следующей ночевке я получил ответ от барона на мои рапорты: прибыл подполковник Лауренс с одним из личных ординарцев барона, комендантский эскадрон и 2-я батарея. Признаться, душа ушла в пятки... и я приготовился к контратаке. Но вышло все наоборот: Лауренс передал мне благодарность барона (редчайшая штука от него) и сказал, что возглавляет ныне соединенный отряд и что по приказанию барона он будет брать Даурию с боем.

Мы выступили, и, находясь на разъезде, что в 3 верстах от нашего города, был выслан офицерский разъезд осветить обстановку в сторону Читы. Воинские эшелоны и бронепоезда вошли в Даурию, где я увидел генерал-майора Дашкевича-Горбатского⁴⁵ и ген. шт. полковника Канабеева⁴⁶. Начальнику разъезда генерал заявил: «Я прибыл сюда по приказанию атамана для ликвидации инцидента. Каппелевцы ушли,

а вас прошу войти». Мы прошли церемониалом мимо генерала; по моему настоянию я с полковником Канабеевым осмотрели состояние фортов, а вечером в собрании приветствовали миссию ужином с песнями.

Через несколько дней, по сведениям от бурят, красные партизаны появились недалеко от нас, в силу чего я непрерывно находился на северном форту и выслал усиленные разъезды. Под утро один из разъездов донес мне, что подходит колонна дивизии с самим бароном. Так как вечером, по диспетчеру из Читы, мне дали знать, что атамановский поезд с броневиками идет в Маньчжурию, я приготовил одну сотню в пешем строю, для почетного караула на наш вокзал, к проходу поезда ранним утром. К назначенному времени сотня выстроилась и я с подполковником Лауренсом при подходе поезда стали на правый фланг. Командир сотни подал команду для встречи, и в это время на перроне верхом на Машке (дивная верховая лошадь, светло-серой масти — подарок атамана) появился барон. Отдав приказание убрать бегом сотню и нам самим скрыться, он спрыгнул с лошади, крикнул коменданту станции, чтобы поезд не останавливался, и вскочил в вагон атамана. Через несколько часов атаман возвратился обратно — он отвозил даму сердца, цыганку Машу, и простился с ней окончательно. Выскочивший из поезда барон подошел к Лауренсу и ко мне и, всматриваясь в мои глаза, сказал только: «Спасибо, Шайдицкий!»

В июле японское командование заявило об эвакуации ими Забайкалья в месячный срок. Русское командование учло, что с уходом 5-й японской дивизии нельзя будет удерживать территорию в тех границах, которые существовали при японцах, а посему решило всю армию сосредоточить к востоку от реки Онон, с тем чтобы, базируясь на Маньчжурию, удержать за собой юго-восточную часть Забайкалья, имея сильный арьергард в Чите и вывезя из нее все склады. Барон не пожелал подчиниться этому приказу и объявил об уходе своей дивизии в Монголию с целью объединить и присоединить к себе разрозненные части отрядов атаманов Дутова и Анненкова, генерала Бакича и всевозможных белых партизанских партий. Даурия передавалась в распоряжение армии, и первыми вошли эшелоны Читинского военного училища с вагоном золота. Это золото при оставлении русской территории атаман раздал войсковым частям, сообразуясь со списочным составом каждой части.

Должность начальника укрепленного района я сдал генерал-майору Тирбаху⁴⁷ и попросил у барона отпуск на несколько дней в Читу. В это время начались признаки дезертирства из дивизии, идущей куда-то в неизвестность, когда вся армия собирается в кулак и ждет пере-

мирия с большевиками. Исчезло и некоторое количество офицеров, и моя просьба об отпуске была очень рискованной; при малейшем намеке, что я ищущу прямого способа оставить дивизию (а не тайком исчезнуть), могло бы печально кончиться для меня. Но возникла еще большая опасность, когда на его вопрос «зачем» я сказал: «Ваше Превосходительство, я очень не хорошо чувствую себя, что генерал Лохвицкий может неправильно понять мои действия, и я хочу объяснить ему законность моих действий, дабы сохранить наши отношения — для меня это важно». Как и впервые встретившись в феврале, так и сейчас в августе, мы долго смотрели в глаза друг другу. «Хорошо, через пять суток быть здесь». — «Слушаюсь, покорно благодарю, Ваше Превосходительство».

Вернулся я в срок, но дивизии уже не застал. Только барон один знал, что дивизия выступит на рассвете следующего дня, в канун которого я был у него. Барон был у себя. Я представился, он подвел меня к окну, указал на далеком горизонте одинокую сопку на границе с Монголией и сказал: «По компасу на продолжение створа. Я оставил для Вас конвой в один взвод с двумя пулеметами Шоша и при двух офицерах. Ваши лошади здесь. Увидимся в Акше». Я искренно поблагодарил и откланялся. Заноса ногу в стремя, я сделал последнюю затяжку папиросы, запас их дал вестовому и предложил господам офицерам последовать моему примеру, ибо в Монголии курить будет нечего и курящие будут мучиться. Через двое суток я нагнал дивизию на походе, шедшей под командой генерала Резухина — помощника барона, бывшего командира 1-го полка, вернувшегося после очень тяжелого ранения, полученного под Оловянной.

Прибыли в г. Акша — 4-й отдел Забайкальского казачьего войска. К границе Монголии, где были красные части, в поселок у брода реки Онон, в 35 верстах от Акши, был выделен в авангард один полк, сменявшийся еженедельно, и без смены 2-я батарея под командой капитана Дмитриева (из подпрапорщиков-артиллеристов мирного времени за боевые отличия). 1-й батареей командовал капитан Попов (кадровый офицер из артиллерийского училища). Дивизия отдыхала и занималась в ожидании приезда начальника дивизии. В дивизии находился японский эскадрон из добровольцев, который после взятия Урги исчез. Барон находился в Даурии, устанавливая снабжение дивизии и пути сообщения с Маньчжурией и устраивая там тыловые базы.

Подошла моя очередь сменить полк в поселке, где я и расположился. Красные части из-за Яблонового хребта начали действовать в нашем районе. Разъезды и внутренние караулы были от одной и той же сотни, несущей службу посуточно. Лошади полка и батареи были на

островке, посредине реки на пастбище. 1-я сотня состояла из солдат Сибирской армии, 2-я и 3-я — из иногороднего сословия Забайкалья, и их села были по ту сторону Яблонового хребта. 4-я сотня — смешанная с выючными пулеметами.

Однажды на рассвете меня разбудил дежурный офицер по поселку и доложил, что 2-я и 3-я сотни ушли за Онон к большевикам. Подняв тревогу и приказав выставить охранение от 1-й сотни, я установил, что 2-я и 3-я сотни решили отправиться домой «по-хорошему», для чего они тайно постановили: уйти во время несения службы 2-й сотни, вахмистр которой был энергичный. Офицеров полка не трогать, а до ухода сотен держать под караулом и в случае, если они захотят вырваться, просить их не делать этого до снятия караулов у хат; офицерских и заводных лошадей не брать, кроме личного оружия, взять только легкие пулеметы Шоша, по одному на взвод.

По следам на земле обнаружилось их направление и каким строем они шли: по «три», т. е. тем строем, который был запрещен в нашей дивизии. Мне оставалось лишь одно: послать донесение генералу Резухину, по приказанию которого в тот же день я был сменил другим полком. В длинной беседе с истинным офицером и прекрасным человеком, генералом Резухиным, мы коснулись всех вопросов, недоговаривая лишь о конце всей этой истории для меня лично: расстрел казался неизбежным, и я приготовился к расставанию с жизнью, но дорогой ценой. Офицеры 1-й сотни горячо просили меня дать согласие на их план: вместе со всей сотней «драпануть» в Дальневосточную армию, расположившуюся по первоначальному плану и заключившую с большевиками договор о перемирии на станции Хадак-Булак. Я решительно и резко ответил отказом.

В один из вечеров раздался звон колокольчиков: барон приехал и остановился у генерала Резухина. Жутко вспоминать мое тогдашнее состояние. После полуночи явился от барона всадник комендантского эскадрона, требовавшего меня к себе. С этой минуты я весь напрягся, собрал все свое самообладание, постарался успокоить нервы, перекрестился и вышел из дома на улицу. Впереди шел всадник, но вел меня не к дому генерала Резухина, а в другом направлении. Я «водил вокруг себя глазами и ушами», прислушиваясь в полной тишине и темноте в станице к малейшему шуму, отстегнув кобуру револьвера, переместив ее по поясу к животу, чтобы быстрее вынуть, и даже немного вынул клинок шашки из ножен, как полагается это делать по предварительной команде «шашки вон».

Всадник вошел в дверь дома, и, всматриваясь по сторонам улицы, я вошел за ним, но она оказалась дверью на балкон, идущий вдоль

всего дома со стороны сада, дверь же в дом находилась в конце. Вошел в коридор — темно, всадник открыл другую дверь, и, войдя в нее, я оказался в комнате; дверь за мной закрылась, всадник остался по ту сторону. Я увидел барона, рапортовал ему о приходе и, быстро осмотрев комнату, стал вплотную к стене, подальше от дверей и окон. Сидя на стуле с ногами (обычная его поза), он пил чай (тоже обычный напиток) и, быстро окинув меня стальным взглядом, сказал: «Раскажитесь». Ему нужно было всегда говорить коротко и ясно, и я в кратких словах доложил, будучи уверенным, что он все детали уже знает от генерала Резухина. «Сколько вы истратили?» — «165 рублей на подбивку подошв к сапогам всадников».

Перед выходом из Даурии в Монголию барон раздал пять мешков с золотыми русскими монетами, каждый в сумму 10 000 рублей, трем командирам полков и двум командирам батарей на расходы по усмотрению начальников частей. Жалованье выплачивалось, как и раньше, дивизионным казначеем по расчету: командир полка и батареи — 40 зол. руб., помощники — 35, командиры сотен — 30, младшие офицеры — 25, все унтер-офицеры — 15, всадники — 15 на двух. Деньги командирам были выданы без расписок, документов в расходовании их не требовалось — все строилось бароном на этике офицера. На мой ответ барон вспыхнул: «Вот оттого и сбежали у Вас, что Вы не «завели» людей, которым надо было платить, и Вы бы все знали, что делается».

На это уже я вспыхнул и сказал: «Ваше Превосходительство, я кадровый офицер и не могу подкупать своего солдата»: Наступило молчание, барон встал и стал ходить по комнате. Висячая лампа стала качаться, я вдавился еще больше в стену и следил за каждым его жестом, вслушиваясь в тишину, царившую в доме и за домом. Вот-вот, мне казалось, войдут всадники комендантского эскадрона и меня схватят. Барон остановился передо мной почти вплотную, моя рука невольно потянулась к револьверу, он, видимо, понял мой жест, а может быть, мне показалось, что он заметил это (возможно, что сейчас мне это причудилось при воспоминании), но он быстро отошел от меня, сел на стул в своей позе и сказал: «Передайте 1-ю сотню Цыркулинскому, 4-ю разделите (между полками — так я понял)». — «Слушаюсь, куда прикажете передать обоз?» — «Тоже ему». — «Ваше Превосходительство, зачислите меня в какую-либо часть хоть всадником». — «Чего вы каетесь, я не Богородица, отправляйтесь к Цыркулинскому». Не получая разъяснения, я спрашиваю: «В качестве кого?» — «Советником». Решив до конца все выяснить, я еще задал вопрос: «Ваше Превосходительство, куда назначаете моего помощника по строевой

части подполковника Кузнецова и адъютанта штабс-капитана Бенерадского?» — «Оставьте при себе».

Только теперь я почувствовал, как я был нервно напряжен, и от истраченной энергии и воли я почувствовал, что стал «обмокать» — почувствовал большую усталость. Спросил, могу ли уйти, и, получив разрешение, все же с осторожностью вышел на улицу и... ахнул. У самых дверей стоял командир 1-й сотни поручик Плясунов, около него я увидел своего вестового с моим конем, а вдоль заборов и домов по обе стороны улицы вся сотня на седлах. Оказалось, что вслед за мной подошла вся сотня к дому барона на случай, если со мной что-либо случится. Этот случай, конечно, не мог не дойти до барона, но он не давал повода думать иначе.

Барон решил поймать моих беглецов и вместе с сим ликвидировать красный отряд комиссара Рая, преграждавшего наш путь в Монголию. Барон с 1-м полком; комендантским и японским эскадронами и с двумя батареями повел наступление в лоб на станицу Киру, находившуюся за рекой в предгорьях хребта, а 2-й полк Цыркулинского с моей 1-й сотней пустил через малый хребет в обход станицы. С Цыркулинским у меня всегда были прекрасные отношения (войсковой старшина Оренбургского казачьего войска), и в этой операции мы дружно дополнили один другого. Перейдя хребет по тропочкам, спустились к речке, сидя в седлах, под сильным огнем красных переправились через нее и захватили с боя станицу, взяв много пленных. Благодаря нашему маневру открылась дорога и барону. Въехав в станицу, он приказал ликвидировать пленных, сам с комендантским эскадроном помчался догонять моих дезертиров, но не достиг — они уже перешли главный хребет.

В Кире мы остановились на продолжительный отдых. Барон отдал приказ: по усмотрению командиров частей уволить тех офицеров и всадников, которые не смогут по физическому своему состоянию продолжать поход в Монголию, не испрашивая его утверждения; я уволил от службы одного поручика, весьма слабого здоровьем. Однажды барон вызвал меня и сказал ошеломившую меня новость: «Назначаю вас моим представителем при атамане, отправляйтесь, передайте ему привет и будьте в его распоряжении. Пришлите мне всех ваших «французов», они нужны здесь». Поблагодарив, я спросил, куда назначают Кузнецов и Бенерадский, на что получил ответ: «Возьмите с собой и делайте что хотите». Перед отъездом я собрал офицеров своего и 2-го Конного полков и устроил ужин, чтобы их слить между собой и распрощаться со всеми.

При прощании с бароном он на клочке бумаги (как всегда это делал) написал мне сумму в золоте, какую должен был выплатить мне

казначей дивизии (какую — не могу вспомнить, но крупную), и, увидев у меня цейссовский бинокль, полученный мною в училище при производстве в офицеры, сказал: «Он не нужен вам больше, дайте мне», и я ему преподнес. Он взял другой клочок бумаги, написал на ней 300 000 рублей золотом (других денег у нас не было), и, несмотря на мой отказ взять эту бумажку, так как я делаю ему подарок, он сказал: «Я подарков не принимаю».

В октябре с тремя своими офицерами я прибыл на ст. Даурия в тот день, когда атаман прилетел на аэроплане из Читы, после ее оставления нашими войсками, ввиду взятия красными станции Карымская и уничтожения на ней нами же своих броневых поездов. Войска же кружным путем через Монголию присоединились к армии. На следующий день я представился атаману, крайне удивленному моему капитанскому чину: я доложил о представлении меня начальником дивизии, и атаман приказал тотчас же отыскать и дать ему на подпись. Получив два приказа о производстве — в подполковники с большим старшинством и с зачислением по армейской кавалерии и в полковники за отличие по службе и с утверждением в должности командира полка, на следующий день я надел полковничьи погоны.

Служба моя при атамане не выражалась ни в чем, я только ездил между Даурией и Харбином, и, когда решено было оставить русскую землю, я получил приказание поселиться в Харбине и не считать себя связанным никакими обязанностями. Офицеров, состоящих при мне, я уволил, выдав им соответствующие документы и денежную сумму, какую мог оторвать от себя, ибо на них я ничего не получил. Через несколько месяцев в Харбине меня отыскал генерал Иванов⁴⁸ — бывший жандармский офицер, находившийся в Дайрене в свите атамана, передал приказ главнокомандующего о моем увольнении в «чистую» и вручил 500 иен «в окончательный расчет». Служба моя в Белой армии закончилась.

С. Хитун⁴⁹

В ВОЕННОМ СУМБУРЕ⁵⁰

Вскоре после занятия Урги начальник автокоманды, полковник М. пришел на автомобильный двор и вызвал механика.

— Сандро, — сказал он, бледный, мигая встревоженными глазами, — барон приказал приготовить для поездки на север все имею-

щиеся в городе автомобили, и если хоть один из них не дойдет до конца путешествия, то он лично застрелит меня там же на месте.

Все молчали. Каждый из нас понял, какой смертельной опасности подвергался полковник. Из двух дюжин автомобилей, которые были захвачены в Урге, только одна треть их была на ходу, другие же были разобраны и служили запасными частями для ремонта. В общем же все автомобили были в механическом отношении ненадежны, в особенности для длинных перегонов на предательских монгольских дорогах — вернее, монгольском весеннем бездорожье...

После бессонной ночи и тяжелого труда к утру мы приготовили пять автомобилей годных и готовых для поездки.

Эти автомобили выстроились вдоль дома, где помешался штаб. Разогреваемые, гудящие моторы, громкие переключения шоферов с последними напоминаниями о том, что бы не забыть... Суетливые и немного неуклюжие, робкие монгольские князя в шелках и в своих тяжелых гутулах (сапоги с острыми носами кверху) занимали места в автомобилях, не забывая своих седел. Все это создавало атмосферу готовности, деятельности и планированного порядка.

Унгерн, по-видимому, был в хорошем настроении. Он стоял, высокий, худощавый, в белой папахе, в коротком монгольском бушлате с генеральскими погонами на широких плечах и Георгиевским крестом на груди и улыбался сквозь редкие рыжие усы своими тонкими губами, показывая передние торчащие зубы, слушая перебирающего свои длинные четки старика ламу. Очевидно, барон был доволен тем, что этот автомобильный отряд произвел впечатление на монгольских князей, взволнованных предстоящей поездкой.

С ревом моторов, так как глушителей не было, эта кавалькада из пяти автомобилей быстро промчалась по улицам города, пугая на своем пути лошадей, верблюдов, ослов и зазевавшихся пешеходов.

В поле, по бокам дороги, протоптанной верблюжьими караванами, еще лежал снег. Здесь и там, у самой дороги, лежали одиночные, парами и группами, трупы китайцев, большинство раздетых и без обуви. Это были убитые из арьергарда, защищавшего отступление китайцев из Урги.

Автомобиль с текущим радиатором стал кипеть, перегрелся и остановился в 30—35 верстах от Урги. Два монгола со своими седлами пересели в мой автомобиль. «Бьюик» Унгерна был следующим, который сдал. Он не смог взять крутую гору; его шофер-немец на больших оборотах мотора включал конус, автомобиль подавался рывком вперед на несколько футов, икал и глох... Другой, «додж», попробовал подтолкнуть его и сорвал себе заднюю полуось.

Лицо барона хмурилось и передергивалось, но он угрюмо молчал, сдерживаясь в присутствии монгольских князей, а может быть, шоферы своими честными попытками и тяжелой работой в преодолении ненормальных условий дороги убедили его в том, что виновных не было.

Немец взял мой «додж»; осененный счастливой мыслью, он повернул автомобиль и... задним ходом легко взобрался на вершину горы. Некоторые из монгол набились со своими седлами в два автомобиля и с бароном на переднем сиденье, со своим шофером-немцем укатили. Только три молодых князя с их седлами остались на макушке горы в ожидании лошадей. Мы же, три шофера в «бьюике» барона, повернули назад, в Ургу, таща на буксире «доджа» с сорванной полусью и с четвертым шофером за рулем.

В долине, в которой еще лежал снег, нам пришлось остановиться — у автомобиля на буксире спустила шина, и вдруг мы были ошеломлены и напуганы, когда кто-то выстрелил три-четыре раза в нас. Пули просвистели мимо, но мы спрятались за кузова автомобилей.

С дальнего косогора спускались в долину несколько всадников. Они остановились настороженно, а потом скрылись в соседнюю рошу, когда мы дали по ним залп из наших четырех винтовок. Мы не знали, кто были эти горцы — остатки ли китайских шаяк (гаминь) или заблудившийся патруль дивизии барона. Выяснить это было для нас опасно. Я сомневаюсь в том, что автомобильная шина могла быть сменена быстрее, чем эта, которую меняли мы — четыре шофера, подстегиваемые жужжанием пуль поверх наших голов... А затем задние колеса нашего «бьюика» подняли целое облако снежной пыли — так мы рванули с этого места домой.

Позже, вечером, когда мы сидели за обеденным столом в нашем бараке, явился немец. Платиновые контакты прерывателя в магнето забились медными стружками от плохо пригнанной крышки. Барон, потомок прибалтийских немцев, даже не рассердился на своего шофера-немца, когда ему пришлось пересест в последний оставшийся на ходу «форд». Немец только после часов подробного исследования причин остановки мотора смог вернуться домой. Мы даже рассмеялись, когда вскоре явился капитан Е-ф, его «фордянка» не могла закончить путешествие — мост был снесен разлившейся рекой, и последние 12 верст до фронта барон и монгольские князья проскакали верхом. Итак, не только один, но и все пять автомобилей не дошли до конца пробега, и... никто не был наказан.

Раза два по вызову и наряду штаба дивизии я возил Чин Ван Джембулвана, который занимал большой пост в монгольском правительстве

и в то же время был посредником между живым богом Богдо-Хутухта Геген и бароном. Я слышал, что в прошлом Джембулван (смесь бурята с монголом) был скотопромышленником около русской границы. Он бегло говорил по-русски.

Унгерн пригласил его к себе в дивизию, зная, что этот ловкий делец будет служить ему как носитель и как проповедник среди религиозных монгол новой идеи и плана барона о возвращении на монгольский трон Богдо-хана, в то время находившегося под домашним арестом по распоряжению китайских властей, оккупировавших Монголию. За это монголы должны будут помочь Унгерну образовать военную базу, откуда начнется поход против большевиков.

Очевидно, Джембулвану понравилось, как я его возил, потому что в приказе по автокоманде наряду с указанием об откомандировании автомобиля великому князю Чин Ван Джембулвану шофером был назначен я.

Юрта, в которой жил Джембулван, была поставлена на деревянном помосте с перилами. Она была покрыта белым войлоком и украшена разноцветными лентами. Внутри стены и пол были покрыты дорогами персидскими коврами. В середине юрты на полу, вместо обычного очага, стояла круглая кафельная печка; на низком резном столике помещались изображение Будды и другие религиозные реликвии; на двухспальной кровати лежала горка расшитых золотом подушек; на этажерке, украшенной яркими медными шарами, — граммофон.

Юрта, в которой я жил с сержантом его легкой охраны, была установлена на земле. Мы оба спали на железных кроватях. В юрте соседней с нашей помещалась охрана, денщики и наш повар-монгол. Автомобиль «додж», выпуска 1918 г., как я потом узнал, реквизированный у корейского доктора, стоял между юртами, на ночь закрытый войлоком.

Приготовление к поездке сопровождалось энергичной работой очень заинтересованных моих подручных монгол, выбранных и обученных мною из чинов стражи. Двое следили за шинами; норма — 150 раз качнуть каждую спустившую воздух шину ручным насосом. Один следил за уровнем бензина в баке и масла в моторе; следующий кипятил воду для радиатора, и, наконец, еще несколько энтузиастов полировали капот и кузов. Самому сильному приходилось крутить заводную ручку (самопуска не было). Этот силач крутил лихо, постоянно откидывая свою длинную косу, которая вот-вот наматывается на заводную ручку...

Я заводил мотор; непривязанные монгольские кони дрожали, поджимали зады и жались к юртам, дети разбегались. Выходил Джембулван, высокий, сутулый, сухощавый, с тонкими чертами красивого,

оливкового цвета, лица, одетый в брусничного цвета, шелковый, с длинными рукавами, халат, поверх которого была застегнута голубого шелка безрукавка. Его бархатная круглая шапочка с темно-красным шариком наверху была украшена тремя павлиньими перьями — это свидетельствовало о его титуле хана. Джембулван, не открывая дверки, заносил свою ногу в красного сафьяна ичиге через борт открытого автомобиля, плюхался на сиденье, и его «Пошел, паря» было сигналом к движению.

Главным визитом было посещение Богод-хана в одном из его трех дворцов, двухэтажных, деревянных домов, выкрашенных в зеленый, красный и белый цвета, в которых по очереди жил Богод, в зависимости от предсказаний лам.

Пока Джембулван совещался с Хутухтой, я допускался в нижний этаж дворца, где на полках были собраны нужные и ненужные предметы европейской культуры: граммофоны, пианино, химические аппараты, хирургические инструменты, коллекции часов, ружья, револьверы, пистолеты различных времен и конструкций. Из граммофонных пластинок мне был приказ от Джембулвана — брать только марши и польки.

Чтобы убить время, я слонялся по двору, заходил в гараж, где находились три автомобиля с воздушным охлаждением марки «Франклин» и один «Форд» с китайским паланкином вместо кузова; и когда мне было больше не о чем говорить с разодетым в шелка, но в европейских ботинках с крагами личным шофером Богод-хана, я шел в зверинец.

Чтобы дойти до клеток диких зверей, до белого слона и до белых, необычайной величины, дромадеров, надо было идти по деревянному тротуару. С двух сторон на меня бросались громадные псы. Они, все прикованные, стояли на задних ногах, поддерживаемые натянутыми цепями, из открытых пастей изрыгая страшный лай и пену. Оступиться на тротуаре было очень опасно.

Город Урга был окружен кучами отбросов. На эту свалку монголы выносили умерших. Собаки были священными санитарями: по ритуалу умерший должен быть съеден собаками, если он угоден богам. Собаки тысячами жили на этих кучах в диком состоянии. По ночам лай этой тысячи тысяч собак сливался в шум, подобный резкому воющему ветру во время морского прилива. Горе заблудившемуся пешеходу ночью на этой свалке. Самые крупные экземпляры этих собак-людоедов и были представлены в этом коридоре.

Довольно часто по дороге домой мы останавливались в деревянном бревенчатом доме купца-бурята. За чайный стол с самоваром приглашался и я. Джембулван «приглядывался» к пригожей молодой, «сдобной» дочери бурята. Мне говорили, что его эти «ухаживания» увенча-

лись успехом. У нашего автомобиля, за отсутствием батареи, огня не было. По вечерам Джембулван посещал бурятку на коне.

Я был доволен «новой страницей» моей жизни. Вместо вилки я подносил пищу ко рту палочками, вгрызался в только раз вскипяченную ножку барашка и отрезывал кусок от нее моим острым ножом как можно ближе к моим губам, пил зеленый чай с овечьим жиром и молоком яка, курил монгольский табак из длинной трубки и, кроме того, завел себе табакерку с нюхательным табаком с тем, чтобы предложить «понюшку» табака монголу-другу, который в свою очередь даст мне насладиться тем же из его табакерки.

Я научился приветствовать моих монгольских друзей, выставляя (протягивая) вперед мои руки ладонями кверху, на которые приветствуемый клал свои руки, если он чувствовал себя выше меня по своему положению. Но как бы верх вежливости — он мог подвести свои руки под мои, желая показать этим, что он признает мое превосходство над ним. И пока происходил процесс этого «рукоприложения», мы, промодулировав наши голоса в тонах самых дружественных, мягких и уважительных, говорили друг другу: «Сайхум байна!»

Здесь я научился любить монгол. Они, потомки Чингисхана, унаследовали характерные черты, только в обратном смысле их значения: вместо воинственных, грубых, жестоких победителей-деспотов — предков, они стали скромными, робкими, миролюбивыми, религиозными, часто эксплуатируемыми разными обманщиками и самозванцами.

* * *

Незадолго до коронации Унгерн приказал начальнику автокоманды приготовить автомобиль в виде подарка Богдо-хану. Этот подарок должен был быть выкрашен в священный для монголов желтый цвет.

Из немногих автомобилей команды был выбран четырехцилиндровый «шевролет» выпуска 1916 г., с коробкообразным кузовом и плоской крышей, а так как при работе его мотора муфточки клапанных толкателей звенели почти так же, как бубенчики, то автомобиль был назван нами «табакеркой с музыкой».

Опыта в покраске автомобилей ни у кого не было. Красили, подкрашивали, закрашивали все в команде, стараясь хоть немного подровнять грубые мазки кистей, которые упрямо не желали исчезать под покровом новых мазков. Но автомобиль стал желтым.

Чтобы предстоящая коронация Хутухты получила мировую огласку, Унгерн отправил застрявшего в Урге писателя Осендовского послом в Пекин, в иностранную миссию.

— Это мы с вами будем страдать, пересекая Гоби? — спросил меня тучный, с эспаньолкой и испуганными глазами, Осендовский. Но я ему сказал, что его повезет прапорщик Л. и что будет не страдание, а сплошное удовольствие. Они доехали до Харбина благополучно.

Успел ли этот польский профессор-писатель что-нибудь сделать в смысле международного соглашения об образовании Средне-Азиатской империи в Монголии — неизвестно. Вскоре он опубликовал свою книгу «Боги, люди и звери», в которой фантастически неправильно описал некоторых людей, принимавших участие в унгерновской эпопее.

Вторым гонимым за пределы Монголии к атаману Семенову был послан безногий генерал К-ий. Ему местный фельдшер в Кобдо ампутировал (пилой плотника) ступни отмороженных гангренозных ног. О его передвижении в сторону ст. Даурия и о его судьбе там мы ничего не знали.

До взятия Урги бароном Монголия была под протекторатом Китая. Правитель Монголии — живой бог, Хутухта, Богдо-Геген — был лишен трона и по приказанию генерал-губернатора Суй-Шу-Чанг находился под домашним арестом в его дворце.

Перед последней (третьей) атакой на Ургу барон послал гонцов в Тибет к далай-ламе, призывая его к священной войне для защиты Желтой Веры. В ответ ему прислали отряд, состоящий из 100 тургутов (воинственное племя). Во время последней атаки на Ургу этот же отряд выкрал Богдо-хана из его дворца и умчал в горы. В благодарность за его освобождение и взятие Урги Хутухта дал барону титул хана. Барон же в свою очередь, чтобы еще более склонить монгол на свою сторону, целью которой было образовать Средне-Азиатскую империю для борьбы с большевиками, провозгласил день коронации Богдо-хана и возвращение ему его отнятого трона.

В день коронации вся дивизия Унгерна растянулась от дворца Хутухты и до центра города, где возвышался храм Мардара с его 80-футовыми башнями, выстроенными в тибетском стиле, — там хранился трон Гегена.

Процессия открывалась ламами, которые шли парами и несли тугие свертки из леопардовых шкур, ими они отгоняли богомольцев, бросавшихся под ноги несущим паланкин с полуслепым, в темных очках, Богдо-ханом. За ними шли 12 пар телохранителей (гетуи) и 6 флейтистов. Замыкали шествие члены монгольского правительства, ламы и толпа. Войска взяли на караул. Оркестр играл монгольский гимн.

Барон, на белом коне, с золотой уздечкой, одетый в темно-красный шелковый монгольский халат, с Георгиевским крестом на груди и генерал-лейтенантскими погонами на плечах, произнес речь на монгольском языке, в которой он напоминал о бывшей славе монголов, потомков Чингисхана, и закончил ее заверением, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Бого-Гегена: Церемония коронации и горячее моление были произведены в храме Мардара.

Мне говорили, что этот религиозный экстаз колоссальной толпы, заполнившей храм и запрудившей все наружное пространство вокруг него, поддерживался священнослужителями-ламами, которых было 15 тысяч в одной Урге.

* * *

Ночью, когда мучительные переживания нашего унижительного ареста были особенно остры, я думал о бегстве... С крыши на крышу можно было пройти через весь город, так тесны были одноэтажные постройки в Урге. Но вспомнил судьбу бежавших «недовольных шестидесяти», зная, что белый беглец всегда будет выдан монголами, которые это сделают из благодарности Белому Хану — генералу Унгерну, освободившему их от китайцев и посадившему их живого бога Хутухту снова на монгольский престол.

Я лежал, накрывшись вонючей овчиной, глядел в беззвездное ночное небо, слушал унылый, протяжный и гулкий вой тысяч и тысяч собак и думал: когда же будет конец нашему наказанию? Прощал ли барон кого-нибудь когда-либо и оставлял ли провинившегося без наказания? Ну да, прощал. Я вспомнил поездку пяти автомобилей на фронт, под Кяхту, когда все пять «вышли из строя». Несмотря на угрозу Унгерна смертью Мит-у, если хоть один из пяти не дойдет, Мит-н жив и здоров и по сей день. Я передал это двум другим, с упованием и надеждой на скорое освобождение. Николаев угрюмо молчал. По каким-то причинам его семья больше не появлялась на тротуаре в переулке.

Степан (так звали фейерверкера) пожевал губами, почесался здесь и там, оглянулся в сторону двора, затем на храпевшего недалеко князя и, пододвинувшись вплотную к нам двоим, зашептал своим простуженным голосом, который сипел и шипел, как осенний ветер:

— Вы, братцы, новички в нашей Дикой дивизии. Я же попал в нее у города Акши, откуда начался захват Монголии бароном. Я участвовал во всех удачных и неудавшихся налетах, наступлениях, победах и поражениях. Я знаю, чем «дышит, живет и действует» отряд, его на-

чальники и сам барон. Но все же мне неоднократно было сказано, что я не подхожу «по духу» к Дикой дивизии... Как же это подойти? У барона его дивизия составлена из русских, татар, монгол, бурят, чехар, тунгутов и китайцев. Ими командуют свои офицеры, произведенные бароном из своих казаков, урядников, старшин. Для них его воля — закон. Японский отряд был подчинен японскому подполковнику Хирояма. Они ушли до взятия Урги, а чехарский отряд для связи был под командой русского еврея из Харбина В... Ну куда ж мне было подтачиваться в такую разношерстную, разноцветную «семью»?..

Обычно флегматичный Степан, вспоминая, оживился, и его шепот стал более беглым.

— Дважды в октябре мы бросались на Ургу и оба раза были отбиты. Китайский девятитысячный гарнизон Урги был отрезан тысячью верст от своей родной земли — Китая, и защита города была для него вопросом жизни или смерти. Он защищался яростно... После отступления барон увел свою дивизию в Тирильджу, где и зимовал в гольцах. Страшно вспомнить это время...

Степан замолчал, как будто собираясь с духом, чтобы передать нам об этом страшном времени.

— Правду надо сказать, что без вины никого никогда не наказывали. Но для виновных наказания были жестокими: порка ташурами, сидение на льду реки, и в то же время надо было поддерживать костер на берегу, сидение на крышах землянок без воды и пищи... 60 человек офицерского полка, недовольные Унгерном, бежали на восток... Беглецы проскакали два-три дня без преследования, так как их отсутствие было обнаружено только через двое суток случайно вернувшимся из госпиталя офицером, который нашел офицерские землянки пустыми. Унгерн послал сотню тунгутов в погоню. Коварные азиаты тунгуты знали, как ослабить и обезвредить безмятежно спавших беглецов: под покровом ночи они угнали всех офицерских лошадей. Два дня шла перестрелка, окончившаяся смертью всех шестидесяти недовольных офицеров... Поручика Ч., который травил ядом своих же раненых в санитарном поезде, чтобы после их смерти присвоить их деньги, барон приказал пороть три дня ташурами, а потом сжечь его живьем.

Степан замолк. Вдруг Николаев так затрясся, что с него сползла овечья шкура, я ее натягивал на него снова. Его зубы щелкали. Стал дрожать и я... Степан, заметив, как он смертельно нас напугал своим рассказом, молчал...

Рассветало. Николаев откатился от нас в сторону. Из-под овечьей шкуры были слышны его рыдания, постепенно перешедшие в всхли-

пывания и вздохи. Потом он стал недвижим, как мертвец... А я, от отчаяния и безграничного горя своего, готов был завывать так же, как выли тысячи собак на свалке города Урги...

Последующие несколько дней были без перемен. Изнуренные от нервного потрясения, холода и голода, выговорившись, мы покорились нашей судьбе и апатично ждали ее решения.

Шестой день начался каким-то необыкновенным движением и суеютой на улице внизу. Мы слышали шум автомобильных моторов, звуки катящихся колес, то ли пушек, то ли тяжелых фургонов, громкие голоса вестовых на скачущих галопом лошадях и ездовых, подгонявших своих, так характерно «клекающих» при беге рысью, верблюдов. Было ясно, что мимо прошел какой-то большой военный отряд, после чего стало так тихо, что до нас четко доносились временами визгливые нотки разговора китайцев внизу на кухне.

Этот день был богат новостями. В полдень во дворе послышалось цоканье копыт кованой лошади и, к моему удивлению и моей крайней радости, почти у самой крыши появилось лицо Джембулвана в его бархатной шапочке с павлиньими перьями. Сидя на своей рослой лошади, он оглядел меня печальным взглядом и вдруг обрадовал меня коротким приказом:

— Паря, поедешь за Гегеном-Хутухтой на Керулен!

Потом он повернулся к подошедшему справа к его лошади коменданту штаба, хорунжему Бур-у.

— Никто, — хорунжий грозил пальцем в воздухе, — никто не смеет отменить наказание, данное Дедушкой, кроме... кроме его самого, а он отправился сегодня с дивизией под Кяхту.

Джембулван повернулся ко мне, глаза его сузились.

— Слезай, паря! Я буду ответный!.. — И повернул своего скакуна так круто, что Бур-ий быстро прижался к стенке юрты.

Потом я бежал на непослушных ногах, задыхаясь от охватившей меня радости свободы — неопишуемой радости, радости, понятной только освобожденному узнику и которая вот уже в третий раз обласкала меня в моей молодой жизни (одиночное заключение в Таганской тюрьме в Москве в 1919 г., 104 дня в монгольской тюрьме в 1920—1921 гг. и арест на крыше в Урге — 1921 г.).

Потом, в нашем шоферском общежитии, я жадно хлебал горячие щи, слушая сочувствия других и новости в команде. Потом, в дымной, но уютной жаркой бане, смывал следы недельного пребывания на крыше и липучую вонь овчины.

На следующее утро я выехал из Урги. Со мной в автомобиле было двое лам и семифутовый монгол-цирик (солдат). Они все раньше ни-

когда не ездили в автомобиле — огненной телеге — и на всякий случай захватили с собой седла.

Наша цель поездки была встретить Гегена-Хутухту около монастыря на Керулуне и привезти его в долину у священной рощи, где будет совершен ритуал божественного поклонения ему кочующих в этой области монгол.

После пяти часов езды по довольно хорошо утрамбованной караванами степной дороге мы увидели небольшое пыльное облачко на горизонте, которое быстро приближалось к нам навстречу. Мы остановились.

Подкатила четырехколесная безрессорная повозка с паланкином. Никакой упряжки не было. Поперек переднего конца дышла колесницы был прикреплен саженный шест, который был в руках четырех монгольских всадников. Живой бог Хутухта, в желтом шелковом халате, с обшитыми мехом рукавами, увешанный четками, был поднят ламами и посажен ко мне в автомобиль.

Я приложил руку к фуражке, отдавая ему честь. Он же, улыбаясь, с поспешной готовностью приложил свою руку к виску. Я заметил следы оспы на его лице. Спокойные приветливые глаза светились мудростью. Я чуть услышал его «Сайхум байна». Что-то детское, веселое и извиняющееся блеснуло в его улыбке и глазах, когда заторопившийся, запыхавшийся лама принес из колесницы большой золотой таз к нам в автомобиль. Я не знал, для чего был этот таз, но, судя по многим радостным восклицаниям антуража бога, он был каким-то очень нужным сосудом. Кроме Хутухты, в автомобиль уселись трое лам, и мы были готовы начать путешествие.

Как только я завел автомобиль, он, будучи без глушителя, сначала выстрелил, а потом так зарокотал, что смертельно испуганные лошади рванулись в стороны, точно их сдуло каким-то смерчем. Они подпрыгивали, становились на дыбы, бросались на передние ноги, чтобы подбросить в воздух задние, крутились и метались... Но ни один всадник не вылетел из седла, только упали и покатались их остроконечные шапки. И, как бы в одобрение и похвалу этим лихим всадникам, я услышал сзади добродушный, мягкий, довольный смешок Хутухты...

Катили быстро по дороге, которая шла степью. Изредка приходилось брать между колес норы торбоганов и сбавлять скорость, чтобы не наехать на диких коз, которые упрямо перебежали дорогу впереди нас, вместо того чтобы умчаться в сторону необъятных лугов.

Седоки сзади молчали. Для них скорость автомобиля была чем-то новым. Монголы любят быстроту своих передвижений. На лошадях они скачут. Тут они переживали эту не испытанную ими прежде ско-

рость. Это новое ощущение и видимость этой скорости были им приятны. Я судил это по тем коротким восторженным цоканьям, горловым восклицаниям, которыми они обменивались.

Путешественнику по Монголии кажется, что вся эта необъятная, зеленая, до самого горизонта раскинувшаяся степь людьми необитаема. Но стоит автомобилю остановиться, как точно из-под земли появляются одиночки и даже небольшие группы монгол, которые держатся на безопасном для них расстоянии и смотрят на вас молча. Они, оставаясь невидимыми, наблюдают за всем, что совершается на их земле, и с такой же быстротой эта весть о случившемся передается от юрты до юрты, от поселения до поселения, от уртона до уртона... И вы можете быть уверены, что независимо от того, где будет ваша следующая остановка, там вас тоже встретят зрители-монголы. Мы, русские, называли это — монгольский телеграф. Очевидно, он работал всю теперь, во время нашего движения.

Насколько хватал глаз, с обеих сторон дороги, от самого горизонта были видны скачущие наперерез нашему автомобилю монголы. Те, которые успевали опередить нас, бросались на землю и лежали распростертыми, пока Хутухта не пронеслся мимо. Один из этих скачущих пилигримов пытался даже состязаться в скорости с нами. Чтобы подбодрить его, я сбавил скорость. Скосив глаза, я видел вначале небольшую, с раздутыми докрасна ноздрями голову лошади и изумительно быстрые выбрасывания ее передних ног. Я еще замедлил ход, она продвинулась вперед; мохнатая, казалось, она вся вытянулась в беге, бросая комки земли из-под копыт и неся на себе довольно крупного, в красном халате, с непокрытой стриженной головой, ламу. Он стоял на стремянах вполоборота, лицом в сторону мчавшегося автомобиля.

Дав ему возможность взглянуть на Гегена, я увеличил скорость, и под довольно оживленные победоносные восклицания «Бохко арат, бохко» моих пассажиров мы оставили ламу в облаке пыли далеко позади.

На ночь мы остановились среди гор в долине. Вдоль реки были видны белые юрты. Одна из них была на деревянном помосте и украшена разноцветными лентами. К ней-то я и подкатил своего божественного пассажира — Хутухту.

В центре юрты, отведенной мне, уже горел костер, на котором в котле варилось мясо. Лама и молодой послушник накормили меня ужином, состоявшим из баранины с рисом. Тут же был высушенный на солнце овечий и козий сыр. Все это я запивал зеленым чаем с молоком яка и закончил урюками и убенами.

После моей голодовки на крыше этот обильный ужин просто «распростер» меня на войлочной подстилке. Я закрыл усталые глаза. Пахло войлоком, лошадиным потом и чем-то копченым, но поверх этих запахов — и побеждая их — через открытый полог юрты плыл ночной, слегка дурманящий аромат полевых цветов и трав... Это последнее меня и усыпило...

Я проснулся с восходом солнца, вышел из юрты и... остолбенел. Вся долина была покрыта юртами и монголами. Мне представилось, словно я очутился в стане древнего Чингисхана, с той только разницей, что здесь не было ни воинов, ни оружия, ни диких криков и насилия.

Я шел точно во сне, среди белоснежных юрт, которые, как круглые шапки гигантских грибов, усеяли зелень долины, и среди них колоритные группы мирных, дружелюбных и набожных монгол. Они, спешившись, сидели на корточках, сняв свои остроконечные шапки, курили свои длинные трубки и внимательно слушали наставления ламы. Он, увидев меня, понес навстречу мне свои вытянутые вперед ладонями кверху руки, на которые я положил свои. Затем мы обменялись табакерками и, сделав вид, что «пониюшка табаку» свершилась, вернули их друг другу. Этот же лама указал мне на другую сторону реки, говоря, что там скоро начнутся скачки на верблюдах.

Я никогда еще не видел этого увлекательного зрелища и кстати хотел проверить такой малоизвестный и маловероятный слух о том, что скачущий верблюд выбрасывает свои длинные ноги во все стороны, только не вперед. Поэтому я решил непременно отправиться через реку, как только заправлю автомобиль для обратной поездки в Ургу.

Проходя через небольшую лужайку у самой рожи, я наткнулся на «цветник» — на группу монгольских, с подурмяненными лицами, женщин в ярких, разноцветных шелковых дели — халатах, с серебряными украшениями в их тяжелых косах, в цветных гутулах с острыми, кверху задранными носками. Все они были настолько красочны, что я, глядя на них, залюбовался ими. Очутившись в фокусе стольких женских глаз, я даже почувствовал какую-то легкую волну приятного смущения. Но все же не спускал с них глаз, стоял и... улыбался.

Они же, в свою очередь уже, очевидно, зная мою роль водителя «мохортырга», который привез их лучезарного Хутухту, кричали мне хором и вразбивку: «Сайхум байна!» А потом, почти что тем же хором, смеясь, убеждали в чем-то молодую смуглолицую монголку. Изпод ее круглой, малинового цвета шапочки выбивалась и лежала на ее лбу серебряная челка: серебряными галунами была расшита голубая грудь ее дели, закрытая рядами многоцветных бус. Она шла ко мне, улыбаясь всем своим широким, смуглым, в румянце, лицом, как ма-

ленькая радуга, приблизилась и протянула мне свои руки в длинных, красного шелка рукавах, на которые я с поклоном возложил свои... и вдруг я вздрогнул. Она больно ущипнула у локтя мою руку и, сверкая озорными глазами, звонко рассмеялась. Возбужденный, смеялся тоже и я... И не мог отнять своих рук — края рукавов моей куртки были зажаты в ее смуглых кулачках, а она продолжала смеяться возбужденно, отрывистым серебряным смехом, который звучал в моих ушах, как шелканье соловья.

Мои восторженные, а потом — и вдруг — «размякшие» глаза дали ей знать о ее силе и власти надо мной. Она стала серьезной, ее щелки-глаза вдруг округлились, и в потемневших зрачках прочел я вызов... Я опешил. В ответ на этот зов — остаться? А как же? Я перевел глаза на ту сторону реки. Там я увидел уже скачущих монгол-подростков на молодых верблюдах. В досаде на этот момент, требовавший внезапного решения, я, презируя себя за свою виноватую улыбку, ушел... ушел, пообещав вернуться. Расспрашивая про скачки и про место переправы на другую сторону реки, я немного задержался. Когда я вошел в мою юрту, в углу, на войлочной подстилке, на которой я спал прошедшую ночь, сидела улыбающаяся монголка. Возле нее лежала малиновая шапочка с серебряной челкой. Я не пошел на скачки.

Перед отъездом я снова прошел по стану. У плотно завешенного входа юрты Хутухты двое пожилых лам в желтых шелковых полукафтанах принимали «хатуки» — подношения от коленопреклонных богомольцев. Стопка из этих голубых шелковых платков уже доходила до пояса ламы, а он взамен касался лба пилигрима красной кистью шелкового каната, конец которого скрывался в юрте и, как предполагалось, был в руке самого живого бога — Гегена.

Солнце было уже высоко. Словно падающие серебряные бусы, доносились трели жаворонков из поднебесья. Я почувствовал радостный душевный подъем, точно я попал в какую-то удивительную волну, — она захватила и несет, передавая мне от этих восторженно-набожных, преисполненных благоговением почти до религиозного экстаза монгол желание «весь мир заключить в мои объятия».

Это все было как чудный сон. И вдруг... мрачная мысль взметнулась в голове. Что-то ожидает меня в Урге? И я вспомнил, как хорунжий Бур-ий предостерегал: «Никто, — он грозил пальцем в воздухе, — никто не смеет отменить наказание, данное Дедушкой, кроме... кроме него самого».

Раздел 3

В. Шайдицкий

РУССКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ В КИТАЕ⁵¹

В 1925 г. правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолин воевал с коалицией маршалов Среднего Китая, во главе которой стоял маршал У Пейфу. Командующий Восточным районом Маньчжурии генерал Чжан Чжунчан, имевший свой штаб на ст. Пограничная Китайской Восточной железной дороги, на границе Китая с Приморьем, за долгие годы пребывания на этом посту был тесно связан с русскими военными и гражданскими властями. Он относился с большим уважением и симпатией к белым русским и, когда в Приморье произошел крах государственной власти, пригласил к себе советником бывшего министра Приморья Н.Д. Меркулова⁵², а в свою армию — инструкторов: кавалеристов, пулеметчиков и других военных и штатских специалистов, по разным отраслям.

В начале войны с Внутренним Китаем маньчжурский диктатор назначил генерала Чжан Чжунчана командующим фронтом, а тот пригласил генерал-лейтенанта Константина Петровича Нечаева⁵³ в качестве военного советника. Образовалась русская группа войск, дошедшая до следующего состава: пехотная бригада (два полка), кавалерийская бригада (два полка), отдельные инженерные роты, дивизия броневых поездов (шесть поездов) и отдельная воздушная эскадрилья. Кроме того, не входящая в состав группы конвойная сотня, личная охрана маршала Чжан Чжунчана, в 120 шашек, при 5 офицерах.

При помощи русских, закончивших свою гражданскую войну и охотно откликнувшихся на чужую, генерал Чжан Чжунчан завоевал Пекин, Тяньцзин (столица провинции Чжили), Цинанфу (столица

провинции Шаньдунь) и Циндао. Став тупаном этих провинций и маршалом, он заключил союз с тупаном пяти центральных провинций, маршалом Сун Чуанфаном, и дошел с русскими частями до г. Шанхай.

С развитием боевого успеха на фронте Н.Д. Меркулов начал подготовку по формированию военного училища для русской молодежи, и, когда маршал Чжан Чжунчан взял провинцию Шаньдунь и объявил ее столицей Цинанфу своей резиденцией, вышел приказ о формировании «Шаньдунского Офицерского Инструкторского Отряда» в составе четырехзвонной роты для русских, с производством их в офицеры в будущем, по окончании наук.

Намечавшийся вначале курс в полгода, потом год окончательно определен в двухгодичный, по программе военных училищ мирного времени. Преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб- и обер-офицеры Русской армии, по своему прежнему стажу; юнкерами зачислялись молодые люди, как окончившие средне-учебные заведения, так и не закончившие, не ниже пяти классов гимназии или реального училища. Все носили китайскую форму и состояли в китайских воинских чинах и званиях, жалованье получали повышенное против китайцев и в серебре, как офицеры, так и юнкера. Училище получало определенные кредиты, на которые довольствовались, одевались, обувались, приобретало всевозможные учебные пособия и содержался весь штат.

Через Училище прошло около 500 человек русской молодежи. Закончилось в 1927 г., первым выпуском — 43 человека и в 1928 г., вторым выпуском — 17 человек.

Маршалом Чжан Чжунчаном, специально для первого выпуска, был сформирован Особый полк, из всех родов оружия, в котором должности младших офицеров заняли молодые подпоручики.

В этот полк я был назначен из Училища на должность помощника командира полка по строевой части (старшего штаб-офицера), со специальным заданием дать молодым офицерам русское офицерское воспитание. Командиром полка был назначен старший по производству в полковники китайской службы Приморского драгунского полка — ротмистр Квятковский⁵⁴, бывший личный адъютант генерала Крымова⁵⁵, в конце Великой войны.

В 1928 г., при начале краха, Особый полк в качестве надежного резерва был отправлен на фронт остановить поток отступавших своих войск на север и задержать быстрое продвижение войск новой враждебной коалиции, выдвинутой закулисными действиями европейской и японской политики в китайских делах.

По сложившимся обстоятельствам и по предварительному истинно офицерскому соглашению между ротмистром Квятковским, капитаном Даниленко и мной я, вступив в командование полком, быстрыми маршами выводил полк из района непосредственных боевых действий, обходя местоположение высших штабов, грузился на русские бронепоезда, спеша выйти из чужой гражданской войны, с единственной целью спасти судьбой доверенные мне жизни русских офицеров и солдат. Это мне удалось полностью.

Почти в то же время далеко на севере полковник Кобылкин⁵⁶ (после бегства начальника Училища — полковника русской службы, офицера Генерального штаба), став во главе Училища, сложными дипломатическими действиями и удачными маневрами выводил его из общей неразберихи и благополучно разоружился на территории Маньчжурии.

С ликвидацией японцами маньчжурского «монарха» Чжан Цзоли-на ушел в небытие и маршал Чжан Чжунчан, предательски убитый. Распалась русская группа войск, и закончило свое существование Русское военное училище с малыми потерями.

Этим актом закончилось славное трехлетнее существование Русского военного училища, родившегося во имя долга перед родной армией, в невероятных условиях в изгнании и успевшего дать для Родины 43 и 17 отлично воспитанных и образованных офицеров, на деле получивших разносторонний опыт.

Полковник Иннокентий Васильевич Кобылкин по окончании Николаевского кавалерийского училища (сотни) в 1910-м или 1911 г., как забайкальский казак, вышел офицером в полк своего войска, которым в мирное время командовал генерал Крымов. Блестящий офицер, истинный выразитель девиза «Один в поле и тот воин», всем своим существом преданный идее за «Веру, Царя и Отечество», природный военный педагог, непрерывно горящий для служения Родине, после ликвидации Училища оказался в г. Харбин (Маньчжурия), вне всяких дел. Впереди его ожидала беспросветная лямка обывателя с добыванием себе куска хлеба службой, далеко отличающейся от служения офицера.

Будучи связан с Братством Русской Правды, по приезде в Маньчжурию, он убедился, что эта организация оказалась пропитанной провокаторами и члены ее на территории СССР передаются в руки ГПУ из Харбина. Полковник Кобылкин принимает поистине героическое решение отправиться в СССР, помимо организации, а там, на месте, вступить в смертельную борьбу с врагами России. Своими помощниками он выбрал двух вернейших из верных: одного, окончившего первым выпуском

Шаньдунское военное училище, подпоручика Переладова⁵⁷, в прошлом кадета Петровско-Полтавского кадетского корпуса, и второго, окончившего Читинское военное училище; подпоручика Олейникова⁵⁸. Объявив всем и каждому, что он уезжает на восточную линию Китайской Восточной железной дороги, в тайгу на охоту, он на самом деле уехал на западную линию дороги, к одному своему верному казаку на заимку, где и соединился с пробравшимися туда разными путями и в разное время двумя своими будущими соратниками. Около года он налаживал и проверял пути и явки Братства Русской Правды, связывался со своими казаками в Забайкалье, принимал соответствующий внешний вид обывателя СССР и изучал до тонкостей новый язык и уставы Красной армии. Когда он почувствовал, что им все подготовлено, как глубоко религиозный человек, оттовел и отправился со своими идейными помощниками на подвиг во имя России.

Он прекрасно знал родное Забайкалье и всех казаков, посему очень скоро этот край стал бурлить. Много усилий потребовалось для ГПУ как-то усмирить область, но все органы совдепской власти понесли ощутительные потери в личном составе. Переладов, поступая в колхозы или на заводы, становился отличнейшим стахановцем, с единственной целью, чтобы за отличие попасть в какую-нибудь депутацию в Москву, дабы ловким ударом руки или ноги вышибить дух из самого «отца народов». Однажды он и был в такой депутации, но она была принята лишь «старостой» Калининым.

Выполнив задачу местного значения, тройка стала пробираться дальше в Сибирь и временно обосновалась в г. Иркутске, где продолжала свою борьбу. Полковник Кобылкин поступил рабочим на завод, а его соратники — в официальные совдепские учреждения. Однажды агенты ГПУ явились на завод и вызвали «рабочего» в кабинет управляющего. Один из агентов подошел к нему и сказал: «Полковник Кобылкин Иннокентий Васильевич, Вы арестованы». В то же время были схвачены Переладов и Олейников. Видимо, к тому времени они сделались очень опасными врагами для Совдепа, так как английское телеграфное агентство Рейтер дало из Москвы телеграмму об их аресте по всему миру. В Шанхае она появилась во всех многочисленных иностранных газетах, откуда все узнали о гибели героев. Через несколько месяцев уцелевшие члены Братства Русской Правды сообщили об их работе в СССР.

Сколько мук претерпели эти воины перед смертью в застенках ГПУ, мы никогда не узнаем. Господь Бог простит им их земные грехи за подвиг во имя данной Всевышнему присяги, в выполнении долга воина во что бы то ни стало и до конца.

Б. Уваров⁵⁹ШАНЬДУНСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ИНСТРУКТОРСКИЙ
ОТРЯД (1925—1928 ГГ.)⁶⁰

Любовь к Родине и стремление к исполнению долга перед ней принуждали нашу молодежь оставлять мирную, спокойную жизнь в родительских домах, лишать себя маленького мещанского счастья и отдавать все, вплоть до жизни, на алтарь служения Вере, Царю и Отечеству, вставая в строй под знамена и штандарты Российской Императорской армии. Точно так же и зарубежная белая молодежь, страдающая потерей России, тоской по ней и питающая непримиримую вражду к ее поработителям, руководимая желанием хотя бы в будущем быть ей полезной, искала возможности быть военной, научиться владеть оружием и приобрести военные знания, необходимые для будущей борьбы с врагом России — коммунизмом.

Патриотическое чувство толкнуло молодых людей поступать в число воспитанников Шаньдунской военно-инструкторской школы, которая зародилась в центре седего Китая в Шаньдуне, в древнем, насчитывающем тысячелетие со дня своего основания городе Цзинанфу, расположенном в нескольких верстах от реки Желтой (Хуанхэ). Маршал Чжан Чжунчан дал возможность существовать школе, и покрытые седой пылью 400-летние своды Коммерческого собрания приютили под собой Русскую военную школу.

Кто бы мог думать, что на узких улочках Цзинанфу когда-либо появятся русские юнкера, ровные ряды блеснувших под нестерпимым солнцем штыков и раздадутся звуки маршей школьного оркестра и захватские песни твердо шагающей по каменным плитам мостовой юнкерской роты?! Но это было и есть, кто участвовал в формировании школы, господа офицеры и преподаватели, кончившие школу молодые подпоручики и юнкера, с любовью вспоминают о днях, проведенных в стенах Шаньдунской военной школы.

* * *

Гражданская война в Китае в 1924—1925 гг. являлось периодом борьбы Севера и Юга. Во главе северных войск стоял правитель трех восточных провинций (Маньчжурии) маршал Чжан Цзолин. Одним из его ближайших и наиболее деятельных боевых генералов являлся маршал Чжан Чжунчан. Боевые операции последнего против южан были удачны благодаря присутствию в его войсках сначала весьма незначи-

тельной русской группы. Впоследствии Русский отряд развернулся в солидную группу войск, в которую входили все роды оружия: пехота, кавалерия (два полка), артиллерия, броневые поезда (5), воздушные силы, технические части, мастерские и заводы по выделке патронов, ручных гранат, снаряжения: людского, конного и амуниции. Все русские части принимали непосредственное участие в боях, несли большие потери (русское православное и магометанское кладбища в своих оградах дали место до тысячи могил, не считая тех, кто погиб на поле битв и не могли быть выведенными оттуда); причем, необходимо заметить, в весьма редких случаях терпели неудачи. Китайское военное командование, учитывая несомненную пользу, приносимую ими, относилось к русским отрядам почтительно и доброжелательно. Победы войск маршала Чжан Чжунчана были вырваны у противника благодаря мужеству и доблести русских офицеров и солдат.

1 октября (нового стиля) 1925 г. на основании распоряжения маршала Чжан Чжунчана начальником штаба Русской группы китайской службы Генерального штаба генерал-майором М.А. Михайловым⁶¹ была сформирована Шаньдунская военно-инструкторская школа для русских молодых людей, имеющая цель в 18 месяцев подготовить из них инструкторов для китайской армии. В основу курса была положена программа 1922/1923 учебного года русских военных училищ, расположенных в Сербии. В течение первого месяца в школу прибыл командир роты, китайской службы подполковник Иннокентий Васильевич Кобылкин (впоследствии, а именно в 1935 г., расстрелян большевиками в г. Иркутске вместе с подпоручиком Переладовым — воспитанником школы. Они проникли на Русскую землю, чтобы вести партизанскую борьбу с красными поработителями России), 4 курсовых офицера и свыше 70 юнкеров русской белой молодежи.

Правильному ходу занятий помешала в самом начале война с генералами Фэн Юсяном и Сун Ченфаном. Противник подошел к самому городу Цинанфу, столице Шаньдуна, и школе пришлось принять участие в боях. 29 ноября н. ст. 1925 г. рота школы в составе 3 офицеров и 67 юнкеров участвовала в боях под Цинаном. Когда враг был прогнан и вновь восстановилось в городе успокоение, в школе продолжались прерванные занятия до 9 декабря, а с этого числа боевая обстановка снова их прервала. С 9 по 13 декабря школа участвовала в боях под Тэчжоу совместно с русскими и китайскими частями под командой китайской службы генерал-майора Чехова⁶².

В этих боях школа понесла первые потери: один раненый и два попавших в плен, но сумевших убежать. С 13 по 20 декабря школа несла охрану железнодорожного моста у деревни Лидече. 21 декабря

1925 г. школа составила десант русского бронепоезда «Чань-дянь» и вошла в состав Русско-Китайского отряда генерала Чехова, наступавшего в помощь генералу Ли Тиньмину. 23 декабря школа в составе 3 офицеров и 71 юнкера участвовала в бою под станцией Чинсен, выполнила свою задачу, наступая по совершенно ровной и открытой местности против укрепившегося в превосходных силах противника. Рота последовательно овладела тремя укрепленными линиями противника. Потери школы: 3 убитых и 12 раненых юнкеров. После этого боя школа была оттянута в тыл и поставлена на охрану железнодорожного моста через реку Хуанхэ. К новому году школа вернулась в Цинан, где должность начальника школы принял китайской службы Генерального штаба полковник Владимир Федорович Тарасов.

Сейчас же по окончании праздника Рождества Христова школа приступила к усиленным занятиям, чтобы наверстать упущенное. 20 марта 1926 г. школа вновь была вызвана на фронт и составила личный конвой маршала Чжан Чжунчана. Вместе с маршалом школа вступила в Тяньцзинь, а затем и в Пекин. Пребывание в Пекине было использовано на ознакомление с китайской стариной, запретным городом и дворцами. На Страстной неделе школа провела богослужение в русской духовной миссии и первая из русских частей отслужила панихиду на могиле Великих Князей, убитых красными в Алапатьяевске. К 17 мая школа вернулась в Цинан, и началось дальнейшее прохождение курса. Несмотря на жаркое лето, лекции и строевые занятия шли полным темпом — по 8 часов в день. На съемки и для практического прохождения саперных и подрывных работ юнкера выезжали в лагерь учебной инженерной роты.

29 августа окончились переходные экзамены и юнкера были уволены в трехнедельный отпуск. С 1 октября начались лекции на старшем и младшем курсах. 25 октября школа приказом маршала Чжан Чжунчана была переименована в Шаньдунский офицерский инструкторский отряд и получила знаменный флаг.

К 1 марта был закончен курс старшего класса и начались выпускные экзамены. 26 марта был строевой смотр и боевая стрельба с маневрированием, причем все офицерские должности были заняты выпускными юнкерами. 27 марта состоялся первый выпуск 43 человек, произведенных в подпоручики китайской армии.

* * *

Строевые занятия. Сразу же после подъема и утреннего завтрака начинались строевые занятия. Один час посвящался гимнастике (вольные движения и аппаратная). Остальные три часа шли на исключи-

тельно строевую подготовку юнкеров. Строевое обучение шло планомерно, начиная с одиночного учения и кончая ротным. Ружейные приемы тщательно отделявались. Одиночные и переножные учения происходили во дворе школы, а для взводного, ротного учения и для тактических занятий школа выходила за город к амуничной фабрике, где имелся большой плац, поле, и довольно пересеченная местность давала отличную возможность приучить юнкеров к ней и делать практически тактические задания. Стрельбы происходили в живописной местности в горах, в которых расположен буддийский монастырь.

Юнкера особенно любили эти походы на стрельбу, когда они получали возможность уйти из душного города и пользоваться чудесным горным воздухом, и сама стрельба доставляла молодежи большое удовольствие. Возвращались хотя и усталые, потные, загорелые и обильно покрытые дорожной пылью, но веселые и с задорными, жизнерадостными лицами бодро шагали под звуки залихватских солдатских песен. Часто школа ходила со своим духовым оркестром, и тогда по узким улочкам города раздавались мощные звуки маршей, сверкала под лучами солнца медь труб и блестела щетина высоко по-гвардейски поднятых трехгранных русских штыков. Никогда не пропускалась хотя бы малейшая деталь того или другого обучения, и нужно сказать, что рота школы в строевом отношении была подготовлена отлично. Ружейные приемы делались безукоризненно, сложное ротное учение происходило без сучка и задоринки. На параде церемониальным маршем рота ходила великолепно, а рассыпной строй не мог желать ничего лучшего. Из неуклюжей и нерасторопной молодежи были выкованы отчетливые, подтянутые строевики, прекрасные стрелки и отличные бойцы, что было и доказано на деле в боях. Верховой езде и конному строю юнкера обучались при конвойной сотне казаков, которая находилась в личном распоряжении тупана.

Лекции. После обеда и обеденного отдыха начинались лекции по разным предметам. Происходили они в общем зале за теми же столами, на которых обедали. Лекции читались офицерами преимущественно, кончившими Академию Генерального штаба, и на репетициях требовались серьезные знания по тому или иному предмету. Периодически курсовыми офицерами и некоторыми преподавателями читались сообщения на различные темы из военной истории, которые доставляли юнкерам громадное удовольствие, ибо разворачивали перед ними заманчиво-интересную картину давно прошедших битв, сложных боевых операций, походов и геройских подвигов. На этих сообщениях, всегда удачно читаемых, молодежь училась, видя ошибки прошлого, впредь самим не делать таковых.

Особенно интересны были сообщения о походах в Россию Наполеона, читанные полковником Николаевым. Фортификация, основательно пройденная в теории, была пройдена и на практике путем рытья окопов самими юнкерами, а также осмотром укреплений крепости Циндао. Военная топография также была закончена съемками, которые юнкера провели более чем удовлетворительно. Подрывное дело на практике пройдено было в лагере инженерной роты, и, кроме того, юнкера осмотрели сделанную ротой линию укреплений на случай наступления противника на Цинанфу с юга.

При переходе с младшего курса на старший происходили переходные экзамены, а по окончанию выпускные. К ним юнкера тщательно готовились, просиживая за учебниками, чертежами и схемами дни и ночи. Как в строевом, так и в подготовке по военным наукам школа справилась со своей задачей и дала юнкерам максимум знаний. Кончившие школу и получившие чин подпоручика китайской армии едва ли могли по полученным знаниям стоять ниже подпоручика Русской армии, что и было засвидетельствовано экзаменационной комиссией. В школе была библиотека, преимущественно состоящая из книг военного содержания, которые охотно прочитывались юнкерами.

* * *

Внутренний распорядок жизни школы ничем не отличался от такового же старых военных училищ. В 6 часов утра раздавался сигнал подъема, и вся рота поднималась, одевалась и бежала в умывалку, где каждый юнкер мылся, начищался и приводил себя, форму и амуницию в надлежащий вид. Затем рота выстраивалась в зале для осмотра и утренней молитвы. Это был большой зал с колоннами, поддерживающими высокую крышу, увешанный досками, на которых золотыми иероглифами были вырезаны все возможные китайские мудрые изречения. С потолка свешивались деревянные вычурные люстры для свечей, зажигаемых во время богослужения.

В передней части, на особом возвышении, был сооружен алтарь, где совершались церковные службы. В противоположной стороне стояли ряды столов, а по стенам висели портреты покойных Государя Императора, Вел. Князя Николая Николаевича, схемы, чертежи, карты и т. д. Дальше помещалась китайская кумирня с громадным идолом Будды, но она на время пребывания школы была заколочена. По бокам в два яруса шли помещения трех взводов роты, офицерского собрания, цейхгаузы, канцелярия школы и другие помещения. На отдельном дворике помещались околоток и кухня. Осмотр юнкеров весьма тща-

тельно производил дежурный офицер, после чего читалась молитва и рота садилась за столы для завтрака.

После чая сейчас же начинались гимнастика и строевые занятия. В 12 часов обед, состоящий из двух блюд, затем отдых и после — лекции. В 5 часов вечерний чай, после которого некоторые юнкера пускались в отпуск, причем также являлись для осмотра дежурному офицеру, и при нахождении малейшего дефекта в форме юнкер оставался нередко совсем без отпуска. В 8 часов ужин, такой же, как и обед. В 9 часов поверка. Совершалась она торжественно. На поверках обязательно присутствовал дежурный офицер. Фельдфебель делал переключку, читался приказ, читались молитвы, и, наконец, под сводами древнего здания раздавались могущественные звуки ста молодых голосов, поющих гимн. После гимна дежурный по роте подлетает к дежурному офицеру, и при мертвой тишине раздаются отчетливые слова его рапорта.

После кончается день, и в стенах школы наступает тишина, изредка нарушаемая топотом дежурного и дневального да шпорным стуком шагов дежурного офицера, проходящего по залу и заглядывающего в спальни юнкеров для проверки спящей богатырским сном молодежи. Накануне воскресенья и праздников, а также и в самые дни праздников в церкви школы совершались школьным священником богослужения, на которых пел хор из юнкеров. Пасха встречалась особенно торжественно. После заутрени юнкеров ожидал обильно накрытый пасхальными яствами (куличи, яйца, окорока и т. д.) стол.

* * *

Вооружение школы состояло из трехлинейных русских винтовок, которых имелось достаточное количество для всей роты. Имелся пулемет Виккерса, ружье-пулемет и пушка. Боевых патронов отпускалось на стрельбы, а также всегда имелось на складах заведующего оружием столько, сколько требовалось.

Форма одежды была китайская. Серого цвета мундиры с медными гладкими пуговицами. На плечах красные контр-погончики с узкими золотыми галунами, как у юнкеров русских военных училищ. На воротниках носились петлицы с двумя красными продольными просветами, знак военно-учебных заведений. Младший портупей-юнкер имел на погонах золотой просвет и две гвоздики, старший портупей-юнкер — три звездочки. Фельдфебель — обер-офицерский погон без звездочек (серебряный с золотым просветом). Парадная форма представляла из себя защитного цвета гимнастерки, такие же брюки и сапоги. Зимой

носились шинели. Головной убор — капп (род фуражки) с красными кантами и пятицветной звездочкой вместо кокарды. Талию юнкера туго-натуго стягивал кожаный ремень. Патроны носились в русских подсумках и патронташах. В походах на спину юнкер надевал ранец гвардейского образца. Китайская форма, так неумело, неопрятно и неуклюже носимая китайцами, на русских юнкерах приобретала совсем иной вид. Даже среди русских солдат других частей юнкера резко отличались подтянутостью, выправкой и умением сохранить в форме присущее всегда юнкерам особого рода военное щегольство.

* * *

Во главе школы стоял Генерального штаба полковник Владимир Федорович Тарасов. По роду оружия он артиллерист. Нельзя ему отказать в разностороннем военном образовании, большой начитанности по военным вопросам и уме. По службе он являлся весьма требовательным и строгим как к офицерам, так и к юнкерам. Его ближайшим помощником являлся командир роты подполковник Иннокентий Васильевич Кобылкин (забайкальский казак). Преданный делу воспитания и строевой подготовки роты, он был безусловно незаменим как воспитатель, так и командир роты. Заядлый холостяк и почти женоненавистник, он был занят только своим делом и уходил в него весь с головой. В бою он всегда был хладнокровен. Кобылкина любили и офицеры и юнкера. Память о нем не должна погибнуть в наших сердцах, пока мы все, бывшие в стенах школы (офицеры и юнкера), живы. Милый и дорогой Иннокентий Васильевич погиб героем. Вечная память и вечный покой!

Кто может забыть любимого командира роты, всегда подтянутого, всегда надушенного одеколоном и всегда поддерживающего свои длинные усы в момент недовольства ротой.

Курсовых офицеров было несколько, но многие пробыли в школе ввиду непригодности к ведению серьезной воспитательной работы непродолжительное время. Весь труд воспитания юнкеров пал на плечи следующих офицеров:

1. Полковник Владимир Иванович Шайдицкий
2. Майор Борис Григорьевич Уваров
3. Капитан Воробей
4. Капитан Гудков
5. Капитан Борис Павлович Николаев.

Ими была проведена большая воспитательная работа, немало было потрачено сил на любимое дело. Лучшей наградой для них, конечно,

всегда будет добрая память о них в сердцах бывших юнкеров школы. Преподавательский состав был следующий:

1. Начальник школы полковник Тарасов — тактика общая, тактика артиллерии.

2. Адьютант школы майор Федосеев⁶³ (русский генерал-майор) — тактика пехоты.

3. Майор Тарнопольский⁶⁴ (русский генерал-майор) — артиллерия.

4. Полковник Константинов — фортификация.

5. Генерального штаба генерал-майор Михайлов — топография.

6. Полковник Николаев — военная история, военная администрация и стрелковое дело.

7. Архимандрит Николай — Закон Божий.

8. Доктор П.М. Дмитриевский — военная гигиена.

9. Майор Уваров — пулеметное дело.

10. Полковник Кобылкин — тактика техн. войск.

11. Полковник Европейцев — законоведение.

12. Полковник Тихобразов⁶⁵ — тактика конницы.

13. Полковник Шайдицкий — наставление для стрельбы из винтовок.

Со времени прибытия в школу албазинцев⁶⁶ из них был сформирован взвод, и командование им было возложено на майора Уварова. Поставленная задача — воспитать и провести строевую подготовку почти не говорящих по-русски албазинцев — была выполнена им весьма удовлетворительно, хотя ему и помогали усердие, способность и желание учиться самих албазинцев. По окончании курса албазинцы по всем предметам показали блестящие результаты, а в строю ничем не отличались от русских. Преподавание в науках велось нами через переводчика.

* * *

27 марта 1927 г. состоялся первый выпуск. Школу окончили 43 человека и были произведены в подпоручики китайской армии. Выпуск последовал вслед за выпускными экзаменами, на которых юнкера показали отличные успехи своего пребывания в школе. Накануне производства произошел строевой смотр и в открытом поле было произведено наступление роты на отмеченного мишенями противника с боевой стрельбой из винтовок и пулеметов и даже боевой артиллерийской подготовкой. Маневрирование было выполнено отлично и создало картину настоящего боя. На смотре и на маневрах присутствовал представитель тупана, начальник штаба войск Русской группы и мно-

го господ офицеров русских частей, приглашенных на знаменательное для школы событие.

Командные должности были заняты выпускными юнкерами. Сначала рота шла походным порядком, потом, мысленно попав под шрапнельный огонь противника, построилась повзводно и, наконец, по мере приближения к появившемуся в виду противнику, развернулась. Перебежками, звеньями и по одному — все ближе и ближе продвигалась рота к оставшемуся «врагу». С каждой стрелковой позиции рота вела во взводах частый боевой огонь. Впереди около мишени пули поднимали пыль, указывая на меткую стрельбу юнкеров. Боевая стрельба, всегда возбуждающая нервы стрелков, велась должным образом — без суетливости, при старательном прицеливании по выбранной каждым стрелком мишени. Но вот наступил момент атаки. С громким криком «Ура!» рота, смыкаясь на бегу к командиру роты, бросилась в атаку, чем и было закончено блестяще проведенное маневрирование.

Для каждого кончившего школу наступил радостный момент надеть офицерские погоны, пусть не русские, но, право, они заслужили и свои родные, что и было утверждено по ходатайству начальника школы Вел. князем Николаем Николаевичем. Все кончившие школу были зачислены на учет как подпоручики Русской армии. Нужно ли говорить о том, что радость немалая была написана на лицах молодых подпоручиков, когда они услышали приказ о производстве и сменили юнкерские погоны на офицерские. Каждый получил новое офицерское обмундирование, снаряжение, подъемные деньги, а также и отпуск. Большинство из них получили назначение в 7-й особый полк. Туда ушли впоследствии некоторые курсовые офицеры (полковник Шайдицкий на должность помощника командира полка). Те, кто готовился в артиллерию, вышли на бронепоезда, а кавалеристы — в конный полк.

Господами преподавателями, курсовыми офицерами и самими юнкерами за этот 18-месячный период времени был совершен поистине и без всякого преувеличения великий подвиг. В чужой обстановке, испытывая во всем недостатки и неудобства, в ужасных климатических условиях (летом — тропическая жара, зимой — холод, ибо громадное здание не могло быть натопленным железными печами) и при непрерывном ожидании, что в любой момент школа может быть отправлена на фронт, офицерский состав школы с честью выполнил долг, врученный ему судьбой. Тому свидетели 43 молодых подпоручика, которые не могут да и не должны забывать тех, кто учил их и, воспитывая, вел их души по знанию идеала офицера-рыцаря.

* * *

Зимой 1927 г. школе были отведены новые помещения в районе расквартирования 65-й дивизии. Там занятия производились по-прежнему, но с каждым днем чувствовалось, что дело идет к концу, с фронта шли печальные вести. Войска генерала Чан Кайши одерживали победу за победой. Дела охранителя Шаньдуна стали принимать плохой оборот. Не было денег платить жалование солдатам, отчего началось дезертирство и переход на сторону противника. Русские части, также не получающие денег по несколько месяцев, потеряли желание защищать интересы командования, которое перестало к ним проявлять необходимые заботы. Пусть это не будет минусом, не заденет честь русских, ибо понятно каждому, что полуголодный и полуодетый солдат — плохой боец. Да еще солдат, находящийся на положении ландскнехта.

Тем не менее, русские, оставшиеся при маршале Чжан Чжунчане до конца, с честью выполнили свой долг, и в частности школа. Она принимала деятельное участие в боевых операциях. При оставлении Цинана юнкера вели арьергардные бои и много раз с полнейшим успехом отражали атаки нападавшего многочисленного противника. Были отданы Тяньцзинь и Пекин. Дезертирство усиливалось. Положение усугубилось таинственным убийством маршала Чжан Цзолина. Среди китайских генералов усилились взаимные распри, и, наконец, маршалу Чжан Чжунчану пришлось бежать, бросить на произвол судьбы оставшиеся верными ему части.

Школа перестала существовать, как и вся группа русских войск. Все стали разбредаться по разным городам Китая: Харбин, Тяньцзинь, Шанхай и другие. Каждый был предоставлен сам себе, и к тому не имея при себе ни средств существования, ни возможности на скорое устройство на какую-либо службу. Таково было положение здоровых, раненых и калек оно было гораздо худшим. Военная форма сменилась штатским платьем, и началась борьба за существование, началась серенькая, эмигрантская жизнь — все было в прошлом, и жить нужно было только тем, что в душе еще теплится огонек надежды на скорое возвращение в Россию, которая все же освободится, наконец, от красного тирана и примет в свои объятия изгнанников, горячо ее любящих и готовых всегда отдать за нее все — вплоть до своей жизни.

Шаньдунцы, где бы вы ни были, помните всегда свою школу, офицеров и однокашников и в день Святителя Николая (6/19 декабря), в день школьного праздника, собирайтесь по возможности вместе, проведите час-другой в дружеской беседе и в память школы крикните громко русское «Ура!».

* * *

Заканчивая свой краткий очерк о Шаньдунском офицерском инструкторском отряде, я мысленно оглядываюсь на то недавнее, но навсегда ушедшее время пребывания в школе. Как-то особенно болезненно и тоскливо сжимается сердце, и становится жаль, что все это ушло и никогда, никогда не вернется. Встречаются юные лица юнкеров, на которых так ясно выразались желание учиться, готовность отдать себя на служение Родине и гордость за носимый мундир школы, честь которого всегда был готов поддержать. Теперь все они взрослые, все вкусили горечь эмигрантского бытия. Многие стали семейными. Некоторые прекрасно устроились, но большинство весьма скромно, а некоторых нет уже и в живых. Большинство офицеров школы также почил в вечном сне, не дождавшись светлых дней возрождения Родины. Но пусть в сердцах всех шаньдунцев, тех, кто еще жив, не угасает любовь к Отечеству, тяготение к тесному объединению около союза шаньдунцев и готовность в любой момент, когда позовет Россия, взять оружие и, припоминая все знания, что дала вам школа, идти на борьбу за счастье и благоденствие нашей доброй, великой, многострадальной Родины. Вечная память почившим шаньдунцам! Слава живым!

*Д. Жемчужин*⁶⁷

ИСТОРИЯ ХАРБИНСКОГО КРУЖКА МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ⁶⁸

Сегодня, в праздник Морского корпуса, в далеком ото всех морей Харбине, на чужбине, вновь собрались питомцы корпуса и офицеры флота для дружеской беседы за традиционным гусем. Смытые волнами житейского моря с родных кораблей, на которых уже не реет славный Андреевский флаг, оторванные годиною лихолетья от родных берегов родины — России, угнетаемые зачастую беспросветной нуждой, лишённые всего дорогого сердцу каждого верного сына Родины, — моряки до Харбина донесли лишь то, что не отнимется никакими грязными руками: это честь и верность заветам славных флотоводцев прошлого — славные традиции седой старины: верность Престолу и Родине.

Андреевский флаг, спущенный с мачт кораблей, остался объединяющей эмблемой для всех зарубежных русских моряков, и миниатюр-

ный Андреевский флаг, с любовью носимый в петлице всеми моряками, является показателем верности этому флагу в изгнании тех, кто прежде под его сенью на русских кораблях способствовал возвеличению Родины и громил ее врагов. И сегодня, в знаменательный день десятилетнего юбилея Морского кружка в Харбине, составляющие его господа морские офицеры, с Андреевскими флажками в петлицах, собрались на Русском маяке, имя которого «Русский дом», где маленькие матросики воспитываются в национальном духе, видя на своей мачте поднятым сигнал великого адмирала: «Родина ждет, что каждый исполнит свой долг», и где только сегодня общими трудами установлен образ-киот покровителя флотских экипажей — святителя Николая Чудотворца, в светлую память умученного изуверами интернационала Государя Императора, перед которым установлена неугасимая лампада. Дай Бог, чтобы этот юбилей в изгнании был бы последним и все господа офицеры праздновали бы следующий юбилей своего возвращения на палубы русских кораблей уже на родной земле, в освобожденной Родине, под сенью Андреевского стяга.

Краткая история возникновения в удаленном от морей, китайском Харбине Морского кружка такова.

Крушение Омска бросило в Харбин первую волну моряков, прибывших с запада по железной дороге в группе капитана 1-го ранга Фомина⁶⁹ (Харин⁷⁰, Четвериков⁷¹, Севьер, Звягин⁷², Подамутодуло⁷³, Иконников⁷⁴ и др.) и адмирала Старка⁷⁵ (Запрудин⁷⁶, Мюллер⁷⁷, Лабуза⁷⁸, Толстой, Гирбах⁷⁹ и др.). Некоторое время задержавшись в Харбине, Н.Ю. Фомин создал первое объединение под названием «Река». Несмотря на то что это общество получило очень крупную субсидию при посредстве шталмейстера Гондатти⁸⁰ и русского консула, оно оказалось не жизненным. Моряки не сумели объединиться (достаточно сказать, что в него не входил ни адмирал, командовавший морскими силами на Дальнем Востоке, ни один из офицеров его штаба), и общество ликвидировалось через несколько лет.

Вторая группа прибыла сюда вместе с командующим морскими силами на Дальнем Востоке контр-адмиралом М.И. Федоровичем⁸¹ (Жемчужин, Дмитриев⁸², Тихомиров⁸³ и др.). Группа следовала из Читы во Владивосток и застряла в Харбине, ввиду того что во Владивостоке уже произошел переворот.

В адмиральском двухосном вагоне Пермской ж. д., ном. 58, служившем некоторое время штаб-квартирой адмиралу и стоявшем в «Адмиральском тупике», было адмиралом устроено общежитие для попадающих в Харбин моряков — до подыскания последними себе квартиры. И надо отдать должное предусмотрительности адмирала,

задержавшего на несколько месяцев этот вагон на путях: эта импровизированная «гостиница» всегда была набита нуждающимися в крове.

Долг требует также упомянуть, что отрезанный от своей базы и не имеющий в своем распоряжении никаких средств, адмирал М.И. Федорович не только произвел полный расчет со всеми сопровождавшими его офицерами и чинами охраны, но также — конечно, в минимальных дозах — частенько помогал и многим морякам, прибывшим из Омска, буквально без ничего... Откуда изыскивал он средства и сколько на это потрачено энергии, конечно, знал только он сам. Сверх того, будучи не устроенным и сам, он всех сопровождавших его в командировке офицеров и матросов сумел устроить на частную службу.

Большое Русское Спасибо, к сожалению, отсутствующему адмиралу, всегда заботившемуся о своих офицерах и престиже морского ведомства.

Мало кому известно, ибо по своей скромности адмирал не считал нужным об этом распространяться, что хотя и в самый последний момент, но адмирал добился перед высшими властями приказа о восстановлении Владивостокского Крепостного района, причем в последнем восстанавливалось Морское управление, и приказ был отдан о назначении адмирала «Начальником Владивостокского Крепостного района и Командующим Боевыми Флотилиями Дальнего Востока»... Но не судил Господь...

Третья группа моряков прибыла из Благовещенска во главе с покойным капитаном 1-го ранга Шутовым⁸⁴ (лейтенант Белоусов⁸⁵, Крапин⁸⁶, мичман Йорк⁸⁷ и др.), и наконец, четвертая — буквально спасенная (также покойным) поручиком по Адмиралтейству Залогой⁸⁸, во главе со ст. лейтенантом Вуичем⁸⁹, перенесшая страшные лишения, с отмороженными конечностями, — прибыла из-под Хабаровска, с Амурской речной флотилии, бывшей в распоряжении атамана Калмыкова⁹⁰.

Далее следуют господа офицеры, пробиравшиеся в Харбин из Приморья, Приамурья и других мест, как В.Н. Кондрашов⁹¹, врач флота Н.Н. Волховской⁹² и др.

После окончания работ на концессиях Восточной линии Кит. Вост. железной дороги в Харбине адмирал М.И. Федорович поселился оседло, и у него зародилась мысль об объединении моряков военного флота, подобно тому как в это время по инициативе штурмана дальнего плавания Михайлова намечалось к образованию общество моряков торгового плавания, или, как тогда называл его инициатор, «Общество Моряков Соленой Воды».

Приглашенные 6 ноября 1924 г. адмиралом моряки «за гусем» высказались за необходимость дальнейшего общения и организацию докладов и более регулярных собраний.

Первое организационное собрание в другой знаменательный день для флота — 6 декабря, в день Праздника Флотских Экипажей, состоялось на квартире лейтенанта Дмитриева, коему, как работавшему в сборнике «Весь Харбин», и было поручено, по имеющимся у него адресам, собрать к себе господ морских офицеров, что и сделало Дмитриева первым фактическим секретарем кружка. На квартиру Дмитриева прибыли девять человек: К.А. Федорович, ст. лейтенанты Кондрашов и Жемчужин, лейтенанты Серапивин⁹³, Малявин⁹⁴, Ульрих⁹⁵, Дмитриев, мичман Васильев⁹⁶ и поручик по Адм. Запрудин. Кружок морских офицеров в Харбине получил бытие, и трое офицеров, бывшие свидетелями его рождения, таким образом, являются сегодня одновременно с кружком и юбилярами, и по случайности — его президиумом, ибо В.Н. Кондрашов его председатель, М.И. Запрудин казначей, а нижеподписавший — секретарь. Из прежних шести основателей адмирал Федорович, Дмитриев и Малявин здравствуют в Шанхае; Серапинин в Австралии, а мичман Васильев отнесен нами на кладбище — мир его праху! И только Ульрих, хотя и в Харбине, но изгнан, ибо, согласно единогласному постановлению общего собрания кружка от 30 декабря 1930 г., всякое общение с ним членов кружка воспрещено. Постановление утверждено адмиралом.

В течение 1925—1926 гг. в кружок вступили: лейтенанты Шульговский⁹⁷, Подольский⁹⁸, полковник артиллерии Ильин, доктор Волховской, священник Шалабанов, мичман Миштовт⁹⁹, Слюз¹⁰⁰, Кузнецов, Соколов, поручик Залого и гардемарин Андрианов¹⁰¹.

Увеличение личного состава кружка породило мысль о переименовании кружка в Кают-компанию, что и было сделано. Одновременно был организован Суд чести, причем было предположено всех желающих быть принятыми вновь в К.-К. предварительно направлять в Суд чести, отзыв которого был бы решающим и обжалованию не подлежал. Суд чести разбирал также и некоторые мелкие недоразумения, касающиеся членов К.-К. В то же время была основана библиотека и за счет К.-К. была произведена выписка для общего пользования заграничных специальных изданий по военно-морским вопросам. В заседаниях К.-К. делались регулярные доклады на морские темы, в частности на животрепещущий вопрос «Тихоокеанские проблемы», будировавшийся тогда в заграничной прессе. В то время еще не было переводов этих специальных изданий на русский язык, и таковые прочитывались в К.-К. по первоисточникам с листа, переводимым главным образом бывшим помощником военно-морского агента в Японии, лейтенантом Серапининым. Эти про-

блемы докладывались в К.-К. задолго до того времени, как они были вынесены в Харбине на кафедру и в прессу докладчиками, генералом Андогским¹⁰² и др. Доклады Серапинина отличались всегда продуманностью и слушались в К.-К. с интересом, и отъезд Александра Васильевича в Австралию явился для К.-К. большой потерей. Часто делал доклады также полковник Ильин, выбиравший темы главным образом из зарубежных газет, ибо, как сотруднику газеты «Русский Голос», ему легко можно было иметь под рукой нужный материал. Доклады делали и другие члены К.-К.

Жизнь в Харбине никогда не баловала моряков — безработные были всегда. В поисках выхода была сделана попытка в 1926 г. летом устроить безработных членов К.-К. в Китайский Шаньдунский флот и в организовавшийся там Русский отряд генерала Нечаева. Были на заседании избраны два офицера, Ильин и Малявин (последний сам просил, как безработный, отправить за общий счет его и тем помочь ему устроиться там в первую очередь). Эти два офицера отправились делегатами в Цинанфу для зондирования почвы. На этом заседании впервые присутствовали два адмирала: М.И. Федорович и, в качестве гостя, Клюпфель¹⁰³, возглавляющий К.-К. в Калифорнии и там скончавшийся. К сожалению, вышеупомянутая поездка никаких результатов для кружка не дала, так как Малявин не мог устроиться в Шаньдуне за неимением офицерских вакансий, а начинать карьеру с рядового он и сам не пожелал. На обратном пути наши делегаты едва не попали в карантин, ввиду объявления района неблагополучным по холере.

С целью сделать общение между кают-компаниейцами еще более тесным и перезнакомить между собою и семьи моряков был устроен зимой в подвале Доценко первый закрытый и строго семейный маскарад, снимки с участников коего до сих пор висят на стенах квартир моряков. В группе снят и офицер Германского Императорского флота, случайно оказавшийся в Харбине и попавший на наш маскарад. В центре снимка адмирал в форме боцмана с дудкой, держащий в одной руке Андреевский флаг, а в другой линек.

Маскарад прошел блестяще, веселились искренне от души до самого утра. В обществе скоро узнали про вечер, и о моряках заговорили. Тогда в том же сезоне, 25 марта, был устроен в «Орианте» вечерний чай, на котором было 50 человек посторонних приглашенных с самым строгим выбором. В приглашении указывалось, что моряки просят пожаловать к ним на фокстрот от 5 до 8 вечера, причем в приглашении предварялось, что в следующий раз гости будут приглашены уже от 8 до 5 утра, чтобы веселиться целую ночь напролет. Этот анонсированный вечер непрерывного фокстрота заставил уже заранее доби-

ваться чести быть приглашенным на Морской вечер, попасть на него было очень много желающих, и поэтому на 3 мая 1926 г. в зале гостиницы «Новый мир» (на второй день праздника Светлого Христова Воскресения) моряками было роздано уже 200 пригласительных карточек.

Враждебной морякам кликой были приняты все меры к срыву анонсированного вечера, забастовали все служащие «Нового мира», ушел буфетчик, захватив с собой ключи, скрылась прачка со столовым бельем, и даже заодно с официантами ушел и метрдотель, еще только накануне уверявший, что он сам бывший офицер. «Бывший» он оказался в полном смысле этого слова, ибо профсоюзный приказ ему оказался приемлемым. Не ушел только повар, бывший судовой кок, и привязанность его к флоту восторжествовала, и он, несмотря на приказ, не покинул своего так нужного в этот день поста.

Экстренно принятыми мерами было прорван фронт профсоюзного нажима, и вечер состоялся. Правда, вместо скатертей столики были покрыты наспех купленным в китайской лавке коленкором, вместо официантов маячили редкие фигуры откуда-то взятых и наскоро облаченных в ресторанный «форму» добровольцев и даже часть музыкантов была выхвачена из какого-то иного оркестра; и несмотря на все, этот вечер блестяще удался, веселье было до утра, и никто из гостей даже не узнал об этом организованном походе на моряков, так позорно провалившемся. Со всех сторон поступали просьбы к адмиралу повторить Морской вечер, и поэтому моряки вынуждены были устроить подряд два вечера в Пожарном обществе (27 декабря 1926 г. и 31 января 1927 г.), причем на последний вечер пришло столько гостей, что в огромном здании не хватало ни столов, ни стульев, а в ресторане напитков и кушаний, а во время танцев была такая толчея, что нужно было искусно лавировать, чтобы не сталкиваться с другими танцующими парами. Присутствовало вместе с организаторами не менее 400 человек. Благодарной публикой был поднесен адмиралу подарок, не имеющий цены, но представляющий из себя очень оригинальную вещь тонкой кропотливой работы. Это был портсигар, сделанный целиком из хлебного мякиша и отлакированный; на одной из крышек был изящно выделан из золота адмиральский погон с орлами, а на другой — Двуглавый Орел и дата...

Публика была в восторге от вечера, а организаторы в ужасе от такого наплыва гостей...

В 1925 г. «6 ноября» было отпраздновано в ресторане «Самсон», а в следующем — в ресторане «Русская Изба»... К этому году относится вхождение в К.-К. гостем лейтенанта Мацукетти, офицера Итальянского Королевского флота, назначенного в Харбин врем. исп. дол-

жность итальянского консула. Одновременно вступил и мичман Кузнецов. Лейтенант Мацукетти владел французским языком и посещал собрания К.-К. на общем основании, причем из уважения к гостю, не говорившему по-русски, беседы за столом велись на французском языке. Лица же в нем слабые дипломатично оказывались на другом конце стола, дабы случайно «не посрамить земли русской» в случае невольного вопроса со стороны дорогого гостя, впрочем, все было мило и хорошо, только все немного подтягивались и разговоры велись в ровных тонах, голоса никогда не повышались. Уезжая, лейтенант Мацукетти дал банкет, ему ответили тем же, и расстались лучшими друзьями.

От членских взносов и вечеров у К.-К. стали накапливаться некоторые суммы, конечно весьма скромные, которые никогда не лежали под спудом, а употреблялись на пополнение библиотеки и на благотворительную помощь и ссуды господам членам К.-К. Первая ссуда была выдана, согласно личной просьбе, мичману Соколову, в сумме 20 иен, на покупку билета в Тяньцзин, где он устроился на службу. Ссуда была своевременно возвращена. Так автоматически начала свою работу касса взаимопомощи К.-К. Так как ссуды были беспроцентные и давались свободно, то к ним и прибегали многие, и фактически касса К.-К. была всегда пуста. Жизнь показала, что ссуды не всегда возвращались в срок, а зачастую и совсем не возвращались, равно как и не всегда исправно поступали и членские взносы. Этот вопрос был неоднократно обсуждаем, и, наконец, решено было его упорядочить включением в вырабатываемый устав пунктов, гарантирующих возвращение ссуд. Выработка устава внесла в мирную жизнь К.-К. страсти, и при обсуждении того или иного пункта иногда мнения отдельных членов резко расходились. Под влиянием двух-трех появилась и поддерживалась некоторыми членами К.-К. тенденция о возглавлении ее не единолично старшим из моряков — адмиралом, а коллегией из трех лиц, избранной по большинству голосов, причем в этом случае им отводилась жалкая роль — подписание готовых уже постановлений. Желание настоять на своем в указанном смысле породило первые раздоры в К.-К. Начались ссоры, интриги, жалобы, словом, все то, что свидетельствует о начале упадка дисциплины. Были случаи разбора этих мелких интриг Судом чести. А однажды пришлось даже созвать совет из старших офицеров для суждения о грубости, допущенной на словах лейтенантом Шульговским в отношении председателя К.-К. Единогласным решением совета на последнего было наложено дисциплинарное взыскание в виде не приглашения его на четыре ближайших заседания К.-К. Столь легкое взыскание было на него наложено пото-

му, что советом было принято во внимание его возбужденно-невменяемое состояние, и его поступок был вызван закулисным влиянием на него Ульриха; таково было тогда общее убеждение. Способ подачи коллективного императивного требования, вместо установленных единоличных рапортов для сношения со старшим начальником, свидетельствовал об ослаблении дисциплины у подписавших и о закулисных влияниях извне. Видна была чья-то направляющая злая воля, направленная на разложение К.-К. путем взрыва ее изнутри, подписи под заявлением просто собирались.

Накануне очередного собрания адмиралом было созвано в «Русском Доме» совещание из офицеров, не подписавших коллективного заявления. Ознакомившись с этим заявлением, господа офицеры, как бы принимая на себя моральную ответственность за непредотвращение подачи, сделанного без их ведома, заявления, каждый отдельным рапортом, поданным на имя председателя К.-К., просили об отчислении их от К.-К. с просьбой образования Харбинского морского кружка на новых началах с безусловным подчинением старшему начальнику и назначением должностных лиц председателем вместо выборной системы. Такого рода рапорты подали: ст. лейтенанты Кондрашов и Жемчужин, лейтенанты Дмитриев и Подольский, мичман Миштовт, поручик по адмиралтейству Запрудин и подпоручик Залого, доктор Волховской и священник Шалабанов, т. е. девять человек.

Симптоматично, что это возрождение кружка состоялось в «Русском Доме», где и сейчас собрались мы все по случаю юбилея кружка. Приятным считаю отметить, что с того момента за семь лет никаких дряг и кляуз не было, до настоящего времени Суд чести более ни разу не собирался, да и поводов для этого не было.

На очередное собрание К.-К. большинство подавших рапорты уже не пришли, предоставив разрешение вопроса всецело адмиралу. Прибыв на собрание и убедившись, что уговорить подписавших коллективное требование невозможно, адмирал заявил, что как старший начальник в Харбине он закрывает К.-К. и одновременно отдает приказ о зачислении в Харбинский Морской кружок тех из господ офицеров, которые пожелают вступить в него, подав отдельные рапорты, и подпишут соответствующее обязательство. Затем адмирал объявил заседание закрытым и покинул собрание. Так был образован теперешний Морской кружок офицеров, который и по сие время дружной, тесной семьей идет по пути данного при вступлении в него обещания.

Ульрихом и Шульговским, не подчинившимся приказанию адмирала, было основано параллельное Морское образование, возглавленное Шульговским, как старшим. Попытки, предпринятые кружком к уго-

вору отколовшихся присоединиться к большинству и вновь войти в кружок в то время успеха не имели, и тогда библиотека и актив бывшей К.-К. по добровольному соглашению были полюбовно разделены.

Деньги, по разделу доставшиеся кружку, были отосланы в казну Великого князя Николая Николаевича.

Первым приказом адмирала были назначены ст. лейтенант Кондратов — старшим офицером и заместителем председателя и казначеем, а ст. лейтенант Жемчужин — секретарем кружка. На первом же заседании кружка было вынесено постановление: считая вопрос откола от кружка шести человек несерьезным и временным, предоставить его изжитие течению времени, а чтобы рассеять могущие проникнуть в общество кривотолки, объявить устройство 4 апреля в «Модерне» очередного вечера (в Пожарном обществе вечер был лишь всего два месяца тому назад), это должно было наглядно показать обществу, что у моряков положение «без перемен». На этот вечер было обращено самое серьезное внимание, ибо ставка была на признание со стороны общества реорганизованного кружка. Было отпечатано для сторонних приглашений 200 билетов, без права передачи. Билеты были подписаны адмиралом и приглашающим офицером, и имелись специальные отрывные купоны для контроля; контролер был приглашен на этот раз за плату со стороны, и ему было вменено в обязанность не пропускать без билетов решительно никого, даже знакомых ему моряков, вследствие чего все офицеры и их семьи были также снабжены билетами.

Был приглашен лучший в городе оркестр, и отпечатаны специальные прейскуранты с морскими эмблемами, причем цены ресторана для этого дня «Модерном» были значительно понижены. Публике было преподнесено устроителями много сюрпризов-подарков. Вечер по подобию гостей был исключительно удачным, и непринужденное веселье длилось вместо анонсированных «до 3-х часов» — до 6 часов утра!

Симпатии публики к устроителям-морякам были искренне задушевными, и иметь честь быть приглашенным на морской «бал», как стали называть в обществе скромные морские вечера, стало заветной мечтой многих. Эти вечера в дальнейшем стали как бы традиционными, и их с нетерпением ожидают в харбинском обществе даже теперь, в тяжелое, депрессивное время. Кто из морской среды не слышал постоянно одного и того же вопроса, «а когда же будет Морской Бал?».

Морские офицеры вправе гордиться этой любовью и бережным отношением к морякам национально мыслящих харбинцев, но одновременно мы должны помнить, что этим обязаны исключительно корпо-

ративной этике русского морского офицера, старинным, седым традициям корпуса и воспитанию в суровой дисциплине прохождения службы в Российском Императорском флоте, сплотившем нас в дружную семью, где не выносятся «сор из избы»... Семья моряков — крепчайшая изо всех...

За время с 1927 г. в кружок вступили: капитан 2-го ранга Б.П. Апрельев¹⁰⁴ и М.М. Теренин¹⁰⁵, подпоручик по Адмиралтейству Навроцкий¹⁰⁶, мичманы Рачинский и Булатов¹⁰⁷ и подпоручик Ваннаг.

Некоторое время по отъезде адмирала, по его же назначению, председателем кружка, как старший по производству, был М.М. Теренин, затем Б.П. Апрельев; М.М. Теренин и Г.Н. Навроцкий выбыли в Шанхай, мичман Рачинский служит в Мукдене, но продолжает состоять в кружке, мичман Булатов и Ваннаг автоматически выбыли из кружка, вследствие его систематического непосещения и за неплату членских взносов. Гостем был мичман Делимарский¹⁰⁸, проводивший свой отпуск в Харбине и отбывший по окончании его к месту своего служения в Шанхае. На короткое время был гостем и мичман Сысоевский, ушедший по собственному желанию. Член кружка, чиновник морского ведомства С.И. Дмитриев-Павлов, выбыл за отъездом в Цингдао, где он и обосновался; за отъездом же в Шанхай выбыли и еще два члена: лейтенант Дмитриев и священник Шалобанов. Возвратились в кружок лейтенант Подольский и мичман Слюз. Вновь вступили и продолжают в нем находиться: лейтенант В.Я. Запольский¹⁰⁹ и морской стрелок лейтенант М.И. Гребинский, мичман М.И. Никифоров¹¹⁰, поручик Л.Н. Моляревский, гардемарины — Абращенко¹¹¹, Орлов, доктор Захаров и врач флота Рагозинский. Умерли в Харбине: лейтенант Смирнский¹¹² (застрелился), ст. лейтенант Белоусов (раздавлен насмерть автомобилем), мичман Васильев (застрелился). Умерли от болезней: капитан 1-го ранга Шутов, подпоручик Залога, морской врач Весельков¹¹³ и инженер-механик капитан 2-го ранга Андреев¹¹⁴. Память их живет в сердцах моряков.

Следует отметить, что членами кружка были лишь некоторое время мичман Владимир Алексеевич Васильев и подпоручик Парфений Алексеевич Залога. Но к своей кончине оба в кружке уже не состояли. Похороны — Васильева, Залоги и Андреева — производились частично средствами кружка. Об отколовшихся от кружка и образовавших параллельную организацию, просуществовавшую лишь самое короткое время и затем распавшуюся, естественно, говорить не приходится, ибо от нее в Харбине остался один лишь Ульрих, прочие же офицеры или выбыли из Харбина, или же присоединились вскоре к кружку — подав установленные рапорты. На первом же заседании

реорганизованного кружка было вынесено постановление: «Нигде и ни при каких обстоятельствах в обществе не говорить ничего плохого об офицерах не присоединившихся к кружку, но всеми мерами стремиться найти с ними общий язык, не порывать с ними знакомства и личных отношений», что и проводилось в жизнь. В частности, когда председатель отколовшейся группы Шульговский уезжал в Австралию — провозвать его на вокзал прибыли все члены кружка.

Вторым постановлением этого же первого собрания было решение — быть всегда предусмотрительными в отношении других членов кружка и оказывать им всяческую моральную поддержку, а в случае обнаружения созданных про одного из членов сплетен немедленно сообщать пострадавшему их содержание и источник их передачи, что строго проводилось в жизнь и дало прекрасные результаты, благодаря чему и сплочены в такую дружную семью морские офицеры в Харбине и их семьи, создавшие так называемые «Собрания Дамского Кружка». Итогом этой миролюбивой политики и было то, что уже в 1926 г., 6 ноября (всего лишь год спустя), в «Модерне» за общим столом сидели все 23 морских офицера, бывшие в тот момент в Харбине, в частности, были и Малявин с Соколовым. Не было лишь Ульриха, который, кажется, в это время отсутствовал в Харбине, и было комично вспомнить, что год тому назад, когда кружок собрался за гусем на квартире доктора Н.Н. Волховского, было прочитано письмо от одного из членов параллельного объединения, буквально гласившее, что «в этот день он намерен пробить в кругу моряков-питомцев Корпуса, а потому не может прибыть по приглашению»... И все это было бы бесконечно смешно, если бы не было так дико. Конечно, на следующий год ему приглашений не посылали.

Самое грустное 6 ноября было в конфликте 1929 г., когда китайскими властями было запрещено ходить по городу после 10 часов вечера и устраивать какие-либо собрания, даже по случаю крестин, именин, похорон и т. п., и когда вызванный к больному врач должен был идти под охраной полисмена не прямым путем, а от будки до будки, но и в этот год моряки собрались у Н.Н. Волховского за традиционным гусем, отслужив предварительно панихиду о Государях и павших моряках. В 1930 г., когда состав кружка значительно пополнился, частная квартира уже не могла вместить всех офицеров и 6 ноября праздновалось в ресторане Сорочинской. Празднество затянулось чуть не до утра, и время было проведено весело и непринужденно. Присутствовавшие представители морского отдела Организации мушкетеров были очарованы морской непринужденностью, царившей весь вечер, когда между тостами за высочайших особ, адмиралов и друзей вспоминались недавние дни былого величия России. Торжество было ом-

рачено лишь двумя случаями: из-за сильной гололедицы, поскользнувшись, ушибся всеми уважаемый и любимый Б.П. Апрельев; кроме того, два офицера, не входящие в кружок, Малявин и Соколов, совместно с Ульрихом устроили демонстрацию в отношении кружка. Отказавшись, под предлогом болезни, от участия за общим столом, устроенным нами в отдельном кабинете, они явились в этот же ресторан и, заняв столик в проходе у дверей, в грустном одиночестве пили водку. Подчеркнув этой демонстрацией свою идейную связь с Ульрихом, они этим самым закрыли себе двери Морского кружка в Харбине. На ближайшем заседании кружка под председательством капитана 2-го ранга Апрельева (адмирал пришел на заседание позже) было вынесено единогласное постановление порвать с указанными лицами всякое знакомство, решение было обязательным и для отсутствующих на заседании. Решение адмирал утвердил.

Остается упомянуть, что трудами кружка было создано летнее Морское Собрание, сперва на арендованном у Жемчужина небольшом участке. В сезон 1927 г. была построена из циновок веранда с двумя при ней кабинками, а впоследствии на арендованном от земельного управления собственном участке уже воздвигнута из дерева капитальная веранда с четырьмя при ней кабинками. Предполагалось все собрания летних месяцев устраивать на веранде, а кабинки сдавать нуждающимся в них морякам под дачи. Эти «дачи» вначале пользовались большим успехом, и в праздничные особенно дни были заполнены приезжими из города. Почти все пользовались кабинками на разные сроки. Частые наводнения, смывавшие постепенно остров, на котором были возведены постройки, в 1932 г. закончились катастрофой, когда наводнение почти уничтожило остров, подмыв и Морской участок, вследствие чего его скрепя сердце пришлось ликвидировать, и кажется, как раз вовремя, так как, по-видимому, Солнечный остров доживает последние дни. В 1931 г. покинули Харбин: адмирал, Теренин и Апрельев. В этом же году вполне сорганизовался Дамский Кружок, и с этого 6 ноября на торжество приглашаются и семьи господ офицеров, вследствие чего на «гусе» было 23 человека. Торжество справлялось на квартире Н.Н. Волховского, а в следующем году оно было справлено на квартире Д.П. Жемчужина, куда прибыло уже 30 человек, и наконец, нынче, в юбилейную дату кружка, все моряки за «гусем» собрались в гостеприимных стенах «Русского Дома» у его директора К.И. Подольского.

Заканчивая эти небольшие строки исторического обзора существования Морского кружка в Харбине за истекшие десять лет, я прошу не судить строго докладчика, ибо единственным пособием, которым я

мог располагать при составлении очерка, была моя память, но ведь она уже не так свежа, как была при зарождении кружка, и за десять лет достаточно послабела.

Дай же Бог, чтобы не пришлось никому из вас напрягать свою память, для будущего кружка, а вместо этого положить все силы на служение Родине на Русских родных кораблях, под Андреевским флагом, ибо час освобождения Родины мне кажется близким...

*Е. Красноусов*¹¹⁵

ШАНХАЙСКИЙ РУССКИЙ ПОЛК¹¹⁶

Русские на Международном Сеттльменте Шанхая

До приезда в Шанхай массы русских беженцев из Приморья русский Шанхай, в смысле коммерческих дел, имел почти нулевое значение, так как, кроме отделений ханькоусских русских чайных магнатов, никакой другой торговли, и тем более промышленности, здесь не было. Даже существовавший с 1896 г. Русско-Азиатский банк не имел большого значения, так как обслуживал только интересы тех нескольких десятков человек русских резидентов, которые жили в Шанхае в те отдаленные времена. В Ханькоу чайные русские магнаты Губкин-Кузнецов, Молчанов-Печатнов, Литвинов тогда действительно представляли солидную русскую коммерческую силу, делая многомиллионные годовые обороты.

Первое, правда ничтожное, оживление в русской торговле отмечилось в период Русско-японской войны 1904—1905 гг., когда в Шанхае появилось значительное число военных русских, но оживление это прошло сразу же после войны, когда русские снова уехали на родину. К 1908 г., помимо Русско-Азиатского банка и Конторы Добровольного флота, существовали уже кое-какие русские частные предприятия.

Следующим моментом оживления было время Великой войны с 1914 г., когда в Шанхай нахлынуло значительное число русских торговцев, коммерсантов, агентов по закупкам и поставщиков правительства. В это же время в Шанхае производилась постройка ледоколов для нужд Владивостокского порта. Большое количество сырья: джутовых мешков, резины и проч. — направлялось из Шанхая в Россию. Это оживление в торговле Шанхая с Россией имело результатом увеличение числа русских резидентов этого города, главным образом торгово-промышленного класса.

Во время революции 1917 г. в Шанхай стали стекаться русские беженцы и, кроме того, «Белые Правительства» стали производить в Шанхае большие закупки товаров на военные нужды. Торговую жизнь и то время регулировала Торговая палата, открытая при российском генеральном консульстве. И консульство, и Торговая палата были закрыты в 1924 г. К 1919 г. в Шанхае было уже до 1000 русских и несколько русских торговых предприятий.

23 сентября 1920 г. президентом Китая был издан декрет, которым были упразднены российские дипломатические консульские учреждения в Китае. Издавая этот декрет, президент одновременно подчинил всех русских, проживающих в Китае, юрисдикции китайских законов.

В ответ на этот декрет российский посланник князь Кудашев не протестовал против лишения права дипломатического представительства себя и консулов, находя это в соответствии с истинным положением вещей, но настаивал на сохранении за русскими их прав экстерриториальности. В этом он был поддержан дипломатическими представителями других иностранных держав, которые боялись, что одностороннее нарушение договора Китаем в отношении России может создать опасный прецедент и для них.

В результате китайское правительство издало временные правила о применении иностранных законов в китайских судах и учредило Бюро по русским делам, в которых бывшие русские консульские чины были зачислены на службу китайскими чиновниками, но без содержания от китайской казны. Права и обязанности русских консульских чинов были совещательно-исполнительного характера. С этого момента русские начали регистрироваться по китайским законам, они судились в «Смешанном Суде» с участием бывшего русского консульского асессора и китайского судьи. Так продолжалось до мая 1924 г., когда Китай признал СССР.

Советское правительство отказалось от прав экстерриториальности для русских, одновременно объявило всех русских граждан, проживающих на территории Китая и не возбудивших ходатайство о предоставлении им советского подданства, лишенными прав русских граждан и отказалось от какой-либо защиты или представительства их интересов.

Бюро по русским делам были упразднены, и ведение русскими делами полностью перешло к китайским комиссарам по иностранным делам, а там, где их не было, — к китайским губернаторам и полиции. Китайское правительство формально прекратило всякие сношения с бывшими дипломатическими и консульскими чинами России, но,

по старой памяти, в силу личных отношений, оно оказывало им те или иные услуги в частном порядке.

Вот поэтому-то, после упразднения Бюро по иностранным делам, по инициативе бывшего императорского генерального консула в Шанхае, Виктора Федоровича Гроссе, в июле 1924 г. был образован Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в городе Шанхае, во главе которого встал сам Гроссе.

На первых порах Комитет этот был организован по принципу личных приглашений самого Гроссе, но после его конфликта с генералом Ф.Л. Глебовым он был преобразован на началах привлечения представителей общественных организаций, уже образовавшихся к тому времени. Реорганизованный Комитет принял огромное участие в деле поддержания порядка в Шанхае в 1925 г., во время всеобщей забастовки, направленной к ущемлению иностранных интересов города. Иностранцы по заслугам оценили деятельность Комитета, отпустив большую сумму денег на благотворительные нужды, а самого В.Ф. Гроссе пригласили на службу при Шанхайском муниципальном совете заведующим «Добровольческими службами», с крупным окладом содержания.

Разногласия между Гроссе и эмигрантской общественностью продолжались и в 1926 г. вылились в форму полного разрыва, когда Гроссе и всему правлению его Комитета было выражено явное недоверие. В.Ф. Гроссе ушел, организовав Эмигрантский комитет и другое благотворительное общество, тем самым создав параллелизм существования двух организаций, претендующих на представительство и защиту прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае. Одна — основанная на принципе преемственности власти от прежнего российского генерального консульства, а другая — на принципе выборной власти, опирающейся на представителей общественных организаций.

Несмотря, однако, на различие внутреннего их построения, они все же действовали в общеэмигрантских интересах, и трудно сказать, кто из них приносил больше пользы. Обе эти организации несли функции близкие к консульским: ни один из белых русских эмигрантов не мог миновать их при оформлении своих документов. В тех случаях, когда необходимо было объединенное выступление русских, обе организации собирались на совместные заседания и дружно вели общую работу.

Иностранные власти Международного Сеттльмента и Французской Концессии нисколько не стесняли белую русскую эмиграцию и вполне доверчиво относились к ее представительным органам. Факт существования в Шанхае органов представительства русской эмиграции, признанных китайским правительством и иностранными властями, является большим плюсом в эмигрантской жизни.

Правовое положение эмигрантов определялось так: эмигранты могли свободно работать там, где хотели, иметь собственное движимое и недвижимое имущество, собственные школы, храмы, госпитали, имели свободу слова и печати, а равно и право на созыв общих собраний и создание общественных организаций. Все это свободно разрешалось властями в рамках законов страны. Бесправного положения русская эмиграция в Шанхае не знала.

Налог же большинство из эмигрантов платили только квартирный. Необходимо добавить, что каждый русский налогоплательщик, наравне с иностранными налогоплательщиками, участвовал в выборах муниципального совета — фактического правительства иностранного города Шанхая.

После крушения «Белого Приморья», в середине ноября 1922 г., остатки «Приамурской Земской Рати» (так называлась Белая армия Приморья, когда правителем этого края был «Воевода» — генерал М.К. Дитерихс¹¹⁷) оставили русскую территорию и ушли в Китай тремя путями: сравнительно небольшая часть войск 1-го¹¹⁸ и отчасти 2-го¹¹⁹ корпусов, почти без беженцев, вышли в Северную Маньчжурию через ст. Пограничная и после многих злоключений рассосались по линии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), перейдя на положение «белых русских эмигрантов»; главные силы 2-го и 3-го¹²⁰ корпусов отступали с боями походным порядком и перешли границу у г. Хунчун, недалеко от корейской границы. По распоряжению китайского губернатора «Трех Восточных Провинций», маршала Чжан Цзолина, эти остатки белых воинских частей, вместе со следовавшими за ними гражданскими беженцами, общим числом около 7000 человек были расквартированы в районе г. Гирин, где они находились в течение года, а потом постепенно рассосались по всему Северному Китаю, главным образом на той же КВЖД.

Остальные части Дальневосточной Белой армии и главная масса гражданских беженцев, общим числом около 9000 человек, эвакуировались из Владивостока морским путем на борту 30 военных транспортов, пароходов и катеров.

Первой остановкой этой «флотилии» был ближайший от Владивостока порт Гензан, в Корее. Из Гензана часть этой флотилии, под командой адмирала Старка, двинулась на Шанхай. Переход от Владивостока до Шанхая этой флотилии, состоявшей в большей своей части из непригодных и негодных к длительному морскому переходу суденышек, был чрезвычайно тяжел. Бурное море, недостаток пресной воды и провианта, а также перегруженность «пассажирами» усугубились еще разразившимся вскоре по выходе из Гензана штормом. Не

дойдя до Шанхая сто миль, погибли во время этого шторма тралер «Аякс» и канонерская лодка «Лейтенант Дыдымов», на которой, вместе с командой, погибла и группа мальчиков-кадет.

В конце ноября 1922 г. все же остальные суда флотилии адмирала Старка бросили якоря в Вузунге, близ Шанхая. Контр-адмирал Старк, с таким трудом приведший свою разнокалиберную флотилию в Шанхай, был встречен здесь как иностранцами, так и русскими официальными лицами крайне недружелюбно. После долгих переговоров, во время которых на судах был сделан необходимый ремонт и пополнены судовые запасы, шанхайские власти настояли на уходе из Шанхая всех судов флотилии, разрешив скрепя сердце высадить желающих из пассажиров, а также воспитанников двух кадетских корпусов (Омского и Хабаровского). Адмирал Старк покинул Шанхай и направился на Филиппины.

В это время другая часть флотилии, вышедшая из Владивостока под командой контр-адмирала Безуара¹²¹, в составе военных транспортов «Охотск» и «Монгугай» и патрульных катеров «Защитник» и «Пушкарь», оставалась в Гензане до августа месяца 1923 г. На борту этих кораблей, помимо гражданских беженцев, находилась Дальневосточная казачья группа¹²² под командой генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова.

Из Владивостока на этих судах вышло около 6000 человек, включая беженцев. В распоряжение командующего группой, генерала Глебова, правитель Приморья и воевода земской рати, генерал Дитерихс, выдал аванс в 6000 иен. 6000 японских иен на 6000 человек!! На какой срок: на неделю, на месяц, на год?!! Кто мог это предсказать?!

За девять месяцев стоянки в Гензане генерал Глебов, установив хорошие отношения с японскими властями, поставил часть людей Дальневосточной казачьей группы на работы по рытью оросительных каналов, добывая этим средства на прокормление чинов всей остальной группы. Он сумел переотправить гражданских беженцев в Северную Маньчжурию, где они осели впоследствии в городах Харбин, Хайлар и Чаньчунь. На судах осталось лишь около 850 человек молодежи и бесfamilейных. С этой группой он и направился на Шанхай, выйдя из Гензана 7 августа 1923 г.

14 сентября 1923 г., около 5 часов вечера, встала на якорь, на внешнем рейде Вузунга, флотилия из трех кораблей под флагом военных транспортов Российского Императорского флота. Появление в шанхайских водах вооруженных судов несуществующей уже державы, с поднятыми трехцветным и Андреевским флагами на мачтах, с вооруженными часовыми на постах, вызвало в Шанхае сенсацию. Кто были эти люди? Каковы были их намерения? Что им нужно в огромном, бога-

том и сытом Шанхае, который, казалось, в те дни так прочно отгородил себя от всяких войн, разрух и тому подобных бедствий?! Это были остатки Белой Русской армии, составлявшие Дальневосточную казачью группу, сформированную в июне 1922 г. из частей Гродековской группы¹²³ войск Приморья, и находившиеся в тот момент под командой генерала Ф.А. Глебова.

Позиция, занятая местными властями в отношении этой флотилии, была очень недружелюбной: генералу Глебову было сразу же предложено покинуть порт в течение 48 часов. Русские люди, перенесшие так много страданий и лишений на своей Родине и в тяжелом пути до Шанхая, неожиданно попали в новую беду там, где они надеялись отдохнуть и душой и телом.

Это требование властей оставить порт в 48 часов явилось неожиданным, ошеломляющим ударом, громом в ясный тихий день. Настроение людей упало, все почувствовали себя никому не нужными, гонимыми. Но, со свойственной ему решимостью, генерал Глебов отказался выполнить это требование властей, так как, по его мнению, это было равносильно тому, чтобы обречь его людей на гибель или голодную смерть.

Следующим требованием властей было — спустить национальный русский и Андреевский флаги и сдать оружие. Но это генерал Глебов нашел несовместимым с понятием о русской воинской чести. Чины его группы решительно высказали свою готовность идти на все могущие быть впереди неприятности, но не принять этого требования. Генерал Глебов отказался исполнить приказ шанхайских властей, несмотря на то что это их требование сопровождалось угрозой в виде английских военных кораблей, ставших на якорь вблизи «глебовской флотилии» и направивших на нее свои орудия.

Стойкость, высказанная генералом Глебовым и его частями, заставила власти идти на компромисс, и они оставили суда там, где они находились, на положении блокированных. Но уже через две недели генерал Глебов сумел добиться разрешения на выход чинов группы на берег партиями по 24 человека. Для этих «отпускных» на Французской Концессии была снята специальная квартира, там же постоянно жили и больные чины группы, проходившие амбулаторное лечение. Однако это мало изменило положение группы, так как все же город был закрыт для нее, а жизнь на транспортах становилась просто невозможной: питаться было нечем, и люди умирали от недоедания и связанных с ним болезней.

Желая хоть отчасти облегчить положение людей, генерал Глебов, простояв год на «внешнем» вузунгском рейде (примерно в 20 ми-

лях от Шанхая), отдал приказ судам войти на «внутренний рейд», в реку Вампа, несмотря на то что разрешения властей на это не имел. Суда вошли и остановились на полпути между Вузунгом и Шанхаем, против Карантинной станции. Часть людей была спущена на берег и разместились в бараках пустовавшего в то время Карантинного городка. Все это было сделано «явочным порядком», без разрешения на то властей.

Решительность и твердая воля генерала Глебова заставила местные власти пойти и на дальнейшие уступки: одиночные чины группы получили возможность «демобилизоваться» и сойти с кораблей на берег, получив в городе службу или работу.

Дальневосточная казачья группа простояла в водах Шанхая 40 месяцев!! Недоедание, болезни и гнетущая однообразная повседневность рассеяли эту массу людей: одни ушли на заработки в город, другие уехали в армию маршала Чжан Цзолина, который боролся с красным югом Китая, около сорока человек умерло от болезней, были случаи умопомешательства и самоубийств.

Военный транспорт «Монгугай» 10 марта 1925 г. был уведен в СССР взбунтовавшим свои части против генерала Глебова и предавшимся большевикам бывшим генералом Анисимовым, Оренбургского казачьего войска. Трения между ним и генералом Глебовым начались вскоре после прихода судов в Шанхай. Будучи недоволен тяжелыми условиями существования, Анисимов стал сеять смуту среди подчиненных ему людей, а затем вошел в контакт с представителями местного советского консульства. Как только генерал Глебов заметил, что на «Монгугае» творится что-то неладное, он отдал приказ «Охотску» охранять это судно, а в случае его попытки к уходу открыть по нему огонь. Тем временем Анисимов заручился уже помощью нескольких советских агентов, которые ловко повели свою работу.

Момент для увода «Монгугая» был выбран удобный: генерал Глебов лежал больной в своей квартире в Шанхае, причем болезнь эта являлась результатом какого-то страшного отравления. Пользуясь отсутствием генерала Глебова, Анисимов отдал приказ рубить трос, соединявший «Монгугай» с «Охотском».

На «Охотске» немедленно поднята была тревога, и десантная команда его с оружием в руках заняла свои места на палубе. Попытка начальника «Охотска», полковника С.Д. Иванова¹²⁴ (впоследствии командира Русского полка Ш.В.К.) вызвать Анисимова для переговоров не увенчалась успехом: последний скрылся в трюме и не вышел... С «Охотска» открыли ружейный огонь по «Монгугаю», последний ответил, произошел бой, в результате которого «Монгугай» потерял семь

человек убитыми и ранеными, а из состава десанта «Охотска», пытавшегося на шлюпках подойти к «Монгугаю», были ранены двое. В это время к «Монгугаю» подошел портовый катер «Александра» под английским флагом и увел его в один из доков Шанхая для ремонта перед дальнейшим его «пробегом» во Владивосток с 240 чел., которые верили свою судьбу Анисимову и отправились искать счастья в СССР. Как выяснилось впоследствии, катер этот был специально заарендован Анисимовым и командовал им в этот момент коммунист.

В целях изыскания средств на содержание группы транспорт «Защитник» был продан маршалу Чжан Цзолину, и совершил свой последний поход под российским императорским флагом с русской командой, состоявшей из двадцати семи сухопутных офицеров, трех солдат и только двух специалистов-моряков: командира лейтенанта русского военного флота Б.М. Вихмана¹²⁵ и механика. Этот поход из Шанхая в Тяньцзинь, через Дайрен, был совершен с 26 ноября по 29 декабря 1924 г.

27 ноября застигнутый штормом «Защитник» едва не утонул, и только благодаря спокойствию, находчивости и распорядительности лейтенанта Вихмана и героической работе всей команды ему удалось добраться до одной из небольших бухт острова Росс и там переждать ураган. 4 декабря, на пути между Вейхайвеем и Дайреном, он снова попал в шторм и, потерпев аварию, со сломанной мачтой, весь покрытый льдом, все же добрался до Дайрена, где, починив котлы, благополучно дошел до Тяньцзина и был сдан покупателям.

Военный транспорт «Охотск», оставшийся последним, был продан в Шанхае судовладельцу, г. Эдди, 26 ноября 1926 г., и с этого дня оставшиеся чины Дальневосточной казачьей группы, в числе 60 человек, с разрешения портовых властей, поселились в Карантинном городке, а некоторые из них уходили на частные заработки в город, оставаясь в списках группы...

Главной причиной нежелания со стороны консульского корпуса и муниципальных властей дать разрешение на высадку нескольких сотен эмигрантов в Шанхае была полнейшая растерянность при мысли: что же делать с этими сотнями русских беженцев, прибывших без средств, без знания английского языка и казавшихся совершенно бесполезными. Тем не менее, факт совершился: на улицах Шанхая стали появляться русские эмигранты, одетые крайне бедно, нередко в потрепанной русской военной форме, являя собой резкий контраст с вылощенными, дышавшими полным довольством иностранцами.

Положение этих белых русских эмигрантов в Шанхае в первое время было исключительно тяжелым: иностранные предприятия не принимали их на «черные работы», так как это, по их мнению, ро-

няло престиж европейцев в глазах китайцев, да и трудно было бы конкурировать в области физического труда с непрехотливыми китайцами, которые работали целые дни за несколько медяков. Незнание же английского языка являлось препятствием к их определению на «чистую работу».

Русские старожилы Шанхая отнеслись к вновь прибывшим как к «бедным родственникам». Они боялись, что с прибытием этих совершенно необеспеченных материально и неприспособленных к местным условиям жизни людей в городе начнется нарушение законов и рост преступности, что могло бы дискредитировать всю русскую колонию.

Но уже через год всем опасавшимся роста преступности пришлось убедиться, что, несмотря на свое крайне бедственное положение, белые эмигранты, сжимаясь в своем бюджете, отказывая себе решительно во всем, голодая, все же не шли по порочному пути, а всеми силами старались добиться хотя бы тяжелого, плохо оплачиваемого, случайно, но честного труда.

Статистические полицейские и судебные данные за 1923, 1924 и 1925 гг. доказывают справедливость вышесказанного. Эта статистика показала, что на долю белых русских эмигрантов не падало никаких серьезных правонарушений. И только лишь позднее, когда из Харбина и из СССР понаехали в Шанхай преступники-профессионалы, лишь с того времени судебная хроника запестрела русскими фамилиями.

Иностранцы резиденты Шанхая, вначале совершенно не зная русских и не доверяя им, их честности и работоспособности, избегали нанимать их или оплачивали их труд (в тех редких случаях, когда они им пользовались) чуть не наравне с китайским. Русские эмигранты работали за гроши на выгрузке пароходов, служили сторожами на жалованье в 25 долларов в месяц при 12-часовом рабочем дне, работали кочегарами. Словом, предпочитали всякий честный труд, хотя и плохо оплачиваемый, преступному заработку. Это упорство в приискании труда и это добросовестное отношение к нему понемногу стали ломать лед недоверия и равнодушия предпринимателей-иностранцев к белой русской эмиграции. Иностранцы Шанхай уже начал видеть в каждом белом русском эмигранте прежде всего честного труженика.

В 1925 г. китайские коммунисты, по указке Москвы, провели в Шанхае всеобщую забастовку, направленную к ущемлению иностранных интересов. Город сразу остался без китайских служащих, без контракторов, без рабочих почти всех категорий, пароходы — без команд, электрическая и водопроводная станции — без кочегаров. Ушла квартирная прислуга, ушли шоферы. Вот тогда-то иностранные фирмы и резиденты, почувствовав себя плохо, обратились за помощью к «Ко-

митету защиты прав и интересов русских в Шанхае», к организации, объединявшей белых русских эмигрантов и являвшейся как бы продолжателем выполнения функций прежнего российского императорского генерального консульства. Председатель этой организации, наш бывший генеральный консул В.Ф. Гроссе, организовал подачу русской рабочей силы во все ответственные пункты, обслуживающие население: на электрическую, водопроводную и газовую станции и в паровые компании.

Белые русские эмигранты тем более охотно откликнулись на этот призыв, что, помимо хорошего заработка, представлялась возможность лишний раз ущемить коммунистов — организаторов забастовки. Весть о шанхайской забастовке быстро долетела до Харбина, и оттуда, на хорошие заработки, двинулась молодежь, увеличившая русскую колонию Шанхая сразу почти на 2000 человек.

Забастовщики не выдержали и вышли на работы. Вожак движения были уволены со службы, и на их место зачастую были взяты хорошо зарекомендовавшие себя русские. Хотя после прекращения забастовки временно взятые на работы русские, в своем большинстве, были уволены, но сотни их все же были оставлены на службе и работах. Старавшиеся до этого не замечать русских иностранцы подошли к ним ближе, почувствовав в них полезный элемент. Среди видных и влиятельных иностранцев появились друзья и доброжелатели русских, в том числе и вице-председатель Шанхайского муниципального совета, г-н Бэлл.

Непрекращавшаяся в течение нескольких лет ожесточенная борьба китайских «северных» маршалов с красными «южанами» к концу 1926 г. и началу 1927 г. разразилась жестокой войной на плацдарме Центральных и Южных провинций Китая. Этим моментом воспользовались агенты 3-го Интернационала и перешли от пассивной агитаторской митинговой работы, восстанавливавшей китайцев против иностранного влияния в их стране, к активной, призвав их к разбоям и грабежам.

Разгулявшийся в бесчинстве китайский пролетариат захватил в свои руки иностранные концессии в Ханькоу, Киукианге и Нанкине. Ужасы, пережитые населением этих концессий, стали известны всему миру и понудили иностранных резидентов других городов Китая искать средств для защиты себя, своих семейств, своего имущества. Великие державы мира, имевшие свои концессии в Китае, срочно выслали войска и эскадры для защиты своих подданных и их имущества. Но войска и эскадры еще находились далеко от Шанхая, в пути, когда городу стала угрожать очевидная опасность быть захлестнутым волной организованного разбоя и грабежа.

Январь 1927 г. С юга к Шанхаю подходят части только что родившегося «Национального правительства Китая»: Организованы и обучены эти части с помощью советских советников (Бородин, Карахан) и инструкторов. Командует «южанами» генерал Чан Кайши, не скрывавший своих неприязненных отношений к иностранцам. Анонсированная цель движения этих войск — «карательная экспедиция против северян»; против маршала Чжан Цзолина и его шанхайского ставленника, генерала Сун Чуанфана. Скрытая же цель — захват Шанхая, подобно тому как это произошло с Ханькоу.

Учащаяся китайская молодежь и рабочие, распропагандированные красными агитаторами, уже предвкушали тот момент, когда с подходом южан к городу они получат возможность начать террор и предаться грабежу в богатом Шанхае, одновременно отомстив иностранцам за 1925 г.

Муниципальный совет Международного Сеттльмента Шанхая мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении силы самообороны, состоявшие главным образом из волонтерского корпуса и полиции, но этих сил было далеко не достаточно для охраны территории Сеттльмента и Французской Концессии. Иностранцы же войска и эскадры, двигавшиеся на помощь, были еще где-то далеко.

16 января 1927 г. Шанхайский муниципальный совет собирается на экстренное заседание и решает вопрос: «Что предпринять для защиты Сеттльмента?» Вице-председатель совета, г-н Бэлл, вносит проект предложить генералу Ф.Л. Глебову, использовав чинов своей Дальневосточной казачьей группы как кадр, сформировать русскую воинскую часть из белых русских эмигрантов и влить эту часть в состав Шанхайского волонтерского корпуса.

Решительность и настойчивость генерала Глебова, выказанные им с момента прихода его частей из Гензана в Шанхай, создали ему репутацию отличного начальника; еще свежий опыт Гражданской войны говорил за то, что чинов его группы представляют из себя ценный материал и созданная из них воинская часть будет боеспособной. Но в то же время недавнее еще невыполнение генералом Глебовым требования о спуске русских флагов и сдаче оружия вызывает вопрос: «А сумеем ли мы, дав временно русским оружие для защиты Шанхая, получить его обратно? Не используют ли они его в своих, чисто русских интересах?»

Заверения вице-председателя совета, г-на Бэлла, и его личная гарантия в том, что русские не нарушат закона и порядка и подчинятся требованиям властей, взяли верх, и муниципальный совет вынес решение немедленно сформировать «Русский отряд» в составе двух рот и

пулеметного взвода и подчинить эту часть командиру Шанхайского волонтерского корпуса (Ш.В.К.), полковнику Гордону, влив ее в состав корпуса.

21 января 1927 г. Русский отряд начал свое существование под командованием капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина, который в своем приказе по отряду от того же числа за № 1 объявил: «Во исполнение постановления Муниципального Совета Международного Сеттлмента г. Шанхая, подтвержденного командиром Шанхайского Волонтерского Корпуса, полковником Гордон, сего числа к формированию Русского отряда, Ш.В.К. приступил и в командование оным вступил сего числа».

Утром 21 января 1927 г. Алкок род. Узенькая улица в районе Вейсайда, около муниципальной тюрьмы для китайцев; район населен китайской беднотой. Старый трехэтажный кирпичный «годуан» (склад), превращенный сначала в исправительный дом для китайских малолетних преступников, а сейчас спешно освобожденный и наскоро оборудованный под казарму Русского отряда.

Сегодня на этой, обычно тихой, улице необычное движение: почти непрерывно въезжают и выезжают с небольшого двора казармы грузовики «карьер» (видевшие еще Первую мировую войну в составе транспорта британской армии) Шанхайского волонтерского корпуса, подвозящие кровати, матрацы (вернее, наволочки для матрацев и подушек), солому для их набивки, старое обмундирование, кухонную и столовую посуду, винтовки и патроны.

Со всех сторон тянутся группами и в одиночку белые русские эмигранты всех возрастов, чинов и положений. Здесь не только безработные, но и люди, имевшие приличную службу, но решившие ее бросить ради того, чтобы снова встать в ряды белой воинской части, предназначенной для борьбы с коммунистами, ибо, несмотря на объявленный «национализм» южан, все были уверены в их коммунистическом строении.

Чины Дальневосточной казачьей группы, переброшенные из Карантинного городка еще ночью, уже разместились в казарме, создав костяк двух рот и пулеметной команды. Вновь прибывающие «волонтеры» спешно опрашиваются в канцелярии штаба отряда и сразу же направляются в одну из рот или команду. Офицерский и унтер-офицерский состав уже назначен. Поступающие простыми волонтерами, бывшие офицеры Русской армии назначаются в «офицерские взводы». В каждой роте 1-й взвод — «офицерский». Все остальные взводы пополняются приблизительно равномерно людьми разных возрастов, роста, физического сложения, и поэтому взводы не представляют больших

контрастов. Большинство волонтеров — еще молодежь. Ведь не нужно забывать, что это было в январе 1927 г., когда средний возраст бывших рядовых чинов Белой армии определялся в 23—27 лет.

Вглядываясь в этот поток волонтеров, заполнивших казарму на Алкок род, невольно вспоминаем поэму А.С. Пушкина «Братья-разбойники»: «...какая смесь одежда и лиц, племен, наречий, состояний...» В особенности это заметно в офицерских взводах. Вспоминаю свой взвод 1-й «офицерский» 1-й роты, взводным унтер-офицером которого я был назначен утром в первый день формирования отряда. Вот старый жандармский полковник Патрик, ему уже за пятьдесят, он слабого сложения, маленький, невидный; вот полковник Императорской гвардейской кавалерии Нестеров, кадровый офицер-николаевец, он оставил службу в Школе верховой езды, где прекрасно зарабатывал, и пошел опять служить «белому делу»; вот другой кавалерист помоложе — ротмистр Курченко, прихрамывающий еще после последнего ранения, полученного в Гражданской войне, он тоже ушел с хорошей службы; вот ветераны ижевцы и воткинцы, полковник Солдатов (один из организаторов и руководителей восстания рабочих на Ижевском заводе) и полковник Матросов; вот капитан Тихонов — сильный физически, флегматичный офицер из бывших солдат; вот артист по профессии — пехотный поручик Шжавинский, окончивший зубоврачебную школу в Харбине и потом практиковавший в Шанхае, он бросил свою лечебницу и пошел туда, где снова готовились к борьбе с коммунистами; вот юркий прапорщик Иогансон — с лицом мальчика, но успевший захватить конец мировой войны и всю Гражданскую... и многие-многие другие.

Все являются налегке: одна-две пары белья, подушка-«думка», полотенце да пара платков в чемоданчике, а то и просто в узелке. У многих это и вообще все их движимое и недвижимое имущество, приобретенное за время эмигрантских скитаний.

Взводные и отделенные унтер-офицеры принимают своих людей, спешно организуют для них приемку обмундирования и размещают их по кроватям. Наскоро кормят обедом и сразу же посылают на работы: одни едут на склады Ш.В.К., за новыми получками снабжения и обмундирования, другие оборудуют отрядную кухню и помещения взводов. Так проходят два дня.

Отряд быстро пополняется, люди обмундированы, и все опять стали как-то «на одно лицо» — военные. Нужно начинать обучение. К этому делу тоже подходили по-особенному: ведь большинство офицеров и унтер-офицеров отряда служили раньше в казачьих, кавалерийских и артиллерийских частях или «на флоте» и пехотного строя не знали.

На второй же день вечером в обширной столовой отряда собирается весь командный состав во главе с начальником отряда, капитаном 1-го ранга Фоминым; командиры рот, старшие и младшие офицеры, фельдфебели, взводные и отделенные унтер-офицеры; все выстроены в одну шеренгу «по ранжиру», и настоящая «крупно-пехота», бывший кадровый старший унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка (окончивший Великую войну офицером этого полка), капитан П.К. Поронник¹²⁶ (мой командир 1-го взвода 1-й роты), приступает к обучению этих командиров пехотному строю с самых «азов». А назавтра они сами должны будут вести занятия со своими людьми. Присутствует на занятиях и генерал Глебов, официально являющийся «Инспектором Отряда». Так продолжалось в течение нескольких дней: вечерами учились командиры, а днем обучали своих людей.

Принимали в отряд со строгим отбором, но все же к 5 февраля численность отряда уже превышала 150 человек. 1-й ротой командует полковник С.Д. Иванов, 2-й полковник М.И. Мархинин¹²⁷. В этот день в казарме отряда архимандритом Макарием был отслужен первый молебен и освящены все помещения отрядной казармы.

Через несколько дней после этого командир Ш.В.К., полковник Гордон, производит отряду первый инспекторский смотр. Оставшись доволен воинским видом, дисциплиной и обучением, он приказал выдать всем чинам отряда на руки полагающееся им оружие, до того времени хранившееся на складе отряда и выдававшееся только в случае встречающейся к этому необходимости,

19 февраля 1927 г. отряд получает первую ответственную задачу — охрану муниципальной электрической станции, и в тот же день к винтовкам были выданы боевые патроны на руки. Состав караула: 1 офицер, 3 унтер-офицера и 21 волонтер.

Шанхайская электрическая станция, в то время одна из самых больших в мире, расположена почти на окраине города, в районе Янцзепу, на берегу реки Вампу. Среди громадных бетонных зданий станции, почти на самом берегу реки, спешно построено «караульное помещение». Это бамбуковый барак, с циновочными стенами и крышей. В нем поставлены походные кровати для «отдыхающей» смены караула, стол и несколько скамеек для сменившихся с постов людей, караульного начальника, унтер-офицера и разводящих.

Я имел честь первым попасть в этот караул, в качестве караульного унтер-офицера, с караульным начальником капитаном П.К. Поронником, а караул состоял из людей нашего 1-го «офицерского» взвода 1-й роты.

Стояла сырая, холодная шанхайская зима. С реки постоянно тянуло холодом. Шинелей не было, а старое, поношенное, промокшее под непрерывно морозящим дождем обмундирование грело плохо, и люди, стоя на постах, промерзали до костей. Поэтому смену часовых на постах ночью производили через каждый час, а днем — через два, как полагается по уставу.

Службу несли строго по русскому Гарнизонному уставу, соблюдая все требования его до мельчайших подробностей: разводящие разводили свои смены по постам, сменяли часовых по всем правилам устава, сменившаяся с постов смена «отдыхала», сидя в караульном помещении у стола, а очередная смена имела право отдыхать «лежа» на кроватях.

Но лежать было невозможно: по бараку гулял холодный ветер, пронизывая до костей. Администрация электрической станции снабдила караул большим количеством электрических печей, но это не помогало, так как циночные стены и крыша барака не держали тепла, а «весь Божий свет не натопишь». Поэтому обогревались по-русски: чайком, который беспрерывно кипятился на печках. Служили полные сутки, и смена караулов происходила в полдень. Сменившийся караул на двух грузовиках перебрасывался в свою казарму на Алкок род, где имел право отдыхать до следующего утра. А утром — строевые занятия, хозяйственные работы и т. д.

25 февраля 1927 г. командир корпуса приказывает всему отряду пешим порядком в полном составе перейти в муниципальные казармы, находившиеся на муниципальном стрельбище, в районе Хонкью-парка, продемонстрировав этим маршем свою мощь, а потом взять на себя оборону всей этой северной части Сеттльмента, граничащей с китайской частью города — Чапеем и железной дорогой, ведущей к Вузунгским фортам. Район Хонкью очень густо заселен японцами, но в то время их воинские части были весьма незначительны по силам, а поэтому Русский отряд представлял из себя единственную надежную воинскую силу на самой опасной окраине Международного Сеттльмента.

Разместились в кирпичных, прекрасно оборудованных казармах Ш.В.К., которые обычно пустовали, так как ими пользовались роты корпуса только в дни, когда они проходили стрельбы и проводили свои лагерные сборы, т. е. по субботам и воскресеньям. Сейчас весь корпус был мобилизован, поэтому учебные стрельбы и лагерные сборы были отменены и бараки всецело представлялись Русскому отряду.

Разместились очень удобно... и немедленно приступили к саперным работам: на стрельбищном валу (примерно в 1000 ярдов от казарм в сторону Вузунга) вырыли глубокие окопы для стрельбы «стоя» и пуле-

метные гнезда. Это была наша первая линия обороны, и там постоянно находилась застава, взвод под командой офицера, при одном пулемете Льюиса. Вторая линия обороны шла непосредственно перед окнами наших казарм, представляя из себя ряд окопчиков, имевших взаимную огневую связь. К этому времени в отряд уже были выданы четыре пулемета Льюиса.

Перейдя на стоянку на муниципальное стрельбище, отряд продолжал нести охрану электрической станции, высылая туда пешим порядком (идти нужно было около 5 миль) ежедневно караул на полные сутки. В то же время отряд непрерывно патрулировал район Хонкью-парка и выставлял ночные караулы на соседнюю с казармами полицейскую станцию Диксвель род.

Службы было очень много, отдыха мало, но все же умудрялись урывками вести строевые занятия, так как отряд все еще продолжал пополняться, приближаясь к своему штатному составу: офицеров — 23, прочих чинов — 278.

К началу марта 1927 г. отряд пополнился до своего штатного состава и представлял из себя следующее (все чины, упоминаемые ниже, — по Русской армии): начальник отряда — капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин, адъютант отряда — капитан А.А. Билюкович¹²⁸ (моряк), завед. хозяйством — полковник Н.М. Степанищев (пехота), врач отряда — доктор Р.С. Дадай-Дадаевский (врач Дальневосточной Каз. группы), штаб-офицеры для поручений: полковник Унтербергер¹²⁹ (пехота), войсковой старшина Н.М. Красноперов¹³⁰ (казак), обер-офицеры для поручений: мичман Козлов¹³¹ (моряк), мичман Филиппов¹³² (моряк). Всего: офицеров — 8, волонтеров — 4.

Строевые роты. 1-я рота. Командир роты — полковник С.Д. Иванов (артиллерист). Старший офицер роты — полковник А.М. Горбовский (казак). Младшие офицеры: капитан Ключарев (пехота), капитан П.К. Поронник (пехота), есаул А. Эммих (казак), корнет М. Падревский (кавалерист). Фельдфебель — поручик Л. Соловьев (пехота). Взводные унтер-офицеры: сотник Е.М. Красноусов (казак), сотник К.Н. Попов (казак), сотник Д.К. Кротков (казак), поручик Балтин (пехота). Отделенных унтер-офицеров — 8. Рядовых волонтеров — 112.

2-я рота. Командир роты — полковник М.И. Мархинин (казак). Старший офицер — войсковой старшина Г.К. Бологов¹³³ (казак). Младш. офицер: войсковой старшина П.Н. Галкин (казак), ротмистр П.И. Гапанович¹³⁴ (кавалерист), есаул А.И. Курочкин (казак), есаул С. Макеевский (казак). Фельдфебель — сотник А.А. Васильев¹³⁵ (казак). Взводные унтер-офицеры: поручик М.П. Смирнов (пехота), хорунжий Н.В. Харин (казак), хорунжий В.Ф. Корнилов (казак), хо-

рунжий В.М. Красноперов (казак). Отделенных унтер-офицеров — 8. Рядовых волонтеров — 112.

Пулеметная команда. Начальник команды — полковник М.М. Вдовенко¹³⁶ (пехота). Младших офицеров — 2 (не было). Взводный унтер-офицер — поручик Н. Голощапов (пехота). Отделенных унтер-офицеров — 3. Рядовых волонтеров — 20. Кроме того, была утверждена сверхштатная должность «Заведующего оружием», каковую занимал полковник А.В. Корнилов¹³⁷ (казак).

Все унтер-офицеры, начиная с «отделенных», были офицерами Русской армии. Обращение к начальникам тоже было по чинам Русской армии. Многие из офицеров оказались на положении рядовых волонтеров, составив первые взводы в ротах — «офицерские». При таком контингенте чинов отряда можно было не опасаться за невыполнение боевых приказов или трусости в серьезной боевой обстановке, ибо и рядовой состав отряда на 90 процентов получил боевой опыт во время Великой или Гражданской войны в России.

К этому времени в Шанхай уже начали прибывать батальоны английских и американских войск, военные корабли. Опасность, угрожавшая Сеттльменту, уменьшалась с каждым днем. Международный Сеттльмент начал принимать свой обычный «мирный вид», и жизнь постепенно стала переходить в свое нормальное русло.

13 марта 1927 г. состоялся даже обычный «годовой парад» Шанхайского волонтерского корпуса, именовавшийся «рут марш», причем в этом «уличном марше» участвовал и весь Русский отряд. Парад принимал командующий английскими экспедиционными войсками в Китае, генерал Дункан. Это был первый в истории Шанхая марш, в котором участвовала отдельная русская воинская часть. Несмотря на свое бедное, потрепанное обмундирование, отряд произвел отличное впечатление, и на другой день вся шанхайская пресса уделила ему большое внимание, отмечая воинскую выправку, четкий шаг и молодецкий вид.

В своем письме начальнику отряда командир корпуса писал: «...строевая выправка, спаянность и чисто воинский вид были великолепны, и я могу поздравить Вас и Русский отряд с тем превосходным впечатлением, которое Вы произвели вчера»... А вице-председатель Шанхайского муниципального совета Бэлл писал начальнику отряда по поводу этого парада: «...все газеты отзываются о Вашем Отряде с большой похвалой, и во всех наших клубах много разговоров о прекрасной внешности Отряда. Мне было приятно слышать рукоплескания, когда Вы проходили место салюта. Ни одна часть, кроме вашей, не удостоилась такой чести. Отряд имеет право гордиться достигнутыми результатами»...

В этот же день, 13 марта 1927 г., с благословения Его Пресвященства епископа Шанхайского Симона и с согласия муниципального совета, священник отец Евгений Яхонтов был назначен отрядным священником.

21 марта распоряжением штаба корпуса был снят отрядный караул с муниципальной электрической станции, но зато утверждены караулы по охране мостов через Сучоусский канал, отделяющий северную часть города от центра Сеттльмента.

С самого раннего утра в этот день слышна была сильная орудийная, пулеметная и ружейная стрельба в стороне Северного вокзала Шанхай-Нанкинской ж. д. (всего лишь в нескольких кварталах от Сучоусского канала). Там русская команда одного из бронепоездов «северян» безуспешно пыталась задержать наступление «южан», подошедших к Шанхаю.

Северный вокзал находится на границе Сеттльмента с китайским городом и всего лишь в трех-четырех кварталах от Сучоусского канала — центра Сеттльмента. В районе Хонкью-парка, около стрельбища, где были казармы отряда, и по всему прилежащему к этому району китайскому городу (Чапею) шла беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба. Русский отряд занял свою линию обороны и готов был к отражению наступления противника со стороны Вузунга, но было получено распоряжение из штаба корпуса: «1-й роте Отряда, спешно, на грузовиках перебраться со Стрельбища на Сучоусский канал». Во время движения этой автомобильной колонны вдоль Норд Сэчуен род (улица, идущая параллельно и всего лишь в одном квартале от китайской границы Чапея) она неоднократно попадала под обстрел каких-то снайперов, но, по счастью, обошлось без потерь.

Сразу же по прибытии на Сучоусский канал рота была разбита на караулы по 10—15 человек, занявшие все мосты на этом канале, на южном его берегу. Северный берег канала вымер: там не видно было никакого движения.

Мой караул был на центральном участке, а правее меня со второй половиной нашего «офицерского» взвода находился сам взводный командир, капитан П.К. Поронник. Ко всем мостам, распоряжением отдела общественных работ муниципалитета, подвезли мешки с песком и рогатки-концертины из колючей проволоки, и мы немедленно приступили к оборудованию своих позиций. «Окопавшись», стали ждать развязки боя около Северного вокзала. Там, по видимому, южане уже добивали северян. Слышна была лишь беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба и взрывы ручных гранат. Броневики уже молчали.

Вскоре после полудня из пустынных улиц северной стороны Сучоусского канала, от Северного вокзала и из Чапея показались сначала одиночки, а потом и большие группы солдат-«северян», которые, сбросав оружие и сорвав с себя воинские отличия, бежали искать убежища на Сеттльменте от преследовавших их «южан».

Заставам от отряда на мостах отдано было распоряжение пропускать бегущих, обыскивая их и отбирая у них оружие. В течение нескольких часов продолжалась эта «фильтровка», и через заставы отряда прошли на Сеттльмент многие сотни солдат-северян (были среди них и русские, служившие в армии маршала Чжан Цзолина). «Южане» не пытались вслед за ними войти на Сеттльмент. Может быть, они побоялись вооруженного конфликта с иностранцами, которые показали им свою решимость оказать сопротивление военной силой.

Район Сеттльмента между Северным вокзалом (Чапеем) и северной стороной канала Сучоу снова замер. Всю ночь простояли на мостах заставы от отряда, неусыпно наблюдая за противоположным берегом канала, откуда можно было ожидать нападения «южан», но ночь прошла благополучно. С утра с Сеттльмента на северную часть канала через мосты потянулись одиночки — жители этого района, покинувшие свои жилища вчера вместе с толпами солдат-северян. Они пытались пробраться к себе домой и спасти от разграбления южан хотя бы остатки своего имущества.

По-видимому, этот участок между Чапеем и северной стороной канала остался как бы «но мэньс лань»: там не было ни южан, ни иностранцев, и китайская беднота, обычно населявшая этот район, скоро перешла к нормальной повседневной жизни. Чины отряда на мостах продолжали обыскивать довольно многочисленных пешеходов, проходивших взад и вперед через эти мосты. Согласно новой инструкции, полученной начальниками застав, караулы от отряда, помимо обычных обысков, должны были не допускать студенческих и рабочих демонстраций, обыскивать всех подозрительных лиц, отбирать оружие, контрабанду и наркотики.

Этот наряд роты отряда несли поочередно, назначаясь на неделю, и рота, заступавшая в такой наряд, на время несения службы расквартировывалась в палаточном лагере, разбитом в «наружном дворе» муниципальной тюрьмы для европейцев, на Амой род. Другая же рота и штаб отряда продолжали стоять на охране муниципального стрельбища и района Хонкью-парка.

Март — самый дождливый период года в Шанхае. На дворе слякоть и грязь, старые полотнища палаток протекают насквозь, на мокром деревянном полу палаток положены соломенные тюфяки и одеяла,

в палатках горят «хибачи» (открытые китайские печки-жаровни), не раз являвшиеся причиной угаров и даже небольших пожаров. Люди спят не раздеваясь, готовые в любой момент выйти «по тревоге».

Сыро, холодно, грязно, но здоровая сытная пища и своевременная «чарка водки», разрешенная начальством (за собственный счет пьющего) в часы отдыха, спасают от желудочных заболеваний, простуд и различных эпидемий.

В дневные часы отдыха, если нет дождя, греются на солнышке, собираясь группами, поют песни, играют в чехарду, толкают ядро, найденное во дворе тюрьмы, играют на струнных инструментах, организуя экспромтные концерты.

Наши волонтеры-«артисты», Щавинский и Кольцов-Блохин, немало доставили удовольствия своим сослуживцам в эти томительно неприятные мокро-холодные часы отдыха: декламация, мелодекламация и даже отдельные небольшие сценки-картины, которые они ставили тут же на открытом воздухе, на фоне тюремного здания, доставляли огромное удовольствие не только чинам роты, но и тюремной администрации.

Однако отдых в этом палаточном лагере не был настоящим отдыхом, и люди лучше отдыхали в караулах на мостах. Там, около каждого моста, было отведено караульное помещение в одной из ближайших китайских лавок или «контор», где, во всяком случае, можно было укрыться от дождя и было сравнительно тепло.

Палаточный лагерь на Амой род почти ежедневно навещал начальник штаба Ш.В.К., майор английской армии Стюарт, который диву давался, видя цветущие физиономии волонтеров, наблюдая их беззаботное времяпрепровождение и слушая их музыку и залихватские песни. «Да, крепок русский солдат, и может жить он в любой обстановке», — частенько высказывал свои мысли этот старый кадровый офицер-англичанин.

Однако скоро «служба на мостах» потеряла свою «остроту», так как после занятия Шанхая Чжан Кайши и его южане навели порядок в китайском городе, и уже не было надобности от него оттораживаться. Южане, по-видимому, решили оставить Сеттлемент в покое и начать нормальные взаимоотношения с иностранцами. К этому времени уже Сеттлемент и Французская Концессия были просто забыты батальонами войск, продолжавших прибывать из колоний на военных транспортах, а на рейде реки Вампу, против Банда, стояли десятки крупных и мелких военных кораблей.

Однако иностранное военное командование и муниципальные власти понимали ту роль, которую сыграли и продолжали играть в этом

конфликте русские большевики-коммунисты, поэтому их особое внимание было обращено на деятельность советского консульства, заседавшего с 1925 г. в здании бывшего императорского российского генерального консульства, на берегу реки Вампу, около Гарден-Бридж.

7 марта 1927 г. Русский отряд получил задание выставить «по тревоге» караул для оцепления... советского консульства, в составе одного офицера и семнадцати волонтеров. Обязанность караула: помогать чинам муниципальной полиции при производстве обысков всех входящих и выходящих из здания консульства, а с 11 часов ночи и до 4 часов утра арестовывать всех выходящих из консульства. Уже 9 апреля, однако, этот наряд на службу был передан чинам Американской роты Ш.В.К., так как отряд получил охрану нескольких электрических подстанций на Сеттлменте.

25 марта 1927 г., по распоряжению муниципального совета, в отряд прибыл сержант муниципальной конной полиции, русской службы гвардии полковник Герман Германович Тимэ¹³⁸, с назначением на должность помощника начальника отряда и с производством в чин капитана по Шанхайскому волонтерскому корпусу.

19 апреля 1927 г. приказом по Ш.В.К. все должностные лица отряда были утверждены в занимаемых ими должностях и получили производство в соответствующие чины и звания по Ш.В.К. В этот же день, по семейным обстоятельствам, капитан 1-го ранга Фомин ушел в отставку, а во временное командование отрядом вступил капитан Тимэ. Уже 22 апреля он был утвержден в этой должности.

24 апреля 1927 г. первая Пасха в Русском отряде. Чины отряда, по случаю наступающего праздника, были сняты со всех постов в Великую субботу, и вечером 1-я рота, несшая службу по Сучоу крик, пешим порядком перешла на муниципальное стрельбище, где стоял штаб отряда и 2-я рота.

Из казармы-столовой вынесли всю мебель и в ней, плечо к плечу, собрали весь отряд. Священник отец Евгений Яхонтов провел «общую исповедь», а затем отслужил пасхальную заутреню, во время которой причастил всех чинов отряда Св. Тайн. Эта «общая исповедь» оставила незабываемое впечатление: отец Евгений был прекрасный проповедник и заслуженный военный священник, имевший наперсный крест на Георгиевской ленте за Великую войну. Он очень убедительно говорил о значении исповеди в жизни каждого православного христианина, о наших грехах вольных и невольных, обременяющих душу человека, о том, что чистосердечное и искреннее раскаяние дает душе то облегчение, которого она жаждет, и позволяет человеку «достойно причаститься Божественных и Животворящих Тайн».

Общий земной поклон, молитва отца Евгения о «прощении и оставлении грехов» (каждый назовите свое имя — сказал он), и люди вышли из казармы во двор для короткого отдыха и чая. Потом чтение «Правил», опять короткий отдых, за которым следовало пасхальное богослужение. Пел собственный хор, наскоро составленный, молились усиленно и истово, несмотря на то что окружающая обстановка ничем не напоминала православную церковь. После заутрени — разговены. Господа офицеры разговлялись в отдельном бараке, у них было много официальных гостей. Волонтеры разговлялись в общей столовой. Но уже около 3 часов утра 1-я рота снова ушла пешим порядком на Амой род, а в 6 часов уже заступила на посты по Сучоу крик.

25 апреля караулы с электрических подстанций были сняты, но зато учрежден новый караул для охраны здания муниципалитета, в составе 2 офицеров и 35 волонтеров. «Была бы шея, а хомут найдется!» Одна служба заменялась другой, и скучать было просто некогда.

В течение всего апреля месяца в «наружном дворе» тюрьмы для европейцев на Амой род, где чины отряда продолжали жить в палатках, производилась постройка постоянных деревянных барачков, из расчета по одному барачку на взвод.

К 26 апреля постройка барачков была закончена, и весь отряд перешел на стоянку на Амой род. Всего построено было двенадцать барачков, из них восемь — для взводов двух рот, один под кухню, один под общежитие для господ офицеров, один под столовую, которой роты пользовались поочередно, а двенадцатый барачок был занят медицинским околоском, штабом отряда и складом. Отдельно построена была баня-душ с кабинками на двенадцать человек, умывалка на двадцать кранов и большая промывная уборная. Люди разместились довольно свободно: у каждого своя отдельная койка.

От Амой род было совсем недалеко до Рейс-Корса, на поле которого предполагалось вести строевые занятия. У наружных, выходных ворот (постоянно закрытых) установлен был караул от отряда, там же постоянно находился на службе один из тюремных сторожей-полицейских.

Свободная от служебного наряда рота, сразу после утреннего завтрака, выходила на строевые занятия на Рейс-Корсе: маршировка, ружейные приемы, рассыпной строй, штыковой бой, общая гимнастика чередуются одно за другим, и незаметно подходит 12 часов — время обеда. После обеда «развод караулов», и назначенные в наряд люди (побывавшие на утренних занятиях) разводятся по своим караулам, а оставшиеся свободными от службы, после небольшого перерыва, с 2 часов дня занимаются «словесностью», проходя русские

воинские уставы, и подготовительными к стрельбе упражнениями. Тесновато для занятий, но приходится с этим мириться: ведь отряд должен быть готов к смотрам и парадам в любой момент.

Взвод, имеющий наибольшее число людей для занятий, занимает «главную аллею», ведущую от главных ворот тюрьмы к наружным воротам, остальные ютятся между бараками. С 2 часов дня и до 5 часов вечера непрерывно слышны команды обучающихся, лязг и щелканье винтовочных затворов, тяжелое притаптывание и своеобразное «кряканье» при колке соломенного чучела: ох, много «соломенной крови» пролили чины отряда в эти послеобеденные часы занятий, изучая «уколь» (по английскому наставлению для «штыкового боя») и «в живот», и «в грудь», и «в горло». Кололи усердно, обливаясь потом, но с нетерпением ждали сигнала дежурного горниста «отбой».

Во всех уголках двора группы людей: вон там, лежа на циновках, проходит стрельбу «лежа», целясь в глазную мишеньку, через которую проверяет стрелка инструктор; там, около «умывалки», установили станок и по-русски наводят «треугольники», это самая неприятная часть занятий, так как инструктор (обыкновенно офицер или взводный сержант), увидев «большой треугольник», неизменно назначал незадачливого стрелка на «дополнительные занятия», а ведь результат всегда был налицо: не умея наводить, маленького треугольника не сделаешь.

«Словесностью» (уставами) занимаются в бараках, собравшись около койки своего взводного сержанта. «Что такое дисциплина?», «Кто такой начальник?», «Кто такой часовой», «Что такое знамя?» и прочие «мудреные» вопросы словесности раздаются в этих группах, тянет ко сну, но нужно с ним бороться, так как можно получить «без отпуска», или «внеочередной наряд» на службу, или на работу, которые имел право «раздавать», согласно русскому уставу, унтер-офицер.

Изучение винтовки и взаимодействие ее частей проходит в такой же томительно-сонливой атмосфере. В дождливую же погоду вообще все занятия, включая и строевые, производились в бараках. По стенам барачных развешаны мишеньки для наводки и есть мишени-ландшафты.

Наконец-то 5 часов вечера. Слышен хриплый сигнал на рожке — «отбой». «Встать!» — слышится громкая, радостная команда обучающего. Люди вскакивают и замирают в положении «смирно». «Разойтись!», «отпускным записаться в отпуск!». Бараки сразу загудели, как пчелиный улей. Винтовки быстро протерты и поставлены в пирамидки, фуражки положены на полки, люди раздеваются и бегут под душ или в умывалку, готовясь идти в отпуск, а взводные сержанты со списками «отпускных» и с «листами наряда» идут к фельдфебелю своей роты для составления наряда на службу на завтрашний день. По со-

ставлении наряда, фельдфебель (сержант-майор) идет к командиру роты, представляя ему на подпись список отпускных, который потом передается дежурному унтер-офицеру в караульное помещение у выходных ворот казармы, через которое проходят все отпускные и идущие «в командировку», причем дежурный делает отметку о времени их ухода и прибытии и следит за тем, чтобы они были чисто и по форме одеты.

7 часов вечера — сигнал горниста «на ужин» («бери ложку, бери бак, хлеба нету — беги так»), строем, взводами идут в столовую. В 8 часов 50 минут новый сигнал — «на поверку и вечернюю молитву». Весь наличный состав отряда выстраивается на главной аллее и выравнивается по команде старшего из сержант-майоров, который отдает необходимые распоряжения на ночь, напоминая обязанности чинов дежурного взвода на случай «пожарной тревоги», и приказывает производить переключку людей. Как гуси на гумне, гудят голоса взводных сержантов или их заместителей, выкликающих фамилии людей своего взвода, в ответ несется «я». Закончив переключку, со своих мест взводные сержанты докладывают сержант-майорам о состоянии своих взводов.

«Смирно!», «Горнисты, зорю!» — слышится команда старшего сержант-майора. Хрипит незатейливая трель ротных горнистов-«архангелов», исполняющих «вечернюю зорю», люди замерли в положении «смирно», сержант-майоры, перед фронтом, держат «руку под козырек». Горнисты замолкли. «На молитву шапки долой!» — несется команда сержант-майора. Дружно и согласованно поют все «Отче Наш» и «Спаси Господи». «Накройсь!», «разойтись!». Сержант-майоры идут с рапортом к дежурному по отряду офицеру. Люди расходятся медленно, как бы нехотя: спешить больше некуда, рабочий день закончен, через полтора часа (в 10 часов) погасят огни в казармах, оставив лишь ночники, и наступит полная тишина до 6 часов утра, когда опять послышится хриплый звук рожка и раздастся властный голос «взводного» — «ну, ну, поднимайтесь, нечего валяться, не успеете умыться перед гимнастикой».

Люди нехотя слезают с кровати, заправляют одеяла и простыни и идут умываться. «Строиться на гимнастику!» — слышен голос дежурного унтер-офицера. Гимнастика проводится, обычно всей ротой по команде одного из офицеров или сержант-майора: «вольные движения», «фразы», «бег на месте», так как бегать по-настоящему негде. Через полчаса занятия закончены и люди расходятся по своим баракам, готовясь к завтраку. После завтрака бритье, чистка пуговиц, медных блях, кокара, ботинок; протирают винтовки, выравнивают

«по веревочке» кровати и даже полоски на одеялах и ждут «осмотра», который производит сначала взводный сержант, а потом офицер — командир взвода.

После осмотра небольшой перерыв, и в 8 часов роты выстраиваются для выхода на занятия на Рейс-Корсе. Там сначала идет «шереножное», «взводное», потом «ротное» учение, потом «рассыпной строй»: делают перебежки, камнем падают на землю, щелкают затворами винтовок, «прикрывая» перебежки своих соседей, хрипло кричат «Ура» (уже жарко и вода из фляжек вся выпита), переходя в атаку, ожесточенно «колют воздух» и, наконец... «смыкаются» для отбития контратаки противника, украдкой поглядывая на большие башенные часы Иностранного УМСА, на соседней с Рейс-Корсом Бабблинг Уэлл род, стрелка которых приближается уже к 11 часам 45 минутам. Горнист играет «отбой». Роты выстраиваются и получают разрешение «стоять вольно», «оправиться»... «быстро, покурить».

Все это продлится очень быстро, так как всем, включая и господ офицеров, хочется есть. «Кончат курить», — слышится команда командиров рот. «Становись», «равняйся», «смирно»... одна за другой несутся команды, и рота, повернувшись направо и вздвоив ряды, берет «на плечо» и вытягивается по дороге к выходным воротам Рейс-Корса. «Песню!» — командует командир роты. Слышится голос ротного запевалы: «Взвейтесь, соколы, орлами...» — и рота с песнями выходит на шумную Бабблинг Уэлл род, где индус-полицейский услужливо останавливает уличное движение, пропуская роту, и, улыбаясь, отдает честь командиру роты. С Бабблинг Уэлл род рота поворачивает на Тибет род, а дальше на Амой род. Так протекал обычно день чинов отряда.

К июню месяцу 1927 г. Шанхай совершенно успокоился. Красная угроза миновала, а город был переполнен иностранными войсками, прибывшими «на защиту Международного Сеттльмента». В кинематографах, школах, годаунах, наскоро приспособленных под казармы, и в деревянных бараках английского военного образца стояли батальон «Колдстрим гарде», батальон «Скотч гарде», батальон «Грин Хоуардс», несколько батальонов «Пэнджабцев» и «Гуркас», прибывших из Индии, в отличных каменных казармах разместился 4-й полк американских марин, впервые за всю историю Шанхая на его улицах появились одетые в серо-стальную форму и черные полусапожки «Савойские гренадеры» (батальон «Сэн Марко»), прибывшие из Италии. На улицах Хонкью всюду видны были японские марины и моряки, обосновавшиеся в районе Хонкью-парка, французы также очень значительно увеличили гарнизон своей Концессии. Частично даже уже начался разезд

этих частей обратно по местам их постоянного квартирования в различных колониях.

Шанхайский муниципальный совет, почесывая затылок, подсчитывал убытки: мобилизация Ш.В.К. стоит очень дорого, а оплата 300 человек русских чинов отряда грозит большим дефицитом в муниципальном бюджете. В газетах уже начали появляться заметки о необходимости сократить расходы, распустил Русский отряд, надобность в котором миновала.

Так рассуждал обыватель, опасавшийся того, что расходы на содержание отряда тяжело лягут на его карман. Но командование Ш.В.К. смотрело на это дело совершенно по-иному: оно убедилось, что Русский отряд являлся единственной реальной военной силой, на которую мог бы опереться Международный Сеттльмент в случае возникновения нового военного конфликта или беспорядков на его территории. Такого же мнения придерживалось и большинство членов муниципального совета, и иностранное (английское) военное командование.

Но «воля народа-хозяина» — муниципальных налогоплательщиков, обывателей — не могла быть оставлена без внимания, и стороны пришли к компромиссному решению: 9 июня 1927 г., согласно постановлению муниципального совета за № 3150, Русский отряд сокращался в своем численном составе до 5 офицеров и 120 волонтеров. Все увольняемые от службы чины получали жалование за месяц вперед, и им разрешалось до 15 июня оставаться на довольствии в отряде, приискивая себе службу или работу. Часть муниципального имущества, выданного на руки волонтерам, как-то: ботинки, простыни, наволочки и белье — оставались у увольняемых.

Проведение в жизнь этого постановления муниципального совета несило болезненного характера, так как после объявления этого постановления очень многие ушли со службы добровольно, считая, что свои обязанности в отношении службы городу они выполнили до конца, прослужив в Русском отряде, пока в них имелась необходимость. Только 15—20 человек были уволены принудительно по причине дурного поведения или плохого состояния здоровья.

С 11 июня 1927 г. отряд был сведен в одну роту, сохранив свое прежнее наименование. После реформирования роте в течение двух недель был дан полный отдых: ни занятий, ни службы. Но после этого перерыва началась опять воинская страда — занятия усиленным темпом.

24 августа, после непродолжительной болезни, умер отрядный священник, отец Евгений Яхонтов. Похороны носили торжественный характер. Это были «военные похороны»: небольшие почетные караулы

от всех частей Ш.В.К., а Русский отряд в полном составе провожал его гроб, установленный на лафете орудия батареи Ш.В.К.

После сокращения отряда отрядный врач доктор Р.С. Дадай-Дадаевский, покинул службу, так как по новому штату этой должности не полагалось. Больные чины отряда пользовались амбулаторным лечением в Дженера́л Госпитале, что на практике оказалось очень неудобным. Поэтому уже 1 ноября, после соответствующего представления капитана Тимэ, муниципальный совет зачислил на должность отрядного врача действительного статского советника, доктора медицины профессора А.Э. Бари, с производством его в чин капитана Ш.В.К.

С первого дня формирования отряда и до 19 апреля 1927 г., когда муниципальный совет утвердил «Положение о Русском Отряде Ш.В.К.», чины отряда получали не жалование, а «табачные деньги», так как чины прочих рот корпуса, во время мобилизации и службы, жалованья не получали, считаясь добровольцами-волонтерами. С 19 апреля, однако, чины отряда стали официально получать «жалованье» (те же табачные деньги). На довольствие каждого чина отряда отпускалось муниципальным советом ежедневно 50 центов, и на эту сумму можно было довольствоваться хорошо, но, к сожалению, отряд в то время не имел поваров и пищу готовили солдаты-кашевары. Было сытно, но однообразно и слишком «просто».

После сокращения отряда до одной роты, по инициативе сержант-майора роты (сотника Васильева) и с утверждения капитана Тимэ, была создана особая комиссия из волонтеров, под председательством А.А. Васильева, которая занялась вопросом улучшения довольствия. Был найден приличный повар, поставщик продуктов, а из числа волонтеров был выбран на должность артельщика русской службы штабс-капитан А.А. Шимордов, в прошлом «опытный завхоз». Эта же комиссия занялась вопросом улучшения быта волонтеров, и по ее рекомендации при роте была открыта солдатская лавка («кантин»), содержанием которой был приглашен Союз русских военных инвалидов. Командир Ш.В.К. утвердил рекомендации этой комиссии, с 26 ноября 1927 г. рота перешла на новый способ довольствия, и с этого же дня начал функционировать и кантин, в котором продавалось все необходимое для повседневной жизни волонтеров, включая и напитки, причем водка продавалась с особого разрешения начальства и только в строго определенные часы.

По примеру Императорской Российской армии, где каждая воинская часть имела свой «полковой праздник», с октября месяца 1927 г. капитан Тимэ стал просить об утверждении такого праздника для от-

ряда, избрав Небесным Покровителем отряда святителя Николая Чудотворца Мирликийского, память которого наша православная церковь отмечает 19 декабря.

Командир Ш.В.К. утвердил этот праздник, поняв духовные потребности русского солдата. Чины отряда собрали 120 долларов на сооружение иконы, которую писал волонтер (русской службы поручик) В.А. Пляскин, на что получил благословение от епископа Симона Шанхайского, и работал он при покаях Архиеерея, под постоянным наблюдением самого Владыки. Киот иконы был выполнен китайской столярной мастерской по чертежам и эскизам, составленным волонтером (русской службы подъяесаулом) Пановым.

19 декабря 1927 г. состоялось освящение иконы и был отслужен первый молебен в День отрядного праздника. На молебне присутствовали командир Ш.В.К. со своим штабом и много иностранных и русских друзей отряда.

После молебна командир корпуса обошел строй волонтеров, поздравил их с праздником и пожелал им «служить Муниципальному Совету вплоть до возвращения на родину Россию, которая, по молитвам великого чудотворца Николая, чтимого всеми народами мира, все же вернется к порядку и призовет на служение себе верных своих сынов»... После этого состоялся парадный завтрак для чинов отряда и всех гостей. Господа офицеры и их гости завтракали в кантине отряда, красиво убранном флагами всех наций, включая и русский национальный флаг, и цистами. После завтрака, по просьбе командира корпуса, хор волонтеров исполнил ряд народных и военных русских песен, а три волонтера лихо сплясали гопак. Первый отрядный праздник оставил прекрасное впечатление.

1928 год

7 января 1928 г., в первый день православного Рождества Христова, командир корпуса, полковник Гордон, производил смотр роте на Рейс-Корсе в 10 часов утра.

Рота проделала для него штыковой бой, ружейные приемы и все эволюции ротного учения. Полковник Гордон остался очень доволен этим смотром и благодарил командира и господ офицеров и волонтеров за сделанный ими большой прогресс в строевой подготовке. После смотра в столовой роты был отслужен молебен по случаю ротного праздника, после которого был «улучшенный» праздничный обед для всех чинов роты.

Вечером в тот же день состоялся первый в отряде бал, устроенный силами волонтеров, с приглашением артистических сил города. К этому балу волонтеры готовились с большим старанием. Один из жилых барачков был освобожден от кроватей, и в нем была устроена гостиная с мягкой мебелью; коврами, красивыми уголками, украшенными зеленью и цветами. Стены и потолок деревянного барака были декорированы цветами, гофрированной бумагой и цветными электрическими лампочками. Посредине гостиной стояла огромная елка, убранный «снегом», «блестками» и электрическими лампочками.

Во втором бараке, против гостиной, была устроена сцена, и там же шли танцы. В кантине сервировался чай и прохладительные напитки. В офицерском бараке был накрыт общий стол с закусками, «а-ля-фуршет», для почетных гостей и приглашенных для участия в программе артистов. Вечер прошел очень удачно и закончился около 3 часов утра. Разговоров потом об этом вечере в городе было очень много.

13 января 1928 г. отряд провожал уходившего в отставку и уезжавшего в Англию полковника Гордона, который пробыл в должности командира Ш.В.К. пять лет. Обычно эта должность занималась одним и тем же лицом только три года, но муниципальный совет очень ценит заслуги полковника Гордона и добился разрешения у «Лондона» удержать его у себя на службе еще на два года. Полковник Гордон был пятым офицером регулярной английской армии, командовавшим волонтерским корпусом в Шанхае. При нем сформировался Русский отряд, и при нем этот отряд прошел свое, так сказать, «боевое крещение» на защите Сеттльмента. В честь отъезжающего рота устроила ужин, во время которого полковнику Гордону поднесли подарок от «Русского отряда Ш.В.К.» — кожаный бьюар с золотой монограммой и с вылитой из золота массивной кокардой «Ш.В.К.».

При подношении подарка, по команде капитана Тимэ, все господа офицеры и волонтеры, ужинавшие вместе, поднялись и один из волонтеров прочел «адрес», фельдфебель роты вручил полковнику Гордону подарок. Дружное троекратное (по английским правилам) «Ура!», и, растроганный до слез, полковник Гордон, приняв подарок, был подхвачен на руки, под громкое, несмолкаемое «русское ура» был вынесен и посажен в свой автомобиль.

Добрая память о полковнике Гордоне как о строгом начальнике, но очень внимательном и заботливом отце-командире осталась в душах старослужащих чинов полка, и они, наверное, и по-сейчас вспоминают его имя, вспоминая теперь уже далекое прошлое. Он умер у себя на родине, в Англии, в конце 1930 г., в возрасте около 65 лет. В одном из писем, полученных от него из Англии командиром отряда,

имеются такие строки: «В моем сердце всегда найдется место для моей Русской роты. Этим письмом я еще раз хочу выразить Вам, как глубоко ценю я ту отличную работу и дисциплину роты, которые всегда были в ней с самого ее основания. Желаю Вам и всей роте наилучшего будущего и скорого возвращения на свою родину».

«Король умер — да здравствует Король!» Уехал от нас полковник Гордон. Ждем приезда нового командира корпуса, усиленно готовимся к первому инспекторскому его смотру, который он, конечно, должен будет произвести вскоре по своему прибытию, чтобы ознакомиться с «регулярной частью» своего Ш.В.К. Смотр этот состоялся на Рейс-Корсе 10 марта 1928 г., и новый командир корпуса, полковник Орпен-Пальмер, остался очень доволен строевой подготовкой роты.

Двумя неделями позже он инспектировал казарменное расположение рот и пробовал пищу. Чувствовался внимательный строевой начальник, а ведь он был «Генштаба». Полковник Орпен-Пальмер, офицер Генерального штаба английской армии, производил на волонтеров впечатление «большого барина и сноба». Его фигура, высокий рост, манера держать себя и разговаривать с подчиненными создавали впечатление, что он делает все как будто бы небрежно, свысока. В действительности же он замечал и понимал все детали и тонкости военной службы, жизни солдата, о чем свидетельствуют его дальнейшие распоряжения.

15 апреля 1928 г. Православная русская Пасха. В Русском отряде заутреня и разговены. За официальным столом гости и друзья отряда. Разговены закончились в 2 часа ночи, а к 9 часам 30 минутам утра рота уже была на сборном месте всего волонтерского корпуса, на Рейс-Корсе, откуда выступила, в составе общей колонны корпуса, в ежегодном корпусном военном параде — «рут марше». Несмотря на бессонную ночь и разговены, марш прошел отлично, и отряд, как и в прошлом году, был встречен бурными овациями зрителей.

4 мая 1928 г. Новый командующий британскими экспедиционными войсками в Китае, генерал Уордроп, производит инспекторский смотр Русскому отряду на Рейс-Корсе. Смотр проходит отлично. А уже на следующее утро, 5 мая, отряд снова принимает участие, на этот раз в общем параде Ш.В.К., который принимал генерал Уордроп. В отличие от других частей корпуса, проходивших церемониальным маршем в колонне «повзводно», Русский отряд проходил «развернутым строем роты» и прошел отлично. Впервые резиденты Шанхая видели свои части, марширующие в развернутом строю, и имели случай воочию убедиться, насколько лучше других частей был обучен Русский отряд, имевший свой «фронт» почти в два раза шире, чем другие части кор-

пуса. Отряд прошел перед генералом Уордропом своим фронтом «в ниточку». Местная шанхайская пресса долго потом писала об этом параде и о Русском отряде.

Налогоплательщики постепенно убеждались в большой ценности «своей регулярной воинской части», а английское военное командование, видя дисциплину и отличную выучку чинов отряда, горячо поддерживало командира Ш.В.К. в его борьбе за сохранение Русского отряда на службе муниципалитета.

Ведь вопрос о расформировании отряда (а потом и муниципально-го симфонического оркестра) ежегодно поднимался перед выборами нового состава муниципального совета на предстоящий год. При этом сторонники расформирования отряда основывали свои требования на видимой ненужности его в данный момент и на огромных расходах, связанных с его содержанием.

6 мая 1928 г. «Церковный парад» Ш.В.К., после которого во дворе английского консульства, на Банде, все господа офицеры и унтер-офицеры Ш.В.К. обычно снимались в общих группах и по своим частям, в этих снимках принимали участие командир корпуса и чины его штаба. В этом году впервые господа офицеры и унтер-офицеры Русского отряда приняли участие в этих фотосъемках.

30 мая 1928 г. Третья годовщина печального инцидента, имевшего место на Нанкин род, близ полицейской станции Лауза, происшедшего в 1925 г. и имевшего своим последствием всеобщую забастовку китайских служащих и рабочих. Для китайцев это — «День траура». Идут бесконечные митинги, собрания, возможны демонстрации против европейцев. Поэтому Русский отряд сидит в своих казармах «в минутной готовности» к вызову на место беспорядков и для помощи усиленным нарядам полиции, патрулирующим улицы Сеттльмента в этот день. Во дворе казармы стоят грузовики-«карьер» Ш.В.К., чины отряда не только не раздеваются, но даже не снимают своего снаряжения. По счастью, день проходит благополучно, и вечером, по приказанию штаба Ш.В.К., отряд снова переходит на «нормальное» положение — «станд бай» отменяется.

28 июля 1928 г. отряд получил от генерала Уордропа подарок. — православный древнегреческий крест, вылитый из меди и вделанный в резной кипарисовый футляр. По этому случаю в столовой отряда служится молебен и проводится чин освящения креста. На богослужении присутствует сам генерал Уордроп с чинами своего штаба. Командир корпуса при приезде был встречен «почетным караулом» отряда.

Отличное несение службы, блестящий воинский вид и прекрасное строевое обучение, уже не раз продемонстрированные Русской ротой

Ш.В.К., завоевали симпатии членов муниципального совета и создали себе сильного союзника в лице английского военного командования.

Несмотря на дороговизну содержания роты, неоднократно поднимавшийся вопрос о ее расформировании «в целях экономии», по-видимому, по настойчивой рекомендации английского военного командования, предполагавшего начать «разгрузку» своих воинских частей, присланных в Шанхай в связи с событиями 1927 г., муниципальный совет на своем заседании решил не только не распускать Русской роты, но увеличить ее состав до 250 человек, переформировав ее в «Русский отряд» двухротного состава.

28 июля 1928 г. приказом по Ш.В.К. за № 25/Т 459 Русская рота была развернута в «Русский отряд» двухротного состава, общей численностью в 250 человек.

1 августа началось переформирование. Начальником отряда назначен был капитан Г.Г. Тимэ, командиром 1-й роты лейтенант С.Д. Иванов, командиром 2-й роты лейтенант М.И. Мархинин, младшими офицерами: в 1-ю роту — лейтенант П.Н. Галкин, во 2-ю — лейтенант Н.М. Степанищев. Сержант-майором отряда назначен А.А. Васильев. С этого же числа учреждено наименование начальников всех степеней и рангов не по чинам Русской армии, а по чинам и званиям Шанхайского волонтерского корпуса, (т. е. английской армии).

В штабе отряда закипела работа: туда потянулись добровольцы, желавшие поступить на службу. Медицинский осмотр, опрос, проверка документов — кропотливая, но необходимая работа, так как служба требовала физически здоровых людей, а девиз отряда «Русский» требовал отбора «белых русских эмигрантов», не имевших за собой хвоста «предсудительных поступков».

По новому штату, кроме командиров рот, в каждой роте полагалось иметь двух младших офицеров. Поэтому бывшие раньше (до сокращения штата отряда) младшими офицерами сержанты П.К. Поронник и Н.И. Курочкин 7 августа были допущены к исполнению обязанностей младших офицеров, первый в 1-ю, а второй — во 2-ю роты.

Несмотря на эти большие пертурбации, отряд по-прежнему не отрывался от жизни русской зарубежной воинской семьи. 9 августа, по случаю Дня Тезоименитства Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича назначен был молебен, на котором присутствовал командир Ш.В.К., полковник Орпен-Пальмер, имевший за Великую войну российский императорский орден Св. Станислава III степени. После молебна, пользуясь случаем, командир корпуса производил смотр рекрутам формировавшейся 2-й роты.

Вспоминая сейчас это, казалось бы, небольшое по своему значению, чисто семейное русское событие, невольно обращаешь внимание на то, что командование Шанхайского волонтерского корпуса, в лице его командира, полковника Орпен-Пальмера, и его штаба (все офицеры регулярной английской армии), понимали всю важность и значимость этого события для нас, белых русских эмигрантов, и, желая придать дню рождения нашего Верховного Вождя вид праздника, они даже освободили в этот день 1-ю роту от несения патрульной службы.

28 августа 1928 г. приказом по Ш.В.К. за № 25/Т 507 были утверждены в занимаемых должностях оба командира рот, С.Д. Иванов и М.И. Мархинин, с производством в капитана. Тем же приказом сержанты П.К. Поронник и М.И. Курочкин, исполнившие обязанности младших офицеров, были произведены в чин вторых лейтенантов и утверждены в занимаемых должностях, одновременно были утверждены в занимаемых должностях с производством в соответствующие звания: сержант-майор отряда А.А. Васильев, кварталер-мастер сержант А.В. Корнилов, заведующий довольствием отряда сержант А.А. Шимордов. Сержант-майорами рот назначены: 1-й П.И. Гапанович, 2-й — И.С. Лобанов¹³⁹.

10 сентября 1928 г. 1-я рота была укомплектована до своего штатного состава в 3 офицера и 115 волонтеров, а 2-я (еще не полного состава) перешла в место своего нового квартирования, на Тунглианг род, в район Янцепу, в казармы, освобожденные одной из рот английских войск, начавших «разезд» из Шанхая по местам своих постоянных стоянок. 14 сентября 1928 г. приказом по Ш.В.К., объявленным в муниципальной газете за № 81151 от 14/9/28, начальник отряда, капитан Г.Г. Тимэ, был произведен в чин майора. К 17 сентября 1928 г. формирование 2-й роты было закончено, набран был полный штат и рота перешла на усиленные строевые занятия.

20 сентября 1928 г. муниципальный совет назначил помощником начальника отряда, с производством в капитаны Ш.В.К., русской службы полковника Л.И. барона Жирар де Сукантона¹⁴⁰, который энергично приступил к исполнению своих обязанностей. Он обращал главное свое внимание на реорганизацию хозяйственного аппарата и в короткий срок наладил взаимодействие хозяйственной части отряда с отделами снабжения.

Прекрасное знание английского языка и широкие знакомства много способствовали успехам его в этой работе. Но он не ограничил свою работу хозяйственной частью отряда, а вникал во все подробности строевой подготовки и службы, давая ценные указания и советы. Широко образованный, с блестящим знанием многих ино-

странных языков, с большим служебным стажем и обширными знакомствами среди иностранцев, он много помог Русскому отряду в эти дни развертывания и закрепления своих служебных позиций.

9 октября 1928 г. командир корпуса производил первый строевой смотр только что сформированной 2-й роте. Рота показала себя с отличной стороны, и командир корпуса нашел возможным назначить ее на службу наравне и поочередно с 1-й ротой.

14 октября 1928 г. бывший российский генеральный консул в Шанхае, В.Ф. Гроссе, известил начальника отряда о кончине в Копенгагене Ея Императорского Величества Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. 15 октября в отряде была панихида по почившей Императрице и объявлен траур на две недели. В отряде запрещены были музыка и пение на весь период траура. Приказ по отряду гласил об этом так: «По Высочайшему Приказу Сен-Джемский Двор наложил траур по в Бозе почившей Вдовствующей Императрице Российской, Ея Императорском Величестве Государыне Императрице Марии Феодоровне, на четырнадцать дней, считая со дня Ея кончины, с распространением ношения установленного траура вооруженными силами Великобританской Империи на тот же срок. В соответствии с этим и согласно Приказу Штаба Корпуса, вверенному мне Отряду принять к исполнению тот же срок ношения траура, каковой сложить в полдень 27-го октября». 19 октября, в день погребения останков в Бозе почившей Императрицы, в отряде была отслужена панихида в 7 часов вечера, т. е. в час, соответствующий Ее похоронам по копенгагенскому времени (3 часа 15 минут) в Усыпальнице Датского Королевского Дома.

В тот же день, 19 октября 1928 г., в приказе по корпусу объявлено о формировании Русской волонтерской роты Ш.В.К. на общих основаниях с ротами других национальностей, составлявших Шанхайский волонтерский корпус. Приказом по Ш.В.К. за № 1156 от этого числа английское наименование отряда — «Russian Unit S.V.C.», в отличие от вновь формируемой Русской волонтерской роты, изменялось в «Russian Detachment S.V.C.», и трафарет «V», носимый на погонах чинами отряда, снят. Мы стали регулярной частью Шанхайского волонтерского корпуса.

Вновь формируемая «Русская волонтерская рота Ш.В.К.» являлась бесплатной и несла службу городу только по особому приказу на то муниципального совета или командира корпуса. Самое деятельное участие в формировании этой роты, конечно, принял начальник Русского отряда, майор Г.Г. Тимэ. Командиром этой Русской волонтерской роты назначен был служащий муниципалитета, русской службы

гвардии полковник К.П. Савелов¹⁴¹, младшими офицерами — капитан Н.П. Баженов¹⁴² и поручик Н.И. Доманский¹⁴³, с производством по корпусу: первый в капитаны, а вторые два — в лейтенанты.

Все это происходило в 1928 г., всего лишь через десять лет после окончания Первой мировой войны. Среди иностранной колонии Шанхая были многие сотни (даже тысячи) тех, кто принимал участие в этой кровавой бойне. К этому времени, конечно, естественное озлобление между недавними врагами уже сгладились и нынешние шанхайские «бизнесмены», бывшие военные противники, наладили между собой нормальные довоенные отношения, хотя каждая национальность и предпочитала «жить в своем клубе». Но у всех без исключения осталась в памяти героика только что закончившейся войны.

Как символ этой героики на границе Международного Сеттльмента и Французской Концессии, упирающейся в реку Вампу, на Банде был воздвигнут величественный памятник «Победа», у подножия которого ежегодно 11 ноября, в день заключения перемирия с Австро-Германией, возлагались венки в память героев, погибших в борьбе за свою родину.

Величественна была эта церемония: около 10 часов утра в этот день к памятнику начинали прибывать и выстраиваться, в порядке вступления наций в войну с Австро-Германией, небольшие почетные караулы от воинских частей различных национальностей. Прибывали военные оркестры англичан, американцев, французов, японцев, итальянцев, от их частей, расквартированных в Шанхае, и с военных кораблей, стоявших на Шанхайском рейде.

Площадь, занятая этими почетными караулами и оркестрами, оцеплялась канатным барьером, за который не допускались посторонние зрители. К 11 часам, т. е. к часу фактического заключения перемирия, к месту церемонии собирались старшие начальники войск Шанхайского гарнизона, весь дипломатический корпус, председатель муниципального совета и командир Шанхайского волонтерского корпуса. В числе этого «генералитета» были и русские: бывший российский императорский генеральный консул, В.Ф. Гроссе, и генералы Вальтер и Гафнер. Ровно в 11 часов, после сигнала сводного хора трубачей «ласт пост», «генералитет», в порядке вступления наций в войну, возлагал венки к подножию памятника под величественные звуки своих национальных гимнов.

В этот день, 11 ноября 1928 г., особенно радостно было нашему русскому сердцу, так как наш национальный гимн «Боже Царя Храни» игрался первым и наш венок был первым, ибо Россия первой вступила в борьбу с Австро-Германией в 1914 г. В этом, 1928 г. церемония

эта для нас, русских, была особенно торжественной еще и потому, что, кроме наших «постоянных» русских представителей на этой церемонии, Гроссе, Вальтера и Гафнера, в этом году в общем строю почетных караулов, на их правом фланге, стоял и караул от Русского отряда, в составе одного офицера и двадцати «прочих чинов».

Звуки величественного русского гимна «Боже Царя Храни», отчетливый ружейный прием «на караул», принятый всеми почетными караулами одновременно, — эта сцена заставила очень многих из русских резидентов, присутствовавших на параде, заплакать от радости. В Шанхае это был праздничный день, и весь район Банда был запружен тысячами зрителей всех национальностей, следившими внимательно за военной церемонией. В этот день, как никогда, разноплеменный Шанхай сливался в одну семью, вспоминая своих героев, погибших на полях сражения Первой мировой войны.

В общественно-церковной жизни русского Шанхая в 1928 г. происходили нелады: епископ Шанхайский и глава пекинской духовной миссии, епископ Симон, почему-то не ладили со Свято-Николаевским военно-приходским советом, который принял решение (и начал проводить его в жизнь) о постройке Храма-Памятника мученически погибшему Государю Императору Николаю II Александровичу. Эти нелады очень больно отзывались в сердцах православной белой русской колонии Шанхая. Свято-Николаевцев называли, почему-то, «дырниками». Может быть, потому, что их первая временная церковь была открыта в захолустном месте, в «дыре», но это название, широко распространенное среди белой русской колонии Шанхая, конечно, вело к разъединению.

Весть об этом печальном событии, естественно, распространилась далеко за пределами Шанхая и докатилась до Харбина, где в то время особым авторитетом пользовался епископ Камчатский Нестор. Епископ Нестор решил попытаться уладить эти церковные раздоры и в ноябре 1928 г. прибыл в Шанхай. Его миссия закончилась успехом. Благополучно завершив это великое церковное дело, владыка Нестор начал свои визиты в русские национальные и общественные организации и, конечно, первым долгом посетил Русский отряд, Ш.В.К., о котором много слышал еще в Харбине. Это было 15 ноября 1928 г., когда он, вместе с епископом Симоном, посетил обе казармы отряда и везде был встречаем подобающим этому случаю пением и церемонией.

Шанхай, «город-гигант» (почти 4 миллиона населения в то время), был городом контрастов: рядом с «мраморным дворцом» миллионера, сирийского еврея Эзра, сделавшего себе состояние на торговле нарко-

тиками, ютятся бамбуковые хибарки китайской бедноты; огромное поместье Хардуна (тоже сирийский еврей, имевший несколько десятков приемных детей разных национальностей, главным образом китайцев, и женатый на китайке) пустовало, а рядом, в полуразрушенных двух-, трехэтажных деревянных домишках, с покосившимися балконами, выбитыми стеклами и прогнившими полами, готовыми обвалиться каждую минуту, ютились десятки китайцев, набивавших эти домишки наподобие сардин в консервной банке.

Прекрасный автомобиль последней модели обгонял по дороге деревянную арбу, которую с трудом тащила пара изможденных китайцев-кули и целые сотни рикш и «билборроу», запряженных человеком-китайцем.

Пекинг род — одна из наиболее шумных и многолюдных улиц Сетльмента — шикарный автомобиль дает оглушительные гудки, пытаясь обогнать современный электрический автобус («кукушку»), но, обогнав, неожиданно наталкивается на «непроходимое препятствие»... стадо буйволов, которых гонят на бойню на Фирон род. Впереди идет постоянный, «штатный» буйвол-вожак, который доводит этих «смертников» до места назначения, а потом возвращается за новой партией.

Шикарные европейские рестораны — и тут же, около входа в них, чадающие удушающей вонью дешевого горелого бобового масла «походные кухни» разносчиков-китайцев, на которых они готовят для своих «клиентов»-кули лапшу и «козы».

Современная парикмахерская с десятками прекрасных удобных кресел, парикмахеры в белоснежных халатах, шампуню, электрическая завивка, маникюр и прочие достижения современной техники и культуры, а у входа в парикмахерскую, на тротуаре улицы, на деревянном треножнике, в небольшом тазике, подогревается жаровней с горящими в ней «брикетками» вода «походной парикмахерской», а сам парикмахер, усадив своего клиента на пустой ящик из-под мандаринов, бреет ему голову каким-то куском остро отточенного железа.

Прекрасные кинематографы и театры, с мягкими удобными креслами, с полами, устланными коврами..., а у входа..., на тротуаре «кинематограф-ящик», в котором, заплатив коппер, прохожий китаец, приблизив глаз к небольшому наблюдательному отверстию, может увидеть «живую картину» и... получить «трахому» глаза — этот бич китайской бедноты.

Толстый, разодетый в шелка китаец, коммерсант или компрадор, важно следующий к своему автомобилю под охраной нескольких вооруженных револьверами «мабянов»-бодигардов (много русских было

на этих службах), проходит, не замечая лежащего прямо на тротуаре почти совсем голого калеку-нищего, хриплым голосом просящего себе подаяние.

Огромные океанские пароходы, горящие тысячами огней в ночное время, стоят на рейде Вампу, а мимо них, пронзительно гудя, с трудом тащатся небольшие китайские катера, перегруженные «до отказа» пассажирами и тянущие за собой две-три баржи с грузом. Эти баржи загружены настолько, что их палубы почти наравне с уровнем воды в реке и захлестываются каждой волной, набежавшей от пролетевшего мимо моторного катера одного из иностранных военных кораблей, стоящих на рейде, который везет на берег несколько человек «отпускных» матросов.

Красота и убожество, роскошь и нищета, современная культура и архаизм в Шанхае шли рядом, рука об руку. Деловая жизнь города кипела почти круглые сутки: ведь помимо торговых интересов были еще и житейские. Нужно было кормить эти миллионы населения, нужно было держать народ в рамках санитарной безопасности, нужно было сохранять жизнь и имущество его обитателей, нужно было создавать условия, благоприятные для жизни каждого города, то есть следить за порядком.

Эта последняя задача, в местах расселения иностранцев, то есть на Сеттлементе и Французской Концессии, ложилась на плечи муниципальных советов, поневоле вынуждая их держать в своем распоряжении большие силы полиции и волонтерские корпуса. Задача была огромна и требовала большого числа работников.

Грабежи, разбои, киднаперство цвели пышным цветом; полная противоположность идей и «взглядов на жизнь» у колонизаторов-европейцев и природных хозяев страны китайцев вызывала непрерывные, почти ежедневные вспышки рабочих забастовок и политических демонстраций, нарушавших нормальную жизнь города и требовавших немедленного вмешательства властей.

Вооруженная револьверами или карабинами полиция на всех перекрестках улиц, вооруженные полицейские патрули по всем улицам, «красные и черные мариин», наполненные преступниками и арестованными, непрерывно носились по улицам города, перевозя свой криминальный груз на полицейские станции, в суд или в тюрьму на Вард род.

«Вард род джэй» — это огромнейшая (кажется, самая большая в мире) тюрьма, в которой постоянно обитали до 10 тысяч насельников, от мелких уличных воришек до убийц включительно. Два ряда стен окружали несколько десятков каменных зданий-«блоков» с решет-

чатými клетками-камерами, в которых помещались преступники группами или в одиночку, в зависимости от своей «категории».

Здания-блоки построены так, что снаружи, через огромные окна (доступ к которым для арестантов отгорожен внутренними решетками), видно все, что творится в этих камерах-клетках. Все устроено так, что возможность самоубийства преступника совершенно исключалась. У наружных ворот охрана из стражников китайской национальности, у внутренних — индусы, а внутри, во дворе тюрьмы и в блоках, руководят всей работой надзиратели-европейцы, имеющие при себе помощников — индусов и китайцев. По наружной стене тюрьмы (высотой около 20—25 футов) устроены наблюдательные вышки, на которых стояла вооруженная винтовками стража, а сами стены, кроме того, в ночное время патрулировались вооруженной охраной внутри двора.

Вот для этой-то службы, в помощь полиции, 26 ноября 1928 г. и потребовали впервые постоянный наряд от Русского отряда, Ш.В.К., в составе 1 офицера, 2 унтер-офицеров и 27 волонтеров. Штаб корпуса отдал приказ, и 2-я рота приняла на себя охрану тюрьмы, в то время как 1-я продолжала нести службу «на мостах» и охранять «муниципалитет».

Далеко не все чины отряда имели возможность ходить в отпуск в свободное от занятий и службы время: ведь у многих, в особенности тех, кто приехал из Харбина, в Шанхае не было ни родных, ни знакомых, и они поневоле постоянно сидели в бараках. Скучно такое сидение, в особенности в воскресные дни. Ведь в то время мы еще не имели радио, редкостью были даже граммофоны: имели по одному в кантинах рот, но ведь не все были любителями кантинов.

На эту сторону волонтерской жизни, конечно, обратило внимание отрядное начальство, и кем-то был предложен проект организовывать по воскресеньям в кantine 1-й роты «ти-дансь», на которые чины отряда имели право приглашать своих гостей. Горячее участие в этом деле приняла супруга начальника отряда, Анна Ивановна Тимэ.

В воскресенье, 2 декабря 1928 г., состоялся первый такой «ти-данс», устроительницей и распорядительницей которого была сама А.И. Тимэ. Гости было много, и «ти-данс» прошел с большим успехом. В промежутках между танцами, силами самих волонтеров, была организована программа: пение, декламация, анекдоты. За столиками сервировались чай, кофе и прохладительные напитки.

По примеру английской армии, в которой, для поощрения развития в той или иной отрасли военного дела, применялась система соревнования на переходящие кубки-призы, в Русском отряде тоже были введены ежегодные состязания между взводами рот в строевой подго-

товке. Лучший взвод должен был получить на год «переходящий кубок», подаренный для этой цели отряду штабом Ш.В.К.

Первое такое состязание в отряде состоялось 18 декабря 1928 г. В нем приняли участие все восемь взводов отряда. Судьями на состязаниях приглашены были офицеры 2-го батальона Шотландской гвардии, квартировавшего тогда в Шанхае. Судьи признали лучшим взводом по строевой подготовке 2-й взвод 2-й роты, под командой сержанта Д.К. Кроткова, которому и был присужден серебряный переходящий кубок.

На следующий день, 19 декабря, был отрядный праздник. Утром был отслужен по этому случаю молебен, а после молебна 2-й взвод 2-й роты был выстроен во дворе казармы на Амой род и командир корпуса вручил сержанту Кроткову приз-кубок. По случаю отрядного праздника был улучшенный стол для волонтеров, а на завтраке у офицеров отряда присутствовали официальные гости и приглашенные «друзья отряда». Присутствовали: командующий английскими экспедиционными войсками в Китае, генерал Уордроп, много офицеров Шотландского гвардейского батальона, члены муниципального совета, редакторы русских газет Л.В. Арнольдов («Шанхайская Заря»), П.И. Зайцев («Слово») и Б.А. Суворин («Вечернее Время») и от английской газеты «Норд Чайна Дэйли Ньюс» — господин Пэйтон-Гриффин, один из помощников редактора этой газеты, большой друг русских вообще и Русского отряда в частности.

Конец этого, 1928 г. принес некоторые изменения в составе штаба отряда: 28 декабря ушел в отставку, получив хорошую службу в Шанхайской телефонной компании, помощник начальника отряда, барон Жирар де Сукантон. Одновременно с этим штаб корпуса отдал приказ о производстве во вторые лейтенанты отрядного сержант-майора А.А. Васильева, с назначением его обер-офицером для поручений по строевой части, и сержант-квартирмейстера А.А. Шимордова — с назначением его «квартирмейстером» отряда. Должность же сержант-майора отряда была упразднена.

Заканчивая описание жизни и службы Русского отряда в 1928 г., хочу предложить вниманию читателей две выписки из приказов по отряду; первая из них характеризует духовный облик отряда как восприемника былых традиций великой Русской армии, вторая же дает краткую оценку деятельности в отряде барона Л.Л. Жирара де Сукантона.

Выписка из приказа по отряду от 19 декабря 1928 г. за № 115, 1: «Сегодня, в День Святителя Николая Чудотворца Мирликийского, избранного нами Покровителем Отряда, мы празднуем, за два года су-

ществования Отряда в рядах Шанхайского Волонтерского Корпуса, наш второй Отрядный Праздник. В былое время этот День праздновала вся Россия, как День Тезоименитства ее монарха, государя императора Николая Александровича. Сегодня мы будем молиться об упокоении душ нашего Императора и Его Августейшей Семьи, принявших мученическую кончину за беспредельную Их любовь к нашей Родине. Вспомним же сегодня заключительные слова последнего, прощального приказа нашего Государя и Верховного Главнокомандующего к Русской Армии, отданного Им 8-го марта 1917 г., за № 371, и да будут эти слова постоянно живы в наших сердцах: «Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Выписка из приказа по отряду от 31 декабря 1928 г. за № 169, 4: «Приказом по отряду от 28-го декабря объявлено об уходе в отставку помощника моего, капитана барона Жирара де Сукантона. Прибытие последнего и вступление в должность совпало с моментом развертывания Отряда и с необходимостью, вследствие этого, организации хозяйственного и строевого управления. Дав правильное направление деятельности хозяйственного аппарата Отряду, ему в краткий срок удалось урегулировать взаимодействия последнего со снабжающими учреждениями. Простота установленного им способа устранения нужд Отряда соответствующими учреждениями и полная с ними согласованность в служебных отношениях дали весьма высокие практические результаты. В области строевой капитан барон Жирар де Сукантон своими ценными указаниями немало содействовал деловому совершенствованию и духовному процветанию части. Особенно ценна его помощь была в приобретении необходимого знакомства среди представителей иностранного контингента и Английского Военного командования, каковое является чрезвычайно важным в целях популяризации и освящения истинной ценности Отряда. Широкое образование, блестящее знание языков, огромный служебный стаж и знакомства с особенностями жизни иностранцев всегда являлись залогом успешного проведения всех возлагаемых на него поручений.

Глубокоуважаемый Лев Львович, высоко ценя потраченные труды и достигнутые результаты в порученном Вам деле, я от лица службы приношу Вам сердечную благодарность и искреннюю признательность. Расставаясь, не могу воздержаться от выражения своего соболезнования по поводу оставления Вами Отряда и душевных пожеланий счастливого и полного успеха в предстоящей деятельности».

1929 год

Шанхайский волонтерский корпус, чины которого, в частной своей жизни, являлись крупными и мелкими служащими иностранных и китайских предприятий Международного Сеттлмента (от директоров компаний до мелких чиновников включительно), проводил обучение чинов своих рот в их свободные от службы часы и дни, то есть по вечерам, а в субботы, воскресенья и праздничные дни обычно роты корпуса проводили свою учебную стрельбу, разного рода состязания и «лагерные сборы».

Поэтому нет ничего удивительного, что в день Нового года, 1 января 1929 г., и Русский отряд, отмечая этот праздник, все же провел, впервые за свое существование, индивидуальные стрелковые состязания, в которых приняли участие лучшие стрелки обеих рот отряда. Победители получили денежные призы.

Приближался праздник православного русского Рождества Христова, и отряд готовился к устройству вечеринки, которая должна была иметь место в расположении 1-й роты, на Амой род.

Неожиданно было получено извещение о кончине в Каннах Верховного главнокомандующего Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича, и вечеринка была отменена. Вместо этого днем 8 января состоялась панихида по усопшем и был назначен (с ведома, конечно, штаба Ш.В.К.) траур для господ офицеров и сержант-майоров на месяц, а для прочих чинов — на три дня. А 12 января в приказе по отряду было объявлено о добровольной подписке на сооружение венка на могилу в Бозе почившего Великого Князя Николая Николаевича и назначен конкурс на проект этого венка, каковой должен был исходить от чинов отряда.

Своим наружным видом ничем не отличаясь от английских частей Ш.В.К., отряд, однако, не порывал духовной связи с Русской армией и свято чтит и отмечал все важнейшие события, имевшие место в истории России. Английское командование корпуса не только не чинило к этому препятствий, но даже шло навстречу, давая иногда необходимые освобождения или сокращения служебных нарядов. Так, 9 февраля 1929 г., например, отряд служил панихиду по Верховном правителе России, адмирале А.В. Колчаке.

Тяжелые наряды на службу и постоянные строевые занятия для не состоящих в наряде чинов почти не оставляли свободного времени, и поэтому в отряде не было того, что было в других регулярных частях Шанхайского гарнизона: спортивных команд, которые своими выступлениями на спортивных полях города сближали эти части между со-

бой и в то же время знакомили с собой местное население, которое всегда и в большом числе посещало спортивные состязания.

Несмотря на это, конечно, все части Шанхайского гарнизона знали о Русском отряде, соприкасаясь с ним во время несения совместной службы по охране границ Международного Сеттльмента и на смотрах и парадах, в которых отряд участвовал. Английские батальоны в Шанхае менялись два-три года, «постоянной» же частью Шанхайского гарнизона являлся 4-й полк американских марин, который не менял своей шанхайской стоянки в течение уже многих лет и простоял в Шанхае до самого начала Второй мировой войны. С этим полком Русский отряд «был знаком» с самого начала своего существования, но знакомство это было «шапочное». Однако в 1929 г., вскоре после Рождества, штаб Ш.В.К. и штаб 4-го полка марин как-то стоворились пригласить «солдатский хор» отряда на «смокер» марин, имевший место в здании старого Таун-Холла.

«Смокер» — это обычное у американцев развлечение для солдат, когда им представляется обширная программа, в которой участвуют певцы, музыканты, рассказчики, фокусники и т. п. Выступление отрядного хора под управлением волонтера Курдюмова было очень удачным, и американские марины долго еще после этого вечера напевали мотив «Эй, ухнем!». 21 февраля 1929 г., в знак искреннего расположения к отряду, 4-й полк американских марин сделал Русскому отряду дружеское подношение — большой серебряный кубок, который и был вручен майору Тимэ командиром этого полка, полковником Килгором. Собрание ценных сувениров отряда увеличивалось, и хранились они в особом шкафу, под стеклом, в кантине отряда на Амой род.

24 февраля 1929 г. особая комиссия рассматривала представленные чинами отряда проекты венков на могилу Великого Князя Николая Николаевича. В качестве эксперта-специалиста по художественной архитектуре был приглашен военный инженер-архитектор, полковник А.И. Ярон¹⁴⁴, давший ценные указания по устранению допущенных технических ошибок и отклонений от идейной стороны. Комиссия избрала и утвердила проект, составленный волонтером 1-й роты Валентином Соколовым (позднее — лейтенантом 3-й волонтерской роты полка), по которому и был впоследствии сооружен в Париже серебряный венок, лично генералом Кутеповым возложенный на могилу Верховного вождя в первую годовщину Его смерти.

Служба роты отряда, расквартированной на Амой род, т. е. вместе со штабом отряда, была несравненно более тяжелой, так как эта работа непрерывно «была на глазах у начальства»: почти постоянное присутствие в расположении роты начальника отряда, имевшего свою

квартиру в одном из барачков на Амой род, и частые «налеты» старших чинов Ш.В.К. заставляли командный состав и чинов этой роты «быть постоянно начеку», лишая их свободы (хотя бы даже в отдыхе) даже в те часы, когда они бывали свободны от службы и занятий.

Рота же, расположенная на Тунглианг род, в районе Янцэпу, на далекой окраине города, находясь очень далеко от своего штаба и от штаба Ш.В.К., «блаженствовала», полностью используя свое свободное время так, как она это хотела. У этой роты был свой хороший кантин, размещалась она в отличных благоустроенных бараках-казармах (ранее занятых одной из рот английских регулярных войск), повзводно, причем у взводного сержанта в каждом бараке была даже отдельная комната, в то время как на Амой род койка сержанта находилась в одном помещении с чинами его и взвода, и он постоянно «был на виду» у своих людей, что его, конечно, сильно стесняло.

Это полное отсутствие даже самой элементарной «интимности» и «приватности» в казарменном расположении взводного сержанта на Амой род иногда являлось причиной комических казусов, в которых взводный сержант — этот фактический «царь и бог» в своем взводе — оказывался в смешном положении.

Помню, еще до появления кантина на Амой род, летом 1928 г., после сокращения штата Русского отряда до одной роты, когда я был отделенным командиром 1-го отделения 1-го взвода этой роты, а сержант П.К. Поронник — взводным сержантом этого взвода, наши койки стояли рядом у самого входа в наш взводный барак и в нашей общей «тумбочке» (ночном столике), стоявшей между нами, мы хранили небольшой запас... водки во фляжке, позволяя себе вольность выпить рюмку перед обедом и ужином, хотя хранение спиртных напитков в казарме было запрещено: ведь и «начальство» — тоже люди, и им присущи слабости, которые они допускают, но... не в ущерб службе и установленному порядку.

Но как же выпить рюмку водки, не замеченным чинами взвода, которые обычно собирались в бараки перед сигналом «на обед»? Питьевой воды в бараках не держали, поэтому никто не поверил бы, что «взводный и отделенный» пьют «для здоровья» перед обедом воду, а не водку. Налив в эмалированную кружку из фляжки, прямо в тумбочке, не вынимая наружу фляжки, свою «водочную порцию», осторожно поглядывая по сторонам и улучив (как ему казалось!) удачный момент, Поронник сгибался «в три дуги», сидя на своей койке, и в чрезвычайно неудобной позе для питья выпивал свою порцию, не морщась, чтобы не вызвать подозрения у чинов своего взвода. То же самое проделывал потом и я. Иногда это сходило незаметно, но в боль-

шинстве случаев, неизменно из одного из дальних углов барака, доносилось негромкое, с ноткой зависти, «будьте здоровы», и «начальство», делая вид, что не слышало этого пожелания, краснея и ругаясь в душе, «усиленно начинало приводить в порядок» у себя в тумбочке, где и до этого все было в блестящем порядке.

Высшее начальство почти никогда не посещало роту на Тунглианг род из-за дальности расстояния, и рота жила «самостоятельно», не стесняясь. В ночное время жизнь этого района города замирала совершенно, и рота отдыхала спокойно, не тревожимая городской сутолокой и шумом. Учитывая это положение, начальник отряда решил чередовать роты, меняя их квартирование каждый год. С переменной барачного расположения этих рот соответственно изменялся и наряд на службу: «казарма на Тунглианг род» давала караул на охрану тюрьмы на Вард род, а «Амой род» нес караульную службу на мостах и охранял штаб корпуса.

Закрепляя, все еще довольно шаткое, положение Русского отряда, который стоил городу (налогоплательщикам) чрезвычайно дорого, командование волонтерского корпуса охотно выполняло просьбы муниципальной полиции, которая, не увеличиваясь в своем составе, принуждена была нести много дополнительных обязанностей, о назначении чинов отряда в помощь полиции при так называемых «сэрчь парти», т. е. при облавах и обысках.

К назначенному времени необходимое число чинов отряда, под командой одного из своих офицеров, прибывало на корпусных грузовиках-транспортёрах во двор указанной в приказании полицейской станции, где офицер, начальник этой группы, получал от полицейского начальства инструкции и указания, что требовалось от чинов отряда. После этого вся «сэрчь парти», которой обычно командовал один из начальников полицейских «дивизионов» (районов), включавшая одну-две «красных мари» с легкими пулеметами «томпсон» и с двумя-тремя десятками полицейских китайцев и индусов, под командой сержантов-европейцев, посаженных в черные полицейские линейки, выезжала к первому пункту, назначенному для облавы или обыска.

Как только эта колонна останавливалась по прибытии на место действия, чины отряда быстро соскакивали со своих грузовиков и, под командой своих унтер-офицеров и общим наблюдением своего офицера, оцепляли район, в котором полиция, разбитая на небольшие группы, производила обыски. Обычно за четыре часа этой службы обыскивались три, четыре района, не расположенные по соседству друг с другом.

Помимо помощи полиции при этих облавах, от отряда потребовали также высылки особых патрулей, под командой унтер-офицеров, состоявших исключительно из чинов отряда, в обязанности которых входило патрулирование районов различных полицейских станций, тех станций, которые сами они не могли покрыть благодаря недостатку людей. Чины отряда, назначаемые для этой патрульной службы, получали на соответствующих станциях револьверы «веблей» или пистолеты «кольт». В связи с этим все чины отряда должны были пройти, под руководством полицейского инструктора, курс стрельбы из револьверов на полицейском стрельбище при «Гордон род депо».

Разнообразие службы, выпавшей на отряд, и добросовестность, с которой эта служба чинами отряда выполнялась, дали возможность командиру корпуса ходатайствовать перед муниципальным советом об улучшении условий службы для чинов Русского отряда. 24 марта 1929 г. муниципальный совет утвердил ежегодные прибавки к жалованью чинов отряда за выслугу лет: господам офицерам по 10 долларов, а прочим чинам — по 5 долларов.

8 апреля 1929 г., при письме начальника отряда майора Тимэ на имя начальника канцелярии председателя Русского общевоинского союза, генерала Кондзеровского, было переведено 909 франков 70 сантимов как посылная лепта от чинов отряда на сооружение мраморной доски к могиле почившего Верховного вождя и Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. На оборотной стороне этой доски перечислены все воинские организации, принявшие участие в ее сооружении. Русский отряд на ней записан так: «От чинов Русской Армии и Флота, состоящих в марте месяце 1929 г. в Русском Отряде Ш.В.К., в Шанхае».

9 апреля уезжал из Шанхая в Англию, получив новое назначение, командующий английскими войсками на Востоке, генерал Уордроп. Среди почетных караулов, высланных по этому случаю от всех частей гарнизона Шанхая (Международного Сеттльмента и Французской Концессии), была 1-я полурота 2-й роты Русского отряда. В этот же день в тюрьме для китайцев на Вард род произошел бунт, во время которого арестанты одного из тюремных блоков «для смертников» напали на тюремную стражу, убили и ранили нескольких индусов-надзирателей и пытались призвать к бунту всех заключенных.

Наружный караул на Вард род в этот день был от 1-й роты, под командой сержанта М.П. Смирнова, который принял энергичные меры к подавлению бунта и помог тюремной администрации быстро ликвидировать беспорядки. За это доблестное дело сержант Смирнов и

весь караул получили письменную благодарность от начальника муниципальных тюрем, капитана Мартина.

18 апреля 1929 г. новый командующий английскими войсками в Китае, бригадир Баррет, производил инспекторский смотр всему Русскому отряду на поле Рейс-Корса. Смотр прошел отлично: 1-я рота демонстрировала «разгон уличных толп» и гимнастику, а 2-я — «штыковой бой» и ротное учение. Многотысячная толпа зрителей восхищалась работой чинов отряда. Особенно понравилась им гимнастика — выполнение всей ротой вольных движений «сокольской гимнастики» и «штыковой бой», заключавшийся в том, что все чины роты, перестроенной «для гимнастики», в шахматный порядок, одновременно продельвали целые «фразы» приемов штыкового боя, по команде одного из офицеров роты. «Это был красивый солдатский балет, где главную роль выполнял солдат, имевший своей партнершей винтовку», — так отмечено было на следующий день в местных иностранных и китайских газетах. Закончился смотр церемониальным маршем в развернутом строю поротно и в колонне по отделениям. На этом смотре Русский отряд еще раз продемонстрировал прекрасную выучку и дисциплину.

Через девять дней, 27 апреля, — общий парад Шанхайского волонтерского корпуса, который принимал генерал Баррет. Снова Русский отряд показал себя лучшей в строевом отношении частью Ш.В.К. и своим церемониальным маршем в развернутом строю рот вызвал бурю аплодисментов со стороны многочисленных зрителей. На следующий день, 28 апреля, был ежегодный «церковный парад» Ш.В.К., в котором впервые принимали участие 40 чинов отряда под командой одного офицера, а после этой церемонии все господа офицеры и унтер-офицеры отряда снимались в общих группах с офицерами и унтер-офицерами других рот корпуса во дворе английского генерального консульства. В дальнейшем отряд ежегодно участвовал в этих традиционных фотосъемках.

Иностранная пресса Шанхая была настроена к отряду весьма благожелательно и не скупилась на лестные отзывы о службе и строевом обучении отряда в своих статьях, периодически помещавшихся на страницах местных газет. Особенно благожелательно относился к отряду один из редакторов самой большой местной английской газеты «Норд Чайна Дэйли Ньюс», господин Пэйтон-Гриффин. 30 апреля 1929 г. он подарил отряду большой и ценный серебряный кубок «1927 год» (год основания отряда) с целью «поощрения военного спорта».

5 мая 1929 г. — русская православная Пасха. В казармах на Амой род служилась заутреня, на которой присутствовали все чины отряда

и почетные гости. После заутрени 1-я рота на корпусных грузовиках-транспортёрах уехала разговляться к себе в казармы на Тунглианг род, а 2-я разговлялась у себя в столовой. Для господ офицеров отряда и почетных гостей был накрыт стол в кантине на Амой род. Очень полюбивший отряд и нередко в него «заезжавший запросто», командующий английскими войсками генерал Баррет, однако, на этих разговенах отсутствовал, сообщив, что какое-то важное служебное дело лишило его этой возможности.

Получение кубка «1927 г.» от Пэйтон-Гриффина побудило корпусное начальство устроить состязания на этот кубок, и штаб корпуса решил провести между всеми взводами рот состязания в стрельбе из винтовок после четырехмильного форсированного марша. В этих состязаниях от каждого взвода принимала участие команда в составе десяти человек под командой своего взводного сержанта. Команды 1-й роты, расквартированной «на Камчатке», на Тунглианг род, имели неограниченные возможности к подготовке к форсированному маршу и на состязания выходили уверенными в своем успехе. Рано утром 21 мая команды 1-й роты прибыли на Рейс-Корс, где уже находились команды 2-й роты. Там же собралось и все начальство, включая адъютанта Ш.В.К., который руководил этими состязаниями и являлся их главным судьей.

Плохо понимали в то время английский язык офицеры и чины отряда. Поэтому полученные им инструкции от адъютанта корпуса были просто не поняты взводным сержантом 1-го взвода 1-й роты, Е.М. Красноусовым, который со своей командой должен был начать движение первым. Он понял лишь одно, что со своей командой он должен как можно быстрее пройти от Рейс-Корса, по указанному маршруту, до муниципального стрельбища около Хонкью-парка и там произвести какую-то стрельбу. Что это будет за стрельба? — объяснить ему не могли. Знал он только лишь одно, что отметки будут ставить: и за время, потраченное на переход, за дисциплину во время движения и при проведении стрельбы, и за самую стрельбу.

Остальные команды, в порядке номеров своих взводов, должны были двигаться по тому же маршруту, через интервалы в 10 минут. С каждой командой следовал на автомобиле один из «наблюдающих» из числа чинов штаба корпуса. Отдав нужные распоряжения и оставив «стартера» на Рейс-Корсе, адъютант корпуса отдал приказание команде сержанта Красноусова двигаться вперед, а сам поехал наблюдать за ней во время движения и на стрельбище. Команда покрыла расстояние до стрельбища в 50 с половиной минут и, уже двигаясь по дороге на самом стрельбище, получила приказание выпустить с дистанции в 500 ярдов по пять

патронов по «появляющимся» мишеням. Вполне естественно, эти «дополнительные приказания» и пояснения на малопонятном английском языке замедлили движение команды на стрельбище, а равно и задержали открытие огня.

Однако эта команда все же оказалась лучшей, выбив 225 очков. На втором месте оказались команды 2-го и 3-го взводов той же 1-й роты, покрывшие расстояние в 49 минут, но выбившие по 211 очков. Их встречал один из чинов команды сержанта Красноусова у входа на стрельбище, на ходу поясняя по-русски, что они должны были делать дальше. Им, конечно, было много легче.

Кубок «1927 г.» командиром Ш.В.К. был присужден 1-му взводу 1-й роты, и в приказе по отряду сержанту Красноусову и чинам его команды была объявлена благодарность «за выдержку во время движения и хорошую дисциплину огня».

Согласно условиям службы «штатных» чинов муниципалитета, начальник отряда, майор Тимэ, как штатный служащий по контракту «А» (сержант конной полиции), имел право на восьмимесячный отпуск за каждые пять лет службы. Приближался срок его отпуска, и офицерский состав отряда временно должен был уменьшиться на одного. Но, пользуясь тем, что отряд своей примерной службой уже достаточно укрепил свое положение, командир Ш.В.К., полковник Орпен-Пальмер, добился разрешения на производство в офицеры одного из чинов отряда, и 23 мая 1929 г. сержант-майор 1-й роты П.И. Гапанович, приказом по Ш.В.К., был допущен к исполнению обязанностей младшего офицера с производством во 2-е лейтенанты и с переводом во 2-ю роту.

25 мая 1929 г. начальник отряда, майор Тимэ, выбыл в восьмимесячный отпуск в Европу, и во временное командование отрядом вступил капитан С.Д. Иванов (командир 1-й роты), а во временное командование 1-й ротой — лейтенант Н.М. Степанищев, с присвоением ему чина «временного капитана».

Командир Шанхайского волонтерского корпуса, начальники штаба, адъютанты корпуса и батальонов, входивших в состав корпуса, а равно и сержант-майоры корпуса были чинами регулярной английской армии и прикомандировывались лишь временно для службы в Ш.В.К., на определенный срок, по-прежнему оставаясь в списках английской регулярной армии. 6 июля 1929 г. окончился срок службы в Ш.В.К. адъютанта корпуса, капитана Англэзи-Сандлса, и он выехал в Англию. Он был первым адъютантом корпуса, при котором сформировался и начал свою службу Русский отряд. Человек исключительно сердечный, он искренне привязался к отряду и много способствовал улучшению

жизни его чинов. В течение двух лет он популяризировал отряд в кругах английского военного командования и много способствовал улучшению и налаживанию деловых отношений отряда с муниципальными учреждениями. Часто, и при этом «запросто» посещая отряд, он давал ценные указания, касающиеся как внутренней жизни, так и строевой подготовки, применительно к жизни и службе английской армии.

Отъезд в Англию капитана Англэзи-Сандлса произошел настолько «скоропостижно» (по-видимому, сыграло роль пристрастие этого прекрасной души человека к спиртным напиткам), что отряд даже не имел возможности проводить его достойным образом.

Согласно положению, существовавшему в Ш.В.К., 2-е лейтенанты, прослужившие в этом чине один год, представлялись к производству в 1-е лейтенанты. 1 августа 1929 г. 2-е лейтенанты П.К. Поронник и Н.И. Курочкин приказом по Ш.В.К. были произведены в чин 1-го лейтенанта. 21 августа врач отряда, капитан Бари (профессор-психиатр), занимавший эту должность на положении «почетного», т. е. без жалованья (пользуясь только лишь некоторыми особыми привилегиями), выбыл в кратковременный отпуск, пригласив своим заместителем доктора-хирурга Н.Н. Кузнецова, пользовавшегося в Шанхае большой известностью. Хотя доктор Кузнецов прослужил в то время в отряде всего лишь до 3 сентября (когда возвратился из отпуска профессор Бари), но этот короткий период был лишь «вступлением» для его дальнейшей многолетней службы в Русском отряде (полку).

Следуя православному русскому обычаю, 1-я рота отряда избрала своим Небесным Покровителем Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, и штаб корпуса утвердил ротный праздник ее в день 12 сентября. В этот день в роте отслужен был молебен и освящена икона Святого Покровителя роты, построенная на средства чинов роты.

Добрые взаимные отношения отряда с иностранной колонией Шанхая постепенно укреплялись, появлялись все новые и новые друзья отряда: 6 октября 1929 г. английская фирма «Джардин энд Матэсон», владевшая целым рядом бумагопрядильных и других фабрик и заводов в Шанхае, сделала отряду подарок — 300 штук одеял, что было весьма нелишним, так как положенное по штату от муниципалитета одно одеяло плохо грело в сырую и холодную шанхайскую зиму.

11 октября 1929 г., в День Ангела Председателя Русского общевосточного союза, генерала А.П. Кутепова, Вр. командующий отрядом, капитан С.Д. Иванов, подчеркивая неразрывность отряда с Российской армией за рубежом, послал ему приветственную телеграмму от имени господ офицеров и чинов отряда, на которую 26 ноября было получено письмо от генерала Кутепова: «Начальнику Отдельного Рус-

ского отряда, Ш.В.К. Сердечно благодарю Вас и чинов отряда за поздравление с Днем моего Ангела. Рад видеть и знать, что члены отряда чувствуют себя неразрывной частью нашей общей дорогой воинской семьи. *Ген. Кутепов*».

23 октября 1929 г. 1-й роте, размещавшейся в бараках на Тунглианг род, в районе Янцепу, на дальней окраине города, было приказано переехать в военные английские бараки, расположенные в самом центре Сеттлемента, против здания муниципального совета, на углу Фучао и Кянгси род. Неохотно меняла 1-я рота свой «Тунглианг род камп» на «Фучаи род камп»: с благодарной «Камчатки» рота сразу попала в самый «центр внимания», так сказать, «под нос» к своему хозяину — муниципальному совету и командиру Ш.В.К., который ежеминутно (даже из окна своего служебного кабинета) видел жизнь этой казармы.

Отдавая это распоряжение, командир корпуса, полковник Орпен-Пальмер, конечно, руководствовался особыми соображениями, и одним из них было наглядное напоминание муниципальным властям о том, что жизнь Русского отряда нуждается еще в очень и очень многих улучшениях, в частности в одежде. Старое обмундирование, полученное со складов Ш.В.К., было неудовлетворительно, так как находилось в плохом состоянии и не могло быть подогнано по фигуре и телосложению каждого отдельного чина отряда.

Вскоре после перехода 1-й роты «на глаза» муниципалитету командир корпуса возбудил ходатайство (энергично поддержанное командующим английскими войсками, генералом Барретом) о пошивке отряду специального нового обмундирования. Ходатайство это было удовлетворено, и отряд получил новое обмундирование, сшитое по мерке, из отличного темно-зеленого сукна, по цвету напомнившего форму американских марин 4-го полка, расквартированного в Шанхае, но по образцу английской армии.

Декабрь месяц был месяцем состязаний между взводами отряда по строевой подготовке. К этим состязаниям готовились усиленно, отдавая подготовке к ним все свободное от службы время. 14 декабря состязания закончились, и на первом месте оказался 1-й взвод 1-й роты под командой сержанта Е.М. Красноусова, которому и присужден был переходящий кубок «За строевую подготовку». Судьями на этих состязаниях были офицеры английской регулярной армии. 15 декабря 1929 г. возвратился из заграничного отпуска майор Тимэ, а 19 декабря отряд праздновал свой «Отрядный праздник». 31 декабря 1929 г. впервые знакомился с отрядом новый адъютант корпуса, капитан Хинчлифф, и получил полное удовлетворение от образцовой выправки и дисциплины, царивших в отряде.

1930 год

Жизнь отряда в течение 1930 г. ничем не отличалась от предыдущего года: служба чередовалась с занятиями, чины отряда совершенствовались в своем строевом обучении и прочно удерживали за отрядом почетное место «лучшей и самой надежной части Ш.В.К.». Обе роты проводили свои строевые занятия на поле Рейс-Корса, куда роты прибывали обычно к 8.30 утра. «Взводное учение» сменялось «ротным», а потом обе роты сводились вместе для «батальонного учения».

Огромная площадь шанхайского Рейс-Корса и в то же время наличие некоторых «клубных» построек на ней и дорожек давали возможность проводить занятия по «разгону уличных толп» и «боям в улицах города», входивших в программу обучения рот Ш.В.К. Перед самым концом занятий обычно проводился «рассыпной строй», заканчивавшийся «атакой на воображаемого противника»: красные и синие флажки, имевшиеся в каждой роте, обозначали огневые точки и пехоту противника, а сделанные самими волонтерами рот трещотки создавали звуковой эффект. «Ура» атакующих слышалось далеко за пределами Рейс-Корса, привлекая к забору Рейс-Корса толпы китайцев, с любопытством следивших за занятиями чинов отряда. В этом «Ура!» всегда звучали нотки радости, так как вместе с «Ура!» приходил и конец строевых занятий.

Сигнал горниста «сбор», роты выстраиваются, приводят себя в порядок «после атаки», получают разрешение «покурить» и с песнями идут по своим казармам. Почти неизменно, к моменту выхода рот из ворот Рейс-Корса на Бабблинг Велл род, на задней веранде здания китайского кинематографа «Нью Ворлд», занятого под казарму 2-м батальоном Шотландской гвардии, появлялись их волынщики, которые играли ротам отряда свои, непонятные для нас, мотивы. Они хотели отметить этим свое дружеское к нам отношение, но зачастую... «сбивали нас с ноги». Иногда на этой веранде появлялся сам командир батальона, полковник, которому роты отряда отдавали положенную честь по командам своих командиров.

Примерная служба отряда дала возможность командиру корпуса добиваться от муниципального совета дальнейшего улучшения условий службы и жизни волонтеров. В этом отношении сильным союзником командира корпуса всегда бывал командующий английскими войсками, который неоднократно видел отряд на смотрах и парадах, а также и в бараках, которые он посещал, иногда даже без предупреждения, запросто. Временно выполнявший обязанности начальни-

ка отряда, во время долгосрочного заграничного отпуска майора Тимэ, капитан С.Д. Иванов так и остался на должности помощника начальника отряда, хотя этой должности по штату и не полагалось. Жалованье чинам отряда было увеличено настолько, что сделало службу в отряде «мечтой» русской молодежи, стремившейся «попасть на военную службу». Разрешенные же чинам отряда ежегодные двухнедельные отпуска с сохранением содержания делали эту службу еще более привлекательной.

Вкратце этот 1930 год прошел так.

7 января. Русское православное Рождество Христово. Молебен, улучшенный обед (хотя в отряде в то время вообще кормили отлично) и вечеринка в расквартировании 1-й роты на Фучао род. Эта рота имела очень большой кантин, дававший возможность устраивать танцы.

10 января вступил в командование отрядом майор Тимэ, а капитан Иванов оставлен временно исполняющим обязанности помощника начальника отряда.

21 января — трехлетний юбилей отряда. Молебен, улучшенный стол и парадный завтрак с почетными гостями у господ офицеров.

6 февраля получено уведомление от генерала Миллера из Парижа о том, что серебряный венок от отряда на могилу Великого Князя Николая Николаевича возложен лично председателем Русского общевойскового союза, генералом от инфантерии Кутеповым, в первую годовщину смерти Его Императорского Высочества.

13 февраля вторые лейтенанты А.А. Васильев и А.А. Шимордов, приказом по корпусу за № 25/Т/71, произведены в лейтенанты.

3 марта получена благодарственная почтограмма от Вдовствующей Великой Княгини Анастасии Николаевны по поводу возложенного от отряда художественно и богато исполненного венка на могилу в Бозе почившего супруга.

9 апреля. Инспекторский смотр отряду на Рейс-Корсе, произведенный генералом Барретом. Командующий английскими войсками в Шанхайской эре с восторгом отзывался о строевой подготовке отряда и выразил свою благодарность командиру Ш.В.К. и начальнику Русского отряда. Этим парадом командовал капитан Иванов.

13 апреля — отряд принимает участие в «годовом рут-марше» всего Ш.В.К. Салют принимал генерал Баррет. 20 апреля — русская Пасха. Заутреня в расквартировании 1-й роты. Разговоры поротно в своих «лагерях». Господа офицеры разговялись в помещении штаба отряда, в «Центральном лагере», со своими семьями, но без гостей. 26 апреля — инспекторский смотр всему волонтерскому корпусу, произведенный генералом Барретом на Рейс-Корсе.

13 июня — инспекторский смотр Русскому отряду на Рейс-Корсе командующим английскими войсками в Китае, генералом Сандилансом. 30 июня сержант-майор 1-й роты Т.П. Москалев уволен по собственному желанию от службы в отряде, а сержант И.М. Бородин назначен на его место.

3 июля были объявлены новые ставки жалованья волонтерам:

сержант-майор	60	долларов;
сержант	55	долларов;
капрал	50	долларов;
ленц-капрал	45	долларов;
волонтер	40	долларов.

В то время русский «вочман» в Шанхае, «на всем своем» (за исключением формы), получал около 30—35 долларов. Чины же отряда, помимо жалованья, имели отличный стол, прекрасное обмундирование и жили в хорошо оборудованных казармах, дававших даже некоторый комфорт. Помимо увеличения жалованья, чины отряда по-прежнему получали «годовые» прибавки к своему основному жалованью.

7 июля разрешены двухнедельные ежегодные отпуска всем чинам отряда, прослужившим не меньше года, с сохранением содержания и выдачей «квартирных и кормовых денег» на время отпуска.

23 июля объявлен новый оклад жалованья господам офицерам отряда:

помощник начальника отряда	175	долларов;
командир роты	150	долларов;
младший офицер	100	долларов.

1 сентября сержант Бородин, исполнявший должность сержант-майора 1-й роты, утвержден в должности с производством в соответствующее звание. 12 сентября в 1-й роте, по случаю ротного праздника, молебен и улучшенный стол.

11 ноября — почетный караул от отряда участвует в параде у «Памятника Войны».

12 декабря заканчиваются состязания взводов отряда в строевой подготовке, первое место занимает 4-й взвод 2-й роты, под командой сержанта Н.В. Харина, которому и присужден переходящий кубок. 14 декабря 1-я рота участвует в «рут-марше корпуса», а 2-я несет все караулы. 19 декабря — отрядный праздник. Молебен, улучшенный стол и выдача кубка 4-му взводу 2-й роты командиром корпуса. За офицерским столом «большое начальство», почетные гости и друзья отряда.

1931 год

В этом году заканчивается срок службы в Шанхайском волонтерском корпусе командира корпуса, полковника Орпен-Пальмера, он получил производство по английской армии в чин бригадира и должен был выехать из Шанхая к месту своего нового назначения, в Англию.

Как иногда обманчива бывает наружность человека!! Полковник Орпен-Пальмер — «сноб», свысока и как бы нехотя и небрежно разговаривавший со своими подчиненными, оказался одним из лучших (если не лучшим) и наиболее заботливых командиров корпуса, при которых нам пришлось служить.

Штабной офицер английской регулярной армии — он отлично знал и строевую службу, жизнь и нужды офицера и солдата; не доходя до «панибратства» (что было не редкостью среди старших начальников иностранных частей корпуса), он сумел вызвать в своих подчиненных уважение к себе и беспрекословное выполнение своих приказаний «добровольцами», составившими корпус. Наружно, «не вливаясь в жизнь части», он делал для нее все возможное и даже маловозможное, если видел, что часть в этом нуждается и этого заслуживает. При полковнике Орпен-Пальмере Русский отряд окончательно закрепил свое положение и получил такие улучшения в своем материальном положении, что служба в отряде стала мечтой каждого белого русского эмигранта, подходившего по возрасту и физическому сложению для военной службы.

Слава об отряде и о привлекательных условиях службы в нем разнеслась далеко за пределы Шанхая, и из далекой Северной Маньчжурии потянулись сначала десятки, а потом и сотни юношей, стремившихся прежде всего поступить на службу в отряд. Поступали «сверхштатными», т. е. не получая жалованья, но проходили обучение и жили в бараках, ожидая свободной вакансии, которая появлялась в результате увольнения со службы (добровольного или в дисциплинарном, принудительном порядке) одного из штатных чинов отряда.

«Сверхштатные» (число их было определено приказом по отряду) донашивали наше старое обмундирование, сданное нами на склады корпуса, питались из общего ротного котла, проходили усиленную строевую подготовку и к моменту освобождения вакансии были готовы сразу же «встать в строй» и нести службу наравне с прочими чинами отряда.

Выбор был отличный, и поэтому отряд пополнялся исключительно хорошим материалом. В то же время наличие «сверхштатных» за-

ставляло старослужащих, имевших за собой «грешки и пороки», подтягиваться и исправлять свое поведение, так как в противном случае им угрожало увольнение со службы в дисциплинарном порядке для освобождения вакансии одному из достойных «сверхштатных». Бывали случаи, когда «сверхштатными» служили по три месяца, прежде чем попадали в штат.

При полковнике Орпен-Пальмере состоялся перевод группы чинов отряда на службу в «антипиратскую охрану» иностранных пароходов, курсировавших между Гонконгом и северными портами Китая.

Давно уже исчезнувшее в Европе и Америке, пиратство процветало в китайских водах. Вооруженные огнестрельным оружием, пираты садились на пароход под видом пассажиров, а потом, в намеченном ими пункте, захватывали пароход в свои руки и, заняв капитанский мостик и машинное отделение, заставляли командира корабля вести судно туда, где пиратов уже ожидали мореходные джонки, на которые они перегружали свою добычу и пересаживались сами.

Администрация английских пароходных компаний «Чайна Мерчантс» и «Чайна Навигэйшен» обратились к гонконгским властям с просьбой дать им вооруженную европейскую охрану на пароходы. На таких пароходах капитанский мостик, машинное отделение и прочие «жизненные пункты» были обнесены специальной стальной сеткой и входы на них постоянно охранялись вооруженными стражниками. Пассажиры-китайцы при посадке на пароход тщательно осматривались и обыскивались чинами этой вооруженной охраны и во время движения парохода оставались под неослабным ее наблюдением. Пиратство прекратилось.

В поисках надежных и опытных охранников гонконгские власти, конечно, в первую очередь обратили свое внимание на Русский отряд Ш.В.К. и, через английское военное командование, возбудили ходатайство об откомандировании постоянной команды волонтеров отряда (в составе приблизительно двадцати человек) в их распоряжение, для несения охранной службы на пароходах. Чины «антипиратской команды» числились на службе при гонконгской полиции, но, прибывая со своим пароходом в Шанхай, во время стоянки парохода в этом порту они размещались и жили в бараках отряда, подчиняясь отрядным правилам и дисциплине. Впоследствии чины этой охраны были переведены на службу в регулярную полицию Гонконга.

Таким образом, слава о Русском отряде пошла и в английской колонии, чему, конечно, способствовало непосредственное знакомство с отрядом командующих английскими войсками в Китае генералов, которые при всех своих визитах в Шанхай неизменно получали возмож-

ность сделать смотр Русскому отряду Ш.В.К. — этой регулярной части Шанхайского волонтерского корпуса. Полковник Орпен-Пальмер много способствовал установлению этих «полезных знакомств».

При полковнике Орпен-Пальмере отряд получил отличное, новое, шитое по мерке обмундирование, при нем же был увеличен отпуск денег на довольствие чинов отряда, позволявший даже такую роскошь, как жареная утка или гусь и сладкое в воскресном и праздничном меню волонтера. Можно сказать уверенно, что полковник Орпен-Пальмер не только ценил, но и любил «свой» Русский отряд, хотя никогда и не проявлял этой любви, всегда наружно оставаясь «снобом».

Вкратце перечислю события, имевшие место в 1931 г., характеризующие жизнь и службу этой воинской части, русской не только по своей национальности, но и по духу, но носившей «английский военный мундир».

7 января — православное русское Рождество Христово. В отряде молебен, улучшенный стол и полное освобождение от всех служебных нарядов на целые сутки.

7 февраля — 11-я годовщина смерти Верховного правителя России, адмирала А.В. Колчака. В отряде служилась панихида.

6 марта — проводы отъезжающего в Англию командира корпуса, полковника Орпен-Пальмера, произведенного в чин бригадира. Проводы происходили в Дрилл-Холле, где собрались все части корпуса. От отряда присутствовали все господа офицеры и свободные от службы чины, сведенные для этой церемонии в одну «свободную роту». Командиру корпуса был вручен подарок от чинов всего корпуса. Незадолго до этой церемонии господа офицеры Русского отряда устраивали прощальный ужин бригадиру Орпен-Пальмеру на квартире начальника отряда, майора Тимэ, находившейся тогда при бараках отряда на Амой род. Во время ужина отъезжавшему командиру был вручен подарок от отряда — золотая спичечница с кокардой «Ш.В.К.». Подарок этот очень тронул генерала, и он сердечно благодарил офицеров и чинов отряда за оказанное ему внимание.

8 марта бригадир Орпен-Пальмер на пароходе «Эмпресс оф Канада» отбыл из Шанхая в Англию. На пристани, против главного здания морских таможен, был выстроен почетный караул от волонтерского корпуса, в составе которого находились 1 офицер и 12 волонтеров Русского отряда.

В офицерском составе отряда произошла неожиданная перемена: «по возбужденному им ходатайству» (в действительности же по «усиленной рекомендации» начальства) уволился от службы лейтенант П.Н. Галкин, исполнявший должность младшего офицера 2-й роты.

Вместо Галкина к исполнению должности младшего офицера 2-й роты допущен был сержант-майор И.С. Лобанов, а к исполнению должности сержант-майора 2-й роты — сержант Е.М. Красноусов, переведенный из 1-й роты.

10 марта прибыл из Новой Зеландии подполковник Томе и вступил в командование Шанхайским волонтерским корпусом. Для встречи нового командира корпуса на пристани был выставлен почетный караул от Русского отряда. Новый командир немедленно «взялся за дело» и уже 18 марта производил инспекторский смотр 1-й роте отряда в Дрилл-Холле, а 19 марта инспектировал 2-ю роту на Рейс-Корсе. Оба смотра прошли отлично. 20 марта исполнявший обязанности младшего офицера 2-й роты, сержант-майор И.С. Лобанов, был произведен во вторые лейтенанты и утвержден в занимаемой должности.

6 апреля состоялась стрельба на индивидуальные призы между лучшими стрелками («марксменами») рот отряда. Призы были предоставлены майором штаба корпуса, португальцем Лейтао, и переходили в собственность получивших их. 1-й приз (серебряный кубок) получил волонтер 1-й роты Петр Зейля, 2-й приз (серебряная спичечница) получил волонтер 1-й роты А. Стразов. 9 апреля и. д. сержант-майора 2-й роты, сержант Е.М. Красноусов, утвержден в занимаемой должности с производством в соответствующее звание. 10 апреля произведен смотр отряду на Рейс-Корсе командующим английскими войсками в Шанхае, генералом Флемингом, который поблагодарил отряд за отличный воинский вид и хорошее строевое учение.

12 апреля. Православная русская Пасха. Отряд освобожден от службы на целых три дня. Заутреня в отрядной церкви и разговение, на котором присутствовал генерал Флеминг, обратившийся к волонтерам с небольшой речью-поздравлением... на русском языке, которым он немного владел. Генерал Флеминг, еще довольно молодой, небольшого роста и очень подвижный и веселый по характеру, как-то особенно быстро привязался к Русскому отряду и частенько посещал казармы, без всякого предупреждения. Он очень охотно беседовал не только с офицерами, но и с рядовыми волонтерами, любил русские песни и пляску.

Вспоминается один из его неожиданных приездов в казармы отряда на Амой род. Был ранний вечер. Рота была «в наряде», и поэтому в казармах оставалось только лишь два-три десятка людей, не ушедших в отпуск. Я сидел в своей «вахмистерке», отдыхая от законченного трудового дня, когда ко мне прибежал дежурный по роте капрал и доложил, что только что приехал генерал Флеминг и прошел в барак к начальнику отряда, майору Тимэ. Вместе с Флемингом приехал и на-

чальник штаба войск Шанхайского района, какой-то майор (забыл его фамилию), который довольно прилично говорил по-русски.

Отдав распоряжение быстро прибрать в бараках и предупредив заведующего кантином о приезде генерала, я приказал волонтерам роты, сидевшим в кантине, одеться по форме и тогда продолжать «развлекаться». Рота уже поужинала и ожидала только «вечерней переключки», после которой разрешалось ложиться спать, хотя кантин продолжал оставаться открытым еще до 10 часов вечера. Через полчаса во всех ротных помещениях был полный порядок, а чины роты, одетые по форме, даже при поясных ремнях, почти в полном составе собрались за столиками в кантине.

Неожиданно открывается дверь и в кантин входит генерал Флеминг в сопровождении майора Тимэ, своего начальника штаба и еще какого-то офицера Шотландского гвардейского батальона (2-й батальон), расквартированного на Рейс-Корсе. Подаю команду «встать, смирно!». Генерал любезно отвечает отданием чести, и вся группа направляется к стойке, где, под смех и шутки, пьют холодную водку, закусывая «пыжками». Начальник отряда, обежав взглядом помещение, подзывает меня и отдает распоряжение установить посредине и вдоль всего кантина один общий стол, так как «генерал Флеминг приглашает всех волонтеров роты разделить с ним рюмку русской водки с закуской». Стол моментально установлен, накрыт чистыми скатертями и через четверть часа уже заполнен тарелками с закусками, бутылками водки и пива. Уже «пропустивший у стойки по второй, а может быть, и по третьей», генерал Флеминг, по-русски, приглашает всех за стол и усаживается в середине стола.

Сначала все шло как-то немного вяло, так как волонтеров смущало присутствие большого начальства, но постепенно «атмосфера разгорелась»: послышалась русская песня, сменявшаяся солдатской, выступила пара плясунов, довольно прилично сплясавших гопака, причем к ним присоединился в пляске и сам генерал Флеминг. Офицер-шотландец вышел из кантина, но скоро вернулся и сел на свое место. В кантине было уже непринужденно весело, но сильно накурено.

Неожиданное явление: за дверями кантина раздались звуки шотландской волынки, в кантин один за другим вошли четыре волынщика-гвардейца и, продолжая играть, обошли вокруг стола несколько раз. Оказывается, офицер-шотландец, вероятно по рекомендации генерала Флеминга, а может быть, и по собственной инициативе, прошел в рядом расположенную казарму английской военной полиции и оттуда вызвал по телефону своих ротных волынщиков, чтобы отблагодарить Русский отряд за радушие и гостеприимство.

Время летело быстро, подходил час закрытия кантина, вольтыжники уже тоже «закусили и выпили» настолько крепко, что были просто пьяны. Генерал встал, поблагодарил волонтеров за радушный прием и за «компанию» и направился к выходу. Проходя мимо вольтыжников, он задержался, чтобы поблагодарить, вероятно, и их, но, заметив, что они почти пьяны, он отдал распоряжение проводить их... на английскую гауптвахту, которая была при казарме военной полиции, добавив при этом по-русски, что это не арест, а он хочет избавить их от неминуемого ареста, если они явятся в таком виде сейчас к себе в казарму: пусть проспятся, а потом пойдут к себе в казарму, а «я позволю по телефону командиру их батальона, и все будет в порядке» — добавил он и ушел, провожаемый громким «Ура!» волонтеров.

7 мая уволился от службы в отряде, согласно его рапорту, врач отряда капитан Бари (профессор), в признание его заслуг он был оставлен почетным членом общества офицеров отряда и корпуса. Врачом отряда был назначен доктор Н.Н. Кузнецов, старый морской военный врач, имевший к тому времени уже чин лейтенанта Ш.В.К.

17 июня должность обер-офицера по строевой части отряда была упразднена, но утверждена должность адъютанта отряда, на каковую назначен был лейтенант П.И. Гапанович. В середине июня 1-я рота отряда производила показное ротное учение для чинов 2-го батальона королевских шотландских стрелков и получила высшую оценку от присутствовавших офицеров и чинов батальона, о чем командир этого батальона уведомил своим письмом командира Ш.В.К. 29 июня командир Ш.В.К., подполковник Томе, был произведен в чин полковника.

5 августа штаб Русского отряда был переведен в здание муниципалитета, по соседству со штабом корпуса.

12 сентября — ротный праздник 1-й роты. Молебен и улучшенный стол.

14 октября учрежден праздник 2-й роты, «Покров Пресвятыя Богородицы». На средства чинов роты сооружена икона в красивом массивном киоте. Молебен и освящение иконы, у волонтеров улучшенный стол.

Отголоски военных событий, имевших место в Северной Маньчжурии, где произошло вооруженное столкновение китайцев с японцами, а потом китайцев и японцев — с советскими войсками, не замедлило сказаться и в Шанхае, где была очень многочисленная японская колония и имелось несколько десятков больших японских бумагопрядильных фабрик, которые обслуживались рабочими-китайцами. Главная масса японских резидентов Шанхая проживала в районе Хонкью-пар-

ка и муниципального стрельбища («Райфл-Рендж»), где у них размещался в казарме танковый отряд и какая-то пехотная часть. Японские фабрики были разбросаны по окраинам Сеттльмента: в районах полицейских станций Янцепу, Путу и Гордон.

Возбуждаемые студентами-агитаторами, китайские рабочие на этих фабриках устраивали демонстрации, забастовки, ломали и портили машины и фабричное оборудование и устраивали поджоги. Участились также грабежи и поджоги частных домов, в которых жили японцы, и весьма нередки были случаи нападений и даже убийств японских граждан.

Муниципальная полиция была не в состоянии справиться с выпавшей на ее долю огромной дополнительной задачей по охране жизни и имущества японцев, проживавших на территории Сеттльмента. Поэтому начальник полиции обратился с просьбой о помощи к командиру Ш.В.К., и на сцене снова появился Русский отряд Ш.В.К. По приказанию штаба корпуса, отряд выделил часть людей из обеих рот на формирование особой «Охранной команды», которая была переброшена в казармы на «Райфл-Рендж» (около Хонкью-парка). Начальниками этой команды поочередно назначались командиры рот отряда, которые, с помощью одного младшего офицера, следили за несением службы, выпавшей на долю этой команды. Бесконечные вооруженные посты и патрули от этой команды днем и ночью сохраняли район Хонкью и предотвращали и прекращали возникавшие там беспорядки.

В то же время основная часть отряда по-прежнему несла свои обязанности по охране тюрьмы на Вард род и муниципальных зданий и имущества, получив дополнительную задачу патрулировать районы полицейских станций Гордон, Путу и Янцепу, где находилась главная масса японских фабрик. Служили почти непрерывно, но не роптали на тяжесть службы.

К концу этого, 1931 г. в воздухе уже определенно запахло новым военным конфликтом между китайцами и японцами, на этот раз уже в районе Шанхая, и Русский отряд, конечно, должен был снова явиться «первой линией обороны Международного Сеттльмента».

«Особая команда» была сформирована 17 октября. Постоянным младшим офицером этой команды был назначен лейтенант Гапанович, а командовали ей командиры рот поочередно. Каждая рота дала в состав этой команды по 25 человек, а 1-я рота, кроме того, дала фельдшера и шофера для обслуживания данной команде грузовика. Кроме охраны муниципального стрельбища, на эту команду возложено было патрулирование улиц районов полицейских станций Диксвел род и

Хонкью. Задача патрулей: совместно с полицией предотвращать беспорядки и враждебные выступления китайцев против японцев.

20 октября, от основной части отряда, учрежден был ежедневный патруль, в составе 1 офицера, 2 унтер-офицеров и 17 волонтеров, для патрулирования района полицейской станции Гордон род, с 5 и до 7 часов утра и с 5 и до 7 часов вечера, то есть на тот период времени, когда рабочие собирались на фабрики или после работы расходились по домам. Задача патрулей — воспрепятствовать могущим произойти беспорядкам, в связи с все возроставшей враждебностью между китайцами и японцами.

27 октября утром на поле Рейс-Корса состоялось показное учение сводной роты в присутствии командира корпуса, высших чинов американского военного командования в Шанхае и делегатов Тихоокеанской конференции от Канады, Австралии и Новой Зеландии. Командир корпуса передал, от своего имени и имени гостей, присутствовавших на этом учении, восхищение и благодарность всем чинам отряда, принимавшим участие, за отличное выполнение как ружейных приемов, так и перестроений, а равно и полное удовлетворение бравым видом людей. Этой сводной ротой командовал лейтенант Поронник.

Несмотря на очень большой служебный наряд, отряд, напрягая силы, все же сумел выставить сводную роту и показать свою строевую подготовку «заморским гостям». От мала до велика все чины отряда понимали значение этого показного учения в целях популяризации своего имени за границей и с большим напряжением, но без малейшего ропота или неудовольствия несли возложенную на отряд службу и в то же время готовились к смотру. Численно состав нарядов на службу не был сокращен, в период подготовки к этому смотру, поэтому для той половины отряда, которая поднимала этот наряд, было очень тяжело, так как людям приходилось, после суточного караула, отдохнув 4—5 часов, снова идти на службу, большей частью в патрули. Этим напряжением чины отряда показали, что они не только знали, но и отлично понимали параграф Русского Устава, в котором говорится, что «солдат должен безропотно переносить все тягости и лишения военной службы»...

4 ноября «Особая команда» была расформирована и люди возвратились в свои роты, но зато увеличен патрульный наряд присовокуплением районов полицейских станций Путу, Вейсайд и Янцепу. Через три дня, однако, «Особая команда» была снова сформирована и размещена на муниципальном стрельбище, получив прежнюю задачу.

Участившиеся случаи столкновений между китайцами и японцами, убийства и поджоги японских фабрик и других коммерческих предприятий вызвали необходимость усилить полицейские наряды, и в по-

мощь полиции снова пошли чины отряда. Наряд на службу настолько возрос, что не представлялось возможным держать постоянно «Особую команду» на муниципальном стрельбище, и поэтому она, простояв там 2—3 дня, возвращалась на двое суток в места квартирования своих рот и оттуда несла службу особых «летучих патрульных партий», которые получали задания от штаба муниципальной полиции и должны были быть готовы, в любое время суток, выехать или выйти в район, назначенный для патрулирования.

Такое частое перебрасывание «Особой команды» с одного места на другое, и при этом в неопределенные часы и дни, достигло своей цели: многие из могущих возникнуть беспорядков ликвидировались чинами отряда еще до начала их, но зато чины отряда находились в большом напряжении, будучи готовы выйти в любую минуту для выполнения данной им задачи. Эта система «перебрасывания» продолжалась до 4 января 1932 г., когда «Особая команда» была окончательно расформирована.

Ввиду большого наряда на службу младших офицеров, лейтенант Гапанович, сдав должность лейтенанту Шимордову, был переведен в строй и прикомандирован ко 2-й роте. Постоянным младшим офицером в «Особую команду» был назначен второй лейтенант Лобанов.

Усиление общих нарядов на службу отразилось не только на чинах отряда, но и на господах офицерах: на капитана С.Д. Иванова возложено было составление оперативных приказов и вычисление равномерного распределения нарядов между ротами, а лейтенант Шимордов стал совмещать в штабе отряда две должности: заведующего хозяйством и адъютанта. Начальник отряда, майор Тимэ, утверждал назначения и контролировал несение возложенной на отряд службы. Командиры рот, помимо своих прямых обязанностей во вверенных им ротах, поочередно являлись начальниками «Особой команды», а младшие офицеры несли караульную службу в тюрьме на Вард род и назначались начальниками патрульных партий в различных районах города. И вот, несмотря на эту полную нагрузку службой, отряд нашел время, хотя и урывками, готовиться к ежегодным стрелковым состязаниям и подготавливать молодых волонтеров к классификационным стрельбам.

Престиж и репутация отряда, благодаря дружной совместной работе всех его чинов, в глазах иностранцев поднялись еще выше, о чем свидетельствует, состоявшийся 13 декабря, в порядке «пробной мобилизации» и демонстрации сил волонтерского корпуса, его очередной рут-марш. Вот что говорило об этом официальное письмо штаба Ш.В.К. к начальнику Русского отряда: «Командир Корпуса приказал

мне просить вас объявить всем чинам Русского Отряда о том, какое большое удовольствие получил он от прекрасного вида чинов Отряда, с которым представился Отряд на вчерашнем параде. Все, кто видел чинов Отряда вчера, были поражены их выправкой и молодецким видом, которые создают большое впечатление об Отряде и внушают большое доверие к каждому отдельному чину его. Подписал: *капитан Хинчклифф, адъютант Ш.В.К.*».

15 и 16 декабря состоялись состязания между всеми взводами рот отряда в строевой подготовке. На первом месте оказался, второй год подряд, 4-й взвод 2-й роты под командой сержанта Харина. Как обычно, судьями на состязаниях были офицеры английской армии и капитан Хинчклифф.

19 декабря. Отрядный праздник. Молебен, улучшенный стол. День отдыха от нарядов. Командир корпуса вручил переходящий кубок сержанту Харину, а капитан Хинчклифф поднес ему именной кубок за умелую подготовку своего взвода в строевом отношении. В тот же день приказом по корпусу доктор лейтенант Кузнецов был произведен в капитаны.

С 6 часов утра 20 декабря, однако, отряд снова приступил к несению возложенной на него службы, но, согласно приказу по отряду, до 11 января 1932 г. в 11 ротах строевых занятий не производилось.

1932 год

1932 г. был годом «больших событий» в жизни отряда. В этом году произошел вооруженный конфликт между китайцами и японцами в районе Шанхая, и горячие бои происходили в китайской части города Чапее, в непосредственной близости к северной границе Международного Сеттльмента.

Отряд, как обычно, был послан первым для занятия этой границы и оборонял ее до конца конфликта, чередуясь с другими ротами волонтерского корпуса, регулярными английскими батальонами и 31-м полком американской пехоты, вызванным в Шанхай с Филиппин ввиду особо тревожного положения.

На Баундари род, являвшейся границей между Чапеем и Сеттльментом, на китайской стороне этой улицы, расположен Северный вокзал Шанхай-Нанкинской железной дороги, являвшийся главным объектом борьбы между китайцами и японцами в черте города в течение нескольких месяцев. Вокзал этот ежедневно обстреливался японской артиллерией и бомбардировался с воздуха. Здание вокзала было почти

совершенно разрушено этими бомбардировками, но во всех прилегающих к нему домах, домишках и лавчонках китайцы устроили прекрасно замаскированные опорные пункты, о которые разбивались все попытки японцев захватить этот район в свои руки.

Несколько десятков яров расстояния, отделявшие передовую линию обороны Сеттльмента от вокзала, конечно, не гарантировали безопасности тех, кто хотя и не принимал непосредственного участия в этой вооруженной борьбе, но был поставлен на охрану границы Сеттльмента.

Сразу же с началом конфликта волонтерскому корпусу была объявлена «мобилизация», а пока части корпуса собирались на свои сборные пункты, Русский отряд уже был выслан на границу и, совместно с полицией, закрыл железные ворота, установленные при выходе всех поперечных улиц, упиравшихся в Баундари род. Чины отряда после этого немедленно приступили к постройке дополнительных проволочных заграждений у этих ворот, используя для этой цели «рогатки» и «концертины» из колючей проволоки, подвезенные распоряжением штаба Ш.В.К., а потом из мешков с песком соорудили окопы и ходы сообщения, в которых можно было укрываться от ружейного и пулеметного огня и от осколков снарядов и ручных гранат.

В этом же 1932 году состав отряда сначала был усилен на 60 человек путем формирования «особого резерва» (на время конфликта), а потом развернут в три роты усиленного состава, по 150 человек каждая. Вскоре после этого отряд, состоявший уже из трех «регулярных» рот (№ 1, 2 и 4-й), был переименован в «Русский полк Ш.В.К.», после того как к нему присоединили «Русскую Волонтерскую роту» Ш.В.К., получившую наименование «3-й роты», но продолжавшей служить на общих основаниях со всеми остальными ротами Ш.В.К., т. е. не получая жалованья и только лишь во время общей мобилизации волонтерского корпуса.

Отличная служба Русского полка в период этого японо-китайского конфликта не осталась незамеченной, и в этом же году полку было пожаловано особое знамя. В Шанхайском волонтерском корпусе было корпусное знамя, но роты отдельных национальностей своих знамен не имели, и только Русский полк удостоился этой чести, заслужив ее своей доблестной и усердной службой муниципальному совету и иностранной колонии Международного Сеттльмента.

В этом же году в полку зародился любительский спорт, впоследствии создавший «имя полку» на спортивных полях иностранного и китайского Шанхая и много способствовавший популяризации полка не только в Шанхае, но и далеко за его пределами, в особенности в Се-

верной Маньчжурии, откуда потянулись сотни отличного качества молодежи, стремясь попасть на службу в полк.

В этом же 1932 году наметились резкие расхождения между командиром полка, майором Тимэ, и штабом Ш.В.К., приведшие к тому, что майор Тимэ вынужден был оставить службу и уйти в отставку. Этот разрыв между штабом корпуса и командиром полка, конечно, до некоторой степени отразился на быте и службе чинов полка и имел своим последствием «временную потерю» некоторых из полезных и влиятельных друзей полка. Но снова отличная служба под командой нового, очень энергичного командира, майора С.Д. Иванова, вернула полку временно утерянные им симпатии и навсегда закрепила его положение как «постоянной, регулярной воинской части Международного Сеттльмента».

Вкратце, события этого 1932 года разворачивались и протекали так.

7 января — православное русское Рождество Христово. Отряд освобожден от несения нарядов на два дня. Вечером в гимнастическом зале штаба корпуса состоялись танцы и елка для обеих рот отряда.

В прилегающих к гимнастическому залу комнатах были сервированы чай и прохладительные напитки. Командир корпуса, полковник Томе, и его супруга присутствовали на вечере. После 11 часов супруга командира корпуса, очень милая старушка, раздавала подарки для детей всех семейных чинов отряда, которых командир корпуса сам приглашал лично за получением этих подарков. Дети на елке не присутствовали, но были их родители, и такое внимание командира корпуса и его супруги их, конечно, очень тронуло. Подарки были подобраны с большим вниманием и любовью, сообразно возрасту и полу ребенка — это были ценные и увлекательные игрушки. Командир корпуса, полковник Томе, несмотря на краткость его пребывания в Шанхае, уже успел завоевать расположение всех чинов корпуса, которые считали его настоящим «отцом-командиром», а его супруга — очень спокойная, по-видимому, интересная в молодости дама, являла собой образец хорошей хозяйки.

9 января были упразднены патрули в районах Хонкью и Диксвелл род полицейских станций, где было наибольшее расселение японских граждан. В воздухе «пахло» вооруженным конфликтом между китайцами и японцами. Японская пехота и морской десант с военных кораблей все больше и больше заполняли район Хонкью-парка.

20 января в городе было очень тревожно. Русский отряд был приведен в «состояние полной боевой готовности», прекращены увольнения из казарм для всех чинов отряда, а в кантинах рот запрещена даже продажа обычной «перед обедом и ужином» стопки водки.

27 января, в предвидении назревавших событий, по распоряжению штаба корпуса, помощник начальника отряда, капитан Иванов, с командиром рот осматривал границу Сеттльмента и Чапея, по Баундари род, где были построены бетонные блокгаузы и ворота за № 7—22. Целью этого осмотра являлось выяснение возможностей наискорейшего приведения этих опорных пунктов в боевую готовность. В роты отряда, распоряжением штаба корпуса, было выдано по одному пулемету Льюиса и по 1000 патронов к ним.

28 января, с самого утра, с китайской территории города на Сеттльмент потянулись тысячи китайских «беженцев» — первый признак того, что «конфликт» уже где-то рядом и можно ждать его начала в любой момент. По приказанию командира корпуса, Русский отряд занял участок границы по южному берегу Сучоусского канала и по Баундари род — границе с Чапеем. Это было в 16 часов 28 января, 1-я рота отряда заняла «левый» участок, а 2-я — «правый» участок оборонительной линии, одновременно была объявлена общая мобилизация всему волонтерскому корпусу.

В 20 часов отряд сдал свои участки уже мобилизовавшимся ротам Ш.В.К.: 1-я рота — Шотландской роте и роте «А», а 2-я — Американской и Португальской ротам Ш.В.К., и роты отряда возвратились в свои казармы. Но уже в 23 часа 1-я рота выслала команду в восемь человек для производства саперных работ на углу Хонан и Баундари род, около блокгауза «В», эту команду прикрывали три бронированных автомобиля Ш.В.К. Работы эти продолжались всю ночь, а наутро 29 января команда была увеличена до 20 человек и продолжала строить блиндажи и ходы сообщения из мешков с песком, под огнем китайцев со стороны Чапея, временами отвечая на этот огонь.

В 8 часов 30 минут по распоряжению штаба корпуса взвод 1-й роты, под командой одного из своих офицеров, занял все пристани на Банде, получив задачу не пропускать на Сеттльмент китайских солдат и беженцев с противоположной стороны реки Вампу (из Путунга). Как обычно, «наладив» эту работу, в 15 часов чины отряда сдали свои обязанности кадетской роте Ш.В.К. и возвратились в свои казармы, готовые к новому «заданию» штаба Ш.В.К. В 21 час ротам было приказано занять оборонительные участки, сданные ими вчера «волонтерам». В этот день во время саперных работ около блокгауза «В» был ранен в плечо капрал 1-й роты А. Ленков¹⁴⁵.

30 января 1932 г. Выписка из приказа по отряду за № 30: «Ввиду самовольного занятия японскими войсками блокгауза «В» и ворот № 7 (что на перекрестке Норд Хонан и Баундари род), а равно возведения ими блиндажей и открытия огня по китайцам в означенном

районе, исключенном (по состоявшемуся соглашению между Японским командованием и Шанхайским Муниципальным Советом) из зоны военных действий, чинам Отряда надлежит быть чрезвычайно осторожными и бдительными. Этот вопрос мною представлен на рассмотрение Командиру Корпуса и, по получении окончательного по содержанию сего решения, привести такое незамедлительно и точно в исполнение». Это означало, что отряд должен будет или окончательно покинуть занимаемый им участок, где в то время находились и чины отряда, и японцы, в случае, если японцам будет разрешено пользоваться этим участком для выполнения своих военных задач, или же потребовать от них немедленного оставления этого участка границы Сетльмента.

Пока в «высших сферах» разрешался этот щекотливый вопрос, у блокгауза «В» с утра 30 января разыгрался бой между китайцами и японцами, в который невольно были втянуты и чины отряда, продолжавшие постройку укреплений на этом участке. В 8 часов 30 минут были ранены два волонтера 1-й роты: В. Протодяконов — в ногу (отправлен на излечение в госпиталь) и В. Рымович — в левую щеку (остался в строю).

В этот же день, согласно распоряжению штаба корпуса, было приступлено к формированию при каждой роте отряда по одному «резервному взводу» в составе 30 человек каждый, а в 22 часа из штаба корпуса были получены 10 тысяч боевых патронов и выданы поровну в роты отряда: отряд готовился к активным действиям. Уже на следующий день, 31 января, в резервные взводы рот были полностью набраны 60 человек, разбитых по ротам и зачисленных на положенное довольствие в отряде. Взводными сержантами «резервных взводов» были назначены: в 1-ю роту — доброволец Б. Кольцов, а во 2-ю — волонтер штаба отряда В. Сергеев. «Резервистов» начали спешно и усиленным темпом «обучать».

1 февраля инцидент с самовольным занятием японцами блокгауза «В» и ворот № 7 был разрешен: японцы оставили этот участок и командир корпуса отдал нижеследующую инструкцию «Командиру блокгауза «В»: «Ворота у блокгауза «В» на Норд Хонан род не могут быть открыты без письменного приказа Штаба Корпуса, и войска любой национальности, не принадлежащие к той, которая занимает этот участок в настоящую минуту, не могут быть допущены к воротам. Командиру каждого Отряда, который будет стремиться занять этот участок или часть его, или блокгауз, должно быть показано настоящее предписание, дабы он был поставлен в известность о данном распоряжении Штаба Корпуса».

В 16 часов 30 минут в этот день полурота 1-й роты, под командой одного из своих офицеров, получила приказание занять здание главной почты и Дженерал Госпиталь, расположенные на северном берегу Су-чоусского канала, дабы предотвратить занятие этих муниципальных зданий японцами. В 24 часа полурота сдала охрану этих зданий резервной роте Ш.В.К. В 14 часов в этот день штаб корпуса нашел возможным сменить отряд на передовой линии и дать ему заслуженный, хотя и короткий отдых: «правый участок» приняла «группа № 1 Ш.В.К.», а левый — Португальская рота Ш.В.К.

По прибытии в места своего квартирования чины отряда с большим удовольствием принимали горячий душ, меняли белье и, выпив разрешенную им перед ужином стопку водки, засыпали непробудным сном, наверстывая пропущенное за двое суток стояния на позициях. Наутро чистка оружия и снаряжения, починка обмундирования: ведь нужно быть готовыми к новому вызову! Однако даже и во время этого отдыха отряд не оставили в полном покое: 1-я рота должна была выслать одно отделение для охраны муниципальной бойни на Фирон род.

В 19 часов 2 февраля вся 1-я рота отправлена была в распоряжение начальника «группы № 1», который немедленно отправил один взвод этой роты на блокгауз «В», а остальные взводы оставил в резерве, выделив необходимое число людей для патрулирования близлежащих улиц. 2-я рота продолжала отдыхать в своих казармах, но 4 февраля сменила 1-ю роту.

5 февраля 2-й взвод этой 2-й роты занимал участок у блокгауза «В», исправляя проволочные заграждения у ворот № 7. В это время шла сильная бомбардировка японцами китайских позиций у Северного вокзала. Китайская артиллерия отвечала. Снаряды рвались в непосредственной близости от работавшего взвода, и осколки их летели во все стороны. Почти перед самым концом работы, в 13 часов 30 минут, одним из этих осколков был ранен в правое ухо волонтер В. Манушкин, отправленный в госпиталь для операции. Утром 6 февраля 2-я рота сдала свой участок обороны и район патрулирования роте «А» Ш.В.К. и возвратилась в свои казармы.

7 февраля 1-я рота выслала рабочую партию в 11 человек для производства работ у блокгауза «В», причем старшему этой команды было приказано закончить эту работу к 10 часам, что он и выполнил, хотя работать приходилось под огнем.

8 февраля от 1-й роты была выслана рабочая команда, в составе 11 человек, для саперных работ около английского консульства и кинотеатра «Капитол». Работами руководил лейтенант инженерных войск Стандер. Английское консульство и расположенный у него «на задах»

«Капитол» находились в непосредственной близости к мосту Гарден-Бридж, который пересекал Сучоусский канал у самого впадения этого канала в реку Вампу. На северной стороне моста расположено здание бывшего российского генерального консульства и рядом с ним, на берегу Вампу, японское генеральное консульство — постоянный объект китайских артиллерийских бомбардировок со стороны Путунга (с противоположной стороны реки). Прямо против японского консульства стоял на якоре японский крейсер «Идзумо».

После блокады «В» и Северного вокзала это было «самое оживленное место» в оборонительной линии Международного Сеттльмента: китайские летчики ежедневно пытались (правда, unsuccessfully) бомбить «Идзумо», а их артиллерия, по несколько раз в день, открывала огонь по японскому консульству, крейсеру и беспрерывно патрулировавшим этот район реки Вампу японским военным катерам. Засевшие где-то на том берегу реки китайские снайперы вели почти беспрерывный огонь из пулеметов и автоматов, и их пули нередко залетали во двор английского консульства. Поэтому караул, охранявший это консульство и театр «Капитол», в котором были размещены беженцы-китайцы, сидел в специально вырытых чинами отряда окопах, оставляя их только лишь в минуты затишья.

8 февраля, в 17 часов 30 минут, 2-я рота отряда прибыла в распоряжение начальника «группы № 2» и сменила на позициях резервную и американскую роты Ш.В.К. На следующий день, 9 февраля, штаб корпуса послал в обе роты отряда по два пулемета Льюиса. В этот же день, в 10 часов, 1-я рота получила «специальное задание»: выслать команду в 11 человек для погрузки и перевозки скота на муниципальную бойню из района Хонкью, т. е. из района постоянных боевых действий между японцами и китайцами. От успеха этой операции зависело, будет ли население Международного Сеттльмента есть мясо или сидеть на вегетарианском столе. Чины отряда с честью выполнили эту задачу, хотя и с большим риском, так как были под обстрелом китайских снайперов, плохо разбиравшихся в запутанной обстановке боев на территории Сеттльмента.

10 февраля 1-я рота прибыла в распоряжение начальника «группы № 1» и сменила на позициях роту «А» Ш.В.К.

11 февраля 2-я рота сдала свой участок только что прибывшим с Филиппин частям 31-го американского пехотного полка и возвратилась в свои казармы. Забавно было видеть чинов этого полка, прибывших в Шанхай с «теплыми» Филиппин. Они не имели хорошего обмундирования, которое могло бы защитить их от промозглой шанхайской зимы. С местных складов им выдали старые, изношенные

шинели разных образцов, и они напоминали своим видом «воинство», подобное «сволочи Петра Амьенского», известной нам из мировой истории. Значком на головных уборах этого полка был «медведь», и полк этот, во время Гражданской войны в России, побывал на Амуре, где его изрядно пощипали красные партизаны. В его составе было много русских американцев.

Имея в виду проведение в жизнь уже задуманных, но еще не опубликованных видоизменений в структуре отряда, начальник отряда перевел лейтенанта Гапановича из 2-й роты в 1-ю, а «временное состоявшего на службе в отряде лейтенанта Ш.В.К.» М.М. Соколова¹⁴⁶ (русской службы генерал-майора и гвардейского кирасира) послал в распоряжение командира 2-й роты.

С 15 февраля и «впредь до отмены» на отряд возложена была обязанность выставлять посты на углах улиц, выходящих на Банд, и на углах этих же улиц, выходящих на Сэчуен род. Это был «банковский» район, и там предполагались эксцессы между китайцами и японцами. Помимо этого, отряд выставил посты у отдельных крупных банков.

16 февраля 1932 г., согласно предписанию штаба Ш.В.К., «Русская Волонтерская рота Ш.В.К., под командой капитана К.П. Савелова, присоединялась к Русскому Отряду Ш.В.К. и Русскому Отряду предписывалось именоваться впредь: «Шанхайский Русский полк». Приказ по Шанхайскому Русскому полку от 16 февраля гласил так: «По строевой части.

1. Объявляю текст (перевод с английского) предписания Штаба Корпуса от 16 сего февраля: «Начальнику Русского Отряда Ш.В.К. и Командиру Русской роты Ш.В.К. Как временная мера и на период мобилизации, Русская рота Ш.В.К. будет прикомандирована к Отдельному Русскому Отряду Ш.В.К. Обеим частям иметь общее наименование: «Шанхайский Русский полк», каковому быть под командованием майора Тимэ. Русская рота, однако, и поныне будет регулироваться положениями о Шанхайском Волонтерском Корпусе. Чины роты не будут получать жалование, белье, обувь, постельные принадлежности и пр., но кормовые деньги, обмундирование и снаряжение будут выдаваться им в обычном, как для прочих частей Корпуса, порядке. Русская рота будет размещаться в расположении 1-й роты, в Централ Камп». Подписал — *капитан Косгрэв*, за Аджьюнта Корпуса.

2. Во исполнение п. 1 настоящего Приказа, с сего числа Отряду именоваться «Шанхайский Русский полк». Подписал — Командир полка *майор Тимэ*».

С этого дня началась новая эра в жизни тех русских людей, которые посвятили себя службе по охране закона и порядка на территории Международного Сеттльмента города Шанхая.

17 февраля 1-я рота сменила 2-ю роту и одновременно приняла все помещения и обязанности от начальника «группы № 1». В распоряжение командира 1-й роты назначена была полурота от Русской роты под командой одного из своих офицеров. Командир 1-й роты становился начальником боевого участка № 1, принимая на себя охрану всего правого фланга обороны. 2-я рота, по смене, вернулась в свои казармы, на отдых, но уже в 20 часов того же дня она должна была выслать караул на электрическую подстанцию на Фирон род, сменив там караул от роты «Эйч» Ш.В.К. Караул был суточный. Русская рота, вошедшая в состав полка, ежедневно с 9 до 17 часов выставляла одиночные посты к девяти китайским банкам в центральном районе города.

19 февраля в 15 часов командиру 1-й роты приказано было сдать боевой участок частям 31-го американского полка и возвращаться в свои казармы. Дальше пошла караульная служба в Джeneral-Госпитале, на муниципальной скотобойне, в здании муниципалитета, у китайских банков. Во всех ротах полка свободные от наряда чины находились в «пятиминутной готовности» к выходу «по тревоге». Так продолжалось до 9 марта.

В конце февраля стало известно, что «за отличную службу» полку даруется особое, «свое полковое знамя». Весть эта, конечно, была принята с радостью, но предстоящий по этому случаю парад сильно беспокоил командный состав полка и всех его чинов; ведь к этому параду нужно было усиленно готовиться, а времени для занятий не было, так как полк продолжал нести очень тяжелый наряд по службе.

Однако 29 февраля в приказе по полку было объявлено: «Ввиду предстоящей церемонии освящения и вручения Знамени полку, согласно распоряжения командира Корпуса, в ротах ежедневно с сего числа производить строевые занятия, применительно к требованиям предстоящей церемонии. Начало занятий в 8 час. 30 мин., место занятий — в местах квартирования рот, в Дрилл-Холле и на Рейс-Корсе. Кончать занятия не позднее 11 ч. 30 мин. С малоуспевающими заниматься также и после обеда, как позволит время и обстановка. Особенное внимание должно быть обращено на занятия с чинами «специального резерва», так как таковые должны тоже присутствовать на церемонии. На занятиях должно присутствовать, по возможности, наибольшее число людей».

Началась «предпарадная страда»: занимались до 11 часов 30 минут, в 12 часов обедали, сразу после обеда производился «развод караулов», после которого очередная смена выходила по постам и караулам, сменившиеся с постов и караулов люди отдыхали ночью, а утром выходи-

ли на строевые занятия. Дальше повторялась одна и та же картина: служили, немного спали, усиленно «занимались» и опять служили. «Резервистов» гоняли на строевые занятия и после обеда, причем занимались с ними сами сержанты-майоры рот, и вскоре «резерв» достиг необходимого стандарта строевых рот и только жалкое на вид, истрепанное обмундирование, в которое одеты были члены этих «резервных взводов», отличало их от строевых чинов полка.

1 марта, согласно распоряжению штаба корпуса, «специальный резерв» при полку был расформирован. Чинам его, изъявившим желание служить в полку, после медицинского осмотра было дано право идти на пополнение 1-й и 2-й рот до численного состава каждая в 150 человек, причем имеющие рост выше 5 футов 8 дюймов назначались в 1-ю роту, все же остальные — во 2-ю.

Военные события между тем продолжали развиваться своим чередом. На границе Чапея и Хонкью шли ежедневные ожесточенные бои. Еще до начала конфликта, как говорили, под руководством немецких военных специалистов, каждая китайская лавчонка, каждая «харчевка» (а их были сотни на протяжении Пао-Шан род) была приспособлена как опорный пункт: грязный деревянный прилавок скрывал железобетон, а скромный выдвижной ящик этого прилавка фактически был бойницей, из которой сейчас высовывалось дуло пулемета.

Артиллерийским огнем была разрушена кирпичная православная русская церковь, построенная заботами и попечением российской православной пекинской духовной миссии. Церковь эта находилась на самой границе Чапея, невдалеке от Хонкью-парка, и около нее ютилась русская беженская беднота, которую, как мог, поддерживал материально владыка епископ Симон. Большинство гражданского населения Хонкью (главным образом японцы) эвакуировалось в центральные или западные районы Международного Сеттльмента, побросав свое имущество в наскоро заколоченных домах.

На главной улице района Хонкью, Сэчуен род, шли ожесточенные бои: ночью японцы вели «очередное» наступление по небольшим, узеньким улочкам или просто через дома, пробиваясь с Норд Сэчуен род на параллельно ей идущую Пао-Шан род, главную улицу китайского Чапея, являющуюся в то же время границей с Сеттльментом, а утром, под нажимом китайцев, откатывались обратно, для того чтобы с наступлением темноты снова идти в подобное наступление. Кинотеатр «Одеон», на Норд Сэчуен род, в районе которого шли особенно ожесточенные бои, был разрушен артиллерийским огнем китайцев и сгорел, в таком же положении было и большинство зданий, находившихся на Норд Сэчуен род и принадлежавших японцам. Эти неуспе-

хи японцев, по-видимому, являлись результатом совершенно бессмысленной и непонятной в военной обстановке «враждебной ревности» между регулярной японской пехотой и морскими десантными частями, высаженными с военных кораблей.

Позднее, по долгу службы, готовясь к занятиям со своими людьми, я прочитал книжку на английском языке, как пособие к изучению тактики «уличных боев в городе», написанную каким-то офицером-японцем, участником этих боев в районе «Одеона». В своем описании ночных наступлений на Пао-Шан род и утренних отступлений к «Одеону» он говорил, между прочим, о тех жертвах, которые понапрасну несла, совсем немногочисленная в то время в Шанхае, японская пехота, не получая поддержки от многочисленного морского десанта, который (конечно, высшее начальство) настаивал на том, чтобы все ведение военных операций в районе Шанхая было предоставлено им — морякам. Я не имею права не верить этому, хотя и считаю подобный подход к ведению военных операций совершенно ненормальным и даже преступным.

Высшее японское начальство ссорилось между собой, стремясь единолично заполучить лавры еще не выигранной войны и победы, японская пехота несла ненужные тяжелые потери в людском составе, военная операция затягивалась и не приносила желаемых результатов, а мирное население (женщины и дети) должно было покинуть свои жилища и имущество и искать пристанище «за линией фронта» — на Международном Сеттльменте, перейдя на совсем незавидное положение гражданских беженцев. Мужское же гражданское население Хонкью, надев на свое штатское платье красные повязки «специального резерва», обслуживало свои японские части и гибло вместе с солдатами от снарядов и пуль китайцев.

Разразившаяся над Шанхаем военная гроза настойчиво требовала усиления численного состава Русского полка, так как появлялась все большая и большая необходимость помогать полиции на территории самого Международного Сеттльмента, запруженного десятками тысяч китайцев-беженцев из районов военных действий. Эти беженцы, главным образом китайские рабочие и учащаяся молодежь (студенты), выражали ничем не прикрытую вражду и ненависть к японцам, и кровавые инциденты могли вспыхнуть в любой момент на территории Сеттльмента.

Первоначальное решение муниципального совета увеличить численный состав полка на 60 человек, путем упразднения «специального резерва» и распределения «резервистов» по кадровым ротам (1-й и 2-й), по-видимому по настоянию английского военного командования

и командира Ш.В.К., было изменено: решено было формировать еще одну «кадровую» (платную) роту полного состава.

4 марта 1932 г. штаб Ш.В.К. отдал следующее распоряжение: 1. 1-я и 2-я роты полка увеличиваются в численном составе только на 25 человек каждая. 2. Приступить к формированию «4-й роты», в составе 3 офицеров и 150 чел. 3. Вновь формируемую роту временно расквартировать при 1-й роте. 4. 3-ю «волонтерскую» роту перевести в здание муниципалитета, в комнату № 367. 5. Лейтенанта М.М. Соколова откомандировать из 2-й роты и назначить на должность командира 4-й роты. 6. Старшинство формируемой роты считать с 1 марта 1932 г.

С 4 и по 12 марта от первых двух рот полка ежедневно с 9 и до 17 часов высылался наряд в составе 1 офицера и 50 волонтеров, в Дрилл-Холл, для поддержания порядка при выдаче паспортов беженцам-китайцам. В этот день, 4 марта, в городе (на Сеттльменте) ожидалась беспорядки, и в 20 часов 30 минут от 1-й роты были наряжены три патруля по 6 человек для патрулирования центральных улиц Сеттльмента и выставлена охрана в составе 20 человек к зданию муниципалитета. 2-я рота выслала два патруля по 5 человек на центральные улицы Сеттльмента и выставила два взвода под командой офицеров: один на угол Нанкин/Чекианг род, в помощь полиции, а другой — в Дрилл-Холл, в качестве резерва.

Действительно, вечером стали собираться тысячные толпы демонстрантов-китайцев по всем центральным улицам Сеттльмента, и своевременно выставленный наряд от полка принял участие, совместно с полицией, в разгоне этих толп. На Киангси род со стороны демонстрантов были произведены несколько выстрелов, но стрелявшие китайцы были пойманы волонтерами полка и переданы на полицейскую станцию. К 24 часам на всех улицах Сеттльмента был восстановлен полный порядок, и наряды от полка возвратились в свои казармы.

В этот же день, 4 марта, врач лейтенант Шишло, состоявший при 3-й роте, приказом по корпусу был произведен в чин капитана, второй лейтенант И.С. Лобанов — в чин лейтенанта, а на должность сержанта-майора 4-й роты назначен был сержант В. Сергеев. 6 марта в приказе по полку было объявлено: «Капитану С.Д. Иванову впредь именоваться «помощником командира полка», заведующему хозяйством, лейтенанту А.А. Шимордову — «начальником Хозяйственной части». В этот же день лейтенант М.М. Соколов был произведен в чин капитана.

К концу первой недели марта японцам все же удалось сломить сопротивление китайцев и оттеснить их из района Чапея и Хонкью.

Непосредственная угроза Международному Сеттльменту отпала. Мобилизация и содержание «под ружьем» волонтерского корпуса стоила муниципальному совету больших денег, и поэтому, конечно, сразу же по миновании надобности в службе волонтеров корпус был демобилизован. 7 марта домобилизована была и 3-я «волонтерская» рота полка.

10 марта на должность младших офицеров в 4-ю роту были назначены: русской службы полковник Р.А. Черносвитов¹⁴⁷, с производством в лейтенанты Ш.В.К., и В.А. Кузьмин — во вторые лейтенанты.

11 марта, согласно поданному им рапорту, 3-й волонтерской роты лейтенант Н.П. Баженов уволен в отставку, вместо него на должность младшего офицера назначен русской службы поручик Н.И. Даманский, с производством во вторые лейтенанты. С 10 марта роты полка снова поочередно стали нести караул в китайской тюрьме на Вард род. Состав караула — 1 офицер и 27 волонтеров.

15 марта было отменено мобилизационное состояние полка. Полк перешел на нормальное положение мирного времени, но постовая и патрульная служба в центральном районе Сеттльмента были оставлены за полком.

22 марта 1-я и 2-я роты полка принимали участие в похоронах умершего полковника Маркери, командира французских войск в Шанхае. От полка в почетном карауле участвовали 8 офицеров и 250 волонтеров, участвовали также и все остальные части Ш.В.К. Последний земной путь тело покойного совершало вдоль шпалер войск от его резиденции до самой могилы.

28 марта в приказе по полку за № 88 было объявлено: «На днях, по постановлению Муниципального Совета Международного Сеттльмента, Командиром Корпуса будет пожаловано вверенному мне полку знамя. Полотнище знамени представляет из себя Национальный флаг Императорского Российского Государства, как признак национальности части, с вышитыми на обеих сторонах его (флага) Муниципальными трафаретами, являющими собой знак власти, закону коей полк подчиняется. Церемония прибавки знамени к древку состоится в гимнастическом зале Корпуса, в пятницу 1-го апреля, в 12 ч. 15 м. На означенной церемонии будут присутствовать члены Муниципального Совета, командующий английскими экспедиционными войсками в Шанхае, Командир Корпуса с офицерами Штаба, командиры частей Корпуса, начальники английских войсковых соединений в Шанхае, представители русской колонии, как военных группировок, так и гражданских. От вверенного мне полка надлежит присутствовать на церемонии: всем г. г. офицерам (включая врачей), знаменщику и по од-

ному от роты (от четырех рот) и команды — сержант-майору, сержанту и волонтеру. В воскресенье 3-го апреля, в 12 ч. 15 м., на Рейс-Корсе (в дождливую погоду — в Дрилл-Холле) состоится освящение знамени и церемония вручения его полку».

1 апреля в 12 часов 15 минут в гимнастическом зале корпуса состоялась прибавка знамени к древку. Посреди зала был поставлен большой стол, накрытый муниципальным флагом. Перед столом, в трех шагах, находились четыре сержант-майора, четыре сержанта и четыре волонтера (по одному от каждой роты), выстроенные в одну шеренгу, лицом к столу. Знамя было внесено капралом Ленковым в сопровождении лейтенанта Гапановича и положено с развернутым полотнищем на столе. Здесь полотнище было окончательно пригнано к древку и прикреплено 80 недоколоченными на одну треть гвоздями.

По прибытии всех почетных гостей в офицерскую столовую корпуса (комнату смежную с гимнастическим залом) началась церемония прибавки знамени (окончательная забивка гвоздей). Первый гвоздь было предложено вбить председателю муниципального совета, генералу Макнотену, а затем — всем остальным присутствующим, в порядке старшинства их чина или положения. Каждый из присутствовавших, вбив гвоздь, расписывался на особом листе, находившемся на столе неподалеку от знамени.

Церемония освящения и вручения знамени полку была исключительно красивой. Почти пятьсот человек в прекрасно наглаженном обмундировании, с начищенным «до блеска» кожаными и медными приборами, выравненные в ниточку, с полным (приблизительно в сорок человек) оркестром регулярного английского батальона на своем правом фланге, выстроенные развернутым фронтом с разведенными на три шага шеренгами, представляли величественное, незабываемое зрелище!

Торжественная церковная служба и прекрасная проповедь отца протоиерея Сергия Бородина придали этой церемонии еще большую значимость и слили полк и присутствовавших на параде зрителей в одно целое.

«Полк, под знамя, слушай на-караул!» — раздалась команда помощника командира полка, капитана Иванова, командовавшего этим парадом. Отчетливый прием, и две ошестинившиеся штыками шеренги замерли, встречая «СВОЕ», заслуженное ими знамя. Оркестр английского батальона заиграл «медленный марш», и лейтенант Гапанович повел знамя, несомое знаменщиком, капралом Ленковым, при двух ассистентах-офицерах вдоль фронта и между разведенными шеренгами полка.

Эта часть церемонии оказалась «немного затянутой», так как наш русский «медленный марш» (вернее, похоронный) не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по исполнению с английским «медленным маршем», в котором движение производится шагом обычного размера, только лишь в замедленном темпе, в нашем же марше шаг не только замедлялся в своем темпе, но и уменьшался в своем размере, замедляя движение почти вдвое против обычного.

Знаменщик вынес знамя перед фронтом полка. «К церемониальному маршу, поротно», — несется команда капитана Иванова, и полк перестраивается в ротную колонну, а затем начинает движение под бравурные звуки марша «Под Двуглавым Орлом», специально выбранного для этого случая капельмейстером английского оркестра. Ровная линия штыков, тяжелый отчетливый шаг, и, рота за ротой, полк проходил мимо командира корпуса и всего «генералитета», «давая ногу» при приближении к месту салюта. Громкое «Ура!» зрителей и их аплодисменты провожали каждую роту, которая, пройдя место салюта, на ходу перестраивалась во взводную колонну, а потом вытягивалась в колонну «взвоенными рядами» и направлялась к выходу с Рейс-Корса, имея в своей голове свое знамя. Долго и с большим восхищением писала об этой церемонии вся шанхайская пресса, как английская, так и китайская, отмечая заслуги полка и его блестящую выучку.

10 апреля на Рейс-Корсе состоялся парад всего волонтерского корпуса, на котором полк, как обычно, представился отлично командующему английскими экспедиционными войсками в Шанхае, генералу Флемингу.

14 апреля доктор Г.М. Криворучко, распоряжением штаба корпуса, был назначен врачом 3-й (волонтерской) роты полка, с производством в чин лейтенанта Ш.В.К.

18 апреля командир корпуса производил инспекторский смотр казенному имуществу полка и нашел все в блестящем порядке.

19 апреля господа офицеры полка и по четыре волонтера от каждой роты провожали на Таможенной пристани отъезжавшего в Англию, в долгосрочный отпуск, председателя муниципального совета, генерала Макнотена.

25 апреля, в день смерти генерала барона Врангеля, в расположении 1-й роты была отслужена заупокойная панихида.

30 апреля 1932 г. православная русская Пасха. С благословения правящего владыки, епископа Иоанна Шанхайского, заутреня для всего Русского полка была отслужена в англиканском соборе Св. Троицы, расположенном против здания муниципалитета. Служил

заутреню архимандрит Макарий в сослужении с тремя священниками и протодиаконом. Пел хор, составленный из волонтеров полка, под управлением сержанта Смирнова. Православным священнослужителем «сопутствовал» в их службе сам настоятель англиканского собора, «Дин» Триветт и его соборный хор. Огромный собор, масса цветов, украшавших амвон и алтарь, большое число духовенства и два хора создавали внушительное впечатление: служба протекала исключительно торжественно.

Кроме чинов полка, на заутрене присутствовали несколько сот человек, включая все высшее начальство Шанхайского гарнизона и Ш.В.К., почетные гости, родственники, друзья и гости волонтеров полка. По окончании заутрени были общие разговоры в здании муниципалитета, в помещениях волонтерского корпуса. У господ офицеров за столами, накрытыми в гимнастическом зале, присутствовали члены муниципального совета, начальники его департаментов, чины штаба корпуса во главе с командиром корпуса, полковником Томе, командующий английскими войсками и офицеры английских батальонов, командир и офицеры 4-го полка американских морских стрелков, общественные деятели как иностранной, так и русской колонии, представители прессы и гости господ офицеров полка. Разговоры были многолюдные и очень пышные. Чины полка и их гости разговаривали в близрасположенных комнатах. Командир корпуса и его супруга обходили столы, поздравляли волонтеров с большим русским праздником. Обстановка была непринужденной. На первый день Пасхи весь полк был освобожден от несения нарядов.

10 мая на адъютанта полка, лейтенанта Гапановича, возложены были обязанности «наблюдающего за полковым струнным оркестром и светским и церковным хорами», чем придан был характер «обязательности» для чинов, составлявших их, в отношении тренировок и выступлений по указанию начальства. До лейтенанта Гапановича за этим оркестром и хорами неофициально «наблюдал» лейтенант Лобанов, который с 11 апреля был назначен инструктором в 4-ю роту, для скорейшего окончания ее строевой подготовки. В этот же день, 11 апреля, произведено перемещение рот по стоянкам: 1-я рота — Амой род, 2-я — Алкок род, 4-я — Райфл-Рендж, штаб полка — в здание муниципалитета.

21 мая были учреждены и функционировали в полку унтер-офицерские курсы, целью которых было установить в ротах полное однообразие в строевой подготовке волонтеров.

Стояло исключительно жаркое лето. Утром все сержант-майоры и сержанты рот полка собирались на Райфл-Рендж, имея с собой вин-

товки и полное снаряжение. Там они сводились в одну команду, которую «обучал» лейтенант Поронник. При свыше стаградусной жары, эта команда сначала разбирала во всех деталях каждый прием или перестроение, а потом «отшлифовывала» его на практике «до идеальности», обливаясь потом. Но общая цель была достигнута: во всех ротях занятия пошли по общей, совершенно одинаково выработанной программе для всего полка, что обеспечивало успех любого смотра или парада, на который полк должен был бы выйти в полном составе, без предварительных «общих» репетиций.

Кроме ружейных приемов и перестроений, в программу обучения чинов полка входили английские ружейные приемы, штыковой бой, гимнастика, стрелковое дело, сомкнутые, разомкнутые и рассыпные строи, атака и оборона, тактика ведения уличных боев и «разгон толпы», на который обращалось особое внимание, так как применять его на практике приходилось довольно часто.

Впоследствии полк неоднократно демонстрировал «уличные бои» и «разгон толпы» не только другим ротам корпуса, но и регулярным батальонам английских войск. Подтянутые, в отлично сшитом обмундировании, чины полка получили право ходить в отпуск «в форме», хотя младшее «взводное начальство» иногда и запрещало это некоторым из своих подчиненных, опасаясь, что они, злоупотребив спиртными напитками в отпуску, могут опозорить мундир полка.

Английский солдат, находясь в отпуску в форме, имел «стэк», который как бы дополнял его «отпускную форму». Несколько таких стэков, конечно неофициально, появилось в ротях полка у «наиболее отчетливых» и щеголеватых унтер-офицеров. Ротные командиры, узнав об этом, отнеслись к этому сначала неодобрительно, но узнавший об этом командир полка посмотрел на это иначе: «стэк» заставлял волонтера в отпуску быть более подтянутым, хотя бы по одному тому, что исчезла возможность держать руки в карманах, и в то же время украшал его форму.

Соответствующий доклад в штаб корпуса встретил поддержку со стороны командира корпуса, и 26 мая установлен был образец «стэка» для всех чинов полка: головка шарообразная, литая из желтой меди, посеребренная, с припаянной на вершине уменьшенного размера кокардой «Ш.В.К.». На боковой поверхности головки было выгравировано: «Русский полк» (по-английски), а на шейке головки — личный номер волонтера. Черень, длиной в 28 инчей, с посеребренным медным наконечником сделан из хард-вуд и вычернен.

18 июня командир корпуса произвел инспекторский смотр 4-й роте и нашел ее строевую подготовку удовлетворительной.

21 июня закончился курс подготовки инструкторов-пулеметчиков по пулемету Льюиса. Этот курс успешно прошли 20 волонтеров. Курсами руководил лейтенант Черносвитов.

23 июня в приказе по полку объявлена была выписка из письма председателя Общевоинского союза, генерала Миллера, на имя майора Тимэ: «Читал в газетах о службе Вашего Отряда, ныне полка, и теперь передал присланные Вами газетные сведения и фотографии в журнал «Часовой». Вашей образцовой службой и примерным поведением, Вы делаете честь русскому имени»... «Если среди Ваших чинов есть кто-либо, кто знает меня и с кем меня служба когда-либо сталкивала, то передайте пожалуйста мой сердечный привет и мою радость, что Отряд завоевал себе такую лестную репутацию и имя... Искренне Ваш *Е. Миллер*».

2 июля в приказе по полку объявлена была почтограмма Е.И.В. Кирилла Владимировича: «Гвардии полковнику Тимэ. Сердечно поздравляю Вас и чинов Русского полка с пожалованием знамени за доблестную службу. Мне очень приятно знать, что бывшие чины Российской Армии, служа на иностранной службе, так хорошо себя зарекомендовали. Благодарю Вас и всех чинов полка и шлю искренний привет. *Кирилл*».

12 июля лейтенант Черносвитов переведен в 1-ю роту. 16 июля капитан Соколов, с разрешения штаба корпуса, отбывает в отпуск, во временное командование 4-й ротой вступает лейтенант Поронник. Сержант-майор 4-й роты Сергеев переводится в штаб полка, а исполняющим обязанности сержант-майора 4-й роты назначается сержант Харин. Готовились «большие перемены»: 4-ю роту начали «оснащать» действительно строевым начальством, чтобы поставить ее наравне с 1-й и 2-й ротами в строевом отношении.

17 июля, в расквартировании 1-й роты, была отслужена панихида об убиенном Государе и Его Августейшей Семье.

27 июля 4-я рота перешла на квартирование вместе со 2-й ротой, в казарму на Алкок род.

31 июля капитан Соколов по собственному желанию уволен от службы в полку и 4-ю роту сдал лейтенанту Пороннику. Блестящий офицер-кавалерист (кирасир) М.М. Соколов (русской службы генерал-майор) был слаб для командования пехотной ротой.

1 августа выбыл в месячный отпуск командир полка, майор Тимэ, и во временное командование полком вступил капитан Иванов. В этот же день было объявлено в приказе по полку, что муниципальный совет решил держать полк трехротного состава, общей численностью в 323 чина, все на платном положении.

3 августа, распоряжением штаба корпуса, роты полка перешли на новый строевой расчет, принятый в английской регулярной армии: каждая рота состояла из трех взводов, взвод — из четырех отделений, причем первые и третьи отделения были стрелковыми, а вторые и четвертые — пулеметными. Полк дополнил необходимое число пулеметов Льюиса до полного комплекта — 18 пулеметов.

Исключительно добросовестное отношение к своим служебным обязанностям, уже не раз продемонстрированное чинами полка, конечно, не осталось незамеченным в штабе Ш.В.К., и когда понадобилось увеличить штат корпусного интендантства, то, вместо найма служащих со стороны, штаб корпуса приказал командировать из полка «достойных и соответствующих» людей.

20 августа по приказанию командира корпуса были утверждены в штабе корпуса три новые должности «квартирмейстеров», и для занятия этих должностей из полка были командированы три волонтера.

1 сентября возвратился из отпуска майор Тимэ и вступил в командование полком.

12 сентября — ротный праздник 1-й роты, как всегда, молебен и улучшенный стол.

14 октября. Покров Пресвятые Богородицы — ротный праздник 2-й роты. По инициативе сержант-майора этой роты, Е.М. Красноусова, и с одобрения командира роты, капитана М.И. Мархинина, рота решила отметить этот праздник «по-особенному». Рота в это время размещалась, вместе с 4-й ротой, в казарме на Алкок род. В распоряжении рот имелась огромная столовая, часть которой сержант-майор Красноусов решил превратить в гимнастический зал, рассчитывая на то, что чины роты, проходя через столовую в комнату душей и умывальную, будут пользоваться гимнастическими приборами, что было бы вполне естественно для полной энергии молодежи. Польза от этого казалась несомненной.

Задавшись этой целью, сержант-майор сумел увлечь своей идеей взводных сержантов своей роты, а они, в свою очередь, и всех чинов роты. Негласно собрали необходимую сумму денег и, испросив разрешение у командира роты, установили в зале турник, кольца, трапеции, шесты, канаты, наклонную и вертикальную (двойную) лестницы, исправили имевшиеся в полку старые (еще вывезенные с «Охотска») параллельные брусья; сами (силами своих плотников) соорудили «кобылу» и «козла», сделали трамплин, и получился прекрасный гимнастический городок. Вся эта работа началась еще задолго до октября месяца.

Вообще, вся обстановка этой столовой — гимнастического зала — располагала к тому, чтобы в нем проводили время. Рота перешла на

стоянку в запущенный «го-даун» (склад), с грубыми полами, облезлыми, давно не белеными стенами, а через пару месяцев внутренний вид этого го-дауна изменился до неузнаваемости, представляя собой чистое, красиво убранный жилой помещением.

Силами и на средства чинов своей роты сержант-майор Красноусов сумел установить в дальнем правом углу зала амвон и иконостас «ротной церкви». Рядом с иконостасом стоял большой образ Покрова Пресвятой Богородицы, в богатом, художественно выполненном деревянном киоте, стояли чистенькие подсвечники, аналой и прочая церковная обстановка.

По стенам зала развешены были портреты всех Российских Императоров, выполненные (хотя и не особенно художественно) своим «ротным художником», волонтером Соколовым, им же написан был и запрестольный образ «Св. Троицы». Прекрасный гипсовый бюст Государя Императора Николая II (тоже работы одного из волонтеров полка) на деревянном постаменте, украшенном резными деревянными, позолоченными двуглавыми орлами, массивные, литые медные двуглавые орлы (взятые из бывшего российского генерального консульства еще до передачи его советским) развешены были по колоннам зала, а фехтовальные принадлежности (нагрудники, маски, рукавицы и особые ружья с пружинным стволом), взятые из штаба корпуса, были развешены по стенам, дополняя украшение этого зала.

Особенно «уютным» был «Суворовский» уголок, занимавший большую нишу в правом переднем углу зала: огромный портрет, в рост, генералиссимуса А.В. Суворова, украшенный национальными флагами, а вокруг него большие доски, отделанные под белый мрамор, с Георгиевскими крестами наверху и обрамленные Георгиевской лентой, а на досках написаны замечательные «суворовские» изречения и его «заповеди для солдата», взятые из суворовской «Науки побеждать». У подножия, во всю ширину ниши, стояли живые цветы, росшие в деревянных, красиво декорированных ящиках с землей, представляя собой как бы цветочную ограду памятника.

В зале стояли ровными рядами большие обеденные столы и скамьи, из расчета полностью на две роты, а в самом центре столовой — «унтер-офицерский» стол для двух сержант-майоров и восьми сержантов. Все было идеально чисто, прибрано и украшено. В такой обстановке приятно было провести свободное от службы и строевых занятий время, и поэтому волонтеры обеих рот частенько забегали в столовую и... неизменно попадали на гимнастический городок. Скоро уже определилась группа ротных гимнастов-аппаратистов. В часы «послеобеденных занятий» ротные командиры стали разрешать выводить людей «на

аппаратную гимнастику» в гимнастический зал. Вот в такой обстановке и пришла мысль сержант-майору 2-й роты отметить ротный праздник своей роты «по-особенному». Поделился он своей мыслью со своими взводными сержантами и встретил с их стороны горячую поддержку.

Согласно разработанному плану, рота утром в день праздника должна была продемонстрировать в Вейсайд-парке, находившемся не очень далеко от казармы, «сокольскую гимнастику» всем своим составом, а потом отдельные гимнасты должны были выступить со своими «номерами» на параллельных брусьях, кобыле и козле (перевезенных для этой цели из гимнастического зала роты), в прыжках в длину и в высоту, в общих «пирамидах» и проч. После этого следовали «военные игры» — состязания между взводами и комические номера, вроде «цыганской борьбы» и бега в мешках или с яйцом. По окончании этих состязаний и игр рота должна была вернуться в казарму и, быстро переодевшись в строевую форму, присутствовать на молебне, который в этот день служился перед ротным образом, а потом — обычный «парадный обед».

Выработав этот план совместно с взводными сержантами, сержант-майор сумел «уговорить» своего командира роты, капитана Мархинина, согласиться на это «новшество» и испросить на это соответствующее разрешение у командира полка. Штаб полка отнесся к этому весьма благожелательно. Предполагалось, что на этот «гимнастический праздник» будут приглашены все господа офицеры полка и их семьи, а также гости и родственники самих волонтеров, но никто не предполагал, что командир полка пригласит на этот скромный праздник командира корпуса и его штаб.

«Старый солдат» и «отец-командир», полковник Томе, оценил инициативу 2-й роты полка и решил отметить это своим личным присутствием, захватив с собой чинов своего штаба и некоторых из старших офицеров корпуса. Несмотря на то что никаких освобождений и даже послаблений по службе рота не получила, она хорошо подготовилась к своему празднику, отдавая на эту подготовку все свое свободное время, даже в ущерб своему отдыху после нарядов. За собственный счет чины роты приобрели однообразные майки-безрукавки и белые резиновые туфли. Казенные наглаженные трусики дополняли «спортивную форму» роты и придали ей отличный вид.

Вейсайд-парк — небольшой, но очень уютный садик с массой деревьев, кустов, цветочных клумб и лужаек — был прекрасной ареной и давал красивое оформление. К назначенному часу в парк начали собираться и рассаживаться на специально для этой цели установленных

стульях и скамьях господ офицеры полка и «гости», потянулась и посторонняя публика, случайно узнавшая об этом празднике волонтеров. Рота, одетая в свою «спортивную форму», выстроилась и ожидала приезда командира полка. Совершенно неожиданно вместе с ним в воротах парка появился командир корпуса со своим штабом. «Смирно!» Рота замерла, отдавая честь своему высшему начальнику. Ответив на салют, командир корпуса прошел на места «для гостей» и дал разрешение «начинать».

По команде сержант-майора рота рассчиталась «для гимнастики», а потом отчетливо проделала «выход для гимнастики» и провела несколько «гимнастических фраз». По окончании этого «показа» рота свернулась в развернутый строй, а потом разошлась по взводам.

Начались состязания между отдельными спортсменами и целыми взводами. Судьями были офицеры других рот полка. Все шло очень гладко и красиво, хотя программа и оказалась немножко длинной. Никто не заметил, как во время этих состязаний командир корпуса отправил куда-то своего адъютанта, который вскоре вернулся с довольно большим количеством серебряных кубков, спичечниц и прочих призов. Это была приятная неожиданность, и внимание «старика командира» было оценено чинами роты.

Командир корпуса сам выдавал призы победителям. После окончания программы и молебна командир корпуса обедал вместе со всеми офицерами полка в офицерской столовой 2-й роты, и там, конечно, разговор шел о только что виденном и о тех возможностях на спортивных полях Шанхая, которые мог дать людской материал полка.

Результат этого «особенного ротного праздника» сказался уже через несколько месяцев, когда в полку появились спортивные команды по всем видам спорта, постепенно завоевавшие себе славу лучших из любительских спортивных команд международного Шанхая. Впоследствии слава эта разлетелась далеко за шанхайские пределы, а полковые команды дали ряд «чемпионов» не только Шанхая, но и Китая. И 2-я рота полка вправе считать себя основоположницей любительского спорта в Русском полку.

К концу 1932 г. полк уже прочно закрепил за собой репутацию лучшей и наиболее надежной части Ш.В.К., по-видимому, так же рассматривали его и начальники регулярных английских войсковых частей, расквартированных в районе Шанхая. В приказе по полку 14 октября, например, было объявлено, для сведения, письмо командира батальона «ланкаширцев», уходивших из Шанхая на новую стоянку в Тяньцзинь: «Дорогой Тимэ, я пишу, чтобы поздравить Вас с великолепным видом почетного караула, выставленного Вами в день отъезда батальо-

на, и дабы пожелать Вам всего хорошего. Все люди моего батальона были восхищены видом такой прекрасной в строевом отношении части. Наша новая стоянка находится недалеко от Вас, и я надеюсь, что мы будем иметь возможность встретиться с Вами вновь. Если будете проезжать мимо, не забудьте посетить нас — Ваших соседей, что безусловно сделаю и я, если отправлюсь опять на север. Искренне преданный Вам, подполковник *Войс*.

А вот другое письмо, объявленное в приказе по полку 13 ноября, от командира батальона «Улстер Райфлс», посланное им командиру Ш.В.К.: «Дорогой полковник Томе. Перед отъездом из Шанхая я считаю своим долгом написать и поблагодарить Вас от имени всех чинов моего батальона за великую честь, оказанную Вами нам посылкой почетного караула от Русского полка на Бродвей, вчера после обеда. Внешний вид, построение и выправка караула возбудили во мне глубочайшее восхищение, и я буду очень признателен, если Вы передадите майору Тимэ, офицерам, унтер-офицерам и волонтерам, принимавшим участие, мои сердечные поздравления за превосходный вид. Искренне Ваш, полковник *Мио*».

Начиналась сырая и холодная шанхайская зима, и 7 ноября приказом по корпусу полк перешел на ношение зимнего обмундирования. По-видимому, спортивный праздник 2-й роты дал основание командиру корпуса, полковнику Томе, задуматься над развитием спорта в полку в широком масштабе, по образцу английских войсковых частей, команды которых выступали на спортивных полях международного Шанхая. Кажется, в ноябре месяце он договорился с командиром одного из батальонов английских «регуляров» (я думаю, что это были «Улстер Райфлс»), и последний организовал показательную «аппаратную гимнастику» для всего Русского полка.

К моему великому недоумению (я никогда не считал англичан любителями аппаратной гимнастики), в этом батальоне оказалась прекрасная команда гимнастов-аппаратистов, в составе примерно 20—25 человек. Этот «показ» происходил где-то в районе Киао-Чиао-парка. Роты нашего полка, прибывшие на место «походным порядком», с трех сторон окружили площадку, на которой установлены были турник, параллельные брусья и несколько «кобыл».

Англичане-гимнасты очень «чисто» и красиво проделали довольно трудные упражнения, вызвав нескрываемый восторг у зрителей — волонтеров полка. Красивая гимнастическая форма и исключительный порядок, царившие в команде, оставили незабываемое впечатление и впоследствии послужили «канвой» и примером при организации публичных выступлений наших собственных полковых спортивных ко-

манд. После «показа» хозяева-англичане очень любезно угощали весь полк чаем, сэндвичами и софт дринками.

22 ноября в приказе по полку объявлена была выписка из приказа по Ш.В.К. за № 143, от 21 ноября: «Формирование Русского полка утверждено с 16-го февраля 1932 г. Русский полк составлен из Русского Отряда (регулярного), который образуют 1-я, 2-я и 4-я роты, и русской роты (волонтерской), которая образует 3-ю роту полка».

Ноябрь месяц, как обычно, был месяцем разного рода состязаний: строевые, стрелковые (ружейные и пулеметные), в штыковом бое, походном марше и проч. Командир корпуса, полковник Томе, все больше и больше «привязывался сердцем» к Русскому полку, и, требуя от него идеальной строевой подготовки, образцового порядка и железной дисциплины, он старался предоставить для этого все возможности и всегда отмечал в своих письмах и приказах по корпусу те стороны жизни и службы полка, которые он считал «образцовыми» и полезными для прочих частей корпуса.

18 декабря 1932 г. на плацу, на углу Сингапур и Киао-Чиао род, в 10 часов 30 минут состоялся полковой парад, который принимал командир корпуса, а после парада он раздавал переходящие кубки и личные призы выигравшим их во время годовых состязаний.

19 декабря. Полковой праздник. Молебн, с провозглашением «Вечной памяти» убиенным Царственным Мученикам. За завтраком у господ офицеров было много официальных гостей.

21 декабря было отдано, в приказе по полку, о предоставлении отдыха регулярным ротам полка до 9 января 1933 г. включительно: подъем в 7 часов, занятий только два часа, остальное время — на спорт.

1933 год

Причины неприятного конфликта между командиром полка, майором Тимэ, и штабом Ш.В.К. лежали, мне кажется, в самом Тимэ, вернее, заложены они были в его характере.

Тимэ был назначен командовать Русским отрядом Ш.В.К. в 1927 г., после ухода в отставку капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина, отчасти «из экономии» расходов по содержанию отряда, так как приглашение на эту должность офицера «со стороны» требовало от Шанхайского муниципалитета дополнительного расхода на его содержание. Тимэ же уже был муниципальным служащим (сержантом конной полиции), и поэтому его перевод из одного отдела муниципалитета в другой (из

муниципальной полиции в Ш.В.К.) не вызывал никаких, или почти никаких, дополнительных расходов.

На службе Шанхайского муниципалитета в то время было уже довольно много русских бывших офицеров Императорской Российской армии, и, конечно; муниципалитет всегда мог найти среди них «достойного», но их выбор остановился на Г.Г. Тимэ, главным образом, потому, что он и его супруга были в дружеских отношениях с семьей тогдашнего вице-председателя муниципального совета, господина Бэлла, который и выдвинул кандидатуру Тимэ.

Кадровый офицер конной гвардии, Г.Г. Тимэ, конечно, мало понимал и, к сожалению, мало интересовался «пехотной службой». «Барин» и «сибарит» — он не считал для себя необходимым на все сто процентов войти в жизнь той пехотной части, которой он назначен был командовать и которая в то время, своей тяжелой жертвенной работой и верной службой муниципалитету, закрепляла шаг за шагом свое шаткое положение «временных» (на период опасности, угрожавшей городу) служащих и постепенно превращалась в «необходимую и надежнейшую» силу, на которую Международный Сеттльмент мог опереться в случае любых беспорядков и даже военного конфликта.

Тимэ не был строевым начальником, и его служебные интересы концентрировались в штабах отряда и волонтерского корпуса, где он чувствительно (иногда даже чрезмерно чувствительно) переживал успехи и неудачи вверенной ему воинской части в служебном и строевом отношениях, хотя сам в этом направлении он не мог сделать ничего, не будучи даже знаком с «пехотным строем» и с жизнью «пехотной казармы».

Тимэ резко выговаривал, лично и в приказах по отряду, как господ офицеров, так и прочих чинов за малейшие промахи или неудачи, не вдаваясь в причины их вызвавшие. Наказания, иногда очень строгие, сыпались как из «рога изобилия» и сильно нервировали всех подчиненных ему чинов, заставляя их постоянно «быть настороже», даже в свободное от службы и строевых занятий время. В зависимости от своего настроения он мог сделать резкий выговор командиру роты за то, что его люди «не дают ему покоя» своими командами «смирно» даже тогда, когда он идет в уборную, а в то же время он готов был поставить «под ружье» зазевавшегося волонтера, который в ночной темноте не заметил его и не отдал ему положенную по уставу «честь».

На обычных, ежедневных занятиях Тимэ никогда не присутствовал и никогда не поверял несение службы чинами отряда на постах, но зато всегда выходил на общие репетиции перед парадами и смот-

рами, хотя и не принимал в них непосредственного участия. На этих смотрах и парадах он сам никогда не командовал отрядом, предоставляя делать это своему помощнику, капитану Иванову. Голос у Тимэ был очень слабый, и, мне кажется, он не знал и не мог правильно подать «пехотную команду». Только во время корпусных рут-маршей он всегда ехал верхом в голове отряда. «День» Тимэ начинался много позднее, чем рабочий день его отряда, но зато и заканчивался он много позднее, иногда захватывая утро следующего дня, так как все вечера он обычно проводил вне казармы, в кругу своих знакомых и в клубах. Довольно часто, но не ежедневно, он выезжал в штаб корпуса, всегда в сопровождении ординарца-переводчика, так как говорил по-английски довольно слабо, и проводил в штабе корпуса почти все дообеденное время, а после обеда начиналась его «общественная жизнь», которой он отдавал остаток дня и ночь.

Г.Г. Тимэ не «командовал», а «управлял» Русским отрядом путем строжайшей дисциплины, и в этом отношении Русский отряд «периода Тимэ» довольно сильно напоминал Французский Иностраннный легион. Цель достигалась: отряд совершенствовался и закреплял свои служебные позиции, но «средства» были далеко не сообразные моменту и положению. Ведь строгое «отсевивание» при приеме на службу в отряд давало исключительно хороший людской материал, который вовсе не нуждался в грубой палке, а мог понять слово, а главное — «пример начальни-ка», но этого у Тимэ не было.

Вероятно, единственным положительным качеством Тимэ как командира части была его «независимость», с которой он умел и всегда держал себя в своих сношениях с «высшим начальством» — англичанами. В этом отношении он был образцом: он точно знал свое место на иерархической лестнице офицеров Ш.В.К. и не спускался ниже ни на одну ступеньку, ни при каких обстоятельствах.

Во второй половине 1932 г. благоприятная для Тимэ «атмосфера в муниципальных верхах» изменилась к худшему: председателем муниципалитета был избран бригадир Макнотен, не особенно любивший русских, Бэлл же отошел от работы в муниципальном совете. В то же время из Англии прислали нового командира Ш.В.К., подполковника Томе, который по своему характеру и типу представлял из себя полную противоположность Тимэ. «Противоположности» не сошлись, начались нелады, в усилении которых, конечно, немалую роль сыграл и новый адъютант Ш.В.К., капитан Филипп Кэтт.

Для того чтобы яснее представить картину происшедшего, считаю необходимым дать короткие характеристики подполковника Томе и капитана Кэтта, при которых эти «нелады» начались и вылились в

принудительное увольнение Г.Г. Тимэ не только от службы в отряде, но и в муниципалитете вообще.

Подполковник Томе — кадровый офицер английской армии, командир батальона, новозеландец по рождению, участник Первой мировой войны, во время которой он был неоднократно и тяжело ранен. Высокого роста (выше шести футов), хорошо сложенный, уже довольно пожилой (лет около пятидесяти) офицер, он, по-видимому, был тем «отцом-командиром», которого так любит и уважает солдатская масса всех народов и армий. Он жил жизнью солдата с утреннего подъема и до вечерней зари: он неизменно присутствовал в Дрилл-Холле на строевых занятиях волонтерских рот корпуса и на всех стрельбах, проводимых этими частями на Райфл-Рендж, назначал инспекторские смотры, а потом в своих приказах в мягкой, но настойчивой форме требовал устранения замеченных им недостатков и хвалил за достигнутые успехи.

Конечно, с первого же взгляда он понял, что Русский отряд являлся лучшей и наиболее обученной и боеспособной частью всего волонтерского корпуса. Поэтому Русскому отряду он и «уделил особенное внимание», стремясь сделать из него (несмотря на «текучесть» его людского состава) воинскую часть, которая по своим качествам ничем не уступала бы любому английскому регулярному батальону. И в этом отношении ему удалось сделать очень многое.

Его предшественник, полковник Орпен-Пальмер, добился улучшения материальных условий службы и жизни отряда, полковник Томе же добился исключительных результатов в обучении, экипировке и вооружении отряда и создал из него часть, наружно ничем не отличавшуюся от английских «регуляров». Его неожиданные приезды в расположение рот отряда, бесконечные инспекторские смотры, парады и вызовы «по тревоге» отдельных рот отряда в Дрилл-Холл (где он, осмотрев роту, приглашал офицеров ее в штаб корпуса и давал им тактическую задачу по обороне того или иного участка Сеттлеме́нта) постепенно освобождали отряд от устарелой рутины, уже непригодной в современной обстановке, и «втягивали его в курс современного военного дела», которое сам полковник Томе отлично понимал.

В этом отношении для него отличным помощником оказался новый адъютант Ш.В.К., капитан Филипп Кэтт, офицер шотландской гвардии. Капитан Кэтт был еще довольно молодой офицер (лет около 26—28), высокого роста, прекрасного сложения и очень красивой наружности, с усами «а-ля-Вильгельм» (его гордость и постоянная забота). Он, по-видимому, был просто «влюблен в военную службу», но, прослужив в гвардейской пехоте, подошел с этой же меркой и к ротам Шанхайского волонтерского корпуса.

К сожалению, у него не было ни служебного, ни жизненного опыта полковника Томе, и поэтому он начал свое переобучение чинов Ш.В.К. неправильно: его «начальственная резкость» в обращении с «рядовыми» волонтерами корпуса (которые зачастую являлись главными управляющими, а то и директорами огромных иностранных предприятий в Шанхае и в Китае), на которых он смотрел как на «солдат», конечно, не понравилась этим волонтерам, которые в любой момент имели право оставить службу в Ш.В.К., просто заявив об этом в штаб корпуса и сдав свое вооружение, обмундирование и снаряжение в корпусной интендантский склад, послав его с одним из своих слуг-боев. Командиры волонтерских рот корпуса жаловались командиру корпуса на поведение Кэтта, начались довольно многочисленные добровольные увольнения со службы недовольных «новым веянием» волонтеров, и командир корпуса, по-видимому, «осадил» рвение своего слишком ретивого адъютанта и ближайшего помощника.

Тогда капитан Кэтт и обратил все свое внимание, всю свою энергию и все свои знания (а их, безусловно, было много) на Русский отряд, который, как регулярная, платная часть Ш.В.К., поневоле должен был «терпеть и переносить» некоторые грубые и резкие выходы адъютанта корпуса. Но ведь Кэтт требовал только лишь того, что он сам мог сделать, он требовал только лишь то, что было необходимо для отряда, чтобы сделать его не хуже (если не лучше) регулярных английских батальонов!! А поэтому «выходки» Кэтта переживались офицерами и чинами отряда без особой горечи: в них видели его, хотя и неумело проводимое в жизнь, желание отряду добра и только добра. Чины отряда подсмеивались над ним, передразнивали и имитировали его (конечно, в его отсутствии), но всегда любовались им, как примерным офицером и по своей внешности, и по внутреннему его содержанию. Он был «образцом офицера».

Комната адъютанта в штабе корпуса выходила своим балконом в Дрилл-Холл, где обычно занималась рота отряда, квартировавшая в бараках «Централ Камп». В этой комнате Кэтт проводил все свое служебное время за... учением: он усиленно готовился к «окружному» экзамену на чин майора и совершенствовал свои знания военного дела, следя за всеми новинками.

Нас поражала исключительная быстрота, с которой Кэтт все умел делать. Он усиленно добивался этой быстроты и от чинов отряда, стараясь незаметно показать им в этом пример: вероятно, совсем не случайно он выходил на строевые занятия роты в Дрилл-Холл, одетый в строевую форму, некоторое время наблюдал за занятиями, иногда де-

лал указания или замечания, а потом уходил к себе в штаб, но уже через пять минут снова появлялся на балконе отлично одетый в штатское платье, что, конечно, замечали чины роты и диву давались, как можно было все это проделать с такой тщательностью и аккуратностью и при этом в такой короткий срок: почему же чин отряда не может одеться «по тревоге ночью» в две-три минуты?! «Налеты» Кэтта в казармы отряда бывали очень часто и в самое неожиданное время: он осматривал помещения, кухни, склады, делал замечания и указания и, конечно, докладывал о результатах своих осмотров командиру корпуса, который, в свою очередь, проводил необходимые перемены или улучшения уже нормальным путем «приказов и распоряжений штаба Ш.В.К.».

Конечно, и полковник Томе, и капитан Кэтт сразу же обратили внимание на то, что майор Тимэ не командует, а только лишь «управляет» отрядом, свалив свою работу на своего помощника и офицеров отряда. Это и явилось, по-видимому, причиной «неладов»; а повод для увольнения Тимэ от службы в отряде найти было не трудно.

1 января 1933 г. в приказе по полку майор Тимэ объявлял: «Г. г. офицеров и волонтеров вверенного мне полка поздравляю с Новым Годом! Минувший год был исключительным годом в жизни полка: зародившись в смутное время назревавшего японо-китайского конфликта, он потребовал от всех чинов сознания взятых на себя обязанностей по защите неприкосновенности границ Сеттльмента и граждан его. С честью выполненная задача явила следствием развертывание Отряда в полк и дарование ему Знамени. Беспорочная служба в целом всего полка дает мне спокойную уверенность в том, что усилиями всех чинов престиж полка будет поддержан на должной высоте. От лица службы выражая свою сердечную благодарность всем чинам полка за достигнутые результаты, искренне желаю счастья и благополучия в личной жизни каждого и преуспевания на служебном поприще».

3 января в приказе по полку объявлялась телеграмма: «Майору Тимэ. Командиру Шанхайского Русского полка. Шанхай. Наилучшие пожелания на 1933-й год от Шотландской Гвардии. Подписано: капитан Бланд. Лондон».

5 января, четвертая годовщина смерти Великого Князя Николая Николаевича — в полку панихида.

7 января, первый день русского Рождества Христова, в полку молебен, полк освобожден от несения нарядов на сутки.

Полк жил своей нормальной жизнью, уже наладившейся в течение шести лет, казалось, ничто не предвещало, что уже близко, близко были события большой важности, выбившие полк (правда, на лишь очень

короткое время) из нормальной колеи, но в то же время положившие начало «новой эры» в жизни полка, продолжавшейся до самого конца его существования (в 1947 г.).

За эти предстоящие 14 лет полк настолько укрепил свое положение, что вопрос о его расформировании уже больше не поднимался, менялось прямое назначение полка, изменялся характер его службы, менялся Устав, по которому он жил, но необходимость и ценность полка, как надежнейшей воинской силы Международного Сеттльмента Шанхая, оставались общепризнанными и неизменными. Полк стал необходим для международного Шанхая, и дальнейшей заботой муниципального совета было лишь изыскание средств на его содержание.

9 февраля 1933 г. в приказе по полку было объявлено: «Объявляю перевод Приказа по Шанхайскому Волонтерскому Корпусу от 9-го сего февраля. Командование: Майор Тимэ освобождается от командования Русским Отрядом, временно, с 9-2-33. Капитану Иванову вступить в командование Русским Отрядом, временно, с 9-2-33. С сего числа во временное командование полком вступил. Подписано: *капитан Иванов*». Этот приказ прозвучал как раскат грома с ясного, спокойного неба: никто из чинов полка не мог предвидеть, что «всесильный» майор Г.Г. Тимэ может попасть в немилость.

С его отстранением от службы уходили дружеские связи в муниципальном совете, обширные знакомства с местной иностранной и русской колонией, с их «знатью», полк оставался без поддержки, созданной личным общением, дальнейшего существования. Единственным средством для закрепления положения «осиротевшего» полка были его дисциплина, образцовая выучка и исключительно добросовестное отношение к своим служебным обязанностям всех чинов его. На эти «средства» и обратил все свое внимание капитан Семен Дмитриевич Иванов, временно вступивший в командование полком.

Капитан С.Д. Иванов — полковник русской службы, «универсant» (почти закончивший курс Петроградского университета, кажется, по экономическому и историко-филологическому факультетам), окончил он «студенческий» выпуск Михайловского артиллерийского училища и принимал участие в Первой мировой войне, в составе одной из батарей Забайкальского казачьего войска. По возвращении с фронта, после революции, в Забайкалье он присоединился к Белому движению, начатому там атаманом Семеновым, командовал русско-китайской батареей в составе его частей, а потом получил назначение курсовым офицером артиллерийского отделения Читинского военного училища. С уходом Белой армии из Приморья он командовал Пластунским полком, впоследствии вошедшим в состав Дальневосточной казачьей груп-

пы, которой командовал генерал Ф.Л. Глебов. Почти четыре года пережил полковник Иванов «сидение на транспортах» в водах Вузунга и Вампу, выполняя обязанности начальника десанта, а потом — помощника командующего группой. Когда в январе 1927 г. муниципальный совет Международного Сеттльмента Шанхая принял решение сформировать отряд из «белых русских эмигрантов» для защиты Сеттльмента от надвигающейся с юга красной опасности, полковник Иванов привел остатки «дальневосточников», как кадр и костяк для начавшего свое формирование Русского отряда Ш.В.К., и получил назначение командиром 1-й роты отряда.

Широко образованный, с богатой эрудицией, исключительно энергичный, решительный и волевой человек, до мозга костей пропитанный чувством долга и ответственности, пунктуальный и честный, строгий не только к своим подчиненным, но, прежде всего, к себе самому, он любил военное дело и любил солдата, не допуская в то же время «баловства» и попущений, которые могли бы вредно отразиться на «пользе службы», которую он ставил «превыше всего».

Он «видел далеко вперед», и благодаря этой «дальновидности» и своим творческим способностям он сумел составить и провести в жизнь план создания «собственного полкового хозяйства», благодаря которому впоследствии полк имел возможность не только содержать свои прекрасные, известные по всему Китаю спортивные команды, но и дать комфорт и уют в казарменном расположении полка, сделав полк «приманкой и мечтой» для русской молодежи, имевшей желание «послужить на военной службе». Неоднократно и тяжело раненный во время Гражданской войны, он, силой своей воли, не только «привел себя в порядок», но в 1933 г. представлял из себя физически сильного, здорового человека, несмотря на то что продолжал носить в себе несколько красных пуль, оставшихся ему «на память» о войне, которую он закончил кавалером ордена Святого Георгия Победоносца.

Исключительно нетребовательный в смысле собственного комфорта и личных удобств, он старался привить эту простоту жизни, даже «аскетизм» и своим подчиненным. Круг его друзей и знакомых был очень ограничен, и вся жизнь его поэтому проходила в казарме, среди людей, которыми он командовал, и он знал их отлично, как это и полагается знать хорошему начальнику. Таков был «Временно Командующий Русским полком Ш.В.К.», капитан Семен Дмитриевич Иванов, назначенный на эту должность приказом по Ш.В.К. от 9 февраля 1933 г.

От своего предшественника, майора Г.Г. Тимэ, он получил хорошо дисциплинированную и отлично обученную воинскую часть (в чем не-

мало потрудились сам, будучи командиром роты и помощником командира полка) и... это было все. Положение же этой воинской части все еще было довольно неустойчивым, так как огромные расходы на ее содержание заставляли муниципальный совет (под давлением налогоплательщиков) не раз обсуждать вопрос или о сокращении состава, или же о полном расформировании полка. Однако обширные знакомства и личные связи Г.Г. Тимэ в «правящих кругах» и в местной иностранной колонии значительно облегчали эту постоянную «борьбу за существование полка». Но с увольнением Тимэ исчезла и поддержка. В руках капитана Иванова остался один «козырь» — дисциплинированность, отличная выучка и исключительно добросовестное отношение к своим служебным обязанностям, уже не раз доказанные всеми чинами полка, как во время военных конфликтов, так и в мирное время.

Однако недолго чины полка ломали свои головы над причинами происшедших перемен в «возглавлении полка»: дисциплина не позволяла рассуждений «на отвлеченные темы» и «вольномыслию», а обычные усиленные строевые занятия и служба скоро совсем заставили их забыть о том, что «что-то случилось». Искренне, по-военному расположенные к полку и ценившие его, как строевую воинскую единицу, командующий английскими войсками в районе Шанхая, генерал Флеминг, и командир Ш.В.К., полковник Томе, вероятно учитывая создавшееся в полку настроение и состояние его чинов, незамедлительно выдвинули полк опять на «авансцену шанхайской жизни», давая ему возможность собственными силами, без «тетушкиного хвостика», закреплять свое социальное положение.

12 марта генерал Флеминг производил инспекторский смотр 3-й роты полка в Дрилл-Холле. Смотр прошел вполне удовлетворительно.

22 марта в приказе по полку была объявлена выписка из «Муниципальной газеты» от 17 марта: «3-й волонтерской роты второй лейтенант В.М. Марков увольняется по собственному желанию. Сержант Сергей Балановский производится во вторые лейтенанты».

27 марта. Командир корпуса посетил занятия «уличным боем», произведенные чинами регулярных рот полка, и остался очень доволен. В приказе по корпусу была выражена похвала и благодарность всем чинам полка, принимавшим участие в этих занятиях. Мне кажется, что этот «смотр» 27 марта 1933 г. был как бы «экзаменом» как для всех чинов полка, так и для их нового командира. Полк, как обычно, был отлично подготовлен к этому смотру».

В это время я был сержант-майором 2-й роты, и мне приказано было явиться утром в штаб корпуса, в качестве «ординарца» к командиру корпуса, полковнику Томе. В штабе встретил меня адъютант кор-

пуса, капитан Кэтт (которому, кстати сказать, очень нравились мои буйно разросшиеся усы, вошедшие тогда в нашем полку в моду), и провел меня к командиру корпуса, которому я и отрапортовал о своем прибытии в его распоряжение. Мне показалось, что командир корпуса был «как-то не в себе»: не было его обычной ласковой улыбки, и он, по-видимому, волновался.

«Служба» моя в этот день началась весьма оригинально. Командир корпуса вел очень скромный образ жизни и поэтому, вероятно в целях экономии, решил ехать на смотр полка в маленькой машине своего адъютанта, которой управлял шофер-китаец. «Начальство» уселось на заднее сиденье машины, а я кое-как втиснулся на переднее, рядом с шофером. Было очень неудобно, сильно мешал палаш, и я боялся измять свое накрахмаленное, наглаженное и горевшее огнем начищенной меди обмундирование. Адъютантский «зингер» включился в общую линию графика на Банде и направился к мосту Гарден-Бридж. Все шло благополучно, пока мы не достигли первой половины подъема на довольно круто изогнутый мост... получился скандал: слабый мотор «не вытянул», и, под смех командира корпуса, адъютант и я, выскочив из машины, подталкивали ее до верхнего гребня, под несмолкаемые гудки и смех автомобилистов, ехавших сзади нас. Это происшествие как будто бы немного исправило угрюмое настроение командира корпуса, и он смеялся надо мной и своим адъютантом всю дорогу, пока мы не доехали до сборного места полка, ожидавшего приезда «начальства».

Громкая команда для встречи, поданная капитаном Ивановым, дружный ответ по-русски на приветствие командира корпуса: «Здоровы, волонтеры!» (он произносил это приветствие довольно чисто, но вместо «ь» в конце ставил «у»). Начался смотр: показное «наступление» на участок города, расположенный примерно в миле от места сбора полка. «Противник» был на большой площади, на которой раньше был увеселительный городок — цирк «Луна-парк», а теперь эта площадь была завалена горами кирпича, железного лома и разных строительных материалов, дававших хорошее укрытие для «оборонь». «Противник» уже занял свои позиции и выслал наблюдательные посты и заставы во все выходящие на эту площадь улицы, по которым должно было проходить «наступление» остальных чинов полка.

У «оборонь» — деревянные модели пулеметов Льюиса (сделанные очень искусно, с соблюдением точных размеров, впоследствии всегда употреблявшиеся при учебных занятиях, когда не требовалось наводки, дабы сохранить от порчи настоящие пулеметы, состоявшие на вооружении полка. Сделаны они были нашими полковыми плотниками). У «оборонь» красные и синие флажки, обозначающие огонь пулемет-

ных и стрелковых отделений. Как у наступающих, так и у обороняющихся большое число специально заготовленных вертушек-трещоток, сделанных из бамбука, которые давали отличное представление пулеметного огня. У обороняющихся, помимо того, много китайских ракет-хлопушек, дававших оглушительные разрывы.

Сразу же с началом наступления командир корпуса пошел с капитаном Ивановым несколько позади передовых частей, чтобы своим присутствием «преждевременно не обнаружить» наступление, и внимательно следил за ходом наступления и за работой чинов полка.

Я шел несколько сзади, вместе с адъютантом корпуса, который ука­зывал мне на то, что казалось ему неправильным или необычным, и приказывал записывать все это в полевую книжку для дальнейшего доклада командиру полка после окончания занятий. Тут было все: и плохо подогнанное снаряжение, нечаянно оброненная на землю винтовка, недостаточно почищенная кокарда на фуражке, грубое обращение с пулеметом при установке его на позицию, неправильное использование укрытия от огня и многое другое, но самым забавным было его приказание «поставить под рапорт сержант-майора 1-й роты И.М. Бородина», у которого он нашел недостаточно подстриженными волосы на затылке. Мне так было жаль бедного «Иван Михаича», который, всей душой отдавшись происходившему наступлению его роты, прихрамывая и обливаясь потом, пробежал во время одной из очередных «перебежек» полусогнувшись мимо Кэтга и обнаружил свою «слабость» — любовь к длинным волосам, с которой, до некоторой степени, уже мирилось наше полковое начальство. Пришлось записать и его.

Но в общем «наступление», по-видимому, протекало хорошо, и командир корпуса и адъютант были довольны. Финал же этого «наступления» — атака площади, когда оглушительно трещали трещотки и бухали хлопушки-ракеты, окончательно привел их в хорошее настроение. «Смотр» прошел очень удачно. Первый «экзамен» полку под начальством нового командира был выдержан с отличием.

30 марта 1933 г. в приказе по полку объявлена была выписка из приказа по корпусу: «Капитан Иванов утверждается в командовании Русским полком с 1 марта сего года. Сержант-майор Красноусов допускается к исполнению должности младшего офицера 4-й роты. Сержант-майор Харин переводится во 2-ю роту на ту же должность. Сержант Давыдзик допускается к исполнению обязанностей сержант-майора 4-й роты».

15 апреля. Православная русская Пасха. Полк освобожден от всех нарядов на одни сутки. Заутреня и разговены в казарме на Алкок род. Господа офицеры и их гости, включая командира корпуса и чинов его

штаба, а также и командиров английских батальонов, разговлялись в помещении кантина. Стол был богатый, но не было той «пышности», которая обычно сопутствовала всем «банкетам» периода Г.Г. Тимэ. В этот же день в приказе по полку было объявлено о производстве лейтенанта Поронника в капитаны, с утверждением его в должности командира 4-й роты, а второго лейтенанта Кузьмина — в лейтенанты.

28 апреля. В 10 часов в Вейсайд-парке произведен смотр полку генералом Флемингом. Его сопровождала большая группа офицеров штаба и регулярных английских батальонов. После церемониального марша роты полка продемонстрировали «разгон толпы», «очищение района города, занятого мятежниками» и «охрану района при беспорядках в городе». Как смотр, так и показное учение прошли блестяще. Генерал Флеминг, через командира корпуса, передал свое полное удовлетворение внешним видом и строевой подготовкой всех чинов полка, а равно и распорядительностью господ офицеров и унтер-офицеров и их умелым выполнением тактических задач, показавших знание и отличную выучку всего состава полка. Присутствовавший на этом смотре командир корпуса и многие из командиров частей корпуса получили полное удовлетворение от продемонстрированного им учения. Второй «экзамен» полку под начальством нового командира прошел очень успешно.

Неутомимый командир корпуса и его адъютант стремились «отшлифовать» полк и добиться того, чтобы по внешнему виду и своему казарменному расположению и образу жизни он ничем не отличался бы от регулярных английских батальонов. Но большим препятствием в проведении этой идеи в жизнь была «текучесть» людского состава полка: поступая на службу, волонтеры подписывали контракт на 13 месяцев, из которых первый считался «испытательным», а потом возобновляли этот контракт каждые 3 месяца. Таким образом, личный состав полка менялся очень часто. Помимо увольнений в нормальном порядке — «по окончании срока контракта», бывали случаи принудительных увольнений — «в дисциплинарном порядке», а иногда и случаи «дезертирства», т. е. когда чины полка самовольно уходили со службы, не дослужив до конца срока своего контракта.

Это последнее положение вызвало необходимость введения особого удержания из жалованья вновь поступающих в полк чинов в особый фонд «обеспечения добропорядочной службы». Деньги, удержанные с волонтера в этот фонд, выдавались ему обратно при его увольнении со службы в законном порядке. В «Условиях Службы» (контракте), которые подписывали чины полка, был параграф, согласно которому муниципалитет отчислял ежемесячно сумму, равную 10% жалованья чина полка, и откладывал эти деньги в Гонконг-Шан-

хайский банк как «бонус за хорошую службу». Этот бонус выдавался только тем чинам полка, которые увольнялись в законном порядке, прослужив в полку не менее 5 лет. Один раз получивший такой бонус уже не имел права поступить в полк обратно.

До июня месяца 1933 г. в наложении наказаний за поступки дисциплинарного характера полк руководствовался нашим старым русским «Дисциплинарным Уставом», но 1 июня 1933 г. был утвержден особый «Устав Русского полка, Ш.В.К.», изданный на основании положений, выработанных муниципальным советом в отношении своих служащих. Устав этот очень подробный, и поместить его полностью я не решаюсь, хотя он у меня и имеется в подлиннике. Ограничусь лишь перечнем «Частей» (отделов) из этого Устава, так как даже из этого перечня видно, насколько детально была узаконена жизнь каждого чина полка.

В самом начале Устава объявлено, что Устав издается на английском и русском языках, но в случае возникновения каких-либо сомнений в понимании его английский текст считается руководящим.

Часть 1-я. ДИСЦИПЛИНА

Часть 2-я. ПРОСТУПКИ ОФИЦЕРОВ И ЧИНОВ ПОЛКА*

— Позорящее поведение, неповиновение, порочащее поведение, неисполнение приказаний, небрежное отношение к службе, нарушение оказанного доверия, взяточничество, незаконное или излишнее проявление власти, проступки, связанные с заболеванием, дезертирство, самовольные отлучки, опоздание на службу, несоблюдение чистоты, порча казенного обмундирования и прочих вещей, пьянство, пьянство на службе, посещение неразрешенных мест, участие в торговых предприятиях (в качестве партнера), ростовщичество, принятие подарков, ложные показания, пособничество или подстрекательство в совершении проступков, гражданские проступки.

Часть 3-я. НАКАЗАНИЯ И ЛИШЕНИЕ ЖАЛОВАНЬЯ

— Список наказаний, незначительные наказания, значительные наказания, конфискация жалованья, аресты, увольнение в дисциплинарном порядке.

Объявлена подробная «шкала наказаний» и право офицеров при наложении взысканий за проступки: пьянство, утерю казенного имущества и проч.

* Текст Устава приводится в обзорном изложении. (Примеч. ред.)

Часть 4-я. АРЕСТ И ПОРЯДОК РАЗБОРА ПРОСТУПКОВ

— Арест (простой и строгий), арест в случаях пьянства, расследование обвинений, порядок, соблюдаемый в ротных «приказах» (т. е. во время разбора «дел» командирами рот), порядок, соблюдаемый в полковых «приказах» (т. е. когда дело разбирается командиром полка).

Часть 5-я. РАСПОРЯДОК ДНЯ

	Зимой	Летом
Подъем	06.00	05.00
Утренний осмотр	06.40	05.20
Завтрак	06.45	06.30
Уборка	07.00	07.15
Первый час занятий	08.10	08.00
Осмотр помещений	09.00	08.00
«Приказы» командира роты по назначению		10.00
«Приказы» командира полка по назначению		10.30
Второй час занятий	09.10	11.15
Осмотр помещений дежурным офицером согласно инструкции		11.00
Третий час занятий	10.10	
Обед	12.00	12.30
Четвертый час занятий	14.00	
Пятый час занятий (лекции, гимнастика и т. п.)	15.00	
Занятия с наказанными	16.10	17.00
Ужин	19.00	19.00
Вечерняя заря	20.30	22.00
Тушение огней	22.15	22.15

Часть 6-я

— О приказах по полку, «приказах» командира роты, командира полка, о занятиях, об утренней и вечерней поверках, о получении пособий в ротных «околадках», о соблюдении гигиены, о медицинской комиссии, о порядке в казарме («выкладка» обмундирования, снаряжения, хранение штатской одежды и пр.), о поломках и необходимом ремонте, о частных лицах, посещающих казарму, о дежурных чинах, об отоплении, освещении и воде, об азартных играх, об одал-

живании собственной одежды другим, о спиртных напитках в казарме, о почтовой корреспонденции, о жалобах, о провинившихся чинах, об отпусках «в город», о «фланировании» по улицам, о публичных собраниях, о поведении в отпуску, о форме одежды в отпуску, об отдании чести, о «комнате профилактики» и правила пользования ею, о внешнем виде: стрижка волос, бритье и т. д.

С 14 июня 1933 г. полк перешел на этот Устав, после утверждения его командиром полка.

8 июня 1933 г., в целях развития и поощрения спорта в полку, а равно и планомерной выработки занятий и систематизации их, был назначен заведующий спортом в полку сержант-майор Красноусов, исполнявший в то время обязанности младшего офицера 4-й роты.

20 июня. Капитан Степанищев был назначен на должность помощника командира полка, и произведены перемещения офицеров: лейтенант Лобанов временно допускается к командованию 1-й роты; за упразднением, по распоряжению штаба корпуса, должности полкового адъютанта, лейтенант Гапанович был переведен в 1-ю роту, на должность младшего офицера; лейтенант Курочкин — в 4-ю роту; лейтенант Черносвитов — в 4-ю роту; лейтенант Кузьмин — во 2-ю роту и сержант-майор Красноусов — в 1-ю роту, все на должности младших офицеров.

26 июня капитан Иванов был произведен в чин майора и утвержден в должности командира полка с 1 апреля 1933 г., а капитан Степанищев утвержден в должности помощника командира полка (приказ по корпусу за № 28, 2, от 26-6-33).

27 июня 1933 г. Выписка из приказа по полку за № 178, 2: «Вступая в командование полком на законном основании, объявляю: мой низкий поклон г. г. офицерам, унтер-офицерам и всем волонтерам, честно и нелицемерно исполнившим долг своей службы в период моего временного командования. Надеюсь в будущем, все чины от мала до велика приложат усилия к поддержанию престижа полка и к прославлению Русского национального имени за рубежом. В настоящее время у полка нет ни друзей, ни защитников, почему рассчитывать на какую-нибудь поддержку извне — не приходится. Полк, руководимый властью командира Корпуса, предоставлен самому себе, почему и должен пробивать дорогу собственными силами. Деятельность моя по командованию полком будет направлена по пути честному, прямому и открытому, а потому всем, у кого бьется русское сердце солдата и совесть не потеряла человеческих принципов, у кого разум служит на

пользу себя и других и религия не затуманена бреднями (атеизма), у кого Родина, а с Нею и все величие Ее, не потеряли своего значения, и желание труда одухотворено осмысленным и положительным началом — по пути со мной. С полным пониманием обстоятельств, окружающих нас, с взаимным доверием друг к другу, с сочувственным интересом к общему делу и, наконец, с тесным содружеством будем продолжать свой скромный труд. Бог на помощь!»

Новый командир вступил в командование на «законном основании» и немедленно открыто объявил «свою программу»: Русский патриотизм, честное и ревностное отношение к своим обязанностям и упорный труд для закрепления пошатнувшегося положения и для прославления имени «Русского полка», собственными усилиями, без поддержки со стороны.

Всем, кто мыслил иначе, он открыто сказал: «Нам не по пути» (т. е. они должны оставить службу в полку), а следовательно, все те, кто сейчас критикует Семена Дмитриевича Иванова (а такие критики есть) — просто нечестные люди, скрывшие тогда свои истинные взгляды и упования, прикрывшись скромностью и видимым послушанием, и продолжавшие пользоваться теми материальными благами, которые дала им служба в Русском полку под командой майора Иванова, как в период расцвета полка, так и в самый тяжелый период нашей «шанхайской жизни» — во время Второй мировой войны, когда сотни русских безработных замерзали на улицах города или умирали голодной смертью, не имея возможности получить работу. Это — «шкурники», не имеющие ни малейшего права бросить не только обвинение, но даже слово упрека человеку, фактически создавшему полк и несшему бремя командования до самого конца (1947 г.).

В своем приказе он звал за собой честных работников и требовал упорной и тяжелой работы, поэтому тем, кто работал, служить в полку в период командования им С.Д. Иванова было нетрудно, но лентяи и нерадивые всегда получали от него заслуженный выговор или наказание. Приходится жалеть, что мягкость его характера не позволила ему «произвести чистку» (в чем он встретил бы несомненную поддержку штаба корпуса): тогда ему было бы легче служить, а полк, в своем совершенствовании, достиг бы еще более высоких пределов.

7 июля 1933 г. приказом по корпусу, объявленным в «Муниципальной газете» за № 1436, сержант-майор Красноусов был произведен во вторые лейтенанты, со старшинством с 1 июля 1933 г.

Отлично зная жизнь полка, его личный состав и те возможности, которые были заложены в этих сотнях молодых, здоровых и полных энергии людей, майор Иванов решил использовать эти возможности

и обратил особое внимание на спорт: ведь «в здоровом теле — здоровый дух». Зарождавшиеся тогда в полку (под моим руководством, как «заведующего спортом в полку») спортивные команды всячески поощрялись командиром полка: он охотно шел навстречу моим просьбам об отпуске денег на развитие спорта и на покупку спортивных принадлежностей.

На Райфл-Рендж нам удалось построить отличный «гимнастический городок», оборудовать прекрасную яму для всех видов прыжков, устроить дорожки для бега и даже выписать из Чехо-Словакии параллельные брусья и переносный турник, безусловно лучшие в Шанхае. Полковые спортивные команды, почти по всем отраслям спорта (конечно, по «сезонам игр»), записывались в местные «лиги» и выступали на спортивных полях Шанхая, начав с младших (пятых дивизий), а к концу существования полка среди них были уже «чемпионы» не только Шанхая, но и всего Китая!

Все это делалось и достигалось благодаря благожелательному отношению к спорту командира полка, который сам когда-то был отличным футболистом, да и теперь нередко надевал футбольные бутсы и выходил на нашу футбольную площадку на Райфл-Рендж — «побить по голу». Стоянка на Райфл-Рендж давала все возможности для спортсменов, но нужно было выровнять и привести в порядок (очистить от камней) участок, между офицерским баракком и стрельбищной границей «900 ярдов», отведенный нам под футбольное поле. Это был нелегкий труд, принимая во внимание ограниченность свободного времени у чинов полка и скромность полковых средств, не позволявших пользоваться наемным, даже китайским, трудом.

Командир полка решил выровнять футбольное поле, и работа началась: площадь была нивелирована («нивелир», с позволения сказать, сделал лейтенант Черносвитов, использовав ружейный ствол и уровень) и роты полка, стоявшие на Райфл-Рендж, посвящали свободное время (а иногда и послеобеденные часы занятий) земляным работам. Так работали около двух лет, но поле закончили, полк получил собственное спортивное поле, оборудованное для всех видов спорта.

14 октября. Лейтенант Лобанов был произведен в капитаны и утверждён в должности командира 1-й роты.

19 октября — расторгнут контракт с частным владельцем кантинов. Начали функционировать собственные полковые кантины, которыми ведала назначенная для этого «Постоянная Комиссия». Это было началом развития собственного обширного полкового хозяйства. Идея принадлежала всецело самому командиру полка. Содержание кантинов на собственные полковые деньги позволяло оборудовать их и под-

держивать в том духе, который превалировал в полку в данный момент, а огромный доход от их торговли, ранее ушедший в карман частного владельца, теперь мог быть использован на полковые нужды: на спорт, на библиотеку, на собственный оркестр и т. д. В проведении этой идеи в жизнь командир полка добился полного понимания и поддержки со стороны командира корпуса и его штаба.

К концу своего существования полк имел отличнейший кантин, оборудованный всем необходимым (все было собственностью полка) и обслуживаемый вольнонаемными служащими — бывшими волонтерами полка — инвалидами, которые иначе влачили бы нищенское существование «на стороне», прекрасную библиотеку с многими тысячами томов книг, из которых много было очень редких и ценных, свой струнный оркестр и лучший в Шанхае гимнастический зал, прекрасно оборудованный всеми гимнастическими приборами, разборным боксерским рингом и огромным матрасом для борьбы. И все это полк получил возможность иметь главным образом благодаря наличию собственных кантинов.

В октябре месяце проходили «междуротные» состязания по спорту. Роты-победительницы по каждому виду спорта получали переходящие кубки. 8 ноября закончились состязания между взводами рот по строевой подготовке. На первом месте оказался 3-й взвод 1-й роты, под командой сержанта Тарасова, взводу присужден был переходящий кубок Шанхайского волонтерского корпуса.

14 ноября проводжали уезжавшего из Шанхая командующего английскими войсками генерала Флеминга.

25 ноября закончились состязания в стрельбе из винтовок. Лучшей ротой по стрельбе из винтовок оказалась 1-я рота. Рота получила переходящий кубок.

9 декабря. Состязания рот в пулеметной стрельбе. Опять лучшей ротой оказалась 1-я рота и получила переходящий кубок. Лучшим взводом полка, набравшим наибольшее количество очков за походный марш, строевую подготовку, ружейную и пулеметную стрельбу, оказался 2-й взвод 1-й роты, под командой сержанта Голощапова, получивший кубок «полковника Томе». Лучшей ротой по всем видам состязаний, включая и спорт, оказалась 1-я рота, которой и присужден был «Кубок А. Д. Бэлл».

17 декабря на Рейс-Корсе в 8 часов 45 минут парад полка, после которого командир корпуса раздавал призы победителям, а в 10 часов полк уже участвовал в общем «корпусном» рут-марше и в «официальных» проходах командира корпуса, полковника Томе, имевших место около «трибун для публики» на Рейс-Корсе.

18 декабря. 3-й (волонтерской) роты 2-й лейтенант Даманский был произведен в лейтенанты.

19 декабря. Полковой праздник. Молебен на Райфл-Рендж. Парадный обед. За офицерским столом — полковые дамы, командир корпуса, его адъютант и почетные гости.

20 декабря вечером в офицерской столовой, на Райфл-Рендж был обед — проводы полковника Томе. От полка отъезжавшему командиру был поднесен подарок — копия картины художника Репина «Письмо запорожцев турецкому Султану», с переводом текста самого письма на английский язык, приложенным к картине, и миниатюрное полковое знамя.

Полковник Томе заканчивал свой срок службы и покидал Шанхай, уходя в отставку. Он уезжал к себе на Родину — в Новую Зеландию. Я не думаю, что допущу ошибку, если скажу, что полковник Томе был самым популярным и любимым командиром корпуса. Его любили и уважали все: и офицеры, и волонтеры, как «волонтерских» частей корпуса, так и «регулярных». Это был «отец-командир»: заботливый, внимательный, в меру требовательный начальник и обаятельный человек.

К полку он относился особенно по-отечески и, определив по работе нового командира полка майора Иванова, его усердие и работоспособность, он неизменно оказывал ему поддержку, благодаря чему полк был приведен в отличное состояние: получил новое английское обмундирование (регулярных частей английской армии), снаряжение, полный комплект пулеметов Льюиса и проч. «Старик» был очень растроган, получив подарок от полка — картину. Он долго, с восхищением рассматривал ее и находил сходство ее персонажей с тем или другим из офицеров полка. «Вот это вы, Лобанов!» — говорил он, указывая на плотного запорожца, который хохочет, стоя около писаря... Смеясь, он заявил: «Глядя на эту картину, у себя дома я буду вспоминать вас всех, какими я вас сейчас вижу».

Переписка с полковником Томе после его отъезда из Шанхая не прекращалась до 1942 г., когда Шанхай оказался отрезанным военными событиями от Европы, где в то время в Англии был полковник Томе, служа в добровольческой охране побережья Англии, кажется в артиллерии. В то время старый полковник снова оказался на «военной службе» и при этом в чине всего лишь второго лейтенанта. Он с увлечением молодого офицера описывал, как его часть стреляла по немецкому самолету. Последнее письмо было получено от него уже после Второй мировой войны. Он был в то время в Африке, где гостил у своего сына-архитектора и... охотился на «бигтэйм». Там он и умер, оставив у всех нас о себе самые лучшие воспоминания. Он полюбил

полк с первого взгляда, но несколько потерял в нем уверенность, будучи вынужден уволить командира полка майора Тимэ. Однако новый командир, майор Иванов, сумел вернуть ему эту уверенность, и в дальнейшем полковник Томе был лучшим другом и покровителем полка.

20 декабря 1933 г. был утвержден и введен в силу «Контракт», который подписывали на 13 месяцев волонтеры, поступавшие на службу в полк.

28 декабря в приказе по полку было объявлено письмо от полковника Томе: «Я сожалею, что, прощаясь с полком 19-го декабря, не имел возможности выразить мою благодарность волонтерам за их участие в приобретении восхитительного и ценного подарка, который был поднесен мне на следующий день. Поэтому не будете ли вы так любезны передать волонтерам, как глубоко я ценю выражение их добрых пожеланий мне, а также и великолепный подарок, который иллюстрирует замечательный дух Запорожских казаков, который так сходен и с вашим духом в преданности вере и равнодушию к последствиям, который помог всем вам пройти через целый ряд испытаний. Картина и сопровождающее ее объяснение будут всегда висеть на почетном месте в моем доме и, я надеюсь, что после меня — в доме моих потомков, и будут всегда лучшим воспоминанием о трех годах жизни в Шанхае, когда я имел большую честь служить вместе со всеми вами. Наилучшие пожелания счастья всем вам в будущем. Искренне ваш, полковник Томе».

1934 год

В течение 1933 г. полк, по своему внешнему виду и своей строевой подготовке, достиг стандарта регулярных частей английской армии и в 1934 г. продолжал поддерживать этот стандарт путем усиленных строевых занятий.

Начало года ознаменовалось переменами в верхах военного командования: на смену командующему английскими войсками в районе Шанхая, генералу Флемингу, прибыл генерал Таккэрэй, а на место вышедшего в отставку командира Ш.В.К., полковника Томе, заступил полковник Грэм.

К этому времени полк уже прочно завоевал симпатии муниципального и военного командования: «Русский солдат, в английском мундире» на службе Международному Сеттльменту Шанхая сделался не только неотъемлемой частью этой многоплеменной колонии, но и ее гордостью.

Имея в виду оттенить «русскость» полка, отчасти уже выраженную в форме полкового знамени (русский трехцветный флаг с гербом Ш.М.С.), командир полка считал возможным просить разрешение у муниципальных властей на вывешивание русского трехцветного флага в местах расквартирования рот полка, и это разрешение получил.

Внутренняя жизнь полка протекала в рамках, определенных специально выработанным для полка Уставом, но общая мировая депрессия отразилась и на финансовой стороне жизни Шанхайского Международного Сеттльмента и вызвала необходимость строгой экономии в расходах. Поэтому на хозяйственную сторону было обращено усиленное внимание, но не в ущерб стандарту жизни чинов полка. Жизненные условия в казармах полка, обмундирование, питание и оклады жалованья для чинов полка были настолько хороши, что служба в полку считалась очень заманчивой.

Новый командир корпуса, полковник Грэм, получив «в наследство» от своего предшественника отлично подготовленный Русский полк и большого состава волонтерские части корпуса, обратил все свое внимание на реорганизацию своего штаба: на подготовку старших начальников к возможной неожиданной мобилизации корпуса и на однообразие обучения во всех его частях. При штабе корпуса были организованы курсы по тактике — для господ офицеров и по «владению оружием» (пулемет Льюиса и винтовка) — для унтер-офицеров, которые потом должны были руководствоваться полученными сведениями при обучении своих людей.

Полку было поручено, силами своих чинов, вычертить масляными красками огромные планы-карты (по секторам обороны) Шанхая, по которым в штабе корпуса производились тактические занятия с господами офицерами по обороне Сеттльмента, а равно и изучались районы города на случай экстренных вызовов по тревоге.

Корпусное хозяйство ширилось, требовались все новые и новые «квартирмейстеры» и заведующие складами отдела снабжения и транспорта. Нормально, эти должности заполнялись вольнонаемными служащими, но режим экономии привел к тому, что по распоряжению штаба корпуса от полка откомандировывались для занятий этих должностей достойные чинов, получавшие временно (на период своей командировки) повышение в званиях, а следовательно, и прибавку к своему жалованью.

Жизнь Шанхая никогда не была спокойной: если не было «очередного» японо-китайского конфликта, то всегда бывали забастовки и рабочие демонстрации по самым разнообразным поводам и причинам. В такие дни уличные наряды полиции усиливались, но, конеч-

но, их было недостаточно, поэтому в ротах полка постоянно держали по одному «дежурному взводу», готовому к выезду на место беспорядков в течение пяти минут. Этим взводам очень часто устраивали «ложные тревоги», не раз вызывали «по тревоге» целые роты полка, и своим своевременным прибытием на место вызова и воинским видом части полка всегда давали командиру корпуса полную уверенность в том, что в его распоряжении имеется в постоянной готовности боеспособная часть, которая сумеет восстановить и поддерживать порядок до того момента, когда будут мобилизованы волонтерские части корпуса или придут регулярные английские войска.

К концу года командир корпуса провел «пробную мобилизацию» всего Ш.В.К. и остался доволен ее результатами: реорганизованная им штабная машина работала бесперебойно, командиры частей отлично справлялись с данными им тактическими заданиями, а хорошо и однообразно обученные чины этих частей быстро и эффективно выполняли приказания своих начальников. Конечно, в этой пробной мобилизации корпуса батальон «С» (так именовался Русский полк в корпусной схеме) был основой и центром, обеспечивавшим успех операций.

Спортивная жизнь в полку развивалась быстро, под покровительством командира полка, который охотно шел навстречу спортивным нуждам. В этом году был создан «Спортивный Клуб полка», впоследствии оказавшийся сильнейшей спортивной единицей международного Шанхая.

1934 г. омрачился увольнением по болезни (туберкулез) одного из отличных офицеров полка, лейтенанта Курочкина, который уехал для поправления здоровья в Северную Маньчжурию, но там скончался.

4 июля 1934 г., приказом по Корпусу, 3-й роты (волонтерской) второй лейтенант Балановский произведен в лейтенанты.

16 декабря была проведена практическая мобилизация всему Шанхайскому волонтерскому корпусу. Мобилизация прошла отлично. В своем приказе по корпусу за № 58 от 17 декабря командир корпуса выразил полное удовлетворение по поводу присутствия большого числа, прекрасного внешнего вида, проявленного старания и рвения всех чинов корпуса. «Хорошее выполнение Корпусом его практической операции по новой схеме и при новых условиях показало, что командиры частей положили много трудов по подготовке и обучению вверенных их командованию чинов». Результат практической мобилизации показал, что мобилизационная схема корпуса вполне отвечала поставленным требованиям и была годной к дальнейшему руководству, с небольшими лишь изменениями.

Ряд «конференций» командира корпуса с командирами частей позволил выяснить и устранить «шероховатости» в мобилизационной схеме, в связи штабов батальонов, в организации штабов батальонов.

1935 год

В 1935 г. в штабе Ш.В.К. произошли большие перемены. Раньше только командир корпуса, адъютант и сержант-майор корпуса были чинами регулярной английской армии, но в этом году произошел большой «уклон в сторону регулярности»: из английской армии были командированы один майор на должность начальника штаба корпуса, один капитан — штабным офицером, один лейтенант — на должность адъютанта батальонов «А» и «Б». Кроме того, в Русский полк был назначен майор английской армии в качестве «советника».

В своей казарменной жизни, строевом обучении и внешнем облике Русский полк все более и более уподоблялся английским «регулярам». Строи полка оставались русскими, но к русским ружейным приемам были добавлены английские. Расчет рот, распорядок дня, ведение занятий велись применительно к английским армейским уставам. Чувствовалось, что Шанхайский волонтерский корпус, и в особенности его Русский полк, готовили к каким-то серьезным событиям, с которыми не в состоянии были бы справиться «волонтерские части», а нужны были «регуляры».

Усилив свой штаб регулярными офицерами, командир корпуса разработал широкую программу тактических занятий, сначала с офицерами корпуса, а потом и со всем его составом. На долю полка опять выпала задача сооружения специальных «артиллерийских ландшафтов», «мишеней ландшафтов» и «ящичков с песком», на которых проводились эти занятия «в классе». В Русском полку такие ящики и мишени были в каждой роте, и на них усиленно и с большим интересом чины полка изучали тактику в масштабе отделения, взвода и роты. Каждый понедельник и субботу роты полка на практике проверяли освоенное ими в классах, проводя тактические занятия в Хонкью-парке, который давал большие возможности для таких занятий благодаря своим огромным размерам и густой, разнообразной растительности.

6 мая 1935 г., в ознаменование 25-летнего юбилея коронации Георга V, Короля Великобритании, английское командование в Шанхае организовало «военное татту» на поле Рейс-Корса. Помимо регулярных английских частей, военного флота и десантной артиллерии, в

татту принял участие и Ш.В.К., который продемонстрировал картину эволюции вооружения и боевых строев с момента основания Ш.В.К. (1854 г.) и до настоящего момента.

Татту было исключительно красиво и прекрасно организовано. Трибуны Рейс-Корса были забиты публикой, допускавшейся только лишь по особым билетам, балконы и окна всех прилегающих к Рейс-Корсу зданий также были «абонированы», и некоторые квартировладельцы «сделали на этом деньги». Помимо основного показа 6 мая, была еще генеральная репетиция, на которую допущены были ученики местных иностранных школ и родственники и знакомые участников татту. Почти в центре Рейс-Корса, около «Памятника Вдов», построен был из бамбука «Московский Кремль». Темная ночь, все огни потушены. Начинается «пожар Кремля», трещит горящий бамбук, языки пламени лижут стены и башни «Кремля», летят искры... и все это под аккомпанемент увертюры Чайковского «1812-й год», которую выполнял огромный «сводный» духовой оркестр всех частей английского гарнизона и флота.

Выступление Ш.В.К. было тоже очень красивым: в крошечной тьме слышится жидкая дробь пехотного барабана, лучи прожекторов, освещавшие до этого момента небо, перебрасываются в сторону «барабанного боя» и освещают четыре взвода Русского полка, одетые в специально сшитую для них форму Ш.В.К. 1854 г. Впереди барабанщики, за ним командир роты (капитан Лобанов), а дальше четыре взвода «сводной роты» во взводной колонне, на взводных дистанциях, со своими командирами взводов — офицерами впереди — «рота на походе».

Вдруг впереди замаячила кавалерия (эскадрон Ш.В.К.). Рота в это время уже вышла прямо перед трибунами для публики. Громкая команда командира роты, и рота перестраивается в «каре» для отбития конной атаки: передняя шеренга — «с колена», задняя — «стоя»; три дружных залпа холостыми патронами. «Атака кавалерии отбита», рота снова перестраивается в колонну повзводно и, под свой барабан, уходит... в темноту, провожаемая несмолкаемыми аплодисментами зрителей, а на ее место, освещенное прожекторами, уже выходят новые части, которые, под редким ружейным огнем «противника», расходятся по отделениям, потом рассыпаются в цепи, делают перебежки. К ним подходят и вливаются в эти цепи пулеметы. Под прикрытием огня этих пулеметов цепи поднимаются, двигаются вперед и... уходят в темноту, а к пулеметам присоединились уже бронемашины, а дальше танки... и так перед глазами зрителей прошла картина, охватившая период с 1854-го по 1935-й г.

Много интересных «номеров» было продемонстрировано английскими «регулярами» и моряками. Показаны были танцы народов, населявших Британскую империю, был составлен, путем сложных перестроений большой группы войск с разноцветными фонариками, английский национальный флаг и герб Короля... много было красивых, живых картин. В конце татту, пока на освещенной площадке перед трибунами для публики демонстрировались танцы, войска, участвовавшие в татту, перестроились в центре Рейс-Корса, прямо против трибуны, у замка «Иннискиллинг», построенного из рам и полотен. Все это происходило в глубокой тьме, а когда лучи прожектора осветили этот «замок» и выстроенные около него воинские части, в том числе и роту Русского полка, то «сводный оркестр» заиграл английский национальный гимн — «Боже, спаси Короля», и этим закончилось татту. Сводная рота полка усиленно готовилась к этому татту на своем футбольном поле на Райфл-Рендж, и подготовилась отлично.

Основная служба полка: охрана тюрьмы на Вард род, патрульная служба на улицах, обслуживание различных отделов Ш.В.К. (транспорт, квартермастеры и т. д.), а главное — «дежурные взвода и роты», на случай вызова по тревоге к месту беспорядков, — оставались без изменения и держали полк постоянно «начеку». Стремление командира корпуса к установлению, по примеру Русского полка, однообразного обучения во всех частях корпуса привело к тому, что он отдал приказ Русскому полку «демонстрировать» (то есть учить) всем ротам корпуса, по объявленному в приказе по корпусу расписанию, «разгон толпы» и «очищение районов города, занятых мятежниками». Такие демонстрации обычно производились ротами полка поочередно, составом в три взвода. Скоро полк «прославился» своим «разгоном толпы» настолько, что даже регулярные английские батальоны заинтересовались этим, и им также демонстрировалось это учение.

Начальник полиции Международного Сеттльмента «уже привык» считать Русский полк своим постоянным резервом на случай беспорядков и волнений в народе, поэтому, вполне естественно, у него появилась мысль ознакомить чинов полка с полицейской службой. Такого же мнения придерживался и штаб корпуса. В результате — приказом по корпусу было объявлено, что все господа офицеры и унтер-офицеры полка должны были ознакомиться с полицейской службой, для чего они поочередно, группами (один офицер и четыре унтер-офицера) отправлялись на недельный срок в Резетэв Полиции на Чемульпо род, где и знакомились со службой полицейского резерва, выезжая вместе с ним «по вызовам» и в обычные «рутинные» облавы, обыски и оцепления.

Спортивные команды полка, выступая в лиговых и прочих состязаниях, сумели уже завоевать себе имя, в особенности в боксе, французской борьбе и волейболе. Не раз полковые боксеры и футболисты встречались в спортивных матчах с командами английских батальонов, американских марин и местных иностранных и китайских клубов, популяризируя имя полка.

В полку уже имелся свой струнный оркестр, но командир полка решил «упорядочить» это дело и создал музыкально-литературный кружок, поставив во главе его одного из офицеров полка. Этому кружку «вменялась в обязанность» организация концертов и вечеров в казармах полка. Идя навстречу полковым музыкантам, командир полка купил для них даже пианино, которое было поставлено в кантине на Алкок род, где размещались две роты полка. Вскоре «кружком» был организован вечер на Алкок род, прошедший очень удачно. Полковой же струнный оркестр, помимо выступлений в полку, начал выступать и «на стороне», популяризируя имя полка.

Командир корпуса, полковник Грэм, «сжился» с полком и разделил с ним его внутреннюю семейную жизнь: он неизменно присутствовал на всех празднествах и торжествах, а после Пасхальной заутрени поздравлял каждого чина полка отдельно, пожимая ему руку и давая ему крашеное «пасхальное яйцо». Этот русский обычай ему очень нравился, а волонтеры полка также ценили особенное внимание, проявленное к ним командиром корпуса.

Один из офицеров полка, лейтенант Васильев, бывший кадет Вольского кадетского корпуса (мой «однокашник» по Войсковому казачьему пансиону — приготовительной перед корпусом школе, кадетскому корпусу, военному училищу и по службе в одной батарее), предложил командиру полка идею выпуска личной записной книжки для волонтеров, наподобие «Товарища», которую мы имели в наших кадетских корпусах. В этой книжке, по идее лейтенанта Васильева, давались все необходимые сведения о службе, краткая история полка и прочий полезный материал. Командир полка одобрил эту идею, и в этом, 1935 году был выпущен «Спутник Волонтера».

После своего вынужденного ухода из полка майор Тимэ не поддерживал с полком связи. В 1935 г. он умер, и по ходатайству майора Иванова от полка была назначена рота для отдания почестей на кладбище, где был похоронен Тимэ, а у гроба во время отпевания в соборе стояли парные часовые-офицеры. Я думаю, что вдова покойного оценила этот благородный жест майора Иванова.

В сентябре месяце, ввиду прекращения отпуска муниципалитетом денег на обзаведение посудой для офицерских столовых полка, соглас-

но приказу по корпусу, был образован «фонд офицерских столовых». Начав свое существование, так сказать, «по необходимости», этот фонд к концу существования полка позволил провести такие улучшения в полковом офицерском собрании, что это собрание стало украшением полковой казармы и в нем можно было принять гостя самого высокого ранга: прекрасная мебель, картины, исполненные масляными красками, посуда, выписанная из Чехословакии, чудный резной буфет с большим разнообразием напитков, отлично обученные бои-китайцы — все это создавало внушительное впечатление и в то же время располагало к отдыху в комнатах собрания в часы досуга.

Вкратце события этого года протекали так.

3 января. Приказом по корпусу капитан Барк-Марфи (1-го батальона Улстер Райфлс) был назначен «советником» в «С» батальон (Русский полк). 9 января в приказе по корпусу было объявлено о производстве капитана Барк-Марфи в чин майора.

21 января. В приказе по корпусу объявлены результаты состязаний между ротами корпуса по стрельбе из винтовок на «Соревновательный Щит 1935 года». 1-я, 2-я и 4-я роты полка, как «регулярные», участия в этих состязаниях не принимали, но 3-я рота (волонтерская) заняла второе место.

23 января. В приказе по полку объявлено письмо, полученное командиром корпуса от командира батальона «Иннискилинг Фюзильерс»: «Дорогой полковник, было чрезвычайно любезно с вашей стороны разрешить Русскому Батальону Ш.В.К. показать нам демонстрацию уличного боя. Демонстрация была чрезвычайно интересна и ценна для офицеров и унтер-офицеров моего батальона. Надеюсь, вы поблагодарите майора Е. В. В. Марфи, майора Иванова и его две роты, принимавшие участие в этой демонстрации по нашей просьбе».

25 января. Утром командующий английскими войсками в Шанхайской эре (бригадир Таккерей) смотрел тактические занятия рот полка в Хонкью-парке, а около 11 часов им были осмотрены помещения рот, сначала на Райфл-Рендж, а затем и на Алкок род.

28 января с 7 часов утра полк объявлен в состоянии мобилизации. Форма одежды «мобилизационная». В каждом лагере по одному взводу — в пятиминутной готовности к вызову по тревоге. Вечером полк переведен был на «нормальное состояние».

5 марта 1935 г. Командир корпуса отдал распоряжение — по неделям и субботам, с 7 до 10 часов, производить тактические занятия в Хонкью-парке.

9 марта. В столовой и кantine казармы на Алкок род состоялся танцевальный вечер, который прошел очень удачно. Играл специально

приглашенный оркестр-джаз. Предполагалось закончить этот вечер в 2 часа ночи, но по настоятельной просьбе большей части гостей командир полка разрешил продлить вечер до 3 часов.

13 марта 1935 г. Приказом по корпусу за № 10 от 11 марта второй лейтенант А.И. Давыдзик был произведен в лейтенанты.

11 апреля. По случаю предстоящего участия Русского отряда в праздновании юбилея Короля Англии Георга V, годовые отпуска (двухнедельные) чинов отряда перенесены на две недели позднее.

15 апреля 1935 г. Лейтенанту Гапановичу приказано создать музыкально-литературный кружок из чинов полка. Цель создания кружка — собрать музыкальные, литературные, вокальные и артистические силы полка в одно целое для периодического устройства домашних концертов, вечеринок и т. п.

24 апреля. В приказе по корпусу от 15 апреля было объявлено, что прибывший из Англии и назначенный на службу в Шанхайский волонтерский корпус Королевской Стрелковой бригады капитан А.С. Дуглас производится в майоры и назначается на должность бригадного майора (иначе, начальника штаба) Ш.В.К.

28 апреля. Православная русская Пасха. Пасхальная заутреня в столовой лагеря на Алкок род. После заутрени командир корпуса раздавал «пасхальные яйца» чинам полка, поздравляя их с праздником, после того как они подходили к кресту, по окончании заутрени. Господа офицеры и почетные гости разговлялись в кантине лагеря на Алкок род, играл полковой струнный оркестр. Волонтеры разговлялись поротно, по своим казармам.

1 мая. Международный «трудовой день» (день рабочего). С 7 часов утра и до вечера весь полк находился в 15-минутной готовности к выходу по тревоге.

6 мая 1935 г. Юбилей «двадцатипятилетия» английского Короля Георга V. Сводная рота от полка, в составе 120 человек при 5 офицерах, принимала участие в «татту» на поле Рейс-Корса. Для участников «татту» была сшита специальная форма: красные рубашки и черные брюки с красным кантом, черные чехлы на шлемы, украшенные пером, — это была форма Шанхайского волонтерского корпуса в XIX столетии. В 9 часов вечера Сводная рота, совместно с английскими регулярными частями, продемонстрировала на Рейс-Корсе эволюцию вооружения и тактики войны с XIX века по настоящее время. Командир корпуса остался очень доволен и выразил благодарность за хорошее выполнение задачи Сводной ротой.

Штабом Ш.В.К. отдано распоряжение высылать еженедельно одного офицера и четырех сержантов в резерв муниципальной полиции (на

Чемульпо род) для ознакомления с несением полицейской службы (как-то: обыски, разгон толпы и проч.). Командируемые чины полка временно переходили в подчинение начальника полицейского резерва и обязаны были следовать установленным в резерве распорядку и дисциплине. Срок командировки — одна неделя. Ознакомиться с полицейской службой должны были все младшие офицеры полка, сержант-майоры и сержанты. Первая партия была отправлена 12 мая, под командой лейтенанта Красноусова.

22 мая. В приказе по полку объявлена благодарность участникам в состязаниях по стрельбе из винтовок между батальонами корпуса. От полка в состязаниях участвовали 20 человек. По количеству выбитых «очков» батальон «С» (полк) занял первое место и выиграл батальонный кубок.

30 мая. В приказе по полку объявлен результат годовой («классификационной») стрельбы из винтовок и пулеметов. В класс «марксменов» вышли по винтовке — 45 человек, по пулемету — 69.

10 сентября 1935 г. В приказе по корпусу было объявлено, что адъютант штаба корпуса, капитан Кэтт, освобождается от занимаемой должности штабного офицера, ввиду его отъезда в Англию.

19 сентября. Командиром корпуса произведен смотр помещений на Алкок род камп и караульному помещению в тюрьме на Вард род.

25 сентября. Приказом по корпусу 3-й роты (волонтерской) сержант-майор Соколов произведен во вторые лейтенанты, а сержант Кулеш — в сержант-майоры роты.

3 октября. Согласно распоряжению командира корпуса, был продемонстрирован «разгон толпы» тремя взводами для Филиппинской роты Ш.В.К. В дальнейшем практическое выполнение «разгона толпы» должно быть показано другим ротам Ш.В.К., согласно следующему расписанию: 19 октября — Японской роте. 26 октября — Китайской роте. 2 ноября — роте «Б». 16 ноября — Шотландской роте. 30 ноября — Американской роте. 7 декабря — роте «А».

6 октября. В 3 часа дня скончался бывший командир полка, гвардии полковник Г.Г. Тимэ (майор по Шанхайскому волонтерскому корпусу). Покойному были оказаны почести: к гробу были выставлены почетные часовые (два офицера), во время похорон, по пути следования к могиле, одна рота стояла с разведенными шеренгами и, когда проносили гроб, «взяла на караул». Также был возложен на могилу венок от полка.

1 ноября. Командиром корпуса объявлена благодарность волонтерам Кривошея, Сергееву и Верещетину за хорошо и аккуратно выполненную работу по устройству артиллерийского ландшафта, ящиков с

песком, поделке и покраске принадлежностей к ландшафту и песочным ящичкам, предназначенных для занятий в штабе корпуса.

16 декабря. Отдан в типографию материал для печатания карманной записной книжки «Спутник Волонтера». Материал, составленный лейтенантом Васильевым, включает в себя календарь-дневник и многие полезные сведения для волонтеров, необходимые им во время службы в полку.

19 декабря 1935 г. полковой праздник. Молебен в лагере на Алкок род и улучшенный стол в ротях. В этот же день, около 8 часов вечера, были вызваны два дежурных взвода для оказания помощи полиции на полицейскую станцию Бабблинг Уэлл род. Причиной тревоги являлось намерение многочисленной демонстрации пройти из Китайского города на территорию Сеттльмента. Несмотря на праздничный день (полковой праздник), два взвода в короткий срок прибыли к месту назначения. Прибывший на полицейскую станцию командир корпуса, полковник Грэм, выразил свое полное удовлетворение по поводу быстро выполненного приказа, хорошего состояния взводов и готовности их к выполнению возложенной на них задачи.

1936 год

1936 г., как и предыдущие годы, прошел под знаком дальнейшей «регуляризации» полка: штаб корпуса, по-видимому по настоянию английского военного командования, стремился создать из Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса воинскую часть, ничем не отличающуюся, как по внешнему своему виду, так и по внутреннему содержанию и обучению, от английских регулярных батальонов. По-видимому, в этом была необходимость, так как в Европе уже «пахло порохом»: надвигалась война, а на Востоке Япония окончательно обнаглела, чувствуя себя почти хозяином в Китае.

Необходима была крепко сколоченная, хорошо обученная и дисциплинированная воинская часть, которая являлась бы постоянным гарнизоном Шанхая и могла бы послужить в нужный момент основой обороны Шанхая, кадром его волонтерского корпуса.

Такой частью мог быть и был Русский полк Ш.В.К. В этом году, по образцу английской регулярной армии, в полку была произведена «переранжировка» рот, давшая всем ротам одинаковое число людей «по росту», от самых высоких до низкорослых. Однако, несмотря на эту переранжировку, в полку остался прежний строй, принятый в Русской армии, то есть: на правом фланге стояли высокие по росту волонтеры,

постепенно сходя к левому флангу, на котором стояли низкорослые. Но в программу строевого обучения был введен английский армейский «фолл ин», т. е. построение рот, в котором высокие по росту солдаты стояли на флангах, постепенно понижаясь к середине, где стояли низкорослые. Преимущество этого построения заключалось в том, что во время движения в сторону одного из флангов «длинноногие фланговые» поневоле должны были считаться с размером шага и скоростью движения своих низкорослых сослуживцев, «болтавшихся» у них посередине. Доведенная почти до идеала, строевая подготовка чинов полка уже ничем не отличала «волонтеров» от английских «регуляров» по виду, так как и обмундирование-то было уже английское — армейское. «Выдавал» волонтеров только их кожаный патронташ через плечо — пережиток еще Первой мировой войны.

Однако, опять-таки, по-видимому, по настоянию английского военного командования, в этом году полку было выдано вэб экипмент — снаряжение, принятое в английской регулярной армии. Ушел в область преданий кожаный патронташ, исчезла безобразная холщовая вещевая сумка и овальная фляга старинного образца, надевавшиеся каждая в отдельности и в известном порядке, дабы создать однообразие формы. Вместо этого теперь надевался одновременно весь полный сэт снаряжения, включавший в себя патронташ, флягу, чехол — «фрагу» для носки штыка и ранец. Этот сэт был тяжелее по весу, но, правильно пригнанный по фигуре солдата, он давал большие преимущества в смысле быстроты одевания и придавал особую красоту внешнему виду, но требовал больше чистки и ухода за ним в бараках.

Своей верной службой муниципалитету Русский полк заслужил не только обеспеченность своей дальнейшей службы (в муниципальном совете уже больше не поднимался вопрос о расформировании полка), но даже получил право снабжать полицию Международного Сеттльмента Шанхая рекрутами-констеблями, по мере освобождения вакансий в «иностранном отделе» полиции.

Это было уже огромным достижением, т. к. материальные условия службы в муниципальной полиции были мечтой не только русских эмигрантов, но и англичан. Кандидаты от полка проходили в регулярную полицию через «тренировочное депо» — «Резерв Юнит», где их посвящали в тонкости полицейской службы.

Командир корпуса, по-видимому, окончательно решил сделать основой всего волонтерского корпуса Русский полк: все постоянно существовавшие отделы корпуса стали обслуживаться чинами полка, что давало возможность муниципалитету иметь постоянных и надежных служащих, не отрывая от регулярной английской армии необходимый персонал,

которому нужно было, кроме того, платить большое жалованье. В этом году отдел транспорта Ш.В.К. был передан полку, который выделил специальную команду шоферов, обслуживавших весь транспорт корпуса, за исключением его броневого дивизиона и артиллерии, имевших своих шоферов.

Внутренняя жизнь полка в этом году продолжала развиваться по глубоко продуманной программе командира полка, майора Иванова, который, умело подбирая себе помощников из среды офицеров полка, улучшил и оборудовал собственное спортивное поле на Райфл-Рендж, являвшееся «мечтой шанхайского спортсмена», а равно и создал собственную полковую библиотеку, приурочив это новое «достижение» к десятилетию существования полка. Лейтенант А.А. Васильев был постоянным «болельщиком» за эту библиотеку, и он нашел в своем командире полка не только поддержку, но и огромную помощь в этом исключительно полезном «историческом» начинании, давшем полку новую славу.

Краткая сводка событий, имевших место в жизни полка в этом году, иллюстрируется приказами и приказаниями, копии которых имеются у меня на руках.

13 января. В помещениях столовой и кантина лагеря на Алкок род была устроена «встреча русского Нового года» и танцы для всех чинов полка и их гостей. Устройством вечера заведывала комиссия под председательством лейтенанта Гапановича, состоявшая из сержант-майоров рот Бородина, Харина и Кроткова. Начало вечера было в 9 часов. Было много гостей. Для танцев был приглашен специально нанятый оркестр-джаз. Полковой струнный оркестр исполнил несколько программных музыкальных номеров, были выступления артистов-любителей из среды чинов полка. Вечер прошел очень удачно и весело.

23 января. Скончался Король Великобритании Георг V. По этому случаю в приказе по полку за № 23 было объявлено: «В местах квартирования полка должны быть вывешены и приспущены флаги в знак траура по в Бозе почившем Короле Великобритании, Георге V, — в воскресенье 26 и во вторник 28-го сего января. Во вторник 28-го сего января будут похороны Короля Георга V, поэтому в полку не производить никаких спортивных игр, оркестру и горнистам не играть».

12 апреля. Праздник Св. Пасхи. В столовой лагеря на Алкок род совершена была Пасхальная заутреня. Кроме чинов полка, на заутрене присутствовали почетные гости. Командир корпуса, полковник Грэм, по-видимому, с особым удовольствием раздавал пасхальные яйца чинам полка, подходившим к кресту после заутрени.

18 апреля. Состоялся годовой рут-марш волонтерского корпуса. Салют принимал бригадир Таккэрэй, командующий Шанхайской эрой. По отзыву командира корпуса, «Русский полк (батальон «С») был представлен в очень хорошем виде, чины полка были опрятно и чисто одеты, имели подтянутый воинский вид, шли ровно, твердо и хорошо. В общем, батальон «С» показал хорошую выучку, вид и дисциплину».

20 мая. В целях установления одинаковых ротных ранжиров и уравнивания количественного отношения старых и молодых служащих, пулеметчиков и стрелков, музыкантов, спортсменов и пр., произведены переводы некоторых чинов полка из одной роты в другую. В среднем, из каждой роты переведено в другую роту около двадцати человек.

20 октября 1936 г. на полк получено нитяное английское снаряжение (вэб экуипмент), на ношение которого, согласно приказу по полку, должны перейти с 22 октября. Старое кожаное снаряжение и вещевые сумки приказано сдать в штаб корпуса.

9 ноября 1936 г. штабом корпуса было отдано словесное распоряжение наметить 16 человек из числа чинов отряда для перевода на службу в резерв муниципальной полиции, и 16 ноября были переведены в резерв муниципальной полиции: 1-й роты сержант-майор Бородин, сержант Голощалов, сержант Усенко, капрал Базылев, ленц-капралы Килочкин и Перегайцев и волонтер Крутя. 2-й роты капрал Ильченко и волонтеры Елин, Зборовский и Ваньков. 4-й роты волонтеры Табенский, Прокофьев, Лешок, Хагемейер и Мигунов.

13 декабря 1936 г. начало функционировать отделение полковой библиотеки на Райфл-Рендж камп, а 25 декабря открыто было отделение библиотеки и на Алкок род камп. Библиотекарями были назначены ротные фельдшеры в обоих лагерях.

1937 год

1937 г. оказался годом «больших» и весьма знаменательных событий. В этом году полк с честью выполнил свое назначение быть «остовом» Ш.В.К. и всегда готовой к службе воинской частью.

С середины июля и до середины ноября этого года полк нес боевую службу на границах Сеттльмента во время вспыхнувшего между китайцами и японцами военного конфликта, не прекращавшегося уже больше до конца Второй мировой войны.

Через час после объявления мобилизации Ш.В.К. полк уже занимал границу Сеттльмента на самом ответственном и опасном участ-

ке — в секторе «Б», около Северного вокзала Шанхай-Нанкинской ж. д., где бои между китайцами и японцами были особенно жестоки, упорны и продолжительны, с применением не только огромного числа пулеметов и автоматов, но и с артиллерийской и воздушной бомбардировкой.

Начало этого военного конфликта совпало с тем периодом времени, когда чины полка, выслужившие право на ежегодный двухнедельный отпуск, проводили этот отпуск вне казармы, группами примерно в три офицера и около сорока прочих чинов. Многие из «отпускных» проводили свои отпуска в Циндао — прекрасном курортном городке на берегу Желтого моря. Этот город, ранее принадлежавший немцам, после Первой мировой войны перешел в управление японцев и славился своими прекрасными морскими пляжами и хорошим климатом.

«Дешевая иена» (упавшая в цене после сильного землетрясения в Японии) давала возможность чинам полка за довольно скромную плату в китайских «даянах» иметь отличные комнаты в частных бордигаузах, с вкусным и питательным столом и пользоваться всеми благами, которые щедро расточали море и богатейшая циндаосская природа. «Очередная группа дачников — чинов полка», проводивших этот отпуск в Циндао с 1 по 16 августа, включала командира полка, меня и лейтенанта Давыдзика. Кроме нас, офицеров, там же отдыхали сержант-майор 2-й роты Харин и несколько унтер-офицеров и чинов разных рот полка, всего группа около двадцати человек. Начало японо-китайского конфликта (12 августа) совпадало с нашими последними днями в Циндао, и мы с тоской ожидали прибытия очередного японского парохода из Дайрена, который должен был перебросить нас в Шанхай.

Ввиду начала военных действий между китайцами и японцами, расписание и маршруты японских пароходов, обслуживавших китайское побережье, неожиданно изменились, так как им приказано было идти в Японию для погрузки войск, предназначенных к отправке на «шанхайский фронт».

Несмотря на всю трагичность нашего положения — «неожиданно застрявших» в Циндао, чины полка (за исключением командира и офицеров), по-видимому, не особенно больно переживали это событие, так как получили возможность «на законном основании» («стихийные обстоятельства») отдыхать еще в течение какого-то неопределенного срока: пока не появится возможность выехать из Циндао и обратиться в охваченный войной Шанхай.

Скрытую радость, в связи с этой невольной задержкой в отпуску, охлаждал только лишь испуганный вид близких к панике наших со-

отечественников и соотечественниц — «гражданских» дачников из Шанхая, которые действительно оказались в полубезвыходном положении, так как у многих истощились уже финансы, и они тоже ожидали очередного парохода, чтобы вернуться в Шанхай. Они группами собирались на пляжах, обсуждая создавшееся положение, а когда узнали, что в Циндао находится командир Русского полка Ш.В.К., то немедленно обратились к нему за советом и помощью.

Сразу же по получении телеграммы из штаба полка (от майора Степанищева — помощника командира полка) о мобилизации Ш.В.К., командир полка, майор Иванов, приказал всем «дачникам — чинам полка» быть с ним в непосредственной и постоянной связи, проверить и экономить свои денежные ресурсы и никуда не отлучаться из самого Циндао.

Помимо чинов полка, в Циндао в это время проводили свой ежегодный отпуск также довольно большое число европейских чинов полиции Международного Сеттльмента Шанхая и довольно большая группа служащих (европейцев) других отделов муниципального совета. Среди последних был и один из старших офицеров Ш.В.К., майор Манн.

Группа наших старших начальников немедленно установила и поддерживала непрерывную связь с Шанхаем, откуда вскоре получили извещение, что «в наше распоряжение» (но для вывоза из Циндао в Шанхай только лишь персонала Ш.В.К., полиции и муниципалитета, и при этом только лишь мужчин) вышел из Шанхая пароход, специально для этой цели зафрахтованный у одной из английских пароходных компаний.

Оставив в Циндао растерянную группу «гражданских дачников», но не имея ни малейшей возможности им помочь, так как пароход наш должен был «пробиваться» в Шанхай по Янцзы и Вампу, на берегах которых шли ожесточенные бои между китайцами и японцами, мы оставили Циндао и направились в Шанхай со всеми мерами предосторожности, принятыми «на флоте», хотя и были безоружны.

Путь по морю прошел без всяких осложнений, но при входе в устье реки Вампу мы попали под артиллерийский обстрел, и пароход вынужден был выйти обратно в широкую Янцзы и встать там на якорь. Вскоре, однако, подошли два моторных катера с английских военных кораблей, с вооруженными «до зубов» командами, и мы, пользуясь их быстроходностью и увертливостью, благополучно проскочили участок реки от устья реки Вампу до Шанхайского Банда.

Китайцы вели артиллерийский и пулеметный огонь с правого берега Вампу (из Путунга) по районам Кянганана, Янцэпу, Вейсайда и

Хонкью. Японцы им отвечали тем же, мы же на своих катерах плыли между их позициями. Участок Банда около Таможенной пристани, где мы выходили на берег, был также под обстрелом случайными снарядами и пулями снайперов, т. к. недалеко находилось японское генеральное консульство, а против него стоял японский крейсер «Идзумо» — постоянная мишень китайцев из Путунга.

Сразу же «с корабля мы попали на бал»: в огромном, недостроенном еще здании Чэйз Банка, около Банда, уже временно были расквартированы роты полка, мы немедленно попали «на службу».

В дальнейшем я, как обычно, в хронологическом порядке опишу ход этих военных событий, а пока дам лишь краткую сводку того, что произошло в полку в течение этого, 1937 года.

В этом году исполнилось десять лет со дня начала формирования «Русской роты Ш.В.К.», положившей основание «Русскому полку», носившему в этот момент по дислокации и терминологии войск, входивших в состав Ш.В.К., наименование «Батальона С», Ш.В.К.».

Реформы во внутреннем распорядке жизни, перевооружении, переэкипировке чинов полка, проведенные штабом Ш.В.К. (конечно, совместно со штабом английских войск в Шанхае) в предыдущие годы, сделали Русский полк наружно ничем не отличимым от регулярных английских войск. Хромал только английский язык, т. к. большинство чинов полка и даже очень большой процент его офицеров не понимали по-английски, что очень затрудняло штаб Шанхайского волонтерского корпуса.

Поэтому в 1937 г. распоряжением штаба корпуса и с согласия муниципалитета в полк назначен был «официальный» преподаватель (оплачиваемый муниципалитетом), с которым должны были проходить курс английского языка все без исключения офицеры и почти сто человек чинов полка, из числа совершенно не говоривших или слабо понимавших этот язык.

В 1937 г. состоялось коронование Короля Англии Георга VI и Королевы Елизаветы. В торжественном праздновании этого события, совместно с частями английского гарнизона и эскадры, принял участие и полк, выслал сводную роту в 150 человек для участия в традиционном татту, имевшем место на Рейс-Корсе 10, 11 и 12 мая.

Во внутренней жизни полка не все прошло гладко и благополучно: была сделана кем-то попытка ограбления нашего полкового кантина в лагере на Райфл-Рендж, предотвращенная, однако, бдительностью чинов нашего домашнего наряда, а 25 июля скорострительно скончался капитан М.И. Мархинин, командир 2-й роты и один из наиболее уважаемых офицеров полка, старый русский «кадровый» офицер (полков-

ник), сибирский казак. «Папу» — так звали полковника Мархинина не только рядовые, но и офицеры полка — торжественно похоронили на кладбище Бабблинг Уэлл род, с отдаением воинских почестей, положенных ему по чину и занимаемой должности.

Но «Король умер — да здравствует Король!»: служба шла своим нормальным руслом, и место «папы» заместил достойный офицер (сотник Сибирского казачьего войска), лейтенант А.А. Васильев, бывший у «папы» младшим офицером и тоже пользовавшийся в полку большой популярностью, благодаря своей строгости, отличным военным знаниям и любви к военной службе. «Строг, но справедлив» — таков был «вердикт» солдатской массы после этого назначения.

В июле, а в особенности в августе месяце 1937 г., в шанхайском воздухе сильно пахло назревавшим между китайцами и японцами конфликтом: «смазаны» были международные состязания по легкой атлетике на Киангване, в которых принимали участие все лучшие иностранные и китайские спортсмены (японцы демонстративно отсутствовали) и во время которых предполагалось отобрать команду Китая на предстоящую в Берлине в этом году Олимпиаду. В то же время на улицах Шанхая участились случаи столкновения между «гражданскими» японцами и китайцами, а японские войска в районе Хонкью производили усиленные дневные и ночные маневры. В обоих лагерях Русского полка распоряжением штаба корпуса были установлены... тревожные сигналы (сирены и колокол) для вызова «по тревоге» дежурных взводов.

12 августа 1937 г. японцы провокационным способом вызвали китайцев на вооруженный конфликт: их офицер, с солдатом-шофером, на мотоцикле «с корзинкой», как бы по ошибке, сбившись с дороги, подъехал к китайскому военному аэродрому на Ханьджао и, не остановившись после окрика часовых, влетел на аэродром. Китайский караул открыл огонь, и японцы были убиты. Это послужило поводом к началу конфликта, к которому японцы, конечно, уже давно готовились и были готовы. Убитые офицер и солдат были лишь «застрельщиками», сознательно отдавшими свои жизни на службу Родине. Подобные героико-фанатичные у японцев никогда не переводились и дальше.

Это произошло вечером 12 августа, а в 20 часов в тот же день была объявлена мобилизация всего Шанхайского волонтерского корпуса, и в 21 час батальон «С» (Русский полк) уже стоял на позициях в секторе «Б», на границе Сеттльмента с китайским Чапеем, в районе Северного вокзала, закрыл все железные ворота — входы на Сеттльмент и приступил к спешной постройке окопов из мешков с песком.

Почти сразу же в Чапее, в Ханьджао, у Киангвана и в Вузунге закипели жестокие бои между японцами и китайцами: там работала артиллерия (включая тяжелую и морскую) и танки.

Полк сдал Китайской роте Ш.В.К. охрану китайской тюрьмы (вернее, тюрьмы для китайцев) на Вард род и в полном составе вышел на боевой участок, оставив в своих лагерях на Райфл-Рендж и Алкок род лишь небольшие охранные команды.

Ввиду того что уже начались жестокие бои вдоль реки Вампу в районе Янцзепу и Вейсайда, то есть недалеко от нашей казармы на Алкок род, семьи офицеров и чинов полка, проживавшие в этих районах (а частично и «постороннее» русское население), переехали в казарму полка на Алкок род, под весьма сомнительную, можно сказать, «мифическую» защиту русских волонтеров, так как охранная команда лагеря представляла из себя всего лишь горсть людей в районе, охваченном войной, где оперировали тысячи солдат японцев и китайцев, разрешавших с оружием в руках «свое семейное дело».

Уже на следующее утро, 13 августа, положение в лагере на Райфл-Рендж было исключительно тяжелым: этот лагерь расположен на самой северной границе Сеттльмента, далеко от центра, в районе Хонкью, населенного почти исключительно японцами. Недалеко от лагеря (ярдов пятьсот), в огромном многоэтажном железобетонном здании-казарме, находился штаб японского гарнизона и квартировали какие-то большие японские пехотные и танковые части. Мимо этой казармы шла железная и шоссеиная дорога на Киангван и в Вузунг, где был центр китайского сопротивления и находился их штаб.

«Киангванская» дорога проходила мимо стрельбищного вала, т. е. в районе расположения полка, и вал этот, как и все стрельбище, был отдан под охрану команды от Русского полка, оставленной в лагере на Райфл-Рендж. Во главе этой небольшой команды стоял Д.К. Кротков, еще в звании сержант-майора, но уже выполнявший обязанности младшего офицера 2-й роты (в результате перемещений и новых назначений по службе после смерти капитана Мархинина).

Ожидая налета китайской авиации с Вузунга, японцы решили установить свою зенитную артиллерию на стрельбище, и, по-видимому «нащупывая почву» (так как не хотели открытого разрыва с муниципалитетом и английским командованием), они послали несколько впереди артиллерийской колонны своего офицера с командой солдат, который потребовал от Кроткова, чтобы он отдал распоряжение чинам своего караула у ворот открыть ворота и пропустить японцев на стрельбище.

Кротков, опираясь на приказ штаба Ш.В.К., отказался выполнить это требование японского офицера, несмотря на то что последний

угрожал применением силы. Твердость, хладнокровие и выдержка Кроткова одержали верх, и японцы вернулись в свою казарму, не применив силы, и не установили пушек на муниципальной территории, находившейся под охраной Русского полка.

Однако военная обстановка в районе Шанхая вынудила английское военное командование сократить периметр обороны Сеттльмента, оттянув иностранные оборонительные силы ближе к центру Сеттльмента, на Сучоу крик. Поэтому 14 августа началась эвакуация и вывозка имущества из лагеря на Райфл-Рендж. Д.К. Кротков блестяще провел эту операцию, при совершенно недостаточном количестве грузовиков (всего лишь два) и под постоянным обстрелом со стороны китайцев и японцев, между которыми уже начался уличный бой в районе Хонкью-парка и Чапея, вдоль Норд Сэчуен род, по которой двигались наши грузовики.

В то время как на различных участках Сеттльмента, по его границам, шли бои между китайцами и японцами, дежурные взводы полка, смененного «на фронте» английским батальоном «Вэлш Фюзильерс», выезжали по тревоге в тот или иной район внутри Сеттльмента, где то и дело вспыхивали беспорядки.

К 14 августа район боев между китайцами и японцами на Вейсайде настолько приблизился к лагерю полка на Алкок род, что было приказано эвакуировать семьи чинов полка, находившиеся в этом лагере, а 19 августа вывезено было и все (почти) лагерное имущество. Эвакуация прошла очень удачно, под руководством заведующего хозяйством полка, капитана Шимордова, в распоряжение которого штаб корпуса дал достаточное количество грузовиков (20).

В опустевшей казарме на Алкок род осталась лишь небольшая часть собственного имущества чинов полка и довольно много товаров в полковом кantine. Район опустел, так как мирные жители бежали в центральные районы Сеттльмента или на Французскую Концессию. Только в тюрьме для китайцев на Вард род, расположенной всего лишь в нескольких сотнях ярдов от казармы «Алкок род», оставалась небольшая группа европейцев-надзирателей, охранявших арестантов, которых не удалось полностью перевезти из этого района в более безопасные места (часть из них была вывезена в центральные районы Сеттльмента, опять-таки под охраной команд от полка).

Глубокой осенью, когда военные события уже откатились от Шанхая и мы снова получили возможность свободно посещать места своего прежнего квартирования, я слышал один рассказ, ярко характеризующий японцев как военных и как патриотов-националистов.

Случилось так, что после эвакуации казармы на Алкок род в этом пустом трехэтажном здании нашел себе прибежище один русский

военный инвалид. Одинокий, безработный и бездомный, он решил, что ему нечем рисковать и лучше иметь какую-то квартиру и «стол» (товары в нашем кантине), чем куда-то бежать и потом бродить по улицам города голодным и бездомным.

По его описанию, район нашей казармы и тюрьмы на Вард род неоднократно переходил из рук в руки — то к японцам, то к китайцам, но никто из них не заходил в казарму, так как целью их наступлений был берег реки Вампу и дальше — Гарден-Бридж, около которого расположено японское консульство.

Однако однажды, в период некоторого затишья на фронте, в казарму вбежал взвод японских солдат под командой офицера. Солдаты бросились обыскивать помещение, но ничего не грабили. Они, конечно, сразу обнаружили полковой кантин с товарами и доложили об этом своему офицеру.

Против внутренней двери кантина, через небольшой коридор, находится дверь в столовую, где у нас была оборудована церковь с иконостасом и всей необходимой церковной мебелью и утварью. Стены столовой были украшены портретами Государей Императоров. Один из углов столовой был специально отведен Суворову, а при самом входе в столовую был оборудован прекрасный гимнастический городок.

В момент появления японцев в казарме этот русский инвалид скрывался в столовой. Вошедший туда японский офицер, конечно, строго окликнул его; когда инвалид подошел к нему и объяснил, что он просто бездомный и живет здесь, так как у него нет другого пристанища, то офицер оставил его в покое и пошел рассматривать столовую.

Подойдя к алтарю церкви, он остановился и благоговейно поклонился иконам. Осматривая дальше стены столовой, он дошел до большого портрета Государя Императора Николая II Александровича. «Нужно было видеть этого офицера в тот момент! — с восторгом рассказывал русский инвалид. — Офицер-японец замер в положении «смирно», отчетливо отдал честь, а потом низко поклонился портрету нашего Государя». Солдаты-японцы замерли у двери столовой, наблюдая за своим офицером. Окончив осмотр столовой, офицер пошел в кантин, где дал разрешение солдатам выпить пива из наших запасов.

Дисциплина, уважение даже к чужим верованиям и безграничная любовь и почитание монархов у японцев развиты настолько сильно, что хочется поставить их в пример нам, русским.

Между тем война на границах центральной части Сеттльмента, охраняемой Ш.В.К. и иностранным гарнизоном, каждый день приносила какие-либо неприятные неожиданности: раненый военный китайский

летчик (русский, но служивший у китайцев), опасаясь вынужденной посадки с несброшенными двумя бомбами, решил освободиться от своего груза, сбросив его на поле Рейс-Корса, так как улицы города были забиты многотысячными толпами городского населения и беженцев. Он сбросил бомбы, но... промахнулся, и эти бомбы, вместо полупустого поля Рейс-Корса, упали на две-три сотни ярдов дальше, на углу Тибет род и Авеню Эдуарда VII, в самую гущу человеческой массы беженцев, двигавшихся с Сеттльмента на Французскую Концессию. Взрывами этих бомб были убиты и искалечены сотни китайцев и несколько человек европейцев.

Во время одного из очередных обстрелов китайской артиллерии, через Вампу со стороны Путунга (китайцы-артиллеристы стреляли плохо, и их снаряды не всегда достигали цели — Чапея, где уже закрепились японцы), один из этих снарядов разорвался у кинотеатра «Капитол», при этом пострадало несколько человек мирных жителей и один из чинов моего караула, охранявшего в то время английское консульство, расположенное почти на задах у театра «Капитол». Другой снаряд упал в универсальный магазин «Сен-Сир», в самом центре главной улицы Сеттльмента. Нанкин род, и принес исключительные жертвы и разрушения. При всех этих инцидентах чины полка немедленно появлялись на месте происшествия для наведения порядка и для охраны имущества.

По мере того как победители-японцы оттесняли китайские войска от границ Шанхая, жизнь города постепенно начинала возвращаться к своему прежнему, почти нормальному положению.

В целях экономии в муниципальных расходах сначала частично, а потом и полностью был демобилизован Ш.В.К., в том числе и 3-я (волонтерская) рота полка. Это вызвало увеличение наряда для трех регулярных рот полка, которые оставались одни: охрана границ Сеттльмента (правда, меньшими караулами) попеременно с регулярными английскими и американскими войсками, патрулирование улиц города в помощь полиции, охрана складов газа на Рейс-Корсе и, наконец, охрана японских бумагопрядильных фабрик, находившихся в западном районе Сеттльмента, которым угрожал разгром и пожары со стороны китайцев, остававшихся на Сеттльменте и чрезвычайно враждебно относившихся к японцам. Кроме того, полк по-прежнему нес охрану мостов через Сучоу крик, которые являлись проходами с китайской стороны на Сеттльмент.

К концу октября произошли события, которые дали полку новый «постоянный наряд» и «головную боль» почти на целых четыре года (до начала Второй мировой войны).

Опишу вкратце эти события. Японцы, понеся большие потери, все вытеснили китайцев из Чапея, и война переходила уже в «провинцию», но на одном из участков Чапея, граничащих с Сеттльментом, недалеко от Тибет род Бридж, в одном из кирпичных годуанов (складов) засел китайский «батальон» (с позволения сказать). Фактически это не был батальон регулярной китайской армии, а только лишь остатки какого-то батальона, уцелевшие после сильных боев у Северного вокзала Шанхайско-Нанкинской ж. д. К остаткам этого батальона пристали носильщики-кули, всегда сопровождающие китайские войска в качестве их обоза, и просто бездомные жители, не имевшие возможности уйти своевременно из района военных действий.

Командир этого батальона был убит, но вместо него Чан Кайши назначил какого-то полковника (произведенного позднее в генералы), по фамилии Зин Чингян. Кроме того, остался в живых адъютант этого батальона (впоследствии произведенный в майоры), забыл я его фамилию — исключительно неприятная личность!

Так вот этот «батальон», отходя под натиском японцев из Чапея к границе Сеттльмента, дошел до этого самого годуана на берегу Сучоу крик. «Генерал» для поддержания духа китайского населения, сильно упавшего после поражения китайцев под Шанхаем, и по-видимому, по инструкциям Чан Кайши, решил изобразить из этого годуана «Верден» (знаменитую своей обороной во время Первой мировой войны французскую крепость, выдержавшую чуть ли не годовую осаду германцев). «Генерал» пришел к этому решению, по-видимому используя то обстоятельство, что зады этого годуана выходили к проволочным заграждениям границы Сеттльмента, около которых стояли в то время «Вэлш Фюзильерс» — «нейтральные войска».

В то же время если бы японцы повели сильный огонь по этому годуану со стороны Чапея, то их пули, а в особенности артиллерийские снаряды, ложились бы на территорию Сеттльмента, в его центральной части, против чего муниципальный совет и английское командование, конечно, заявили бы немедленный протест.

Китайская пресса широко рекламировала «героев обреченного батальона», отказавшихся якобы оставить свои позиции и решивших умирать за родину в борьбе против японцев. Пока эта пресса истошно вопила и восхваляла «обреченный батальон», сами «герои» почти спокойно сидели у себя в годуане, грызли семечки, перебрасывались шутками с «Вэлш Фюзильерс» и лишь изредка постреливали по японцам, которые появлялись в поле их зрения. Японцы же почти лишены были возможности стрелять по своему врагу — китайцам из опасения нанести ущерб мирным жителям Международного Сеттльмента.

Сколько бы продолжалась эта комедия — неизвестно. В конце концов, японцы, вероятно, сделали бы подкоп и взорвали бы на воздух весь этот «Верден» с «батальоном» полусолдат, полукули, засевающим в нем.

Однако японцы решили иначе: они предъявили муниципальному совету и английскому командованию ультиматум, требуя от них «заставить» этот «батальон» уйти и интернироваться на территории Сеттльмента. В противном случае они заявляли о своем решении, не считаясь с жертвами на территории Сеттльмента, снести этот годунан с лица земли артиллерийским огнем.

В ответ на этот японский ультиматум английское командование решило «убедить» китайцев перейти на Сеттльмент и интернироваться, по-видимому «толсто намекнув» при этом, что скоро у китайцев уже не будет ни пиши, ни патронов и им все равно придется интернироваться или идти в плен к японцам. По-видимому, в награду «за послушание» «героям китайского Вердена» были обещаны какие-то льготы на время их пребывания в лагере для интернированных.

Одним словом, разом или желудок взяли свое, и 31 октября 1937 г. «генерал» вывел свой «обреченный батальон» «черным ходом» в расположение «Вэлш Фюзилерс», где их уже ждали специально для этой цели приготовленные грузовики, перебросившие их в наскоро построенные (но довольно удобные) бамбуковые бараки-казармы на Сингапур род, в районе полицейской станции Путу, на задах Киао-Чиао-парка, а Русскому полку приказано было немедленно назначить и выслать караул в составе командира роты (капитана), одного лейтенанта и 45 человек для охраны этого «батальона». Так началась наша «полковая язва», доставившая нам массу неприятностей в течение последующих четырех лет, когда мы бесценно и ежедневно несли охрану этого «обреченного батальона». Я попал в самый первый караул 31 октября. Караул был от нашей 1-й роты, и командовал им наш командир роты капитан И.С. Лобанов.

В дальнейшем описании истории полка по годам мне, вероятно, еще не раз придется писать об этом «батальоне», описывать расположение их в лагере, существовавшую у них дисциплину и порядок, нравы и обычаи этих «героев», убивших, в конце концов, своего «генерала» и покушавшихся на жизнь «майора», а равно и постепенную перемену к ним отношения со стороны английского военного командования и муниципальных властей Сеттльмента.

Лагерь этого «батальона» стал местом паломничества китайцев-патриотов, которые искренне продолжали считать чинов батальона героями. Каждую попытку чинов караула от полка понудить этих «героев» к выполнению правил, установленных для них муниципальным советом (в составе которого было значительное число советников-японцев),

китайская общественность рассматривала как насилие, притеснение и враждебность со стороны «русских пришельцев», нашедших себе приют в Китае, то есть как проявление с их стороны неблагодарности и коварства в отношении солдат страны, оказавшей им гостеприимство. Многое, наверное, придется мне сказать еще об этом в дальнейшем, поэтому сейчас я только укажу на то отношение, которое в тот день было явно продемонстрировано к офицерам и чинам этого «батальона» английским военным командованием.

Сознавая, по-видимому, что «батальон» этот попал в лагерь, главным образом, по настоянию и рекомендации английского военного командования, командующий английскими войсками в первый же день (а потом периодически, в течение довольно продолжительного времени) послал «с визитом» к «генералу» одного из своих старших офицеров штаба. Подобные визиты повторялись периодически, причем становились они все реже и реже, а «визитеры» все в более и более мелких чинах. В конце концов, визиты эти совсем прекратились, но дело было уже сделано: «генерал» и чины его «батальона» действительно вообразили себя героями-солдатами и поэтому рассматривали чинов караула от Русского полка как наглых угнетателей и людей, проявлявших черную неблагодарность к Китаю.

Так зародилась сначала неприязнь, а потом и вражда между чинами Русского полка и интернированными китайцами, вылившаяся, в конце концов, в кровопролитную схватку и большие неприятности, эхо которых раздавалось даже после Второй мировой войны. Об этом буду писать позднее, а пока закончу сводку событий 1937 г.

Во время военных событий в районе Шанхая полк лишился своих казарм и временно помещался в огромном недостроенном (частично даже без окон и полов) здании Нью Чэйз Банка, недалеко от Банда и почти на углу Нанкин род, главной улицы Сеттльмента, и Сэчуен род. Заботясь о предоставлении больших удобств чинам полка, штаб корпуса распорядился, чтобы одна из рот и команда шоферов перешли в расположение муниципалитета — в самое здание муниципалитета.

13 декабря 1937 г. командир корпуса, полковник Грэм, прослужив свой срок, сдал командование корпусом новому командиру, полковнику Хорнби, прибывшему из Англии.

Полковник Грэм был заботливым и внимательным командиром, и в первый период его командования корпусом в полку произошло много улучшений в смысле экипировки, обмундирования и питания, но он не мог отстоять «свой полк» (так он называл наш полк), когда в июле 1937 г. муниципальный совет, проводя режим экономии по всем своим отделам, немного уменьшил жалованье чинам полка.

Это вредно отразилось на личном составе полка, т. к. уменьшение жалованья, при строгой дисциплине и физически очень тяжелых обучении и службе, понизило интерес к полку не только у «потенциальных рекрутов», имевших желание поступить в полк, но нанесло и моральный удар некоторой части чинов полка, у которых появилась мысль перейти на службу в Русский отряд на Французской Концессии, где были более высокие оклады жалованья, более легкая и «чистая» полицейская служба и нестрогая дисциплина и учеба, но зато не было той наружной привлекательности и внутреннего содержания, которыми выгодно отличался полк от «Французского отряда». Конечно, можно уверенно сказать, что полковник Грэм принял все меры к тому, чтобы этой убавки жалованья не произошло, но хозяйева-налогоплательщики оказались сильнее.

Приходится пожалеть, что военные события в Шанхае не начались на месяц раньше: тогда не было бы этой убавки и полк не получил бы сильного конкурента в лице «Французского отряда», в который потянулся на службу здоровый и сильный молодняк, прельстившийся лучшими материальными условиями, существовавшими там.

Приказ по полку за № 17, 2, от 17 января 1937 г.: «Согласно приказа Муниципального Совета, 17-го января 1927 г. был сформирован, в составе двух рот, Отдельный Русский Отряд Шанхайского Волонтерского Корпуса. 9-го июня 1927 г. Отряд был уменьшен в численном составе и сведен в одну роту. 1-го августа 1928 г. Отряд был вновь увеличен и развернут в две роты. 13-го октября 1928 г. утверждена 3-я «Волонтерская» рота, и 1-го марта 1932 г. была сформирована 4-я рота, что, с 16-го февраля 1932 г., все вместе взятое, составляет Русский полк Шанхайского Волонтерского Корпуса. В официальных документах не имеется официально указанного старшинства Отряда или полка, а потому, на основании вышеприведенной справки, день 17-го января 1927 г. может рассматриваться только днем зарождения Русского полка Ш.В.К. Для воинской части десятилетняя давность не может считаться юбилеем, вследствие чего, сегодняшний день, 17-е января 1937 г., есть только 10-я годовщина со дня основания первоначальных частей, ныне составляющих полк. Нет сомнения в том, что сегодняшний день должен быть для всех г.г. офицеров и чинов полка приятным и радостным, как день славы Русского имени и торжества духа. Пусть он послужит для всех днем воспоминания о неустанных трудах на протяжении десяти лет по созданию родного полка и укреплению его доброго имени. Приветствую всех г.г.* офицеров и волон-

* Принятое в Русской армии сокращение «господа».

теров всех званий полка с десятой годовщиной со дня его зарождения и от души желаю счастья в личной жизни каждого и широкого процветания родного полка. Да здравствует Русский полк!»

12 марта постановлением муниципального совета назначен в полк преподаватель английского языка, господин Пенхаллурик. В каждом лагере для прохождения английского языка назначено по 40 человек совершенно не знающих языка и по 15 человек немного знакомых с языком. Для назначенных чинов отряда — изучение обязательно. Книжки и пособия должны приобретаться за счет учащих. Господа офицеры должны изучать английский язык все без исключения.

10, 11 и 12 мая, по случаю Коронации Английского Короля Георга VI и Королевы Елизаветы, 150 человек чинов отряда принимали участие в коронационном татту на Рейс-Корсе. Во все эти дни участвовавшие в татту чины отряда выполнили свою задачу блестяще, что отмечено было командующим британскими войсками в Шанхайской эре, бригадиром А.П.Д. Тэлфер-Смоллэтом.

1 июля 1937 г. В целях экономии, которая проводилась по всем департаментам муниципалитета на Сеттльменте, были установлены новые ставки на жалованье всем чинам отряда. Изменение коснулось как основного жалованья, так и годовой прибавки. Для старослужащих волонтеров изменение это выразилось в уменьшении жалованья приблизительно на 5 долларов.

Полковая библиотека начала свое функционирование с 6 ноября 1936 г., к 1 июля 1937 г., т. е. за семь с половиной месяцев, полку удалось общими усилиями создать вполне приличную по размерам и качеству собранных книг библиотеку, имевшую к тому времени уже 1862 тома.

5 июля 1937 г. лейтенант Шимордов приказом по Ш.В.К. был произведен в капитаны.

Приказ по полку за № 202, 2, от 21 июля 1937 г.: «С 1932 года во вверенном моему командованию полку учреждены дни почитания ротных икон, иначе ротные праздники: 1-й роты 12-го сентября. 2-й роты 14-го октября. 4-й роты 28-го июля. Празднование этих дней состоит из двух частей, одна — церковная: совершение священником положенного молебствия и другая — официальная: улучшение пищи, приглашение гостей, угощение, поздравления, взаимные приветствия и проч. На выполнение в должной форме второй части празднования расходуется на один ротный праздник, приблизительно 65-70 долларов. Бюджет Русского полка на текущий 1937-38 г.г. сокращен до минимума. Для проведения в жизнь бюджетной программы полка без перерасходов, я вынужден вторую часть празднования ротных праздников отменить».

25 июля 1937 г. Скончался в Дженерал Госпитале командир 2-й роты капитан М.И. Мархинин. Покойный почувствовал себя плохо накануне, у себя дома в городе. Около 10 часов вечера 24 июля он вернулся в роту, а в 3 часа 30 минут утра 25 июля в бессознательном состоянии отправлен был в госпиталь, где скончался, не приходя в сознание.

28 июля назначены на должности: командира 2-й роты — лейтенант А.А. Васильев, младшим офицером 2-й роты — сержант-майор 4-й роты Д.К. Кротков, на должность сержант-майора 4-й роты — сержант М.А. Матвейчик.

12 августа по распоряжению штаба корпуса в лагере на Алкок род установлена сирена около канцелярии, а в лагере на Райфл-Рендж большой звонок над гаражом. Означенные служат для вызова дежурных взводов по тревоге. В этот же день, согласно распоряжению штаба корпуса, отряд должен был сосредоточиться к 21 часу в здании муниципалитета. В 20 часов была объявлена мобилизация всему волонтерскому корпусу. В 21 час, согласно новому распоряжению штаба корпуса, батальон «С» (Русский полк) занял охрану сектора «Б», а также выслал караул на муниципальную бойню.

13 августа. Начались военные действия между японскими и китайскими частями около Северного вокзала. Караул от полка на Вард род (в тюрьме) сменен Китайской волонтерской ротой. Сменившемуся караулу от полка приказано было немедленно присоединиться к своей роте. Требование штаба японского морского десанта открыть ворота на Райфл-Рендж для того, чтобы провести и установить на стрельбище орудия противовоздушной обороны. Караул у ворот отказался выполнить это требование, несмотря на угрозу японского офицера применить силу.

14 августа. Штабом корпуса отдано распоряжение эвакуировать лагерь Райфл-Рендж. Сержант-майор Кротков приступил к эвакуации с 9 часов утра. Эвакуация происходила под обстрелом китайских и японских частей, так как лагерь Райфл-Рендж оказался между позициями враждующих сторон. Для быстрой эвакуации лагеря штабом корпуса были наняты десять грузовых машин, но эти машины не были пропущены японскими сторожевыми постами. Все имущество лагеря Райфл-Рендж перевозилось в лагерь на Алкок род на двух только грузовиках Ш.В.К. Эвакуация была закончена в 3 часа дня. В 12 часов дня выезжал один дежурный взвод на полицейскую станцию Янцзепу для подавления вспыхнувших беспорядков. В 8 часов вечера из лагеря Алкок род были эвакуированы семь господ офицеров и волонтеров отряда, собравшиеся к тому времени в лагерь для эвакуации на Фран-

цузскую Концессию. Вместе с семьями выехали из лагеря волонтеры, вернувшиеся из двухнедельного отпуска, и больные из госпиталя. Вечером батальон «С» (Русский полк) был сменен в секторе «Б» батальонами «А» и «Б» Ш.В.К. и отведен на отдых в муниципальную школу на Пакхой род (ближайший тыл оборонительного участка).

16 августа батальон «С» (Русский полк) снова заступил на охрану сектора «Б».

17 августа был ранен в ногу осколком снаряда один из чинов 3-й роты полка. Приказом по корпусу в этот день лейтенант Васильев произведен в капитаны, а сержант-майор Кротков — во вторые лейтенанты.

18 августа Русский полк был сменен английским батальоном «Ройал Вэлш Фюзильерс». Отряд был отведен в здание Нью Чэйз Банка, а 3-я рота — в здание муниципалитета.

19 августа. Эвакуирован лагерь Алкок род. Эвакуацией заведывал капитан Шимордов, использовав для этой цели 20 предоставленных ему штабом корпуса грузовиков.

20 августа полк занял охрану мостов по Сучоу крик и выслал команду в 15 часов для сопровождения грузовиков, развозивших рис по рисовым лавкам.

22 августа. Эвакуирована с Бард род часть арестантов-китайцев. Охрану арестантов во время перевозки с Бард род на Сеттльмент несли 2-я рота под командой капитана Васильева. На посту у моста Чапу был легко ранен осколком снаряда волонтер Безгодов.

23 августа. В 5 часов 15 минут высланы были два взвода 2-й роты на полицейскую станцию Лауза, для оцепления и помощи полиции, после разрыва тяжелого снаряда в магазине «Сен-Сир».

24 августа. Приказом по корпусу временно произведен в лейтенанты, на время мобилизации, доктор Алексеенко. Сержант Матвейчик произведен в сержант-майоры.

26 августа. С каждым днем увеличивались наряды от полка по охране центрального района Сеттльмента. На полк возложена была охрана мостов, патрулирование улиц на карах, пешие патрули и конвоирование грузовиков с рисом, развозивших рис по рисовым лавкам, охрана складов газа на Рейс-Корсе и три караула на охрану японских бумагопрядильных фабрик.

30 августа 3-я (волонтерская) рота была частично демобилизована.

22 сентября патрулирование улиц и охрана мостов отменены, но взамен выставлены посты на перекрестках улиц вдоль авеню Эдуарда VII, от Банда до Тифинг род (вдоль границы с Французской Концессией). Посты по два—четыре человека на каждом углу.

31 октября. По приказу штаба корпуса был выслан караул на охрану Китайского Интернационального батальона — 2 офицера и 45 волонтеров, — в лагерь на Сингапур род.

12 ноября волонтерский корпус был демобилизован.

Приказ по полку за № 321, 1, от 17 ноября 1937 г.: «На основании полученного распоряжения Штаба Корпуса от 15-го сего ноября, Реф. Р. 419/35 и Приказа по Корпусу за № 45 от 8/11/37, объявляю:

1. Унтер-офицер, произведенный в звание сержант-майора, или сержант-майор, произведенный в офицерский чин, а равно офицер, получивший производство в следующий чин, пребывает в новом звании (сержант-майора) или в чине в течение двух лет со дня производства временно и считается временным в своем звании. Только по прошествии двух лет делается командиром полка представление с аттестацией об утверждении лица в данном чине на законном основании.

2. Нижеследующие г.г. офицеры утверждаются на законном основании в своих чинах: майор С.Д. Иванов — старшинством с 1-4-1933 г., кап. Н.М. Степанищев — с 19-5-1931 г., кап. П.К. Поронник — с 8-4-1935 г., кап. И.С. Лобанов — с 3-10-1935 г., лейт. П.И. Гапанович — с 1-8-1932 г., лейт. Р.А. Черносивтов — с 8-3-1934 г., лейт. В.Л. Кузьмин — с 8-3-1934 г., лейт. Е.М. Красноусов — с 2-7-1936 г., лейт. А.И. Давыдзик — с 20-2-1937 г.

3. Нижеследующие унтер-офицеры утверждаются на законном основании в своих званиях: сержант-майор Н.В. Харин, со старшинством с 2-8-1934 г.

4. На будущее время, в отношении каждого офицера или сержант-майора, по прошествии двух лет со дня производства в последний чин или звание, принять за правило — посылать в Штаб Корпуса представление с соответствующей аттестацией на предмет испрашивания утверждения на законном основании в последних чинах или званиях».

24 ноября 1937 г. Назначена комиссия под председательством капитана Степанищева и членов: капитана Поронника, лейтенанта Гапановича и второго лейтенанта Кроткова для выяснения стоимости и количества имущества, пропавшего на Райфл-Рендж камп и Алкок род камп, а также имущества господ офицеров и чинов полка, оставшегося в их частных квартирах, в районах Хонкью и Вейсайда, после эвакуации этих районов в связи с военными событиями.

13 декабря 1937 г. командир корпуса, полковник Грэм, сдал командование корпусом прибывшему из Англии полковнику Хорнби.

19 декабря 1937 г. Перед отъездом полковника Грэма в Англию ему поднесен был от чинов полка подарок — золотые часы на руку и золо-

той карандаш. Полковник Грэм, в свою очередь, сделал подарок в офицерскую столовую полка (в «Оффисерс месс») — серебряный ящик для сигарет. В день отъезда полковника Грэма ему от полка был выставлен почетный караул.

Вся жизнь и служба полка в течение 1937 г., как обычно, регулировалась «Постоянными приказами», а также и инструкциями, которые свидетельствуют о той заботливости, которой «полковое начальство» окружало своих подчиненных, держа их в то же время «в ежовых рукавицах». К сожалению, место не позволяет дать эти приказы и инструкции на страницах этой книги.

1938 год

В 1938 г. полк начал «зализывать раны», нанесенные ему во время военных событий в районе Шанхая в 1937 г. Частично эти раны так и не удалось уже залечить полностью до конца существования полка.

Одной из таких незалеченных ран оказалась спортивная жизнь полка. Хорошо налаженная и отлично обставленная спортивная жизнь полка являлась одной из тех приманок, которые привлекали в полк здоровую русскую молодежь. Многие из русских спортсменов Шанхая не имели постоянной возможности регулярно тренироваться и совершенствоваться в любимом ими виде спорта благодаря тому, что их служба не давала им на это времени, а жизнь по частным квартирам создавала большие неудобства в смысле пользования городскими спортивными площадками и подыскивании необходимых игроков-партнеров для тренировки.

Это обстоятельство зачастую вынуждало их принять решение оставить «гражданскую службу» и идти «на военную службу» — в полк, где служба была много тяжелее и оплата ее иногда бывала ниже, чем «гражданской службы», но зато полк имел свое прекрасно оборудованное (собственными заботами) футбольное поле, приспособленное для волейбола, баскетбола, крикета, а равно и для всех видов легкой атлетики. Отличные «гимнастические городки», оборудованные всеми необходимыми аппаратами, имелись в обоих лагерях полка, а кроме того, полк имел выписанные им из-за границы (из Чехословакии) переносные стальные гимнастические приборы, которые, по мере необходимости, устанавливались там, где они требовались для состязаний.

Полк имел свой отличный (лучший в городе) разборный, переносный боксерский ринг, богатейшее оборудование и экипировку для своих боксеров, прекрасный «мат» для французской борьбы. Футбольные

бутсы, туфли для легкоатлетов, боксеров и борцов, копыя, диски, ядра, шесты для прыжков и отличная спортивная одежда — все это имелось в полку в изобилии и выдавалось на руки каждому спортсмену бесплатно. Всевозможные мячи имелись в каждой роте в достаточном количестве, а полковые спортивные команды имели все это самого лучшего качества, вызывая зависть у других спортивных клубов Шанхая, которые не имели возможности «позволить себе такую роскошь».

Но самое главное — полк вел постоянные и регулярные тренировки со всеми своими спортивными командами, соответствующим образом регулируя наряды на службу (домашним способом, с помощью сержант-майоров рот). Каждый полковой спортсмен присутствовал на тренировке не менее двух-трех раз в неделю (в зависимости от «спортивного сезона»), и при этом все эти тренировки проходили под наблюдением офицера, заведующего спортом в полку, и под руководством специалистов-инструкторов. Тренировки проходили в обстановке дисциплины и порядка, а это — прямой путь к успеху.

Так, например, инструктором бокса был бывший «чемпион Китая» — «Бэби Русс» (Олег Шевелев) — не только известный боксер, но и отличный учитель-тренер. Борьбе учил бывший «чемпион мира» — «Урс» (Алексей Андреевич Дмитриев), выигравший мировое первенство по французской борьбе в 1918 г. Алексей Андреевич («дядя Алеша», как звали его наши спортсмены), несмотря на свой уже солидный возраст, сохранил огромную силу, ловкость и прекрасное знание приемов борьбы. Кроме того, он был большой знаток спорта вообще, и его работа в полку была просто неоценима.

По субботам и воскресеньям (а для футболистов и волейболистов иногда и среди недели) организовывались дружеские матчи со спортивными командами воинских частей Шанхайского гарнизона и военного флота, а также и с различными спортивными клубами (иностранными и китайскими). Немудрено поэтому, что полковые спортсмены были всегда готовы к спортивным выступлениям, и в 1937 г. полковые спортивные команды были лучшими командами в городе (за исключением футбола, в котором «царили» китайцы и англичане — военные) и имели в своем составе значительное число «чемпионов» не только Шанхая, но и всего Китая (волейбол).

Слава о полковых спортсменах далеко разносилась за пределами Шанхая — в Харбине, в Гонконге, куда предполагалось даже, по инициативе командира корпуса, отправить меня с моей боксерской командой для встречи с «второй в английской армии» командой, кажется «Улстер Райфлс», батальон которых был расквартирован в то время в

Гонконге. К сожалению, этого не удалось провести в жизнь из-за военных событий, разразившихся в Шанхае.

Военные события 1937 г. совершенно разрушили спортивную жизнь полка. Полк лишился своего спортивного поля на Райфл-Рендж, так как японцы во время военных событий перекопали его окопами для укрытия орудийной прислуги (на этом поле у них стояла тяжелая полевая артиллерия). После окончания этих событий в Шанхае полковые спортсмены снова получили право и возможность пользоваться этим своим полем, так как доступ для команд и вообще чинов полка не был ограничен на территории Сеттльмента, наравне с чинами других иностранных частей гарнизона, но поле было настолько испорчено и изуродовано японцами, что исправление его взяло бы снова целые годы «каторжно-го труда»: ведь полк «делал» это поле в течение почти трех лет!!

Прекрасный гимнастический городок, боксерский ринг, переносные гимнастические аппараты и прочее оборудование гимнастического зала на Алкок род сохранились, но сама казарма была сильно запущена и требовала большой чистки и ремонта, а «стратегическая обстановка» в Шанхае, по-видимому, требовала постоянного нахождения всего полка целиком в центре Сеттльмента. Однако в течение некоторого времени полковые боксеры и борцы ездили в эту казарму — в свой гимнастический зал, для тренировок. Для этой цели предоставлялся безотказно необходимый транспорт Ш.В.К. Но это были лишь «жалкие остатки» когда-то (еще так недавно) сильных и крепко сколоченных полковых команд!!!

Ведь почти девять месяцев боевой службы, когда зачастую чины полка не имели возможности думать даже о нормальном отдыхе в постели после тяжелых бессонных ночей и службы под шанхайским солнцем, выбили полковых спортсменов из их обычной «формы». Нужно было начинать все снова, с «азов», а при наличии усиленной службы и строевых занятий это замедляло процесс сколачивания полковых спортивных команд и затягивало его на очень продолжительное время. К началу Второй мировой войны полк сумел лишь подтянуть своих боксеров и волейболистов, так как для их тренировок были оборудованы помещения в «новых» полковых казармах на Банде и в гимнастическом зале Ш.В.К., в здании муниципалитета.

В «оживлении» боксерской команды полка сыграл значительную роль командир корпуса, который дал разрешение, для поощрения этого вида спорта в полку, выступать лучшим из полковых боксеров за плату на профессиональном ринге Шанхая (в Канидроме), что раньше не разрешалось в английских войсках, но широко практиковалось у американских марин, стоявших в Шанхае.

Удар по спорту и уменьшение окладов жалованья в июле 1937 г. лишили полк большого преимущества, которое он имел перед Русским отрядом на Французской Концессии, куда теперь, в 1938 г., потянулась русская молодежь, соблазненная хорошими окладами жалованья, довольно легкой и «чистой» полицейской службой и не строгой дисциплиной.

Однако отлично налаженное командиром полка собственное полковое хозяйство дало в его руки большой козырь, и он им очень умело и широко воспользовался: жизнь «полковой казармы» делалась все более и более привлекательной: в казармах были оборудованы столы для пинг-понга, чем не могли похвалиться даже старые клубы Шанхая, а по воскресеньям в кантине полка регулярно стали устраиваться «ти-дансы», на которые чины полка приглашали своих знакомых, угощая их вкусными, но сравнительно дешевыми по своим ценам продуктами и напитками. Собственная полковая библиотека. Все это, вместе взятое, давало возможность чинам полка отдыхать у себя в казарме, как дома, после тяжелой службы и строевых занятий. В полковых казармах появился «домашний уют». В то же время немного изменены были в лучшую сторону и оклады жалованья, и отпуск денег на довольствие чинов полка, а некоторая часть волонтеров получала ежедневно возможность «отпуска до утра» вне казармы.

Строевые занятия велись очень усиленно, так как во время тяжелой боевой и патрульной службы полк потерял свою прежнюю строевую отчетливость и наружный блеск. Однако этот пробел был заполнен быстро, и уже в апреле 1938 г., во время годового парада Ш.В.К., полк показал себя блестяще. Во время этого парада и в дальнейшем полку было дано специальное право маршировать по улицам города со своим развернутым знаменем — привилегия, которая, согласно английским военным традициям и положениям, дается только полку, «носящему имя данного города». У англичан это называется «фридом оф тэи сити» и получение этой привилегии обставлено очень торжественной церемонией. Русский полк Ш.В.К. сделался «Шанхайским Русским полком».

В 1938 г. произошли некоторые перемены в штабе корпуса: уехал в Англию начальник штаба корпуса, майор Дуглас, а на его место назначен был майор Корбин, офицер батальона «Вэлш Фюзильерс», которые сменяли нас на боевом участке в секторе «Б» во время прошедших военных событий.

В этом году штаб корпуса, учитывая опыт только что закончившихся военных событий и, вероятно, ожидая возможности их повторения в будущем, помимо усиленной строевой подготовки своих чинов, обра-

тил особое внимание на полевую фортификацию. Как обычно, при всех нововведениях, Русский полк являлся тем «опытным полем», на котором производились эти опыты.

Сначала небольшая команда чинов полка, под руководством лейтенанта Черносвитова, а потом и все чины полка спешно, но очень основательно прошли курс постройки окопов и легких укрытий-блиндажей, сооруженных из мешков с песком, и установку проволочных ограждений постоянного и временного типа. После этого по распоряжению штаба корпуса регулярно команды «сапер» от полка, под руководством одного из своих офицеров, должны были демонстрировать эти фортификационные сооружения и их постройку всем остальным ротам корпуса, собиравшимся на свои «лагерные сборы» и классификационные стрельбы в лагере на Райфл-Рендж или в корпусном Дрилл-Холле.

Наряды на службу были очень тяжелы: помимо центральных районов Сеттльмента, его жизненных центров (электрическая подстанция, бойни, здание муниципалитета), полк высылал бесконечное число пеших патрулей в помощь полиции, охраняя японские торговые предприятия, расположенные на территории Сеттльмента, и постоянно держал готовыми к вызову два дежурных взвода с соответствующим количеством грузовиков-транспортёров. Эти взводы должны были выезжать в любую часть города в случае возникновения там беспорядков или рабочих забастовок и постоянно находились в «пятиминутной готовности», т. е. не раздеваясь, а лишь сняв снаряжение. Однако пребывание в «дежурном взводе» не освобождало чина полка от строевых занятий.

С отходом китайских войск от Шанхая в глубь страны случаи столкновений «граждан» японцев с китайцами, саботажи, поджоги и погромы японских фабрик на территории Сеттльмента значительно усилились и принимали все большие и большие размеры по своим масштабам, поэтому дежурные взвода от полка были «постоянно заняты».

Постоянным и неизменным нарядом сделался караул в лагере на Сингапур род, где размещался интернированный китайский батальон. Этот караул ежедневно брал на целые сутки одного офицера и около сорока человек волонтеров. Служба в этом карауле справедливо считалась не только самой неприятной, но и самой тяжелой, так как была полна неожиданностей и заставляла каждого чина караула постоянно (даже в караульном помещении во время отдыха) «быть начеку». Чины этого «батальона» и их начальство старались сделать все возможное, чтобы затруднить и усложнить службу чинов русско-

го караула, не понимая того, что эта их «русская охрана» в данном случае лишь охраняла их и проводила в жизнь распоряжения своего «начальства» — муниципального совета Международного Сеттльмента, в составе которого очень видную роль, в особенности после военного поражения китайцев под Шанхаем, играли японцы, стремившиеся «законно (по праву победителей) ограничить в правах своих пленников».

Китайская пресса истошно вопила о притеснениях, которые учиняла их «героям» русская охрана от Полин, а сами «герои» проявляли неподчинение установленным в лагере правилам, устраивали беспорядки, хулиганили и издевались, как могли, над чинами полка, стоявшими на постах, пользуясь тем, что последние не имели права применить против них огнестрельное оружие. Было много попыток к побегу из лагеря, предотвращенных, в большинстве случаев, чинами караула от полка.

Разбросанность караульных постов (лагерь занимал очень большую площадь), отсутствие между ними телефонной связи и довольно слабое освещение по ночам требовали от караульного начальника-офицера и его сержанта (караульного унтер-офицера) постоянной, через каждые 15—20 минут, проверки всех постов, с заходом внутрь лагеря и осмотра барачных интернированных. Это было не только тяжело физически, так как караул служил 24 часа, но и очень опасно. Дальнейшее показало, что «герои» были готовы на что угодно, включая даже убийство: они убили, в конце концов, своего «генерала» и пытались убить адъютанта батальона. В любой моментверяющий офицер или сержант мог быть если и не убит, то искалечен.

Смена караулов по утрам была особенно неприятна: весь «батальон» китайцев выстраивался на площадке между своими бараками, а караульные начальники обязаны были фактически, по счету, принимать их наличный состав, обозначенный в «Постовой ведомости». Иногда обнаруживались «просчеты» (т. е. побеги из лагеря ночью), но, по счастью, это бывало редко, так как каждый побег являлся большим минусом в послужном списке офицера и налагал пятно на незапятнанную службу чинов полка. Я был счастлив в этом отношении, и во время моих дежурств в лагере побегов не бывало, но я приходил из этого караула совершенно разбитым физически. Несколько таких попыток к побегу окончились все же стрельбой, ранениями и даже смертью пытавшихся бежать китайцев, так как против убежавших чины караула имели право применять огнестрельное оружие.

Чины караула от полка, а следовательно, и весь полк, неся этот неприятный наряд, попали между наковальной и молотом: с одной

стороны, требования муниципального совета поддерживать в лагере строгий порядок, с другой — полное нежелание интернированных китайцев кооперировать с чинами караула и, даже больше того, открытая враждебность в отношении «притеснителей и угнетателей русских белых эмигрантов».

Командир полка пытался наладить добрые отношения с интернированными и добился для этого даже разрешения от штаба корпуса устраивать иногда для развлечения (и как знак отношений) этих «полусолдат, полубродяг» показательные спортивные состязания с участием полковых спортивных команд. Но его доброжелательство и старание чинов полка, «развлекавших» интернированных, не имели благоприятных результатов: только очень небольшое число из состава этого «батальона» присутствовали и интересовались этими спортивными состязаниями, остальные же предпочитали мрачно бродить по лагерю или валяться на нарах в своих бараках — это не были солдаты, это были кули, случайно попавшие в «герои», их насущные требования ограничивались едой и сном и жадной свободой, на которую они временно потеряли право, но зато сохранили себе этим жизнь.

Исключительно мягкое, даже не братское, а «панибратское» отношение, проявленное к этим кули, одетым в военную форму китайского солдата, английским военным командованием с самого начала, дало право этим «героям» возомнить себя действительными героями, которых «уговорили» интернироваться, чтобы не нанести вреда мирному населению Международного Сеттльмента.

Соответственно этому «духу» поведения английского военного командования, были даны и инструкции караулу от Русского полка: быть вежливыми и предупредительными к этим «героям», но в то же время не давать им возможности бежать из лагеря, так как эти побегии могли вызвать большие неприятности в муниципальном совете, где японцы — муниципальные советники — ревностно следили (вероятно, по инструкциям своего японского военного командования) за жизнью и поведением этого «батальона», считая этих интернированных «пленниками победоносной японской армии».

Но как предупредить эти побегии? — офицеру, начальнику караула от Русского полка, сказано не было. Только личная инициатива командира и офицеров полка, негласно поддержанная штабом корпуса, позволила усилить окружающий лагерь забор установкой по верху его колючей проволоки, поставить, где нужно, бамбуковые вышки для часовых и постепенно ввести «Правила лагерной жизни».

Вначале было даже установлено, что караульные начальники при смене караулов и по вечерам (после «зари») являлись к китайскому

«генералу» с чем-то вроде рапорта и для выслушивания его пожеланий в отношении улучшения внутренней жизни лагеря. Однако постепенно представители командующего английскими войсками перестали «делать визиты генералу», вскоре после этого перестали «визитировать» и офицеры полка, заступавшие в караул на охрану лагеря.

В первые месяцы тысячи посетителей-китайцев наводняли лагерь, с утра и до вечера, по специальным, полученным из муниципалитета пасамам. Эти пасама совсем не исключали возможности того, что один из интернированных, переодевшись в принесенную ему посетителем одежду, уходил из лагеря, предьявив пасама, а потом, по истечении некоторого времени, появлялся «посетитель» — владелец пасама — и заявлял, что он потерял свой пасама в лагере. Такие случаи бывали, и «посетитель», который легко мог доказать через полицию, что он не принадлежит к числу интернированных, уходил из лагеря, «освободив» одного из заключенных.

Распоряжением штаба корпуса постепенно число посетителей было ограничено до минимума, а время их пребывания в лагере определялось только дневными часами (до наступления темноты). Вначале посетители не обыскивались при проходе в лагерь, так же как не обыскивалась и «секретарша генерала», молодая и очень миловидная китайка, приходившая к нему ежедневно и проводившая у него целые дни, до глубокой ночи. Фактически это была «наложница», предоставленная в распоряжение «генерала» китайской общественностью; эти посетители легко и незаметно могли пронести в лагерь все, что угодно, включая и оружие, поэтому требовался особо зоркий глаз чина караула на посту, чтобы предупредить пронос этой контрабанды.

Взаимные отношения между чинами караула и интернированными с каждым днем ухудшались, и лагерь для интернированных на Сингапур род постепенно сделался одной из сложных проблем, которые предстояло разрешать муниципальному совету. Имея в виду хотя бы частично оградить чинов полка от несправедливо бросаемых китайской общественностью обвинений в жестокости и самовластии, штаб корпуса, вероятно по настоянию муниципального совета, решил учредить особую должность коменданта лагеря, назначив на нее одного из английских офицеров, который являлся бы как бы «буфером» между чинами русского караула и интернированными.

На эту должность в апреле 1938 г. был назначен советник Русского полка (фактически «английский командир полка»), майор Бэрк-Марфи. С его назначением на эту должность положение в лагере несколько не изменилось к лучшему, но зато очень большая доля ответственности была снята этим назначением с караульного начальника — офицера полка.

Майор Бэрк-Марфи ежедневно посещал лагерь, проводил там много времени, ежедневно посещал «генерала», стараясь, по-видимому, убедить его в необходимости выполнять установленные для лагеря муниципальным советом правила. Однако эти убеждения почти не принесли благоприятных результатов, т. к. солдаты «батальона» начинали вести себя все более и более вызывающе, и не только в отношении чинов русского караула, но и в отношении самого майора Бэрк-Марфи.

В начале августа 1938 г. интернированные установили на площадке, между своими бараками, очень высокий, видный далеко за пределами лагеря флагшток и на него, при особой торжественной церемонии, подняли свой национальный «гоминдановский» флаг. Караульный начальник немедленно донес об этом по телефону в штаб полка, а штаб полка — в штаб корпуса и в муниципальный совет. Появление флага, конечно, не осталось незамеченным японцами, и они немедленно заявили муниципальному совету резкий протест, требуя спуска флага. Но требование муниципалитета спустить флаг «генерал» отказался выполнить. В течение нескольких дней шли эти «приказания-отказы», в конце концов муниципальный совет предъявил интернированным ультиматум — снять флаг, а Русскому полку — спустить этот флаг силой, если китайцы не выполнят ультимативного требования муниципалитета.

В результате произошла кровавая схватка, в которой дисциплина, обучение и дружный напор чинов полка сыграли решающую роль. Применив в дело одни лишь только деревянные полицейские палки, имея свои винтовки «на ремень», за плечами, стволом вниз, отборный отряд из чинов полка, по заранее разработанному командиром полка плану, под командой своих офицеров, сломил первое упорное сопротивление китайцев, вооруженных бутылками, камнями и длинными палками, и загнал их в их бараки. После этого был спущен флаг. Потери полка в этой схватке — восемь человек раненых (двое из них серьезно), китайцы потеряли двух человек убитыми, и почти половина состава «батальона» была переранена. Порядок был восстановлен, но дальнейшие взаимоотношения между чинами русского караула и интернированными сделались открыто враждебными и оставались таковыми до самого конца этого лагеря, что произошло уже в начале Второй мировой войны.

Чтобы представить себе те трудности, с которыми сталкивались чины караула от полка при несении службы в этом лагере, поневоле придется кратко описать устройство этого лагеря и установленные в нем «порядки». «Язва», которую нажил себе полк во время военных событий 1937 г. в виде интернированного китайского батальона, да-

вала о себе знать все больше и больше и в конце концов «разболелась» до того, что ее пришлось лечить кровопролитной «операцией» 12 августа 1938 г.

Поневоле приходится дать кое-какие подробности об этом «батальоне», о том, где и как он жил, что он из себя представлял, каковы были отношения чинов этого «батальона» к чинам караула от Русского полка и почему дошло до кровопролитной схватки, в которой «силы сторон были уравнены», так как огнестрельное оружие чинами полка не применялось. На камень, бутылку, железный лом или длинную палку интернированного китайца чины полка отвечали только лишь своей короткой «полицейской дубинкой» (около 14 дюймов длиной), сделанной из дерева.

Когда «батальон героев» интернировался на Международном Сеттльменте, то его немедленно перебросили на грузовиках в наскоро построенные бамбуковые бараки-казармы, расположенные на пустыре, принадлежавшем Сеттльменту. Это был огромный по своим размерам участок земли, находившийся по соседству с северной частью Киао-Чиао-парка и отделявшийся от него каменным невысоким, но постоянного типа забором, такой же забор отделял этот участок от Киао-Чиао род (на востоке). Остальные две стороны участка (северная и западная) были отгорожены от Сингапур род (с востока) и от небольшого склада имущества департамента общественных работ Ш.М.С. (с севера) очень низким и жиденьким бамбуковым заборчиком.

Весь этот участок был разгорожен, примерно пополам, бамбуковым забором: западная половина занималась бараками, а восточная была оставлена, как площадь для прогулок, спорта и т. д., которыми, нормально, должны были бы заниматься интернированные, убивая свое время тягостного сидения в лагере. Входные ворота в лагерь были в северо-западном углу его, и около них построено было из бамбука небольшое «караульное помещение» для полковой охраны. При таком устройстве лагеря, при желании, из него могли даже не «бежать», а просто «уйти» все, кто этого хотел.

Штаб корпуса немедленно распорядился о постройке жиденького забора из колючей проволоки вдоль западной и северной сторон лагеря, а наверху кирпичной стенки, отделявшей лагерь от Киао-Чиао-парка и Киао-Чиао род, наскоро установлена была невысокая «пристройка» из колючей проволоки.

Постепенно, однако, заботами самого командира Русского полка эти примитивные «заграждения» были усилены. Работы проводили главным образом «рабочие команды» от полка под руководством сво-

их офицеров, весьма значительную часть этих работ пришлось проводить мне. На эти работы потребовалось много месяцев, так как интернированные китайцы всячески старались противодействовать усилению и укреплению этих заграждений, усматривая в этом ущемление их национального самолюбия и «статуса героев» и ограничение их в правах: крепкая ограда из колючей проволоки постепенно делала их «заключенными», а не «добровольно интернировавшимися», каковыми они себя считали.

Общая уборная лагеря, расположенная вдоль северной стены, выходила задом на Сингапур род. Нижняя ее часть являлась частью кирпичного забора, в этом месте отделявшего лагерь от Сингапур род, а между этим забором и бамбуковой крышей уборной были устроены окна (правда, заплетенные колючей проволокой), через которые интернированные свободно могли переговариваться с китайцами-рабочими, постоянно проходившими по Сингапур род, на которой находилось несколько небольших китайских фабрик. Трудами чинов Русского полка вдоль этой уборной, примерно в полутора ярдах от ее стенки, на Сингапур род построено было проволочное заграждение, находившееся под наблюдением часового у входных ворот в лагерь.

Чины «батальона» размещались, по-видимому, пополуротно, а для офицеров был отдельный барак. В одном из бараков был устроен «око-лодож» (серьезно больные отправлялись на излечение в полицейский госпиталь), склад для продуктов, и отдельный барак занимали ротные кухни.

Для «генерала» был построен небольшой, но очень уютный барак, обставленный хорошей мебелью («дар благодарного китайского населения»). Он жил очень замкнуто, проводя почти все время в своем домике вместе со своей молоденькой «секретаршей», являвшейся «на работу» ежедневно утром и остававшейся в лагере до поздних часов вечера. Кто-то подарил «генералу» даже лошадку-«монголку», на которой он выезжал ежедневно, а иногда и два раза в день, на спортивную площадку лагеря.

Вначале «батальон» проводил даже что-то вроде строевых занятий на спортивной площадке, а потом прекратил это бесполезное для них дело, и чины его или мрачно бродили по двору, или же развлекались тем, что забравшись на крышу барака или спрятавшись за угол, норовили пустить камнем в часового от полка, патрулировавшего проволочное заграждение или стоявшего на своем посту на одной из вышек. Через окна уборной интернированные постоянно переговаривались с прохожими и, по-видимому, возбуждали их против чинов русского

караула. В дальнейшем бывали случаи «разгона толпы», собиравшейся против уборной, для чего караульный начальник «вызывал в ружье» и использовал свою «отдыхающую» в караульном помещении смену часовых.

Был случай попытки к побегу, когда двое интернированных, сделав пролом в проволоке окна уборной, перепрыгнули через проволочное ограждение и побежали вдоль Сингапур род, в сторону китайских фабрик, стараясь смешаться с толпой, двигавшейся по этой улице. Метким выстрелом часовой у ворот ранил одного из них в ногу, и беглец был водворен снова в лагерь.

Был и более тяжелый случай, когда часовой от полка вынужден был стрелять с Сингапур род в интернированного солдата, который через окно уборной возбуждал довольно большую толпу китайцев-рабочих, и толпа готова была напасть на караул от полка. Часовой слишком «метко» выстрелил в солдата и убил его наповал. Этот случай «окутан какой-то таинственностью»: дознание, произведенное по приказанию командира полка (я был в составе этой следственной комиссии), не могло найти в поступке часового достаточных оснований к производству выстрела, так как к моменту выстрела еще не был использован «разгон толпы» силами караула и часовой даже не поставил в известность караульного начальника о том, что ему угрожала опасность быть разоруженным этой толпой, он мог дать выстрел вверх для предупреждения караула и вызова его на место происшествия. Этот случай был как-то и кем-то «замят»: стрелявший волонтер был уволен со службы в полку, но не понес судебного наказания... до окончания Второй мировой войны. Но об этом расскажу в свое время, а сейчас лишь дам краткое описание «побоища», имевшего место 12 августа 1938 г., когда полку было приказано усмирить бунт в «батальоне».

Утром 12 августа майор Бэрк-Марфи, имея на руках «ультиматум» муниципального совета, требовавший от интернированных спуска флага, двинулся во главе транспортной колонны полка, состоявшей примерно из десяти грузовиков-транспортеров Ш.В.К., на которых размещался «карательный отряд».

Колонна остановилась на углу Киао-Чиао и Сингапур род, не выезжая на Сингапур род, чтобы не обнаруживать себя, но быть в зрительной связи с часовым у ворот лагеря. Однако китайцы заметили движение этой колонны, так как имели свои наблюдательные посты на крышах бараков. Начались пронзительные свистки, раздались гортанные команды, в лагере поднялась тревога, и китайцы бросились «вооружаться»: у них были заранее заготовлены горы камней и пустых бутылок в разных пунктах лагерного расположения. Довольно большая

группа интернированных сразу же бросилась на караульное помещение полка, куда в это время прибыл майор Марфи. Увидев его, китайцы остановились, и он вторично передал «генералу» ультиматум муниципального совета. «Генерал» немедленно ответил отказом.

Сразу же после этого китайцы большой толпой кинулись на чинов караула, но встретили с их стороны дружное и упорное сопротивление. В это время по сигналу, данному майором Марфи, уже подходила к лагерным воротам колонна полка, и чины его, соскакивая еще на ходу с машин, бежали к месту столкновения, имея во главе командира полка и двух командиров рот (капитаны Поронник и Лобанов). Под напором чинов полка и руководством его офицеров, направлявших движение вперед отдельных наступающих групп в промежутки между бараками, интернированные начали подаваться назад, а потом обратились в бегство.

Одновременно с «наступлением главных сил» небольшой отряд (под моей командой), через заборы и проволоку, выскочил к стыку лагерного забора и проволочного ограждения, отделявшего главный лагерь от спортивного поля, недалеко от домика «генерала», и отрезал путь отступления китайцам на спортивное поле. Вся схватка продолжалась каких-нибудь десять минут. Разбежавшиеся китайцы загонялись чинами полка в бараки.

«Бой закончен». Интернированные загнаны в свои бараки, флаг спущен, флагшток срублен. В проходах, между бараками и около нашего караульного помещения лежат раненые китайцы (двое из них умерли от полученных повреждений) и изредка попадаются наши раненные (восемь человек, двое из них довольно серьезно). На Сингапур род уже слышны sireны амбулансов, предусмотрительно вызванных нашим начальством, они начали развозить по госпиталям пострадавших в схватке русских и китайцев. Чины полка немедленно выведены из лагеря, посажены на свои грузовики и возвращаются в свои казармы, точно и беспрекословно выполнив приказ муниципального совета.

Как обидно было читать потом во всех иностранных и китайских газетах переводы и подлинники статей из китайской прессы, в которых китайская общественность клеймила чинов полка «убийцами, угнетателями и неблагодарными» и угрожала репрессиями, а муниципальный совет... скромно молчал, «потупив очи», и ни словом не заступился за тех, кто выполнил его приказ по долгу своей службы.

После этого инцидента проволочные ограждения вокруг лагеря были значительно усилены, а для караула от полка было выстроено новое караульное помещение, почти посредине северной стороны лагеря, а старые лагерные ворота были наглухо заплетены колючей про-

волокой, оставлен лишь небольшой проход для наших часовых, следовавших на вышки, и патрулей.

Новое караульное помещение (в силу необходимости) было расположено чрезвычайно неудачно: узенькая калитка, ведущая к нему, проделанная в кирпичной стене около лагерной уборной, прилежала непосредственно к кирпичной стене, отделявшей «караульный двор» от той части лагеря, в которой находились китайские кухни и прочие нежилые постройки, склады. Этот довольно высокий забор не имел наверху даже колючей проволоки, но совершенно лишил возможности чинов караула видеть то, что творится по ту сторону забора — у китайцев. И это «под самым носом», в 5—6 ярдах от караульного помещения. Через эту стену очень часто летели камни и пустые бутылки, предназначенные для чинов караула «на отдыхе», а когда привозили обед или ужин для чинов караула и эта пища пронеслась через калитку, то китайцы через забор старались облить несущих эту пищу нечистотами из своей уборной.

После столкновения с интернированными лагерный распорядок стал много строже: число посетителей было доведено до минимума и они, перед пропуском в лагерь, подвергались обыску в караульном помещении. Продукты на китайскую лагерную кухню пропускались через калитку, ведущую из «караульного двора» прямо к центру лагеря (к домику «генерала»), у этой калитки постоянно находился часовой, который открывал ее для пропуска посетителей или продуктов только по приказанию караульного начальника или караульного сержанта. Продукты тщательно обыскивались, и ни одному из китайцев, принесших эти продукты, вход в лагерь не разрешался. Около этой калитки пришлось установить (опять же своими силами) целый лабиринт из колючей проволоки, чтобы предотвратить возможность массового прорыва интернированных или нападения на часового в тот момент, когда он открывал эту калитку.

Мне кажется, что часовые на постах в этом карауле чувствовали себя, в особенности в ночное время, гораздо лучше, чем чины «отдыхавшей смены», находившейся в караульном помещении, так как у них был большой район видимости и от лагеря (т. е. «противника») их отделяло довольно приличное проволочное ограждение, в то время как в 5—6 ярдах от караульного помещения (т. е. «отдыхавшей» смены) находилась довольно высокая, не наблюдаемая с противоположной стороны каменная стена, за которой китайцы могли (заранее сговорившись и приготовив необходимые лестницы) броситься на чинов караула, перекинувшись через этот забор. Бамбука в лагерьном расположении было сколько угодно, так как все бараки

были сделаны из бамбука, поэтому постройка необходимых лестниц не представляла никаких затруднений.

Это обстоятельство вынуждало караульного офицера, поочередно с караульным сержантом, очень часто ходить внутри лагеря и обходить все заборы и помещения. Я лично делал это беспрерывно: мой обход занимал около получаса, а когда я возвращался, то в обход немедленно шел мой караульный сержант, и каждый раз мы меняли «маршруты нашего движения». Скажу откровенно, во время этих обходов я чувствовал себя не совсем спокойно, боясь быть разоруженным китайцами, но зато за все время у меня не было ни одного случая побега из лагеря или серьезного нарушения лагерных правил.

Эта неприятная и чрезвычайно «неблагодарная» служба еще больше удерживала русскую молодежь от поступления в полк, но зато приучала чинов полка к постоянной бдительности и точности выполнения приказаний своих начальников. Этот караул сильно «смаживал» на «передовую заставу» и требовал огромного физического и морального напряжения.

Боюсь, что своим описанием этой «язвы полка» я занял слишком много места, но я вынужден это выделить для того, чтобы в дальнейшем было понятно, почему, даже после Второй мировой войны, чины полка подвергались преследованиям со стороны некоторой части китайского населения Шанхая, хотя национальное китайское правительство признало службу полка в целом, за период Второй мировой войны, безупречной, незапятнанной даже и тенью коллаборации с японцами, и оставило полк у себя на службе в качестве полиции. Несколько человек членов полка (в том числе один из офицеров) даже подверглись тюремному заключению, без объяснения причин — «за что?».

Краткая сводка событий, имевших место в жизни полка в 1938 г., такова.

4 января 1938 г. Муниципальный совет утвердил ходатайство командира полка о прибавке жалованья всем чинам полка по случаю возросшей дороговизны жизни. Жалованье было увеличено на 5 долларов в месяц, прибавка считалась временной.

17 января. Вместо отбывшего в Англию бригадного майора корпуса, майора Дугласа, был назначен английского батальона «Вэлш Фюзилерс» — майор Корбин. Перед отъездом майору Дугласу от полка был сделан подарок — серебряный ящик для сигарет. В свою очередь майор Дуглас подарил «Оффисерс месс» полка четыре серебряные пепельницы и две серебряные спичечницы.

24 марта. Согласно приказу по полку, чины полка надели на погоны трафареты «Р.П.Ш.В.К.».

10 апреля. Парад всего Ш.В.К. В этом году, в отличие от прежнего и за особые заслуги, полк получил «фридом оф Шанхай» и маршировал со своим развернутым знаменем. Когда полк свернул с Банда на Нанкин род, идя в колонне «вздвоенными рядами», в него полетел дождь букетов из цветов, бросаемых из окон Катэй-отеля. Маршировка, отчетливый, твердый шаг и бодрый вид чинов полка, как обычно, вызвали бурный восторг и овации публики.

Приказ по полку за № 266, 2, от 23 сентября 1938 г.: «В начале текущего года Муниципальный Совет постановил наградить медалями весь личный состав Шанхайского Волонтерского Корпуса, Пожарной бригады и Полиции за услуги, оказанные Совету в период военных действий между китайцами и японцами в Шанхае с 12 августа по 12 ноября 1937 г. Все г.г. офицеры и волонтеры всех званий, кто состоял постоянно или временно на службе во вверенном моему командованию полку (Батальон «С») за время с 12 августа по 12 ноября 1937 г., награждаются Муниципальным Советом медалью с надписью: «За услуги, оказанные с 12 августа по 12 ноября 1937 г.». Основание: Приказ по Корпусу от 27-6-38, за № 26, 40».

1939, 1940, 1941 годы

Я решил описать эти три года в одной главе, во-первых, потому, что у меня на руках оказалось слишком мало «документов» (приказов, приказаний и т. п.), касающихся 1939-го и 1940 гг., и поэтому в своем описании этих годов я вынужден был бы быть очень краток, а во-вторых, еще и потому, что эти годы — последние годы службы Русского полка как регулярной воинской части Ш.В.К. — были очень похожи один на другой.

К 1939 г. Русский полк сумел окончательно укрепить под собой фундамент и уже мог не бояться за свое существование. Строевая подготовка и вообще военное обучение в полку в 1939 г. были доведены до совершенства. Прекрасное, шитое по мерке обмундирование, новое английское снаряжение и экипировка делали полк «картинкой», когда он выстраивался для смотра или парада.

Размещался полк в двух отлично оборудованных «временных казармах» на Банде (бывшее здание пароходной компании «П энд О» и здание Ликвидационной комиссии Русско-Азиатского банка на Киукианг род, около угла Банда). В казармах царили не только порядок, свойственный каждой воинской части, но и «уют». Все это достигнуто было благодаря предусмотрительности, неутомимой энергии, сильной

воле, настойчивости и честному отношению к своим обязанностям самого командира полка, майора Иванова. Он не только «планировал» жизнь и службу полка, заглядывая далеко вперед в будущее, но и умел подбирать себе помощников, увлекать их своими идеями и потом поддерживать в них «неизменное горение», иногда, правда, применяя и свою власть начальника в отношении тех, кто «терял волю» и ослаблял энергию своей работы, проявляя временную слабость. Майор Иванов был примером точности, исполнительности и неуклонности в движении к намеченной цели, независимо от обстоятельств, и этого он требовал от своих подчиненных.

Службы у чинов полка было много, и она была тяжела, но неустанные заботы командира облегчали эту службу, давая возможность отдохнуть после тяжелого труда в благоустроенной семейной обстановке «своей казармы».

В воздухе уже «сильно пахло войной»: Гитлер и Муссолини не только бряцали оружием, но уже начали применять его против слабых и полубеззащитных народов Европы и Африки. Японцы «распоясывались» все больше и больше, чувствуя за собой силу после разгрома националистических китайских войск. Они ввели, продолжали вводить в Китай все новые и новые массы войск, проникая все дальше и дальше в глубь Китая на север, запад и юг. В Шанхае они вели себя вызывающе, не боясь даже открытых столкновений с иностранцами и их военной силой. Японцы чувствовали и считали себя хозяевами Шанхая, так как взяли его (китайскую часть города) военной силой.

Не лучше вели себя и итальянцы. В составе Шанхайского гарнизона на Международном Сеттльменте, наряду с двумя-тремя батальонами англичан, полком американских марин, Шанхайским волонтерским корпусом и японскими войсками, был батальон итальянцев — 1-й Савойский гренадерский батальон.

Нужно отдать им справедливость: это была прекрасная воинская часть как по своему внешнему виду, так и по своему составу. Чины батальона были отлично обмундированы в серо-стальную форму, носили кожаные сапоги с короткими голенищами и фуражки с очень высокой тульей и огромным «итальянским орлом» — кокардой. В этом батальоне были прекрасные спортсмены: футболисты, боксеры и легкоатлеты, но, как, по-видимому, и все итальянцы вообще, кроме северян-тирольцев, они не были спортсменами по духу, и каждый проигрыш в состязаниях неизменно сопровождался поножовщиной. На всех состязаниях, в которых участвовали солдаты-итальянцы, всегда присутствовали сотни зрителей — их сослуживцев по батальону, которые готовы были любое решение рефери не в пользу итальянцев или ошиб-

ку, допущенную игроком-противником, «доказать» ножом, имевшимся у каждого из них. Это было своего рода «спортивное хулиганство», ронявшее ценность солдат-итальянцев как спортсменов.

В воздухе уже назрела враждебность между будущими военными противниками в недалекой уже Второй мировой войне, и эта враждебность сказывалась даже на спортивных полях Шанхая. Японцы, однако, зашли гораздо дальше: они стремились взять власть в свои руки в муниципальном совете Международного Сеттльмента, но встретили сильный и дружный отпор иностранцев. Стремясь к этой своей цели, они повели сильную подготовительную кампанию к предстоящим (обычно в мае месяце) выборам нового председателя и членов муниципального совета, то есть к собранию «налогоплательщиков».

Не помню точно, в каком году (кажется, это было в 1941 г.), например убедившись в том, что их шансы на успех в законных, правовых выборах малы, так как налогоплательщики-китайцы были на стороне европейцев, они решили даже «сорвать» это собрание путем поджога в день собрания специальной трибуны, на которой должен был засесть старый муниципальный совет и происходить выборы нового совета. Это была большая крытая трибуна, построенная из бамбука, прямо на падуке Рейс-Корса, против «мест для публики», а на этих местах должны были разместиться выборщики-«налогоплательщики». Ожидался такой наплыв выборщиков, что никакой из городских холлов не мог бы вместить всех, поэтому собрание и назначено было на Рейс-Корсе.

По-видимому, контрразведка муниципального совета знала о намерении японцев сорвать это собрание, поэтому Русскому полку, расквартированному в то время в здании Рейс-Корса, приказано было охранять трибуну и вообще весь прилегающий к ней район, чтобы предотвратить возможность со стороны японцев установить «тайм-бомб» или какими-либо другими способами нарушить порядок во время собрания.

В ночь перед этим собранием налогоплательщиков, еще в темноте, рано утром группа японцев сделала пролом в одном из дальних углов забора, окружающего Рейс-Корс, недалеко от Тибет род, и, въехав на Рейс-Корс на автомобиле, понеслась с потушенными огнями вдоль скаковой дорожки в сторону трибуны.

Часовой от полка, услышав хотя и слабый шум мотора, стал вглядываться в темноту в направлении этого шума. Приблизившись к трибуне, машина замедлила ход, и из нее японцы выбросили несколько бутылок с горящим керосином, стараясь поджечь бамбуковую трибуну, а потом полным ходом продолжали движение по скаковому кругу

и скрылись в темноте. Часовой сделал по ним несколько выстрелов из револьвера, но, по-видимому, в темноте не попал в цель. Выстрелы подняли тревогу в «карауле у ворот» от полка, и пожар был тотчас же прекращен.

Собрание налогоплательщиков состоялось в тот же день после обеда и было очень многолюдным. «Места для публики» были забиты выборщиками, а на трибуне заседал в полном своем составе старый муниципальный совет во главе с председателем, господином Кэстиком (директор английской фирмы «Джардин Матэсон»).

Во время доклада председателя о работе, проведенной муниципалитетом за истекший год, один из японских советников (не помню его фамилию) вскочил со своего места и сделал в Кэсика два выстрела из револьвера, ранив его в руку. Находившиеся на трибуне старшие чины полиции немедленно разоружили японца, и порядок был восстановлен. Заседание продолжалось. Новым председателем муниципального совета был избран адвокат-американец, господин Франклин.

Вооруженные пистолетами Кольта, чины полка и регулярной полиции, расставленные среди публики еще до начала собрания, предупредили возникновение могущих последовать инцидентов среди публики, где смешаны были все национальности, включая японцев и китайцев. Это было уже хуже, чем итальянское «спортивное хулиганство», так как японцы открыто показали, что они настроены враждебно к иностранной колонии Сеттльмента.

Однако международный закон, по которому жил и которым управлялся Сеттльмент, еще продолжал сдерживать японцев в некоторых рамках приличия, в то время как наличная военная сила иностранцев (англичане, американцы и Русский полк), конечно, была слишком слаба, чтобы противостоять огромной массе японских войск и итальянцев, расположенных в городе и его окрестностях.

Жизнь иностранного Шанхая в эти годы, по виду, шла своим обычным чередом, но чувствовалось, что все ожидают начала больших военных событий. Английские батальоны начали перебрасываться из Шанхая в Сингапур и Европу. Уезжали офицеры регулярной английской армии, находившейся на службе в Ш.В.К., муниципальной полиции и других отделах муниципалитета, их места немедленно занимали местные резиденты.

Иностранный отдел регулярной полиции потерял свой постоянный источник пополнения, так как «потенциальные кандидаты», англичане (большей частью унтер-офицеры английской армии) нужны были для службы в своей армии. Поэтому муниципальный совет решил пополнять свой иностранный отдел полиции «белыми русскими эмигран-

тами». Согласно приказу муниципального совета, на пополнение полиции стали принимать только лишь чинов полка, т. к. они были «проверенные белые эмигранты» и при этом имели уже служебный опыт и отличную подготовку.

«Специальная полицейская комиссия», в составе одного из старших помощников начальника полиции и нескольких старших офицеров, периодически, по мере надобности, стала собираться в казарме полка на Рейс-Корсе и устраивать экзамен кандидатам в регулярную полицию, которых рекомендовал командир Русского полка. Фактически «комиссия» проверяла только лишь знание английского языка, который был необходим, в остальном же комиссия всецело полагалась на отзывы и аттестацию командира полка.

Это распоряжение муниципального совета еще больше подняло престиж полка, т. к. служба в регулярной полиции Международного Settlementa, благодаря исключительно хорошим ставкам жалования, была «мечтой» всей русской молодежи Шанхая. Полк заслужил эту привилегию снабжать полицию «своими чинами» путем долгой и верной службы муниципальному совету и своим образцовым поведением.

Резерв муниципальной полиции на Гордон род, являвшийся «тренировочным депо» для молодых полицейских-европейцев, был увеличен в своем составе и обособлен в отдельную полицейскую единицу, находившуюся под командой старших русских полицейских чинов. Этот (в сущности, «русский») резерв полиции создал у себя в казарме подобие казармы полка, копируя все детали жизни и размещения полка и очень многие из правил, которыми жил и управлялся полк. Он сделался как бы «отдельной ротой» полка. Проводя полковые порядки в жизнь своей полицейской части, начальник полиции тем самым признал ценность и целесообразность этих порядков, введенных в полку майором Ивановым.

Спортивная жизнь города шла своим обычным чередом. Как по расписанию, проходили «спортивные сезоны»: поздней осенью и зимой — футбол, хоккей, волейбол, баскетбол, аппаратная гимнастика; весной начинались и продолжались до наступления жаркой погоды разного рода легкоатлетические состязания, летом — теннис, крикет, ватерполо, бейсбол. Ранней осенью, когда в Шанхае особенно душно, а потом начинается сезон дождей-ливней и тайфунов, спортивная жизнь временно замирала до поздней осени — начала зимы... и так шло из года в год. Бокс, и отчасти борьба, процветали почти круглый год, за исключением самых жарких летних и осенних месяцев.

Бокс и футбол — любимые виды спорта английской «казармы», поэтому наше корпусное начальство всячески поощряло выступления

полковых боксеров на местных любительских рингах и неизменно присутствовало на наших «полковых боксингах», которые всегда протекали в исключительно красивой с внешней стороны обстановке и при соблюдении военной дисциплины и порядка. Рефери, судьи и гости-военные являлись на эти боксинги в своих красочных «месс дресс», в такой же форме присутствовали и все наши офицеры полка, дамы в вечерних туалетах, а штатская публика (по приглашительным билетам), в большинстве, в смокингах.

За время своего существования полк не раз выставлял также свою команду боксеров в так называемых «командных боксах», когда боксеры полка должны были состязаться с командой одной какой-либо воинской части или военного корабля. Такие состязания проводились по английским военным правилам бокса. Полковая команда всегда с честью выходила из этих состязаний, несмотря на то что она представляла всего лишь около 450 человек, в то время как команды английских батальонов являлись представителями и выбирались из почти тысячи человек. Я постараюсь в приложении к этой «истории» дать несколько «сценок», характеризующих жизнь полка того периода, в том числе и описание «командного бокса».

3 сентября 1939 г. в Европе вспыхнула война: Гитлер двинул свои войска в Польшу, с которой Англия была связана военным договором о взаимной поддержке. В результате Англия и Франция объявили войну Германии. Начало войны в Европе создало в международном Шанхае положение какой-то настороженности среди разноплеменного населения его. Европейцы «жалались» друг к другу, избегая лишь итальянцев (которые еще не вступили в то время в войну) и немцев. Положение белых русских эмигрантов стало улучшаться, так как появился большой спрос на их труд в торговых предприятиях и муниципальных учреждениях, где они стали занимать места англичан, уезжавших к себе на родину для поступления в ряды своей армии, сражавшейся уже в Европе.

Лучшей рекомендацией для этих вновь поступающих русских служащих считалась рекомендация от штаба Русского полка. Некоторые из чинов полка, имея в виду устроиться на более выгодную для них службу, подали докладные записки об увольнении из полка, нашлись также и «комбинаторы», которые поступали в полк только лишь для того, чтобы, прослужив в нем некоторое время, уволиться со службы по какой-нибудь «уважительной причине» и получить при увольнении необходимую им рекомендацию.

В противовес этому ненормальному явлению, командир полка, майор Иванов, объявил в приказе по полку и неуклонно проводил в жизнь правило, что «выдача рекомендаций» тому или иному чину полка, ухо-

дящему со службы в полку по собственному желанию, не является обязательством для командира полка, а лишь его доброй волей, и он может дать или не дать эту рекомендацию без объяснения причин. Этот приказ несколько затормозил процесс «отлива» из полка на гражданскую службу и дал возможность держать полк в полном штатном составе. В то же время штаб корпуса, отлично учитывая создавшееся положение, потребовал от каждого увольняющегося со службы в полку указывать причины этого желания уволиться.

Этими мерами можно было держать полк в штатном составе, но трудно было рассчитывать на то, что чины полка будут дорожить своей службой в полку, которая была физически тяжела, а оплачивалась довольно скромно. Поэтому постепенно стали улучшаться материальные условия службы чинов полка, а господа офицеры полка подписали специальное «Леттер оф аппойнтмент», которое давало им все права других штатных служащих Шанхайского муниципалитета.

Английские батальоны потянулись из Шанхая в места своего нового назначения: ушли наши «старые знакомые» «Вэлш Фюзилберс», обменявшись с нами подарками «на память». От нас они получили миниатюрное полковое знамя и серебряную кокарду полка, а нам подарили свою, увеличенную в несколько раз серебряную кокарду — «рвущуюся бомбу», вделанную в изящный футляр. Перед отъездом этого батальона наши господа офицеры были приглашены к ним в «Оффисерс месс» на прощальный коктейль.

В 1940 г. ушел из Шанхая последний английский батальон шотландской пехоты «Сифорс Хайландерс», размещавшийся на Рейс-Корсе, в «старом здании». Это было прекрасное помещение, очень комфортабельное, и при этом в центре города. Вскоре Русский полк получил приказание занять и расположиться в этих «казармах».

Здание Рейс-Корса (старое и новое, соединенные вместе) тянулось вдоль Мохаук род, примерно с юга на север, причем в южном конце его и располагались «старые трибуны для публики», отведенные полку под казарму. Непосредственно к ним примыкали (и сообщались) «новые трибуны», предназначенные для публики, посещавшей скачки, а равно и квартиры секретаря и старших служащих Рейс-Корса. «Трибуны для публики» представляли из себя амфитеатр широких каменных ступеней, спускавшихся вдоль всей восточной стороны здания (как нового, так и старого), с высоты третьего этажа к «паддоку», который непосредственно примыкал к «скаковой (зеленой) дорожке», дальше шла песчаная «рабочая дорожка», окаймлявшая внутреннее поле Рейс-Корса, на котором были разбиты всевозможные спортивные площадки и находились небольшие «клубные» здания-павильоны (тен-

нис, боулинг, крикет и т. п.). На полях Рейс-Корса проводились обыкновенно все лучшие игры спортивных команд 1-й Лиги дивизии, а в обычные дни на нем играли и учились играть в гольф.

Чины рот полка разместились очень свободно и комфортабельно в нижнем этаже здания, причем оставлен был специальный, обширный по размерам, гимнастический зал, который был немедленно оборудован всеми гимнастическими приборами. В нем же установлен был наш полковой боксерский ринг.

В нижнем этаже находились «дежурная комната», караульное помещение для «караула у ворот», арестные помещения, кухня, склады продуктов, цейхгауз и парикмахерские. Общие уборные и души расположены были в небольшом дворе, прилегавшем к казарме с западной стороны, в непосредственной близости к месторасположению людей рот. Во втором этаже, в южном конце здания, находились канцелярия штаба полка, комната «для посетителей и ожидающих», «комната профилактики» и полковой околосок.

Все здание Рейс-Корса внутренней стеной, шедшей с юга на север, во втором и третьем этажах разделялось на две половины, причем во втором этаже вдоль этой стены шел открытый внутренний балкон, тянувшийся от самого штаба полка. С этого балкона было видно все расположение рот полка, а вдоль правой (восточной) его стороны располагался ряд небольших комнат, в которых размещались сержант-майоры рот, фельдшера и писаря.

В северном конце второго этажа была обширная и светлая, выходящая окнами на Мохрук род столовая, в одном из углов которой была немедленно оборудована полковая церковь с амвоном, алтарем и большим количеством икон и церковных принадлежностей. Почти в самом конце этого «внутреннего балкона» была железная лестница, которая вела в третий этаж в «офицерский коридор», правая (восточная) половина которого представляла из себя ряд огромных стеклянных дверей, выводивших на верхнюю ступень «трибун для публики» и на Рейс-Корсе, а вдоль западной стены коридора располагались прекрасно оборудованные уборные, комнаты душей, бильярдная, гостиная, столовая и отдельные комнаты для господ офицеров, которыми они пользовались в дни дежурств и в те дни, когда оставались, по той или иной причине, в казармах полка. Командир полка, командиры рот имели отдельные комнаты, а младшие офицеры — комнату на двоих.

Вся казарма своим фасадом (западной стороны) выходила на Мохрук род, а ее восточная часть — на трибуны для публики. Из офицерского коридора был чудный вид на поле Рейс-Корса и на прилегающие к нему здания города. В южном конце третьего этажа, на

одном уровне с офицерским помещением, располагался полковой кантин, восточная стена которого, как и у офицерского коридора, представляла из себя ряд огромных, теперь наглухо закрытых, стеклянных дверей с видом на поле Рейс-Корса. Были оставлены открытыми только две двери, через которые можно было, поднявшись по ступенькам трибун, войти в кантин. Одна часть кантина была отведена под полковую библиотеку, а в двух больших стеклянных шкафах были выставлены наши полковые «трофеи» — переходящие кубки за все виды состязаний.

Это была лучшая казарма полка за все время его существования: удобное, даже комфортабельное размещение, весь полк «в руках», в центре города, в прекрасной обстановке, для занятий — все поле Рейс-Корса, а в дождливую погоду было вполне достаточно места в ротных помещениях. В этой казарме полк простоял до конца своего существования.

На «паддоке», против казармы полка, было достаточно места для смотров и парадов. Единственным неудобством этого паддока было то, что он имел асфальтированную поверхность, спускался под небольшим углом к скаковой дорожке и этими затруднял «отчетливость» поворотов, в особенности «кругом».

Администрация Рейс-Корса, во главе с секретарем скакового клуба, господином Олсэном, была в очень дружеских отношениях с командиром полка и всячески старалась идти навстречу нуждам его части.

В дни скачек только невысокий переносный железный барьерчик отделял часть «трибун для публики» от той части этой же трибуны, которая входила в расположение полка, и чины полка и их гости, сидя на «своих трибунах», бесплатно наблюдали за скачками и ходили (кто хотел) играть в тотализатор, в расположение главного Рейс-Корса, т. к. русские вочмана, стоявшие у барьера, беспрепятственно пропускали их через эту небольшую рогатку, назначение которой, по-видимому, было не допускать постороннюю публику в расположение казарм полка. У господ офицеров же полка было «прямое сообщение» с главными трибунами, без всяких препятствий.

В 1940 г. уехал в Англию «советник полка», майор Бэрк-Марфи. Заместитель ему назначен не был. Уехали все регулярные офицеры штаба Ш.В.К., их место заступили местные резиденты, но бывшие офицеры английской армии Первой мировой войны.

Кажется, в ноябре месяце 1940 г. господа офицеры полка были приглашены на коктейль-парти, устроенный специально для них председателем и членами муниципального совета. На этом парти главную роль играл фактический глава муниципалитета, назначенный англий-

ским правительством и несменяемый уже в течение многих лет, секретарь совета, Годфрей-Филлипс. Во время коктейля подтвердились слухи, которые давно уже ходили в полковой казарме и горячо обсуждались не только офицерами, но и всеми чинами полка: Русский полк должен быть переведен из состава Шанхайского волонтерского корпуса и включен в состав Шанхайской муниципальной полиции.

Ведь в случае возникновения войны с Японией Шанхайский волонтерский корпус, как воинская единица, составленная из рот всех национальностей, враждующих между собой, терял свое право на существование и надобность в нем исчезала, хотя Международный Сеттльмент и оставался, так как в его существовании заинтересованы были державы всего мира, независимо от того, в каком лагере они в данный момент находились. Охранять же этот Международный Сеттльмент должна и могла только его «гражданская охрана» — полиция.

Вот почему, в предвидении близкой уже войны с Японией, муниципальный совет (вероятно, не без участия в этом деле английской дипломатии) и решил перевести полк на службу в муниципальную полицию, сохранив, однако, его целостность как части. Этим актом муниципальный совет сохранял свою надежную боевую воинскую часть, которая, в случае благоприятного для англичан окончания войны, снова могла войти в состав волонтерского корпуса, и в то же время муниципальный совет передавал охрану Сеттльмента в руки хотя и новой в полиции части, но уже зарекомендовавшей себя с самой лучшей стороны своей дисциплиной, порядком и образцовым несением службы.

«Прощальный коктейль» прошел в грустной атмосфере. Щедро расточаемые председателем, секретарем и членами муниципального совета похвалы Русскому полку принимались офицерами полка с душевной болью: ведь для них это было «концом двенадцатилетней военной службы» и нужно было превращаться в «полицейских», хотя и на особом положении. В воздаяние заслуг перед Международным Сеттльментом, муниципальный совет оставил за господами офицерами полка присвоенные им чины и внешние знаки отличия.

24 ноября 1940 г. командир корпуса устроил коктейль для офицеров всего Шанхайского волонтерского корпуса, который являлся также, в свою очередь, прощальным коктейлем с полком, оставлявшим вскоре ряды корпуса.

5 декабря 1940 г. командир корпуса, полковник Грэм, окончательно простился с полком и со всем корпусом во время организованного им коктейля: он уезжал в Англию. Его заместитель, полковник Манн, местный резидент, бывший офицер австралийской армии, одновременно

но принял на себя обязанности коменданта лагеря для интернированных на Сингапур род.

Предстоящий перевод в полицию с материальной стороны сулил очень много хорошего: лучшее жалование, более легкая служба и более мягкая казарменная и внешняя дисциплина. Это являлось приманкой для «штатских» людей, но убивало дух настоящих офицеров и солдат, которые вступили в ряды полка еще в 1927 г., продолжая нести военную службу, начатую ими еще у себя на Родине-России. Эти профессионалы военные не только свыклись и сжились со строгой военной дисциплиной и со всеми тяготами, сопряженными с военной службой, но они любили этот военный порядок и дорожили своим званием «военных». Для них переход на «полицейское положение» было малоприятен. Но рассуждать было нельзя, да и бесполезно.

15 января 1941 г. приказом по Шанхайскому волонтерскому корпусу полк вышел из состава корпуса и поступил в распоряжение начальника муниципальной полиции, майора Борна. На следующий день, 16 января 1941 г., полк был переименован в «Русский Вспомогательный Отряд Шанхайской Муниципальной Полиции».

Внутренняя жизнь в полку не изменилась, но в программу занятий, помимо обычных строевых, было введено изучение «Полицейских правил», и все чины отряда прошли курс обучения и стрельбы из пистолетов Кольта и автоматов «Томпсон-ган». Господа офицеры полка, группами, получали командировки в полицейское депо, где проходили курс полицейской службы в более широком размере, чем рядовые чины отряда.

Материальные условия службы начали улучшаться. В ожидании неизбежной войны муниципалитет сделался более покладистым, а начальник полиции, майор Борн, проявил исключительную заботливость о «своем» новом отряде. В результате: было увеличено жалование, помимо «заштатных» (при увольнении после шести лет службы), чины отряда получали право на особый специальный «бонус», два раза в месяц каждый чин отряда получал право на «суточный отпуск».

Вскоре отряд получил новое, «голубое» полицейское обмундирование с серебряным трафаретом на погонах «Р.В.О.Ш.М.П.», господам офицерам была присвоена форма офицеров полиции с числом звездочек, которые они имели в Ш.В.К.: командир полка получил форму старшего помощника начальника полиции, капитаны — форму помощников начальника полиции, лейтенанты — суперинтендантов полиции. Форма была отличная, сшитая по мерке и из прекрасного материала. На офицерской фуражке с козырьком, обшитым широким серебряным галуном (согласно чину), появилась большая, массивная серебряная кокарда-

звезда с гербом (из эмали) Ш.М.С. «Стэк» военного образца заменила короткая лакированная палочка, волонтеры же получили полицейские палки установленного в полиции образца, являвшиеся их «холодным оружием».

Винтовки были сданы на склад Ш.В.К., а взамен получены с полицейского склада — «армори» пистолеты «Кольт-30» и «Томпсон-ган». Офицеры отряда получили на руки пистолеты «Кольт-45». Дежурная комната отряда была превращена в полицейскую «чардж рум», и там же оборудована была «армори», из которой чины отряда, при выходе на службу, получали пистолеты и патроны, сдавая их туда же обратно при возвращении из наряда. На широком и длинном столе-прилавке в «чардж рум» появилась огромная по размерам полицейская «Книга происшествий» (Оккёренс бук), в которую дежурный сержант заносил все происшествия, случившиеся на постах за время несения службы чинами отряда. Утром книга эта представлялась в штаб отряда, где адъютант (в то время адъютантом отряда был я) делал сводку важных происшествий и заносил ее в особую ведомость, за которой ежедневно, около 9 часов утра, приезжал особый мотоциклист-посыльный из штаба полиции, и ведомость эта шла на просмотр высшему полицейскому начальнику.

«Для связи» отряда, представлявшего из себя как бы отдельную полицейскую станцию, со штабом полиции был назначен особый чиф-инспектор, офицер связи — англичанин Ф. Тэтстола, который проводил в отряде целые дни. Прямым начальником отряда (непосредственным начальником нашего командира) являлся один из старших помощников начальника полиции, господин Робертсон, одновременно «командовавший» всеми резервами полиции, тренировочным депо и индусами.

Отношение старших полицейских начальников к Русскому отряду было исключительно внимательным и благожелательным. Они прекрасно понимали, что в лице Русского отряда они получили в свое распоряжение и для помощи наиболее надежную, дисциплинированную и обученную часть, которая представляла из себя большую силу. Скоро между офицерами Русского отряда и офицерами регулярной полиции установились отличные взаимные отношения, чему немало способствовали коктейль-парти в «Оффисерс месс» отряда, игра на бильярде или «случайная рюмка водки» у буфета нашей офицерской столовой.

Совсем по-другому смотрели на офицеров отряда европейцы-полицейские — «средние чины» регулярной полиции (инспектора, субинспектора и сержанты). Они никак не могли смириться с тем, что офицеры отряда, сразу же по переводе в полицию, получили право на ношение «офицерской формы» с присвоенными этой форме звез-

дочками, а они, прослужив в полиции уже десятки лет, по-прежнему должны были довольствоваться своей сержантской или инспекторской нашивкой на рукаве и носить длиннейшую (сержант-майорскую) палку.

Но постепенно сгладилась и эта шероховатость, так как ежедневное общение с ними на всех почти полицейских станциях и радушные приемы в офицерской столовой отряда делали свое дело. Отношение офицеров регулярной полиции к чинам отряда было очень благожелательным: они охотно разъясняли им то, что было не вполне понятно, и извиняли мелкие ошибки и упущения, допущенные чинами отряда по неопытности.

Полицейская служба и «вольности» свели число часов строевых занятий до минимума, и чины отряда начали терять свою образцовую выправку, а дисциплина постепенно стала падать. Ведь русский солдат, при всех его хороших качествах, нуждается в «зорком глазе строгого начальника», а этого «глаза» почти не было, т. к. почти каждый чин отряда, выходя на службу, получал самостоятельное задание, а дежурный по отряду офицер имел возможность видеть этого чина на посту не больше одного раза в течение каждой четырехчасовой смены, и при этом только лишь мимоходом, проезжая с повертками несения службы на постах на мотоцикле.

Начальнику отряда, майору Иванову, снова пришлось постепенно вводить «военные строгости» и принимать меры к повышению дисциплины до прежнего уровня: усилились меры взыскания за проступки, были введены «черные доски» для злостных нарушителей дисциплины и порядка, введены были «дополнительные занятия» с провинившимися, особенно упорным и малоисправимым делались предупреждения об увольнении, бывали и случаи увольнений «в дисциплинарном порядке».

Наряду с этим, часы отдыха в казарме обставлялись все большими и большими удобствами. Для нужд чинов отряда даже были установлены в кантине два телефона, у которых был дежурный, на обязанности которого лежало отвечать на телефонные вызовы «из города». С упадком дисциплины и с появлением большого количества свободного времени, которое обычно чины отряда проводили в городском отпуску, многие из них, ранее занимавшиеся спортом или состоявшие в отрядном струнном оркестре и хоре, начали смотреть на эти «дополнительные обязанности» как на необязательные для них с переводом на полицейскую службу. Отрядным спортивным командам и оркестру угрожала опасность если не развалиться, то понизить свой стандарт. Новым приказом по отряду (с разрешения; конечно, полицейского

начальства) начальник отряда подтвердил, что «спорт и оркестр» в отряде — занятие обязательное, как служба и строевые занятия.

С началом войны немцев с Советской Россией среди русской колонии Шанхая началась усиленная советская пропаганда: ведь Советская Россия попала на положение «союзника» англичан и американцев! Под разными предлогами советские агенты пытались втянуть в свою орбиту белых русских эмигрантов: то сбор на Красный Крест, то на помощь пострадавшим в разоренных немцами районах России и т. д. Среди русской колонии Шанхая произошел раздел на две (приблизительно равные) половины: белую и красную.

Обе эти половины имели свои радиостанции, свои газеты, и обе вели свою пропаганду. Появились советские «ура-патриоты» с красными розетками в петлицах, они не только появлялись в таком виде на улицах города, но и в общественных местах и даже пытались проникнуть в казарму отряда на Рейс-Корсе. Узнав об этом, майор Иванов отдал строгий приказ, в котором подтвердил: «основное условие — требование» для поступавших в Русский полк (отряд) — быть белым русским эмигрантом и не иметь никакого общения с красными. Этим приказом «была поставлена точка над «i», и каждый, продолжавший свои связи с красными, тем самым ставил себя в положение человека, давшего о себе неправильные сведения при поступлении в отряд, и поэтому подлежал немедленному увольнению.

Эта мера помогла сохранить отряд «белым» до самого конца войны, но красная зараза все же сумела пустить свои корни в толщу рядовой массы чинов отряда, что привело к печальным событиям — арестам в ближайшие военные годы, когда японцы начали войну на Востоке, и после войны, когда очень большое число бывших чинов отряда уехали «к себе на Родину» в 1947 г., поддавшись советской пропаганде. Только господа офицеры и кадр старослужащих не поддались советскому влиянию и остался верен своему Русскому Национальному флагу — Знамени полка до конца.

Приказ по отряду за № 201, 2, от 4 августа 1941 г.: «Согласно конституции Шанхайского Муниципального Совета, выработанной для введенного моему командованию Отряда в период его формирования — 21 января 1927 года, — последний, т.е. Отряд, должен состоять из людей русского происхождения и обязательно русско-национального (антибольшевистского) политического убеждения. В соответствии с этим, по установленной в Отряде процедуре приема «молодых», каждый вновь поступающий должен, кроме положенных документов, свидетельствующих личность: как паспорт или метрическое свидетельство, представить в Отряд сертификат Русского Эмигрантского Комитета в

Шанхае, подтверждающий политическую благонадежность и непричастность вновь поступающего к политическим кругам антинационального толка.

Таким образом, без совершения подлога или преступления или хамелеонового приема скрывания своего истинного политического лица, что свойственно лишь подлым и мерзким натурам провокаторов, проникновение в Отряд русских большевиков является делом невозможным. Также я не допускаю возможности, чтобы кто-либо из чинов, в период своего пребывания на службе в Отряде, переменяв свое политическое убеждение, смог перекинуться во враждебный Русской белой эмиграции, большевистский лагерь. Поэтому вся жизнь и деятельность Отряда должны базироваться на принципе белой национальной идеологии и Русской православной веры, с категорическим отрешением от всего иноверного и всего чуждого Русскому национальному духу. Политическая идеология Отряда выражается наличием в нем знамени и флага Русских национальных цветов бывшей Императорской Российской Империи, а духовная жизнь проявляется исповедыванием догматов Церкви Православной, с соблюдением вековых обычаев Русской Старины.

Всякий чин Отряда, находясь на службе в нем под сенью Русского Национального флага, под защитой Русского Эмигрантского Общественного закономерного представительства и под опекой Русской Православной Церкви, должен быть примерным солдатом, достойным членом Русской Белой эмигрантской колонии в Шанхае и открытым идейным врагом большевизма вообще, а в частности большевистского правительства в Советской России.

Поэтому всякое проявление где бы то ни было и когда бы то ни было, тем или иным способом симпатий, сочувствий или содружества в сторону большевиков, а особенно советского правительства в СССР, путем ли распевания, наигрывания песен советского толка, ношения значков, пожертвований, печатания и чтения газетных статей, посещения мест большевистской идейной окраски, тем более пребывания в них в качестве членов или гостей и т. п., мною строго и решительным образом запрещается. Нарушение этого запрещения будет рассматриваться актом позорящим идеологию и эмблему Отряда, поведением намеренно дискредитирующим сам Отряд, умаляющим престиж Шанхайской Муниципальной Полиции и направленным в ущерб репутации Шанхайского Муниципального Совета. Виновные в этом будут привлекаться мною к ответственности в дисциплинарном порядке по статьям 4, 5-а и 8-х «устава о наказаниях», применяемых в Русском Отряде, и будут наказываться в порядке установленной процедуры судопроизводства».

1942 год

7 декабря 1941 г., в большой компании, мы с женой ужинали в доме одного старого русского моряка, который командовал пароходом какой-то китайской компании и назавтра отправлялся в плавание. Кажется, это был день его рождения и было это, насколько помню, воскресенье.

Было уже около полуночи, когда начался разъезд гостей и все мы, вызвав такси, сидели одетыми в гостиной. Общий разговор неожиданно перешел на тему о войне в Европе, и один из гостей задал вопрос: «А как по-вашему, будет ли война здесь, у нас на Востоке?» На это сын хозяина (инженер Шанхайской электрической станции) немедленно ответил: «Ну, об этом нечего и беспокоиться, войны здесь не будет». Никто из присутствующих ему не возразил, по-видимому, это было общее мнение, хотя и сокровенное, не высказываемое вслух.

Европейское население Шанхая, конечно, было взбудоражено войной в Европе, продолжавшейся уже почти два года, но начинало свыкаться с мыслью, что «чаша сия минует Шанхай» и мы будем жить как прежде, не отказывая себе ни в чем, даже в прихотях. Никто из нас не предполагал, что в это самое время японцы, без формального объявления войны, уже громили американский военный флот в Жемчужной гавани и топили транспорты, на которых плыли из Шанхая на Филиппины остатки 4-го полка американских марин, недавно покинувших Шанхай.

Утром 8 декабря, как обычно, я встал очень рано и, позавтракав, пошел к своей автобусной остановке, так как ездил на службу, в казарму отряда на Рейс-Корсе, на автобусе (расстояние всего лишь мили полторы). Было около 7 часов утра. Как обычно, на остановке ко мне подошел один из англичан — служащий Британско-Американской табачной компании, с которым мы обыкновенно в одно время выезжали на службу по утрам.

Хотя официально моя служба, как адъютанта отряда, начиналась в 9 часов утра, я приходил в отряд к 7 часам 30 минутам и сразу же принимался за перевод с русского на английский рапорта о происшествиях, имевших место на постах, обслуживаемых чинами отряда, за истекшие сутки. Вскоре после 9 часов особые мотоциклисты — посыльные из штаба полиции — собирали эти рапорты по всем полицейским станциям и доставляли их в штаб полиции для просмотра начальником полиции.

Наш автобус уже давно должен был подойти к остановке, но его не было, и мы объяснили это просто обычной неаккуратностью в расписа-

нии автобусной компании. Около нас собралось уже около десятка человек пассажиров, и уже строились предположения, что с автобусом, по видимому, что-то случилось в пути, и нам придется идти к трамваю или брать такси или (как мне) просто «двигаться походным порядком».

Но вот, наконец, показался и подошел к остановке почти переполненный уже автобус, и мы забрались в него. В автобусе мы услышали сногшибательную новость: один из пассажиров-европейцев только что слышал по радио оповещение японского военного штаба в Шанхае о том, что Япония присоединилась к союзу Германии и Италии, объявила войну Англии, Америке и Франции и уже заняла Шанхай. Японское командование призывало население Шанхая отнестись к событиям спокойно и продолжать работать, как обычно.

Через пять минут я уже был у себя в казарме, где в «Оффисерс месс» мне рассказали все последние новости: на рассвете японцы предъявили ультиматум о сдаче командирам английской и американской канонерок, стоявшим на Вампу, против Банда. Американцы сдались, а англичане подняли флаг и стали готовиться к совершенно неравному, безнадежному бою. Японцы выкатили на Банд несколько полевых орудий и, сделав из них несколько выстрелов по английской канонерке, высадили на нее свой десант, взяв ее «боем».

Военные моряки-англичане с честью поддержали свою вековую традицию, освященную памятью адмирала Нельсона под Трафалгаром, и «выполнили свой долг», американцы же, как обычно, увидели в этом деле «невыгодный бизнес» и поэтому отказались от него в ущерб своей национальной гордости.

Вскоре из штаба полиции прибыл в отряд наш «офицер для связи» со штабом, чиф-инспектор Ф. Тэтстолл, и подтвердил имевшиеся уже у нас сведения о шанхайских событиях, а равно и передал распоряжение штаба нести службу, как обычно, и особенное внимание обратить на то, чтобы на улицах не собирались толпы и не было беспорядков и демонстраций.

По распоряжению штаба полиции, все старшие полицейские начальники обязаны были выйти на службу «на улицах», чтобы лично следить и руководить порядком во время официальной оккупации Международного Сеттльмента японскими войсками.

Нужно отдать справедливость и англичанам, и японцам: первые, хотя и были взволнованы и угнетены создавшимся своим новым положением «полуофициальных» пленников на службе у врага, выполнили свой долг по охране Сеттльмента с честью и достоинством, японцы же вошли на Сеттльмент без особой афишировки, спокойно и деловито, без всяких эксцессов.

Улицы, и особенно перекрестки улиц, кишели вооруженной полицией: тут и европейцы, и индусы, и китайцы. Жизнь города шла своим установленным порядком, только при соблюдении наивысшего возможного порядка, довольно необычного для Шанхая.

Чины отряда, как обыкновенно, выходили на службу, получая оружие в своей дежурной комнате ввиду. Назначенные на строевые занятия вышли на плац; в штабе отряда — в канцелярии шла обычная работа. Наружно ничто не изменилось, только отсутствовал Тэтстолл, который обычно проводил в отряде целые дни: его вызвали обратно в штаб полиции. Время приближалось к обеду. Японцы уже ввели свои войска в различные районы Сеттльмента и расположились в заранее ими намеченных казармах, освободившихся после ухода из Шанхая английских и американских войск, а также и в муниципальных зданиях.

Неожиданно за окнами штаба отряда, на Моху род, послышался какой-то все более и более нараставший, однообразный грохот, лязганье «гусениц» и шум моторов. Выглянув в окно, я увидел длинную колонну японских пулеметных танкеток, которая, вытянувшись вдоль всего здания Рейс-Корса, остановилась.

Вскоре послышались шаги на наружной лестнице, которая вела в штаб отряда, резко открылась дверь канцелярии штаба, и на пороге появились два японских солдата. Войдя в помещение, они что-то грозно выкрикнули по-японски и взяли винтовки «на изготовку», направив их в сторону стола, за которым сидел наш начальник отряда, майор Иванов. Вслед за солдатами вошел офицер-японец и на довольно плохом английском языке задал совершенно нелепый вопрос: «Какая здесь стоит воинская часть?»

Узнав, что это Русский отряд, Ш.М.П., и что майор Иванов является его начальником, офицер-японец подошел к столу и позвонил куда-то по телефону, стоявшему на столе начальника отряда. Короткий разговор по-японски, и офицер молча передал трубку майору Иванову: у телефона был один из помощников начальника полиции — японец. Он объявил о том, что полиция Сеттльмента перешла в ведение японской администрации, но отряд должен по-прежнему нести службу до дальнейших распоряжений. Довольно вежливо, но с большим достоинством «откланявшись», офицер-японец, в сопровождении своих солдат, вышел из штаба отряда, и танковая колонна двинулась дальше.

Не могло быть никаких сомнений в том, что японцы не только отлично знали, «какая воинская часть стояла на Рейс-Корсе», но они прекрасно были осведомлены и о ее личном составе, о каждом чине ее в отдельности, так как «их люди», японские служащие штаба поли-

ции Международного Сеттльмента, конечно, уже дали эти сведения своему военному командованию.

На душе у каждого из нас, я думаю, было беспокойно: кончилась нормальная, налаженная годами жизнь, начиналась новая на положении «нежелательных служащих» — полуврагов новой власти. В душу невольно закрадывалась тревога за будущее. В ушах еще ясно звучали слова председателя муниципального совета, сказанные им во время коктейль-парти при переводе отряда из Ш.В.К. на службу в полицию, в которых он выражал надежду и глубокую уверенность в том, что отряд будет продолжать свою верную и примерную службу муниципалитету и на новом своем поприще — полицейской части. Перед глазами еще мелькали строки обращения английского посланника в Китае ко всем служащим-европейцам (включая и англичан), отпечатанного в местной прессе, в котором он призывал всех оставаться на своих местах при любых обстоятельствах и сохранить Международный Сеттльмент до лучшего, спокойного будущего.

Пришли новые «хозяева» — японцы. Пришли по праву завоеватель. Как они отнесутся к служащим муниципального совета, несшим свою службу по английским законам, могло показать только будущее.

Вечером в этот же день, 8 декабря, в нашем «Оффисерс месс» собралось почти все высшее полицейское начальство — англичане: был и начальник полиции, капитан Смайс, были старшие его помощники Бэкер, Самсон, «наш» Робертсон, Эйерс, Виддоусон, конечно, Тэтстолл, были кое-кто и из начальников «полицейских дивизионов». Многие из них уже переехали или собирались переехать со своих комфортабельных квартир в скромные, небольшие квартиры и комнаты, имевшиеся в здании Рейс-корсного клуба, в которых обычно жили иногородние члены клуба, приезжавшие в Шанхай на скачки.

Все они были в тревожном настроении. Начальник полиции, майор Борн, и его старшие помощники Смайс и Самсон, вместе с английскими дипломатическими чиновниками и некоторыми высшими чинами Ш.В.К. (в том числе был и последний командир корпуса, полковник Манн), должны были в недалеком будущем отплыть из Шанхая на специально «договоренном с японцами» последнем пароходе, который должен был увезти их в нейтральный «международный» порт Лоренцо-Маркос, на западном берегу Африки. Все остальные англичане оставались на службе по-прежнему, но с постов начальников отделов перешли на должности помощников, уступив свои места японцам.

Японцы в данном случае поступили очень разумно: они не ломали структуры муниципального аппарата, а брали его в свое ведение таким, каким он был, имея в виду лишь постепенно вводить свои пра-

вила и порядки, не нарушая нормальной жизни все еще продолжавшего оставаться «международным» Сеттльмента. Многие из новых глав отделов полиции, японцы, оказались старыми служащими муниципальной полиции (японского отдела), занимавшими при англичанах скромные должности. Теперь они стали начальниками, а их бывшие начальники перешли к ним в подчинение.

Имея в виду сохранение целостности Международного Сеттльмента и его огромного и богатейшего хозяйства, англичане, следуя приказу своего посланника в Китае, остались служить во всех отделах муниципалитета, выполняя приказы своих новых начальников — военных врагов. Не находившиеся на муниципальной службе англичане были посажены в лагерь, куда вскоре стали отправлять и тех из «муниципального служилого элемента», которые не были удобны своим новым хозяевам или вызывали у них подозрение, как «саботажники».

Чиф-инспектор Тэтстолл по-прежнему остался нашим «офицером связи» со штабом полиции, но наш непосредственный начальник — «Начальник Тренировочного Депо, всех полицейских резервов и Индусского отдела», милейший Робертсон — был убран со своего поста и вскоре посажен в лагерь. На его место 22 февраля встал бывший японский суперинтендант муниципальной полиции — Суказаки. Это был хорошей души человек и ревностный служака. Он не питал и не проявлял враждебности к своим бывшим начальникам-англичанам, теперь ставшим ниже его по положению, и умел ладить со всеми. Он прекрасно говорил по-английски и, я думаю, продолжал любить свою «муниципальную полицейскую службу».

Начальником полиции назначен был господин Ватари, дипломат по профессии, очень большого роста, видный и солидный японец. Фактически же начальником полиции стал жандармский майор Гото — очень неказистый, как большинство японцев, но человек, по-видимому, большой воли и сильного характера. Официально он считался начальником отделов «преступлений» и «специального» (т. е. политического), но фактически управлял всем полицейским аппаратом.

Ходил он почти всегда в штатском платье, что позволяло ему незаметно смешиваться с толпой, в которой его легко можно было принять, судя по его наружности, за скромного чиновника или приказчика из магазина. Он не пил и не курил, но в дни праздников (особенно в Новый год, который японцы отмечают торжественно) он устраивал на своей холостой квартире «приемы». Все это, конечно, мы узнали много позднее, по прошествии многих месяцев, но я думаю, что уместно сказать об этом сейчас, давая характеристику этому человеку.

«Приемь» эти носили странный характер: это было что-то вроде старорусского хлебосольного «пасхального» или «рождественского» стола, накрытого самыми разнообразными закусками и уставленного большим ассортиментом напитков. Его подчиненные, в день праздника, приходили к нему с визитом. Встречал их слуга-бой и проводил в столовую после того, как они оставляли свои визитные карточки на особом подносе, выставленном в приемной комнате. Гости зачастую не заставляли хозяина, но бой любезно прислуживал им, подавая дринки и закуски. Хозяин иногда появлялся совершенно неожиданно из соседней комнаты и, обменявшись приветствиями и поздравлениями, так же неожиданно скрывался, приглашая гостей не стесняться и «чувствовать себя как дома».

Это хлебосольство, радушие, дружеское самодурство, любезность и вежливость со своими подчиненными вне службы не мешали майору Гото быть очень строгим и требовательным начальником, что и почувствовали вскоре его подчиненные-европейцы. Неожиданные аресты и отправки в лагерь не были диковинкой в то тяжелое время службы «под японцами»: вспоминаются аресты, пытки и смерть инспектора Шаррока, субинспектора Павчинского, владельца богатейшего ночного клуба и рулетки — Фаррэна и других. Шаррок и Павчинский были сняты со службы и посажены в «особый лагерь», где (по слухам) их сильно били на допросах и они вскоре умерли. Фаррэн же, посаженный в «Бридж-Хауз», не выдержал и... повесился при весьма таинственных обстоятельствах (вероятно, не без помощи японских жандармов), а вслед за ним вскоре был арестован и... тоже повесился его управляющий. Все это была работа отдела, которым управлял Гото.

Полицейские-европейцы насторожились и стали нести свою службу гораздо аккуратнее и внимательнее, чем прежде. Они все чаще и чаще стали заходить в наш «Оффисерс месс», где откровенно делились с нами своими горестями, опасениями и тревогами. Нам они продолжали доверять по-прежнему и окончательно утратили свое прежнее высокомерие. Так начался 1942 год, пятнадцатый год службы полка (отряда) Шанхайскому муниципальному совету.

Вошедшие на территорию Международного Сеттльмента японские воинские части заняли помещения иностранных клубов, банков, школ, освободили для своих нужд целые пассажи домов, ранее занимавшиеся иностранцами, теперь посаженными в лагерь. Нашим ближайшим «соседом» оказался штаб «Специального Отдела» японской армии, расположившийся в здании английского «Кантри Клуб», на Бабблинг Уэлл род.

С занятием японцами Сеттльмента сам собой разрешился вопрос с «интернированным батальоном»: вскоре после начала войны на Вос-

токе к лагерю на Сингапур род подошла вереница автобусов с значительным числом японской военной охраны. Интернированным приказано было выйти из лагеря со своими вещами и погрузиться в эти автобусы. Они исполнили этот приказ без малейшего сопротивления. Потом их куда-то увезли и мы о них больше ничего не слышали. Однако китайцы-полицейские рассказывали, что часть из них сразу же пошла служить в новую китайскую армию «марионеточного китайского правительства Ван Чинвея», которая дралась с войсками Чан Кайши, будучи на стороне японцев, обыкновенные же кули, сидевшие в лагере на положении «солдат», были просто выгнаны на улицу, а небольшая группа закоренелых «чанкайшевцев» была посажена в лагерь или в тюрьму.

По своему наружному виду Шанхай несколько не изменился, но его китайское население сильно возросло за счет беженцев, непрерывно прибывавших из районов, охваченных войной. Морская торговля, вполне естественно, прекратилась, и Шанхай жил и питался только тем, что можно было выработать и получить в самом Китае. В связи с этим исчезли из магазинов многие заграничные товары, а взамен их на полках появились товары местной выделки, плохого качества и в недостаточном количестве. Ловкие дельцы, имевшие наличные деньги, успели скупить и припрятать все, что было возможно, и впоследствии, в течение почти всей войны, торговали «из-под полы», создавая себе капиталы. Торговые предприятия сократили свою работу, и благодаря этому многие из низших служащих лишились службы.

Уже с первых месяцев войны на Востоке в Шанхае почувствовался недостаток во всем, от хлеба и прочих продуктов питания до одежды и обуви. Постепенно японское командование, сохраняя имевшиеся запасы газаolina, необходимые для военных нужд, ограничило до минимума число автомобилей частного пользования, а потом перевело большую часть городского моторного транспорта на «чаркол», когда машины были переоборудованы для работы на газе от древесного угля, который вырабатывался в особых установках-печках, приделанных к этим машинам.

Нищенство развивалось стихийно. Улицы были заполнены голодными; оборванными китайскими нищими, которые неотступно следовали за каждым прохожим, прося (даже требуя) подаяние. Но стоило только дать милостыню этому нищему, как добросердечный жертвователь попадал в орбиту новой группы попрошаек... и так без конца, во все время пути по улицам города.

Полиция была бессильна что-либо сделать с этими нищими, так как не имела возможности собрать их с улиц и куда-то посадить под охра-

ну: ведь всю эту голодную массу пришлось бы кормить, а кормить было нечем, так как уже начинался голод и этот голод породил нищенство.

Сильно возросло и число русских попрошаек-нищих, они бродили по городу, не опасаясь полицейского преследования, и вымогали подачку под самыми разнообразными предлогами, главным образом ссылаясь на безработицу. А эта безработица уже была в действительности и усиливалась с каждым днем, выбрасывая на улицы все новые и новые жертвы нищеты.

Правда, усилившаяся деятельность «киднэпперов» и грабежи вынудили многих богатых китайцев, «пошедших в ногу» с установленным японцами на Востоке «новым порядком» (а потому и живших по-прежнему в богатстве и довольстве), взять себе бодигардов (телохранителей), должности которых обычно давали русским, бывшим военным, но эта «отрасль» службы (вочмана и бодигарды) не могла поглотить всей массы безработных русских. На русских чинов полицейских отрядов на Сеттльменте и на Французской Концессии (тоже взятой японцами в свое ведение совместно с «марионеточным» городским самоуправлением) смотрели как на счастливых и завидовали им.

На улицах Сеттльмента уже можно было встретить оборванных и грязных рабочих артели русских-грузчиков, которые, подобно китайцам-кули, перевозили на телегах, вручную, разного рода грузы, пытаются конкурировать с китайцами. Прежде это не допускалось на Сеттльменте, так как «роняло лицо» европейца. Теперь же это вызывало лишь злорадный смех и реплики китайской толпы, но было принято как нормальное явление: европеец был унижен перед победителем-азиатом. В этом взгляде и японцы и китайцы были совершенно солидарны.

Добровольные увольнения со службы в отряде почти совершенно прекратились, так как других «служб» не было. Число «сверхштатных» (ожидавших штатной вакансии в отряде и получавших за это лишь стол и старое обмундирование, но проходивших строевую подготовку) сократилось до минимума. Об увеличении штата отряда, конечно, не могло быть и речи, так как японцы только лишь «терпели» отряд у себя на службе, получив его «в наследство» от муниципального совета Международного Сеттльмента и не имея возможности разогнать его, так как официально отряд продолжал служить муниципальному совету Международного Сеттльмента, а не японцам.

С занятием Шанхая и его окрестностей японцами, еще осенью 1938 г., вместе с волной китайских беженцев из провинции в город (в особенности на Сеттльмент) проникли большие группы китайцев-активистов и разбойного элемента. Грабежи, убийства, киднэппин-

ги, поджоги, взрывы бомб и адских машин, кражи и увод автомобилей, расхищение муниципального имущества и предметов городского оборудования — увеличивались с каждым днем.

Японцы-победители везде и всюду в толпе китайцев чувствовали себя беспокойно. Поимка убийц и бомбометателей очень затруднялась тем, что китайское население не принимало участия в их поимке и даже способствовало их исчезновению с места совершенного ими преступления, позволяя им беспрепятственно смешиваться с толпой. Это обстоятельство заставило японское военное командование ввести особую систему самоохранны Пао-чиа, причем чинами этого Пао-чиа являлись сами китайцы — жители города. Весь Сеттльмент был разбит на районы Пао-чиа, установлены специальные высокие бамбуковые заборы и ворота, перекрывавшие все переходы, переулки и пассажи, и все население каждого данного района было обязано нести беспреквальной охрану своего района и отвечать за преступления, совершенные в их районе. Чины Пао-чиа имели своих «старшинок», которые распределяли наряды на службу в своих районах.

В случае какого-либо происшествия, террористического акта или киднэппинга, первый заметивший его должен был давать сигнал тревоги свистком. Этот сигнал немедленно повторялся всеми Пао-чиа данного района, все ворота и проходы закрывались, а на сцене появлялись полиция и японская жандармерия и начинали свою работу. Система охраны Пао-чиа была весьма действенной, хотя и очень жестокой, так как отнимала у людей много времени и ставила их под строгие наказания в случае недостаточно внимательного отношения к своим обязанностям.

Установив эту систему, японцы немедленно приступили к «обучению» населения, приучая его кооперировать с Пао-чиа и полицией. Для этой цели очень часто устраивались упражнения с «мок криминал», т. е. разыгрывалась сцена террористического акта или грабежа, и невольные свидетели этой сцены обязаны были действовать согласно изданным на этот предмет инструкциям, т. е. поднимать тревогу, преследовать преступника, вызывать полицию и т. д. За ходом этого упражнения наблюдали японские жандармы, которые арестовывали и строго наказывали тех, кто не принимал участия в упражнении, оставшись безучастным к происходящим событиям. Так постепенно, с присущим им упорством и жестокостью, японцы «обучили» китайское население мерам самоохранны и заставили его кооперировать с полицией и военными японскими властями.

Чины полиции Сеттльмента обязаны были также принимать участие в этих упражнениях с «мок криминал», но ввиду того, что они

были вооружены и поэтому могли, по ошибке, действительно ранить или убить мнимого преступника по ходу этих упражнений, штабом японских войск и полиции выпускалось бесконечное число инструкций и распоряжений, а сам «преступник» получил на рукав особую бело-красную повязку. Не принявшие участия в упражнении чины полиции подвергались строжайшим дисциплинарным взысканиям. Это усилило бдительность полиции на постах и патрулях и заставило ее быть постоянно «настороже», отчего и без того тяжелая и утомительная патрульная служба сделалась еще более тяжелой.

Голод в городе делал свое дело. Все чаще и чаще на улицах появлялись трупы умерших от голода или замерзших от холода людей, и полиция была обязана немедленно выяснять причину (голод, мороз или преступление-убийство) и доносить «по команде».

Питание чинов отряда становилось все беднее и беднее, но все же они питались регулярно и довольно сытно. Были даже остатки пищи, за которыми потянулась не только русская, но и китайская беднота, постоянно дежурившая у ворот и забора казармы, являя собой печальную картину и вызывая опасения возможности воровства из казармы, «население» которой постоянно было «в движении»: то на службе, то на занятиях, то в отпуску. В результате начальнику отряда пришлось отдавать особые приказы, запрещавшие вынос пищи на улицу, установить дежурства по столовой и прочие ограничения, связывавшие свободу чинов отряда в казарме.

Невежественная китайская толпа и распущенные, распропагандированные коммунистами китайские рабочие и служащие (в особенности городских компаний общественного пользования) смотрели на русских, которые были почти единственными иностранцами, не сидевшими за решеткой или проволокой лагеря, весьма недоброжелательно и в этом отношении, по-видимому, имели негласную поддержку японцев. Поездки чинов отряда со службы и на службу (в форме) на трамваях и автобусах зачастую сопровождались скандалами, в которых «агрессором» всегда был китаец-кондуктор, поддерживаемый китайской толпой.

На посту китайцы боялись русского полицейского, так как он мог арестовать нарушителя порядка и отвести его на полицейскую станцию для наложения штрафа или другого взыскания, но в трамвае или автобусе «сила» была на стороне китайца-кондуктора и он ей пользовался. Несмотря на постоянные рапорты начальника отряда в штаб полиции и заверения штаба, что каждая жалоба разбирается совместно штабом полиции и администрацией компании общественного пользования, эти неприятные инциденты происходили постоянно и ежедневно.

Все возраставшая дороговизна на предметы первой необходимости, и в особенности на одежду, привела к тому, что в отряде все чаще и чаще стали замечаться случаи «утери» предметов казенного обмундирования, попадавших, вероятно, на китайский рынок-толкучку. Это обстоятельство вынудило начальника отряда установить ежедневную поверку всего обмундирования у чинов отряда и осмотр вещей, выносимых чинами отряда при уходе в отпуск, а равно и сокращение числа отпусков и замыкание некоторых выходных дверей, ведущих из казармы на плац или на улицу, в ночное время. Это была неприятная, но совершенно необходимая мера.

Полицейская служба, слишком небольшое число часов, оставшихся для строевых занятий, и многие «вольности», разрешенные для полицейского, повели к упадку дисциплины в отряде. Дошло даже до того, что в приказах по отряду (и по полиции) объявлялось о необходимости отдавать честь офицерам — явление, о котором в полку раньше не могло быть и речи. Начальник отряда, офицеры и унтер-офицеры его принимали все возможные меры к поддержанию дисциплины и порядка в казарме, но «на улице», во время несения службы на постах, чины отряда были вне их контроля и действовали по своему характеру и усмотрению.

Нужно помнить, что в этот период времени Советский Союз уже вел борьбу с Германией, на стороне союзных держав, и поэтому советская пропаганда на Сеттльменте была очень сильна. Японцы чувствовали в советских своих врагов, но, не будучи с ними в состоянии объявленной войны, вынуждены были терпеть советскую пропаганду в Шанхае.

Невдалеке от моей квартиры, на Бабблинг Уэлл роуд, в большом особняке, расположенном в глубине очень большого сада, размещалось советское торговое представительство. Эту усадьбу окружал высокий железный забор, у постоянно закрытых ворот стоял мрачного вида здоровенный китаец-сторож, а по двору гуляли свирепо выглядывшие псы — немецкие овчарки. Это «гнездо» ничем не напоминало мирной торговой миссии. Да и чем Советская Россия могла торговать в то время с Шанхаем?!! Положительно, ничем. Это был центр советской агентуры, которая вела свою работу и пропаганду в городе, главным образом, конечно, среди русского и китайского населения его. Советская пропаганда, конечно, проникла и в казарму отряда, где белая русская молодежь постепенно, под влиянием мягких и задушевных нашептываний советских пропагандистов в городе (во время пребывания чинов отряда в отпуску), начинала задумываться и болеть душой за «свою» родину, истекавшую кровью в борьбе «с немецкими захватчиками».

По оставшемуся в силе положению, только белые русские эмигранты могли служить в отряде, поэтому открыто советских разговоров в казарме и не было, но встречи на улицах, во время несения службы чинами отряда на постах, и в отпуску давали возможность советским агентам заняться «обработкой» белой русской молодежи, и они в этом преуспели, несмотря на то что весь офицерский и унтер-офицерский состав отряда был «чисто-белым». Ведь чины отряда проводили большую часть своего времени вне казармы, вне надзора и ваяния своих начальников.

Прошло четыре месяца с того момента, как японцы взяли в свои руки управление Международным Сеттльментом и начали постепенно проводить и вводить свои порядки, не делая, однако, коренной ломки. За эти четыре месяца уже отстранены были от дел наиболее опасные для них высшие служащие-англичане, оставшиеся же на службе постепенно сживались с японцами, смирились со своим положением, терпели обиды и позор своих военных поражений, которые широко рекламировались японцами. Эти служащие-англичане честно выполняли приказ своего посланника и «продолжали нести охрану Международного Сеттльмента и старались сохранить его в целостности до конца войны».

Война на Дальнем Востоке началась 8 декабря 1941 г. разгромом американского военного флота в Жемчужной гавани. 10 декабря японцы потопили в водах около Британских Малаев флагманский корабль английского Дальневосточного флота, «Принц Уэльский», и крейсер «Рипалс». 25 декабря пал Гонконг, 3 января 1942 г. японцы взяли Манилу, а 11 февраля пал грозный и могущественный Сингапур. Казалось, не будет конца японскому победному маршу! При каждом из этих событий в центре Сеттльмента — на Рейс-Корсе — и в различных частях города поднимались в воздух привязанные воздушные шары, к которым прикреплялись огромные иероглифы, опиывавшие новую победу японского оружия.

Делалось это, конечно, для «устрашения» китайского населения и для внушения ему мысли о «непобедимости японцев»: ведь грамота у японцев и китайцев одна и та же, и каждый иероглиф или комбинация из этих иероглифов обозначало одно и то же понятие, только произношение было различно.

В дни японских побед, в эти унижительные дни для англичан, многие из высших чинов вечерами собирались в нашем «Оффисерс месс» и делились с нами, за скромным дринком, своими горестями. Но всегда свои сетования они заканчивали словами: «В конце концов, мы все же победим, Англия проигрывала все сражения, кроме последнего»

Начальнику отряда, помимо обычных забот об отряде и его службе и поведении, необходимо было сделаться еще и «дипломатом»: ведь под нашей крышей собирались, к нам тянулись, как к своим единомышленникам и друзьям, англичане, но в то же время мы служили муниципалитету, которым руководили японцы, мы получали свое жалованье через их руки. От них зависело, держать ли отряд дальше или расформировать его, придравшись к какому-либо случаю.

Начальнику отряда нужно было как-то сохранить старую дружбу со своими единомышленниками-англичанами, установившуюся в течение 15-летней совместной службы, но в то же время создать благожелательное отношение к отряду со стороны новых его «хозяев-японцев», так как только при доверии к отряду, в особенности к его офицерам, можно было рассчитывать на то, что отряд будет продолжать свое существование. Нужно было как-то сблизить между собой и улучшить взаимоотношения между военными врагами, поставленными на совместную охрану Международного Сеттльмента.

8 мая 1942 г. начальник отряда, майор Иванов, решил устроить в «Оффисерс месс» парадный офицерский обед, на который было приглашено все высшее полицейское начальство, как англичане, так и японцы. После обеда был продемонстрирован бокс на отрядном ринге, в гимнастическом зале казармы, а во время обеда и после бокса, во время коктейлей, играл отрядный струнный оркестр.

Я опишу этот обед 8 мая 1942 г. и сравню его с обедом, который командир и господа офицеры отряда давали своему «новому полицейскому начальству» в 1941 г., после перевода отряда из Ш.В.К. на службу в полицию. В обоих случаях это было «первое знакомство» перед началом совместной работы.

«Место действий» в обоих случаях одно и то же — «Оффисерс месс» отряда в казарме на Рейс-Корсе. Та же обстановка, те же портреты и картины по стенам гостиной, тот же отрядный струнный оркестр дает «оформление» съезду гостей и обеду, те же наши «собранные» бои в своих туго накрахмаленных бело-синих формах-халатах, но... совершенно различный дух. И настроение у всех: и у гостей, и у хозяев, и у прислуги.

1941 г. 6 часов 30 минут вечера. В столовой офицерского собрания отряда накрыт длинный стол, уставленный закусками «по-русски», расставлены приборы. По соседству, в гостиной, по одному (но очень дружно) собирается наше новое «полицейское начальство» и наши новые сослуживцы — старшие чины полиции, идут и наши старые начальники и сослуживцы — старшие офицеры Ш.В.К. Всех приехавших внизу, у нижней ступени трибун, встречают специально назначенные

для этой цели чины отрядной «военной полиции», открывают дверки автомобилей и указывают шоферам, где поставить машину, или уводят машину сами, если начальство приехало без шофера. При входе в месс, на верхней ступени трибун, гостей встречает начальник отряда, майор Иванов (обед «без дам», поэтому встречает он один). Обмен приветствиями, любезностями, и гость исчезает в коридоре офицерского расположения, где его «подхватывает» кто-нибудь из офицеров отряда и проводит в гостиную. Бой разносят дринки, сигареты и «смол чао» к коктейлям, офицеры отряда неустанно угощают своих гостей. Последним, как положено, приезжает начальник полиции, майор Борн, его встречает начальник отряда и под звуки «встречного марша» отрядного оркестра проводит его в гостиную, где оба они присоединяются к общей компании.

Гостиня большая и вместительная. Гости стоят группами с офицерами отряда, «большое начальство» обходит эти группы с любезным разговором, непрерывно «заменяя» свои дринки. Из коридора несутся приятные мелодии музыки европейских композиторов. В гостиной, несмотря на то что открыты все зеркальные двери, ведущие в коридор и на Мохаук род, уже сильно накурено и стоит гул веселых голосов — беседа дружеская и шумная, «большое начальство» шумит больше всех: большинство из них — бывшие офицеры английской регулярной армии, и для них эти обеды и коктейли — дело знакомое и приятное.

Подходит время обеда. В столовой, по сигналу заведующего «Оффисерс месс», капитана Гапановича, звучит гонг. Гости (ознакомившись со своими местами за столом по плану, вывешенному в коридоре) расходятся и усаживаются по своим местам. Обед по-русски: закуски и дринки, а потом, постепенно... все остальное: суп, рыба, дичь, мясо, бесконечные салаты, сладкое, кофе и т. д., и все это в сопровождении любых дринок, в изобилии поставленных на столе. Обед закончен. Гости двигаются в гостиную и в бильярдную, где на бильярдном столе уже «уложена пирамидка» и поставлены маленькие столики с закусками. В столовой быстро убрана вся посуда со стола и очищено место на полу для игры в «кольцо (куойтс)», а на стену повешены мишени для игры в «стрелки (дартс)». В гостиной запивают крепкий русский обед еще более крепкими русскими и английскими напитками. Скоро, однако, «старички» (в том числе и начальник полиции) уже втянулись в игру в «кольцо», организовались две команды игроков в «дартс» — начались состязания. «Оффисерс месс» гудит гулом веселого смеха и разговоров, в бильярдной стучат шары и слышен оживленный разговор и смех, нередко заглушаемый раскатами хохота капита-

на И.С. Лобанова: он большой поклонник не только бильярда, но и Бахуса и всегда — «душа компании».

Время незаметно переваливает за 10 часов. Начинается разезд гостей: кто едет домой, а кто... и дальше... покутить. Мне повезло: узнав, что я никогда не видел игру в рулетку, меня пригласил поехать с ним к Фаррэну (в западный район Сеттльмента) помощник начальника полиции, Самсон, и личный секретарь начальника полиции, Эйерс. Мы не только хорошо провели у Фаррэна время, но я даже немного выиграл: ведь новичкам всегда «везет». От Фаррэна заехали в Русское офицерское собрание на «рюмку водки-посошок», и только около 2 часов ночи мои любезные компаньоны завезли меня в казарму отряда, а сами отправились по домам.

Полная непринужденность и взаимная благожелательность были лейтмотивом этого обеда: встретились в первый (и казалось, не в последний) раз новые сослуживцы, с доверием относившиеся друг к другу. Это были европейцы, говорившие на разных языках, но совместно несшие службу по охране жизни и имущества европейцев на Международном Сеттльменте Шанхая.

8 мая 1942 г. 6 часов 30 минут вечера. Та же обстановка, те же «хозяева» (командир и офицеры отряда), но гости «смешанные», да и одеты они не так, как бывало прежде: уже нет красочных парадных форм («месс дресс»), принятых в английской армии (и в Ш.В.К.) и в Ш.М.П. Все одеты в «строевую» (первого срока) полицейскую форму, а начальник полиции, его помощник и некоторые из старших офицеров-японцев — в штатском платье.

Как и прежде, дружно заходят и здороваются с нами англичане — офицеры полиции, но и в их взглядах, и в их разговорах видна и чувствуется какая-то тревога и смущение. Медленно, с большим достоинством (победители!!), с любопытством оглядывая незнакомую им еще обстановку, заходят полицейские офицеры-японцы. Офицеры отряда стараются втянуть их в общую беседу и занять, но это плохо удается, несмотря на то что многие из них «старослужащие» и прослужили уже много лет в японском отделе Ш.М.П. Главная причина та, что они или почти совсем не пьют, или пьют очень мало и поэтому остаются... «японцами среди европейцев», а не «просто людьми».

Приезд начальника полиции, Ватари (дипломатический чиновник, не имевший ранее никакого отношения к полицейскому ведомству), и его старшего помощника (фактического начальника полиции), жандармского майора Гото, еще более усложняет обстановку: Гото, очень строгий и требовательный начальник, не пьет совсем, а Ватари пьет очень мало. В коридоре отрядный струнный оркестр встретил Ватари и Гото япон-

ским маршем «Айкоку», это им, по-видимому, очень понравилось. В дальнейшей программе оркестра было еще несколько японских мотивов, слушая которые они как-то оживились и немного сдавали в своей замкнутости и напыщенности.

За обеденным столом сидели вперемежку, соблюдая «местничество» (по занимаемому положению), конечно, по карточкам, согласно плану, утвержденному «новым начальством». Обед прошел скучно и очень быстро под предлогом того, что сразу после обеда нужно было идти смотреть бокс, организованный на нашем отрядном ринге. По окончании бокса — «короткий дринк» в «Оффисерс месс», и гости-японцы быстро разъехались по домам, но остался кое-кто из англичан, которые задержались довольно долго, задушевно беседуя о прошлом и строя надежды на лучшее будущее: в настоящем для них ничего хорошего не могло быть.

Так прошел наш «парадный обед», имевший целью сблизить «несближимое», и познакомить большое японское начальство с офицерами отряда и с отрядом вообще, и создать хорошее впечатление об этой части, попавшей к ним на службу, хотя и совершенно невольно.

По-видимому, вторая цель была достигнута, так как в дальнейшем, несмотря на печальные события, имевшие место в отряде в ближайшие же дни, японское начальство относилось к отряду благожелательно и даже, до некоторой степени, доверяло его командиру, офицерам и чинам, поручая «щекотливую» и ответственную работу, на которую они не допускали даже своих сторонников-китайцев. Но об этом будет рассказано по ходу истории, в дальнейшем.

Советской пропаганде, по-видимому, уже удалось создать значительные «кадры» просоветских в среде рядовой части чинов отряда. Эти кадры сумели составить группу из «горячих голов», которая решила бежать не только из отряда, но и из Шанхая вообще, прорваться через японское окружение и поступить в 4-ю Чункинскую коммунистическую китайскую армию, которая оперировала против японцев где-то в провинции недалеко от Шанхая.

10 мая (т. е. через два дня после нашего «парадного обеда и бокса») утром сержант-майоры рот доложили своим командирам о победе целой группы своих подчиненных. Бежало шесть человек. Неизбежный рапорт в штаб полиции, опросы, допросы, приезд японского начальства... а 19 и 21 мая японская жандармерия неожиданно прибыла в казарму отряда и арестовала 12 человек чинов разных рот. Отряд попал в орбиту наблюдения японской жандармерии, для которой всегда и везде должны были быть «открыты все двери».

Удалось ли беглецам добраться до китайской армии — не знаю (по слухам, они были пойманы и расстреляны японцами), но они оказали плохую услугу отряду, не принеся никакой пользы и противояпонской стороне. Они своим глупым поступком пошатнули положение тех почти четырехсот русских, которые получали возможность жить не голодая и кормить свои семьи в начавшем уже бедствовать Шанхае, в то же время выполняя свой долг по охране Международного Сеттльмента.

Те слабые следы появлявшегося доверия к отряду, которые удалось установить начальнику отряда в создавшейся после захвата японцами Шанхая обстановке, были стерты этим поступком неразумных людей, и понадобились многие месяцы новых усилий, упорной работы, жутких нервных переживаний и дипломатической способности начальника отряда, майора Иванова, чтобы снова заслужить доверие к отряду со стороны «хозяев» и сохранить этот отряд до конца войны.

Только непреклонная воля, чувство долга и ответственности за порученный ему отряд, такт и дипломатичность майора Иванова дали возможность четырем (а позднее даже пяти) сотням русских людей пережить тяжелый период войны довольно сытыми, одетыми и в то же время занятыми полезным делом. Не будь майора Иванова, я думаю, отряд был бы расформирован японцами: ведь побег к врагу японцев группы чинов отряда был вполне достаточной для этого причиной, тогда кадры шанхайских безработных и нищих увеличились бы в своем составе.

О роли начальника отряда, майора Семена Дмитриевича Иванова, в этот тяжелый период жизни отряда мною будет сказано в конце моей «Истории», но я не могу сейчас, перед тем, как описывать дальнейший ход событий в жизни и службе полка (отряда) в 1942 г., не сделать этого замечания, так как многое в дальнейшем может показаться странным, даже унижительным, но к этому вынуждала обстановка и происходившие события.

Начальник отряда жертвовал собой, брал на себя всю ответственность, не только перед настоящим, но и перед будущим начальством, даже унижался, спасая свой отряд — наш Русский полк. Честь ему за это и хвала!! По окончании войны вышедшие из лагерей англичане поняли и оценили поведение майора Иванова, его самопожертвование в целях сохранения отряда и остались с ним в прежних дружеских отношениях. К сожалению, нельзя этого сказать про некоторых чинов отряда, переживших благополучно период войны только лишь благодаря своему командиру, среди них нашлись голоса осуждения. Да будет им стыдно! А мы должны разъяснять этим людям их заблуждение.

Чин полиции, находясь на службе, облечен особым доверием властей, и ему даны права, о которых не может даже и мечтать «простой смертный». Но, наравне с этим, он всегда подвержен контробвинению, клевете и ложному доносу со стороны местного населения, в особенности если данный полицейский не особенно «жалуется» этим населением благодаря своей строгости и требовательности. Обыватель-китаец всегда был готов поставить полицейскому «каждое лыко в строку» и никогда не упускал удобного случая, чтобы это сделать.

Самым слабым местом полицейской службы было «превышение власти» и «взятничество». Если против первого обвинения полицейский кое-как и мог себя оградить, сославшись на создавшееся положение или на поведение арестованного, то от обвинения во взятничестве оградиться было гораздо труднее.

В Китае того периода времени фактически вся жизнь была построена на взятке: взятки помогали получить контракт с торгов, взятка помогала получить службу или работу, взятка зачастую освобождала от ареста и т. д. Попавшийся нарушитель порядка легко мог заявить на полицейской станции, куда его привел полицейский для наложения штрафа или ареста, что полицейский взял с него взятку, но, не удовлетворившись суммой ее, привел теперь на станцию. Не дай Бог, если в кармане такого полицейского оказалась бы какая-либо сумма денег: в таком случае взятничество если даже и не было бы доказано, то полицейский оказался бы «на подозрении во взятничестве». Ведь свидетелей предложения и приема взятки, конечно, быть не могло. Полицейские правила строго требовали, чтобы чины полиции, находясь на службе, не имели при себе денег или посторонних ценных предметов, так как это могло их дискредитировать в случае обвинения во взятничестве.

Конечно, без взятки в шанхайской муниципальной полиции не обходилось, наверное, и чины отряда не представляли из себя исключения, но неприязненное отношение китайской толпы к полицейским-европейцам (в данном случае русским) повлекло за собой ненормально большое число обвинений в вымогательстве и взятничестве, якобы допущенных чинами отряда. Штаб полиции, получая об этом рапорты с полицейских станций, немедленно «ставил на вид» начальнику Русского отряда недостойное поведение его чинов. Это было позорно. Сначала аресты, потом жандармский надзор, недоверие к отряду, а теперь еще и недостойное поведение!!

Строгие приказы по отряду, разъяснения и специальные занятия мало помогали, так как дисциплина падала все ниже и ниже: чисто полицейская «вольная» служба и почти полное отсутствие строевых

занятий благоприятствовали этому явлению. В подрыве дисциплины, по-видимому, немалую роль сыграла также и советская пропаганда, которая все шире и шире охватывала отряд и все глубже и глубже проникала в его толщу. Уже через два месяца после арестов, произведенных в отряде японской жандармерией, начальник отряда узнал, что среди чинов отряда ведется пропаганда в пользу Советов: чинов отряда подбивали на переход в совподданство. При этом предлагалось посредничество «хороших знакомых», которые якобы могли обделать это дело легко — ведь советский в то время был «друг» и союзник англичан и американцев, а белый русский эмигрант был «ничто», просто «пешка», которой японцы же распорядились, как хотели.

В августе месяце в помещении отряда у чина 4-й роты (волонтера Рубанова) была обнаружена советская литература, которая, согласно положению, руководившему жизнью отряда, являлась запрещенной. Начальнику отряда необходимо было прекратить это ненормальное и опасное явление, не доводя об этом до сведения японцев. Но мягкие способы, в виде лекций, приказов и бесед с людьми, не действовали на уже сильно распропагандированную массу чинов отряда, поэтому пришлось прибегнуть к системе регулярных и неожиданных обысков «семейным порядком», без участия японцев. Обыски эти проводились сержант-майорами рот и взводными сержантами в присутствии всех офицеров рот и самих чинов. Это «самообыскивание при свидетелях» было неприятной, но необходимой мерой, вызывавшейся обстановкой данного момента.

«Служба на улице» полицейского-европейца (русского) становилась все более и более сложной, так как китайская толпа, распропагандированная японцами, всегда готова была ущемить самолюбие «белого дьявола» (европейца), и если грубость и наглость китайца не выходила из рамок «простого оскорбления словами», то китаец оставался ненаказанным, даже будучи приведенным на полицейскую станцию для разбора дела.

«Азия для азиатов» и в особенности для тех, кто принял и присоединился к движению «нового порядка в восточной Азии», введенного и проводимого в жизнь японцами, искавшими себе союзников в китайской массе населения. Европейец, даже служащий городского совета, имел меньше прав, чем китаец-кули, выразивший свою рабскую покорность победителям-японцам и пошедший с ними по пути кооперации и сотрудничества.

Особенно часты и неприятны были столкновения с чинами Гао-чиа, которые почему-то вообразили себя «тоже полицейскими» и очень часто мешали чинам отряда на уличной службе, становясь открыто на

сторону нарушителей порядка — китайцев и всячески препятствуя русским полицейским в применении ими законной силы против нарушителей закона. Иногда эти столкновения заканчивались тем, что полицейский-европеец вынужден был арестовать такого чина Пао-чиа и привести его на полицейскую станцию или «рапортовать» на него по смене с дежурства на соответствующей полицейской станции.

Японцы, получавшие от Пао-чиа действительную помощь (ибо эти Пао-чиа невольно, даже, может быть, против их желаний, но лишь в силу созданной системы, охраняли японцев от китайских же террористов), неизменно становились на сторону этих Пао-чиа, и арестовавший нарушителя закона — чина Пао-чиа полицейский-европеец зачастую получал незаслуженный выговор. Бесконечные инструкции и распоряжения штаба полиции по этому поводу доходили даже до абсурда, требуя, например, в случае необходимости ареста чина Пао-чиа «вежливо сопроводить его» на полицейскую станцию, но не арестовывать. На станциивиновный неизменно оставался оправданным и, «одержав победу» над полицейским-европейцем, в следующий раз становился еще наглее и нахальнее.

С падением дисциплины в отряде участились случаи недобросовестного отношения к служебным обязанностям, чему особенно способствовала самостоятельная (без наблюдения начальника) служба на одиночных постах. С полицейских станций все чаще и чаще стали поступать жалобы на чинов отряда, уходивших со своих постов еще до смены и «рапортовавших» на полицейских станциях «о смене» еще задолго до положенного времени. В этот промежуток времени районы постов оставались без полицейского наблюдения. На вполне естественные замечания дежурных по станции инспекторов или сержантов о преждевременном уходе с постов многие из чинов отряда отвечали грубостью, что, в свою очередь, вызывало грубость со стороны дежурного по станции. Многие из чинов отряда, приходя с рапортом на полицейскую станцию, не приветствовали дежурных по станции и даже начальников станций, которые все чаще и чаще стали жаловаться на недисциплинированность чинов Русского отряда, на их небрежное несение службы и неряшливость в одежде. Явление, совершенно неслыханное еще год тому назад, когда Русский отряд был украшением полиции и самой дисциплинированной его единицей. Отношения между чинами отряда, несшими службу «от полицейских станций», и дежурными по этим станциям (инспектора и сержанты) с каждым днем все ухудшались и ухудшались, что вредно отражалось на службе и положении отряда, создавая невыгодную репутацию ненадежной части.

Война, происходившая на Востоке, требовала от японцев большого количества «металла», и они его искали везде, где только можно... и в любом виде. К концу войны, например, была снята трамвайная линия вдоль Бродвея, убраны многие металлические памятники, в том числе и памятник А.С. Пушкину, украденный, по-видимому, китайцами с целью продажи его японцам, но они не успели этого сделать до окончания войны, и после войны этот, исключительно уродливый по своей архитектуре, памятник снова появился в одном из парков на Французской Концессии. Частные автомобили, стоявшие без движения ввиду отсутствия газа, реквизировались или скупались японцами за бесценок, как «лом», расплющивались в особых прессах в металлическую массу и переправлялись на заводы в Японию для переделки в снаряды и орудия. Японцы скупали весь железный «лом» по довольно хорошей цене, и находчивый китаец-безработный нашел в этом выгодную статью дохода: на улицах города участились пропажи железных, стальных и особенно медных частей от муниципальных установок. Особенно страдали пожарные гидранты, имевшие много медных частей. В результате неисправности гидранта пожарная команда лишена была возможности своевременно прекратить вспыхнувший в данном районе пожар.

Распоряжения штаба полиции требовали от чинов ее особо внимательного наблюдения за муниципальным имуществом и немедленного ареста воров, но провести эти распоряжения в жизнь было чрезвычайно трудно, так как безработица, голод, невероятно увеличившееся в связи с этим число нищих выбрасывали на улицу все новые и новые сотни и тысячи бездомных и голодных людей, бродивших по городу толпами, готовых на любое преступление, не говоря уже о «такой мелочи», как кража муниципального имущества. Бороться с ними полицейскими мерами было почти невозможно: нужно было устранить первопричину этого ненормального явления — безработицу и голод, но в этом отношении городские власти были бессильны что-либо сделать, так как голодала вся страна, находившаяся под японским контролем.

Наравне с обычными «рядовыми воришками», появились, так сказать, и «художники» этого дела: были, например, случаи, когда воры, под видом служащих муниципальных электрических или водопроводных подстанций, спокойно проходили мимо охранявших эти подстанции чинов полиции, отбирали внутри подстанции все для них ценное и годное для продажи и потом спокойно уходили, заявив наружной полицейской охране, что они берут кое-какие части для ремонта.

Шанхайские «жулики» вообще всегда отличались изобретательностью. Ведь недаром, еще до начала войны на Востоке, в местных газетах появлялись заметки, похожие на анекдоты, но являвшиеся действи-

тельными происшествиями, имевшими место в этом огромном международном городе. Например, кража пулемета с палубы одной из военных канонерок (кажется, американской), стоявшей у пристани на реке Вампу, где-то в районе Вейсайда. А кража стальных часов из зала Смешанного Суда! По этим часам суд следил за временем своих заседаний, а украдены они были во время заседания суда, когда зал заполнен был публикой и чинами полиции.

Но самым забавным случаем, пожалуй, был случай, когда вор-китаец «начисто раздел» европейца — детектива муниципальной полиции, проделав эту «шутку» под видом служащего из «драй клининг» (мастерская химической чистки). Произошел этот случай на Центральной полицейской станции, в самом центре города, против здания муниципальной полиции. Огромное многоэтажное здание Центральной станции и штаба полиции выходило своим фасадом на Фучоу род, около угла Сэчуен род, где был расположен один из самых больших в городе европейских отелей (забыл его название). Позади этих «полицейских» зданий находилась небольшой внутренний двор, в котором располагались гараж, оружейная мастерская и разного рода служебные и жилые помещения для холостых чинов полиции, прикомандированных к штабу и Центральной полицейской станции. Вход в этот двор был только с Фучоу род, через железные ворота, проделанные в нижней части «полицейского» здания. Ворота эти находились под постоянной охраной полицейского-китайца. Европейцы-детективы муниципальной полиции, жившие «в бараках», имели отдельные, очень комфортабельные комнаты и общую «мэсс» (столовую). Имея, по-видимому, связи с комнатным китайцем-боем, обслуживавшим этих детективов, вор знал расположение комнаты «своей жертвы», и в один прекрасный день, заметив, что детектив уехал по служебному делу, он спокойно прошел через ворота, вошел в комнату детектива, собрал все его костюмы и открыто, «на вешалках» вынес их наружу. Встречному детективу-европейцу, соседу «жертвы» по комнате, на его недоуменный вопрос, куда он несет эти костюмы, вор спокойно ответил: «В чистку». Никто не подозревал, что вор может войти и даже «очистить» самое гнездо своего страшнейшего противника — детектива, а вор, в свою очередь, по-видимому, учел, что детектив, этот гроза преступников, был легкой «жертвой» у себя на дому.

Теперь число этих воров и воришек на улицах Шанхая увеличивалось с каждым днем и бороться с ними становилось все труднее и труднее.

В ноябре месяце 1942 г. японцы, по-видимому, уже чувствовали, что они «начинают задыхаться» в военной борьбе, так как их военная промышленность далеко отставала от американской: они начали гото-

виться к контратаке врага. В городе были объявлены и строго проводились в жизнь распоряжения военных властей по «затемнению на случай налета вражеской авиации». Казарма отряда на Рейс-Корсе, согласно этому приказу, была немедленно оборудована специальными светонепроницаемыми шторами на окнах, абажурами на лампах, а в программу занятий введено было обязательное изучение инструкций «по затемнению». Довольно часто устраивались «ложные» учебные тревоги, нарушавшие отдых людей и создававшие большие неудобства в казарменной жизни, так как двигаться и работать приходилось в почти совершенной темноте.

По сигналу сирены «налет» весь город моментально погружался в полную темноту, и в темные безлунные ночи движение по улицам в такие минуты бывало чрезвычайно опасным, а ведь жизнь города продолжала течь своим обычным порядком, несмотря на «затемнение». Эти периоды «затемнения» давали возможность ворами и грабителям успешно и безнаказанно проводить свои «дела». Воровство и грабежи значительно усилились, и полиция была почти бессильна бороться с ними, так как не могла видеть даже того, что происходило в непосредственной близости к постам.

Первый полный год под властью японцев подходил к концу. К концу этого года отряд потерял свой блестящий воинский вид и строгую дисциплину и сделался только лишь «по необходимости терпимой» властями полицейской частью, не заслуживавшей особого доверия этих властей. Нужно благодарить Бога за то, что с 22 февраля 1942 г. отряд был дан под общее командование и управление одному из старших помощников начальника полиции, господину Суказаки, который хорошо знал отряд по его прежней службе в Ш.В.К. и Ш.М.П., ценил его и заботился о нем как мог, всячески помогая начальнику отряда, майору Иванову, в тяжелых случаях своим заступничеством, ходатайством или добрым советом.

Суказаки был одним из инспекторов японского отдела шанхайской муниципальной полиции. Много лет прослужил он с англичанами и под их командованием, поэтому он «научился их понимать», сжился с ними и, оставаясь японцем, в продолжение всей войны не обращался с ними как с врагами, а лишь как с друзьями, оказавшимися в силу стихийных обстоятельств на положении военных противников. Суказаки был японцу-патриот (как и все они), но он не видел надобности «воевать с безоружным врагом» или необходимости разрушать то хорошее, что было создано этим врагом. Он старался только «приспособить» это «проанглийское» к своим «японским требованиям». С этой точки зрения он как нельзя лучше подходил к Русскому отряду. Вре-

мя показало, что Суказаки был «джентльменом», прекрасным работником, хорошим человеком и очень заботливым начальником.

Он занял место господина Робертсона, который до прихода к власти японцев командовал всеми резервами шанхайской муниципальной полиции, ее индусским отделом, всеми тренировочными полицейскими депо и Русским отрядом. С переходом власти в руки японцев Робертсон, как один из самых старших полицейских офицеров Ш.М.П., был, по-видимому, признан опасным для новых властей и поэтому отстранен от занимаемой им должности. Вступивший на его место Суказаки получил «в наследство» от Робертсона чиф-инспектора Ф. Тэтстола, который занимал должность «офицера связи» между отрядом и штабом полиции.

Суказаки оставил Тэтстола на прежней должности, и таким образом отряд не имел в своей казарме постоянно ни одного японца, а связь отряда со штабом по-прежнему поддерживалась через Тэтстола, который проводил в отряде целые дни. Суказаки и Тэтстол между собой были в хороших дружеских отношениях еще по прежней службе в Ш.М.П., и эта комбинация «Суказаки—Тэтстол» много облегчала работу начальника отряда и благоприятно отражалась на жизни самого отряда. Вероятно, не без участия Тэтстола Суказаки начал душой привязываться к Русскому отряду, понимая его положение. Он очень ценил и уважал начальника отряда, майора Иванова, правильно подметив в нем заботливого, но строгого начальника и исключительно добросовестного, энергичного работника, вполне заслуживающего доверие властей. Только благодаря тому, что Суказаки доверял майору Иванову и его помощникам-офицерам, отряд постепенно начал укреплять свое положение. Так закончился 1942 г.

1943 год

Этот период истории Русского отряда тесно связан и зависел от происходивших в то время военных событий, поэтому я считаю не лишним дать краткую сводку этих военных событий, а потом уже, на фоне их, описать жизнь и службу Русского отряда.

Одна русская поговорка свидетельствует: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь», смысл которой можно перевести так: можешь унижать меня и даже обижать словами и угрозами, но не претворяй свои слова в действие. За этот период 1943—1945 гг. Русский отряд не только оказался «горшком» для японцев и китайцев на словах, но и на деле был посажен ими в самую жаркую «духовку», из

которой, по окончании войны, вышел полуживым. С Русского отряда «новые хозяева» содрали не только «семь шкур» (что, по правилам, не полагается делать), но вместе с этими шкурами прихватили и мясо, оставив к концу войны почти голый скелет.

Начало 1942 г. еще несло военные победы японцам: 22 января 1942 г. они взяли остров Рабаул и 8 марта высадились на Новой Гвинее, непосредственно угрожая самой Австралии, которая в то время была почти беззащитной, так как большая часть ее, и без того малочисленной, армии действовала совместно с англичанами на Европейском или Африканском театре войны. Японская авиация безнаказанно делала налеты на северную оконечность Австралии (порт Дарвин), а японские подводные лодки спускались далеко к югу и даже входили в Сиднейскую гавань. По требованию премьер-министра Австралии, указавшего на огромную и вполне очевидную опасность, угрожавшую этой стране, австралийские части были оттянуты из Африки и переброшены в Австралию.

Хотя и с большой задержкой и весьма неохотно, но Америка согласилась послать в Австралию некоторые из своих сухопутных частей, а равно и часть своего морского и воздушного флота: этот флот нужен был в Европе, где готовились к высадке на побережье Европы с целью открытия «второго фронта». Только очевидность угрожавшей Австралии опасности принудила англо-американцев «уделить» Австралии часть своих сил. Назначенный главнокомандующим соединенными войсками в южной части Тихого океана, американский генерал Мак-Артур очень энергично взялся за дело и вскоре, совместно с австралийским правительством, сумел организовать достаточные силы, чтобы противостоять японскому захвату Новой Гвинеи.

Уже в мае месяце 1942 г. американская военная авиация начала делать налеты на Японию, бомбила Токио и другие города густо заселенной островной Империи. В ответ на это японцы, почему-то признав это бесчеловечным, ответили жестокой расправой с захваченными в плен американскими летчиками, которые имели несчастье попасть к ним в руки в результате порчи или повреждений своих аппаратов.

4—8 мая 1942 г. соединенный флот американцев, англичан и австралийцев встретил и жестоко потрепал японский военный флот и транспорты, двигавшиеся к Новой Гвинее. Произошло это в Коралловом море. 4 июня 1942 г. американская морская авиация очень удачно «разбомбила», под островом Мидуэй, японскую эскадру, двигавшуюся к Новой Гвинее. Это был поворотный пункт в войне Японии на Тихом океане. Хотя японцы и продолжали еще свои операции по захвату Новой Гвинеи и в июле 1942 г. подошли на расстояние около 30 миль к порту Морсби, но их продвижение было чрезвычайно замедлено и в конце

концов совершенно остановлено, главным образом благодаря героизму и мужеству частей австралийской армии, поддержанных американцами.

Почти одновременно с этим, в мае 1944 г., англичане (14-я армия генерала Слима) перешли в контрнаступление и к декабрю месяцу вытеснили японцев из Бирмы. 20 октября 1944 г. американцы захватили остров Лейте, самый большой из группы Филиппинских островов, и вскоре высадился на Филиппинах. Установился объединенный фронт союзников, повсеместно перешедших в наступление против японцев.

1 декабря 1943 г. в Каире президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Англии Уинстон Черчилль обсуждали вопрос о будущих границах Японии, в предвидении предстоящего ее полного военного разгрома. На этом совещании, по-видимому с целью большего поощрения китайцев к продолжению борьбы с японцами, был разрешен вопрос и об «иностранных концессиях в Китае». В результате этого совещания все «договорные» порты китайского побережья, находившиеся в ведении и под управлением европейских держав после неудачных войн Китая с этими европейскими странами в начале XIX столетия, были переданы Китаю. Рузвельт и Черчилль отказались от суверенных прав Америки и Англии на эти порты и иностранные концессии.

По букве этого договора, Шанхай переходил обратно во владение Китаю, и Международный Сеттльмент этого города прекращал свое существование как независимая от Китая единица. Этим правом, конечно, немедленно воспользовались японцы, управлявшие в это время Шанхаем: Международный Сеттльмент Шанхая (а потом и Французская Концессия) были немедленно переданы японцами «официальным и законным хозяевам» — «марионеточному правительству» Ван Чин-веля, который фактически был лишь пешкой в руках японцев. Международного Сеттльмента не стало, не было поэтому и надобности в его особом самоуправлении.

Высадившиеся на Филиппинах американские войска, действуя совместно с англичанами и китайцами, повели наступление на японцев в глубь Китая. Американская военная авиация делала глубокие и смелые налеты, поражая тылы японцев. В орбиту действий этой авиации попал, конечно, и Шанхай, являвшийся одним из крупнейших центров, через которые шло снабжение японской армии.

В конце 1944-го и начале 1945 г. (до окончания войны) эти американские воздушные налеты очень участились и заставили японцев прибегнуть к недозволенной военной этикой хитрости: прикрываться мирным населением, как щитом. Дело в том, что американцы, при налетах на Шанхай, ставили себе целью разгром военных складов и установок японцев и не хотели наносить вред мирному населению (в

особенности европейцам), почему и избегали бомбардировки таких целей, как предприятия общественного пользования (электрическая, водопроводная и газовая станции), обслуживавших нужды местного населения.

Отлично налаженная американская «интеллидженс» в Шанхае давала им точные сведения и о местонахождении лагерей, за проволокой которых сидели американцы и англичане. Это были «безопасные» в смысле бомбежек места, и японцы учли это обстоятельство, прикрываясь от американских воздушных бомб этими пунктами, как щитом: вплотную к электрической, водопроводной и газовой станциям японцы расположили свои военные склады, считая, что ни один летчик-американец не рискнет сбросить бомбу на эти склады, опасаясь возможной ошибки «в прицеле». Однако японцы ошиблись в своих расчетах: точность стрельбы американской военной авиации была идеальна и летчики сбрасывали свои бомбы на японские военные склады, не причиняя вреда предприятиям общественного пользования. Был лишь один случай, когда одна из сброшенных бомб упала во двор электрической станции.

Японцы, однако, применили тогда другой способ: они стали освобождать от жильцов нижние этажи больших зданий-апартаментов, занимаемых европейцами, и использовали освобожденные помещения под свои военные склады. Наличие мирного населения — европейцев в верхних этажах этих зданий обеспечивало японцам хранение военных грузов, включительно до снарядов и патронов, в этих своеобразных апартаментах-складах. К концу войны, например, они поставили в нижнем этаже здания Рейс-Корса, где была наша казарма, свои танки.

Концентрационные же лагеря, в которых сидели англичане и американцы, они начали перебрасывать с места на место; по-видимому, они хотели, чтобы лагеря эти пострадали от бомб своей собственной авиации. Но этого не случилось, так как американская агентура в Шанхае была хорошо налажена и своевременно давала знать о всех происшедших переменах.

Был, однако, один случай, который для меня и до сих пор является загадкой: весной 1945 г. американские военные летчики забросали бомбами район Вейсайда около Чао-Фунг род, где в специальном «гетто», за колючей проволокой, жили еврей-беженцы из Германии, приехавшие в Шанхай еще в 1940 г., спасаясь от преследования гитлеровских нацистов. Рядом с этим «гетто», на Чао-Фунг род, был расположен большой японский военный склад. «Ошибка» летчиков (если это была ошибка) в данном случае была невероятно велика: они забросали бомбами очень большой по размерам район «гетто», в котором погибли многие сотни

евреев-беженцев. Весь Русский отряд, вызванный по тревоге немедленно после бомбардировки, в течение двух-трех дней очищал этот район, вывозя убитых и раненых и расчищая улицы, заваленные обломками строительных материалов, мебели и проч. Картина этого непонятного разгрома была ужасна.

Американские воздушные налеты, несмотря на их серьезность, невольно вызывали улыбку жалости и сострадания в отношении японцев: американцы просто играли с ними, как «кошка с мышкой». Американская авиация была неуязвима, так как благодаря высоте ее полетов малокалиберная японская зенитная артиллерия не могла добросить своих снарядов до цели и они рвались в небе, густо покрывая собою довольно большие площади, почти на половине дистанции. Эти снаряды, наверное, просто вызывали смех у американских летчиков.

Вслед за сиренами, подававшими сигнал о «налете», слышался обычный гул японских военных самолетов, на низком полете уходивших со своих аэродромов (Хань-чжао, Кيانгван и др.) куда-то в «провинцию», спасаясь от американского разгрома. Это не была, конечно, трусость японцев (позднее они доказали как раз противоположное, создав свои «камикадзе»), но они понимали, что со своей устаревшей техникой они, конечно, не могли бороться в Шанхае с мощной современной американской авиацией.

С изменением военной обстановки на фронте менялась и служба Русского отряда, менялись требования, к нему предъявляемые, и, в конце концов (после Каирского договора), даже наружный его вид. Чины отряда, выходя на «уличную службу», по-прежнему были вооружены пистолетами Кольта или винтовками (если несли службу на барьерах и рогатках, пересекавших улицы в особо важных пунктах), но постепенно эта служба из чисто полицейской (так сказать, «строевой полицейской») патрульной службы переходила на охрану и поддержание порядка в «рисовых очередях» и регулирование уличного графика.

Еще до начала налетов американской авиации все чины отряда прошли курс «противовоздушной обороны» и даже обучали этому «искусству» чинов Пао-чиа. Пришлось изучить также и пожарное дело, т. е. обращение с пожарными машинами, и к концу 1944 г. главным назначением отряда, по-видимому, уже считались помощь пострадавшим от воздушных налетов и тушение пожаров, возникших в результате этих налетов. Для этой цели в казарме отряда всегда должны были находиться «наготове» не меньше пяти офицеров, почти половина состава людей и перевозочные средства.

Опишу вкратце жизнь и службу отряда в этот тяжелый военный период.

К 1943 г. полиция всего «Великого Шанхая» разделялась на три «Полицейских бюро»: 1-е бюро — это был бывший Международный Сеттльмент (центральная часть Шанхая), 2-е бюро — район Хонкью и китайская часть города, прилетающая к нему в северной части города, и 3-е бюро — район Французской Концессии и западный район Сеттльмента. Японцы стояли в главе этих Полицейских бюро, зачастую имея своими помощниками англичан и французозов, бывших служащих муниципальной полиции Сеттльмента и Французской Концессии.

Организация Русского отряда оставалась прежней: три роты по четыре взвода в каждой и команда штаба отряда, в которую входила команда шоферов, обслуживавших собственный транспорт отряда (около двадцати «шевролетов»-транспортеров, один «ютилити» и пара мотоциклов с «корзинками» сбоку). Кроме того, в отряд было выдано довольно большое число велосипедов, за которыми наблюдали чины «шоферской команды». Чины и звания остались прежними, а равно и форма Ш.М.П.

В штабе 1-го бюро полиции произошли некоторые изменения чисто наружного характера: наш «прямой начальник» Суказакки получил наименование «Контролирующего офицера Русского вспомогательного отряда». Чиф-инспектор Ф. Тэтстолл по-прежнему оставался «офицером для связи».

Шанхай, отрезанный войной от всего мира, начал терпеть нужду положительно во всем. Особенно острый недостаток чувствовался в одежде и обуви, замены которым не было. Шанхай мог дать бумажные материалы, но сукно и резина шли из-за границы, связи с которой не было после военных неудач японцев на море. Поэтому особое внимание было обращено начальником отряда на бережное хранение и разумную носку казенного обмундирования, которое теперь уже не шилось заново каждому вновь поступающему, а переходило ему «по наследству» от уволившегося со службы чина отряда или же получалось с полицейского склада старого обмундирования.

К 1943 г. японцы захватили в свои руки уже большую часть Китая, но они не могли чувствовать себя полными хозяевами этой огромной страны: Северная Маньчжурия (с марионеточной империей «Маньчжоу-го»), находившаяся в соседстве с СССР, потребовала от японцев огромного числа лучших по своему качеству войск, так как японцы видели в своем соседе СССР неизбежного военного противника. Филиппины, Малайя, Бирма требовали все новых и новых подкреплений войсками. Поэтому японцы имели возможность держать лишь сравнительно малочисленные гарнизоны по большим центрам расселения внутри Китая, где почти беспрепятственно продолжали работать парти-

занские отряды китайской коммунистической армии, которые подходили иногда даже к предместьям Шанхая (район Путунга). Агенты этой коммунистической армии были везде. Конечно, были они и в Шанхае. Радио — этот идеальный способ сообщения — широко использовался коммунистическими агентами, и поэтому японцы вынуждены были принять строгие меры, чтобы сократить до минимума (уничтожить совершенно им не удалось до самого конца войны) возможность связи Шанхая с враждебными им силами.

Японскими властями объявлена была регистрация всех радиоаппаратов, большинство из них было отобрано (без вознаграждения) и сложено в особые склады «на хранение». Только устаревшие, маломощные аппараты, да и то лишь после соответствующих переделок, еще более ослабивших их силу, были оставлены на руках у населения. Незарегистрированный радиоаппарат влек за собой строжайшие преследования и арест японской жандармерии.

Всех жителей города обязали зарегистрироваться и получить особые «резидентские карточки» — удостоверения личности. При этом европейцам, желавшим переменить свое подданство (на китайское?!), предлагалось сделать это через «специальный отдел полиции», который следил за политической жизнью города.

Стоимость денег падала катастрофически, жалованья не хватало, поэтому случаи вымогательства и взяток среди чинов полиции сильно увеличились. Японцы по своей натуре исключительно честный народ, они не терпят воровства и вымогательства. Недаром говорят, что в Японии еще недавно существовал обычай обрубить пальцы на руке вора, пойманного при совершении кражи.

В шанхайской полиции, в особенности ее китайский и индусский отделы, никогда не гнушались взятками, пользуясь своей формой и положением. Налагавшиеся же за взяточничество наказания, по-видимому, не были достаточно строги, поэтому японцы значительно усилили их и в то же время ввели в практику награждение деньгами «за хорошую службу». В Русском отряде, как и на других полицейских станциях, появились особые «наградные комиссии», которые следили за распределением денежных наград.

Скудность получаемого жалованья толкала некоторых из чинов отряда на разного рода ухищрения с целью повысить свой заработок: так, например, женившийся чин отряда получал особый аванс на жену, поэтому число браков увеличилось. Но бывали случаи, когда повенчавшийся, с ведома начальства, у адвоката, что считалось законным, чин отряда немедленно же, но уже без ведома начальства, разводился у того же адвоката и продолжал получать «семейный аванс».

Случайно натолкнувшись на такой случай, начальник отряда вынужден был установить оригинальный способ поверки семейного положения женатых чинов отряда, получавших семейный аванс; вначале каждые три месяца, а потом один раз в шесть месяцев муж — чин отряда — и его жена должны были вместе являться в штаб отряда к помощнику начальника отряда, майору Степанищеву, и подписывать особую декларацию, удостоверявшую их «семейное состояние». Эти «смотрины» вызывали немало улыбок со стороны рядовой массы чинов отряда, но имели положительный результат.

14 апреля 1944 г. наша полковая переносная церковь, в казарме на Рейс-Корсе, была утверждена епископом Иоанном Шанхайским как «домовая церковь» полка, во имя Святителя Николая Чудотворца Мирликийского и приписана к архиерейской церкви для обслуживания ее нужд. Священник протоиерей Сергей Бородин был назначен, как постоянный священник, для обслуживания духовных нужд отряда. Сам владыка Иоанн, как правило, один раз в месяц обязательно посещал казарму отряда и вел духовную беседу с чинами, свободными от служебного наряда, а потом пил чай с господами офицерами в «Оффисерс месс».

Отряд постепенно, все более и более, терял свой прежний блестящий воинский вид, и уже не было того образцового порядка, который царил в казарме Русского полка Ш.В.К. Люди приходили из наряда всего лишь на несколько часов отдыха и снова уходили на службу, поэтому установленную по прежнему уставу ежедневную «выкладку всего обмундирования и снаряжения» на постелях для осмотра и поверки начальниками пришлось отменить, и койки стояли заправленными одеялами с утра и до вечера, иногда скрывая под собой пыль и грязь, ранее совершенно недопустимые в казарме полка.

1 августа 1943 г. отдел полиции, которым командовал Суказакки, включавший в себя все полицейские резервы, тренировочные депо, индусский отдел и Русский отряд, был переименован в «Общий полицейский корпус», а сам Суказакки стал именоваться «Директором» этого корпуса и контролирующим офицером Русского отряда.

Как отзвук военных поражений, в Шанхае японцы стремились убрать со службы и как можно скорее запрятать в лагеря еще оставшихся на службе англичан. Попал под эту категорию и наш чиф-инспектор Ф. Тэтстолл. Но и в этом случае Суказакки много помог ему, снабдив большим количеством баночных продуктов, которые хранились потом на отрядном складе и по мере надобности выдавались пасынку Тэтстолла (от его русской жены), который не попал в лагерь вместе со своими родителями. Вместо Тэтстолла, офицером для связи со шта-

бом полиции назначен был один из русских «регулярных» полицейских Ш.М.П. — Роговенко, произведенный «для поднятия престижа» в чин чиф-инспектора. Роговенко проводил в отряде целые дни и, мне кажется, очень помогал начальнику отряда в эти тяжелые годы. Офицеры отряда относились к нему очень дружески и не скрывали от него своих мыслей, говоря о происходившей в то время войне. Роговенко доверяли, считая его «белым русским», но после окончания войны оказалось, что он имел советский паспорт.

В программу полицейской службы и занятий было введено обязательное изучение японского языка, и казарму отряда начали регулярно посещать учителя — большей частью корейцы или китайцы, хорошо говорившие по-японски. Периодически устраивались поверочные испытания, но фактически поверять было нечего, т. к. ученики не показывали особых успехов в этом языке.

Вскоре после заключения Каирского договора 17 декабря 1943 г. Русский отряд был переименован в «4-й Отряд Обще-Полицейского Корпуса». Началась новая эра: японцы передали Сеттльмент (а позднее и Французскую Концессию) марионеточному китайскому правительству Ван Чинвея, которое уполномочило мэра Великого Шанхая взять бывший Сеттльмент под свое управление. Произошли некоторые перемены и в штабе полиции: мэр города «по совместительству» являлся теперь начальником полиции Шанхая. Ватари получил наименование «Главного помощника Начальника Полиции», но фактически всей полицией, как и прежде, управлял скромный на вид японский жандармский майор Гото, по-прежнему остававшийся всего лишь начальником специального отдела этой полиции и ее отдела преступлений.

От нового «начальника», мэра Чен Кунпо, посыпались инструкции и распоряжения, в которых он требовал поднять престиж полиции, прекратить взяточничество и укрепить дисциплину. Приказ, конечно, остался приказом, но все шло прежним порядком.

1944 год

С каждым месяцем материальное положение чинов отряда становилось все хуже и хуже, пища делалась все беднее и скуднее. Начался ропот.

Еще в феврале месяце начальник отряда уже предвидел, что штаб полиции изменит систему довольствия чинов отряда, сняв с себя «головную боль», доставляемую этим сложным в создавшейся обстановке вопросом, и перейдет на систему, практиковавшуюся в «регулярной»

полиции, где холостые полицейские, жившие и столовавшие на станциях, получали специальный аванс на довольствие и сами организовывали свое «артельное довольствие». По-видимому, разговоры об этом уже шли в штабе полиции, и Роговенко рассказал об этом майору Иванову, который решил немедленно принять меры к тому, чтобы распоряжение по этому вопросу не застало его и отряд врасплох.

Он решил заранее узнать мнение своих людей по этому вопросу и, опросом через сержант-майоров рот, выяснил, что огромное большинство чинов отряда смотрит на это положительно. Тогда был отдан приказ о выборе специальной комиссии из чинов отряда, которая разобрала бы этот вопрос в деталях: как организовать собственное артельное довольствие в отряде? Будучи сам очень практическим человеком и экономистом по образованию, начальник отряда немало помог этой комиссии в ее работе своими советами и разъяснениями. К началу марта месяца комиссия закончила свою работу, а в конце марта был получен приказ штаба полиции о переводе Русского отряда на самостоятельное довольствие с 1 апреля 1944 г.

Благодаря предусмотрительности начальника отряда, своевременно проделанная подготовительная работа дала возможность отряду быстро и безболезненно перейти на этот совершенно новый для отряда способ питания людей. С переходом на собственное артельное довольствие ропот прекратился, так как чины отряда «питались сами», через своих выборных артельщиков, и поэтому, в случаях неудовольствия или неудовлетворенности, могли сами исправить положение.

Семейные чины отряда получали на руки деньги на довольствие и столовались дома, получив разрешение уходить домой для обеда и ужина (если в это время не бывали на службе) или приносить пищу с собой, но есть ее обязательно только в столовой отряда. Поездки семейных домой, в штатском платье, стоили очень дорого, так как бесплатно чины полиции могли пользоваться трамваями и автобусами, только будучи в форме. Отпуска же в форме были запрещены. Поэтому начальник отряда возбудил ходатайство перед штабом полиции (через Суказки) и получил разрешение отпускать семейных домой в форме.

К июню месяцу 1944 г. японцы добились того, что правительство Ван Чинвэя получило в свои руки бывшую Французскую Концессию. Русский отряд на Французской Концессии, носивший в то время наименование «5-го Отряда Обще-Полицейского корпуса», получил приказание влиться в состав нашего «4-го Отряда».

Вначале этот приказ вызвал сильное «брожение умов» в бывшем Французском отряде, так как они еще помнили строгую дисциплину Русского полка Ш.В.К., помнили усиленные строевые занятия, кото-

рые были обычным явлением в этой блестящей воинской части, и абсолютный порядок, требовавшийся в полковой казарме. Вспомнили они, конечно, и то, что во Французском отряде они получали большее жалованье, чем чины полка на Сеттльменте, а служба у них была гораздо легче, чем в полку.

Но скоро, однако, здравый смысл и обстановка убедили их, что иного выхода не было: найти службу или работу в Шанхае в то время было совершенно невозможно, 4-й же отряд (бывший Русский полк) имел все еще свое отлично налаженное отрядное хозяйство, дававшее возможность его чинам не голодать и поддерживать свои семьи. Офицерам бывшего Французского отряда также было предложено перейти в 4-й отряд, сохраняя свои ранги. 4 июля 1944 г. «бывшие французы» перешли в казармы нашего отряда на Рейс-Корсе. Они перешли в составе 9 офицеров и 221 чинов, доведя общую численность нашего 4-го отряда до 21 офицера (включая врача) и 437 прочих чинов.

Первый месяц службы для «французов» считался испытательным, и они имели право, по истечении этого месяца, уволиться со службы, если она их не удовлетворяла. К чести «бывших французов» нужно сказать, что огромное большинство из них осталось служить с нами, не убоившись строгостей (жалкие остатки прежней дисциплины Русского полка!!) и порядков, существовавших у нас. Из бывших же офицеров Французского отряда у нас на службе остались лишь трое: лейтенант И.В. Киборт¹⁴⁸, лейтенант Ведерников и лейтенант Шрейдер, прослужившие с нами почти до конца существования отряда.

По давно заведенному командиром полка правилу, каждый из офицеров, помимо своих прямых служебных обязанностей, нес еще и дополнительные обязанности по заведыванию и наблюдению за одним из отделов собственного отрядного хозяйства, и офицеры-«французы», конечно, тоже были привлечены к этой работе, много способствуя успеху ведения этого хозяйства в тяжелые дни и месяцы перед окончанием войны.

С августа 1944 г. налеты американской авиации сделались почти ежедневными: они прилетали и днем и ночью, и нам из нашей казармы, выходявшей одной своей стороной на огромное незастроенное поле Рейс-Корса, видны были в небе их блестящие на солнце бомбовозы и слышался гул их мощных моторов. Обычно через несколько минут после того, как они пролетали над Рейс-Корсом, слышались взрывы сброшенных ими бомб, а потом эскадрильи возвращались обратно, иногда выписывая на небе букву «V» («ви») дымовым следом — «виктори» (победа) было значение этой буквы. Налетчики, по-видимому, хотели

дать знать европейцам, застрявшим в Шанхае, что победа над японцами уже близка.

Японцы усиленно обучали китайское население (через Пао-чиа) мерам предохранения при воздушных налетах, оказанию медицинской помощи пострадавшим и тушению пожаров, вспыхивавших на месте взрыва бомбы. Специальная команда в составе трех офицеров и десяти чинов отряда обучала всей этой «премудрости» чинов Пао-чиа, а они, в свою очередь, учили мирное население города.

Подвальные этажи зданий, кирпичные городские общественные уборные и другие подходящие постройки с помощью мешков с песком превращались в «бомбоубежища», а вдоль тротуаров улиц прорыты были узкие, глубокие канавы-траншеи, в которых можно было укрыться от осколков бомб и снарядов. Население готовилось к тому, чтобы нести как можно меньше потерь в случае сильных налетов или боя под стенами и в стенах города. Об этом уже носились грозные слухи — «японцы будут драться в Шанхае до последнего солдата».

Отпуска для чинов отряда уменьшались все больше и больше, так как отряд обязан был иметь постоянно наготове чуть ли не 50% своего состава на случай вызова по тревоге к месту разрушений или пожаров. Уходившие в отпуск чины отряда получали инструкции в случае налета немедленно возвращаться в свои казармы или идти на ближайшую полицейскую станцию, где поступать в распоряжение начальника или дежурного по станции. Исключению из этого правила подлежали только лишь те, кто находился в «реет дэй», т. е. имел законный полный день отдыха.

При каждом сигнале сирены «воздушный налет» старший из офицеров в казарме отряда на Рейс-Корсе обязан был немедленно рапортовать по телефону в штаб полиции о силе наличного состава команды, готовой к вызову по тревоге. И без того тяжелая служба чинов отряда сделалась еще и нервной: уходя домой на обед или ужин или в отпуск, ни один офицер отряда не имел возможности заранее располагать своим временем, и всегда был начеку, готовый к возвращению в казармы по первому сигналу сирены.

Мне не раз пришлось испытать это «удовольствие» ночью, когда, быстро одевшись в неосвещенной комнате, я должен был в полной темноте ехать на велосипеде по Бабблинг Уэлл род из своей квартиры на Хардун род в расположение казармы на Рейс-Корсе. Я чувствовал, что улица «шевелилась», но, только или дойдя, или подъехав вплотную, можно было разобраться, с кем встретился: с человеком или машиной. Специальная повязка на рукав (белые с вышитыми на них красными трафаретами-иероглифами) давали нам, офицерам отряда,

право движения по улице даже во время налетов, в то время как остальное население обязано было в это время сидеть по домам или в бомбоубежищах и не выходить на улицу до сигнала «отбой».

Наша казарма привыкла постепенно к этой жизни, и в ее затемненных помещениях люди мирно спали, играли в карты, шашки или шахматы, просто разговаривали, гадая, «когда же все это кончится?» и «вызовут ли сегодня или обойдутся без нас и можно будет спокойно поспать ночью?».

1945 год

Лучшим средством подтянуть обучение и дисциплину среди людей является парад или смотр. Поэтому, несмотря на тяжесть службы и тревожное положение, отряду периодически устраивались смотры. Но это были уже не те смотры, на которых полк отчетливо отбивал шаг под звуки духового оркестра, двигаясь за своим гордо развевающимся полковым знаменем — национальным русским трехцветным флагом, вызывая бурные и восторженные овации со стороны многотысячной толпы зрителей, собравшихся посмотреть на «свой Русский полк».

Сейчас, во время смотров, отряд демонстрировал свои познания по противовоздушной обороне, тушению пожаров и оказанию первой помощи пострадавшим на месте разрушений, а потом скромно, вздвоенными рядами, проходил мимо принимавшего смотр начальника под игру своих барабанщиков и горнистов. Но и к этим смотрам все чины относились очень серьезно, усиленно подготавливались в строевом отношении, починяли, чистили и подглаживали свое уже сильно потрепанное обмундирование.

Кроме «начальства», принимавшего парад или делавшего смотр (иногда это бывал мэр Великого Шанхая), обыкновенно присутствовали представители японской армии и флота (в больших чинах), старшие офицеры полиции и представители Пао-чиа. Посторонние зрители не допускались, и смотры эти происходили на поле Рейс-Корса, против нашей казармы. Несмотря на недостаточность строевой подготовки и тяжелую службу, отряд сумел даже в эти тяжелые военные годы заслужить славу хорошо обученной, дисциплинированной и надежной части. В прежние годы в приказе по полку, предварявшем какой-либо смотр или парад, обыкновенно бывала оговорка — «если позволит погода». Теперь в подобном же приказе упоминалось — «если не будет воздушного налета».

В приказах по Русскому полку командир полка, сделав оценку смотра или парада и объявив отзывы по этому поводу начальства и присутствовавших больших чинов, обычно выражал благодарность всем господам офицерам и чинам полка за положенные труды в деле подготовки к смотру и за блестяще проведенный (все смотры полка проходили блестяще) смотр. Теперь такой приказ звучал иначе: например, после смотра, произведенного отрядом мэром Шанхая, Чу Фухаем, 14 марта 1945 г., после благодарности, начальник отряда, майор Иванов, объявил: «Выдать в награду всем участникам смотра по полфунта хлеба на человека к обеду». Если прочесть этот приказ сейчас, то невольно вкрадется вопрос: «Почему хлеба?» Ответ вполне ясен: в 1945 г. вопрос с довольствием в Шанхае настолько обострился, что продукты питания можно было доставать только лишь с большим трудом и за высокую плату. Рацион, получаемый по карточкам, был недостаточен, и «полфунта хлеба» в «награду» были лучшей наградой полуголодным, но дисциплинированным и все еще хорошо обученным людям, которые находили в себе силы поддерживать престиж своей части.

Говоря сейчас об этих тяжелых месяцах 1945 г., невольно вспоминаешь и нашу жизнь вне казармы, в своей личной семье. В холодные зимние месяцы, когда промозглая, гнилая и холодная шанхайская погода промачивала и промораживала человека до костей, когда в штабе отряда, например, мы работали сидя в шинелях, фуражках и перчатках, когда в промерзшем «цементном ящике-казарме» не топилась ни одна печь и люди целые дни проводили одетыми в шинели, у семейных чинов отряда невольно появлялась мысль: «А что сейчас делается у меня дома?» Там было не лучше, а зачастую много хуже.

В целях экономии топлива японцы вынуждены были срезать нормы электрической и газовой энергии. Установленной нормы обычно не хватало для приготовления пищи, не говоря уже о горячей ванне... о ней просто нужно было забыть. Чугунные печурки появились в каждой квартире, но топить их зачастую было нечем. Изредка, по рационным карточкам, выдавался каменный уголь, но это был скорее «камень», но не уголь, да и выдавался он в очень небольшом количестве. «На вольном рынке» можно было купить «брикет», но изобретательные торговцы-китайцы делали этот брикет почти из чистой золы и глины лишь с небольшой примесью угольной пыли, и он поэтому не горел.

Чины полиции изредка получали, через штаб полиции, рис и брикет, который уносился ими домой, и это считалось большой привилегией для служащих городского управления. Покупка мяса на базарах «полуфунтами» (а не фунтами) являлась вполне нормальным явлением. Хлеба было мало, выдавался он по рационным карточкам и был

плохого качества. Бутылка свежего молока для ребенка являлась большой роскошью. Коровьего масла не видели уже в течение многих месяцев и пищу готовили на вонючем китайском бобовом масле очень плохой очистки.

Шанхай мерз и голодал, но старался жить нормальной жизнью: такова уж, по-видимому, натура человека: ходили друг к другу с визитом, в гости, на именины. Только раньше, бывало, идя на именины, мы несли «герою дня» богатые и разнообразные подарки, не задавая себе вопроса: «А что подарят ему другие?», «Не будет ли дублирования?». Теперь же, отправляясь на именины, просто по привычке «жить», мы обычно сговаривались между собой, что подарить имениннику или имениннице. «Осьмушка» кофе, маленькая шестиунцевая баночка консервированного молока, полфунта сахара — это были подарки, которые украшали именинный стол чашкой горячего кофе, который мы сами не видели уже в течение многих месяцев. Ирония судьбы — этот же кофе с баночным молоком свободно распивали рикши, которые иногда зарабатывали больше, чем чины отряда, стоявшие на охране порядка и закона в городе.

Болезни, главным образом в результате недоедания и холода, развивались стихийно, и Дженерал Госпиталь перестал принимать больных. Отряд создал свой лазарет, в котором проходили лечение чины отряда, и только в самых тяжелых случаях больные отправлялись в госпиталь.

6 августа 1945 г. была взорвана первая атомная бомба в Японии, над городом Хиросима, а 9 августа — вторая бомба над Нагасаки. Этим ужасным и бесчеловечным способом Америка ускорила военную борьбу на Тихом океане, фактически ими уже выигранную. Приблизив конец войны, атомная бомба спасла от смерти и увечий тысячи солдатских жизней, но зато убила и искалечила десятки тысяч мирного населения, стариков, женщин и детей, и разрушила их жилища. Такой способ войны едва ли оправдывался обстановкой данного момента.

Война закончилась. Все еще стойко сопротивлявшиеся на фронтах японские армии получили приказ Микадо сложить оружие и сдаться на волю победителей. Превосходство американцев в военной технике, в особенности в авиации, обещало еще не одну такую атомную бомбу, которая могла бы стереть с лица земли всю Японию, и Император Японии приказал прекратить сопротивление на фронте.

9 августа 1945 г. японцы приняли американские условия о сдаче, и война на Тихом океане прекратилась, но она продолжалась еще некоторое время в Северной Маньчжурии, где советские войска коварно напали на японцев, объявив им войну 8 августа, т. е. через два дня

после «Хиросимы» и за день до «Нагасаки». До этого трусливо выжидавший советский шакал теперь коварно напал на уже полумертвого японского тигра и начал его рвать на части.

Весть об окончании войны в Шанхае распространилась почти немедленно. Высадка американских представителей, которые сбросили где-то в районе Ханьчжао «джип» и приехали на нем в Хамилтон-отель (в центре Сеттльмента, против здания муниципалитета), где и обосновали свой штаб. По лицам японцев было видно, что они морально убиты происшедшим, но по виду ничто не изменилось: на улицах города поддерживался прежний порядок и жизнь населения текла своим чередом.

В дальнейшем события менялись как в калейдоскопе: японцы свозили на поле Рейс-Корса свои танки, танкетки и грузовики, готовя их к сдаче американцам. Японцы уже безоружны. Они сознательно портят свои машины, обращаясь с ними исключительно небрежно. На улицах города появляются американские военные машины. В назначенный день (не помню даты) в город «официально» вступают союзники: первыми проходят китайские войска, восторженно встречаемые китайской толпой, за ними появляются американцы. В городе бесчисленные демонстрации «победы». Одна из этих демонстраций проходила мимо нашей казармы по Мохаяук род. В голове этой демонстрирующей толпы, окруженный китайскими, американскими и английскими флагами, с советским флагом в руке шел Жиганов — бывший капитан и редактор-издатель альбома «Русский в Австралии». Еще совсем недавно он считался «ярким белым эмигрантом». С ним шла кучка советской молодежи, которая что-то орала, показывая на окна нашей казармы.

Отряд продолжал нести свою обычную службу на улицах, и чины его по-прежнему выходили на службу вооруженные пистолетами «Кольт-38». Сразу же после вступления в город союзников были открыты ворота лагерей, в которых сидели интернированные англичане и американцы. Почти в первый же вечер в нашей казарме оказался Робертсон (наш прежний старший начальник), чиф-инспектор Тэтстолл и еще кое-кто из бывших служащих муниципальной полиции. С ними был какой-то офицер-кавалерист. Слишком скромно (так как мы сами ничего не имели), но очень радушно угощали мы дорогих гостей в нашем «Оффисерс месс». Все были рады окончанию войны, но в наши души невольно закрадывалась мысль: «А что будет с нами теперь? Ведь Международного Сеттльмента уже больше нет. Захочет ли новая китайская администрация держать нас у себя на службе?» Робертсон заверял нас, что мы будем продолжать службу, так как

китайцы пригласили его «советником» по полицейским делам на территории бывшего Сеттльмента и он будет отстаивать «свой Отряд».

Визиты англичан в наш «Оффисерс месс» не прекращались. В один из таких визитов Робертсон, спускаясь по ступенькам трибун к ожидавшей его машине, оступился, упал и сломал себе ключицу. После оказания ему первой медицинской помощи в нашем отрядном околке мы перевезли его в Джeneral Госпиталь, где ему наложена была гипсовая повязка. Робертсон «вышел из строя» по крайней мере на пять-шесть недель и, конечно, не мог уже думать о какой-либо службе. События же в то время развивались чрезвычайно быстро: в городе должна была быть какая-то полиция. Новая администрация Шанхая, ознакомившись со службой и поведением командира, офицеров и всех чинов отряда во время войны, объявила, что Русский отряд остается у них на службе.

Приезжал какой-то «большой представитель» нового городского управления, «осматривал» отряд, «делал строгие глаза», ругал японцев и марионеточное правительство Ван Чинвеля, пел дифирамбы Чан Кайши и, обойдя строй отряда, заявил, что новая администрация вполне удовлетворена службой и поведением всех офицеров и чинов отряда и поэтому оставляет весь отряд у себя на службе, но желающие могут уволиться, если их условия службы не удовлетворят.

Только очень небольшое число чинов отряда воспользовались предложением и уволлись со службы. Отряд получил новую кокарду на свои фуражки: позолоченная «жестянка» с синей гомиьндановской звездой на белом фоне в центре, окруженной колосьями риса. С полицейского склада получили китайское полицейское обмундирование, уже достаточно поношенное. В казарме отряда появился новый «контролирующий офицер» отряда — китаец (забыл его фамилию). Это был один из бывших старших офицеров китайского отдела Ш.М.П., а при японцах он занимал пост начальника полицейской станции Лауза (самая важная по своему значению, расположенная в центре Сеттльмента). Он знал отряд еще по прежней его службе при англичанах и поэтому относился к нам очень хорошо.

Японцы продолжали сдавать свое военное имущество китайцам. Среди этого «имущества» оказалось большое число строевых и обозных лошадей. Несчастные животные, забытые побежденными и победителями, в течение нескольких дней стояли без водопоя и голодными у своих коновязей, где-то в районе Янцепу. От них остались одни скелеты, обтянутые кожей.

Новым начальником полиции бывшего Сеттльмента и Французской Концессии назначен был какой-то китайский генерал, служивший в

кавалерии. Узнав об этих лошадях, он немедленно решил использовать их, создав конную полицейскую часть: будет и красиво, и без особых расходов, и полезно, так как конные полицейские могли патрулировать даже самые отдаленные районы города.

Но где же набрать такое число полицейских, умеющих ездить верхом и обходиться с лошадьёю?! На этот естественный вопрос появился столь же естественный ответ: конечно, в Русском отряде, который в течение своей многолетней службы на Сеттльменте вынужден был не раз менять свое назначение, и всегда очень успешно справлялся с выпавшей на его долю новой задачей. Чин этого отряда был то солдатом, то полицейским, то пожарным, то санитаром и всегда выполнял свои обязанности очень похвально. Начальник отряда, майор Иванов, получил предписание выяснить, сколько человек может дать его отряд для конной полиции, а остальных перевести в специальный резерв полиции для службы пешком, на велосипедах и для выезда по тревоге на наших грузовиках-транспортёрах.

Конная часть оставалась на Рейс-Корсе, а подвижной резерв должен был перейти на Гордон род и занять там помещения полицейского депо. «Конных» оказалось свыше ста человек, и из них были сформированы три взвода: 1-й под командой майора Степанищева с младшим офицером лейтенантом Кротовым, 2-й под командой капитана Красноусова, с младшим офицером лейтенантом Давыдзиковым и 3-й взвод — под командой капитана Гапановича, с младшим офицером лейтенантом Кибортом. Эта конная часть находилась в непосредственном подчинении самого начальника отряда, майора Иванова, при ней же был оставлен и заведующий хозяйством отряда, капитан Шимордов. Все остальные чины отряда, под командой капитанов Поронника и Лобанова, перешли на Гордон род.

Отряд разделился на две, почти равные по своему составу, части и почти потерял взаимную связь, так как не только довольствие, но и служба этих двух половин отряда были совершенно различными. Майор Иванов оставался начальником всего отряда фактически лишь на бумаге. В нашу конную часть назначили какого-то молодого офицера-китайца, как «офицера для связи» и, по-видимому... для наблюдения за нами (комиссар?!). Он не говорил по-английски, но был весьма общителен. Разговаривали мы с ним через китайца-переводчика, которого тоже прикомандировали к нам из штаба полиции.

Первой задачей, выпавшей на долю майора Иванова, был перевод лошадей с Янцепу на Рейс-Корс, не дав им рассыпаться, так как они были полуживыми. Задача была очень трудной, но, как обычно с присутствующей ему тщательностью и предусмотрительностью, майор Иванов

выполнил эту задачу, хотя этот «переход» (приблизительно 5—6 миль) занял почти целый день. Кони немедленно были выпущены на поле Рейс-Корса, где была прекрасная трава, и оставались «в табуне», под наблюдением особых дневальных от отряда в течение почти трех недель, нагуливая тело. Их ловили только лишь для водопоя и потом опять отпускали в «табун».

Приблизительно через три недели их перевели в прекрасные каменные рейс-корсные конюшни, назначив на каждых двух лошадей по одному китайцу-«мафу» для ухода за ними. Чины отряда являлись на все «уборки» лошадей, наблюдая за этими китайцами-мафу. Постепенно втянули лошадей в овес, начали их мыть и чистить. Через месяц животных нельзя было узнать: это были прекрасные, рослые и сильные кони, готовые к строевой службе. За этот период времени уже произошла разбивка лошадей по взводам: 1-й взвод получил вороных, мой 2-й взвод — гнедых, а 3-й взвод — рыжих. Подбирать взводы по мастям было легко, так как отряд получил почти триста лошадей, почему на каждого человека приходилось почти по три лошади. Лечил лошадей ветеринар-японец, приходивший в конюшни каждое утро и вечером в сопровождении и под наблюдением фельдшеров-китайцев.

Получили японские кавалерийские седла. Началась езда, отдельно в каждом взводе. Занимались на поле Рейс-Корса, разрешалось пользоваться и «зеленой» (скаковой) дорожкой, однако не злоупотребляя этим. Помимо занятий, каждому чину отряда приходилось по утрам, а иногда и вечерами «прорабатывать» заручных лошадей, не состоявших непосредственно на каком-либо чине отряда, а являвшихся отрядным конским резервом. Это была очень утомительная работа: застоявшиеся кони доставляли своим всадникам немало неприятностей.

Во время одной из таких поездок майор Иванов решил сам проработать одного особенно строптивного коня. Окончилось это весьма печально: конь отчаянно бил задом, стараясь сбросить своего седока, вставая на дыбы, бросался в карьер, потом неожиданно останавливался и наконец упал на землю, придавив под себя майора Иванова. У начальника отряда оказалась сломанной ключица, и его положили в госпиталь. Нашего «комиссара»-китайца тоже разбила лошадь, и его принесли на руках в отрядный околосок с окровавленным лицом, но переломов не было. К чести этого офицера-китайца нужно сказать, что уже через два-три дня, все еще с повязкой на лице, он ездил на своем коне вместе с нами во время утренних занятий и поездок.

Большое «начальство» устраивало даже «смотреть» своей конной полицией на «зеленой дорожке» Рейс-Корса. Командовать этим «парадом» пришлось мне, так как майор Степанищев, оставшийся за начальника

отряда, во время его пребывания в госпитале, был чем-то занят в штабе отряда. На этом смотре мы, конечно, не показали еще особого искусства, но все прошло благополучно: начальство благодарило, никто из всадников не упал с коня и кони слушались своих ездоков.

Была одна длинная поездка всем составом по улицам города — «демонстрация силы», во время которой наш контролирующий офицер, вероятно никогда до этого не сидевший на коне, вынужден былступить мне свое место в голове колонны, так как его конь не хотел слушаться всадника и не шел вперед, но охотно пошел «вторым номером» за мной.

Ежедневно мы высылали несколько конных патрулей в составе шести — восьми всадников в отдаленные районы города: на Янцепу, в район Путу, к Ханьчжао и на Французскую Концессию. Во время одной из таких поездок с патрулем в районе Ханьчжао я имел возможность убедиться в том, что японцы действительно готовились к упорной обороне Шанхая. В этом районе были построены окопы, блиндажи и огромные противотанковые ловушки-рвы. Маршруты для этих патрулей мы ежедневно разрабатывали в штабе с нашим «комиссаром», с таким расчетом, чтобы патруль не занимал больше четырех часов времени. Во время патрулирования начальник патруля заезжал на все полицейские станции по пути своего следования, где рапортовал о происшествиях и получал инструкции штаба полиции, если таковые бывали.

Бывали вызовы по тревоге, так как китайские массы, пережив первые упоительные моменты победы над японцами, опять начали жить «по-старому», т. е. бунтовать и устраивать забастовки на фабриках и заводах и собираться для уличных демонстраций. Главными подстрекателями всегда бывали студенты местных университетов. В таких случаях, в зависимости от серьезности демонстрации, высылались обыкновенно одно или два отделения под командой одного из офицеров. Появление конных полицейских всегда действовало на толпу отрезвляюще. В один из воскресных дней в отряд неожиданно явился контролирующий офицер и приказал приготовить сразу два взвода: мой и капитана Гапановича. По его объяснению, студенты и толпа устраивали какие-то демонстрации на площади около здания китайского УМСА.

Толпа была очень многочисленной, и настроена она была очень бурно. В то время, когда мы подходили к этой площади, «пешая полиция» вела какие-то переговоры со студентами — главарями демонстрантов. Не спешиваясь, мы стояли почти вплотную к толпе и следили за ходом переговоров, ожидая приказа начальства двигаться на эту толпу или же возвращаться в свои казармы. Не привыкшие стоять на одном месте, кони волновались и скользили на цементе мостовой

улицы. Я был почти уверен в том, что в случае приказа двигаться на толпу мы ее, конечно, разгоним, но понесем при этом потери, так как рев толпы легко мог испугать лошадь и она, сделав порывистое, неосторожное движение, легко могла поскользнуться и упасть. По счастью, все окончилось благополучно: полицейское начальство «договорилось» с демонстрантами, и толпа начала постепенно расходиться, «подталкиваемая» пешими полицейскими патрулями. Продвинувшись немного вперед за этой расходившейся толпой, мы получили приказание вернуться в казармы.

В связи с «постоянным» разделом отряда на две части (пешую и конную) и ввиду усилившегося стремления чинов отряда уволиться со службы (новых рекрутов, взамен уволившихся, не принимали), встал вопрос о ликвидации собственного отрядного хозяйства, теперь уже не нужного отряду. Начальник отряда, майор Иванов, все еще лежал в госпитале, залечивая сломанную ключицу, но давал свои указания и инструкции с госпитальной койки. С разрешения штаба полиции, была назначена особая ликвидационная комиссия под председательством одного из офицеров отряда, в которую вошли выборные от чинов отряда представители как конной, так и пешей его частей.

Этой комиссии приказано было ликвидировать собственное отрядное хозяйство путем публичного аукциона. Аукцион состоялся в кантине при казарме на Рейс-Корсе: ушли с молотка наша прекрасная, очень ценная библиотека, спортивное оборудование, товары и посуда кантина и проч. Деньги, вырученные от продажи, комиссия разделила между всеми чинами отряда, имевшими право на их получение, соответственно продолжительности срока службы в отряде. В один день (даже в полдень!) полк лишился всего того, что собиралось и создавалось в течение многих лет службы в Шанхае. Все ушло, конечно, за бесценок, так как, пользуясь случаем, скупщики, сговорившись между собой, сбивали цены и покупали вещи за бесценок.

Я уже давно чувствовал себя нездоровым: по-видимому, окончательно «сдали нервы», да и надоело жить с семьей впроголодь, поэтому, когда мне предложено было бывшим чиф-инспектором Ф. Тэтстоллом и суперинтендантом полиции Виддоусоном поступить на должность младшего офицера, в чине второго лейтенанта, в роту (потом она развернулась в батальон) американской вспомогательной военной полиции, в которой оба эти бывшие чины Ш.М.П. занимали уже офицерские должности, я решил оставить службу в отряде.

16 декабря 1945 г. я подал рапорт об увольнении и ушел со службы в отряде. Так закончилась моя служба в Русском полку Ш.В.К., называвшемся в то время отрядом. В это время отряд быстро таял в

своим составе, но продолжал еще существовать в течение почти двух лет, однако потеряв уже свою самостоятельность.

Начальник отряда, майор Иванов, остался служить до конца, с ним продолжали служить только лишь отдельные чины «конной части», и он нес с ними службу, живя в общежитии с китайскими полицейскими, которые заменили уволившихся русских «конников», в полицейской казарме на Синза род. Я не раз посещал его там и, наблюдая его тяжелую жизнь, невольно удивлялся крепости его духа, его лояльности к своим подчиненным и чувству долга.

Кто-то другой, по-видимому, добавит к этой моей «Истории» описание службы «подвижного резерва» на Гордон род, а сам начальник отряда, вероятно, не откажется добавить о службе «конной» части в последний период ее существования, уже после моего увольнения со службы. Иначе эта история не будет вполне законченной.

Честь, хвала и слава начальнику отряда, майору Иванову, господам офицерам, унтер-офицерам и всем чинам Русского полка, которые, оставаясь «бесправными» белыми русскими эмигрантами, сумели создать национальную русскую воинскую часть, служба в которой считалась почетной и слава о которой разнеслась далеко за пределы международного Шанхая! Своей примерной доблестной службой они заслужили для полка свое национальное Русское знамя, а также и право вывешивать ежедневно на своих казармах трехцветный национальный Русский флаг!! Это они создали образцовую во всех отношениях воинскую часть, пользовавшуюся отличной репутацией, как самая надежная и дисциплинированная часть постоянного Шанхайского военного гарнизона, в верхах английского командования в Китае и в муниципальном совете, а равно и заслужили для полка глубокое уважение и даже любовь гражданского населения, охранять и защищать которое они были призваны. Командный состав и чины полка честно выполнили свой долг перед Родиной и, создав Русский полк, в плели новую лавровую ветвь в венок славы национальной России и Ее Армии в период советской смуты и безвременья. Честь им и хвала!

Даже после того, как полк (отряд) перестал уже фактически существовать и только сам майор Иванов с очень небольшим числом из своих подчиненных еще продолжал нести полицейскую службу наравне с китайцами, даже в это исключительно тяжелое время майор Иванов не снял с себя моральной ответственности за своих бывших подчиненных и следил за их судьбой. А когда в этом появлялась необходимость, то он немедленно приходил к ним на помощь.

Неприятные события разыгрались в конце июня 1946 г., когда китайскими властями были сняты со службы в «подвижном составе» на

Гордон род, арестованы и посажены в китайскую тюрьму на Вард род капитан И.С. Лобанов, сержант Чумерин, констебль Черушев и констебль Лукьяновский. Без малейшего к этому основания, они были обвинены в каком-то преступлении, связанном с охраной полком «обреченного китайского батальона» в лагере на Сингапур род, и брошены в тюрьму вместе с китайскими преступниками. Одновременно был арестован и посажен в тюрьму бывший волонтер полка Мещеряков, который, будучи часовым на посту в этом лагере на Сингапур род, охраняя свой пост и себя от толпы, подстрекаемой одним из заключенных в лагере солдат-китайцев, выстрелом из винтовки нечаянно убил этого солдата-подстрекателя. Об этом случае я упоминал по ходу событий «Истории». В момент ареста Мещеряков уже давно не был чином полка или отряда.

Получив сведения об этих арестах, майор Иванов немедленно начал хлопотать об освобождении арестованных и организовал сбор средств на наем адвоката — защитника невинно обвиненных чинов своего полка. Я помешу некоторые имеющиеся у меня письма и рапорты майора Иванова, касающиеся этого дела, а равно и отзывы местной русской печати по этому вопросу. Майор Иванов добился разрешения на свидание с этими арестованными (я сопровождал его и присутствовал при этом свидании в тюрьме на Вард род), а потом и их освобождения, за исключением Мещерякова, который присужден был китайским судом к отбыванию восьмилетнего тюремного заключения. Так новая администрация, новая «власть» на бывшем Международном Сеттльменте, отблагодарила Русский полк, в течение многих лет охранявший жизнь и имущество населения этого района, состоявшего главным образом из китайцев.

На этом «благодарности» полку не закончились: нашлись и европейцы, которые поступили с чинами полка не лучше китайцев. Согласно условиям службы (контракту) в полку, сумма, равная 10% получаемого жалованья каждым чином полка, ежемесячно отчислялась в «Суперанньюэишен» (заштатные) фонд, который в полку назывался «Гуд Сэрвис Бонус». Эта сумма хранилась в Гонконг-Шанхайском банке, в его Шанхайском отделении, и давала 7,5% годовых. К концу существования полка (отряда) на счете у некоторых старослужащих чинов его, в особенности его офицеров, была уже «довольно круглая» сумма денег. Однако до сих пор эти свои собственные деньги бывшие чины полка не могут получить. В таком же положении оказались и другие служащие Шанхайского муниципального совета, потерявшие еще более солидные суммы своих «заштатных». Однако из их числа англичане, например, получили все же то, что им причиталось, уже в

Лондоне, в виде «релив мони» (пособия), выплаченного им английским правительством. То же, вероятно, сделали и правительства других стран в отношении своих подданных, служивших Шанхайскому муниципальному совету.

По Каирскому соглашению, подписанному Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, Китай принимал обратно в свое ведение Международный Сеттльмент Шанхая со всем его имуществом и богатейшим хозяйством, но, в свою очередь, принимал на себя и все долговые обязательства муниципального совета в связи с ведением этого городского хозяйства. К таким долгам, безусловно, принадлежала и выплата «заштатных» бывшим служащим Ш.М.С. После окончания войны вышедшие из лагеря англичане — бывшие служащие Ш.М.С. — создали особый комитет, которому поручили заняться разработкой этого вопроса, и даже был приглашен на проенты специальный китайский адвокат, когда выяснилось, что правительство Чан Кайши, расплатившись с китайскими служащими Ш.М.С., совсем не думает торопиться с этим в отношении европейцев.

С падением власти Чан Кайши и с приходом коммунистической власти Мао Цзедуну вопрос о выплате «заштатных» бывшим служащим Ш.М.С. окончательно повис в воздухе: подавляющее большинство подлежащих оплате служащих Ш.М.С. поспешили уйти от коммунистических лап и рассеялись по всему миру.

Группа таких «претендентов на свои собственные деньги», оказавшаяся в Австралии, организовала особый комитет, которому и поручила ведение всего этого дела «о заштатных деньгах». Однако юрист, которому комитет поручил разобраться в этом вопросе и наметить дальнейшие пути в направлении судебного преследования «неплательщика», вынес совершенно неожиданное заключение: муниципальному совету Международного Сеттльмента Шанхая уже не существует и поэтому «судиться не с кем», с коммунистическим же китайским правительством, которое только лишь с большой натяжкой можно считать отчасти ответственным, Австралия не состоит в договорных отношениях, а само коммунистическое правительство Китая этим вопросом, по-видимому, совсем не интересуется. В конце своего заключения «мудрый юрист» рекомендовал... обратиться к главам своих государств, т. е. нам, белым русским эмигрантам, по-видимому, надлежало обращаться к... товарищу Сталину!!!

Как я уже упоминал, Англия выплатила долг Шанхайского муниципального совета своим подданным, то же, вероятно, сделала и Америка. Здесь, в Брисбене, в Австралии, совместно с ныне уже покойными моими сослуживцами по полку и Ш.М.П. (лейтенантом

В.Л. Кузьминым и А.Г. Доможировым) я поднял этот вопрос в своем районном отделении «Соддатского Союза», в котором мы состояли членами. Председатель и секретарь этого союза очень сочувственно отнеслись к нашему делу. Они привлекли к работе сначала одного из членов федерального парламента, а потом довели это дело и до премьер-министра Австралии, кабинет которого не нашел возможным удовлетворить нашу просьбу. Мы получили отказ. Но дело на этом не остановилось. Соддатский Союз довел его до очередной конференции премьер-министров всего английского Коммонвэлс, собравшейся тогда в Лондоне. Это было, кажется, в 1954 г. В результате... мы снова получили отказ.

Из целой груды переписки, хранящейся у меня, явствует, что мнения премьер-министров английского Коммонвэлс были не в нашу пользу. Суммирую их вкратце:

1. Служба Шанхайскому муниципальному совету являлась нашим личным делом, как бы деловым контрактом между двумя частными лицами. Международный Сеттльмент не являлся английской королевской колонией, а его администрация — частные лица, не связанные с английским правительством. История Шанхая и, в частности, история Русского полка доказывает всю нелепость умозаключения «премьеров». Чем же объясняют тогда они приказ английского посланника в Китае, отданный им, когда началась война, в котором он просил всех служащих Шанхайского муниципального совета оставаться на своих постах и продолжать нести службу на Сеттльменте, чтобы сохранить его до конца войны!! Он требовал даже от тех, кто оказался в это время в заграничном отпуску, немедленного возвращения в Шанхай!!

2. Премьер-министр Канады даже заявил, что «канадцы, служившие в Ш.М.С., принесли бы больше пользы, служа у себя в Канаде, и что он не одобряет их службы в Шанхае». «Пилат» умыл руки и отошел в сторону!!

3. По мнению большинства «премьеров», «заштатные деньги», положенные в Гонконг-Шанхайский банк на счет служащих муниципальному совету, были частным вкладом, вкладывали их частные лица (муниципальный совет) и теперь потеря этих денег ничем не отличается от таковой же потери, которую понесли многие вкладчики, имевшие деньги в заграничных банках, в связи с крахом этих банков в результате войны. Но ведь Гонконг-Шанхайский банк существует и по сей день!

Прочтя эти доводы, я невольно подумал: «Если Международный Сеттльмент Шанхая был частным предприятием, то почему же тогда Черчилль отдал это предприятие китайцам, не спрашивая на то согласия хозяев этого предприятия?»

На этот раз отказ был полный и мы прекратили всякие дальнейшие хлопоты по этому делу. Чины полка (отряда), в особенности его старослужащие (в том числе почти все его офицеры), поступили на службу в 1927—1928 гг., в расцвете своих сил и здоровья, почти двадцать лет они верно и добросовестно несли свою службу, рассчитывая на то, что муниципальный совет оценит это и не забудет их на старости лет. Получилось, однако, совсем не то! Где же справедливость? Где благодарность и награда за честную и добросовестную двадцатилетнюю службу?!

В. Алексеев¹⁴⁹

ШАНХАЙСКИЙ РУССКИЙ ПОЛК¹⁵⁰

В 1937 г. выпускные экзамены гимназии ХСМА (Христианский союз молодых людей) были в конце марта и учебный год закончился 1 апреля. Мои родители боялись, что по окончании гимназии японцы заберут меня в отряды, которые они стали формировать из русских молодых людей. Мама решила не откладывать дела в долгий ящик и уехать в Шанхай, который в то время был интернациональным городом. Моя сестра уехала в Шанхай в 1936 г. и вышла там замуж за сына Николая Павловича Покровского (бывшего преподавателя ХСМА). Употребив все свои знакомства в Эмигрантском комитете, папа достал мне с мамой разрешение поехать в Шанхай навестить сестру, и, не дожидаясь акта и Белого бала, мы уехали из Харбина.

Шанхай в то время был разбит на три части: Интернациональная или Английская Концессия, Французская Концессия и Китайский город, который окружал эти Концессии. Иностранные Концессии самоуправлялись. Английская Концессия имела свой муниципалитет и свою полицию, и все велось на английском языке. Французская Концессия имела свой независимый муниципалитет и полицию, и все велось на французском языке. Дети многих русских, которые приехали в Шанхай в 20-х гг., окончили иностранные школы, свободно говорили на обоих языках и служили в иностранных фирмах, занимая хорошо оплачиваемые места.

В 1854 г. иностранные резиденты Концессий организовали для защиты Шанхая волонтерский корпус, который состоял из служащих иностранных предприятий и просуществовал до Второй мировой войны. Во время Боксерского восстания в 1900 г. в Шанхае было спокойно, так как в городе было много английских, французских, немецких и японских войск.

В 1924—1925 гг., во время междоусобной войны в Китае, опять был мобилизован Шанхайский волонтерский корпус и были высажены десанты с пароходов, стоявших на реке Вампу. В 1927 г. снова появилась угроза Шанхаю. Был мобилизован волонтерский корпус, и в то же время был создан отряд из русских, который назывался «Русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса».

Мне было 16 лет, когда я приехал в Шанхай. 17 лет мне исполнилось в конце июля 1937 г. Знание английского языка было очень слабое, а французского я не знал совсем. Единственная возможность оставалась устроиться в Русский полк Шанхайского волонтерского корпуса или в Русскую полицейскую роту во Французской Концессии. Но в обоих местах брали только с 18 лет. Для того чтобы устроиться, требовалось удостоверение личности, выдаваемое Эмигрантским комитетом в Шанхае. При подаче заявления в Комитет в графе о дате рождения я «ошибся» на 2 года. Таким образом, в моем удостоверении, с которым я пришел в Русский полк, в надежде, что меня примут, стояло: возраст 18 лет.

В то время было очень трудно устроиться в полк, так как редко появлялись вакансии. Чтобы облегчить дело, папа дал мне письмо к одному из офицеров полка, с которым он закончил Александровское военное училище в Москве, с просьбой посодействовать мне. 1 мая меня приняли в полк, и после двух месяцев усиленной строевой подготовки по 6 часов в день я был зачислен в штат полка, подписав контракт на 13 месяцев. Жалованье на всем готовом было 40 шанхайских долларов в месяц. Поступив в полк, я встретил несколько человек, окончивших гимназию ХСМА. В то время там служили: Эпов, Федорович, Муханов, Костин, Сторчилло. Особенно я был рад увидеть Мишу Сторчилло, с которым мы были в организации Костровых Братьев, и он мне много помог своими советами.

Штаб Шанхайского волонтерского корпуса старался создать хорошо обученную, дисциплинированную воинскую часть для обороны Шанхая. Русский полк носил форму регулярных английских войск, только кокарда на фуражке была волонтерского корпуса. Волонтеры обучались русскому и английскому строю и ружейным приемам. В 1937 г. полк состоял из трех регулярных рот в составе 328 человек и еще одной роты, которая вызывалась в случае мобилизации всего Шанхайского волонтерского корпуса.

Когда я поступил в полк, то день протекал следующим образом (напоминал лагерь Костровых Братьев): подъем в 6 часов утра, затем утренний осмотр, завтрак, а с 8 до 12 часов дня для всех свободных от служебных нарядов — строевые занятия, ружейные приемы, раз-

гон толпы, штыковой бой и т. д. В 12 часов обед, с 2 до 4 часов занятия словесностью (прохождение русского военного устава) и подготовительными к стрельбе упражнениями с винтовкой. С 4 до 7 часов вечера — свободное время; в 7 часов ужин, в 8.30 — поверка и молитва, в 10 часов — «туши огни». 60 человек из полка должны были быть всегда готовы выехать в любое время дня и ночи и за 5 минут быть на грузовиках в полной форме с оружием, чтобы отправиться к месту беспорядков.

Жизнь полка была ключом. Полк имел струнный оркестр, библиотеку, спортивные команды по футболу, волейболу, боксу и по другим видам спорта, которые состязались с разными командами города. В полку также устраивались танцы — «Tea-dances», которые были популярны в русской колонии Шанхая. Ежегодно устраивались парады Шанхайского волонтерского корпуса, в состав которого входил Русский полк, а также Филиппинская, Японская, Китайская, Шотландская, Американская, Португальская и другие роты. Русский полк своей выправкой и строем всегда вызывал восторженные аплодисменты публики. Полк посылал почетный караул для встречи или проводов важных лиц. Он состоял из 60 высоких волонтеров, прекрасно делавших ружейные приемы, причем форма должна была быть в безупречном состоянии. Благодаря моему росту и старанию, меня всегда назначали в почетный караул, чем я очень гордился.

1937 год оказался годом событий. С середины июля до середины ноября полк нес боевую службу на границах Концессий во время вспыхнувшего военного конфликта между японцами и китайцами. Через час после объявления мобилизации Шанхайского волонтерского корпуса полк уже занимал границу Английской Концессии, на опасном участке в районе Северного вокзала. Полк закрыл все железные ворота (входы в Концессию) и приступил к постройке баррикад из мешков с песком. В Китайском городе, который окружал Английскую концессию, закипели жестокие бои между японцами и китайцами, включая артиллерию и танки.

Внутри Английской Концессии, где жило много китайцев, работавших в иностранных фирмах и на фабриках, тоже вспыхивали беспорядки; иногда бомбы и снаряды падали в центр города. В таких случаях немедленно вызывался полк для наведения порядка и охраны имущества. Кроме того, полк охранял мосты и патрулировал улицы Английской концессии. Все, кто состоял в полку в это время, были награждены муниципальным советом медалью за услуги, оказанные с 12 августа по 12 сентября 1937 г. Я прослужил в полку полтора года и всегда с удовольствием вспоминаю время, проведенное в нем.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ
ОФИЦЕРСКОГО СОБРАНИЯ В ШАНХАЕ¹⁵¹

Годы 1922—1924 являются годами великого исхода из России неприживших большевизма людей, подавляющее большинство которых были военные.

Первые годы пребывания на чужбине русские эмигранты не были объединены ничем, кроме религиозных, регистрационных и благотворительных организаций, но постепенно, оседая более прочно и устраивая свое материальное благополучие в громадном международном Шанхае, русские почувствовали необходимость более тесного общения между собой и создания национально-русского, культурного уголка, где можно было бы проводить досуг в привычной, родной атмосфере. Не могли не подумать об этом и военные.

Мысль о создании Офицерского собрания в Шанхае возникла в кружке офицеров-артиллеристов. Последние доложили о своих планах старшим офицерам армии и флота.

Первое заседание инициативной группы, собранной генерал-лейтенантом Афанасьевым, состоялось весной 1926 г. в помещении Комитета защиты прав и интересов русских эмигрантов, на Нанкин род. Среди присутствовавших были генерал-лейтенант Афанасьев¹⁵², генерал-лейтенант Глебов, генерал-майор Лебедев¹⁵³, генерал-майор Хрущов¹⁵⁴, генерал-майор Гаффнер¹⁵⁵, генерал-майор Соколов, контр-адмирал Безуар, контр-адмирал Тимирев¹⁵⁶, полковник Ярон, капитан 1-го ранга Крашенинников¹⁵⁷, капитан 1-го ранга Фомин, полковник Савелов и др. На этом собрании было решено учредить Офицерское собрание в Шанхае.

Необходимо отметить большую помощь, оказанную Собранию контр-адмиралом Старком, опустившим из сумм Сибирской флотилии 540 долларов, что дало возможность немедленно арендовать помещение для Собрания. Кроме этого, Сибирская флотилия неоднократно поддерживала Собрание путем займов в сумме до 2000 долларов.

Помещение для Собрания было выбрано в доме № 383, авеню Жоффри. 27 мая 1926 г. в этом помещении состоялось общее собрание членов-учредителей Офицерского собрания. Присутствовало 64 офицера. Собрание состоялось под председательством генерал-лейтенанта Афанасьева при секретаре капитане Билуковиче.

На этом собрании был утвержден Временный Устав Офицерского собрания и единогласно были избраны почетным председателем распорядительного комитета генерал-лейтенант Вальтер¹⁵⁸, почетным вице-

председателем — контр-адмирал Тимирев и почетным членом Собрания — контр-адмирал Старк.

На основании §10 Временного Устава в распорядительный комитет были избраны представители всех родов оружия, а именно:

Контр-адмирал Безуар	от офицеров флота
Капитан 1-го ранга Фомин	от офицеров флота
Генерал-майор Соколов	от офицеров кавалерии
Генерал-лейтенант Афанасьев	от офицеров артиллерии
Генерал-майор Лебедев	от офицеров пехоты
Генерал-лейтенант Глебов	от офицеров казачьих войск
Полковник Савелов	от офицеров инженерных войск
Доктор Казаков	от военных врачей
Полковник Ярон	персонально
Полковник Александров	персонально

Состав первого баллотировочного комитета был избран следующий: генерал-майор Хрушов, полковник Доможиров¹⁵⁹, капитан Билюкович, штабс-капитан Быховский¹⁶⁰ и корнет князь Ухтомский. 29 мая 1926 г. состоялось первое заседание распорядительного комитета. Хозяином Собрания с совмещением обязанностей секретаря был избран контр-адмирал Безуар.

Официальное открытие Собрания состоялось 11 июля 1926 г. В этот день причтом церкви Союза служивших в Российских армии и флоте был отслужен торжественный молебен, после которого была произведена церемония подъема флага Офицерского собрания. Флаг, представляющий национальный трехцветный флаг с вшитым в верхнем правом углу гюйсом, был по команде контр-адмирала Безуара поднят мичманом Делимарским и подпоручиком Ключкиным¹⁶¹. Вечером того же дня состоялся первый бал, собравший много публики и прошедший в приподнятой и оживленной атмосфере. В последующие годы дата 11 июля неизменно отмечалась как день основания Офицерского собрания.

Помещение, в котором первоначально обосновалось Собрание, уже в конце третьего месяца его существования оказалось тесным из-за непрерывного притока новых членов. Для удовлетворения нужд членов Собрания нужно было или основательно переделать занимаемое помещение, или, не дожидаясь истечения срока контракта, подыскать более обширное здание. Распорядительный комитет предпочел последнее, и осенью Офицерское собрание переехало в дом № 275, авеню Жоффе. Это помещение, значительно обширнее предыдущего, представляло из себя большой особняк, расположенный в громадном

саду, где помимо теннисной площадки было место для беседки, столов и даже грядок для овощей. В нижнем этаже были две большие комнаты, оборудованные под танцевальный зал и столовую. К последней примыкала крытая веранда, которая, в свою очередь, была расширена пристройкой. Все это давало возможность в дни балов и вечеров принимать большое количество гостей. В нижнем этаже был устроен бар и посудная. Кузня находилась в небольшом гараже. Верхние комнаты были заняты под бильярдную, читальню, карточные комнаты, канцелярию и т. д. Число членов в это время дошло до трехсот и дела Собрания пошли блестяще.

К сожалению, крупные расходы по дому и другие неблагоприятные обстоятельства привели Собрание к большому дефициту, что заставило распорядительный комитет рассмотреть в положительном смысле предложение профессора Бари и тогдашнего хозяина Собрания капитана Билюковича о подыскании более экономного в смысле ренты и других расходов помещения. Таковое было найдено в доме № 123, Рю-Массене, куда Собрание и перешло.

Несмотря на то что это был трехэтажный дом, он оказался не только мал, но и неудобен для такого учреждения, как Собрание. К тому же и расположен он был вдали от центра, в конце переулочка. В помещении Собрания было настолько мало места, что нельзя было устроить ни общего ужина, ни банкета, не говоря уже о вечерах или эксплуатации зала. Все это привело к серьезному кризису, и только исключительная жертвенность преданных Собранию членов дала возможность Собранию выдержать трехгодичный срок контракта.

В дальнейшем Собрание перешло в помещение на Рут-Валлон. Это был трехэтажный дом с довольно обширным садом, и находился он близко к центру расселения русских. К дому Собранием была пристроена крытая веранда, на второй же год увеличенная вдвое, и бар. В саду построили летнюю сцену. Другими словами, помещение оказалось удобным и вместительным, что немедленно сказалось на увеличении посещаемости, а следовательно, и оборотов Собрания, а также и на увеличении числа членов. В этот период доходы Собрания дали возможность выплатить один из неприятных и крупных долгов в размере до 3000 таэлей. К сожалению, владельцы дома решили его снести, и Собранию пришлось опять искать новое помещение.

Осенью 1933 г. Собрание перешло в дом № 30, Рю-Корнейль — небольшой особняк с уютным садом. Здесь предполагалось сделать к дому большую пристройку для зрительного и танцевального залов и столовой. Среди членов был произведен сбор средств для осуществления этого проекта, но власти концессии не дали разрешения не толь-

ко на пристройку дополнительного помещения, но даже на площадку для танцев в саду.

Таким образом, Собрание вновь оказалось в помещении, недостаточном для удовлетворения всех нужд его, и по истечении контракта перешло 5 октября 1935 г. в помещение 1260, Рю-Лафайетт, в котором оно находится и поныне. Много способствовали поискам этого помещения и оборудованию его тогдашний почетный казначей капитан Лисовский и хозяин Собрания подпоручик Шаравьев¹⁶².

Здесь, в настоящем помещении, снова наблюдается расцвет деятельности Собрания, и к 15-летию его юбилею число членов и постоянных гостей дошло до 250 человек, что, естественно, улучшило и материальное положение Собрания.

В дни затруднительного материального положения много помогла жертвенность членов Собрания. Так, помог Собранию генерал-лейтенант Глебов, давший 500 долларов в виде беспроцентной ссуды. Штабс-капитан Шредерс¹⁶³ неоднократно приходил материально на помощь Собранию. Особенно следует отметить большого друга русских, французского адвоката Дю Пак де Марсули, весьма способствовавшего легализации Собрания на Французской концессии и много помогавшего Собранию в финансовом отношении.

Внутренняя жизнь Офицерского собрания

Внутренняя жизнь Собрания ведется под руководством распорядительного комитета, избираемого ежегодно общим собранием действительных членов Собрания. Для приема новых членов с первых же дней существования Собрания создан и ежегодно избирается новый баллотировочный комитет, на обязанности которого лежит контроль над вступающими в ряды членами Собрания. Для разбора заявлений о вступлении в члены Собрания генералов и штаб-офицеров, занимавших должность командиров отдельных частей, существует высший баллотировочный комитет. Члены Собрания делятся на почетных, действительных и временных членов и на постоянных гостей.

За 15 лет существования Собрания почетными членами состояли: почетный председатель распорядительного комитета генерал-лейтенант Вальтер, почетный вице-председатель распорядительного комитета контр-адмирал Тимирев, генерал от артиллерии Ханжин¹⁶⁴, генерал-лейтенант Дитерихс, генерал-лейтенант Жуков¹⁶⁵, генерал-лейтенант Хорват¹⁶⁶, генерал-лейтенант Глебов, контр-адмирал Старк, генерал-майор Гаффнер, капитан 1-го ранга Крашенинников.

Вначале действительными членами могли быть только господа офицеры, военные врачи и военные чиновники. Позднее, в 1934 г., постановлением общего собрания в категорию действительных членов перечислены гардемарины, юнкера, кадеты, вольноопределяющиеся и сыновья офицеров. Все остальные лица именуются постоянными гостями и в управлении делами Собрания не участвуют. Постоянные гости, состоящие в Собрании более 10 лет, могут быть перечислены в категорию действительных членов. Таким является один из старейших членов Собрания профессор Захаров. Небольшая по численности группа господ офицеров состоит в категории временных членов, не принимающих участия в управлении делами Собрания.

Возглавляется Собрание председателем распорядительного комитета — старшим в чине членом комитета. За хозяйством следит избираемый из состава комитета почетный хозяин Собрания, а также комитет из своей среды выделяет почетных казначея и секретаря.

Председатели: генерал-лейтенант Афанасьев (с 1926-го по 1927 г.), генерал-майор Гаффнер (с 1927-го по 1934 г.), полковник Дронников¹⁶⁷ (с 1934-го по 1935 г.), полковник Доможиров (с 1935-го по 1936 г.), Генштаба генерал-майор Акинтиевский¹⁶⁸ (с 1936-го по 1937 г.), генерал-майор Зимин¹⁶⁹ (с августа 1937 г.).

Почетные хозяева Собрания: контр-адмирал Безуар (с 1926 г.), капитан Егиков¹⁷⁰ (с 1927 г.), капитан Билюкович (с 1928 г.), подполковник Цепушелов¹⁷¹ (с 1929-го по 1930 г.), штабс-капитан Шредерс (с 1930-го по 1931 г.), капитан Егиков (с 1931-го по 1933 г.), штабс-капитан Шредерс (с 1933-го по 1935 г.), подпоручик Шаравьев (с 1935-го по 1936 г.), капитан Егиков (с 1936-го по 1940 г.), поручик Соколов (в 1940 г.), ротмистр Арнхольд¹⁷² (с 1940-го по 1941 г.), штабс-капитан Гинтер¹⁷³ (в настоящее время).

Почетные казначеи: подполковник Цепушелов (с 1933-го по 1934 г.), штабс-капитан Шредерс (в 1935 г.), капитан Лиссовский (с 1935-го по 1936 г.), подполковник Шель (с 1936-го по 1938 г.), штабс-капитан Шредерс (с 1938-го по 1941 г.).

Почетные секретари (должность почетного секретаря учреждена с 18 сентября 1931 г.): подпоручик Шаравьев (с 1931-го по 1935 г.), подполковник Шель (с 1935-го по 1936 г.), Генштаба подполковник Фомин¹⁷⁴ (с 1936-го по 1941 г.).

7 июня 1927 г. хозяином Собрания был избран капитан Егиков, несший эти сложные и ответственные обязанности на протяжении многих лет. За эти годы капитан Егиков много работал на благо Собрания, способствуя развитию и благоустройению последнего. То же можно сказать и по адресу штабс-капитана Шредерса, входившего в

состав почти всех комитетов и занимавшего должности как хозяина Собрания, так и почетного казначея на протяжении многих лет. Он много времени уделял ведению денежных книг, разработке различных финансовых мероприятий и, как указано выше, всегда в нужный момент приходил на помощь Собранию материальной поддержкой, как личными средствами, так и изысканием и устройством необходимых займов.

В своей деятельности Собрание отнюдь не удовлетворяется чисто клубной жизнью, но стремится к объединению всех русских военных, а также широко открывает дверь для заседаний, собраний и иных встреч всех воинских и близких им по духу русских организаций. В дни воинских, училищных, корпусных праздников соответствующие организации неизменно собираются в стенах Офицерского собрания, и большинство таких встреч стали традиционными для Собрания.

Из них следует отметить: праздник Морского корпуса, артиллерийский праздник и бал, праздник Георгиевских кавалеров, праздник военно-воздушного флота, Пажеского Его Императорского Величества кадетского корпуса, 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса, Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, Александровского военного училища, полковой праздник Уральского стрелкового полка и другие. Неоднократно в Собрании устраивались вечера и обеды Русской волонтерской роты Шанхайского волонтерского корпуса.

Вскоре же после основания Офицерского собрания в нем стали периодически читаться лекции, доклады и сообщения членами Собрания и приглашаемыми лицами как на военные темы, так и на отвлеченные. Одним из первых докладчиков был Генерального штаба генерал-майор Сурин¹⁷⁵. Читал доклады также архиепископ Нестор в дни своего приезда в Шанхай. Целый цикл лекций на военно-научные темы был прочитан полковником Дронниковым. Периодически устраивались «чашки чая» с сообщениями генерал-лейтенанта Дитерихса. Читали лекции также Генерального штаба генерал-майор Акинтиевский, генерал-майор Смолин¹⁷⁶, Генерального штаба генерал-майор Сычев, полковник Веденяпин¹⁷⁷, полковник Шайдицкий, поручик Сапожников, журналист Л.В. Арнольдов, капитан 1-го ранга Фомин, подполковник Шелль, капитан Мрочковский, Генерального штаба полковник Клуге¹⁷⁸, генерал Косьмин¹⁷⁹, профессор Тельберг, профессор Головачев и лейтенант Бутурлин. Интересные сообщения делал также известный путешественник Дьяков.

Кроме устройства военных праздников, Собрание часто предоставляет свое помещение для благотворительных вечеров многим обще-

ственным организациям, например Союзу служивших в Российских армии и флоте, Союзу русских военных инвалидов, Национальной организации русских разведчиков, русским скаутам, Армянскому обществу, Дамскому кружку при Св.-Николаевском храме-памятнике, Обществу абитуриентов, Комитету для помощи Дому милосердия, Убежищу Русского Православного Братства, Кружку ревнителей духовного пения при Св.-Николаевском храме-памятнике, Св. Андреевской школе, Обществу взаимопомощи офицеров, Убежищу для престарелых женщин, Приюту Св. Тихона Задонского, Объединению воспитанниц институтов и многим другим.

Со своей стороны Собрание неоднократно организовывало вечера и сборы в пользу русских военных инвалидов, в пользу бежавших из Советской России, пострадавших от наводнения в Харбине, на поддержание в порядке военных кладбищ в Порт-Артуре и Тяньцзине, на сооружение Храма-Памятника убиенному Государю Императору в Брюсселе, на памятник Бизертским кораблям и др. Союзу русских военных инвалидов членами Собрания производятся ежемесячные отчисления. Были и единовременные пожертвования деньгами и вещами. Так, Собрание поднесло серебряный кубок 3-й роте Шанхайского волонтерского корпуса для розыгрыша во время полковых состязаний, Приюту Св. Тихона Задонского пожертвован портрет Государя Императора. Производились отчисления Олимпийскому комитету, на выкуп участка земли для Св. Гаврииловской церкви и т. д.

В день 80-летнего юбилея Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны Собранием была отправлена приветственная телеграмма, в ответ на которую Офицерское собрание было осчастливлено получением нижеследующей почтограммы: «Искренне благодарю офицеров членов Офицерского Собрания в Шанхае за поздравления и добрые пожелания ко дню Моего восьмидесятилетия. *Мария*».

После похищения генерала Кутепова по инициативе Офицерского собрания было создано многолюдное собрание офицеров под председательством генерал-лейтенанта Дитерихса, результатом чего было полное объединение всех военных в Шанхае вокруг Русского общевойскового союза.

20 декабря 1934 г. был устроен ужин в честь епископа Виктора (ныне архиепископа Китайского и Пекинского) и епископа Шанхайского Иоанна, посетивших Собрание в ознаменование радостного события примирения церквей. Архиепископ Нестор поднес в дар Собранию медаль, отчеканенную в память сооружения в Харбине часовни-памятника убиенным Государю Императору Николаю II и Королю Югославии Александру. Среди членов Собрания был произведен сбор.

В день 10-летнего юбилея Собрания генерал-лейтенант Дитерихс поднес в дар Собранию редчайшее факсимиле — собственноручную подпись Государя Императора Николая II (в бытность его Наследником Цесаревичем). К этому дню членом Собрания портупей-юнкером Стоюниным был спроектирован нагрудный значок, изображающий офицерскую кокарду с инициалами наименования Офицерского собрания — «Ш.О.С.».

8 октября 1937 г. Собрание постигла горестная утрата — скончался генерал-лейтенант Дитерихс. Вдова покойного С.Э. Дитерихс поднесла Собранию Георгиевское оружие генерала.

14 мая 1938 г. в Собрании состоялось празднование 125-летнего юбилея 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. Праздник этот, проведенный с большой торжественностью, явился праздником всех военных города Шанхая, большинство из которых в прошлом были кадетами того или иного корпуса.

20 июля 1938 г. Собрание приняло участие в поднесении адреса и подарка посетившей Шанхай Е.И.В. Великой Княжне Кире Кирилловне.

В день 20-й годовщины мученической кончины Государя Императора Николая II в Св.-Николаевском храме-памятнике Шанхая от Собрания был возложен венок.

9 декабря 1940 г. состоялось торжественное чествование всех Георгиевских кавалеров, причем почетными гостями присутствовали архиепископ Нестор, епископ Иоанн и почти все Георгиевские кавалеры.

Внешний вид Офицерского собрания из весьма скромного первоначально стараниями членов и их друзей постепенно принял уютный и нарядный вид. Приобретены были мягкая мебель для гостиных, мебель для столовой, пианино, радио, бильярд, прекрасная сервировка. На почетном месте стоит бронзовый бюст Государя Императора, принадлежавший Морскому собранию во Владивостоке, вывезенный оттуда на корабле-ледоколе «Байкал» и поднесенный моряками в дар Собранию. Прекрасный киот для иконы резной работы сооружен для Собрания капитаном Егиковым.

Портреты Высочайших Особ, Великих Князей, полководцев и вождей Белого движения, фотографии из жизни Императорских армии и флота — все это придало Офицерскому собранию родной военной колорит. Особенно следует отметить портрет Наследника Цесаревича, прекрасно исполненный художником Кичигиным, и копию батальной картины художника Сурикова «Переход Суворова через Альпы» работы того же художника, поднесенные Собранию его членами. Лепные изображения российских двуглавых орлов украшают главный зал.

Стены бара украшены карикатурами и дружескими шаржами на многих членов Собрания, исполненными талантливыми художниками подпоручиком Сапожниковым и корнетом Степановым — членами Собрания.

Одним из ценных приобретений Собрания является библиотека, главным образом составленная из добровольных пожертвований. Особенно ценные вклады были сделаны капитаном Оганезовым¹⁸⁰ и подпоручиком Сапожниковым, а также полковником Унтербергером, гвардии есаулом Граматиным¹⁸¹, штабс-капитаном Шредерсом, подпоручиком Шаравьевым, лейтенантом Карсоном¹⁸², генерал-майором Смолиным, постоянным гостем Г. Милютиним, постоянным гостем Нечаевым и многими другими. В настоящее время для библиотеки выписываются журналы и газеты и приобретаются новые книги, для чего существует особое обложение каждого члена.

К 15-летию юбилею библиотека состоит из 1889 книг. Из них — русских 1512 и иностранных 377. По отделам книги распределены следующим образом: I. Беллетристика — 811 экземпляров, II. Военный отдел — 131, III. Русская революция и большевизм — 112, IV. Исторический отдел — 142, V. Научный отдел — 106, VI. Журналы — 137, VII. Религиозно-философский — 17, VIII. Театральный — 56 и IX. Иностранный отдел — 377.

Много поработали для развития библиотеки поручик Грудин¹⁸³ и подпоручик Сосье¹⁸⁴. Среди книг имеется много очень ценных научных и исторических, много классиков. Новинки поступают регулярно.

Развлечения

С приобретением бильярда в Собрании периодически устраиваются состязания в этой игре. Последнее время приобретена игра пинг-понг.

За 15 лет в Собрании почти всегда функционирует драматический кружок. Вначале под руководством Л.В. Леонидова и штабс-капитана А.А. Николаева, а также поручиком Щербаковым была устроена переносная сцена, на которой любителями — членами Собрания — было проведено несколько постановок. В дальнейшем кружок возглавлялся капитаном Егиковым, а в настоящее время Генерального штаба подполковником Фоминым. Кружок поставил ряд спектаклей — водевилей, оперетт, миниатюр и т. д. Во всех постановках главное участие принимают члены Собрания и члены их семей. Ежегодно на Рождество для детей членов Собрания и их гостей устраиваются елки, всегда отличающиеся большим оживлением. Большой популярностью пользуются масленичные маскарады и, конечно, встречи Нового года.

Самым блестящим балом является ежегодный традиционный бал артиллеристов. Отличается весельем и оживлением и бал кадет-сибиряков, устраиваемый 6—19 декабря в день праздника 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. В 1941 г. впервые был устроен кавалерийский бал, который был проведен в духе традиций конницы. Большой популярностью пользуются «солдатские вечера», когда главной частью меню являются щи и каша.

Несмотря на многие препятствия и затруднения, Офицерское собрание без малейших перерывов функционирует 15 лет и основные положения и принципы, на котором зиждется его жизнь, остаются непоколебимыми.

Несколько сравнительных цифр

	На 1 июля 1929 г.	На 1 января 1941 г.
Капитал (составление началось только в октябре 1929 г.)		4.743.81
Прибыли и убытки	дефицит 8.798.97	приб. 710.03
Инвентарь	2.757.14	11.803.63
Приобретено за отчетный год	51.55	6.261.28
Списано на амортизацию		2.617.44
Оборот кассы в месяц	1.100.00	14.000.00
Займы и старая задолженность	15.131.18	6.268.70
Собранию были должны:		
членская задолженность		
свыше нормальной одномесячной	1.176.06	586.02
безнадежные счета	3.037.34	813.52
Месячный расход	625.00	2.800.00
из них на оркестр и вечера	25.00	400.00
на библиотеку	10.00	170.00
Доходы Собрания в месяце: всего	625.00	2.925.00
из них: членских взносов	375.00	1.000.00
вступительных взносов	15.00	50.00
от бара и столовой	100.00	1.000.00
от карточной	15.00	300.00
от бильярдной	40.00	125.00
от свип-стэка	50.00	
Прочих статей	30.00	450.00.

Идеи, люди, факты¹⁸⁵

Отвечая на просьбу поделиться своими воспоминаниями о начале и жизни Офицерского собрания, попробую рассказать о том, что сохранилось в памяти за эти долгие пятнадцать лет. Началось Собрание счастливо — правильные начала были заложены в самой его основе. В этом сомневаться не приходится — ведь прошло пятнадцать лет. Сколько было пережито всякого рода кризисов, сколько вышло старых членов, увы, главным образом туда, откуда нет возврата, а Собрание процветает и по-прежнему хранит и внешне, и внутренне свой вид, таким, каким хотели видеть его трудившиеся над его созданием. Да, был и чистый энтузиазм, и правильный учет душевного состояния той среды, которую хотели объединить, и самых ее свойств, и было большое дерзание и стойкость в преодолении препятствий. А их было не мало.

Собрание, или, вернее, его идея, родилось в среде общества офицеров-артиллеристов. Однако еще раньше существовала идея создания Морского собрания или береговой кают-компании, и на осуществление этой идеи командовавшим последней Сибирской флотилией, адмиралом Ю.К. Старком, по прибытии из Манилы были отпущены средства, правда скромные, но по тому времени и это были немалые деньги. Адмирал Старк, будучи одним из верных рыцарей Белой идеи, стремился сохранить для офицеров флота хотя бы на берегу ту почву, где они могли бы встречаться и жить общей жизнью, в атмосфере, присущей офицерской среде.

Слияние этих двух идей и соединение средств послужило здоровым импульсом к созданию Собрания, и первый состав членов Офицерского собрания включал в себя главным образом артиллеристов и моряков. Уместно будет вспомнить здесь добрым словом большого энтузиаста этого зачаточного периода Собрания — капитана А.А. Билюковича, ныне покойного. Он самой судьбой оказался предназначенным к тому, чтобы иметь успех в попытке сочетать стремления этих двух офицерских групп с целью создания Офицерского собрания. Будучи офицером артиллерии, он в период Гражданской войны оказался волею судьбы в должности адъютанта штаба Стрелковой дивизии. Этой дивизией, состоявшей из морских стрелков, командовал адмирал Старк. Последний высоко ценил капитана Билюковича, и позднее мы видим его уже в штабе Сибирской флотилии под флагом того же адмирала. В период последнего тяжелого похода флотилии Владивосток—Корея—Шанхай—Манила адмирал Старк поручает капитану Билюковичу должность флагманского интенданта. Прибыв

в Шанхай, уже как рядовой офицер-эмигрант, капитан Билюкович вспомнил свой настоящий род оружия и был одним из инициаторов по созданию общества офицеров-артиллеристов, сохраняя в то же время связь и со своими друзьями среди офицеров флота. Эта цепь случайностей явилась одной из причин, ускоривших создание Собрания.

Вспоминаются наши первые разговоры, когда А.А. Билюкович горячо настаивал на том, что только белая офицерская среда в целом, без деления по признакам прежней службы или по родам оружия, одна способна творить что бы то ни было в эмиграции, так как всякое обособление не выдержит в финансовом отношении. С этим доводом согласились и старшие офицеры флота во главе с адмиралом Тимиревым; поэтому решено было отказаться от мысли о собственном помещении для кают-компаний и просить адмирала Старка разрешить передать ассигнованные им деньги на организацию общеофицерского собрания.

Так создалась редкая в эмигрантской среде и особенно редкая по тому времени возможность — снять помещение для Собрания за несколько месяцев до первого организационного собрания членов-учредителей. Для проведения в жизнь этого решения было необходимо согласие старших чинов всех родов оружия и флота, почему в помещении Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае, на Нанкин род, состоялось памятное собрание, на котором присутствовало, помнится, 12 человек, представлявших собой и в отношении родов оружия, и в отношении существовавших тогда военных группировок всех старших начальников и руководителей. Из них трое было в штаб-офицерских, а остальные в генеральских и адмиральских чинах. Инициаторы Собрания имели уже возможность доложить, что ими присмотрено помещение, есть средства, чтобы его нанять, и что группы артиллеристов и моряков готовы дать несколько десятков членов Собрания, как только вопрос о нем будет решен. Наконец, оставшийся еще в кругах военной эмиграции скептицизм был рассеян, и это авторитетное совещание единодушно постановило: «Офицерскому собранию в Шанхае быть!»

Первые недели организационного периода Собрания навсегда останутся светлым воспоминанием — так дружно принялись тогда господа офицеры за создание своего будущего общего дома. Еще Собрание не существовало официально, но уже было принято ходить каждый день, чтобы полюбоваться на его помещение и сад, последить за работами по мебелировке и оборудованию. Появились энтузиасты Собрания и дамы-энтузиастки, что было весьма важным и ценным. Прин-

ципы всеобщности и настойчивого устранения в стенах Собрания какого бы то ни было группового политиканства стали спасительными лозунгами, способствовавшими широкому притоку новых членов и оставшимися в Собрании на все годы.

1926 г. Всего лишь четыре неполных года прошло со времени крушения последнего белого фронта на Русском Дальнем Востоке; еще были живы впечатления и настроения Гражданской войны, где много было беззаветной доблести, но и много расхлябанности, недопустимой в здоровой офицерской среде. И если бы не было искреннего увлечения идеей Собрания и дружной спайки, сразу определившихся в среде значительной группы его членов, трудно было бы ожидать, что Собрание ждет успех. Но успех на первых порах был замечательный, размах был дан, а затем никакие препятствия не могли уже остановить начавшееся дело.

За многие годы своей жизни Собрание, как Белый Русский Клуб, видело в своих стенах много замечательных людей и служило почвой для зарождения многих полезных в жизни эмиграции начинаний. Борьба первых лет эмиграции с целью добиться более действительных форм объединения русских за рубежом очень часто отражалась в многолюдных горячих заседаниях, происходивших в стенах Собрания, являвшегося нейтральной почвой. В то время много было надежд, горячего желания поскорей возобновить борьбу за освобождение Родины.

Генерал П.Г. Бурлин¹⁸⁶, как представитель движения, возглавлявшегося Е.И.В. Великим Князем Николаем Николаевичем, Н.А. Митаревский, как организатор Дальневосточного объединения эмиграции под главенством генерала Д.Л. Хорвата, оба выступали с докладами в Офицерском собрании и нашли здесь многих сторонников, горячо поддержавших их. Пусть этим движениям, наиболее значительным по числу сочувствовавших, не удалось добиться желанной цели, как не удалось это никому из принципиальных их противников, но в этом уж не вина Офицерского собрания.

Здесь родилась очень симпатичная и активно национальная, но, к сожалению, незадачливая газета «Время», а ее редактор, незабвенный Б.А. Суворин¹⁸⁷, так ярко напоминавший многим из нас блистательный Санкт-Петербург, был в течение нескольких лет членом Собрания, любил его и был в нем любим.

В январе 1927 г., в решительный момент жизни Шанхая, когда революционная китайская армия обложила город, в стенах Собрания шло большое заседание и обсуждался вопрос, как относиться к идее создания русских вооруженных волонтерских частей на службе горо-

да. И помнится внезапный визит председателя муниципального совета на Сеттльменте А.Д. Бэлла, когда он, прибыв на Собрание и попросив слова, произнес яркую и сильную речь в защиту этой идеи. Тогда, может быть, впервые русские в Шанхае почувствовали, что они не призреваемые бедные родственники, а граждане, имеющие и обязанности, и права, а мы гордились тем, что этот исторический и необыкновенный в жизни колонии случай произошел в стенах Собрания.

В Собрании состоял почетным членом и, увы, тоже ушел от нас в лучший мир последний главнокомандующий русскими вооруженными силами на родной земле и последний правитель Приморья — генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Он любил бывать в Собрании, где, как он говорил, чувствовал себя в родной среде, и всегда готов был делом и советом прийти к нам на помощь. Его проникнутые горячей любовью к Родине и незабываемые по своей искренности беседы, устраивавшиеся им не раз в стенах Собрания до его роковой болезни, навсегда останутся в сердцах слушателей. В эти дни, оглядываясь назад, на прошлые годы, вспомним добрым сердечным словом покойного, талантливого и беззаветно-честного слугу Веры, Трона и Родины — Правителя и Воеводу Михаила.

Беспощадное время унесло многих из тех, кто создавал, оберегал и поддерживал Собрание. Встает в памяти лицо полковника А.И. Ярона. Добрый, щедрый, талантливый и обаятельный Александр Иванович был долголетним членом распорядительного комитета. Сколько он помогал Собранию с присущими ему бескорыстием и простотой не только как старый военный или как один из самых талантливых в городе архитекторов, но и просто как человек, чья поручительская подпись на обязательствах Собрания решала в положительном смысле вопрос о займе или других делах.

Вот наш добрейший профессор А.Э. Бари, всегда веселый, всегда доброжелательный человек, для энергии которого не было ничего невозможного. Для помощи своим братьям он готов был идти в любое учреждение, к любой могущественной иностранной фигуре и, владея всеми иностранными языками, бывал принят и там, где его хотели, а иногда для пользы дела и там, где его вовсе не хотели. Как часто он бывал послом Офицерского собрания по самым щекотливым поручениям и почти всегда выходил из них с честью.

Вот наш незабвенный, долголетний председатель Собрания генерал-майор Л.А. Гафнер. Военный до мозга костей, всю свою долгую жизнь проведший на строевой пехотной службе, Л.А. не мог ни действовать, ни мыслить иначе как старый, искушенный во всех вопросах офицерской жизни командир и долголетний член гарнизонных и полковых

собраний Императорской армии. В этом секрет его популярности как председателя Собрания и той большой пользы, которую он принес. Если для жизни Собрания были необходимы устои, оно всегда могло найти их у генерала Гафнера.

Вот почетный вице-председатель Собрания — адмирал С.Н. Тимирев. Находясь в плавании, он не часто бывал в Собрании, но каждое его появление в стенах Собрания всегда сопровождалось традиционной морской беседой. От С.Н. веяло тем духом благороднейшего, несокрушимого товарищества, которым так крепка была офицерская среда (особенно во флоте) и который не различал ни возраста, ни чинов, ни материального положения.

Да, много было прекрасных и ценных русских людей, встречавшихся с нами в гостеприимных и уютных комнатах Собрания, всех не вспомнить. Одни умерли, другие уехали из Шанхая, но все они оставили свой незримый, но осязательный след и в жизни Собрания, и в его судьбе, и в душах тех, с кем они встречались.

Теперь, когда новые волны мировых событий, способные в несколько дней сметать с лица земли вековые государства, проходят перед нашими взволнованными взорами, мы видим в эти дни, что одна из этих исторических волн ударила и по нашей многотрадной Родине и, принесла новое горе и новые муки русскому народу, окажет ему вместе с тем и величайшее благодеяние, уничтожив без следа коммунистическую власть. Теперь, в ожидании великих перемен, оглянемся на наше прошлое в Шанхае и вспомним с благодарностью очаг нашей национальной военной среды, наше маленькое и скромное Офицерское собрание. Оно 15 лет неизменно служит нам местом, где незримо и невольно чувствуется влияние былой русской мощи и славы, где каждым из нас пережито много памятных волнующих минут. Вспомним, что есть у нас вещи, которые не могут отнять ни долгие годы изгнания, ни чуждая нашему призванию и воспитанию жизнь и работа, ни кажущаяся безнадежность нашей самой дорогой мечты, ни потеря близких и друзей. Эти свойства нашего духа, общие всем русским офицерам, рожденные в нас и воспитанные в прекрасных наших кадетских корпусах, училищах и воинских частях, и сделали то, что наше Офицерское собрание благополучно прожило 15 лет, не имея никакой помощи, кроме жертвенности своих собственных членов.

Вот о ком и о чем хочется вспомнить в эти дни юбилея. Будем же дальше бережно хранить то, что имеем, ибо не знаем, когда и как и мы сами, и все что у нас есть, включая нашу молодую смену, выросшую за эти 15 лет, понадобится нашей, по-прежнему горячо любимой и желанной Родине — России.

Молодежь и Собрание¹⁸⁸

Оглядываясь назад, на долгие пятнадцать лет существования Офицерского собрания в Шанхае, вспоминая всю его жизнь, хочется сказать несколько слов пожелания для будущего.

Дух Собрания — дух и традиции Императорских армии и флота. И наш долг, офицеров, передать этот дух и эти традиции нашей смене. Мы должны привлекать молодежь в наши ряды, воспитывать эту молодежь для будущей России, передать ей, молодежи, все то, что в былое время со школьной скамьи кадетских корпусов впитывал в себя будущий молодой воин.

Пусть в этом разноплеменном городе, где так много соблазнов и так мало хорошего русского, будет жить этот уголок старой России и Ее славной Армии и пусть здесь поучается новое поколение любить свою Родину, пусть готовится к великому служению Ей.

Много путей к этому — организация кружков молодежи, как военно-научного, так и спортивного характера, доклады и беседы старших с младшими, развитие библиотеки и читальни, разумные развлечения молодежи и т. д.

Здесь, в краткой приветственной заметке, нет надобности приводить детали. Здесь хочется лишь высказать свои пожелания Собранию, чтобы, вступая в шестнадцатый год своего существования, оно еще более росло и ширилось и развивало свою полезную, культурную работу на благо будущей Великой России.

Неофициальные воспоминания

Последнее сопротивление в Приморье и великий исход остатков белых войск с родной земли многих из нас забросили в Шанхай. Естественная тяга к своим, к бывшим сослуживцам, к приятелям по полкам, батареям и т. д. в этом чужом городе поначалу создала различные объединения.

Так и у нас, артиллеристов, создалось объединение бывших офицеров. Собирались довольно часто, где только было возможно, и вот тут-то и назрело желание создать что-нибудь свое, хотя бы очень скромное, что дало бы возможность людям, так много вместе пережившим, встречаться, объединиться и проводить свой досуг. К тому же все мы были бедны, ютились по очень скромным комнатам и у себя подобных встреч организовать не могли. Неожиданно, благодаря помощи адмирала Юрия Карловича Старка, это желание доволь-

но быстро осуществилось, и в Шанхае появилось Офицерское собрание.

Первые дни жизнь Собрания носила официальный характер, т. к. не все еще перезнакомились. Примером этому может служить такой маленький эпизод. В баре, около стойки, «в отдельном плавании» обозначается фигура, по-видимому, иностранца — высокий, хорошо одет и с характерным подбородком. В это время появляется грузная фигура старого мореплавателя ст. лейтенанта Х. Хлебосол, уже не новичок в Шанхае, прекрасно владеющий английским языком, он предполагает в незнакомец иностранца, пожелавшего воспользоваться параграфом устава Собрания и стать его членом. И вот лейтенант на чистейшем английском диалекте любезно предлагает одинокой фигуре «сделать» с ним рюмку водки. Но каково же было его изумление, когда «иностранец» с большой обидой в тоне голоса, на чистейшем русском языке ему отвечал: «Помилуйте, ведь я же — ротмистр Ингерманландского гусарского полка!»

Этой комической сценки было достаточно, чтобы встретившиеся стали добрыми знакомыми. Такой эпизод, очевидно, был не один, т. к. мы довольно быстро начали себя чувствовать в Собрании в той обстановке, которая напоминала нам старые собрания.

Жизнь идет... Уже мы знаем, что такое Рейс-Корс, знаем ажиотаж вокруг скачек и то участие, которое принимают в нем клубы Шанхая.

Собрание тоже выпускает свои билеты свип-стека. На беду одного из приятелей, в Собрании разносится весть, что номер его билета выиграл первый приз. «Счастливица», несмотря на его упорное сопротивление, вызывают на устройство «банкета». Каков же был конфуз для атакующих, когда затем выяснилось, что приз оказался совсем не первым и по сумме не составлял даже... двухзначной цифры!..

Жизнь идет... Мы уже часто встречаемся, вспоминаем то или иное событие и как-то стараемся его отметить. Мне вспоминается один юбилей. Им отмечался день двадцатилетия дипломатической карьеры доброго приятеля. Жаркий летний день. Жара особенно действует на еще неискующих шанхайцев. Торжество назначено на вечер. Надеваем лучшее свое обмундирование и изнываем от жары.

В саду Собрания накрыты столики в ожидании посетителей. Один большой стол обращает на себя внимание неожиданностью сервировки — балык, семга, икра, сметана и т. д.

Оказывается, несмотря на жару и на духоту, этот торжественный день отмечается хорошими горячими... блинами! Жара не помешала. Блинам была отдана должная дань, и юбилей удался на славу.

Все эти «банкеты» по случаю неудавшегося выигрыша или горячие блины в жару очень способствовали сближению и установке подлинно дружественных взаимоотношений, которые существуют и поныне между многими из нас, привели к тому, что Собрание стало для нас совершенно необходимым. Атмосферой дружбы и дружественности стены Собрания как бы насыщены.

Помнится потоп на авеню Жоффр. В Собрание попасть можно было только на рикше, но не многие рискуют в этот день пуститься в отважное путешествие. В Собрании почти пусто.

Под вечер появляется незнакомый человек, и мы с любопытством разглядываем эту колоритную фигуру. Высокий, сутуловатый, с крупными чертами лица, длинный мундштук с вечно дымящейся сигаретой. Он просто спрашивает, кто в настоящий момент является тем лицом, кому ему надлежит представиться. Затем он знакомится с председателем, и уже к концу вечера Борис Алексеевич Суворин перестает быть чужим человеком для Собрания.

Жизнь идет... Не вечно ярко светит и нам солнце. Наступают и у нас пасмурные дни. Раздаются голоса о ликвидации. Но дружба спасает. Ликвидация отвергается, и мы переезжаем в более скромные условия. Но все же мы существуем и имеем место, где собираются старые собраты по оружию и укрепляют еще более свою дружбу.

Как-то в Собрании встречаются двое — один из них бывший курсовой офицер училища, другой бывший юнкер соседнего по лагерю училища. Последний с юнкерских времен сохранил недоброе чувство к курсовому офицеру. Что сделал особенного юнкер? Он принял приглашение приятелей по корпусу на «собаку» и, конечно никого не спросив, отправился к соседям. По несчастью, юнкер «напоролся» на дежурного офицера, и тот, не считаясь с законами гостеприимства, просто отправил его обратно домой с приказанием доложить обо всем своему дежурному офицеру. Результат, наверное, многим понятен — трое суток! Трое суток отсидки — это когда тебе 20 лет, когда солнце светит, когда рядом Дудергоф, Кавелахты, Тайцы и все с ними связанное. Где же ему быть, доброму чувству! И вот здесь, в Собрании, бывший юнкер, высказав всю свою старую обиду, рад своему бывшему обидчику и счастлив, что есть место, где они смогли встретиться и без горечи вспомнить старинку.

Побывал у нас в Собрании и приехавший на гастроли в Шанхай шахматный чемпион мира А.А. Алехин. Он сыграл в бридж, причем наши бриджисты не только не дрогнули пред чемпионом, но даже одержали «викторию». Алехин был в прекрасном расположении духа и подшучивал сам над собой. Состоялось и фотографирование — чем-

пион снимался в группе членов Собрания, но шахматами его не беспокоили.

Шанхай часто тревожили события. То поблизости воюют соперничающие китайские генералы, то Южный Китай покоряет Северный, то вокруг происходят жестокие бои между китайскими и японскими войсками. В эти периоды времени Шанхай становился как бы осажденной крепостью, в нем объявлялось осадное положение и «предельный час» (cutfew), после которого не разрешалось выходить из домов на улицу.

В 1927 г. вокруг Шанхая шла очередная сеча. Как-то под вечер в Собрании заигралась компания в бридж и среди них сам председатель распорядительного комитета и кое-кто из его членов. Игра шла настолько увлекательно, что о «предельном часе» вспомнили только часа через два после того, как он наступил. Покидать Собрание было нельзя. Всех не имеющих специальных пропусков задерживали. Что же оставалось делать?..

С чисто военной решимостью было поступлено радикально: не оставяя стен Собрания и играть до утра!.. Но на следующий день пунктуальная канцелярия Собрания предъявила игрокам сверхординарный счет: правила Собрания устанавливали прогрессивно увеличивающийся в соответствии с часами игры штраф за игру после закрытия Собрания.

Смятение игроков было немалое. Самым же колоритным было то, что под штраф попал не более не менее как... председатель распорядительного комитета, хранитель незыблемости параграфов собранского устава. Впрочем, все кончилось к общему удовлетворению. Налицо был признан «форс-мажор», и дело было предано забвению.

Жизнь идет... Подбираются старые служаки — то отсюда, то оттуда — кто-то приехал, узнал, зашел и остался с нами. Крепнет Собрание, крепнет дружба. Уже почти не пугают переезды и материальные неустойки. Не раз дружными усилиями выравнивается положение, Собрание живет, крепнет и строго хранит атмосферу дружбы.

Жизнь идет... Много людей видели стены Собрания. Именитые заезжие гости посещают нас. Многих уже не стало, а Собрание все живет, и все так же крепка в нем дружба.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Загорский Анастасий Прокопьевич**. В 1917 г. — марте 1918 г. начальник Джаркендского уезда, затем в 1918—1920 гг. секретарь русского консульства в Кульдже. В начале 20-х гг. находился в эмиграции в Китае, затем в США. Умер после 1952 г. в Сан-Франциско.

² Впервые опубликовано: Оренбургский казак. Сан-Франциско, 1952.

³ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 г. генерал-инспектор кавалерии (до 18 сентября 1919 г.) и одновременно Походный атаман всех казачьих войск (до 16 октября 1919 г.), 18 сентября — 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

⁴ **Колчак Александр Васильевич**, р. 4 ноября 1874 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерал-майора корпуса морской артиллерии. Морской корпус (1894). Вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Летом 1918 г. в отряде капитана Орлова в Харбине, с 4 ноября 1918 г. военный и морской министр Уфимской директории, с 18 ноября 1918 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. Адмирал (с 18 ноября 1918 г.). Орден Св. Георгия III ст. (20 апреля 1919 г.). 15 января 1920 г. выдан Советам и расстрелян 7 февраля 1920 г. в Иркутске.

⁵ Оренбургская армия. Образована 17 октября 1918 г. на базе формирований восставшего против большевиков оренбургского казачества как Юго-Западная армия, подчинявшаяся до ноября назначенному Уфимской дирек-

торией Верховному главнокомандующему генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву, а затем — адмиралу Колчаку. 28 декабря переименована в Отдельную Оренбургскую армию, состоящую из 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, 4-го Оренбургского армейского, Сводного Стерлитамакского и Башкирского (4 пехотных полка) корпусов и 1-й Оренбургской казачьей пластуной дивизии. Численность ее красные оценивали в 10 тысяч человек. Весной 1919 г. из нее выделена и подчинена Западной армии Южная группа. В начале 1919 г. армия оставила Оренбург и Орск, но в апреле вернула Орск и развила наступление на Актюбинск. 23 мая 1919 г. армия, Южная группа и Оренбургский военный округ перестроены в Южную армию, состоящую из корпусов: 1-го (включавшего части расформированного 2-го) Оренбургского казачьего, 4-го Оренбургского, 5-го Стерлитамакского (или 5-го Сибирского из 19-й и двух полков 20-й стрелковой дивизии), 11-го Яицкого армейского (21-я Яицкая стрелковая дивизия и 29-й Оренбургский казачий полк (или два полка 20-й дивизии), Сводно-Туркестанского (Оренбургская пластуная дивизия, 42-й Троицкий, 24-й Уральский и 1-й Линейный казачий полки) корпусов, 1-й Оренбургской казачьей и Отдельной конной Башкирской бригады. В июне она насчитывала 15,2 тысячи штыков, 12 тысяч сабель, 7 тысяч невооруженных, 247 пулеметов и 27 орудий. В середине июля 1919 г. армия пополнилась 11-й Сибирской стрелковой дивизией.

Армия участвовала в июньском наступлении на Оренбург, а с конца июля 1919 г. действовала самостоятельно (Ставка не имела о ней сведений), в августе прикрывала Башкирию и Оренбургскую обл. и удерживала Верхнеуральский район, пытаясь сохранить связь с Уральской армией. В это время она состояла из восьми оренбургских казачьих полков, 21-й Яицкой пехотной дивизии (81, 82, 83 и 84-й полки по 200—300 человек), двух конных (ротмистров Марсова и Львова) по 100 сабель и артиллерийского (подполковник Гринев) дивизионов. После потери Верхнеуральска отошла на юго-восток, в сентябре вышла из Тургайской степи в районе Петропавловска (за это время из 1500 человек в ней осталось 1200) и 18 сентября вновь была переименована в Оренбургскую армию. 10 октября 1919 г. она (насчитывала 20 тысяч человек) вошла в состав Московской группы армий. После боев под Орском и Актюбинском отошла в Семиречь, где 6 января 1920 г. вошла как Оренбургский отряд (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Сызранская отдельная егерская бригада) в состав Отдельной Семиреченской армии. Командующие: генерал-лейтенант А.И. Дутов (17 октября 1918 г. — 23 мая 1919 г.), генерал-майор П.А. Белов (23 мая — 21 сентября 1919 г.), генерал-лейтенант А.И. Дутов (21 сентября — 16 октября 1919 г.). Начальники штаба: полковник (генерал-майор) А.Н. Вагин (17 октября 1918 г. — 23 мая 1919 г.), генерал-майор И.В. Тонких (с 23 мая 1919 г.).

⁶ **Белов Петр А. (Виттекопф Ганс Альфредович)**, р. 22 апреля 1881 г. Гимназия (1899), Виленское пехотное юнкерское училище (1902), академия Генштаба (1911). Полковник (1917), старший адъютант штаба 27-го армейского корпуса, 9-й кавалерийской дивизии, 3-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с 2 июня 1918 г. начальник штаба Сибирской армии и Омского военного округа, с 13 июня 1918 г. начальник штаба Сибирской армии, с

13 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 21 февраля 1919 г. командующий Стерлитамакским сводным корпусом, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, с 9 марта 1919 г. командующий 8-й стрелковой Камской дивизией, затем командующий Южной группой войск Западной армии, с 23 мая командующий Южной армией. Орден Св. Владимира III ст. с мечами; с 18 сентября 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, затем помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, с 24 октября, на 14 ноября 1919 г. главный начальник по разгрузке Омска и Сибирской магистрали (магазинов). Генерал-майор (12 августа 1918 г.). В 1921 г. начальник партизанского отряда в Западной Сибири. В эмиграции в Харбине.

⁷ **Семенов Григорий Михайлович**, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 мая 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 16 июня 1919 г. также уполномоченный командующего войсками Приамурского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия, с 18 июля 1919 г. генерал-майор и помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края; с 11 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 10 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. Походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. Походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. — Походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. Походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант (с 24 декабря 1919 г.). В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

⁸ **Анненков Борис Владимирович**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Ге-

нерал-майор (15 октября 1919 г.). В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. в Семипалатинске.

⁹ **Акулинин Иван Григорьевич**, р. 12 января 1880 г. Из казаков ст. Урядинской Оренбургского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1902), академия Генштаба (1913). Офицер 2-го Оренбургского казачьего полка. Полковник главного управления Генерального штаба, в 1917 г. помощник Войскового атамана Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. зам. председателя войскового правительствa, с июня 1918 г. командующий войсками Оренбургского военного округа и с 19 октября 1918 г. главный начальник того же округа, 7 марта — 24 мая 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса Оренбургской армии, в 1919 г. начальник штаба Походного атамана Оренбургского казачьего войска, с 1 июля до 11 ноября 1919 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса в Уральской обл., затем через Кавказ прибыл в Крым, с июня 1920 г. в Русской Армии: в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1 октября 1918 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегад». В эмиграции в Югославии, затем во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 26 ноября 1944 г. в Париже.

¹⁰ Это не совсем так. Та часть оренбуржцев, которая присоединилась к Уральской армии, разделила ее печальную судьбу. До границ Ирана из состава последней дошел только небольшой отряд в несколько десятков человек.

¹¹ **Бакич Андрей Степанович**, р. 31 декабря 1878 г. 3-я Белградская гимназия (1900), Одесское пехотное юнкерское училище (1902). Офицер 60-го пехотного полка. Полковник, командир 55-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командовал Сызранской группой Народной армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), при отходе за Волгу — на 15 августа 1918 г. начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии; с 19 февраля 1919 г. командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, с 5 апреля 1919 г. генерал-майор. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции с марта 1920 г. в Китае. Возглавил «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию. 17 декабря 1921 г. взят в плен и расстрелян в мае 1922 г. в Ново-Николаевске.

¹² Партизанская дивизия атамана Анненкова. Развернута 23 октября 1918 г. из Партизанского отряда атамана Анненкова. Входила с 3 января 1919 г. в состав 2-го Степного Сибирского корпуса. Включала Отдельную стрелковую и Отдельную конную бригады. В последнюю входили полк Черных гусар (имел черные фуражки и красные погоны с белой выпушкой, черные гимнастерки, белые ментики с черной опушкой и шаровары с лампасами) и Лейб-Атаманский (Конвойный) полк (имел малиново-синие фуражки, синие рубахи с красными погонами и малиновые шаровары). 7 мая 1919 г. части дивизии сведены в стрелковую (1-й, 2-й стрелковые и 3-й сводный партизанские полки и Маньчжурско-егерский батальон), кавалерийскую (полки Черных гусар и Барнаульский Голубых улан) и казачью (1-й Оренбургский, 1-й партизанский, 2-й Усть-Каменогорский и 1-й конно-киргизский партизанские полки) отдельные бригады. В конце 1919 г. вошла в состав Отдельной Семиреченской армии.

26 мая 1920 г. перешла китайскую границу у Кульджи, после чего рассеялась по Китаю. Сводный дивизион дивизии прибыл в Приморье, где участвовал в последних боях Дальневосточной армии. Чины дивизии носили вместо кокарды изображение черепа с костями. Начальник — полковник (генерал-майор) Б.В. Анненков. Начальники штаба: штабс-капитан Сальников (врид; 18 декабря 1918 г. — 25 мая 1919 г.), капитан (полковник) Алексеев (врид; 26 мая — 11 июня 1919 г.), есаул Александров (7—11 ноября 1919 г.), полковник (генерал-майор) Н.А. Денисов.

¹³ От названия г. Ханькоу — основного пункта сосредоточения русских деловых кругов в Китае.

¹⁴ **Рождественский Серафим П.**, р. 1 сентября 1903 г. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. доброволец в отряде полковника Каппеля на Волге, в октябре 1922 г. на бронепоезде «Каппелевец» в дивизионе бронепоездов Отдельной железнодорожной бригады Дальневосточной армии. Подпоручик. В эмиграции в Китае и с 1923 г. в Австралии, с 1928 г. в Европе, к 1934 г. во Франции (в 1941 г. в Париже), после 1945 г. в США, сотрудник газеты «Русская жизнь».

¹⁵ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1972. Июль—август. № 101.

¹⁶ В публикации критически разбирается советская версия событий, приведших к гибели А.И. Дутова, изложенная В. Альтовым в журнале «Урал» (№ 5 за 1971 г.). Следует заметить, что в свете описания личности К. Чанышева А. Загорским (см. выше) версия о его княжеском происхождении представляется более чем сомнительной. И вообще, ни один из четырех Чанышевых, служивших офицерами в Русской армии, княжеского титула не имел.

¹⁷ Возможно, имеется в виду Николай Егорович Завершенский. Во всяком случае, на 1910 г. другого офицера с похожей фамилией в Русской армии не было.

¹⁸ Здесь речь идет о подполковнике Генштаба Папенгуте, воевавшем в Оренбургской армии и бывшем в эмиграции в Китае (в январе 1921 г. штаб-офицер для поручений при атамане Дутове, затем начальник его штаба в Китае). С 1931 г. он возглавлял отряд русских добровольцев в китайской армии в Синцзяне, а затем был казнен китайцами в 1933 г. Однако личность его не вполне ясна. Возможно, это младший брат генерал-лейтенанта Павла и действительного статского советника Петра Оскаровичей Папенгутов — Леонтий Оскарович Папенгут (р. в 1864 г.), в службе с 1885 г., офицером с 1888 г., капитан с 1901 г. и на 1913 г.; в 1918 г. его, подполковника 3-го стрелкового полка, большевики пытались мобилизовать в Рязанской губ., однако он отмечен как «не явившийся». Других Папенгутов накануне мировой войны в Русской армии не было. В списке Генерального штаба Папенгут не значится. Баронского титула Папенгуты также никогда не имели.

¹⁹ **Анисимов Николай Семенович**, р. в 1877 г. в п. Изьяк-Никитинский Оренбургской губ. Войсковой старшина Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. член Оренбургского войскового правительства, с 28 июня 1920 г. уполномоченный представитель Оренбургского казачьего войска в штабе Походного атамана. Весной 1921 г. в Гродекове, глава оренбургских казаков в Приморье, зам. атамана, в январе

1921 г. в Харбине, с 1 марта 1921 г. по 16 февраля 1923 г. атаман Оренбургского казачьего войска. Генерал-майор (к лету 1920 г.). В эмиграции в Шанхае в составе группы генерала Глебова. В марте 1925 г. поднял мятеж и вернулся в СССР. Арестован 15 августа 1930 г. Расстрелян большевиками по делу «Казачьего блока» 3 (8) апреля 1931 г. в Москве.

²⁰ О каком именно Янчисе идет речь, не ясно. Во всяком случае, это мог быть только один из трех братьев Янчисов. Тимофей Александрович (р. в 1865 г., окончил Николаевское инженерное училище в 1888 г.) был (с 1907 г.) на 1916 г. полковником инженерных войск, а Андрей (р. в 1861 г., в службе с 1881 г., офицером с 1887 г., капитан с 1902 г.) и Петр (р. в 1875 г., в службе с 1894 г., офицером с 1896 г., капитан с 1905 г.) на 1913 г. были капитанами армейской пехоты.

²¹ Автор письма заблуждается. Чанышева, о котором идет речь в его письме, звали не Касымхан, а Якуб Джангирович, и он едва ли мог быть офицером Русской армии. Он, хотя и был членом партии с 1917 г., был очень молод и выдвинулся как раз накануне репрессий: при присвоении персональных воинских званий в 1935 г. его не было даже в списке полковников, а к 1937 г., когда был, действительно, репрессирован, он был уже комдивом. 22 февраля 1944 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1987 г. в «Красной звезде» было помещено извещение о его смерти (как бывшего старшего преподавателя академии Генштаба).

²² **Кочнев Дмитрий Васильевич**, р. 10 сентября (9 октября) 1893 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1912). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. в партизанском отряде есаула Жукова, затем в Оренбургской армии, в марте 1920 г. в 4-м Оренбургском армейском корпусе. В 1920 г. в лагере на р. Эмиль в Китае, весной 1921 г. командир 1-й Оренбургской казачьей дивизии в отряде генерала Бакича в Китае и Монголии до 19 октября 1921 г. Полковник. В эмиграции в Китае, к 1936 г. атаман Оренбургской казачьей станицы в Шанхае. После 1949 г. — в США. Председатель Кружка ревнителей истории Оренбургского казачьего войска. Умер 21 мая 1981 г. в Сан-Франциско.

²³ Впервые опубликовано: Оренбургский казак. Сан-Франциско, 1952.

²⁴ **Карнаухов Николай Петрович**. Офицер Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; командир 1-й бригады Оренбургской казачьей дивизии, на 12 августа 1919 г. действовал в районе Кустаная в составе сводного казачьего отряда. Генерал-майор (с 14 августа 1919 г.). Участник «Голодного похода» Оренбургской армии; в октябре 1921 г. в Кобдо (Монголия), в 1921—1922 гг. командир отряда в Китае, составленного из бывших частей генерала Анненкова. В эмиграции в 1923 г. в Тяньцзине, затем в Шанхае.

²⁵ **Сокольников Владимир Юльевич**. Полковник Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1919 г. дежурный штаб-офицер штаба главнокомандующего, в 1920 г. начальник штаба Партизанского инородческого отряда войск Горно-Алтайской области, с 15 марта 1921 г. начальник штаба отряда Кайгородова в Монголии. Участник похода на Алтай в 1921 г. В эмиграции в Китае (Шанхай), затем в США. Умер 10 января 1963 г. в Сан-Франциско.

²⁶ **Глебов Сергей Венедиктович**, р. в 1887 г. Есаул Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. войсковой старшина, командир 1-го Конно-Восточного полка Оренбургского казачьего войска. Полковник. В 1920 г. в лагере на р. Эмиль в Китае.

²⁷ **Макеев А.С.** Есаул. В белых войсках Восточного фронта; с 26 сентября 1920 г. командир Офицерской сотни Анненковского полка Азиатской конной дивизии, с октября 1920 г. адъютант барона Унгерн-Штернберга, в июле 1921 г. комендант Азиатской конной дивизии. В эмиграции в Китае.

²⁸ Впервые опубликовано: *Макеев А.С.* Бог войны — барон Унгерн. Шанхай, 1934.

²⁹ **Барон Унгерн-Штернберг Роман Федорович (Унгерн-Штернберг фон Пилькау)**, р. в 1887 г. Павловское военное училище (1908). Есаул 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в конце 1917 г. начальник отряда в Даурии, в октябре 1918 г. начальник Инородческой дивизии, с 23 октября 1918 г. генерал-майор, с 8 декабря 1918 г. командир Туземного (Азиатского) корпуса, с 18 июня 1919 г. начальник Азиатской конной дивизии. Генерал-лейтенант. Взят в плен и расстрелян большевиками 15 сентября 1921 г. в Новосибирске.

³⁰ Азиатская конная дивизия. Сформирована 28 мая 1919 г. в Забайкалье из частей расформированного Туземного конного корпуса бароном Р.Ф. Унгерн-Штернбергом (еще до мировой войны хорошо знакомым с Монголией) в составе 1-й конной — Даурский и Хамарский (с 22 сентября 1919 г. Татарский) полки, 2-й конной — 1-й и 2-й Бурятские полки, и Инородческой конно-артиллерийской бригад. 11 октября 1919 г. расформирована с разделением на Азиатскую — 1-й (бывший Татарский) и 2-й (бывший 2-й Бурятский) Татарские конные полки (с 1 ноября — также Азиатский конно-артиллерийский дивизион), и Монголо-Бурятскую — Бурятский (бывший 1-й Бурятский) и Даурский конные полки. 5 февраля 1920 г. Азиатская бригада переименована в Азиатскую конную дивизию из двух бригад: 1-я (1-й и 2-й Татарские конные полки и Монгольский конный дивизион) и 2-я (1-й и 2-й Бурятские и Монголо-Бурятский конные полки; в состав ее вошла формировавшаяся с 6 декабря 1919 г. Отдельная Бурятская конная бригада). С 18 марта 1920 г. подчинялась непосредственно главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской восточной окраины, с 21 мая — Дальневосточной армии. 7 августа 1920 г. переформирована в партизанский отряд, который в августе самовольно ушел на монгольскую границу и 29 сентября исключен из состава армии (в Монголии снова именовался дивизией). Насчитывала до 400 русских и до 2 тысяч азиатов.

³¹ **Резухин Борис Петрович.** Офицер (на 1910 г. хорунжий) Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; командир 1-й бригады Азиатской конной дивизии, с 22 октября 1919 г., в июле—августе 1920 г. командир 1-го Татарского полка, помощник командира Азиатской конной дивизии, в 1921 г. командир бригады. Генерал-майор. Убит в июле 1921 г. в Монголии.

³² **Глебов Фадей (Федор) Львович**, р. 25 июня 1887 г. (21 августа 1888 г.) в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского

казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров (1916). Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 г. есаул, помощник командира полка, с 6 августа 1919 г. командир 10-го Сибирского казачьего полка (с 9 сентября 1919 г. — войсковой старшина), с ноября 1919 г. полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны, на 21 сентября 1920 г. командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 г. генерал-майор, с весны 1921 г. командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии, 22 августа 1921 г. исключен из службы; 1 сентября — 6 декабря 1921 г. командующий Гродековской группой войск. 20 ноября (фактически 9 декабря) 1921 г. отстранен и арестован (20 марта 1922 г. осужден к заключению в крепости на срок 1 год и 4 месяца), с 15 июня 1922 г. в распоряжении командующего войсками и флотом Временного Приамурского правительства, 1—18 июня 1922 г. командир Особой группы частей армии Приамурского Временного правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля (8 августа) 1922 г. командующий Дальневосточной казачьей группой. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае. С 29 июня 1925 г. заместитель атамана Сибирского казачьего войска, в 1942—1944 гг. председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 октября 1945 г. в Шанхае.

³³ Имеется в виду Приамурское Временное правительство (во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми), образовавшееся во Владивостоке после переворота 26 мая 1921 г., устранившее «розовое» правительство Приморской областной земской управы.

³⁴ **Шайдицкий Владимир Иоаннович**, р. 24 марта 1890 г. Виленское военное училище (1912). Капитан 117-го пехотного полка и 1-й Особой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. на Дальнем Востоке, в ноябре—декабре 1919 г. в конвоях в Иркутске, с марта 1920 г. в Азиатской конной дивизии, помощник командира, командир Даурского конного полка, с октября 1920 г. при атамане Семенове. Полковник. С весны 1921 г. в эмиграции в Китае (Харбин), затем в США, редактор «Всезарубежного Объединения Виленцев», сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 10 марта 1981 г. в Сан-Франциско.

³⁵ Впервые опубликовано: На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963; см. также: Вестник первопоходника. 1970. Июнь—июль. № 92.

³⁶ Впервые опубликовано: На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963.

³⁷ **Розанов Сергей Николаевич**, р. 24 сентября 1869 г. Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, командир 41-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сентября 1918 г. врид начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 22 декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 4 марта 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 15 марта 1919 г. командующий войсками в Енисейской губ. и Нижнеудинском уезде Иркутской губ., с 18 марта 1919 г. также уполномоченный по охране государственного

порядка и общественного спокойствия по Енисейской губ., с 18 июля 1919 г. командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, 18 июля 1919 г. — 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. Орден Св. Владимира II ст. с мечами 24 июля 1919 г. В эмиграции во Франции, в начале ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

³⁸ **Лохвицкий Николай Александрович**, р. 7 октября 1868 г. в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. 4-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1889), академия Генштаба. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 г. в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 14 июля 1919 г., в августе 1919 г. командующий 2-й армией, с 27 апреля до 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, 2 июня — 1 октября 1920 г. одновременно начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. На 8 января 1922 г. во Владивостоке, член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 г. во Франции, с 1927 г. председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Умер 5 ноября 1933 г. в Париже.

³⁹ **Скипетров Леонид Николаевич**, р. 23 марта 1883 г. в Виленской губ. Сын надворного советника. 1-я Виленская гимназия, Виленское пехотное юнкерское училище (1904). Георгиевский кавалер. Полковник, командир 170-го пехотного полка, и. д. генерала для поручений при командующем Иркутским военным округом. Руководитель восстания юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г. В белых войсках Восточного фронта; с начала января 1918 г. начальник штаба Особого Маньчжурского отряда, затем помощник атамана Г.М. Семенова по политической и дипломатической части и по снабжению войсковых частей. С осени 1918 г. начальник 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с 15 декабря 1918 г. пехотных частей Отдельной Восточно-Сибирской армии и военно-учебных заведений, с 21 декабря 1918 г. по 13 февраля 1919 г. и с 16 июня 1919 г. также начальник 1-го (Читинского) военного района Забайкальской области. Ранен и контужен. С конца декабря 1919 г. командир отряда, созданного с целью освобождения адмирала Колчака. Генерал-майор (6 сентября 1918 г.). В эмиграции в Польше, затем в США. Инициатор создания Южно-Калифорнийского отдела Союза русских военных инвалидов. Умер 22 августа 1956 г. в Лос-Анджелесе (США).

⁴⁰ **Сычев Ефим Георгиевич**, р. 1 апреля 1879 г. Из казаков Амурского казачьего войска. Нерчинское горное училище, Иркутское военное училище (1899). Полковник, командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии, с 14 июля 1918 г. командир Забайкальской казачьей бригады, в августе 1918 г. командир 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с 14 сентября 1918 г. командир Отдельной Амурской бригады, с 6 ноября 1918 г., начальник Иркутского военного района, с 5 декабря 1918 г. начальник Иркутской военно-инструкторской школы. Одновременно с января по 19 августа и с 30 августа 1918 г. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска. В начале 1919 г. — ян-

варе 1920 г. комендант и начальник военного района и гарнизона Иркутска, с 23 февраля 1920 г. в распоряжении командующего Восточным Забайкальским фронтом, 29 февраля выехал в Харбин. В 1922 г. командующий Амурской военной организацией. Генерал-майор (с 11 июля 1919 г.). В эмиграции в Китае, в 1921—1923 гг., в 1932 г. в Харбине, в 1933—1935 гг. редактор журнала «Россия и казачество». Член правления Восточного Казачьего союза. В 1941 г. перешел с сыном в СССР.

⁴¹ **Арчegov Константин Иванович.** Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 14-го драгунского полка и Терского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1919 г. начальник группы бронепоездов в отряде генерала Скипетрова. В эмиграции в 1930 г. в Австралии. Полковник Терского казачьего войска. Умер 10 ноября 1971 г. в Брисбене (Австралия).

⁴² **Акцынов Владимир Петрович,** р. 26 апреля 1877 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 2-й Московский кадетский корпус (1896), Александровское военное училище (1898). Офицер 5-го гренадерского полка. Подполковник Отдельного корпуса жандармов. В белых войсках Восточного фронта; с 21 февраля 1919 г. начальник штаба Туземного (Азиатского) конного корпуса, в декабре 1919 г. представитель барона Унгерна фон Штернберга при атамане Семенове, в апреле 1920 г. у Семенова. Генерал-майор (до декабря 1919 г.). В эмиграции с 1923 г. в США (Сизтл). Умер 9 июля 1936 г. в Сан-Франциско (США).

⁴³ **Жадвойн Николай Леонидович.** Сын действительного статского советника. Пажеский корпус (1913), академия Генштаба. Ротмистр л.-гв. Конно-гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта (с лета 1919 г., прибыл из Парижа). Участник Сибирского Ледяного похода в Уфимской кавалерийской дивизии. В июне 1920 г. в штабе генерала Лохвицкого в Чите, затем начальник разведывательного отделения штаба 1-го корпуса. Полковник. В эмиграции в Китае (к 1932 г. в Шанхае), затем в Калифорнии (США). Умер после февраля 1954 г.

⁴⁴ **Казачихин Владимир Иванович,** р. в 1870 г. В службе с 1894 г., офицером с 1898 г. Полковник Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; комендант пос. Маньчжурия, с 29 ноября 1918 г. начальник гарнизона того же поселка. В июне 1920 г. комендант ст. Маньчжурия. Генерал-майор (с 23 октября 1918 г.).

⁴⁵ **Дашкевич-Горбатский Владислав Владиславович,** р. в 1879 г. в Обухове Киевской губ. Академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, и. д. начальника 21-й пехотной дивизии. В апреле 1918 г. ликвидировал Центральную раду, затем начальник штаба гетманской армии, с 27 июня 1918 г. генеральный старшина при гетмане. В белых войсках Восточного фронта; с осени 1919 г. из Константинополя. Участник Сибирского Ледяного похода, командир Северной группы; на 27 мая 1920 г. генерал для поручений при командующем войсками Дальневосточной армии, с 6 июня 1920 г. в распоряжении главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. В эмиграции на 1920 г. в Германии.

⁴⁶ **Канабеев Лев Николаевич**, р. в 1885 г. Сын офицера. В службе с 1904 г., офицером с 1906 г. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г., в июне 1920 г. у атамана Г.М. Семенова. В эмиграции на 1920—1932 гг. в Харбине, служил в управлении КВЖД, на 8 января 1922 г. секретарь Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Расстрелян большевиками в 1945 г. в Харбине.

⁴⁷ **Тирбах Анатолий (Артемий) Игнатъевич**, р. 18 сентября 1890 г. в Туркестане. Сын статского советника. Подъесаул Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1917 г. участник разгона Маньчжурского совдепа, затем в Особом Маньчжурском отряде, в 1918—1919 гг. командир того же отряда, помощник по кавалерийской части Читинского военного училища, до мая 1920 г. начальник 1-й Маньчжурской сводной дивизии, в июле 1920 г. начальник укрепленного района Даурия, с лета 1920 г. начальник Читинского военного училища, с 1 августа 1920 г. также начальник гарнизона поселка и ст. Даурия. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, сотрудник БРЭМ. Убит в августе 1935 г. в пос. Трехречье (Маньчжурия); по другим сведениям — 18 ноября 1936 г. в Шанхае.

⁴⁸ **Иванов Леонид Александрович (Иванов-Иверьев)**, р. 26 января 1873 г. в Москве. Кадетский корпус (1891), Александровское военное училище (1893), Военно-юридическая академия. Офицер 2-го стрелкового полка. Полковник Отдельного корпуса жандармов. В белых войсках Восточного фронта; весной 1919 г. дежурный генерал штаба Отдельной Восточно-Сибирской армии, затем начальник Забайкальского областного управления государственной охраны, с 2 февраля 1920 г. одновременно и. о. начальника главного отдела государственной милиции при Управлении внутренних дел Дальнего Востока, затем начальник контрразведки штаба главкома всеми вооруженными силами Дальне-Восточной окраины. Генерал-майор (с 30 мая 1919 г.). В эмиграции в Китае, весной 1921 г. в Харбине, затем в Бразилии, к 1931—1932 гг. в Сан-Паулу, председатель отдела РОВС. Умер 19 января 1952 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁴⁹ **С.Е. Хитун** (1895—1982) в 1921 г. служил шофером в Азиатской конной дивизии.

⁵⁰ Впервые опубликовано: Русская Мысль. 1970. 4 июня — 23 июля.

⁵¹ Впервые опубликовано: На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963.

⁵² Имеется в виду Николай Дионисьевич Меркулов, в 1921—1922 гг. военный министр Временного Приамурского правительства (с августа 1922 г. министр иностранных дел).

⁵³ **Нечаев Константин Петрович**. Тверское кавалерийское училище (1904). Офицер 5-го уланского полка. Полковник 5-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир кавалерийского отряда, на 27 августа 1918 г. командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, затем в Казанском (б. Каргопольском) драгунском полку, с начала 1919 г. генерал-майор, командир кавалерийской бригады 3-го корпуса (Отдельная Волжская кавалерийская бригада). Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, командир Волжского драгунского полка и (до 15 ок-

тября 1920 г.) начальник гарнизона Читы, с 2 сентября 1920 г. начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии, затем командир Сводной кавалерийской бригады, с 1 июня 1921 г. также начальник гарнизона Владивостока. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Китае, с 15 сентября 1924 г. в армии Чжан Цзолина, в 1925 г. военный советник, на 1 сентября 1926 г. начальник 65-й дивизии (Русского отряда).

⁵⁴ **Квятковский Павел.** Тверское кавалерийское училище (1916). Офицер Приморского драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта. Ротмистр. В эмиграции в Китае, в 1927 г. командир Особого Русского полка китайской армии. Полковник. Затем гражданский служащий.

⁵⁵ **Крымов Александр Михайлович,** р. 23 октября 1871 г. Из дворян Варшавской губ., сын чиновника. Псковский кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1902). Офицер 6-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. В августе 1917 г. поддержал выступление генерала А.Г. Корнилова против Временного правительства. Застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде.

⁵⁶ **Кобылкин Иннокентий Васильевич.** Хабаровский кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. командир сотни Читинского военного училища, весной 1921 г. член войскового правительства Забайкальского казачьего войска при Забайкальской казачьей дивизии. В эмиграции в Китае, в 1927—1928 гг. командир роты русского военного училища в Китае, затем жил в Харбине. Член Братства Русской Правды, НТС и РФС. Арестован в Иркутске и расстрелян в сентябре 1935 г.

⁵⁷ **Переладов Евлампий Лукьянович.** Кадет Полтавского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; кадет Сибирского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае. Младший портупей-юнкер Шаньдунского Офицерского инструкторского отряда (окончил курс 27 марта 1927 г.). Подпоручик. Член Братства Русской Правды. Арестован в Иркутске и расстрелян там же в сентябре 1935 г.

⁵⁸ **Олейников Борис Владимирович.** Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. во 2-м Уральском конно-артиллерийском дивизионе. В эмиграции в Китае, член Братства Русской Правды. Арестован в Иркутске и расстрелян в сентябре 1935 г. там же.

⁵⁹ **Уваров Борис Григорьевич.** Александровское военное училище. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае, с 1927 г. командир роты Шанхайского офицерского инструкторского отряда, уполномоченный главы Российского Императорского дома на Дальнем Востоке, редактор журнала «Штандарт», в 1944 г. выехал в Монголию. В сентябре 1945 г. схвачен и вывезен в СССР, до 1956 г. в лагерях.

⁶⁰ Впервые опубликовано: Экстра (Чита). 2003. 11 июня.

⁶¹ Инициалы ошибочны. Имеется в виду Михайлов Дмитрий Михайлович, р. в 1888 г. в Мариямполе Сувалкской губ. Виленское военное училище (1914). Поручик, командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка. В белых

войсках Восточного фронта; участник Ижевского восстания, в январе 1919 г. — июле 1920 г. командир 1-го Ижевского стрелкового полка в Сибирской армии, в августе—октябре 1919 г. капитан, затем полковник. В эмиграции в Китае (Харбин), в 1928 г. в китайской армии, после 1963 г. в Аргентине. Умер 8 мая 1979 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁶² **Чехов Владимир Алексеевич**, р. 12 июня 1887 г. Реальное училище. Офицер с 1909 г. Капитан, начальник хозяйственной части 18-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом (в июле—августе) 1918 г. в 3-й роте Оренбургского офицерского батальона. Полковник. В эмиграции в Китае, командир бронедивизиона русской группы войск в армии Чжан Цзолина. Генерал китайской армии. Убит в январе 1926 г. у ст. Мачан.

⁶³ **Федосеев Павел Алексеевич**, р. в 1890 г. Николаевское кавалерийское училище (1911), академия Генштаба (1916) (не закончил). Сотник 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, старший адъютант штаба 7-й Донской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с августа по 15 сентября 1918 г. начальник штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии, осенью 1920 г. на той же должности, полковник (причислен к Генеральному штабу), с 10 февраля по 20 ноября 1921 г. начальник Забайкальской казачьей бригады и дивизии в Гродекове, с 22 июня 1922 г. начальник Забайкальской казачьей дивизии. Генерал-майор (1921). В эмиграции в Китае, в 1925—1928 гг. адъютант Шаньдунского Офицерского инструкторского отряда в войсках Чжан Цзолина, к 1933 г. в Харбине или в Шанхае.

⁶⁴ **Тарнопольский Константин Георгиевич**, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1893 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. член Иркутской военной организации (с 1 марта по 11 июня 1918 г. — рядовой боец, с 14 по 28 июня 1918 г. — в тюрьме), с 17 июля 1918 г. начальник артиллерии Восточно-Сибирского (затем Иркутского) военного округа, с 5 мая 1919 г. инспектор артиллерии 6-го Уральского корпуса, с 25 июля 1919 г. инспектор артиллерии 2-го Уфимского армейского корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода, затем инспектор артиллерии 3-го стрелкового корпуса, с 28 сентября 1920 г. начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов. В эмиграции в Китае, в 1925—1928 гг. преподаватель Шаньдунского Офицерского инструкторского отряда в войсках Чжан Цзолина. Умер в 1936 г. в Харбине.

⁶⁵ **Тихобразов Александр Александрович**. В белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции в Китае, в 1921—1923 гг. в Харбине. Служил в войсках Чжан Цзолина, начальник штаба 65-й дивизии, преподаватель Шаньдунского Офицерского инструкторского отряда.

⁶⁶ Речь идет о потомках казаков, взятых в плен китайцами во время так называемых Албазинских войн (по названию русской крепости) в конце XVII в., которые были поселены в Пекине.

⁶⁷ **Жемчужин Дмитрий П.** Школа прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. В белых войсках Восточного фронта. Старший лейтенант. В эмиграции в Китае (в 1920 г. прибыл из Читы в Харбин), к лету 1921 г. в Харбине.

⁶⁸ Впервые опубликовано: Морской Журнал. 1934. Октябрь—ноябрь. № 82/83.

⁶⁹ **Фомин Николай Георгиевич (Юрьевич)**, р. 8 декабря 1888 г. в Нижнем Новгороде. Из дворян Тверской губ. Морской корпус (1908) (офицером с 1909). Старший лейтенант, флаг-капитан по оперативной части Черноморского флота, затем начальник 1-го оперативного отделения морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Народной армии, начальник штаба Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. и. д. начальника оперативной части (начальник штаба) речной обороны, с ноября 1918 г. начальник управления по оперативной части морского министерства, в марте—июне 1919 г. начальник штаба речной боевой Камской флотилии, в октябре—ноябре 1919 г. в Японии, зимой 1919/20 г. командир ледоколов на Байкале. Капитан 1-го ранга (с апреля 1919 г.). С 1920 г. в Харбине и Мукдене, входил в окружение атамана Г.М. Семенова. С мая 1921 г. начальник штаба Сибирской флотилии до эвакуации и в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1924 г. в Шанхае, до 19 апреля 1927 г. командир Шанхайского Русского полка, руководитель монархической организации, с 1936 г. по 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае. С 1949 г. на о. Тубабао, с 1950 г. в Австралии, начальник Австралийского округа КИАФ, почетный председатель Кают-компании, вице-председатель РМО в Австралии. Умер 3 августа 1964 г. в Сиднее (Австралия).

⁷⁰ **Харин Николай Сергеевич**, р. в 1886 г. Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Старший лейтенант Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; в 1919 г. прибыл из Омска в Харбин, с июня 1921 г. командир посыльного судна «Патрок», затем директор-распорядитель конторы Добровольного флота, с сентября 1922 г. командирован в США. Капитан 1-го ранга. В эмиграции там же, в 1949 г. в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 8 (10) сентября 1963 г. в Стратфорде (США).

⁷¹ **Четвериков Семен Александрович**, р. в 1886 г. Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант Балтийского флота (из запаса). В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. штаб-офицер для поручений при штабе речной обороны Народной армии; в 1919 г. из Омска прибыл в Харбин, к лету 1921 г. там же, к октябрю 1922 г. на Сибирской флотилии для связи при правителе Приморского края. Капитан 2-го ранга. При эвакуации в 1922 г. начальник 2-го дивизиона Сибирской флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1924—1929 гг. служащий Шанхайского муниципалитета, в 1932—1937 гг. оформитель книг, в 1936—1939 гг. член (в 1939 г. член Комитета старшин) Кают-компании в Шанхае. Умер в 1941—1945 гг. в Шанхае.

⁷² **Звягин Сергей Дмитриевич**, р. в 1885 г. Морское инженерное училище (1907). Капитан корпуса корабельных инженеров. В белых войсках

Восточного фронта; с 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин. В эмиграции в США. Умер 19 августа 1955 г. в Сан-Франциско.

⁷³ **Иподиматопуло Михаил Спиридонович**. Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман линейного корабля «Императрица Екатерина II». В белых войсках Восточного фронта на Волжской и Камской флотилии, командир вооруженного парохода, затем командир роты Морского учебного батальона; в 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин. В 1921—1922 гг. на канонерской лодке «Магнит» Сибирской флотилии. лейтенант. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции с 1923 г. в США, служил в береговой охране. Умер 25 сентября 1969 г. в Сан-Франциско.

⁷⁴ **Иконников Дмитрий Николаевич**, р. в 1892 г. Морской корпус (1913). Офицер с 1917 г. Мичман, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин.

⁷⁵ **Старк Георгий (Юрий) Карлович**, р. 20 октября 1878 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губ., сын чиновника. Морской корпус (1898). Контр-адмирал, начальник минной дивизии Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. рядовой в Народной армии в Казани, командир отряда судов на Волге, командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 г. командир бригады и дивизии морских стрелков в Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920—1921 гг. в Харбине, с 18 июня 1921 г. командующий Сибирской флотилией, с 10 августа 1922 г. одновременно помощник по морской части правителя Приамурского края, с сентября 1922 г. начальник тыла Приморья. При эвакуации в 1922 г. командующий Сибирской флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1923 г. в Маниле, с 1931 г. в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, в 1946—1949 гг. председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Умер 2 марта 1950 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁷⁶ **Запрудин Михаил Иванович**, р. в 1877 г. в с. Черемисском Пермской губ. Из крестьян. Произведен в офицеры из нижних чинов. Поручик по адмиралтейству. В белых войсках Восточного фронта на Камской и Иртышской флотилиях, в 1919 г. выехал из Омска по железной дороге в Харбин. В эмиграции в Китае, служащий Датско-Азиатской компании. Умер 31 июля 1936 г.

⁷⁷ **Мюллер Владимир Оттович**, р. в 1881 г. В службе и офицером с 1904 г. лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин.

⁷⁸ **Лабуза Борис Сергеевич**, р. в 1892 г. Морское инженерное училище (1913). лейтенант, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин.

⁷⁹ **Тирбах Петр Игнатьевич**, р. в 1887 г. Морской корпус (1910). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. прибыл из Омска по железной дороге в Харбин. В эмиграции в Китае (Фучау), служил харбур-

мастером, затем в США, к 1948 г. в Калифорнии. Умер 2 марта 1953 г. в Лос-Анджелесе.

⁸⁰ Имеется в виду тайный советник Николай Львович Гондатти, бывший генерал-губернатор Дальнего Востока.

⁸¹ **Федорович Михаил Иосифович**, р. 14 октября 1872 г. Морской корпус (1892), Морская академия (1914). Капитан 1-го ранга, командир линейного корабля «Евстафий». В белых войсках Восточного фронта; начальник гарнизона и комендант Томска и Красноярска, начальник технической части морского министерства, с 15 августа 1919 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке, с 1 февраля 1920 г. начальник морского управления и командующий боевыми флотилиями на Дальнем Востоке. Контр-адмирал (1918). В эмиграции в Китае: к лету 1921 г. в Харбине (председатель местной Кают-компании), с 1930 г. в Шанхае, организатор там морской школы. Умер 7 декабря 1936 г. в Шанхае.

⁸² **Дмитриев Степан Петрович**, р. в 1894 г. Морской корпус (1915). Мичман Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии. Лейтенант (1 января 1919 г.). Летом 1921 г. на КВЖД в Харбине (прибыл в 1920 г. из Читы), затем в Шанхае.

⁸³ **Тихомиров Иван Васильевич**, р. в 1892 г. Морской корпус (1913). Лейтенант Балтийского флота. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). К 16 мая и летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии; с сентября 1921 г. командир эсминца «Инженер-механик Анастасов», старший флаг-офицер штаба флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае, к 1948 г. в Шанхае.

⁸⁴ **Шутов Борис Константинович**, р. в 1876 г. Морской корпус (1895). Капитан 1-го ранга Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии. В 1920 г. прибыл из Благовещенска в Харбин. Умер до 1933 г. там же.

⁸⁵ **Белоусов Владимир Владимирович**, р. 19 сентября 1888 г. Морской корпус (1911). Лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В белых войсках Восточного фронта. Старший лейтенант. В эмиграции в Харбине (с 1920 г. из Благовещенска). Погиб до ноября 1933 г. в Харбине.

⁸⁶ **Крапин Борис Михайлович**, р. 25 июля 1898 г. Школа прапорщиков флота (1917). Мичман военного времени. В белых войсках Восточного фронта, в 1920 г. прибыл из Благовещенска в Харбин, затем служил на Сибирской флотилии. Лейтенант военного времени. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины, с 1936 г. по 18 июня 1946 г. член и секретарь Кают-компании в Шанхае. После 1948 г. в США. Умер 28 октября 1964 г. в Сан-Франциско.

⁸⁷ **Фон Йорк Генрих Михайлович**. Морской корпус (1916). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; в 1920 г. прибыл из Благовещенска в Харбин, затем на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины.

⁸⁸ **Залого Парфений Алексеевич**. Подпоручик по адмиралтейству. В белых войсках Восточного фронта в Амурской речной флотилии. В эмиграции в Китае, с 1920 г. в Харбине. Умер до 1933 г.

⁸⁹ **Вуич Иван Эммануилович**, р. в 1884 г. Училище правоведения (1905). В службе с 1907 г. Произведен в офицеры из юнкеров флота (1909). лейтенант Гвардейского Экипажа. Сопровождал адмирала Колчака в США и Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с 30 ноября 1918 г. старший флаг-офицер при командующем морскими силами на Дальнем Востоке, в 1919 г. начальник оперативного штаба. В эмиграции в Китае на 1920 г. в Харбине (старший лейтенант), организатор русской монархической колонии в Шанхае, затем во Франции, к 1930 г. член полкового объединения. Капитан 2-го ранга. В 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание. Умер 6 августа 1979 г. в Париже.

⁹⁰ **Калмыков Иван Михайлович**. Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20—31 января 1918 г. атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с 29 августа 1919 г. начальник Уссурийской отдельной своего имени бригады, с 1 января 1920 г. — Уссурийской отдельной сводной дивизии, с 30 января 1920 г. начальник Уссурийской группы войск (с правами командующего отдельной армией). Генерал-майор (1919). Убит в 1920 г. в Китае.

⁹¹ **Кондрашев Владимир Николаевич**, р. в 1885 г. Морской корпус (1906) (офицером с 1907), Офицерский класс подводного плавания (1910). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, к 1933 г. подписчик «Морского журнала» в Харбине. Умер 4 марта 1960 г. в Лозанне (Швейцария).

⁹² **Волховский Николай Николаевич**, р. 6 августа 1877 г. в Темир-Хан-Шуре. Одесская гимназия (1897), Новороссийский университет (1902), Юрьевский университет (1907). В службе и классном чине с 1908 г. Надворный советник, морской врач. В белых войсках Восточного фронта. Коллежский советник. В эмиграции в Китае. Умер в начале 1938 г. в Харбине.

⁹³ **Серापин Александр Васильевич**, р. в 1887 г. Офицер с 1914 г. лейтенант, помощник морского агента в Японии. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (Харбин), к 1933 г. в Австралии.

⁹⁴ **Малявин Виссарион Дмитриевич**, р. в 1892 г. Морской корпус (1911). лейтенант. В эмиграции в Китае (Харбин), с 1933 г. в Шанхае, с 1936 г. до 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае.

⁹⁵ **Ульрих Василий Владимирович**, р. в 1890 г. Морской корпус (1909) (офицером с 1910). лейтенант. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (Харбин), затем в Бразилии. Умер 23 апреля 1966 г. в Бразилии.

⁹⁶ **Васильев Владимир Александрович**. Гардемарин Отдельных гардемариных классов. С 12 ноября 1917 г. в заграничном плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В конце 1918 г. в Сайгоне, 16 января 1919 г. прибыл во Владивосток на пароходе «Пенза». В белых войсках Восточного фронта; с 18 января 1919 г. в Морском училище во Владивостоке. Эвакуиро-

ван 31 января 1920 г. на «Орле». Корабельный гардемарин (2 апреля 1920 г. в Сингапуре). С сентября 1921 г. в Морской роте Сибирской флотилии, с января до 22 марта 1922 г. вахтенный начальник канонерской лодки «Смерч» Амурской флотилии. Мичман. Исключен из службы 7 апреля 1922 г. В эмиграции в Китае. Застрелился 26 февраля 1928 г. в Харбине.

⁹⁷ **Шульговский Николай Алексеевич**, р. в 1889 г. Морской корпус (1909) (офицером с 1910). Лейтенант. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае (Харбин), затем в Австралии, к 1935—1936 гг. в Сиднее. Умер 14 марта 1951 г. там же.

⁹⁸ **Подольский К.И.** Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, к 1933 г. директор Русского дома в Харбине.

⁹⁹ **Миштовт Анатолий Викентьевич**. Отдельные гардемаринские классы (1918). В белых войсках Восточного фронта. Мичман (с 1918 г.). В эмиграции в Китае (Харбин), в 1939 г. член Кают-компании в Шанхае, затем в США (Калифорния). Умер 26 апреля 1971 г. в Сан-Франциско.

¹⁰⁰ **Слюз Константин Александрович**, р. в 1899 г. Одесский кадетский корпус (1915) (не окончил). Гардемарин Морского корпуса и Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел». В белых войсках Восточного фронта; с апреля 1918 г. у адмирала Колчака в Харбине, воевал в частях Забайкальского казачьего войска, с 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке (отчислен 2 декабря) и вернулся во 2-й конный полк, затем в Азиатской конной дивизии. Хорунжий (мичман). В эмиграции в Китае, жил в Харбине. После 1945 г. — в Австралии. Умер 2 июня 1969 г. в Сиднее (по другим данным — в Канберре).

¹⁰¹ **Адрианов Николай Владимирович**. Морской корпус (1918). Старший гардемарин Черноморского флота. В эмиграции в Китае, в 1936—1939 гг. член (в 1936 г. казначей) Кают-компании в Шанхае.

¹⁰² **Андогский Александр Иванович**, р. 25 июля 1876 г. Из дворян Новгородской губ., сын действительного статского советника. Вологодская гимназия, Санкт-Петербургский университет (1898), офицерский экзамен при Павловском военном училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Московского полка. Генерал-майор, начальник академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); до 23 октября 1922 г. начальник академии Генштаба; экстраординарный профессор той же академии (с 18 сентября 1919 г. ординарный профессор, с оставлением в должности начальника академии), 26 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Иркутского военного округа, с 18 сентября 1918 г. помощник управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 18 июня 1919 г. 1-й генерал-квартирмейстер Ставки, с 12 августа 1919 г. 1-й помощник начальника штаба, с 8 октября 1919 г. в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего с оставлением в должности начальника академии и ординарного профессора, с октября 1921 г. преподаватель Владивостокского военного училища, в 1922 г. городской голова Владивостока. В эмиграции в Китае. Покончил самоубийством 25 февраля 1931 г. в Харбине.

¹⁰³ **Клюпфель Евгений Владиславович**, р. 31 января 1860 г. Морской корпус (1882). Контр-адмирал, директор маяков и лоций Каспийского моря

(в отставке с 1917 г.). Участник Белого движения. В эмиграции в США, председатель Кают-компании в Сан-Франциско. Умер 16 (19) марта 1934 г. в Сан-Франциско.

¹⁰⁴ **Апрелев Борис Петрович**, р. 18 февраля 1888 г. Морской корпус (1907). Старший лейтенант, офицер связи с командованием союзными морскими силами в Средиземном море. После Февральской революции 1917 г. во французском флоте, помощник морского агента в Японии (1918—1919). Награжден орденом Почетного легиона. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. морской агент адмирала Колчака в Италии и Югославии. Капитан 2-го ранга (1919). К лету 1921 г. в Белграде, в 1925—1929 гг. — в Париже, член Кают-компании. В эмиграции в Китае: в 1929—1931 гг. в Харбине, в 1931—1943 гг. в Шанхае, во французской консульской полиции; возглавлял в Шанхае группу РОВСа, член Кают-компании (1936—1946 гг., в 1939 г. член Комитета старшин), в 1944—1946 гг. — в Циндао директор русской гимназии, затем снова в Шанхае, с января 1949 г. в Сан-Франциско. Скончался при невыясненных обстоятельствах 5 марта 1951 г. в Сан-Франциско.

¹⁰⁵ **Теренин Михаил Михайлович**. Офицер с 1915 г. Мичман. В белых войсках Восточного фронта; с 26 декабря 1918 г. и. д. начальника отделения общих и учебных дел управления по делам личного состава флота. Капитан 2-го ранга. В эмиграции в Китае, с 1927 г. в Харбине, с 1931 г. в Шанхае.

¹⁰⁶ **Навроцкий Глеб Михайлович**. Из дворян. В белых войсках Восточного фронта; на Волжской и Камской флотилиях, 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. Гардемарин. Произведен в офицеры за боевое отличие. Подпоручик по адмиралтейству. В эмиграции в Китае, с 1936 г. по 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае, капитан парохода. Умер 6 декабря 1955 г. в Гонконге.

¹⁰⁷ **Булатов Павел Всеволодович**. Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, в 1927 г. в Харбине, в 1939 г. член Кают-компании в Шанхае. Вернулся в СССР.

¹⁰⁸ **Делимарский Михаил Константинович**, р. 24 июля 1900 г. в Керчи. Хабаровский кадетский корпус (1917). Гардемарин Отдельных гардемаринских классов. В плавании на вспомогательном крейсере «Орел», в конце 1918 г. в Сайгоне. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. во Владивостокской Учебно-инструкторской школе, с 16 января 1919 г. в Морском училище во Владивостоке, с 18 января 1919 г. в прикомандировании к Морской роте Сибирской флотилии. Окончил Учебно-инструкторскую школу на Русском острове (31 мая 1919 г.) и произведен в подпоручики. С 12 апреля 1921 г. на Сибирской флотилии. Поручик. С сентября 1921 г. младший офицер Морской роты, с декабря 1921 г. на канонерской лодке «Маньчжур», в январе—марте 1922 г. флаг-офицер штаба Амурской флотилии, с 1922 г. на Сибирской флотилии. Мичман военного времени. Георгиевский крест IV ст. Трижды ранен. При эвакуации в 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, до 1923 г. служащий Хабаровского кадетского корпуса в Шанхае, затем во французской полиции, в 1936—1939 гг. член Кают-компании в Шанхае, в 1945—1948 гг. в тюрьме за службу в полиции при японцах, с 1948 г.

на Филиппинах в лагере на о. Тубабао, в августе 1952 г. вывезен в Чили, с 1953 г. в Парагвае. Умер 25 июня 1966 г. в Асунсьоне.

¹⁰⁹ **Запольский Всеволод Януарьевич**, р. в 1893 г. Морской корпус (1915). Мичман. В белых войсках Восточного фронта. Старший лейтенант. В эмиграции в Китае, в 1933 г. в Харбине, начальник морского отдела КИАФ в Маньчжоу-Го. Умер после 1935 г.

¹¹⁰ **Никифоров Михаил Иванович**. Мичман военного времени. Во ВСЮР на Каспийской флотилии, командир истребителя № 5. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, в 1933 г. окончил зубоврачебные курсы в Харбине, помощник начальника морского отдела КИАФ в Маньчжоу-Го.

¹¹¹ **Абращенков Федор Степанович**. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. гардемарин 2-й роты Морского училища во Владивостоке. В эмиграции в Китае. Умер 15 августа 1946 г. в Харбине.

¹¹² **Смиренский Дмитрий Алексеевич**, р. в 1893 г. Морской корпус (1913). Лейтенант. В эмиграции в Китае. Застрелился до 1933 г. в Харбине.

¹¹³ **Весельков Александр Петрович**, р. в 1867 г. В службе с 1895 г. Статский советник, морской врач. В эмиграции в Китае. Умер до 1933 г. в Харбине.

¹¹⁴ **Андреев Алексей Васильевич**, р. в 1881 г. Морское инженерное училище (1903). Капитан 2-го ранга, инженер-механик Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; начальник технической части вооружения Камской флотилии. В эмиграции в Китае. Умер 7 июня 1933 г. в Харбине.

¹¹⁵ **Красноусов Евгений Михайлович**. Кадет 7-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в январе 1918 г. командир группы кадет на Ташкентском фронте. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в начале 1919 г. юнкер Оренбургского военного училища, в декабре 1921 г. хорунжий, командир сотни Сибирского казачьего полка, затем в Сибирской казачьей батарее. Сотник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, капитан, в течение 20 лет адъютант полка. После 1949 г. на Филиппинах, затем в Австралии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 14 марта 1969 г. в Брисбене (Австралия).

¹¹⁶ Впервые опубликовано: *Красноусов Е.М.* Шанхайский Русский полк 1927—1945. Сан-Франциско, 1984.

¹¹⁷ **Дитерихс Михаил Константинович**, р. 5 апреля 1874 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 ноября 1917 г. уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до января 1919 г.), с которым начал Белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; на 4 июля 1918 г. командующий вооруженными сухопутными и морскими силами Приморской области и командир Чехословацкого корпуса, с 8 января 1919 г. определен в русскую службу, с января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня — 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 г.

также и командующий Сибирской армией, 9 августа — 27 августа 1919 г. также начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр в правительстве адмирала Колчака. С 4 ноября 1919 г. — в распоряжении адмирала Колчака, с 8 мая по 1 июля 1920 г. вр. председателем военного совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати, 1/11 июня — 3 ноября 1922 г. воевода земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1924 г. начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 (12) октября 1937 г. в Шанхае.

¹¹⁸ 1-й корпус (1-й отдельный, с 27 апреля 1920 г. 1-й Забайкальский) Дальневосточной армии. Образован 10 марта 1920 г. в Забайкалье из находившихся там войск, подчиненных атаману генерал-лейтенанту Г.М. Семенову (Забайкальская казачья и Маньчжурская сводная атамана Семенова дивизии и 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада). По приходе в Приморье его части составили основу Гродековской группы войск. После Хабаровского похода в его состав вошли все казачьи части, и он стал включать: Оренбургскую казачью бригаду, Сводную казачью бригаду и Забайкальскую казачью дивизию. Командиры: генерал-лейтенант Д.Ф. Семенов (10 марта — 23 июля 1920 г.), генерал-майор Г.Е. Мациевский (с 23 июля 1920 г.). Начальник штаба — полковник К.А. Соболев (1920 г.).

¹¹⁹ 2-й корпус (2-й отдельный стрелковый, с 27 апреля 1920 г. 2-й Сибирский стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 2-й армии Восточного. Первоначально (к 21 марта 1920 г.) в него входили Иркутская (Иркутский, Воткинский и Тобольский стрелковые полки), Омская (4-й и 15-й Сибирские, 3-й Барнаульский стрелковые и 11-й Оренбургский казачий полки) стрелковые дивизии, отдельная Добровольческая бригада (два полка) и Сибирский казачий полк. Воткинский полк затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в Никольск-Уссурийском, Спасске и нескольких иных населенных пунктах по обеим веткам к северу от Никольска. После Хабаровского похода состоял из трех бригад: 1-й стрелковой, 2-й Сибирской стрелковой и 3-й Пластунской, но в целях приведения организации к большому единообразию 15 мая 1922 г. сильно потрепанная 3-я Пластунская бригада сведена в один полк, который воит в 1-ю стрелковую бригаду. После этого корпус состоял из 1-й и 2-й стрелковых бригад, все номера полков которых были изменены на новые — с 1-го по 6-й. Корпусу был также придан 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Сибирскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 1450 штыков и сабель и 7 орудий. Состояла из трех стрелковых полков (отрядов): Западно-Сибирского (бывший 4-й Омский), Восточно-Сибирского (генерал-майор Е.К. Вишнеvский; бывший 3-й Иркутский и 3-й сводный Добровольческий полки, пополненные чинами бывшего 1-го Пластунского полка, изъявившими желание служить в частях 2-го корпуса и не пожелавшими отправляться в Дальневосточную группу) и Пограничного, а также Сибирской артиллерийской дружины (бывший 2-й Сибирский стрел-

ковый артиллерийский дивизион) и Сибирской инженерной дружины (бывший 2-й Сибирский инженерный дивизион). Командиры: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий (февраль — 23 августа 1920 г.), генерал-майор И.С. Смолен (с 23 августа 1920 г.). Начальники штаба: полковник Волков, полковник Бодров (август—ноябрь 1922 г.).

¹²⁰ 3-й корпус (до 27 апреля 1920 г. 3-й отдельный стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 3-й армии Восточного фронта. В его состав вошли: Уфимская (4-й Уфимский, 8-й Камский, 12-й Уральский стрелковые, Уфимский кавалерийский полки и Енисейская казачья бригада), сводная стрелковая (Ижевский, Уральский и Егерский полки и одноименные конные дивизионы, Оренбургская казачья бригада) дивизии, Волжская сводная отдельная им. генерала Каппеля бригада (Волжские конный и стрелковый полки) и (до 8 мая 1920 г.) 1-я отдельная кавалерийская бригада (Казанский драгунский и Сводный уланский полки). Воткинский стрелковый отряд первоначально входил в состав 2-го корпуса, а затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в основном в Раздольном, под Владивостоком. С 28 августа 1921 г. включал Поволжскую, Ижевско-Воткинскую и 2-ю отдельную Сибирскую стрелковую бригады, Сибирский казачий полк и Сибирскую казачью батарею. После Хабаровского похода состоял из двух стрелковых бригад: Поволжской и Ижевско-Воткинской. Корпусу был также придан 3-й стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Поволжскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 2030 штыков, 805 сабель и 8 орудий. Состояла из двух стрелковых полков (отрядов): Прикамского (бывшая Ижевско-Воткинская бригада), Приволжского (бывшая Поволжская бригада), Московского конного полка (генерал-майор Хрушев; 300 штыков и 450 сабель). — сведенные в одну бригаду 1-й и 2-й кавалерийские полки 2-го корпуса и Анненковский конный дивизион, Поволжской артиллерийской дружины (бывший 3-й стрелковый артиллерийский дивизион) и Поволжской инженерной дружины (3-й отдельный инженерный дивизион). Командир — генерал-майор В.М. Молчанов. Начальники штаба: полковник Л.А. Ловцевич, полковник Савчук (июнь—ноябрь 1922 г.).

¹²¹ **Безуар Василий Викторович**, р. 1 января 1887 г. Морской корпус (1907). Старший лейтенант Отдельных гардемаринских классов. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, летом 1918 г. в добровольческой морской роте в Харбине; в октябре 1918 г. председатель комиссии для выработки временной необходимой комплектации Сибирской и Амурской флотилий, с 5 декабря 1918 г. командующий Амурской флотилией, с несколькими кораблями которой в январе 1920 г. ушел в Китай, в феврале 1920 г. командир морской роты при отступлении из Хабаровска. Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в китайской тюрьме в Чигирине. С июня 1921 г. член военного совета Сибирской флотилии, в октябре 1922 г. начальник отряда транспортов, заведующий эвакуацией Владивостока. Контр-адмирал. При эвакуации в 1922 г. остался в Гензане. В эмиграции в Шанхае, служил в торговом флоте, редактор журнала «Штандарт», в 1939 г. член Кают-

компании в Шанхае. Убит японским снарядом, командуя пароходом, в первый день войны 7 декабря 1941 г.

¹²² Дальневосточная группа (рать). Сформирована в Дальневосточной армии (Приамурская Земская рать) в августе 1922 г. на базе Забайкальской казачьей дивизии из некоторых частей 1-го и 2-го корпусов. На 1 сентября 1922 г. насчитывала примерно до 1800 штыков и сабель и 3 орудия. Включала Забайкальскую казачью дивизию, Амурскую (200 штыков), Иркутскую и Забайкальскую пластунскую (бывший 1-й Пластунский полк), а также Дальневосточную артиллерийскую казачью дружины. Командир — генерал-лейтенант Ф.А. Глебов. Начальник штаба — полковник Е.М. Дубинин.

¹²³ Гродековская группа войск. Группировка войск Дальневосточной армии, располагавшаяся после оставления Забайкалья в Гродекове и подчинявшаяся не командованию армии, а «главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской восточной окраины» — генерал-лейтенанту Г.М. Семенову. Образована 25 мая 1921 г. В состав этой группы войск входили все казачьи части и части 1-го корпуса, пришедшие в Приморье (часть забайкальцев осела в районе Хайлара в полосе КВЖД) — 1-я конная дивизия, сводная и Оренбургская отдельная казачья бригада, отдельный сводный стрелковый полк, и две (1-я и 2-я) стрелковые бригады и Камский конный дивизион, выделившиеся из состава 2-го и 3-го стрелковых корпусов (в марте 1921 г., после съезда командиров частей армии в Гродекове, последовал выход из состава 2-го корпуса генерала Осипова и из состава 3-го корпуса полковника П.Е. Глудкина). «Каппелевские» части, переходя в состав Гродековской группы войск, сохраняли свои старые наименования (Егерский, Уральский, Добровольческий полки; Красноуфимский, Камский конные дивизионы). После реорганизации 7 сентября 1921 г. включала 1-ю сводную стрелковую (Маньчжурский атамана Семенова, атамана Семенова личного конвоя, Уссурийский атамана Калмыкова и Камский адмирала Колчака отдельные стрелковые дивизионы), 2-ю сводную конную (Сибирский и Енисейский казачьи и кавалерийский отдельные дивизионы) отдельные бригады, отдельный сводный и Забайкальский атамана Семенова (бывший отдельный конный атамана Семенова дивизион) казачьи полки. После отъезда атамана Семенова за границу 12 сентября 1921 г. вошла в подчинение Приамурскому Временному правительству и вошла в состав армии, сохранив в основном прежние формирования. Командующие: генерал-лейтенант Н. Савельев (25 мая — 1 сентября 1921 г.), генерал-лейтенант Ф.А. Глебов (1 сентября — 6 декабря 1921 г.), генерал-майор Правохенский (6—27 декабря 1921 г.). Начальники штаба: полковник (генерал-майор) К.Л. Соболев (25 мая — 1 сентября 1921 г.), полковник Е.М. Дубинин (1 сентября — 11 декабря 1921 г.), полковник Леонов (11—15 декабря 1921 г.), генерал-майор Гафнер (15—27 декабря 1921 г.).

¹²⁴ Иванов Семен Дмитриевич, р. 1 февраля 1896 г. Михайловское артиллерийское училище. Офицер 1-й Забайкальской казачьей батареи. В белых войсках Восточного фронта; командир батареи в ОМО, затем во 2-й конной батарее Маньчжурской конной дивизии. Затем курсовой офицер Читинского военного училища, до декабря 1921 г. командир конвойного дивизиона

Гродековской группы, с декабря 1921 г. помощник командира 1-го Пластунского полка, в 1922 г. командир пластунского полка казачьей группы. Георгиевский кавалер, полковник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку; командир роты, с 9 февраля майор, с 1 марта 1933 г. командир Шанхайского Русского полка, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. Умер 24 июня 1975 г. в Сан-Франциско.

¹²⁵ **Вихман Борис Матвеевич**, р. в 1894 г. Морской корпус (1915). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; командир в/т «Защитник». Старший лейтенант. В эмиграции в Шанхае. Капитан торгового судна. Убит пиратами со всей командой на пароходе «Шен-Ан» в море 26—28 июня 1933 г..

¹²⁶ **Поронник Прокофий Кириллович**. Подпрапорщик л.-гв. Московского полка. В белых войсках Восточного фронта с 8 августа 1918 г. в Мамадыше в Чистопольском отряде, Мамадышском, 32-м Прикамском стрелковом полку. Ранен в руку, осенью 1919 г. прикомандирован к 1-му полку морских стрелков, с которым совершил Сибирский Ледяной поход. В январе 1922 г. штабс-капитан, командир батальона Ижевского полка. Капитан. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку (капитан, командир 4-й роты), к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. Умер после 1964 г. в Австралии.

¹²⁷ **Мархинин М.И.** Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник Сибирского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку (командир 2-й роты, капитан). Умер 25 июля 1937 г. в Шанхае.

¹²⁸ **Билюкович Александр Александрович**. Офицер артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; адъютант штаба дивизии морских стрелков. Участник Сибирского Ледяного похода. На 30 августа 1920 г. в штабе 2-го стрелкового корпуса, затем флагманский интендант Сибирской флотилии. Капитан. После эвакуации Приморья пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. Капитан. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, адъютант полка. Умер до 1941 г.

¹²⁹ **Унтербергер Петр Павлович**. Сын генерал-инженера. Нижегородская гимназия, Николаевское инженерное училище (1902), Николаевская инженерная академия. Полковник л.-гв. Саперного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 27 января 1920 г. командир батальона в Учебно-инструкторской школе (Владивосток). В 1922 г. помощник секретаря Земского собора. В эмиграции в Китае, с 1927 г. штаб-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае.

¹³⁰ **Красноперов Н.М.** Войсковой старшина. В белых войсках Восточного фронта; летом 1920 г. на Шилкинской речной флотилии, осенью 1921 г. командир артиллерийской сотни Сибирского казачьего дивизиона, в октябре 1922 г. в частях Сибирской группы. Полковник. В эмиграции в Китае (Шанхай), с 1927 г. штаб-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку.

¹³¹ **Козлов Сергей Николаевич**. Морской корпус (1918). Гардемарин. Офицер с 1918 г. Мичман. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г.

прибыл с флотилией на Филиппины. В эмиграции к 1929 г. в Маниле (в 1934 г. подписчик «Морского журнала»), затем в Китае, с 1927 г. обер-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку, в 1936—1939 гг. член Кают-компании и Офицерского собрания в Шанхае. В 1945 г. вернулся в СССР.

¹³² **Филиппов Андрей Николаевич.** Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. Мичман (24 января 1919 г.). К 16 мая, летом 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. прибыл с флотилией на Филиппины. В 1918 г. в эмиграции в Китае, с 1927 г. обер-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку, с 1939 г. по 18 июня 1946 г. член Кают-компании в Шанхае, затем в США (Миссури).

¹³³ **Бологов Григорий Кириллович.** Сотник Енисейского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. командир отряда при подавлении Минусинского восстания, начальник отряда енисейских казаков, действующего против партизан в Енисейской губ., весной 1921 г. командир Енисейского казачьего полка в Гродекове, в декабре 1921 г. — Сводно-Конного полка, в декабре 1921 г. — январе 1922 г. — Енисейско-Сибирского казачьего отряда, в мае 1922 г. командир Отдельного Енисейского казачьего полка, в сентябре 1922 г. — Сводного Сибирско-Енисейского казачьего полка и Енисейской казачьей дружины. Руководитель Белой борьбы в районе Никольск-Уссурийского после 1922 г. Войсковой старшина. В эмиграции в Шанхае, член Дальневосточного казачьего союза, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, в 1929—1949 гг. председатель Казачьего союза в Шанхае. После 1949 г. — организатор эвакуации на о. Тубабао, затем в Сан-Франциско (США), руководитель Общеказачьего союза, в 1960 г. член правления ПРЭ. Войсковой старшина. Умер 3 марта 1976 г. в Сан-Франциско (США).

¹³⁴ **Гапанович Павел Иванович,** р. 4 октября 1898 г. Офицер л.-гв. Московского полка. В белых войсках Восточного фронта. Ротмистр. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, адъютант полка, командир роты, капитан. После 1949 г. — в США. Умер 7 марта 1982 г. в Сан-Франциско.

¹³⁵ **Васильев Александр Андреевич.** Вольский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; окончил Оренбургское военное училище, затем во 2-й батарее Сибирского казачьего войска и Отдельной Сибирской казачьей конной батарее, летом 1920 г. в Шилкинской речной флотилии. В эмиграции в Китае, с 1927 г. капитан, адъютант в Шанхайском Русском полку, в 1929—1932 гг. в Шанхае.

¹³⁶ **Вдовенко Михаил Михайлович.** Полковник пехоты. В белых войсках Восточного фронта; с 14 ноября 1918 г. командир пулеметной роты Читинского военного училища. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку. Умер 12 августа 1944 г. в Харбине.

¹³⁷ **Корнилов Александр Васильевич,** р. 22 августа 1874 г. 1-й Сибирский кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895), Офицерская стрелковая школа. Офицер Сибирского казачьего войска. Полковник, командир 4-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного

фронта. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку. После 1949 г. — в США. Генерал-майор. Умер 22 марта 1961 г. в Голливуде (США).

¹³⁸ **Тиме Герман Германович**. Николаевский кадетский корпус (1910), Николаевское кавалерийское училище (1912), Офицерская кавалерийская школа. Ротмистр л.-гв. Конно-гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта; на 9 мая 1919 г. командир конвоя командующего Сибирской армией, затем у атамана Г.М. Семенова. Полковник. В эмиграции в Шанхае, служил в полиции, с марта 1927 г. помощник начальника Отдельного русского отряда Шанхайского волонтерского корпуса, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, помощник командира и с 19 апреля 1927 г. до 9 февраля 1933 г. командир полка (майор). Умер 6 октября 1935 г. в Шанхае.

¹³⁹ **Лобанов Иван Семенович (Степанович)**. В белых войсках Восточного фронта. Подполковник. В эмиграции в Китае (Шанхай), с 1927 г. в Шанхайском Русском полку (капитан, командир роты), к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. В июне 1946 г. арестован китайскими властями, затем освобожден и выехал в Австралию. Умер 26 июня 1960 г. в Сиднее.

¹⁴⁰ **Барон Жирар де Сукантон Лев Львович**, р. в 1886 г. Сын генерал-майора. В службе с 1905 г., офицером с 1907 г. Лейтенант (в отставке с 1916—1917 гг. старшим лейтенантом). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. командир Ижевского конного полка. Полковник. В эмиграции в Шанхае, с 1928 г. в Шанхайском Русском полку, до 28 декабря 1928 г. помощник командира, капитан, затем преподаватель английской гимназии. Умер 8 марта 1934 г. в Харбине.

¹⁴¹ **Савелов Константин Павлович**, р. 29 февраля 1892 г. Морской корпус, Авиационная школа Имп. Всероссийского аэроклуба (1914), Гатчинская авиационная школа (1914). Подпоручик л.-гв. Павловского полка, военный летчик, командир 2-го гвардейского корпусного авиационного отряда. В Вооруженных силах Юга России. Полковник. В эмиграции в Китае, с 1920 г. в Шанхае, с 1928 г. в Шанхайском Русском полку, с 13 октября 1928 г., в 1932 г. командир 3-й роты (капитан). Умер 18—19 апреля 1970 г. в Сан-Франциско (США).

¹⁴² **Баженов Николай Петрович**. Пажеский корпус (1913). Капитан л.-гв. Семеновского полка. В Вооруженных силах Юга России в управлении финансов при главнокомандующем ВСЮР. Капитан. В эмиграции в Шанхае; на 1920 г. в Русско-Азиатском банке, с 1928 г. до 11 марта 1932 г. помощник командира 3-й роты в Шанхайском Русском полку (лейтенант), затем во Франции. Член полкового объединения. Умер 17 марта 1969 г. в Ванкувере.

¹⁴³ **Доманский Николай Иосифович**. Офицер 11-го железнодорожно-го батальона. В белых войсках Восточного фронта во 2-м Сибирском дивизионе бронепоездов. Поручик. В эмиграции в Китае, с 1928 г. в Шанхайском Русском полку (лейтенант).

¹⁴⁴ **Ярон Александр Иванович**, р. в 1874 г. 3-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1892), Николаевская инженерная академия (1899). Полковник морской строительной части в Либаве. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. командир Владивостокского пор-

та, с июня 1921 г. на Сибирской флотилии. При эвакуации в 1922 г. остался в Шанхае. В эмиграции в Китае, архитектор. Умер 18 февраля 1935 г. в Шанхае.

¹⁴⁵ **Ленков Александр Никитич**, р. 22 февраля 1896 г. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. в офицерской организации в Кургане, участник восстания, с июня 1918 г. в Курганском добровольческом отряде, начальник конного отряда, затем ротмистр. Летом 1919 г. командир конного дивизиона в Южной армии Восточного фронта; в 1919—1920 гг. в Отдельном конно-егерском дивизионе, затем командир кавалерийского полка в Сибирской армии. Подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода, весной — в декабре 1921 г. в Сводно-Сибирском кавалерийском полку. Участник Хабаровского похода. Полковник (с февраля 1920 г.). В эмиграции в Китае, в 1924—1928 гг. в отряде генерала Нечаева в армии Чжан Цзолина, затем в Тяньцзине и Шанхае, до 1936 г. в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. К августу 1952 г. в лагере на о. Тубабао, в августе 1952 г. вывезен в Чили, затем в США, член КИАФ. Умер 23 февраля 1975 г. в Сан-Франциско.

¹⁴⁶ **Соколов Михаил Михайлович**, р. 5 сентября 1885 г. Николаевское кавалерийское училище (1906). Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Георгиевский кавалер. В апреле 1918 г. в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода; на 1920 г. генерал для поручений при атамане Г.М. Семенове, затем председатель военно-следственной комиссии Дальневосточной армии. Генерал-майор. В эмиграции в Шанхае, до 31 июля 1932 г. в Шанхайском Русском полку (капитан, командир 4-й роты), к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае. После 1949 г. — в США, в 1963 г. председатель 5-го отдела Гвардейского объединения в Сан-Франциско. Умер 6 августа 1965 г. в Сан-Франциско.

¹⁴⁷ **Черносвитов Рафаил Александрович**. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в сентябре 1922 г. командир Камского батальона. В эмиграции в Шанхае, к 1932 г. в Шанхайском Русском полку (лейтенант). После 1949 г. в Австралии, член РМО. Умер 5 июля 1969 г. в Сиднее (Австралия).

¹⁴⁸ **Киборт Иннокентий Владимирович**. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 в 1-м Енисейском казачьем полку, в 1920 г. сотник 2-го Енисейского казачьего полка Отдельной Енисейской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода, ординарец при штабе 3-й армии; в ноябре 1920 г. командир сотни Енисейского казачьего полка Сводно-казачьей дивизии. В эмиграции в Шанхае. Служил в Русском отряде во Французской концессии (с 1932 г. лейтенант), с июля 1944 г. в Шанхайском Русском полку.

¹⁴⁹ Автор этих воспоминаний, сын русского офицера Виктор Алексеев (р. в 1923 г.), с 1937 г. служил в Шанхайском Русском полку.

¹⁵⁰ Впервые опубликовано: Русская Жизнь. 2.09.1995.

¹⁵¹ Впервые опубликовано: Офицерское Собрание в Шанхае. Шанхай, 1941.

¹⁵² **Афанасьев Михаил Иванович**, р. 2 ноября 1883 г. Из дворян ВВД, казак ст. Ермаковской. Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1904), Военно-юридическая академия (1912). Офицер 5-й Донской казачьей батареи. Подполковник, кандидат на военно-судебные дол-

жности Виленского военно-окружного суда. В белых войсках Восточного фронта; помощник Походного атамана Отдельной Восточно-Сибирской армии, с 4 января 1919 г. генерал-майор, с 15 мая 1919 г. начальник управления дальневосточных казачьих войск, с 27 декабря 1919 г. главный начальник снабжений войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа, с января 1920 г. помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа Г.М. Семенова по военной части. 9 апреля 1920 г. орден Св. Владимира III ст., с 9 апреля 1920 г. начальник штаба Походного атамана при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Китае, с 1923 г. в Шанхае, атаман сводной Донской станицы, управляющий делами Совета объединенных русских организаций, в 1926—1927 гг. председатель распорядительного комитета Офицерского собрания. Умер 17 октября 1937 г. в Шанхае.

¹⁵³ **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. в 1883 г. Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь (в январе 1918 г. через Москву или в марте 1918 г. с отрядом через степи на Волгу). В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 6 января 1919 г. генерал-майор, 23 мая — 12 августа 1919 г. также и военный министр. 9 августа — 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская Мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае.

¹⁵⁴ **Хрущов Александр Михайлович**, р. 31 октября 1885 г. в Радзивилове Вольнской губ. Ярославский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906). Подполковник 11-го драгунского полка. В белых войсках Северного фронта; до 17 июня 1919 г. при штабе главнокомандующего войсками Северной области. В белых войсках Восточного фронта в Уфимской стрелковой дивизии и 1-й кавалерийской дивизии, командир Томского гусарского полка, 2-й бригады Маньчжурской конной дивизии, Сводно-Конной бригады, осенью 1921 г. командир Сводно-Конного полка, летом 1922 г. командир 1-го кавалерийского полка, в сентябре 1922 г. командир Московского конного полка. Генерал-майор. В эмиграции в Шанхае, служил в муниципальной полиции, учредитель Шанхайского офицерского собрания, затем в США. Умер 13 июня 1976 г. в Сан-Франциско.

¹⁵⁵ **Гафнер Леонид Альфонсович**, р. 17 января 1865 г. Аккерманская прогимназия (1884), Одесское пехотное юнкерское училище (1890). Полковник 331-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; и. д. генерала для поручений при командующем Южной армией. Участник Сибирского Ледяного похода, в апреле—августе 1920 г. дежурный генерал штаба войск Российской восточной окраины, затем и. д. начальника штаба 3-й отдельной стрелковой бригады. 15—27 декабря 1921 г. начальник шта-

ба Гродековской группы войск, с 23 марта 1922 г. генерал для поручений при командире 2-го стрелкового корпуса. Генерал-майор (11 июля 1919 г.). В эмиграции в Китае, член Офицерского собрания в Шанхае. Умер в 1934 г. в Шанхае.

¹⁵⁶ **Тимирев Сергей Николаевич**, р. в 1875 г. Морской корпус (1895). Офицер Гвардейского Экипажа. Контр-адмирал, начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с 3 мая 1918 г. во Владивостоке, с 23 ноября 1918 г. по 15 августа 1919 г. помощник Верховного главнокомандующего по морской части, с ноября 1918 г. — весной 1919 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. В эмиграции в Китае (Гонконг, Шанхай), 29 октября 1920 г. переехал из Шанхая в Сайгон, агент Добровольного флота, затем капитан торгового флота в Шанхае, с 1924 г. по июнь 1932 г. председатель Русского союза моряков торгового флота в Шанхае, к 1930 г. член объединения Гвардейского Экипажа. Умер 31 мая (13 июня) 1932 г. в Шанхае.

¹⁵⁷ **Крашенинников Петр Ильич**, р. в 1800 г. Морской корпус (1900). Капитан 2-го ранга Сибирской флотилии. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии, начальник штаба той же флотилии. Капитан 1-го ранга. В эмиграции в Китае, с 1936 г. по 18 июня 1946 г. почетный член, в 1936—1939 гг. председатель, в 1946—1948 гг. почетный председатель Кают-компании, учредитель и почетный член Офицерского собрания в Шанхае. После 1945 г. — в Австралии. Умер 29 июня 1952 г. в Сиднее (Австралия).

¹⁵⁸ **Вальтер Ричард-Кирилл Францевич**, р. 15 октября 1870 г. Образование: Александровский кадетский корпус (1888), Николаевское инженерное училище (1890), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, командир 42-го армейского корпуса, начальник штаба Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, с 9 января 1922 г., на 1929 г. председатель Союза военнослужащих (Союза служивших в Российской армии и флоте) в Шанхае, служил на почте и в муниципалитете. Умер в январе 1945 г. в Шанхае.

¹⁵⁹ **Доможиров Анатолий Григорьевич**. Гимназия, Казанское военное училище (1911). Георгиевский кавалер. Штабс-капитан, адъютант 43-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. помощник командира 1-го Степного Сибирского стрелкового полка, командир Уральского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода, затем заместитель и начальник штаба Отдельной стрелковой бригады. Участник выступления 30—31 марта и 25—26 мая 1921 г. во Владивостоке и Хабаровского похода, в 1922 г. командир отряда 1-й стрелковой бригады земской рати. Подковник. В эмиграции в Корее, затем в Китае (Шанхай), служил в Шанхайском Русском полку (лейтенант). Умер 20 декабря 1955 г. в Брисбене (Австралия).

¹⁶⁰ **Быховский Юрий Владимирович**. Поручик, летчик. В белых войсках Восточного фронта; из Франции, в 1919 г. в Спасской авиационной школе. Штабс-капитан. В эмиграции в Китае, субинспектор шанхайской муниципальной полиции. Умер в 1932 г. в Шанхае.

¹⁶¹ **Клюшкин Александр Федорович.** Подпоручик 3-й Заамурской артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта в отряде генерала Бичерахова, затем в Отдельной Уральской армии и на Каспийской флотилии, затем на Сибирской флотилии. После эвакуации Приморья в 1922 г. пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, с 1926 г. член Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁶² **Шаравьев Дмитрий Иванович.** В белых войсках Восточного фронта; окончил 1-е Омское артиллерийское училище. Подпоручик артиллерийской части Дальневосточной армии. В эмиграции в Китае, к 1935 г. хозяин Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁶³ **Шредерс Николай Николаевич.** Офицер 44-й артиллерийской бригады и Ассирийского отдельного горного артдивизиона. В белых войсках Восточного фронта в 1-м артиллерийском училище Дальневосточной армии. Штабс-капитан. В эмиграции в Китае, в 1931—1941 гг. член Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁶⁴ **Ханжин Михаил Васильевич,** р. 17 октября 1871 г. в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловская артиллерийская академия (1899), Офицерская артиллерийская школа (1903). Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. участник восстания на Урале. С 8 июля по 24 декабря 1918 г. командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, с 1 января (25 декабря 1918 г.) по 20 июня 1919 г. командующий Западной армией, с 6 октября 1919 г. по январь 1920 г. военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае; начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР, до 1956 г. в лагерях. Умер 14 декабря 1961 г. в Дамбале.

¹⁶⁵ **Жуков Гервасий Петрович,** р. 6 октября 1861 г. в ст. Карагайской Оренбургской губ. Из дворян Оренбургского казачьего войска, ст. Магнитной, сын офицера. Оренбургская Неплюевская военная гимназия (1880), Александровское военное училище (1882). Генерал-майор, командир 3-го Оренбургского казачьего полка, командир бригады, начальник 12-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; летом—осенью 1918 г. в резерве Оренбургского офицерского батальона, с 2 декабря 1918 г. командующий Актюбинской группой Оренбургской армии, с 8 октября 1918 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса, с 1 июня 1919 г. главный начальник Оренбургского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Умер в 1940 г. в Шанхае.

¹⁶⁶ **Хорват Дмитрий Леонидович,** р. 25 июля 1858 г. Николаевское инженерное училище (1878). Офицер л.-гв. Саперного батальона. Генерал-лейтенант, управляющий и глава военной администрации КВЖД. В белых войсках Восточного фронта; с 10 июля по 14 ноября 1918 г. возглавлял «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке. Временный Верховный правитель России. С 28 октября 1918 г. по 18 августа 1919 г. верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, с 11 мая по 18 июля

1919 г. командующий войсками Приамурского военного округа, с 15 июля 1919 г. также сенатор и главноначальствующий над русскими учреждениями в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги. Генерал от инфантерии. В эмиграции в Китае. Умер 16 мая 1937 г. в Пекине.

¹⁶⁷ **Дронников Николай Григорьевич.** Офицер 28-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта в 4-й Сибирской артиллерийской бригаде, затем в приемной артиллерийской комиссии в США. Полковник. В эмиграции в Китае, в 1934—1935 гг. председатель распорядительного комитета Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁶⁸ **Акинтиевский Константин Константинович,** р. 14 октября 1884 г. в Черниговской губ. Орловский кадетский корпус (1902), Константиновское артиллерийское училище (1905), академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. запасной пешей батареи и 16-й конно-артиллерийской батареи. Полковник, начальник штаба 1-го гвардейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 1 июня по 17 июля 1919 г. и. о. начальника походного штаба ВГК, с 17 июля по 12 ноября 1919 г. начальник штаба 2-й армии, затем генерал-квартирмейстер Дальневосточной армии, с 12 февраля 1920 г. помощник начальника штаба армии, с 3 мая по 28 июля 1920 г. начальник штаба той же армии. Генерал-майор (1 сентября 1919 г.). В эмиграции в Китае, на 8 января 1922 г. в Харбине, член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, в 1936—1941 гг. в Шанхае, в 1936—1937 гг. председатель распорядительного комитета Офицерского собрания в Шанхае; затем в США, член ОМФ. Умер 17 (19) марта 1962 г. в Нью-Йорке.

¹⁶⁹ **Зимин Василий Васильевич,** р. 14 февраля 1874 г. Иркутская военная прогимназия, Иркутское пехотное юнкерское училище (1897). Офицер 1-го Забайкальского пластунского батальона. Есаул (1909—1914 гг.) 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. первый выборный атаман Забайкальского казачьего войска. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, член Офицерского собрания в Шанхае. Умер 27 сентября 1942 г. в Шанхае.

¹⁷⁰ **Егиков Константин Лазаревич.** Капитан Владивостокской крепостной артиллерии. В армянской армии, начальник Карсской крепостной артиллерии. Генерал. В эмиграции в Китае, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁷¹ **Цепушелов Александр Ильич,** р. в 1881 г. В службе с 1899 г. Киевское пехотное юнкерское училище (1901), Восточный институт (1911). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 г. по январь 1920 г. начальник военно-статистического отделения штаба Приамурского военного округа. В эмиграции с 1922 г. в Шанхае (с 1923 г. во французской муниципальной полиции), к 1941 г. член Офицерского собрания, с 1949 г. на Филиппинах, с 1950 г. в США. Умер 14 августа 1960 г. в Лос-Анджелесе (США).

¹⁷² **Арнольд Валентин Эрнестович (2-й),** р. 18 августа 1889 г. (8 мая 1890 г.) в Петрограде. Тверское кавалерийское училище (1910). Поручик 1-го уланского полка. В белых войсках Восточного фронта в конных частях в Сибирской армии; в 1920 г. окончил академию Генштаба, начальник штаба

Азиатской конной дивизии. Штабс-капитан. В эмиграции в Китае, к 1941 г. в Шанхае. После 1949 г. — в США. Член Общества Ветеранов. Сотрудник журнала «Военная Быль». Ротмистр. Умер 21 февраля 1969 г. в Сан-Франциско (США).

¹⁷³ **Гинтер Сергей Анатольевич.** Офицер автобронечастей Юго-Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта в автобронечастях Сибирской армии. Штабс-капитан. В эмиграции в Шанхае, к 1941 г. почетный хозяин Офицерского собрания.

¹⁷⁴ **Фомин Борис Поликарпович.** Академия Генштаба. Офицер 18-го пехотного полка. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; начальник оперативного отдела штаба Дальневосточной армии. В эмиграции в Китае, к 1936 г. секретарь Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁷⁵ **Сурин Виктор Ильич,** р. 14 декабря 1888 г. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г. Академия Генштаба. Генерал-майор, начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 2-й армии. В белых войсках Восточного фронта; преподаватель академии Генштаба, с 16 августа 1918 г. главный начальник снабжений, с 13 сентября 1918 г. помощник управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 4 ноября 1918 г. помощник военного министра по снабжению и технической части, с 21 ноября по декабрь 1918 г. и. д. военного министра, с 5 июня 1919 г. главный начальник снабжений действующих армий с оставлением в должностях помощника военного министра и штатного преподавателя Военной академии. Участник Сибирского Ледяного похода; с 17 июня 1920 г. в резерве чинов Временного правительства Дальнего Востока. Генерал-лейтенант (с 15 июня 1919 г.). С 1 сентября 1920 г. в отставке. В эмиграции в США. Умер 5 января 1985 г. в Сан-Франциско.

¹⁷⁶ **Смолин Иннокентий Семенович,** р. в 1881 г. Иркутское военное училище (1905). Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туриинска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 г. полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, на 9 мая 1919 г. командир 3-го Степного армейского корпуса, с 8 июля 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с 27 января 1920 г. генерал-майор, командующий Южной группой войск, на 16 июня 1920 г. начальник Омской стрелковой бригады, с 23 августа 1920 г. командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 г. также начальник гарнизона Никольск-Уссурийского, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Орден Св. Владимира III ст. Орден Св. Георгия IV ст., французский крест с пальмовой веткой. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае и США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 марта 1973 г. в Папеезе (Таити).

¹⁷⁷ **Веденягин Петр Александрович,** р. в 1885 г. Пажеский корпус (1903). Полковник л.-гв. Преображенского полка, командующий л.-гв. Измайловским полком. Член Алексеевской организации; с августа 1917 г. в офи-

церской организации в Петрограде. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. начальник штаба генерала Алексеева в Новочеркасске, в ноябре 1917 г. представитель армии в Минеральных Водах. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, в мае 1918 г. представитель армии на Терекке, на 6 ноября — 6 декабря 1918 г. член главного комитета Общества Белого Креста. В эмиграции в Китае, на 1920 г. в Тяньцзине, с сентября 1926 г. член правления отделения Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Тяньцзине, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в Парагвае. Умер после 1960 г. в Аргентине (убит).

¹⁷⁸ **Клуге Константин Иванович**, офицер 304-го пехотного полка. Генштаба полковник. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; начальник штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии. В эмиграции в Китае, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в США. Умер 21 ноября 1960 г. в Сан-Франциско (США).

¹⁷⁹ **Косьмин Владимир Дмитриевич**, р. 5 июля 1884 г. в Курской губ. Сын учителя. Курская духовная семинария (1902), Чугуевское пехотное юнкерское училище (1904), академия Генштаба (1911). Офицер 218-го пехотного полка. Подполковник, начальник штаба 113-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 2—3 августа 1918 г. начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии (потом 6-я Уральская горных стрелков), с 31 марта 1919 г. полковник; весной 1919 г. начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с 3 августа по 15 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. С 8 июля 1920 г. начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и Походного атамана всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 30 июля 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба Дальневосточной армии. Орден Св. Георгия III ст. (12 сентября 1919 г.). Генерал-майор (с августа 1919 г.). В эмиграции в Китае, в 1921—1923 гг. в Харбине. Член правления Восточного Казачьего союза, к 1933 г. в Харбине, до 1941 г. в Шанхае, глава Российской фашистской партии. После 1949 г. — в Австралии. Умер 25 апреля 1950 г. в Сиднее.

¹⁸⁰ **Оганезов Сергей Михайлович (Огонезов)**, р. в 1885 г. Михайловское артиллерийское училище. Капитан артиллерии. В белых войсках Восточного фронта. В эмиграции в Китае, редактор газеты «День» и директор типографии New Modern Press в Шанхае. В 1945—1949 и 1951—1957 гг. находился в заключении. Умер в 1957 г. в тюрьме в Циндао.

¹⁸¹ **Грамотин Александр Александрович**, р. в 1895 г. в Кубанской обл. Офицер Собственного Е.И.В. конвоя. В Добровольческой армии в Кубанском гвардейском дивизионе, с весны 1918 г. в Отряде особого назначения по охране лиц Императорской фамилии в Крыму, с января 1919 г. в белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. в распоряжении следователя Соколова при расследовании дела об убийстве Императорской семьи. Есаул. В эмиграции в Харбине, на 8 января 1922 г. член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, затем в Европе и США. Член Общества Ветеранов. Умер 22 ноября 1967 г. в Сан-Франциско.

¹⁸² Карлсон Георгий Александрович, р. в 1889 г. Офицер с 1915 г. Прапорщик по адмиралтейству. В белых войсках Восточного фронта. Лейтенант. В эмиграции в Китае, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁸³ Грудин Иван Сергеевич. Офицер Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. в 1-й отдельной Сибирской стрелковой бригаде. Поручик. В эмиграции в Китае, к 1941 г. заведующий библиотекой Офицерского собрания в Шанхае.

¹⁸⁴ Сосье Сергей Николаевич, р. в 1900 г. Сын офицера. Кадет Ташкентского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта в Егерском батальоне на Русском острове. Подпоручик. Георгиевский крест IV ст. В эмиграции в Китае, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае, после 1949 г. — в США. Умер 18 февраля 1996 г. в Сан-Франциско.

¹⁸⁵ Автор этого раздела — капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин.

¹⁸⁶ Бурлин Петр Гаврилович, р. 30 июля 1879 г. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1901), академия Генштаба (1914). Офицер 2-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, старший адъютант штаба 3-й армии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерской организации во Владивостоке, с 10 июля 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба военно-сухопутных сил Приморской области, врид начальника штаба командующего и начальник этапно-хозяйственного отдела, с 2 августа 1918 г. заместитель председателя военного совещания при штабе командующего, затем в распоряжении штаба ВГК, с 28 января 1919 г. и. д. помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего, в апреле 1919 г. врио начальника того же штаба, в августе 1919 г. начальник канцелярии управляющего военным ведомством, с 1 октября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта. Генерал-майор (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции в Китае (Ханькоу), с 1930 г. советник при Генеральном штабе китайской армии, с 1932 г. профессор военной академии, с 1948 г. на Тайване, затем в Австралии. Умер 10 февраля 1954 г. в Сиднее.

¹⁸⁷ Суворин Борис Алексеевич, р. 24 декабря 1879 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян. Журналист. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, писарь в штабе армии, издатель «Полевого листка Добровольческой Армии». В 1918 г. возобновил при армии издание «Нового времени», летом 1920 г. выехал во Францию с поручением генерала Врангеля. В 1924 г. возродил газету «Вечернее время», с 1926 г. на Дальнем Востоке, редактор газет «Шанхайская заря» и «Время», затем вернулся во Францию, с 1938 г. в Югославию. Умер 18 января 1940 г. в Белграде.

¹⁸⁸ Автор этой заметки — полковник А.Г. Доможиров.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

А. Загорский. К истории атамана А.И. Дутова	11
С. Рождественский. Гибель атамана Дутова	19
Д. Кочнев. Шанхай, Булугун—Эмиль, Красногорск и Оренбург	29

Раздел 2

А. Макеев. Бог войны барон Унгерн	34
В. Шайдицкий. Генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг фон Пилькау	102
В. Шайдицкий. Отдельная Азиатская конная дивизия	105
С. Хитун. В военном сумбуре	120

Раздел 3

В. Шайдицкий. Русское военное училище в Китае	134
Б. Уваров. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925—1928 гг.)	138
Д. Жемчужин. История Харбинского кружка морских офицеров	148
Е. Красноусов. Шанхайский Русский полк	160
В. Алексеев. Шанхайский Русский полк	373
Краткий обзор жизни и развития Офицерского собрания в Шанхае	376
Комментарии	397

Научно-просветительное издание

**БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В КИТАЕ И МОНГОЛИИ**

**Составление, научная редакция, предисловие и комментарии
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова**

Ответственные редакторы *В.А. Благово, С.А. Сапожников*

Редактор *Е.А. Волкова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *О.А. Левина, Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.2005.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27.

Уч.-изд. л. 28,79 + 1 альбом = 29,31

Тираж 3 000 экз. Заказ № 166

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

ГУП Московская типография № 2
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

